

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 21

НОВАЯ АЗБУКА
И
РУССКИЕ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Полное собрание сочинений. Том 21. Новая азбука и русские книги для чтения //Художественная литература, Москва, 1957
FB2: "Lion ", 14.12.2014, version 1.1
UUID: 9d8a7da8-dc54-4e97-8ded-bf17e2d4663d
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 21. Новая азбука и
русские книги для чтения**
(Толстой, Лев Николаевич. Полное собрание
сочинений в 90 томах (1928-1958) #21)

Содержание

#1	0004
Предисловие к электронному изданию	0005
#1	0005
Лев Николаевич Толстой Полное собрание сочинений Том 21 Новая азбука и русские книги для чтения	0007
#1	0007
НОВАЯ АЗБУКА И РУССКИЕ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ	0007
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ НЕЗАКОНЧЕННОЕ И НЕОТДЕЛАННОЕ	0660
ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ	0860
КОММЕНТАРИИ	1133
СОДЕРЖАНИЕ	1526
ИЛЛЮСТРАЦИИ	1530

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта «Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АВВУУ

Подготовлено на основе электронной копии 21-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной Российской государственной библиотекой

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, сообщите нам на report.tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером — компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца — второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой
в один клик»
Фекла Толстая*

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений
Том 21
Новая азбука и русские
книги для чтения

Государственное издательство
«Художественная литература»

Москва — 1957

Перепечатка разрешается безвозмездно

НОВАЯ АЗБУКА
И
РУССКИЕ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ
(1874–1875)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
| В. С. СПИРИДОНОВА | и В. С. МИШИНА

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

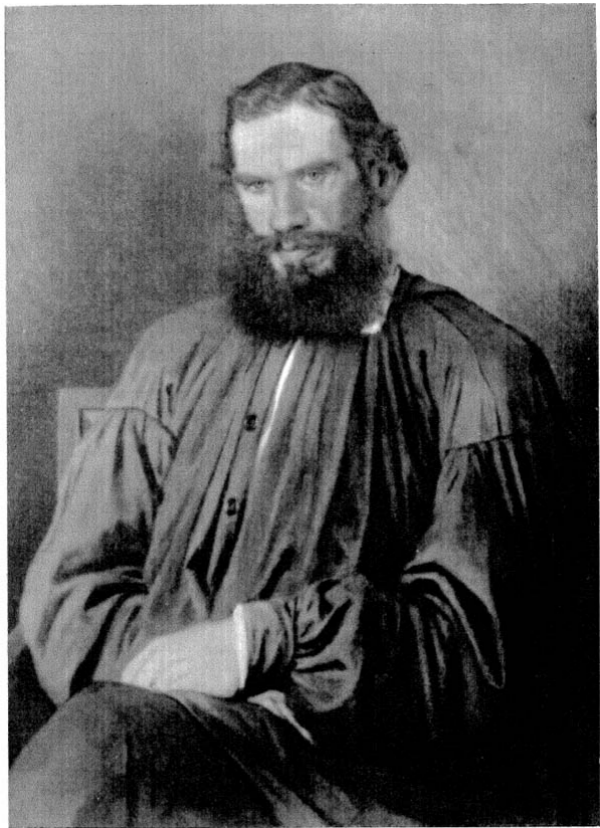
ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

21

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957



Л. Н. Толстой. 1873

Художник И. Н. Крамской

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМУ И ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ ТОМАМ

Л. Н. Толстой был не только гениальным писателем, непревзойденным мастером художественного слова, но и выдающимся педагогом.

Одной из важнейших задач своей жизни Л. Н. Толстой считал образование всего народа.

«Я хочу образования для народа, — писал Толстой, — только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе».[1]

Этим и объясняется то большое значение, которое придавал Толстой своей педагогической деятельности.

«Вы знаете, что такое была для меня школа с тех пор, как я открыл ее, это была вся моя жизнь», — писал Толстой в своем письме к А. А. Толстой 7 августа 1862 года.[2]

Это же стремление служить всемерно на-

роду руководило Толстым в его работе над «Азбукой». Он связывал с «Азбукой» большие надежды, считая ее создание своим вкладом в великое дело просвещения народа. «Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке будут учиться два поколения русских всех детей от царских до мужицких и первые впечатления поэтические получают из нее, и что, написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть».[3]

«Цель книги, — писал Толстой об «Азбуке», — служить руководством при обучении чтению, письму, грамматике, славянскому языку и арифметике для русских учеников всех возрастов и сословий и представить ряд хороших статей, написанных хорошим языком».[4]

«Азбука», созданная Толстым, явилась результатом многих лет его экспериментально-педагогического труда в народной школе. Вместе с тем «Азбука» свидетельствует о напряженных научно-педагогических и методических исканиях Толстого в решении вопроса, чему и как учить детей.

В 60–70-е годы уровень учебной литерату-

ры для начальной школы был еще очень не высок. Занимаясь как учитель в 60-е годы в созданной им Яснополянской школе, Толстой столкнулся с почти полным отсутствием книг и пособий, пригодных для народных сельских школ.

Критически оценивая современную ему учебную и детскую литературу, Толстой считал основным ее недостатком оторванность от народа, его нужд и образа жизни. В своей статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования», помещенной в издаваемом им в 1862 году педагогическом журнале «Ясная Поляна», Толстой резко критиковал опубликованный Комитетом грамотности рекомендательный список книг для народных школ. В этой статье он указывал, что написанные для детей книги дают им «мнимые знания», далекие от науки. Эти знания, с его точки зрения, настолько малы и ограничены, а само содержание книг настолько плохо, что они являются скорее вредными, чем полезными.

В своих педагогических статьях 60-х годов, опубликованных в журнале «Ясная Поляна»,

Толстой указал на отсутствие такой литературы, которая дала бы возможность приобщить детей к народному языку, а через него, через язык сказок, пословиц и песен, к литературному языку. Существовавшую литературу, адресованную школам и народу, Толстой считал не народной.

«Одни — просто плохие сочинения, написанные плохим литературным языком и не находящие читателей в обыкновенной публике, а потому посвященные народу; другие — еще более плохие сочинения, написанные каким-то не русским, а вновь изобретенным, будто народным, языком... третьи — переделки с иностранных, назначенных для народа, но не народных книг».[5]

Наиболее понятными для народа и близкими его вкусу Толстой считал книги, написанные не для народа, а вышедшие из самых народных недр, как то: сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок. Толстой подчеркивал, что «нельзя поверить, не испытав этого, с какою постоянной новой охотой читаются все без исключения подобного рода книги — даже «Сказания русского народа»,

былины и песенники, пословицы Снегирева, летописи и все без исключения памятники древней литературы».

«Я заметил, — пишет Толстой, — что дети имеют более охоты, чем взрослые, к чтению такого рода книг; они перечитывают их по нескольку раз, заучивают наизусть, с наслаждением уносят на дом и в играх и разговорах дают друг другу прозвища из древних былин и песен».[6]

В период своей педагогической деятельности в Яснополянской школе в 1862 году Толстой впервые вплотную подошел к созданию литературы для детей школьного возраста. С этой целью он стал издавать как приложение к журналу «Ясная Поляна» книжки для детей. В мартовской книжке журнала «Ясная Поляна» к заглавию «Сочинения крестьянских детей» сделано следующее подстрочное примечание: «С настоящей книжки мы начинаем новый отдел — сочинения учеников. По нашим опытам такого рода сочинения читаются весьма охотно. Сочинения эти иногда вовсе не поправлены, иногда с небольшими исправлениями орфографических ошибок».[7]

К составлению книжек для чтения Толстым были привлечены ученики Яснополянской школы (В. Морозов, И. Макаров, Е. Чернов, В. Румянцев, Соколов и др.), учителя школ Крапивенского уезда Тульской губернии, работавшие под руководством Толстого, а также некоторые писатели (Глеб и Николай Успенские, А. С. Суворин и др.).

Яснополянская школа, как указывает один из современников — С. Протопопов, стоящая в центре «педагогического улья» двадцати трех сельских школ, созданных Толстым в Крапивенском уезде Тульской губернии, явилась своеобразной литературно-педагогической лабораторией, «питомником народных поэтов и писателей».[8] Здесь под руководством Л. Н. Толстого из сочинений учащихся создавались такие произведения, как «Ложкой кормит, а стеблем глаз колет», «Солдаткино житье» и др. Учителя и ученики участвовали также в собирании произведений устного народного творчества в деревнях Крапивенского уезда Тульской губернии (Ломинцеве, Колпне, Крыльцове, Ясенках, Бабурине). Собранные сказки были потом изданы специ-

альным сборником («Народные сказки, собранные сельскими учителями», Москва, 1863). Написанные учениками рассказы читались детям. Мнение детей о книгах являлось для писателя критерием доступности и пригодности их для детского чтения. Тринадцать произведений (из тридцати шести, не считая загадок), напечатанных в журнале «Ясная Поляна», были написаны крестьянскими детьми. Впервые в истории публиковались в печати незатейливые, но глубоко поэтические произведения детей простого народа.

Высокую оценку художественной стороне книг для чтения (приложения к журналу «Ясная Поляна») дал Н. Г. Чернышевский: «Лучшая часть «Ясной Поляны», — писал он, — издающиеся при ней маленькие книжки для простонародного чтения, и хороша в них собственно та сторона, для выполнения которой не нужно иметь и убеждений в мыслях, а достаточно иметь некоторую личную опытность и некоторый талант: хорошо в них изложение. Оно совершенно просто; язык безыскусствен и понятен».[9]

Деятельность Толстого среди народа, а

главным образом повседневное общение с крестьянами и их детьми, изучение их быта, наблюдение за их жизнью, трудом, за детскими играми и забавами, за их речью — все это дало писателю возможность накопить богатейший материал для детских рассказов.

Педагогическая деятельность Л. Н. Толстого в 60-е годы (его занятия в Яснополянской школе в качестве учителя, издание педагогического журнала «Ясная Поляна» с приложением книжек для чтения, методический опыт и эксперименты в процессе преподавания, изучение педагогической литературы и учебников) была предпосылкой к созданию им в 70-х годах замечательных учебников для народных школ («Азбуки», «Новой азбуки», «Книг для чтения» и «Арифметики»). Опыт преподавания привел Толстого в 1862 году к выводу, что так называемая слуховая «метода, состоящая в том, чтобы выучивать буквы, называя их *бе, ве, ге, ме, ле, се, фе* и т. д., и потом складывать на слух, откидывая ненужную гласную *е*, и наоборот, представляет тоже свои выгоды и невыгоды».[10]

Чтение механическое, по мысли Толстого,

«составляет часть преподавания языка». Задача же преподавания языка состоит «в руководстве учеников к пониманию содержания книг, написанных литературным языком». Приобщая детей к народному творчеству: сказкам, былинам, песням, пословицам, загадкам, Толстой исходил из того, что «для того, чтобы дети выучились читать, им надо было полюбить чтение, а для того чтобы полюбить чтение, нужно было, чтобы читанное было понятно и занимательно»[11], то есть близкое, понятное детям, подлинно народное.

В практике Яснополянской школы «писание, — как указывает Толстой, — велось следующим образом: ученики выучивались одновременно узнавать и чертить буквы, складывать и писать слова, понимать прочитанное и писать... Тут и чтение, и выговор, и писанье, и грамматика».[12]

В процессе преподавания Толстой установил, что грамматика для учеников скучна и они на уроках ее не проявляют интереса. С целью привлечения внимания и возбуждения интереса к занятиям по грамматике Толстой и учителя, работающие под его руководством,

делали различные попытки сделать это преподавание занимательным, но не достигли цели. Толстой пишет: «Пробовал я в последнее время во втором классе упражнение своего изобретения... Не называя частей речи предложения, я заставлял их писать что-нибудь, иногда задавая предмет, т. е. подлежащее, и вопросами заставляя их расширять предложение, вставляя определения, новые сказуемые, подлежащие, обстоятельства и дополнения. «Волки бегают». Когда? где? как? какие волки бегают? кто еще бегают? бегают и еще что делают?»[13] Однако Толстой убедился в несостоятельности своего «изобретения» на практике. Он пришел к выводу, что «никак не отдает без борьбы человек и ребенок свое живое слово на механическое разложение и уродование. Есть какое-то чувство самосохранения в этом живом слове. Ежели должно ему развиваться, то оно стремится развиваться самостоятельно и сообразно только со всеми жизненными условиями. Только что вы хотите поймать это слово, завинтить его в верстак, обтесать и дать ему нужные, по вашему мнению, украшения, как

это слово, с живою мыслью и содержанием, сжалось, спряталось, и у вас в руках остается одна шелуха, над которой вы можете делать свои ухищрения, не вредя и не принося пользы тому слову, которое вы хотели образовать».[14]

Придя к такому выводу, Толстой решил сосредоточить ознакомление детей с грамматическими правилами в процессе чтения и письма, а не путем последовательного изучения грамматики как самостоятельного предмета школьного преподавания.

Эта точка зрения Толстого определенно отразилась и в его первой «Азбуке», и в «Книгах для чтения», и в общих замечаниях для учителя.

Писание сочинений «из головы» составляло «любимое занятие» учеников Яснополянской школы. Этот вид занятий широко рекомендовал Толстой и в «Азбуке».

«При прохождении каждого отдела необходимо одновременно с чтением упражнять ученика в писании сочинений из головы на заданную тему (лучше всего задавать описания занимательных событий, которых уче-

ник был свидетелем) и в передаче письменно того, что прочел».

Эти указания Толстого учителю в «Азбуке» 1872 года созвучны с практикой Яснополянской школы, описанной им в 1862 году в статьях «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» («Ясная Поляна», 1862). Толстой писал тогда: «В первом классе мы попробовали сочинения на заданные темы. Первые темы, которые самым естественным путем пришли нам в голову, были описания простых предметов, как то: хлеба, избы, дерева и т. д.; но, к крайнему удивлению нашему, требования эти довели учеников почти до слез, и, несмотря на помощь учителя... они решительно отказывались писать на темы такого рода... Мы попробовали, — указывает далее Толстой, — задать описание каких-нибудь событий, и все обрадовались, как будто им сделали подарок. Столь любимое в школах описание так называемых простых предметов: свиньи, горшка, стола оказалось без сравнения труднее, чем целые, из воспоминаний взятые рассказы».[15]

Эта же мысль красной нитью проходит и в

статье Толстого, обобщающей опыт писания сочинений учениками в Яснополянской школе, «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?»[16]

Выводы, сделанные Толстым в вопросе о школьных сочинениях, легли в основу преподавания и остальных предметов. Он считал, что «одна и та же ошибка повторилась при этом, как и во всех других предметах преподавания: учителю кажется легким самое простое и общее, а для ученика только сложное и живое кажется легким. Все учебники естественных наук начинаются с общих законов, учебники языка — с определений, истории — с разделений на периоды, даже геометрия — с определения понятия пространства и математической точки».[17]

Исходя из этого положения, а также на основании опыта преподавания в области истории, Толстой приходит к заключению, которое в дальнейшем сказалось и на «Азбуке» 1872 года. В статье 1862 года «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» Толстой указывал, что «для преподавания истории

необходимо предварительное развитие в детях исторического интереса... Исторический интерес, — по его мнению, — большею частью является после интереса художественного».[18] Так именно строил Л. Н. Толстой свои уроки — рассказы по отечественной истории (о Куликовской битве, Крымской кампании, войне 1812 года и др.). Эти высокохудожественные, яркие рассказы приковывали внимание учеников, возбуждали в них интерес к истории, «народное чувство», то есть чувство любви к своей родине.

Толстой утверждал, «что для ребенка, вообще для учащегося и не начинавшего жить, интереса исторического, т. е. не говоря уже об общечеловеческом, не существует. Есть только интерес художественный». Исходя из этого в школьном преподавании, указывает Толстой, «для того чтобы сделать историю популярною, нужно не внешность художественную, а нужно олицетворять исторические явления, как это делает иногда предание, иногда сама жизнь, иногда великие мыслители и художники».[19]

На подобных же принципах Толстой счи-

тает необходимым строить и преподавание географии. Практический опыт преподавания географии в Яснополянской школе, так же как и опыт преподавания истории, привел его к выводу, что «для изучения географии должен быть возбужден географический интерес. Географический же интерес, по моим наблюдениям и опыту, — пишет Толстой, — возбуждается или знаниями естественных наук, или путешествиями...»[20]

Исходя из этого положения, Толстой ввел в учебный план Яснополянской школы «беседы из естественных наук», широко практиковал демонстрацию опытов, открыл краеведческий музей в школе, устраивал прогулки в лес, в поле, на реку, в сад, также проводил с учениками интересные беседы на географические темы («сведения о флоре, фауне, геологическом строении земли» и т. п.).

Толстой в 60-е годы писал: «У меня есть целый мир знаний математических, естественных, языка и поэзии, передать которые у меня недостает времени, есть бесчисленное количество вопросов из явлений окружающей меня жизни, на которые ученики требуют от-

вета...» Исходя из этого, Толстой решил содержание созданных им учебных пособий построить как хрестоматию, по принципу *элементарной энциклопедии*, которая могла бы ответить на встающие перед учащимися многочисленные вопросы в художественно занимательной форме и в то же время давала бы некоторые знания, которые можно применить учащимся практически в своем быту.

Следует отметить, что одним из неизменных предметов преподавания и воспитания, по мнению Толстого, была так называемая «священная история». Как известно, Л. Н. Толстой высоко ценил поэтические и художественные достоинства некоторых библейских рассказов, придавая им и воспитательное значение, и потому включил их в «Азбуку».

Восстав против принятых образцов учебных книг, а также влияния чуждого русской школе реакционно-формалистического направления немецкой педагогики, Толстой в 70-е годы приступил к осуществлению своей заветной мечты 60-х годов — созданию учебников для народных школ.

Методический опыт Яснополянской шко-

лы лег в основу разработки Толстым своей «Азбуки» для народных школ. Отзыв, данный в 60-е годы Чернышевским по просьбе Л. Н. Толстого журналу «Ясная Поляна» и «Книгам для чтения», был в известной мере учтен великим писателем позднее при создании рассказов для «Азбуки».

Мысль о педагогических проблемах не оставляла Толстого и в самые напряженные годы создания им «Войны и мира». Закончив роман «Война и мир», после небольшого перерыва Толстой приступил к работе над новым романом, из времен Петра I. Параллельно с этим велась писателем работа над «Азбукой».

В сентябре 1868 года Толстой приступил к составлению первого наброска плана «Азбуки» под заглавием «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого 1868 года».[21]

Составлением «Азбуки», куда входили бы и «Книги для чтения», Толстой хотел как бы подвести итог своей практической школьной деятельности, обобщив этим опыт научно-педагогических исканий в области методики постановки преподавания в народной школе.

Первый набросок плана будущей «Азбуки» в Записной книжке 1868 года показывает оригинальность замысла учебной книги для начальной школы.

Составляя «Азбуку», Толстой не отказывался от использования положительного опыта и лучших образцов книг для первоначального чтения, как отечественных, так и зарубежных.

Еще в начале 60-х годов, во время своего путешествия по странам Западной Европы с целью знакомства с народным образованием и постановкой школьного дела, Толстой проявил большой интерес не только к практике школьной работы, но и к теоретическим вопросам педагогики, а также к учебной документации и учебным пособиям. Об этом свидетельствуют переписка и записи в Дневнике во время путешествия. Из переписки Толстого с родными и знакомыми мы узнаем о том исключительном интересе, который он проявляет к изучению научной и учебной литературы, а также и к подбору учебников и книг по педагогическим вопросам для своей библиотеки. О большом интересе к учебной лите-

ратуре свидетельствует также краткий библиографический список английских учебников с заметками Толстого, сохранившийся в его архиве под названием «Заметки об английских учебных книгах для школ».[22] Прочтя более пятидесяти пособий по различным областям знаний, Толстой в особых заметках выразил свое отношение к каждой из прочитанных им книг.

Толстой обоснованно критиковал английские учебные пособия за их абстрактность и отрыв от жизни, за сухость, скучный дидактизм, навязчивое морализирование, «тупоумную религиозность» и т. п. Толстой резко выступил против популяризации некоторыми русскими педагогами и Комитетом грамотности методики преподавания арифметики по способу Грубе, также против бездарных последователей известного швейцарского педагога-демократа Песталоцци. Толстой особенно интересовался отечественными учебниками для школ по родному языку и арифметике («Родное слово» и «Детский мир и хрестоматия» К. Д. Ушинского, «Уроки чтения», «Родной язык как предмет обучения в народной

школе с трехгодичным курсом» Н. Ф. Бунакова, «Методика арифметики» В. А. Евтушевского и др.). Свое отрицательное отношение к существующим учебным пособиям для школ и к руководствам для учителей Л. Н. Толстой очень резко высказал в 60-е годы в статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования»[23] и в 70-е годы в статье «О народном образовании».[24]

В результате огромной творческой теоретической и практической работы Л. Н. Толстым была предложена своеобразная система и методика обучения буквам алфавита. В своих указаниях для учителя в первом наброске плана-конспекта «Первой книги для чтения и азбуки» (1868) Толстой пишет: «По картинкам учитель пройдет сначала все буквы, *читая за ученика*».[25]

Так, первая буква алфавита «Аа» раскрывается Толстым фразой «Арбузы собрали режут». Против этой фразы дан сделанный Толстым (пером от руки) рисунок, изображающий крестьянина, обхватившего арбуз и идущего к телеге, груженной арбузами. Далее идет буква «Бб», а под ней фраза: «Борода у

старика велика». Тут изображен старик с длинной бородой и т. д.[26]. В первом наброске-плане «Азбуки» каждая буква алфавита сопровождается фразой, первое слово в которой начинается с той же буквы. Буква и фраза иллюстрируются сюжетной картинкой, изображающей действие («Арбузы собрали режут», «Грибы нашли», «Играют дети» и т. д.). Этот методический прием претерпел в дальнейшем изменения. Проверив его на практике в начале 70-х годов в Яснополянской школе, Толстой убедился в том, что разглядывание и угадывание учеником иллюстраций к каждой букве и неумение прочесть текст к ним отвлекает и усложняет запоминание основного на этом первом этапе — букв алфавита («Знание букв»). Подготавливая «Азбуку», Толстой заменил сюжетные иллюстрации изображением предметов, названия которых начинались с изучаемой буквы (тексты под буквами были сняты). Переходя к следующему этапу, к складыванию букв в слоги, в своих указаниях для учителя Толстой пишет: «выучив буквы, учитель заставляет ученика складывать без книги — на слух следующим

образом. — Учитель говорит: б-а — ба в-а — ва г-а — га д-а — да и т. д., ученик повторяет за ним... На слух надо учить сначала быстро, потом медленно. Когда ученик без книги свободно складывает, то учитель предлагает ему «складать по книге».[27]

При переходе к чтению слогов Толстой предлагает ряд небольших законченных в смысловом отношении фраз-рассказов, воспроизводящих в сознании учащихся целые жизненно-бытовые картины с иллюстрацией этих эпизодов, как, например, небольшие фразы: «Рыба ушла», или: «Пара спать уж все легли пора» и пр. Вслед за ними идут рассказы уже в несколько фраз: «Дети ушли из дома пришли к реке и сели на лодку. Они долго плыли по воде и было тихо. Вдруг стала буря и лодка пошла ко дну. Беда дети как нам быть. — Бог их спас. Пришли люди на реку и их взяли с лодки на землю». После прочтения этого рассказа, как указывает Толстой, «когда... ученик будет свободно соединять двух-сложные слова, он может читать следующее: «Был адин мальчик ево звали Ваня...»[28] Этот небольшой иллюстрированный рассказ

из крестьянского быта про Ваню и щенка Буяна был весьма понятен и доходчив по своему содержанию для детей. По своему построению он отличается динамичностью передачи интересных бытовых сюжетов, связанных одной идеей о верности друга человека — собаки. Этот первый рассказ, составленный Толстым для «Азбуки», явился прообразом многочисленных рассказов, которые были включены им в «Азбуку» 1872 года.

Далее Толстой рекомендует учителю указать «ученику значение й. Прикладывай только к гласным: ей, ий, ай, ой, уй, яй, юй, и потом к словам: стой, вой, большой, твой, и прочтет с ним следующее: Сказка с й». На этом обрывается набросок «Азбуки и первой книги для чтения» Толстого,[29] по которому можно судить о начале большой работы писателя над «Азбукой». Творческая мысль Толстого, нашедшая свое отражение в первом фрагменте «Азбуки», была им развита в самой «Азбуке» и в «Книгах для чтения».

Являясь противником использования в учебных книгах не знакомых детям понятий, Толстой свои «Русские книги для чтения» со-

ставил от начала до конца так, что ни одно слово не потребовало объяснения учителя, так как все они были понятны каждому ребенку.

Материал и язык «Азбуки» был доступен, прост и ясен. Язык рассказов был по существу языком самих учеников — крестьянских детей.

Как ступень за ступенью, идут книги Толстого, начиная от «Азбуки» в прямом смысле слова, и, постепенно усложняясь, от первой до четвертой «Русской книги для чтения».

Писатель создал замечательные по своей методической стройности и художественности книги для народных учителей с целью дать им и их ученикам в руки настольную учебную книгу, через которую крестьянский ребенок мог бы познать родной язык и найти ответ на волнующие его в окружающей жизни вопросы. Л. Н. Толстой как в своих крупнейших произведениях («Детство», «Севастопольские рассказы», «Война и мир» и др.), так и в рассказах, созданных для «Азбуки», оставался тем же великим художником. И хотя некоторых педагогов-теоретиков «Азбука»

Толстого и «Книги для чтения» не удовлетворили, однако для народных учителей, как свидетельствуют современники (Н. В. Чехов и др.), они были их любимыми книгами, употребляемыми во многих и очень многих школах. Учебные книги Л. Н. Толстого несомненно имели большое влияние на русскую школу и на педагогическую мысль.

«Азбука» должна была разрешить, по мысли автора, следующие педагогические задачи: обучить родному языку, развить художественный вкус, дать практическое образование, знакомящее с различными областями знания из быта людей и жизни природы, а также осуществлять нравственное воспитание.

Созданием «Азбуки» Л. Н. Толстой хотел дать народной школе и семье учебное пособие по скорейшему обучению детей грамоте, то есть чтению и письму, по так называемому слуховому методу, в новой же азбуке «по какому бы то ни было способу», а также и по арифметике. В «Книги для чтения» Толстой включил богатейший не только литературно-художественный, но и научно-образова-

тельный материал по истории, этнографии, географии, физике, астрономии, зоологии и ботанике.

Этот подбор материала свидетельствует о том значительном круге общеобразовательных и практических знаний, которые должны были получить, по мысли Толстого, учащиеся в начальной народной школе.

Опыт применения такого широкого (сравнительно с существующими церковно-приходскими школами 60–70-х годов) общеобразовательного учебного плана Толстой уже осуществил в 60-е годы в своей Яснополянской школе. Такую же задачу до Толстого выдвигал выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский в своем «Родном слове». «Азбукой» и «Книгами для чтения» Толстой показал, как, с его точки зрения, из области теоретических рассуждений о содержании школьного обучения необходимо перейти к практическому решению этого вопроса.

Толстой проверял в Яснополянской школе в 60-е и 70-е годы не только свои приемы преподавания, но и те, которые практиковались в других школах. Толстой как педагог-эспе-

риментатор неустанно искал лучшего способа преподавания языка и надеялся, как он сам говорил, найти его. Практическая школьная деятельность Толстого привела его, как мы видим, к определенным теоретическим положениям, которые он пытался применить в подготовляемой им в 1875 году к изданию грамматике. Но, очевидно, сохраняя свое прежнее отрицательное отношение к приемам преподавания грамматики, он эту книгу не закончил и не опубликовал, хотя им была проделана значительная подготовительная экспериментальная и теоретическая работа. Это подтверждается его высказываниями по адресу составителей грамматики в статье «О народном образовании». Критически относясь к грамматике Ушинского, Перевлесского, Бунакова и других авторов, он указывал на то, что «в преподавании грамматики новая школа осталась также последовательна своей исходной точке, — критике старого и усвоению самого противоположного приема. Прежде заучивали наизусть определение частей речи и от этимологии переходили к синтаксису; теперь начинают не только с синтак-

сиса, но и с логики, которую пытаются передать детям».[30]

Критикуя состояние современной ему школы, Толстой указывал и на то, что «почти всё то, что пишется в педагогическом мире для школ, отделяется неизмеримой пучиной от действительности, и что из предлагаемых методов многие приемы, как, напр., наглядное обучение, естественные науки, звуковые приемы и другие, вызывают отвращение и насмешку и не принимаются учениками».[31] Толстой считал, что педагогической основой обучения должно быть требование народа, чему именно учить его детей. Он указывает при этом: «Программа замечательна не одним единомыслием и твердой определенностью, но, по моему мнению, широтою своих требований и верностью взгляда. Народ допускает две области знания, самые точные и не подверженные колебаниям от различных взглядов, — языки и математику, а всё остальное считает пустяками».[32] Поэтому естествознание, география, история, замечает Толстой, подвержены в существующих правительственных школах «колебаниям от раз-

личных взглядов» и не принимаются народом. Исходя из этих положений, Толстой в основу содержания своей «Азбуки» положил две области знания — язык и математику. Материалы же по другим наукам (физика, зоология, ботаника, история, география) нашли свое выражение в научно-популярных рассказах.

После решения вопроса «чему учить?», Толстой глубоко занялся разработкой второй, не менее важной, стороной процесса обучения — вопросом «как учить?». В основу решения этого вопроса Толстой кладет следующие положения: естественность отношений между учащим и учащимся, хорошее знание учителем своего предмета, талант учителя в руководстве школой, свободное отношение учеников к учению. Все это, с его точки зрения, — «главное условие успешного хода учения». Наряду с этим он указывает также и на то, что «всякий учитель, подвигая учеников вперед», должен «чувствовать потребность самому учиться», то есть непрестанно повышать уровень своей подготовки и стремиться к созданию «наилегчайших и простейших

приемов».[33]

Подготовка материала для «Азбуки» потребовала от Толстого много внимания, времени и огромного напряжения творческих сил. Его учебники для народных школ — «Азбуки» — не были похожи на существующие. Он тщательно разрабатывал каждую деталь того или иного описания, опираясь как на опыт учителей школ, так и на собственную экспериментальную проверку. Об этом известно из переписки Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым и из других источников.

Трудясь над созданием арифметики, Толстой глубоко изучал самую дисциплину и уделял большое внимание разработке методики ее преподавания в сельской начальной школе. Он на практике проверял и продумывал результаты своих исканий в этой области, а затем предлагал новые упрощенные объяснения различных арифметических действий.

В результате им было составлено оригинальное пособие по арифметике, которое получило высокую оценку со стороны знаменитого русского математика вице-президента Академии наук В. Я. Буняковского. В своем об-

стоятельном разборе «Арифметики», при-
сланном Толстому, Буняковский весьма поло-
жительно отозвался о ней, считая правиль-
ной предложенную Толстым систему. В то же
время академик Буняковский критически от-
несся к исключению в разделе дробей всех
прежних приемов. Положительный отзыв
был дан «Арифметике» Толстого видным пе-
дагогом и преподавателем математики
Страннолюбским. Он отметил оригиналь-
ность курса арифметики, своеобразие метода,
который был положен в ее основу Толстым.
Этот метод делал, по мнению Страннолюбско-
го, ясными и доступными все упражнения,
предлагаемые детям. Все это, с его точки зре-
ния, заслуживает большего внимания при
дальнейшей разработке вопросов методики
преподавания арифметики в начальной шко-
ле. Однако «Арифметика» Толстого не получи-
ла широкого распространения в школах. Она
как учебник не отвечала общепринятому в то
время преподаванию этого предмета. Как раз
на это указал Д. Волковский в своей обстоя-
тельной рецензии на «Арифметику» Л. Тол-
стого в «Вестнике воспитания» (№ 3 за 1913 г.).

Все же «Арифметика» Толстого заставила многих русских методистов-математиков продумать вопрос о методике преподавания арифметики на основе сознательного усвоения учащимися математических знаний.

Учитывая, что астрономия всегда особенно интересует молодежь, Толстой глубоко изучал вопросы этой науки как по книжным источникам, так и практически, проводя многие часы в наблюдениях за звездным небом (нередко со своими учениками). Естественные науки нашли также свое отражение в «Русских книгах для чтения». Составлению рассказов по ботанике, зоологии и физике предшествовало глубокое изучение Л. Н. Толстым естествознания зимой 1871–1872 годов. Об этих занятиях физикой, естествознанием, астрономией ярко свидетельствуют заметки, выписки, отрывки, высказывания и схемы в Дневниках и Записных книжках Толстого 1868–1875 годов.

Большинство рассказов, повестей, сказок, басен и статей для «Азбуки» 1872 г., куда входили и «Русские книги для чтения», были созданы самим Л. Н. Толстым. Ряд из них яви-

лись переделками произведений народного творчества или произведений отдельных писателей и педагогов.

Создавая первую учебную книгу — «Азбуку» для детей русского народа, Л. Н. Толстой ставил своей задачей приобщить их к сокровищнице замечательного русского народного языка, а через него воспитать в детях любовь к родине, к истории и культуре своего народа и родной русской земле. Народное творчество он считал первым учителем. «Мы все, — говорил Толстой, — учимся у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин до Пушкина, Гоголя, — и даже о Чехове можно это сказать, да и я».[34]

Глубоко изучая народную речь, внимательно вслушиваясь в тончайшие ее особенности, с огромным наслаждением читая и перечитывая сборники народных сказок, пословиц, а также русские былины, Толстой на опыте Яснополянской школы пришел к выводу о незаменимости их для подлинного овладения родным языком, для изучения истории и культуры своего народа.

Сам Л. Н. Толстой с огромной любовью собирал произведения устного народного твор-

чества всю свою жизнь. Многие записи замечательных произведений народного творчества, собранные за много лет и зафиксированные в его Записных книжках, были использованы им при создании «Детства», «Казаков», «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Власти тьмы», «Хаджи-Мурата» и других произведений, но особенно широко в «Азбуке» и в «Русских книгах для чтения».

В вечерние часы в Яснополянской школе долго брезжил в окнах свет. Здесь тесным кругом сидели ученики, дети яснополянских крестьян, и с большим вниманием слушали рассказы Л. Н. Толстого об абреках, о Хаджи-Мурате, о казаках и о многом другом. Его рассказы сменялись рассказами детей. «Рассказывали и мы ему страсти про колдунов, про лесных чертей, — вспоминал один из учеников Яснополянской школы В. С. Морозов. — Он рассказывал нам сказки страшные и смешные, пел песни».[35]

Среди рукописей «Азбуки» сохранилось немало записанных Л. Н. Толстым былин (о Костюке и др.), преданий («Шат и Дон») и дру-

гих произведений народного творчества: загадки, пословицы, народные эпитеты и пр., часть которых оставалась неопубликованной и печатается впервые в настоящем томе.

«Азбука» Толстого отличается хорошо подобраным материалом для чтения. С первых же шагов дети приобщаются к сокровищнице народного творчества, отличающегося простым, но живым и картинным языком.

Пословицы и поговорки, сказки и былины учили детей народной мудрости («Сказанное слово серебряное, а не сказанное золотое», «Не будет пахотника, не будет и бархатника», «Нужда и по воскресным дням постится», «На всякое чиханье не наздравствуешься» и др.).

В небольших доходчивых рассказах, подчас в одну фразу, дети получали много полезных сведений бытового, практического характера или указания, как себя вести: «Люби Ваня Машу», «Люби Маша Ваню», «По часу сижу, азы буки учу», «Море сине и небо сине», «Небо выше, море ниже», «На небе тучи. На заре иди на луга. Суши сено на доме» и др.

Ряд небольших рассказов посвящался уходу за больными: «У дяди была на руке рана.

Мама дала сала. Я мажу дяде рану на руке, я лечу ему рану» и др.

В основе содержания многих рассказов-миниатюр Толстого лежат народные поговорки и пословицы («Знай, сверчок, свой шесток», «Знает кошка, чье мясо съела», «Два раза не умирать, а раз не миновать», «Глупой птице свой дом не мил» и др.).

В «Русских книгах для чтения» большое место занимают рассказы, описывающие эпизоды и происшествия, случившиеся с самим писателем («Охота пуще неволи», «Как я выучился ездить верхом» и др.). Ряд рассказов проникнут идеями христианского всепрощения, всеобщей любви, аскетизма и фатализма («Бог правду видит, да не скоро скажет», «Индеец и англичанин», «Архиерей и разбойник», «Отчего зло на свете», «Царский сын и его товарищи»). В них уже проявляется идеология отсталого, патриархального крестьянства. Но вместе с тем в литературном наследстве Толстого, к которому принадлежат созданные великим писателем рассказы для «Азбуки» и «Русских книг для чтения», есть немало подлинных шедевров художествен-

ной литературы, «...есть, — по словам Ленина, — то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему».[36]

Рассказы, повести, сказки, описания и рассуждения, пословицы, басни и былины, помещенные Толстым в «Азбуке», знакомят детей с народным бытом, русской природой, с историческим прошлым русского народа, воспитывая тем самым у детей любовь к своему народу, к своей родине, к родному языку, родной земле и национальной культуре. Этому в большой степени содействовали былины, включенные Толстым в книги для чтения («Святогор-богатырь», «Сухман», «Вольга-богатырь», «Микулушка Селянинович»).

В образах богатырей, в их трудовых делах и ратных подвигах дети видели силу и могущество, доблесть и мужество русского народа. Вместе с тем Толстой стремился воспитать в детях чувство уважения и к другим народам и нетерпимость к захватническим войнам («Кавказский пленник»).

В ярких рассказах, сказках, баснях о честности и правдивости («Косточка», «Лгун»), о чувстве товарищества, гуманности и взаимо-

помощи («Два товарища», «Отец и сыновья», «Муравей и голубка», «Дед и внучек», «Подкидыш», «Осел и лошадь» и др.), о чувстве чести и долга (например, «Царь и сокол») Толстой воспитывает в детях высокие моральные качества.

Большое место в рассказах Толстого занимают темы любви к физическому и умственному труду, целесообразного использования человеком благ природы. В них автор подчеркивает большое значение упорства при выполнении работы и преодолении трудностей («Как тетушка рассказывала о том, как она выучилась шить», «Как я дедушке нашел пчелиных маток» и др.).

В ряде басен и рассказов из жизни животных Толстой показывает положительные и отрицательные черты человека. Толстой мастерски высмеивает жадность (в рассказе «Собака и ее тень», в басне «Обезьяна и горох»), злость («Белка и волк»), обман и предательство («Лисица и обезьяна»), лесть и хитрость («Лев, осел и лисица») и т. д.

Толстой считал, что в произведениях для детей не должно быть абстрактной дидакти-

ки. Моральное воздействие оказывается на юных читателей не нравоучительными сентенциями, а тем, что басни или рассказы бичуют дурное и ярко показывают хорошее («Два товарища», «Лев и мышь» и др.). Толстой обращал внимание на то, что «дети любят мораль, но только умную, а не глупую».

Созданные Толстым в начале 70-х годов рассказы и повести для «Азбуки» 1872 года («Кавказский пленник», «Бог правду видит, да не скоро скажет» и др.) по своей простоте, доступности и народности языка были преддверием его народных рассказов 80-х годов.

Толстой как выдающийся педагог и патриот своей родины ставил вопрос о широком просвещении народа. Он провозглашал: «Образование есть потребность всякого человека. Поэтому образование может быть только в форме удовлетворения потребности. Вернейший признак действительности и верности пути[37] образования есть удовольствие, с которым оно воспринимается. Образование на деле и в книге не может быть насильственно и должно доставлять наслаждение учащимся».[38] Другим требованием, выдвинутым

Толстым, явилось положение о том, что «всякое учение должно быть только ответом на вопрос, возбуждаемый жизнью». Исходя из этих положений, Толстой в основу своих произведений кладет описание жизни и быта русской деревни, крестьянского труда, с учетом хозяйственных навыков, которые в будущем могут быть нужны взрослым крестьянам.

В рассказах и описаниях, рассуждениях и статьях о физических свойствах предметов и явлений Толстой стремится дать детям доступные представления о законах природы, а также советы для практического их использования в крестьянском хозяйстве. Художественные описания явлений природы, исторических событий, физических свойств тел, географических сведений излагаются в соответствии с учебно-познавательными целями. Толстой использует разнообразные методы и приемы изложения. Ряд рассказов по физике он пишет в виде рассуждений. В такой форме дан рассказ-рассуждение «Разная связь частиц», построенный в вопросно-ответной форме. «Отчего подушки под телеги выреза-

ют и ступицы под колеса точат не из дуба, а из березы? Подушки и ступицы нужны крепкие, а дуб не дороже березы. — От того, что дуб колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится».

В такой форме построен и рассказ «Тепло». В нем ставятся такие вопросы: «Отчего на чугунке кладут рельсы так, чтобы концы не сходились с концами?» И здесь же дается ответ, что это делается потому, что зимой железо от холода сжимается, а летом от жары растягивается. Задается и такой сложный вопрос: «Откуда берется тепло на свете?». «Тепло от солнца», — отвечает Толстой. В рассказе «Солнце — тепло» дается яркое и весьма доступное представление детям о роли солнца для жизни на земле.

Полезные знания и сведения даются в рассказах: «Как делают воздушные шары», «Гальванизм», «Вредный воздух», «Удельный вес», «Газы» и др.

Ряд рассказов «Азбуки» 1872 года, «Русские книги для чтения» строятся в форме диалога. В процессе чтения или слушания того или иного рассказа учащиеся подводятся к уме-

нию синтезировать, обобщать, приходить самостоятельно к определенному выводу из решения отдельных частных положений или вопросов.

В рассказе «Сырость» детям рассказывает о хорошо известных им явлениях в форме вопросов: «Отчего зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и притворяются?... Отчего слабое дерево — осина — больше разбухает, а дуб меньше?... Отчего доски коробятся?... «Постановкой таких вопросов Толстой искусно заставляет детей мыслить, искать на них ответы, опираясь на свои жизненные наблюдения. Так, например, в рассказе «Кристаллы», построенном в виде описания простого эксперимента, весьма ярко вскрывается эта связь между теорией и практикой.

Особенный интерес представляет объяснение свойств магнита на доступных детям примерах из жизни и личного опыта: «Если одну магнитную палочку разрубить пополам, то опять каждая половинка будет с одной стороны цепляться, а с другой отворачиваться. И еще разруби, — тоже будет... Всё равно как

еловую шишку, где ни разломи, всё будет с одного конца пупом, а с другой чашечкой. С того ли, с другого ли конца, — чашечка с пупом сойдется, а пуп с пупом и чашечка с чашечкой не сойдутся».

Так органически вплетаются в живую ткань содержания научно-художественных очерков и рассказов те общедидактические и частно-методические указания, пользуясь которыми учитель, и мать, и сам ребенок могут подойти к глубокому изучению знакомых им явлений природы. Разнообразие научно-образовательной тематики рассказов Толстого вызвало к жизни и ряд активных методов преподавания.

Ставя в рассказах глубокие, серьезные вопросы, автор использует для их разрешения такие методы, как наблюдение, эксперимент, экскурсии. Особенно показателен в этом отношении рассказ «Солнце — тепло».

От наблюдений в природе (экскурсия в поле, сравнение зимнего и летнего пейзажей) учитель переходит к опытам и экспериментам в домашних условиях: «Заморозь чугунок с водой, — он окаменеет. Поставь заморожен-

ный чугун на огонь: станет лед трескаться, таять...» После этого Толстой подводит детей к глубоким выводам: «Нет тепла — всё мертво; есть тепло — всё движется и живет. Мало тепла — мало движенья; больше тепла — больше движенья; много тепла — много движенья; очень много тепла — и очень много движенья». Такой весьма доступный для детей вывод, который дается в этом рассказе, явился результатом большой работы писателя над художественно-педагогическим выражением проблем физики.

В связи с работой над популярными статьями, рассуждениями, описаниями, рассказами по отдельным вопросам научных знаний для «Азбуки» Толстой, как это видно из его заметок в Записных книжках 1872 года, [39] глубоко интересовался различными научными вопросами. Он был знаком с работами известных ученых-физиков: Джоуля, Фарадея, Дэви, Фаренгейта, Тиндаля, Шпилера и с рядом новых открытий в экспериментальной физике.

Как видно из его Записных книжек 1872 года, ряд научных вопросов, которые особен-

но глубоко интересовали Толстого, он детально и критически изучал и в ряде случаев не только стоял на уровне современных ему научных знаний, а выдвигал свои собственные гипотезы (о покое, о движении, о сущности материи, о световом давлении и др.), которые в дальнейшем были разработаны и подтверждены учеными.

В результате этой вдумчивой работы Толстым были созданы для «Азбуки» научно-популярные рассказы об отдельных научных открытиях. Исключительно важным в образовательном отношении является материал, помещенный в «Азбуке» по ботанике, который знакомит с жизнью растительного мира. Из этих рассказов дети узнают о росте, развитии и гибели растений. Рассказы по ботанике развивали у детей интерес к природе, к ее красоте, освещали вопрос и о практическом применении своих знаний в области сельского хозяйства. Художественные рассказы — описания по ботанике дают практические знания, как заложить и вырастить фруктовый сад, ухаживать и наблюдать за его развитием, как бороться с вредителями сада и многое другое.

В рассказах подчеркивается огромная роль для изучения жизни растений систематического и разностороннего наблюдения их в различных природных условиях.

В ряде научно-популярных рассказов по естествознанию художественно описываются наблюдения над явлениями природы и вскрываются их причины. К таким произведениям следует отнести: «Отчего бывает ветер», «Отчего потеют окна и бывает роса», «Осязание и зрение», «Тепло», «Отчего в морозы трещат деревья», «Лед, вода и пар», «Куда девается вода из моря» и др.

Рассказы по зоологии занимают видное место в учебных книгах Толстого. Они знакомят детей с жизнью, повадками и особенностями жизни животных («Как волки учат своих детей», «Зайцы и волки» и др.). Содержат много интересных и весьма поучительных сведений (рассказы «Чутье», «Осязание и зрение», «Шелковичный червь» и др.). Часто в рассказах даются яркие картины русской природы и народного крестьянского быта (например рассказ «Русак»).

Многие рассказы Толстого посвящены во-

просам истории, этнографии и географии. Стремясь познакомить детей с бытом и с жизнью других народов, он включил в «Русские книги для чтения» такие рассказы, как «Эскимосы», «Как в городе Париже починили дом», «Китайская царица Силинчи», «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей».

На исторические темы Толстым было дано мало рассказов. Все они написаны в форме художественных повестей: «Петр 1 и мужик», «Камбиз и Псаменид» (по Геродоту), «Ермак», «Основание Рима», «Как гуси Рим спасли», «Поликрат Самосский».

В «Азбуках» Толстой стремился дать в определенной системе грамматические и лексические данные, которые в последовательном порядке обучают детей письму и выразительному чтению. Построение рассказов, повестей и других художественных произведений, написанных и подобранных Толстым для «Азбуки», действительно содействовало выработке у детей правильного произношения. В рассказах и отдельных отрывках, в последовательно расположенных для изучения

грамматики словах и фразах ученик мог ясно слышать и понять буквы — звуки русской речи (гласные под ударением, согласные — в положении перед гласными и сонорные). Для этой цели в текстах «Азбуки» автор использует различные приемы выделения необходимых букв-«звуков» шрифтами. Вот образец такого приема:

а
о
а
о

Была дна сильная, злая сбака.

А
О
а
о

на грызла всех сбак, кроме двух;

а
о
в
г
а
о

на не грызла маленько щенка

о
а
в
г
а
о

а
о

и больш волкдава.

.....

ы
и
а
о
а
о

*Лежт — ниже кта, встанет — выше к
ня (дуга).*

а
о

*Идёт лесм — не треснет, идет плё-
сом — не плеснет (мъсяц).*

Продуманный подбор материала и его систематика были направлены также на решение весьма важной задачи, заключающейся в устранении у детей «фонетических диалектизмов», что способствовало установлению единых норм литературного произношения.

Одной из важных педагогических проблем, поставленных и разрешенных Толстым в его «Азбуках», благодаря исключительно богатым в лексическом отношении художественным произведениям была проблема обогащения словаря учащихся.

Большое методическое значение в деле обучения грамоте Толстой придавал наряду с чтением уменью «писать из головы самые простые изречения» или писать их поочередно, диктуя друг другу.

Педагогическими основами «Азбуки», а также и «Новой азбуки» Толстого являются: 1) широкий общеобразовательный материал для чтения из многочисленных областей знания (язык, устное народное творчество, как русское, так и других народов, история, этнография, география, физика, ботаника, зоология, астрономия, священная история); 2) художественная форма изложения (преподавания) всех общеобразовательных наук, оживляющая педагогический процесс и делающая его привлекательным, возбуждающим у детей большой интерес к познанию; 3) интерес и активность учеников, содействующие наилучшему усвоению и закреплению изучаемого в памяти; 4) применение активных методов обучения, входящих органически в живую ткань произведений, начиная от маленьких сюжетных рассказов и кончая научно-художественными рассуждениями (экспери-

мент, наблюдение и опыт, экскурсия, беседа и рассуждение). Всё это учило детей умению анализировать, синтезировать и экспериментировать, делать выводы и применять полученные знания на практике в своем быту. Такая постановка обучения содействовала широкому умственному развитию детей; 5) нравственное воспитание детей через содержание учебного материала, а также развитие у них эстетических чувств.

Решая вопрос об изучении русского языка детьми, Толстой поставил ряд важнейших дидактических проблем: исправление речи учащихся и обучение их правильному произношению, широкое использование основного словарного фонда языка, изучение грамматического строя русского языка в процессе чтения и письма.

Обучение правильному литературному произношению должно производиться путем подбора доступного, легко понимаемого и читаемого детьми текста, вначале состоящего из двубуквенных и двусложных слов.

Толстой в «Азбуке» приводит следующее двубуквенное и двусложное сочетание слов:

«Ва Ма Па Но До Ну Бу Ту Ты Мы Ти Мя Щи Тя... Туча Дура Соня Саша Тёща».

После освоения этих простых двусложных слов Толстой, учитывая, что сознательное чтение достигается путем применения при обучении коротких слов и небольших фраз, понятных близостью своего содержания, ввел целую серию таких рассказиков-предложений:

«Муха мала. Пила тупа. Мука была сыра. Дуга была туга. Катя шила шубу. У Тани было горе. Тетя шила Тане шубу...»

В своей «Азбуке» Толстой предлагал трудно произносимые звукосочетания — слоги, состоящие из 2–4 букв и включающие в свой звуковой состав системы гласных и согласных: «ба, ча, га, ма, ка, ла, ва, са, жа, на, за, да... бла, нла, мла, вла, пла, зла, лла, гла, хла... бска, взды, вдру, вкри, взмы, вста, впря».

Эти упражнения Толстой давал для органов артикуляции, столь необходимых для подготовки к правильному литературному произношению слов.

Однако от этого приема в «Новой азбуке» Толстой отказался и перешел на звукосочета-

ния слогов и слов, понятных по своему смыслу, например: «Азы, Ужи, Еда, Уха, Усы... Сплю, Мсти, Мгла, Мзда, Сбруя, Страх...»

Все это говорит о творческом подходе Толстого к одному из самых трудных разделов обучения — грамматике. Много усилий и времени было потрачено им в поисках наиболее рациональных способов и методов ее преподавания в школе.

Необходимо заметить, что занятия по изучению грамматики в 60-х годах в Яснополянской школе, проводимые под руководством самого Толстого, нашли свое отражение в незаконченных набросках — вариантах курса грамматики, над которым он работал в 70-е годы, и, в частности, в орфографических упражнениях.

Каждый рассказ, описание или рассуждение, помещенные в «Азбуке», по методическому замыслу автора являются темой отдельных уроков. Они расположены в стройной системе усложняющихся занятий. Чтение каждого из рассказов рассчитано на 15–20 минут. Повторное же чтение учениками, разбор содержания и его запись занимают все осталь-

ное время урока. Характер и объем рассказов «Азбуки» и «Книг для чтения» диктует учителю и структуру построения урока и методы его проведения. Это было весьма оригинальным, продуманным методическим построением учебных пособий.

«Новая азбука» и «Русские книги для чтения», созданные Толстым для начальной школы, служили в течение ряда десятилетий прекрасным пособием, по которым многие сотни тысяч детей ряда поколений русского народа изучали родной язык, приобщались к многовековой культуре своей родины, получали сведения по основам наук. В каждом своем рассказе, повести, сказке или басне Толстой ставил конкретные задачи воспитания, образования и обучения, которые с успехом могли решаться учителем в школе и родителями в семье.

В учебных книгах Толстого научные знания даны в своеобразной последовательности. Толстой утверждал, что «наука есть только обобщение частных фактов. Ум человеческий тогда только понимает обобщение, когда он сам его сделал или проверил». Отсюда Тол-

стой приходит к выводу, что «задача педагоги есть, следовательно, наведение ума на обобщение, предложение уму, в такое время и в такой форме, таких частных, из которых легко делаются обобщения»[40]. Это положение он распространяет и на методику составления учебных пособий для начальных школ.

«Искусство педагоги, — указывает Толстой, — есть выбор поразительнейших и удобнейших к обобщению частных в области каждой науки и живейшим представлении их понятливейшим... Ребенок не требует понятливого, но требует живого, сильно действующего на воображение».[41]

На этом положении Толстой строит и свои учебные книги, подбирая соответствующий материал для чтения, увлекательным и динамичным содержанием которого автор вызывает у детей большой интерес. Художественность изложения и глубокое содержание произведений дают возможность самим учащимся делать необходимые образовательные или воспитательные выводы.

В 60-е и 70-е годы широко было распростра-

нено мнение, что образованием детей простого народа в селах и деревнях может заниматься каждый грамотный человек и для этого не нужны специальная подготовка и образование. Чему учить детей в начальной школе в этих условиях, решалось одним словом: «учить грамоте», то есть читать, писать, считать и «закону божию».

Толстой не удовлетворялся такой элементарной программой начальной школы. В журнале «Ясная Поляна» он в ряде своих статей выяснил всю сложность и трудность вопроса, чему и как учить детей.

Вместе с работой над учебниками для народных школ Толстой вновь, как и в 60-е годы, поднимает вопрос о необходимости повсеместного открытия школ, которыми распоряжался бы сам народ.

«Нужно предоставить народу свободу устраивать свои школы, как он хочет, и вмешиваться в самое дело устройства школ как можно меньше»[42], — утверждал Толстой в 70-е годы. Критикуя существующую систему народного образования в статье «О народном образовании», Толстой писал тогда: «Я рад

случаю высказать почти всю мою педагогическую исповедь... Я тоже твердо знаю, что здравый смысл русского народа не позволит ему принять эту навязываемую ему ложную и искусственную систему обучения.

Народ, главное заинтересованное лицо и судья, и ухом не ведет теперь, слушая наши более или менее остроумные предположения о том, какими манерами лучше приготовить для него духовное кушанье образования; ему всё равно, потому что он твердо знает, что в великом деле своего умственного развития он не сделает ложного шага и не примет того, что дурно, — и как к стене горох будут попытки по-немецки образовывать, направлять и учить его».[43]

Толстой, как один из виднейших представителей педагогов-демократов 60–70-х годов, ставил задачу перед передовыми русскими людьми приобщить народ ко всему тому богатству, что выработано человеческой мыслью.

«...ему нужно то, — писал Толстой еще в 60-х годах, — до чего довела вас ваша жизнь, ваших десять не забитых работой поколений.

Вы имели досуг искать, думать, страдать — дайте же ему то, что вы выстрадали, — ему этого одного и нужно; а вы, как египетский жрец, закрываетесь от него таинственной мантией, зарываете в землю талант, данный вам историей. Не бойтесь: человеку ничто человеческое не вредно».[44]

Толстой критически отнесся к постановке школьного дела в странах Западной Европы; в то же время его многое не удовлетворяло в содержании и в методике работы существовавших в России начальных школ. Это положение побудило Толстого подойти к решению этих важных школьных проблем со всей глубиной и самостоятельностью.

Проверенный многолетней практикой на опыте в ряде школ так называемый слуховой способ Толстого был несомненно значительным шагом вперед по сравнению с устаревшим буквослагательным методом обучения грамоте, применявшимся еще в ряде народных школ того времени.

Толстой с глубокой уверенностью в исключительной ценности своего слухового метода

предложил его как прием обучения грамоте в своей «Азбуке», доказывая своим противникам, что он имеет только внешнее сходство со способом азов и складов.

В своем «Письме к издателям» о методах обучения грамоте, опубликованном в «Московских ведомостях» (1873), Толстой в ответ на критику его «Азбуки», упрекавшей его в игнорировании звукового метода и в отстаивании старого, самого трудного способа азов и складов, выступил против извращений при применении звукового метода в современных ему школах и в защиту своего слухового метода.

Как педагог-экспериментатор Толстой неоднократно испытывал обучение грамоте по звуковому методу и на опыте «всякий раз приходил к одному выводу — что этот метод, кроме того, что противен духу русского языка и привычкам народа, кроме того, что требует особо составленных для него книг, и кроме огромной трудности его применения и многих других неудобств, он неудобен для русских школ, что обучение по нем трудно и продолжительно, и что метод этот легко может

быть заменен другим». Этот другой способ обучения грамоте, по словам Толстого, состоял в «том, чтобы называть все согласные с гласной буквой *e* и складывать *на слух*, без книги...» Этот способ был им «придуман еще 12 лет тому назад». По нему он лично и все учителя, работавшие под его руководством, проводили обучение во всех его школах. Построение обучения грамоте по этому способу, считал Толстой, проходило «всегда с одинаковым успехом».[45]

«Азбука» и предложенный Толстым в ней метод обучения грамоте вызвали широкую и ожесточенную критику и нападки в общей и педагогической прессе. Однако Толстой энергично защищал свой метод перед лицом широкой педагогической общественности в московском Комитете грамотности, который организовал экспериментальную проверку слухового метода Толстого и звукового метода на специальных пробных уроках в одной из московских школ. Результаты при обучении по тому и другому методу в параллельных классах оказались примерно одинаковы.[46]

Большинство педагогов того времени рез-

ко и недоброжелательно высказалось в печати о вышедшей в 1872 году «Азбуке» Толстого; их недовольство было вызвано тем, что она не только не походила на существующие учебники для народных школ, но своим содержанием и построением противоречила установившимся канонам. Об «Азбуке» Л. Н. Толстого опубликовал свой отрицательный отзыв П. Н. Полевой в «Петербургских ведомостях». «Вестник Европы», «Семья и школа», «Неделя», «Народная школа» также отзывались отрицательно об «Азбуке» Л. Н. Толстого. Они обвиняли автора в «боязни научности», в «отсутствии системы» в размещении статей, в реакционности взглядов на методы обучения грамоте, в непригодности морали, которой наполнены рассказы Толстого. Об отделе арифметики в «Азбуке» Толстого педагогический журнал «Народная школа» заметил, что «автор, повидимому, вовсе не знаком с современными методами обучения арифметике».

Журнал «Детский сад», неодобрительно относясь к способу обучения грамоте, предлагаемому Толстым, весьма положительно ото-

звался о технике оформления нужных для изучения по грамматике сомнительных гласных и согласных. «Рассказы очень живы, просты и естественны», и это, указывает журнал, «есть важное педагогическое достоинство. Они не сулят навязчиво детскому пониманию ту или другую истину морали или то или другое научное сведение, но они наводят детей на эти истины и понятия, что всего важнее». Объяснения в арифметике Толстого первых ее правил также оценены положительно.

Газета «Гражданин» положительно отозвалась об «Азбуке» Толстого, которая была названа «несомненно полезной книгой, строго продуманной и представляющей, говоря вообще, прекрасный выбор для первоначального чтения и упражнения. Появление «Азбуки» отмечено как одно из самых ценных явлений в нашей учебной литературе».

Разнообразные отзывы на «Азбуку» побудили Толстого разослать ее во многие редакции газет и журналов на рецензирование. Ознакомившись с критическими статьями и замечаниями относительно «Азбуки», Толстой все же в своем письме к Н. Н. Страхову

писал: «Прочел в Вестнике Европы об Азбуке и, признаюсь, как ни совестно, почувствовал оскорбление и уныние».[47] 17 декабря 1872 года Толстой писал Н. Н. Страхову: «Азбука не идет, и ее разбрали в «Петербургских ведомостях»; но меня почти не интересуеет, я так уверен, что я *памятник воздвиг* этой Азбукой».[48] Однако «Азбука» Толстого 1872 года и рекомендуемый им метод обучения грамоте широкого распространения не получили.

Намерение ответить критикам из «Вестника Европы», «Гражданина» и др. Толстой осуществил лишь частично, ограничившись выступлением с открытым письмом в «Московских ведомостях» от 1 июня 1873 года, в котором высказал свой взгляд на звуковой способ обучения грамоте.[49]

В 1874 году Толстой опубликовал в «Отечественных записках» (№ 9) свою программную статью «О народном образовании».[50] Затем в 1875 году он направил в Министерство народного просвещения проект «Правил для педагогических курсов для подготовки народных учителей».[51]

В течение ряда месяцев Толстой писал «Но-

вую азбуку», которая по структуре значительно отличалась от «Азбуки» 1872 года, а по содержанию, хотя в части рассказов и повторяла ее, заключала много новых материалов.

Огромный материал, подготовленный Толстым при работе над «Азбукой» и «Новой азбукой», все же оказался далеко неиспользованным. Эти рукописи, печатаемые в настоящем томе, представляют большой литературно-педагогический интерес. В числе неизданных, то есть невключенных, произведений имеется большое количество рассказов, сказок, басен, детских игр, научно-популярных художественных рассказов и очерков.

В 1875 году Толстой переделал свою «Азбуку» 1872 года и напечатал «Новую азбуку» и отдельным изданием «Русские книги для чтения». Над созданием «Новой азбуки» ему также пришлось много творчески поработать. «Новая азбука» имела большой успех. Она была одобрена Министерством народного просвещения как для школьных библиотек, так и для народных школ.

Издания «Новой азбуки» и «Книги для чтения» после 1875 года вышли большими тира-

жами.

«Новая азбука» и «Книги для чтения» Л. Н. Толстого заняли видное место в отечественной учебной литературе и использовались во многих народных школах до Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы советской власти.[52]

В «Новой азбуке» Толстой на первое место выдвигает свой «слуховой метод обучения, но указывает наряду с ним и другие методы обучения грамоте, которые, по его словам, могут быть употребимы при обучении. «Что касается до способа обучения, — писал в предисловии к «Новой азбуке» Толстой, — то составитель старался сделать эту Азбуку одинаково удобною для всех способов».

Толстой считал, что при обучении по слуховому способу одного ученика его можно выучить читать и писать в течение двух недель; в большой школе — от 25 до 50 учеников — выучиваются в 6 недель. «Особенное удобство этого способа, — писал Толстой в методических указаниях к «Новой азбуке», — кроме быстроты, точности и легкости для учителя, состоит в том, что процесс складыва-

ния и раскладывания на слух бессознательно передается учениками друг другу, так что в местностях и семьях, где употребляется слуховой способ, меньшие братья и сестры бессознательно выучиваются складывать и раскладывать на слух и им для того, чтоб уметь читать и писать, остается только выучить буквы».

В общем в «Азбуку» 1872 года и в «Новую азбуку» вошло 373 произведения, в рукописях осталось еще 256 вполне законченных произведений. Всего для «Азбуки» и «Новой азбуки» было написано 629 произведений, из них 133 на естественно-научные темы. Такой поистине огромный труд был под силу только такому гению, каким был Лев Николаевич Толстой.

Замечательные педагогические произведения Л. Н. Толстого широко распространились по нашей родине.

Первое издание «Азбуки» 1872 года было отпечатано тиражом в 3600 экземпляров. Изданная в 1875 году «Новая азбука» выдержала при жизни Л. Н. Толстого — 28 изданий. Ряд последних изданий «Новой азбуки» печатал-

ся по 100 тысяч экземпляров (каждый тираж), что составило в итоге около 2 миллионов экземпляров. Такого огромного успеха не имела ни одна учебная книга в дореволюционной России (кроме «Родного слова» Ушинского).

Передовые учителя считали «Новую азбуку» Толстого лучшей и широко использовали ее в своей практике.

Высоко ценила педагогическое творчество Толстого Н. К. Крупская, призывая учиться у него педагогическому мастерству. А. И. Елизарова писала о «Книгах для чтения», переизданных в 1921 году: «Давая ощущение счастья, как всякое истинно художественное произведение для того круга, для которого они назначены, они своей безыскусственной прелестью приохочивают к чтению, к сознательному чтению с самого начала. В этом их главное и великое достоинство, их незаменимость и непревзойденность в нашей школе, в руках наших начинающих учиться детишек».

[53]

Она также указывала и на то, что рассказы Толстого «дышат безыскусственной поэзией народной речи, над которой с чисто материн-

ской чуткостью прошла гениальная рука великого мастера слова. Рассказы эти не менее, чем остальные его произведения, должны войти в сокровищницу нашего слова».[54]

Обращаясь к современным писателям и убеждая их больше писать для детей, С. Я. Маршак указывает на Л. Н. Толстого, который считал обязанностью писателей «составлять» художественные произведения: рассказы, повести, сказки и басни для детей. «Сегодня, перечитывая учебные книги Толстого, — писал Маршак, — мы особенно ценим в них его блистательное умение пользоваться всеми оттенками, всеми возможностями родного языка, его щедрую затрату писательского мастерства на каждые три-четыре строчки, которые превращаются под его пером в умные, трогательные и убедительные рассказы».[55]

Именно в наши дни подчеркивается огромное значение того внимания, с каким Толстой относился к детской литературе, а его прекрасные рассказы для детей ставятся в пример современным советским писателям.

С каждым годом растет число изданий дет-

ских рассказов Толстого. Они печатаются почти на всех языках многонационального советского государства.

Произведения великого писателя введены в программы и входят в учебные книги для начальных и средних школ.

Рассказы Толстого для детей выходят в сериях: «Книжка-малышка», «Библиотека детского сада», «Мои первые книжки», «Книга за книгой», «Школьная библиотека» и другие, а также отдельными изданиями в миллионных тиражах.

Это со всей яркостью подчеркивает значение слов великого Ленина о том, что в наследстве Л. Н. Толстого «есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему» и «это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат».[56]

Н. Константинов.

А. Петров.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

В томе двадцать первом печатается «Новая азбука» Л. Н. Толстого, «Русские книги для чтения», рукописные материалы к ним и комментарии.

В томе двадцать втором воспроизводится полностью «Азбука» Л. Н. Толстого по изданию 1872 года.

«Новая азбука» печатается с соблюдением правописания первого издания 1875 года.

Тексты «Русских книг для чтения», произведения, написанные для «Азбуки» и «Новой азбуки», но не включенные в них, а также варианты и «Грамматика для сельской школы» печатаются с соблюдением особенностей правописания Толстого.

После слов, прочтение которых вызывает сомнения, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится в прямых скобках (1, 2, 3 и т. д. неразобр.), где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми

скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащих Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы печатаются в прямых скобках.

Обозначенное * как при заглавиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые в настоящем издании; ** — что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

НОВАЯ АЗБУКА

1874—1875

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подразделение Азбуки: 1) Слова, заключающие все буквы азбуки, и слова, начинающиеся с букв азбуки, и слова, начинающиеся с произношения букв азбуки по слуховому способу. 2) Изображение букв простых и употребительных очертаний с употребительными названиями. 3) Двухсложные, двухбуквенные слова. 4) Слова двухсложные, где один слог составляет одна гласная. 5) Двухбуквенные, сложные слова с гласною е и ъ. 6) Двухсложные слова с трехбуквенными слогами. 7)

Слова, где второй слог состоит из одной согласной и из ъ. 8) Где второй слог состоит из одной согласной и из ь. Слова, где второй слог состоит из двух согласных с ъ и ь. 10) Слова с ѣ на конце. 11) Слова в три слога. 12) Слова со слогами в три и более согласных. 13) Слова с ѣ в середине. 14) Слова с ъ перед гласною. 15) Слова с ь перед гласною. 16) Слова с ь перед согласною. 17) Удвоение согласных. 18) Удвоение гласных. 19) Слова в 4 и более слогов. 20) Славянская азбука. 21) Молитвы, и 22) изображения цифр: арабских, славянских и римских.

Задача Азбуки состоит в том, чтобы за наименьшую цену дать учащимся наибольшее количество понятного матерьяла, расположенного в такой правильной постепенности, от простого и легкого к сложному, чтобы постепенность эта служила главным средством обучения чтению и письму, по какому бы то ни было способу. С этой целью сначала подобраны слова все понятные, все произносящиеся так, как пишутся, и все расположенные по ударениям для того, чтобы ученик узнавал значение каждого прочитанного слова и мог

бы писать их под диктовку; потом составлены соединения из самых простых слов, потом более сложные слова и более сложные соединения из них, переходящие в басни, сказки и рассказы. Рассказы, басни и сказки составлены так, чтобы ученик мог без наводящих вопросов рассказать прочитанное, и потому статьи эти могли бы быть употребляемы для упражнения учеников в самостоятельном чтении и для диктовки.

Так как главная трудность в сознательном чтении состоит в длине самых слов, то вся первая часть Азбуки составлена из слов, не выходящих из двух слогов и шести букв. Во второй части употребляются слова, не выходящие из трех слогов, принимая бѣ и ль за слог, и только в последней — третьей — части поставлены слова четырех и пятисложные.

С целью наибольшей доступности приложено большое старание для того, чтобы на наименьшем количестве бумаги четким шрифтом было помещено наибольшее количество понятного и хорошего материала для детского чтения; и потому исключено всё несущественно необходимое: прописи, кото-

рые можно иметь теперь за 3 коп., картинки, составляющие роскошь, а не потребность Азбуки, и часто развлекающие внимание ученика, и всякие умственные упражнения и наставления учителя.

Что касается до способа обучения, то составитель старался сделать эту Азбуку одинаково удобной для всех способов. Учащие по звуковому способу, посредством прикладывания согласных к гласным, найдут во главе отделов подобранные для этой цели односложные слова; учащие по звуковому способу прямо с чтения, называя согласные звуки с присоединением ъ, найдут в 1-м, 3-м и 5-м столбцах 1-й стр. двухсложные четырехбуквенные слова, в которых понемногу вводятся новые звуки. Для тех и других подобран длинный ряд слов 1-го отдела, составленный из самых легких, коротких и однообразных слов, по которым ученик твердо узнает все звуки, за исключением полугласных ъ, ь и й. Для воспоминания забытых звуков подобраны слова, начинающиеся со всех звуков, и 14 слов, заключающие все буквы азбуки. Для учащихся по слуховому способу подобраны слова, начинающиеся с

букв, как они произносятся. Учащиеся по-старинному найдут в главе отделов односложные, сначала двухбуквенные, потом трех и четырехбуквенные слова, которые вместе с первыми слогами слов могут быть употребляемы как склады. Учащие по слуховому способу[57] могут употреблять эти же односложные слова для упражнения в складывании и раскладывании на слух. Те, которые захотят учить, как многие матери учат своих детей и как учатся самоучки у нас, по так называемому в Англии и Америке «способу слов» (word method), состоящему в том, чтобы по виду узнавать целые слова и потом уже разлагать их на составные части — буквы, те найдут для этой цели ряд легких и коротких слов. Вообще же эта Азбука составлена так, что по ней ученье может и должно начинаться прямо с чтения, и отличается от всех других тем, что в ней, кроме упражнений для изучения звуков, кроме обильного материала для чтения (в чем чувствуется главный недостаток существующих руководств), находится длинный ряд постепенных упражнений в трудностях чтения по величине слов и особенностям вы-

говора.

Пусть учитель, по какому бы то ни было способу, пройдет эту Азбуку с начала, употребляя для складывания слов и запоминания букв какой бы то ни было прием, только чтобы прием был один и тот же во всё продолжение учения, и, пройдя Азбуку, ученик будет уметь и читать и писать, если, одновременно с чтением, он был упражняем в диктовке.

А	Б	В	Г	Д	Е
Ё	Ж	З	И	І	К
Л	М	Н	О	П	Р
С	Т	У	Ф	Х	Ц
Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь
Э	Ю	Я	Ё	Ө	Ѹ

а Аа А Азь	бе Бб бъ Буки	ве Вв въ Вьди	ге Гг гъ Глаголь	де Дд дъ Добро	ье Ее е Есть
же Жж жь Живѣте	зе Зз зъ Земля	и Ии и Иже	и Іі и И	ке Кк къ Како	ле Лл лъ Люди
ме Мм мъ Мыслете	не Нн нъ Нашъ	о Оо о Опъ	пе Пп пъ Повой	ре Рр ръ Рцы	се Сс съ Слово
те Тт тъ Твердо	у Уу у У	фе Фф фъ Фергъ	хе Хх хъ Харъ	це Цц цъ Цы	че Чч чъ Червь
ше Шш шь Ша	ще Щщ щь Ша	ерь Ъъ Твердый знакъ Ерь	ы Ыы ы Еры	ерь Ьь Мягкий знакъ Ерь	ье Ѣѣ ѣ Ять
іо Ёё ѣ	э Ээ оборотное э Э	ю Юю ю Ю	я Яя я Я	фе Өө ѳ Өита	и Ѳѳ ѳ Ижца

Аа Бб Вв Гг Дд Её Жжзз Зз Ии
Ии Кк Лл Мм Нн Оо Пп Рр Сс
Тт Уу Фф Хх Цц Чч Шш Щш
Ъъ Ъъ Ъъ Ъъ Ъъ Юю Яя Өө Үү.

Слова, начинающіяся съ буквъ Азбуки.

**Аня Баня Ваня Гаша Даша Ели Жижа За-
ря Имя Катя Люди Миша Няня Оля Паша Ру-
ки Сани Тётя Уши Ходы Цари Чёки Шуба
Щука Ъда Эти Юла Яма Өедя.**

Слова, заключающія всѣ звуки.

**Бусы Возы Гуща Пыжи Люди Маша Феня
Цари Косы Хочу Эти Ъда.**

Слова, начинающіяся съ буквъ, какъ онѣ
произносятся.

Арбузъ. Бѣлка. Ведро. Герасимъ. Дерево.
Ели. Ъздокъ. Жеребенокъ. Зерно. Иголка. Ису-
съ. Кедровые-орѣхи. Лебедь. Медвѣдь. Неводъ.
Обручъ. Перо. Рѣпа. Селедка. Тельга. Утка.

Фертъ. Хъръ. Церковь. Червякъ. Шерсть. Щенокъ. Эта. Юла. Яблоко. Ёдя.

**Ба Ма Па Но До Ну Бу Ту Ты Мы Ти Ни Мя
Щи Тя Ся Тю Ню Лю**

Туча.	Дура.	Сани.	Сажа.	Тёща.
Тула.	Губы.	Бани.	Саша.	Дыня.
Куча.	Дуня.	Ваня.	Даша.	Дядя.
Лужа.	Куры.	Катя.	Маша.	Тятя.
Луки.	Гуща.	Каша.	Жало.	Тюря.
Дули.	Пуля.	Рама.	Папа.	Щёки.
Дуги.	Гуси.	Рана.	Рыба.	Няня.
Души.	Буря.	Сало.	Дыры.	Люди.
Руки.	Сумы.	Мама.	Лыжи.	Люли.
Буки.	Шина.	Мыло.	Лыко.	Тётя.
Бусы.	Диво.	Мыши.	Мясо.	Лёля.
Муха.	Пиво.	Митя.	Пары.	Сады.
Пилы.	Тина.	Гиря.	Кули.	Луга.
Силы.	Пицца.	Козы.	Пила.	Луна.
Жилы.	Лиза.	Сохи.	Зима.	Цари.

Вилы.	Рига.	Кожа.	Душа.	Дуга.
Липы.	Горы.	Кони.	Губа.	Рука.
Зубы.	Нары.	Раки.	Сума.	Мука.
Щука.	Воры.	Баба.	Пуды.	Суды.
Шуба.	Ноги.	Лапа.	Быки.	Пыжи.

Муха мала.	Ноги босы.	Люди рады.
Пила тупа.	Дуги туги.	Щуки-рыбы.
Сума худа.	Руки голы.	Дядя дома.
Мухи малы.	Гуси наши.	Маша дома.
Пилы тупы.	Куры рябы.	Сади сады.
Руби дубы.	Суши шубу.	Тащи сани.
Руби липу.	Буди Ваню.	Купи дыню.

Мука была сыра.
 Дуга была туга.
 Катя была мила.
 Катя шила шубу.
 Таня жила дома.
 Маша била Васю.
 Баба мыла руки.
 Мыши пили воду.
 Люди пили вино.

Паша мыла щёки.
Маши дали каши.
Рыбы было мало.
Дуни дали маку.
Маша была рада маку.
Няня была рада сыну.
Тёща рада была зятю.
Дяди надо было луку.
Тёти надо было муки.
Я вижу кучу сору.
Я чиню шубу Кати.
Кума дала куму рыбы.
Таня дала Маши сала.
Люби Ваня Машу.
Люби Маша Ваню.
У Даши руки были голы.
У Маши ноги были босы.
У гуся лапы были сини.
Вася и Таня были малы и были милы.
Жили куры и гуси у дома и жила лиса у ро-
щцы. У лисы были ноги вялы и зубы были ту-
пы, куры и гуси были рады.

Азы. Ужи. Ёда. Уха. Усы. Юла. Упа. Яма.
Ямы. Ухо. Уши. Осы. Оси. Ели. Я мою. Я рою.

Я дую. Я лаю. Я жую.

Я жую это мясо.
Я дую на кашу.
Я мою уши.
Я рою эту яму.
Я лаю на вора.
Мы ещё малы.
Упа рѣка.
Руби эти ели.
Маша ъла уху.
И я хочу ухи.
Иди сюда Оля.
Мама дала ухи.
Оля ъла уху.
Купи Васи юлу.
Ему надо юлу.
Купи дяди чаю.
Ему надо чаю.

Отрывок из третьей редакции «Новой азбуки».

Я дала Васи эту юлу, а Маши дала ту юлу.

~~Жилим купце и чини
 у дама и жина буса
 у роуци. Ј мучи нору
 буну висуке и ауре
 жини купце бучеи
 у дама и жина буса
 у роуци. Ј мучи нору
 жини купце и чини
 у дама и жина буса
 у роуци. Ј мучи нору~~

~~буну мучи. Купце
 и чини буну буну
 буну мучи. Купце
 и чини буну буну
 буну мучи. Купце
 и чини буну буну
 буну мучи. Купце
 и чини буну буну~~

Вече. Чини. ^{Това} уга. Угаи. ^{Това} уга
 Дана буну. у мучи буну Дану Дану.
 И мучи. И угаи? И угаи. И угаи И мучи И угаи

И угаи мучи мучи
 И угаи ма буну.
 И мучи чини?
 И угаи буну буну
 И мучи ма буну
 Мучи - буну
 Мама мучи чини
 и и мучи чини.
 Дао мучи буну.
 Мама буну чини
 и мучи буну чини

Чини мучи мучи
 Буну буну мучи.
 Буну буну мучи
 Буну мучи мучи.
 И буну буну мучи
 мучи, а буну буну
 буну мучи. Буну буну
 буну а ма буну
 буну.
 И чини мучи. Но
 буну буну буну буну

m
 X
 27
 20
 19

Эта юла наша, а та юла ваша.
По часу сижу: азы буки учу.
У Тани ума мало.
Кому надо чаю иди сюда.
Даю чаю.

**БЕ. Ве. ГЕ Де. ЖЕ. Зе. МЕ. Не. Ле.
ЛЪ. ПЪ. РЪ. СЪ. ТЪ.**

Нёбо.	ЛЪто.	Пётя.	Щепà.	ВЪсы.
РЪпа.	МЪра.	Гòре.	Невà.	Селò.
СЪно.	Вèщи.	ДЪды.	Цънà.	Лещи.
СЪмя.	СЪни.	Лъсà.	Дълà.	Перò.
Пòле.	Мòре.	Бъдà.	Мънà.	Чекà.

СЪни новы.	РЪпы нъту.	РЪжу дулю.
Щели малы.	Съна нъту.	Цъжу воду.
Перо тупо.	Върю дъду.	Лъчу дядю.
Съно сыро.	Лежу дома.	

Тётя била Петю
Гуси съли на воду.

Дѣти сѣли на сѣно.
Жили мыши у печи.
Баба дала Ванѣ и Петѣ мѣду.
Бери косы и иди на поле.
Няня, чеши Танѣ косу.
Лежи тише на печи, уже не рано.
Чини шубу Пети. Она худа.
Было лѣто, пала зима.
Щи и каша пища наша.
Нянѣ была баня.
Няня рада была банѣ.
Но у няни мыла не было.
Мама дала нянѣ мыла.
Бабы сѣли на сѣнѣ и пѣли, а дѣти рыли и
мяли сѣно.

У Ѳеди и Вани были сѣти.
Неси сѣти на рѣку.
Я рѣжу рѣпу и даю рѣпы Ванѣ и Петѣ.
У меня на тѣлѣ шуба, а на шеѣ бусы.
Эти ели выши липы.
Не руби эту липу.
Эта липа ещё мала на лыко.
Иди ваня тише, ноги у тебя ещё малы.
Дѣти, куда вы дѣли вашу юлу?
Дали бы вы юлу Машѣ.

Она была бы рада.

Иди дядя.

Дѣти уже съли за щи и кашу.

Дядѣ надо соли.

Неси ему соли.

На полѣ пыли и дыму нѣту.

Была у дома лужа. На лужу съли гуси. Гуси
были сѣры.

Жила баба у дѣда. Были оба сѣды.

У рѣки были норы и жили раки.

Не бери рака за шею, а бери рака за ноги.

Я несу суму.

Иду до дома.

Дома лягу на печи.

Я веду Таню за руку. Она ещё мала и ноги
Тани малы.

У дѣда ещё мѣду нѣту. Васѣ не дали меду.

У роци была ива

Не руби эту иву.

Эта ива наша.

Тѣтя дала Катѣ мяты, а Петѣ дала чаю.

Море сине и небо сине.

Небо выше.

Море ниже.

На небѣ тучи.

На зарѣ иди на луга.
Суши сѣно на домѣ.
Руби липу на лыки, иву на дуги, а дубы на сани.

Тяни сѣти по рѣкѣ.

Ищи рыбу.

Неси дядѣ рыбы на уху.

Воры были на полѣ, а кони были дома.

Эта шуба на мѣху, но хуже шубы Пети.

Тоню тяну, рыбу ищу, уху варю.

Были цѣпы наши на полѣ и цѣпы цѣлы.

Ну, Вася, уже не рано.

Иди. Митя уже у мамы на печи.

Не шуми Ваня, не буди дядю, а сиди тихо.

У мамы было не мало дѣла.

Она шила шубы Тани и Маши.

У Саши на лицѣ была сажа.

Мама мыла лице Саши.

Танѣ дали бусы на шею.

Бусы были милы и Таня была рада.

Ваня и Дуня сѣли на сѣнѣ и рыли на сѣнѣ

дыру.

Мы были на рѣкѣ.

У Пети ноги были сухи, а у меня ноги были сыры.

Сушу ноги на печи.

Таня съла на сѣно и пѣла: люли люли, дули дули!

Мама была на рѣкѣ, мыла.

И я иду туда.

Не иди на рѣку.

У тебя ноги босы.

У Тани было горе.

Тётя шила Танѣ шубу на мѣху.

Мѣху было мало.

Бѣда-Танѣ. Зима, а шубы нѣту.

Катѣ дали мыла.

Она мыла лицѣ и шею.

И лицѣ и шея и руки Кати были бѣлы.

У Кати или у Вани болѣ силы.

Катя дала руку Ванѣ.

Тяни, Ваня, за руку Катю.

У Кати силы болѣ, а у Вани силы нѣту.

Тётя дала Варѣ мёду. Варя сама ѣла мало мёду, а дала мёду Мишѣ, Васѣ и Катѣ и они были рады.

Сани были на низу.

Вези сани на гору.

Ну-же, дѣти, живо на сани.

Дѣти сѣли на сани и были рады.

У дяди была на рукѣ рана.

Мама дала сала.

Я мажу дядѣ рану на рукѣ, я лѣчу ему рану.

Няня ѣла кашу.

Маша сѣла нянѣ на руки.

Няня дала Машѣ каши.

Муха сѣла Машѣ на руку.

Маша дала мухѣ каши.

И няня была сыта, и Маша была сыта, и муха была сыта.

У Миши были сани.
Маша и Петя съли на сани.
Вези сани Миша. А у Миши силы нѣту.

Рвы. Дни. Псы. Сны. Рты. Лбы. Вши. Лжи,
Пни. Дно. Зло. Кто. Что. Сто. Рви. Ржи. Жми.
Жни. Гни. Чти. Три. Спи. Жги. Лги. Жгу. Мну.
Мцу. Тку. Двѣ. Всѣ. Ржа. Два. Тля. Зря. Лгу. Тру.
Рву. Гдѣ. Вся. Всѣ. Вру. Шлю.

Я жду дядю.
Я тру съмя.
Я рву дули.
Я жгу сѣно.
Я гну липу.
Я жму руку.
Не лги и не ври.
Не зли пса.
У пса зубы не тупы.
Шли дѣти по лѣсу, съли на пни.
Я вижу сны про Машу.
Гдѣ ты была?
Что у тебя на лбу?
Вся рыба ушла на дно рѣки.
Мнѣ дали чаю, а для тебя нѣту.

Лежи и спи.

При мамѣ я была мила три дня.

Я жну три дня. Я тку всю зиму.

Трава.	Весна.	Труба̀.	Зерно.
Ключи́.	Пчела.	Цвѣты́.	Грачи.
Блины.	Листы.	Грибы.	Стекло.
Глаза.	Звѣзда.	Изба.	Крючки.
Земля.	Гнѣздо.	Сѣдло.	Тепло.
Кости.	Слово.	Камни.	Двери.
Буквы.	Крыса.	Волки.	Капля.
Са̀бля.	Птицы.	Масло.	Палка.
Вѣдра.	Шляпа.	Груша.	Вилки.
Мѣсто.	Черви.	Спицы.	Звѣри.
Время.	Шишка.	Пушка.	Глина.
Стѣны.	Шапка.	Галка.	Брови.
Утка.	Блюдо.	Грабли.	Пчѣлы.
Плечи.	Книга.	Скука.	Щелка.
Нитка.	Слава.	Грива.	Полки.

Капли малы.

Блохи мелки.

Чашки новы.	Брови чѣрны.
Груши спѣлы.	Пушки крѣпки.
Глаза свѣтлы.	Масло жѣлто.
Блины жирны.	Крыши кривы.
Труба крива.	Крысы ловки.
Палки гладки.	Цвѣты видны.
Стѣны стары.	Кошки хитры.
Булки вкусны.	Хлѣбы мягки.
Щенки слѣпы.	Стѣны плохи.
Кадки полны.	Чулки стары.

Наши пряли.

Наши пряли.

Ваши спали.

Ваши спали.

Капля мала, а по каплѣ море.

Капля мала, а по каплѣ море.

По снѣгу грибы не ищи.

По снѣгу грибы не ищи.

Кошкѣ шутки, а мышкѣ слезки.

Кошкѣ шутки, а мышкѣ слезки.

Наша кошка стала стара.

Наши гости много пили браги.

Тётка Мавра взяла всю крупу.
Павлу дали много квасу.
Мишкѣ нынче дали книгу.
Крысы крупны, а мышки мелки.
Мы бы крыли крышу, да тѣсу уже нѣту.
Пришла весна, стала видна на лугу трава.
Клали скирды. Было жарко, было трудно, а
всѣ пѣли пѣсни.

Настя спѣла пѣсню. Хвалю за то Настю.
Сиди крѣпче на сѣдлѣ, держи за гривку.
Несла баба ведро квасу. На ведрѣ была
крышка.

Пришли гости. Сняли шапки, сѣли на лав-
ки.

Ушла крыса за печку, не видно стало кры-
сы.

Дѣвки пряли вмѣстѣ пряжу. Пришли пар-
ни, стали возлѣ.

Засни Вася, пришло время. Уже стало во-
все тѣмно.

Стало тѣмно. Бери спичку, три о стѣну, за-
жги свѣчку.

Плыли люди по рѣкѣ, стала буря. Держи
весла тверже, греби крѣпче.

Я нынче прочту по книгѣ всю сказку, это

мнѣ не трудно.

Стала школа, пошли дѣти. Съли на лавки, взяли книги.

Дѣду скучно было дома. Пришла внучка, спѣла пѣсню.

Тётка дала Настѣ ленту. Настя рада была лентѣ.

Тётка шила шубу Настѣ. Сама пѣла пѣсню, а Настя спала подлѣ тётки.

Наши дѣды стали стары. Глаза стали слѣпы. Ноги стали слабы. Всѣ стали плохи.

Настя ѣла грушу, а у Маши текли слюнки. Стыдно Маша, утри губы.

Мама, купи мнѣ нитки, я свяжу тёткѣ чулки. Чулки тётки стали стары. Видны пятки.

На елкѣ были шишки. Дѣти взяли эти шишки, снесли полны шапки.

Бабка долго шла, трудно стало бабкѣ идти. Она легла и спала и послѣ легче пошла и дошла.

Два волка вышли прямо на меня и стали на бугрѣ. Мнѣ стало жутко.

Пало много снѣгу. По снѣгу шли звѣри и видны были слѣды. Пришли люди, шли по слѣду и нашли звѣря.

Вбили на дворѣ два шеста. На верху были платки и шапки. Дѣти лѣзли на шесты. Брали платки и шапки.

У бабки была внучка, прежде внучка была мала и всё спала, а бабка сама пекла хлѣбы, мела избу, мыла, шила, пряла и ткала на внучку; а послѣ бабка стала стара и легла на печку и всё спала. И внучка пекла, мыла, шила, ткала и пряла на бабку.

Помню я была мала, тётка дала мнѣ тряпку, иглу и нитку. И я сшила себѣ сумку. Сумка была плоха, но я была горда, что сама сшила эту штуку.

Петя и Маша были гости у Насти. Они вы-

шли всѣ вмѣстѣ за кусты и сѣли на траву. Настя взяла хлѣба и масла и они вмѣстѣ ѣли а послѣ пѣли пѣсни.

На лугу были чурки. Дѣти взяли эти чурки и клали избу. Прежде стѣны, послѣ крышу. И на крышѣ была труба, а на углу были двери. Изба была не мала, но двери были тѣсны для куклы. Дѣти сняли крышу и куклы сѣли туда сверху.

Несла баба ведро воды. Ведро было худо. Вода текла на землю. А баба была рада, что нести стало легче. Пришла, сняла ведро, а воды нѣту.

Пришла Настя послѣ школы. Одна мама была дома. Настя сѣла у стола, взяла книжку и прочла сказку. Мама была рада.

Птица свила гнѣздо на кустѣ. Дѣти нашли гнѣздо и сняли на землю. Гляди, Вася, три птички! На утро пришли дѣти, а гнѣздо уже было пусто. Жалко было.

Дѣти на дворѣ рыли себѣ грядки. У Васи были дубки, а у Пети была рѣпа. На лѣто у Васи все были дубки, а у Пети рѣпы не было.

На дворѣ было чисто. Среди двора была куча песку. Вышли дѣти, сѣли на кучу песку и пошла игра. Клали по двору кучки. Была игра: у кого выше кучка.

Сѣли гуси на воду. По водѣ пошли круги всё шире и шире, а послѣ стало гладко. Вода была чиста и видны были лапки.

Была у Насти кукла. Настя звала куклу дочка. Мама дала Настѣ для ея куклы всё, что надо. Были у куклы юпки, кофты, платки, чулки, были даже гребни, щѣтки, бусы.

Пошла Катя по утру по грибы, взяла Машу. Маша была мала. На пути была рѣчка. Катя взяла Машу себѣ на спину. Сняла чулки и пошла по водѣ. Сиди крѣпче, Маша, да не жми меня за шею. Пусти ручки, а то мнѣ душно. И Катя снесла Машу.

Маша и Гриша сѣли на лодку. А лодка была худа. Была дыра. Стала лодка полна воды. Маша и Гриша стали мокры и слѣзли на землю.

Жили мыши на полѣ подлѣ пруда. Пришла весна. Пошли воды. Мыши пошли на гору. На горѣ жила лиса. Лиса была рада, что пришли мыши и ѣла сразу по двѣ мыши и стала жирна.

У Маши была тѣтка. Маша пришла и сѣла на лавку. Тѣтя дала Машѣ два куска дыни. Маша снесла дыни брату Пети.

Была зима, но было тепло. Было много снѣгу. Дѣти были на пруду. Взяли снѣгу, клали куклу. — Руки зябли. За то кукла вышла славно. Во рту куклы была трубка. Глаза куклы были угли.

Спала кошка на крышѣ, сжала лапки. Сѣла подлѣ кошки птичка. Не сиди близко, птичка, кошки хитры.

Нашли дѣти ежа на травѣ. Бери его, Вася,

на руки. Мнѣ колко. Ну клади шапку на землю; а я скачу его на шапку. Шапка была мала и дѣти ушли, а ежа не взяли.

Таня знала буквы. Она взяла книгу и куклу и дала книгу куклѣ, будто школа. Учи, кукла, буквы! Это — А. Это Б — Бе. Смотри помни.

У Розки были щенки на дворѣ на сѣнѣ. Розка ушла. Дѣти пришли и взяли щенка и снесли на печку. Розка пришла, не нашла щенка и выла. Послѣ нашла щенка и выла подлѣ печки. Дѣти сняли щенка и дали Розкѣ. И Розка снесла щенка во рту на мѣсто.

У дяди была Розка. Розка была умна. Дядя! вели, чтобъ Розка взяла шапку. Розка! гляди на Васѣ шапка. Розка лѣзла на Васю, клала ему лапы на плечи и брала шапку.

**ВЪ. КЪ. СЪ. ОТЪ. ИЗЪ. ИХЪ. ОБЪ.
АХЪ. ОНЪ.**

Я иду въ гости.
Я ѣду къ дѣду.

Сними меня съ печки.
Шелъ снѣгъ съ неба.
Я кладу дитя въ зыбку.
Мама пришла къ Васѣ.
Иди въ баню.
Иди къ мамѣ.
Сними съ полки шапку.

Ловъ. Ровъ. Шовъ. Провъ. Кровъ. Хлѣвъ.
Сѣвъ. Левъ. Рѣвъ. Лѣвъ.

Бокъ. Сокъ. Срокъ. Стукъ. Жукъ. Звукъ.
Пукъ. Крикъ. Сукъ. Лукъ. Макъ. Ракъ. Знакъ.
Крикъ. Лукъ.

Носъ. Пѣсъ. Часъ. Лѣсъ. Вкусъ. Трусъ. Тесъ.
Квасъ. Класъ. Рисъ.

Дымъ. Кумъ. Домъ. Храмъ. Громъ.

Свѣтъ. Котъ. Братъ. Сватъ. Плутъ. Кнутъ.
Шутъ. Титъ. Щитъ. Ротъ.

Разъ. Возъ. Глазъ. Тазъ. Тузъ. Низъ.

Лѣнь. Сонъ. Звонъ. Хрѣнь. Клинь.

Блинъ. Чинъ. Сынъ. Тынъ. Донъ.

Лобъ. Дубъ. Гробъ. Зобъ. Зубъ. Хлѣбъ. Рабъ.
Лубъ. Глѣбъ.

Цѣпъ. Щупъ. Снопъ. Клопъ.

Дѣдъ. Садъ. Годъ. Плодъ. Родъ. Градъ.

Жидь. Радь. Младь. Прудь.

Жарь. Парь. Борь. Дворь. Сорь. Жирь.
Мирь. Сырь. Ворь. Пирь. Сърь.

Богь. Рогь. Другь. Плугь. Врагь.
Пухь. Мѣхь. Смѣхь. Слухь. Мохь.
Поль. Столь. Стуль. Мѣль. Иль.
Мужь. Ужь. Ножь. Кряжь. Чижь.

Жукъ сѣлъ на сукъ.

Дѣдъ нашъ спить.

Кнутъ не такъ свить.

Пѣсь сталь золь.

Мужъ былъ трусь.

Лукъ нашъ не тугъ.

Снѣгъ бѣлъ, точно мѣль.

Дѣдъ старъ, а внукъ глупъ.

Дядя скупъ, не далъ намъ крупъ.

Изъ котла шѣлъ паръ.

Изъ трубъ шелъ дымъ.

Братъ пилъ квасъ

Нѣтъ для насъ.

Кто пѣкъ хлѣбъ, тотъ и ѣлъ.

На нашъ садъ палъ градъ. Сталь нашъ
садъ голъ.

Сталь нашъ пёсь плохъ. Я его мыль, а все на нёмъ много блохъ.

Ваня легъ на полъ и спить. Вотъ такъ сонъ!

Изъ за лѣсу, изъ за горъ, вижу нашъ домъ и дворъ.

Дѣдъ сталь старъ. Разъ онъ лѣзъ на печку и не могъ. Внукъ былъ въ избѣ. Ему стало смѣшно. Стыдно, внукъ. Не то дурно, что дѣдъ старъ и слабъ, а то дурно, что внукъ младъ и глупъ.

Шель Миша по лѣсу. У дуба росъ грибъ. Грибъ былъ старъ, никто его не бралъ. Но Миша былъ радъ и снёсъ грибъ въ домъ. Вотъ грибъ, лучше всѣхъ! А грибъ былъ гнилъ, никто его не ѣлъ.

Пошли дѣти въ лѣсъ. Долго были въ лѣсу, не знали куда выдти изъ лѣсу и не знали гдѣ домъ. Стало имъ слышно звонъ; они и пошли на звонъ и нашли тогда село и пришли въ домъ.

У Пети и Вани шла игра вотъ такъ: они будто овцы, били другъ друга лобъ о лобъ. Игра была плоха: у Вани стала шишка на лбу, а у Пети шишка на глазу.

Была въ лѣсу бѣлка и были у бѣлки дѣти. Жили бѣлки въ дуплѣ. Пришли Миша и Коля, взяли ихъ къ себѣ, и бѣлки жили у нихъ въ клѣткѣ.

Саша былъ трусь. Была гроза и громъ. Саша влѣзъ въ шкафъ Тамъ было ему темно и душно. Сашѣ не слышно было прошла ли гроза. Сиди, Саша, всегда въ шкапу за то, что ты трусь.

Былъ у Миши кнутъ. Онъ имъ всѣхъ билъ. Разъ онъ билъ кошку няни. Пришла няня взяла у Миши кнутъ и била Мишу за то, что онъ былъ золь и билъ ея кошку.

Сталъ быкъ золь никто мимо быка идти не смѣлъ. Гналъ разъ дѣдъ быка въ стадо. Быкъ сбиль дѣда съ ногъ и подъ себя смялъ. Пришли люди и взяли дѣда. Дѣдъ послѣ того

не долго былъ живъ. Тогда взяли быка, свели на дворъ и били по лбу до тѣхъ поръ, пока быкъ палъ.

Ась. Ель. Ось. Ерь. Ышь.

Тѣнь. Пенъ. День. Лѣнь. Конъ. Данъ. Бранъ. Дранъ. Гранъ. Дрянъ. Линъ.

Сѣть. Мать. Путь. Клѣть. Плетъ. Треть. Зять. Ртуть. Пять. Нить. Стать.

Боль. Моль. Даль. Цѣль. Соль. Бѣль. Сталь. Ноль. Шаль. Куль. Щель.

Гусъ. Русъ. Смѣсъ. Спѣсъ. Здѣсъ.

Цѣпь. Степь. Лещъ. Клещъ. Хрящъ.

Мышь. Плѣшь. Царъ. Дверъ.

Глубъ. Рябъ. Звѣрь. Коръ.

Бровъ. Кровъ. Грудъ. Мѣдъ.

Князь. Грязъ. Темъ. Земъ.

Станъ. Вынь. Кинъ. Дунъ. Тронъ.

Руби пенъ.

Время спать.

Брось шить.

Кинъ сѣть.

Иду траву рвать.

Весь день жать.
Не стану вина пить.
Стали бабы пѣсни пѣть.
Надо на кашу дуть.
Иду въ путь.
Ему лѣнь на ноги стать.
Мнѣ надо книгу дать.
Иду воду на гряды лить.
Вели ему шапку снять.
Бабы шли лѣнь мять.
Весь день отъ липы тѣнь.
Дунь на свѣчу.
Сунь книгу въ столъ.
Хочу идти въ клѣть, да въ клѣти дверь, а я
не стяну съ двери цѣпь.
Я иду на рѣку мыть.
Мамѣ много дѣла. Надо мамѣ шить, мыть,
ткать и печь.

Вася сѣлъ на пень и пень былъ у него буд-
то конь. Онъ взялъ плеть и гналъ пень.

У Вари былъ чижъ. Чижъ жилъ въ клѣткѣ
и ни разу не пѣлъ. Варя пришла къ чижу. —
Пора тебѣ, чижъ, пѣть. — Пусти меня на волю,

на волѣ буду весь день пѣть.

Дядя далъ Ѳедѣ коня и далъ плеть. Смотри, Ѳедя, не гони коня шибко, а то конь старъ. Ѳедя взялъ плеть и сталъ коня шибко гнать, конь вовсе сталъ, и Ѳедя слѣзъ.

Мать дала Катѣ квасу. А у Кати былъ братъ Власъ. Катя дала и брату пить. Катѣ для брата Власа не жаль было кваса.

Мышка грызла полъ и стала щель. Мышь прошла въ щель, нашла много ѣды. Мышь была жадна и ѣла такъ много, что у ней брюхо стало полно. Когда сталъ день, мышь пошла къ себѣ, но брюхо было такъ полно, что она не прошла въ щель.

Мать и дочь легли спать. Мать не спала весь день. А дочь стала пѣсни пѣть. Дочка! я хочу спать, брось пѣть. А дочка еще громче стала пѣть. Тогда мать свела дочь въ клѣть. — Тебѣ здѣсь лучше пѣть, а мнѣ безъ тебя лучше спать.

Жилъ дѣдъ у рѣки. Были у дѣда лодка и сѣть. И были у дѣда два внука: Петя и Гриша. Гришѣ было семь лѣтъ, а Пети пять. Разъ вышли Петя и Гриша рано на рѣку. Они знали, что у дѣда на рѣкѣ была сѣть. Они сѣли въ лодку. Гриша сѣлъ на руль, а Петя грѣбъ. Они плыли долго по рѣкѣ, не знали гдѣ сѣть; но нашли сѣть, взяли рыбу и дали дѣду.

Звѣрь сѣрь.

Жукъ сѣлъ въ щель.

Я на кашу дулъ.

У меня было пять пуль.

Брату Петѣ семь лѣтъ.

Онъ всѣмъ милъ.

Дѣти спятъ, всѣ пять.

Станъ на станъ.

Росъ клѣнъ, отъ него была тѣнь.

На дворѣ была пыль, а я дома былъ.

Запри дверь на дворъ.

Давно ли ты, дядя, нѣмъ? Да ужъ лѣтъ семь.

Волкъ. Шелкъ. Полкъ. Блескъ. Толкъ.

Постъ. Мостъ. Ростъ. Хвостъ. Листъ. Кустъ.

Крестъ. Пустьъ. Густъ. Шестъ.

Кость. Гость. Трость. Честь. Вѣсть. Лестъ.
Шестъ. Грусть. Пастъ. Снасть.

Пискъ. Спускъ. Воскъ. Лоскъ.

Чортъ. Мартъ. Гуртъ. Сортъ.

Франтъ. Бантъ. Кантъ. Столбъ. Верхъ. Дёр-
нъ. Тёрнъ. Гвоздь. Груздь. Дождь. Вихрь.

Рубль. Скорбь. Смерть. Дроздь.

Жизнь. Казнь. Пѣснь. Чернь.

Шестъ во весь ростъ.

Крѣпка какъ кость.

Нынѣ постъ.

На сохѣ снасть.

Тестъ сталь ѣсть.

У волка пастъ.

Петръ шлетъ намъ вѣсть.

Хочу на стуль сѣсть, чтобы лапти плестъ.

Трудна ея жизнь.

На море много волнъ.

Не стало вербъ, всѣ вышли.

Не видно звѣздъ.

Верба хлѣсть, билъ до слѣзъ.

Супъ нашъ густъ Домъ сталь пустьъ.

Червь ѣсть листь.

Нужно бы траву гресть, къ стогу сѣно
везть.

Волкъ былъ бы добръ, да ему ъсть надо.

Всѣ мѣста взяты. Нѣтъ намъ мѣсть, нѣгдѣ
сѣсть.

Шель гуртъ на мостъ.

Тонко прясть, долго ждать.

Мамы не было дома, а прялка была въ
избѣ. Пришла Катя, стала прясть. Пряла мало,
а пряжи смяла много.

Есть червь, онъ жёлтъ, онъ ъсть листь.
Изъ червя того шелкъ.

У меня есть шесть куръ и по утру даю имъ
кормъ. Я кричу: цыпъ, цыпъ. Я сыплю зерно
на землю и на куръ.

Дѣти стали лѣзть на шесть, но шесть бы-
ль толстъ и они ноги стерли и не влѣзли на
шесть.

Сталь Ваня на коня лѣзть и взялъ его за
хвостъ. Кинь, Ваня, хвостъ. По хвосту на коня

не влѣзть.

Бла мать борщъ и клала въ борщъ соль. А Митя былъ глупъ, когда мать ушла, сталъ одну соль ѣсть.

Жилъ дядя Петръ. И влѣзъ къ нему въ домъ воръ, чтобъ красть. Но у дяди Петра домъ былъ пустъ.

Несла Жучка кость черезъ мостъ. Глядь, въ водѣ ея тѣнь. Пришло Жучкѣ на умъ, что въ водѣ не тѣнь, а Жучка и кость. Она и пусти свою кость, чтобы ту взять. Ту не взяла, а своя ко дну пошла.

Ваня нёсъ отцу хлѣбъ, легъ подъ кустъ и сталъ спать. Жучка нашла хлѣбъ и стала его ѣсть.

Пошли дѣти на гумно и пошла у нихъ игра въ волка и овцы. Миша былъ волкъ. Онъ влѣзъ по шесту на скирдъ. На скирдѣ было мягко и Миша лёгъ. Овцы были Коля и Настя. Они ждали, ждали волка, нѣтъ волка. Стали

его звать. Не нашли Мишу и ушли. Пришла мать. Гдѣ Миша, гдѣ Миша? Пошли въ поле, въ лѣсъ. Нѣтъ Миши. Пришла мать на гумно, Миша! А Миша! А Миша: я здѣсь, я спалъ, шесть мой упалъ и я незнаю какъ со скирда слезть.

Бой. Вой. Рой. Ной.

Май. Рай. Чай. Лай. Дай. Клей. Злѣй. Вой.
Пой. Рой. Стой. Спой. Мой. Твой. Свой. Злой.

Шей. Пей. Вей. Лей. Чей. Ей.

Дуй. Жуй. Куй. Плюй.

Мой чай.

Твой клей.

Свой змѣй.

Вой псовъ.

Рой пчель.

Иду на бой.

Ной былъ давно.

Спой пѣсню.

Рой яму.

Стой прямо.

Пей чай.

Лей воду.

Чей грошъ? Мой.

Дуй на воду.

Жуй корку.

Куй въ кузнѣ.

Тепло стало, видно что Май.

Рай на томъ свѣтѣ.

Слышу лай и вой псовъ.

Дай мнѣ мой чай.

На мой домъ сѣлъ рой пчёлъ.

Лей воду въ тазъ, мой руки.

Ты чей? я свой.

Сѣлъ дѣдъ пить чай. Дѣдъ! и мнѣ чаю дай.
Вотъ тебѣ, внукъ, чай. Пей, на себя не лей.

Быль у Пети и у Миши конь. Сталь у нихъ споръ: чей конь. Стали они коня другъ у друга рвать. Дай мнѣ, мой конь. Нѣтъ ты мнѣ дай, конь не твой, а мой. Пришла мать, взяла коня и сталь конь ни чей.

Улей. Иней. Нищій. Сергѣй. Матвѣй. Налой.
Лакей. Сарай. Давай. Кидай. Читай. Снимай.
Считай. Играй. Глотай. Гуляй. Валяй.

Сѣдой. Кривой. Простой. Живой. Мягкій.

Гладкій. Синій. Сладкій. Бѣдный. Мѣдный.
Добрый. Сѣрый. Старый. Малый. Вялый. Чи-
стый. Умный. Глупый. Зашей. Скорѣй. Живѣй.
Теплѣй. Умнѣй. Глупѣй. Раздуй. Ночуй. Подуй.
Воюй.

Давай книгу.
Читай сказку.
Гуляй по лѣсу.
Сѣдой дядя.
Зимой снѣгъ.
Глядкій путь.
Синій цвѣтъ.
Бѣдный Миша.
Сѣрый волкъ.
Милый мой другъ
Теплѣй стало.
Онъ умнѣй тебя.
Зашей шубу.
Иди скорѣй.
Ночуй у насъ.
Не тоскуй, не горюй.
Воюй храбро.
Глупой птицѣ свой домъ не милъ.

Съль рой на кустъ. Дядя его снялъ, снёсь въ улей. И сталь у него годъ цѣлый, мѣдъ бѣлый.

Слушай меня мой пѣсь: на вора лай, къ намъ въ домъ не пускай, а дѣтей не пугай и съ ними играй.

На землѣ снѣгъ, на лѣсѣ иней. Давай скорѣй сани. На сани прыгай, сани двигай и подъ гору катай.

У дѣтей были свои грядки. Пришло разъ на ихъ грядки стадо свиней. Дѣти скорѣй! Жучку пускай. Жучка скорѣй, лай на свиней, стоняй ихъ съ грядъ долой.

Была драка между Жучкой и кошкой. Кошка стала ѣсть, а Жучка пришла. Кошка Жучку лапой за носъ. Жучка кошку за хвостъ. Кошка Жучкѣ въ глаза. Жучка кошку за шею. Тѣтя шла мимо, несла ведро съ водой и стала лить на кошку и Жучку водой.

Нѣтъ у насъ Ваня змѣя. Иди, Ваня, вари клей, а я сберу дранки. Нашли дранки и клей

и на утро сталь змѣй. Не было вѣтра, но дѣти пошли въ поле и взяли змѣй. Ну бѣги, Ваня, да скорѣй! Еще скорѣй! Пускай! Но змѣй на верхъ не шель; тогда дѣти стали подъ змѣй дуть. Дуй. Ваня, дуй, еще дуй. Ваня дуль изъ всѣхъ силъ; но змѣй не шель и на землю сѣль.

У Груши не было куклы, она взяла сѣна, свила изъ сѣна себѣ жгутъ и это была ея кукла; звала она ее Маша. Она взяла эту Машу на руки. „Спи Маша! Спи дочка! бай, баю, бай!“

Слѣпой шель домой. Была ночь. Слѣпой несъ предъ собой свѣтъ. Какой глупый слѣпой, несеть свѣтъ предъ собой, — а самъ слѣпой, для чего ему свѣтъ? А нужно свѣтъ ему для того, чтобъ зрячій не сбиль его съ ногъ долой.



Рабѳта.	Булавка.	Пастухи.	Семѳнъ.
Забѳта.	Граница.	Старики.	Стаканъ.
Ребѳта.	Деревня.	Мужики.	Женихъ.

Телята.	Тарелки.	Сундуки.	Заборъ.
Береза.	Кибитки.	Пѣтухи.	Кузнецъ.
Калина.	Лепешки.	Пауки.	Холодъ.
Малина.	Крестинны.	Темнота.	Осень.
Корова.	Капуста.	Тѣснота.	Камень.
Ракита.	Невѣста.	Калачи.	Радость.
Лисица.	Медвѣди.	Башмаки.	Лошадь.
Собака.	Веревка.	Журавли.	Милость.
Бараны.	Рубашка.	Ласточка.	Старость.
Бумага.	Скотина.	Горница.	Николай.
Кирюшка.	Заика.	Яблоки.	Алексѣй.
Петрушка.	Наука.	Яблони.	Соловей.
Картина.	Приступки.	Иванъ.	Каравай.

Мужики ходили далеко на работу.
 Рыбаки ловили на озерѣ рыбу.
 Барыня купила у мужика чѣрнаго пѣтуха.
 Берёзы выросли велики.
 Купчиха наняла мужика въ кучера.
 Ребята купили на базарѣ пряники.

Телята и бараны бѣгутъ по выгону.
Кукушка рано запѣла.
Старые волки заѣли барана.
Мужики убили вилами одного волка.
Ребята писали уроки на бумагѣ.
Не берите калачи грязными руками.
Не топчите комнату мокрыми ногами.
Дѣвушки нарядны, личики красивы, щѣчки румяны.

Синичка сѣла на окошко.
У мужика украли сундуки. Сундуки были пустые.

Служанка вымела горницу, собрала цѣлую кучу сору и бросила на улицу.

Параша читала книжку, а послѣ писала дядюшкѣ записку.

Кухарка варила яйца. Яйца стали крутыя.
Дѣти красили и катали яйца.
Курицы несли яйца, а пѣтухи кричали.
Бабушка — старушка лежала на лежанкѣ,
а дѣвочка — внучка играла подлѣ бабушки.

Старая барыня купила у торговки бѣлую гусыню.

Гусыня вывела два гусѣнка.
Слѣпые нищѣ запѣли подлѣ забора пѣсню

про Лазаря. Купчиха слушала и дала одному слѣпому гривну.

Добрыя дѣти дали слѣпому старику лепёшку.

Малые ребята играли на крылечкѣ, а телята играли на выгонѣ!

Кафтаны теплѣе нежели рубашки.

Моему брату Матюшкѣ четыре года.

Повезли Матюшку въ чужую деревню и отдали на выучку кузнецу.

Сѣрая лошадь везётъ сани.

подавай поскорѣй моихъ лошадей.

Николай Петровъ пришелъ на крестины.

Женихъ да невѣста — князь и княгиня.

Одинъ годъ весь вѣкъ заѣлъ.

Бѣдность не порокъ.

Бѣдность не порокъ.

Конецъ дѣлу вѣнецъ.

Конецъ дѣлу вѣнецъ.

Рыбамъ море, птицамъ воздухъ, людямъ земля.

Куда иголка, туда и нитка.

Куда иголка, туда и нитка.

Богачу жалко карабля, бѣдняку жалко костыля.

*Богачу жалко корабля, бѣдняку жалко ко-
стыля.*

Пришла весна, потекла вода. Дѣти взяли дощечки, сдѣлали лодочку, пустили лодочку по водѣ. Лодочка плыла, а дѣти бѣжали за нею, кричали и ничего впереди себя не видали и въ лужу упали.

Ушли два мужика вмѣстѣ на работу, рыли канаву. Рыли три дня, принесли три рубля. И три дня дѣлили три рубля, все между собой спорили. Лучше бы эти мужики эти три дня рыли канаву.

Ходили дѣти по лѣсу за грибами, набрали полны корзины. Вышли дѣти на поляну, сѣли на копну и считали грибы. За кустами завыли волки. Дѣти забыли про грибы, бросили свои грибы на сѣнѣ и ушли домой.

Попался звѣрь — хорёкъ въ ловушку и сталъ просить, чтобы мужикъ пустилъ его. Онъ сказалъ: мыши твоё добро ѣдятъ, а я ихъ ѣмъ. А мужикъ сказалъ: мышей-то ты ѣшь, да

съ ними вмѣстѣ и цыплятъ моихъ поѣлъ, — и убилъ звѣрка.

Пошли разъ старуха и молодка на поле гороха. Набрали гороху и сѣли подъ межу, стали ѣсть. Старая катала во рту горохъ, а жевать не могла: зубовъ не было; а молодка поѣла свой горохъ, пришла къ старухѣ ѣсть и говоритъ: какая ты, старая, жадная. Я ужъ давно поѣла, а ты всё ѣшь.

Пошла коза въ поле за кормомъ, а козлятъ заперла въ сарай, не велѣла никого пускать. Она сказала: только когда мой голосъ кликать будетъ, тогда пустите. Волкъ слышалъ это, пришѣлъ къ сараю и запѣлъ подъ голосъ козы: *дѣтки, пустите, ваша мать пришла, вамъ корму набрала.* Дѣтки глянули въ окно и сказали: голосъ матушки, а ноги волка, не надо пускать.

Лисица позвала журавля на обѣдъ и пода-ла похлѣбку на тарелкѣ. Журавль ничего не могъ взять своимъ длиннымъ носомъ и лисица сама всё поѣла. На другой день журавль къ

себѣ позвалъ лисицу и подалъ обѣдъ въ кувшинѣ съ узкимъ горломъ. Лисица не могла продѣть морду въ кувшинъ, а журавль всунулъ свою долгую шею и все выпилъ одинъ.

У одной женщины мыши поѣли въ погребѣ сало. Она заперла въ погребѣ кошку, чтобы кошка ловила мышей. А кошка поѣла и сало, и молоко и мясо.

Ѣхали два мужика, одинъ въ городъ, а другой изъ города. Они задѣли санями другъ за друга. Одинъ кричитъ: дай дорогу, мнѣ скорѣй въ городъ надо; а другой кричитъ: ты дай дорогу, мнѣ, скорѣй домой надо. Они долго кричали. Третій мужикъ видѣлъ и сказалъ: кому скорѣй надо, тотъ осадитъ назадъ.

Ходили овцы по полю. Откуда ни взялся орёлъ, — упалъ съ неба, вцѣпился когтями въ ягнѣнка и унёсъ его. Ворона видѣла это и хотѣла тоже мяса поѣсть. Она сказала: это не хитра штука. Дай я тоже сдѣлаю, да ещё лучше. Орёлъ глупъ, онъ малаго ягнѣнка взялъ, а я вонъ того жирнаго барана выберу. Взясась

барану ворона когтями прямо въ вѣдну, хотѣла поднять — не можетъ. И не знаетъ ворона, какъ самой изъ вѣдны когти выдрать. Пастухъ пришѣлъ, выдралъ воронѣ ноги изъ вѣдны, убилъ её и бросилъ.

Былъ одинъ глупый мужикъ. Онъ пошѣлъ въ лѣсъ за дровами. Деревя всѣ были велики. Онъ сталъ срубать вѣтки. Одинъ сукъ на дубу былъ высоко. Мужикъ влѣзъ на дубъ, сѣлъ верхомъ на сукъ, спиной къ дереву и срубилъ сукъ. Другой сукъ былъ ещё выше. Мужикъ влѣзъ на сукъ и чтобы короче срубить сѣлъ на него лицомъ къ дереву. Онъ рубилъ немного и сталъ сукъ трещать; мужикъ былъ радъ и сказалъ: впередъ всѣ такъ буду рубить. Но сукъ сломался и мужикъ сорвался.

Сплю. Мсти. Мгла. Мзда. Сбрую. Страхъ. Стклянка. Стрижъ. Портной. Спросъ. Скрипъ. Страсть. Сестра. Взводъ. Москва. Искра. Царство. Сердце. Стремя. Стряпня. Перстень. Встрѣча. Солнце. Бездна. Островъ. Холстъ. Шерсть. Горсть.

Столяры клеивали столъ.
Искра зажгла Москву.
Сбруя исправна.
Стрижи замерзли.
Отець и два сына втроёмъ ушли въ го-
родъ.

Коня вели подъ уздцы.
Дождикъ пошёлъ, вздулись пузыри.
Продѣнь платокъ сквозь перстень.
Завтра праздникъ, будутъ въ церкви пѣть:
Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!

Вскрылась рѣка, потекла быстрая вода.
Не столкни дѣвочку съ ногъ.
Я много сплю и нынче поздно всталъ.
Хлѣбъ очень чѣрствъ.
Стригла баба шерсть.
Ткала невѣстка холстъ.
Ушли дѣти въ лавку, купили горсть струч-
ковъ.

Платокъ слишкомъ пѣстръ.
Вздѣнь нитку въ иглу.
Здравствуй! давно не видалъ.
Стряпала стряпуха постный обѣдъ.
Я увидалъ страшнаго звѣря и сердце у ме-
ня вздрогнуло отъ страха.

Вздулся какъ пузырь и сталъ ничего.

*Скрученъ, связанъ, по избѣ пляшетъ
(вѣникъ)*

Дали бабѣ холстъ, сказала толстъ.

Петя ползаль и сталъ на ножки. Хочеть ступить — боится. Чуть не упаль. Мать схватила его и понесла.

Ласточка строила гнѣздо. Влетѣль въ гнѣздо стрижь и сѣль. Ласточка позвала другихъ ласточекъ и выгнала стрижа.

Остригли съ барана шерсть. Стало барашку холодно, прикрыть себя нечѣмъ.

Стряпуха топила печку и вышла изъ избы. Искра упала на лучину. Лучина зажглась, на силу залили огонь.

Пришла Мышь въ гости къ лягушкѣ. Лягушка встрѣтила мышъ на берегу и стала её звать къ себѣ въ хоромы подъ воду. Мышь полѣзла, да воды хлебнула и на силу живавонъ вылѣзла. Никогда, сказала она, къ чужи-

мъ людямъ въ гости ходить не буду.

Дрались два пѣтуха у навозной кучи. У одного пѣтуха было силы больше, онъ забилъ другаго и прогналъ отъ навозной кучи. Всѣ куры сошлись вокругъ пѣтуха и стали хвалить его. Пѣтухъ хотѣлъ, чтобы и на другомъ дворѣ узнали про его силу и славу. Онъ взлетѣлъ на сарай, забилъ крылами и запѣлъ громко: смотрите всѣ на меня, я пѣтуха побилъ! Нѣтъ ни у одного пѣтуха на свѣтѣ такой силы.

Не успѣлъ пропѣть, летитъ орѣлъ, сбилъ пѣтуха, схватилъ въ когти и унёсъ съ свое гнѣздо.

Стало мышамъ плохо жить отъ кота. Что ни день, то двухъ, трѣхъ заѣстъ. Сошлись разъ мыши и стали судить, какъ бы имъ отъ кота спастись. Судили, судили, ничего не могли вздумать.

Вотъ одна мышка и сказала: я вамъ скажу, какъ намъ отъ кота спастись. Вѣдь мы потому и гибнемъ, что не знаемъ когда онъ къ намъ идѣтъ. Надо коту на шею звонокъ надѣть, чтобы онъ гремѣлъ. Тогда всякій разъ, какъ онъ

будеть отъ насъ близко, намъ слышно станеть и мы уйдемъ.

Это бы хорошо, сказала старая мышъ, да надо кому нибудь звонокъ на кота надѣть. Вздумала ты хорошо, а вотъ навяжи ка звонокъ коту на шею, тогда мы тебѣ спасибо скажемъ.

Шли по дорогѣ старикъ и молодой. Видятъ они: на дорогѣ лежитъ мѣшокъ денегъ. Молодой поднялъ и сказалъ: вотъ Богъ мнѣ находку послалъ. А старикъ сказалъ: чуръ вмѣстѣ. Молодой сказалъ: нѣтъ мы не вмѣстѣ нашли, я одинъ поднялъ. Старикъ ничего не сказалъ. — Прошли они ещё немного. Вдругъ слышатъ, скачетъ сзади погоня, кричатъ: кто мѣшокъ денегъ укралъ! Молодой струсиль и сказалъ: какъ бы намъ, дядюшка, за нашу находку бѣды не было. Старикъ сказалъ: находка *твоя а не наша*, и бѣда *твоя а не наша*. Малаго схватили и повели въ городъ судить, а старикъ пошелъ домой.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

Въ деревнѣ жила дѣвочка. Мать сшила ей

красную шапочку и дѣвочка всегда носила её. Народъ сталъ звать дѣвочку — дѣвочка Красная Шапочка. Разъ мать сказала Красной Шапочкѣ: поди, навѣсти бабушку и снеси ей отъ меня лепёшки и горшокъ масла. Красная Шапочка взяла гостинцы и пошла. Шла она черезъ лѣсъ. Вдругъ въ лѣсу вышелъ ей навстрѣчу волкъ. «Здравствуй, Красная Шапочка?» «Здравствуй, волкъ. Куда идешь?» Я иду къ бабушкѣ. Она стара, ходить не можетъ, такъ я несу ей масла и лепёшки. — А гдѣ живётъ твоя бабушка? А вонъ тамъ за лѣсомъ деревня, такъ въ домѣ съ краю. — Ну-ка, Красная Шапочка, кто прежде придётъ? И волкъ пустился бѣжать; а Красная Шапочка стала брать грибы и ягоды и забыла про волка. Волкъ пришёлъ прежде Красной Шапочки, нашёлъ домъ бабушки и толкнулъ дверь. Бабушка спросила: кто тамъ? Волкъ сказалъ: это я, бабушка, Красная Шапочка. Бабушка сказала: подыми, внучка, щеколду. Волкъ вошёлъ, вскочилъ на постель бабушки, заёлъ бабушку, а самъ надѣлъ ея платокъ на голову и лёгъ въ постель. Когда Красная Шапочка пришла, она тоже толкнула дверь и волкъ ей

сказаль: подыми, внучка, щеколду. Красная Шапочка вошла, подошла къ постели и сказала: здравствуй, бабушка! Отчего у тебя нынче такіе большіе глаза? А волкъ сказаль: чтобы лучше глядѣть на тебя, внучка. — А за чѣмъ у тебя зубы велики, бабушка? — Чтобъ тебя загрызть, внучка!.. И волкъ схватилъ Красную Шапочку и заѣлъ её. А самъ раздѣлся и ушѣлъ опять въ лѣсъ.

Шайка. Сайка. Гайка. Койка. Тайна. Война. Тройка. Двойка. Лейка. Шейка. Чуйка. Копѣйка. Хозяйка. Злодѣйка. Линейка. Скамейка. Шубейка.

Сайки вкусны.

Лейте воду изъ шайки.

Гречиху сѣйте чаще.

Завинти гайку.

Уйди изъ дому.

Я найду ягодъ.

Найми кучера.

Дойная корова.

Бойкій конь.

У лейки тонка шейка.

Можетъ быть и я найду копѣйку.

Зайди къ намъ въ гости.

Уйми собаку.

Зайцу отъ собакъ не уйти.

Тройка бѣжитъ бойко.

Надѣйся на Бога, самъ не плошай.

У Серёжи были три собаки, онъ запрѣгъ ихъ въ телѣгу тройкой и погналъ. Собаки ушли съ телѣжкой и Серёжа ихъ не поймалъ.

Миша просилъ отца сдѣлать ему скамейку, чтобъ ѣздить съ горы. Отцу не было времени. А мать дала Мишѣ шайку. Онъ полилъ её водой, сѣлъ въ неё и скатился.

У Васи было четыре копѣйки. Онъ пришёлъ въ лавку, купилъ сайку и ему дали сдачи копѣйку. Онъ пошёлъ домой. Подайте, Христа ради, сказалъ нищій. Васѣ жалко было дать сайку. Онъ далъ копѣйку. Потомъ ему жаль стало нищаго. Онъ вернулся и отдалъ сайку.

Къ машѣ пришли въ гости дѣвочки пить чай. Маша была хозяйка и сѣла за чайный столъ угощать гостей. Но хозяйка была мала. Она взяла чайникъ, ручка была горяча. Маша уронила изъ рукъ чайникъ и разбила его, и себя и другихъ обожгла.

Двѣ крысы нашли яйцо. Хотѣли его дѣлить и ѣсть; но видятъ летитъ ворона и хочетъ яйцо взять. Стали думать крысы, какъ яйцо отъ вороны стащить. Нести? не схватишь; — катить? разбить можно. И рѣшили крысы вотъ что: одна легла на спину, схватила яйцо лапками, а другая повезла ее за хвостъ, и какъ на саняль стащили яйцо подъ полъ.

Дѣвочка поймала стрекозу и хотѣла рвать ей ноги. Отецъ сказалъ: эти самыя стрекозы поютъ по зарямъ. Дѣвочка вспомнила ихъ пѣсни и пустила.

Мышка вышла гулять. Ходила по двору и пришла опять къ матери. Ну, матушка, я двухъ звѣрей видѣла. Одинъ страшный, а другой добрый. Мать сказала: скажи какіе это

звѣри? Мышка сказала: единъ страшный ходитъ по двору вотъ этакъ: ноги у него черныя, хохоль красный, глаза на выкатъ, а носъ крючкомъ. Когда я мимо шла, онъ открылъ пасть, ногу поднялъ и сталь кричать такъ громко, что я отъ страха не знала куда уйти.

— Это Пѣтухъ, сказала старая мышь. Онъ зла никому не дѣлаеть, его не бойся. Ну, а другой звѣрь?

— Другой лежалъ на солнышкѣ и грѣлся. Шейка у него бѣлая, ножки сѣрыя, гладкія, самъ лижетъ свою бѣлую грудку и хвостикомъ чуть движеть, на меня глядитъ. Старая мышь сказала: дура, ты дура. Вѣдь это самъ котъ.

Пошелъ разъ левъ на охоту и взялъ съ собой осла и сказалъ ему: ты зайди, осѣль, вѣльсь и кричи, что есть мочи, у тебя горло просторно. Какіе звѣри отъ этого крика пустятся бѣжать, я тѣхъ поймаю. Такъ и сдѣлалъ. Осѣль кричалъ, а звѣри бѣжали, куда попало и левъ ловилъ ихъ. Послѣ ловли левъ сказалъ ослу: ну, хвалю тебя, ты хорошо кричалъ. И съ тѣхъ поръ осѣль всё кричитъ, всё ждѣтъ, чтобы его хвалили.

Съѣздъ. Въѣздъ. Разъѣздъ. Подъемъ.
Подъѣздъ. Отъѣздъ. Объяѣздъ. Съёмъ. Съѣли.
Съютили. Объяви. Въѣхали.

Въ ворота въѣздъ узкій.
Подъѣздъ къ дому съ другой стороны.
Въ объѣздъ ближе ѣхать чемъ прямо.
Волки съѣли овцу, а лисицы подѣли ко-
сточки.

Объяви указъ.
Не трясина яблоню, а снимай яблоки съёмомъ.

Надо мазать телѣгу, дай подъемъ.
Гости въѣхали на дворъ.
Пастухи съютили шалашъ.
Съ горы съѣзжать надо шагомъ.
Съѣстные припасы всѣ вышли.
Подъѣзжай ближе къ дому.
Эти кони парой съѣзжены.
Я съѣзжу на два дня къ дядѣ.
Безъ костей рыбы не съѣсть.
Съѣлъ бы пирогъ, да въ печи сжѣгъ.

Ребята ѣздили съ горы. Пришли мужики,

взяли сани, подняли оглобли. Насъли полны сани и пустили подъ гору. Съехали хорошо, но на концѣ горы сани пошли въ бокъ и въехали въ сугробъ. Мужики упали въ снѣгъ.

Волкъ съелъ овцу. Мужики поймали волка и стали его бить. Волкъ сказалъ: за то вы меня мучите, что я сѣрь. Мужики сказали: не за то, что ты сѣрь, а за то, что ты овцу съелъ.

Старикъ сажалъ яблони. Ему сказали: зачѣмъ тебѣ эти яблони. Долго ждать съ этихъ яблонь плода, и ты не съешь съ нихъ яблочка. Старикъ сказалъ: я не съѣмъ, другіе съѣдятъ, мнѣ спасибо скажутъ.

Былъ у дурака ножъ очень хорошъ. Сталъ дуракъ этимъ ножемъ гвоздь рѣзать. Ножъ гвоздя не рѣзалъ. Тогда дуракъ сказалъ: дурень мой ножъ. И сталъ этимъ ножемъ жидкій кисель рѣзать: гдѣ пройдетъ по киселю ножемъ, тамъ кисель опять съѣдется. Дуракъ сказалъ: дурень ножъ и киселя не рѣжетъ и бросилъ хорошій ножъ.

Мужикъ сталъ спускать возъ подь гору и держалъ крѣпко возжи въ рукахъ. Возжи лопнули и возъ одинъ съѣхалъ съ горы. А мужикъ держалъ однѣ возжи въ рукахъ и кричалъ: тпру!

Два мужика пошли вмѣстѣ на охоту. Одинъ слѣзъ въ оврагъ и кричитъ другому: иди сюда, я медвѣдя поймалъ! — Тащи его сюда! Да не втащу! — Такъ самъ иди сюда! — Да не пускаетъ меня, съѣсть хочетъ.

Овцѣ ходили подь лѣсомъ, два ягнѣнка отошли отъ стада. Старая овца сказала: не шалите, ягнята, не долго до бѣды. А волкъ стоялъ за кустомъ и сказалъ: не правда, ягнята, овца стара, у ней ноги не ходятъ, такъ ей завидно. Бѣгайте одни по всему полю. Ягнята такъ и сдѣлали: отошли отъ стада; а волкъ поймалъ ихъ и съѣлъ.

Одинъ Царь строилъ себѣ дворецъ и передь дворцомъ сдѣлалъ садъ. Но на самомъ въѣздѣ съ садъ стояла избушка и жилъ бѣдный мужикъ. Царь хотѣлъ эту избушку

снести, чтобы она садъ не портила и послалъ своего министра къ бѣдному мужику, чтобы купилъ избушку. Министръ пошёлъ къ мужику и сказалъ: ты счастливъ. Царь хочетъ твою избушку купить. Она десяти рублей не стоитъ, а Царь тебѣ сто даетъ. Мужикъ сказалъ: нѣтъ, я избушку за сто рублей не продамъ. Министръ сказалъ: ну такъ Царь двѣсти даетъ. Мужикъ сказалъ: ни за двѣсти, ни за тысячу не отдамъ. Мой дѣдъ и отецъ въ избушкѣ этой жили и померли и я въ ней старъ сталъ и умру, Богъ дастъ. Министръ пошёлъ къ Царю и сказалъ: мужикъ упрямъ ничего не берётъ. Не давай же Царь мужику ничего, а вели снести избушку даромъ. Вотъ и всё.

Царь сказалъ: нѣтъ, я этого не хочу. Тогда министръ сказалъ: какъ же быть! Развѣ можно противъ дворца, гнилой избушкѣ стоять. Всякій взглянетъ на дворецъ, скажетъ: хорошъ бы дворецъ, да избушка портитъ. Видно, скажетъ, у Царя денегъ не было избушку купить; а Царь сказалъ: нѣтъ, кто взглянетъ на дворецъ, тотъ скажетъ: видно у Царя денегъ много было, что такой дворецъ сдѣлалъ; а взглянетъ на избушку, скажетъ: *видно въ*

Царѣ этомъ и правда была.

Оставь избушку.

Ружье. Копье. Бѣлье. Семья. Житье. Ульи.
Друзья. Ручьи. Бадья. Келья. Ружья. Листья.
Дарья. Сучья. Стулья. Веселье. Колья. Братья.
Счастье. Кушанья. Демьянъ. Деревья. Вьюш-
ка.

Во всѣмъ воля Божья.

Мое ружье бѣетъ далеко.

Бѣлье взяли въ мытье.

Волчьи ягоды не съѣдобны.

Наша семья мала.

Дарья и Марья стали друзья.

Въ печи закрыли вьюшки.

Иванъ бѣетъ лошадь плетью.

Демьянъ былъ нынче пьянъ.

Я шью по сукну шерстью.

Я пью изъ бадьи воду.

Петръ своимъ ружьемъ убѣетъ зайца.

Пастухъ ночью вѣетъ кнутъ.

Знаетъ вошка, чье мясо съѣла.

Своя семья самые вѣрные друзья.

Кукушка не вѣетъ своего гнѣзда.

Одинъ льётъ, другой пьеть, третій растётъ (дождь, земля, трава).

Живой мертваго бьётъ, а мертвый громко поётъ, (колоколь и языкъ колокола.)

Что краше свѣта? Что выше лѣса? Что чаще лѣса? Что безъ коренья? Чего мы не знаемъ?

Краше свѣта — красно солнце.

Выше лѣса — свѣтель мѣсяць.

Чаще лѣса — часты звѣзды.

А не знаемъ — Божьей воли.

Петя игралъ плетью и сталъ бить собаку. Мать сказала: зачѣмъ ты бьешь собаку, она уйдетъ и ночью некому насъ стеречь будетъ.

Мать съ дочерью достали бадью воды и хотѣли несть въ избу. Дочь сказала: тяжело нести, дай я воды солью немного. Мать сказала: сама дома пить будешь, а если сольешь, надо будетъ идти въ другой разъ. Дочь сказала: я дома не буду пить, а тутъ на весь день напьюсь.

Ребята сдѣлали себѣ веселье. Они сошлись

у ручья, принесли камень и склади ихъ въ ручьѣ. Смазали камень глиной и сталъ прудокъ. Изъ прудка пошла вода струйкой. Подъ струйку ребята подвели колесо. Вода вертѣла колесо.

Мужикъ пошелъ косить луга и заснулъ, а Счастье ходило по свѣту. Подошло Счастье къ мужику и сказало: вотъ онъ вмѣсто работы спить, а потомъ не сберетъ сѣно за погоду на меня — на Счастье скажетъ. Скажетъ: мнѣ счастья нѣтъ.

Хозяинъ хотѣлъ вывести въ своемъ огородѣ репы и каждый день ходилъ ихъ дергать и бросать, но когда онъ дергалъ репы, то онъ ихъ собиралъ на свое платье. Потомъ когда бросалъ ихъ на землю, на томъ мѣстѣ, гдѣ падали старые репы, выростали новые.

Кобыла ходила день и ночь въ полѣ, не пахала, а конь кормился ночью, а днемъ пахалъ. Кобыла и говоритъ коню: зачѣмъ ты папешь? Я бы на твоёмъ мѣстѣ не пошла. Онъ бы меня плетью, а я бы его ногою. — На дру-

гой день конь такъ и сдѣлалъ. Мужикъ видитъ, что конь сталъ упрямъ, запрѣгъ въ соху кобылу.

Спорилъ одинъ мужикъ съ другимъ, что много выпить можетъ. Онъ сказалъ: я всё море выпью. — А не можешь. — Выпью! Объ закладъ! Бьюсь объ закладъ на тысячу рублей, что все море выпью. На утро пришли къ мужику: что жъ, иди море пить или давай тысячу рублей! А онъ сказалъ: я брался море выпить и выпью море. Но я рѣкъ всѣхъ не брался пить. Прудите рѣки и ручьи, чтобъ вода въ море не текла, тогда я море выпью.

Худой волкъ ходилъ подлѣ деревни и встрѣтилъ жирную собаку. Волкъ спросилъ у собаки: скажи, собака, откуда вы кормъ берете. Собака сказала: люди намъ даютъ.

— Вѣрно вы трудную людямъ службу служите.

Собака сказала: нѣтъ, наша служба не трудная. Дѣло наше — по ночамъ дворъ стеречь.

— Такъ только за это васъ такъ кормятъ,

сказаль волкъ. Это я бы сей часъ въ вашу службу пошелъ, а то намъ волкамъ трудно корма достать.

— Чтожъ, иди, сказала собака. Хозяинъ и тебя также кормить станеть.

Волкъ былъ радъ и пошелъ съ собакой къ людямъ служить. Сталь уже волкъ въ ворота входить, видитъ онъ, что у собаки на шеѣ шерсть стёрта. Онъ скзаль:

А это у тебя, собака, отъ чего?

— Да такъ, сказала собака.

— Да что такъ?

— Да такъ, отъ цѣпи. Днемъ вѣдь я на цѣпи сижу, такъ вотъ цѣпью и стерло немного шерсть на шеѣ. Ну такъ прощай, собака, сказалъ волкъ. Не пойду къ людямъ жить. Пускай не такъ жиренъ буду, да на волѣ.

Львы. Лѣды. Тѣма. Лѣны. Кольца. Деньги. Свадьба. Вѣдьма. Синька. Пенька. Бѣльмо. Кульки. Крыльцо. Серьги. Пальто. Коньки. Рѣдка. Люлька. Шпилька. Мальчикъ. Мельница.

У меня только мѣдныя деньги.

Моему пальцу больно.

Мое кольцо тоньше вашего.

Дуньку послали въ пуньку.

У насъ будетъ свадьба, мнѣ нельзя ѣхать.

Ванька надѣлъ коньки и бѣгалъ по льду.

Клади въ воду больше синьки.

Танькѣ продѣли серьги и ей не было больно.

Привезли сельди въ кулькѣ.

Про вѣдьмъ только слышатъ, а никто ихъ не видитъ.

Изъ пеньки и льну дѣлаютъ полотно.

Что дальше въ лѣсъ то больше дровъ.

Львы сильны, но не злы

Шелъ отецъ съ семьёю дѣтьми, одинъ другаго меньше.

Дали Петькѣ рѣдьку она была горька.

Дарю тебѣ это кольцо и серьги.

Въ люлькѣ спалъ Сенька.

Заря деньгу даетъ. Раньше встанешь больше дня.

Два кольца, два конца, по серёдкѣ гвоздь.
(Ножницы).

Ѣхалъ съ базара мужикъ въ сыномъ Вань-

кой: мужикъ заснулъ въ телѣгѣ, а Ванька взялъ возжи и кнутомъ махалъ. На встрѣчу шли воза. Ванька кричитъ: „Держи правѣй! Задавлю!“ А мужикъ съ возомъ сказалъ: не великъ сверчокъ, а слышно кричить.

Хотѣла галка пить. На дворѣ стоялъ кувшинъ съ водой, а въ кувшинѣ была вода только на днѣ. Галкѣ нельзя было достать. Она стала кидать въ кувшинъ камушки и столько наклала, что вода стала выше и можно было пить.

У одной женщины былъ болѣе старшій сынъ. Отцу жалко было старшаго, онъ сказалъ: лучше бы умеръ меньшей. А мать сказала: все равно, какой палецъ ни укуси, все больно.

Митька набралъ столько грибовъ, что ему нельзя было всѣ донести домой. Онъ сложилъ ихъ въ лѣсу. На зарѣ Митька пошелъ взять грибы. Грибы унесли и онъ сталъ плакать. Мать ему сказала: что плачешь? Или наши лепешки поѣли кошки? Тогда Митькѣ стало

смѣшно, онъ тѣрь по лицу слѣзы и самъ смѣялся.

Пропали деньги у мужика и не могли найти вора. Сошлись мужики и стали судить: какъ узнать у кого деньги. Одинъ мужикъ сказалъ: а я знаю такое слово, что у вора шапка будетъ горѣть. Только смотрите, сейчасъ будетъ на ворѣ шапка горѣть. Одинъ мужикъ взялся за шапку и всѣ узнали, что онъ былъ воръ.

Пришелъ разъ ёжъ къ ужу и сказалъ: пусти меня, ужъ, въ свое гнѣздо на время. Ужъ пустилъ. Только какъ залѣзъ ёжъ въ гнѣздо, не стало житья ужатамъ отъ ежа. Ужъ сказалъ ежу: „Я пустилъ тебя только на время, а теперь уходи, ужата мои все колятся о твои иглы и имъ больно“. Ежъ сказалъ: „Тотъ уходи, кому больно, а мнѣ и тутъ хорошо.“

Плыли рыбаки въ лодкѣ. И стала буря. Имъ стало страшно. Они весла бросили и стали молить Бога, чтобы Онъ ихъ спасъ. Лодку несло по рѣкѣ все дальше отъ берега. Тогда од-

инъ старшій рыбаць сказалъ: что веслы бросили? Богу то молись, а къ берегу гребись.

Въ одномъ домѣ жили на верху богачъ баринъ, а внизу бѣдный портной. Портной за работой все пѣлъ пѣсни и мѣшалъ барину спать. Баринъ далъ портному мѣшокъ денегъ, чтобы онъ не пѣлъ. Портной сталъ богатъ и все стерегъ свои деньги, а пѣть ужъ не сталъ. И стало ему скучно, онъ взялъ деньги и снёсъ ихъ назадъ барину и сказалъ: возьми свои деньги назадъ, а мнѣ ужъ позволь пѣсни пѣть, а то на меня напала тоска.

Заѣли лисицу блохи. Она и вздумала какъ блохъ извести. Пришла къ рѣкѣ и стала съ кончика спускать свой хвостъ въ рѣку. Блохи съ хвоста прыгали ей на спину. Она стала и заднія ноги спускать въ воду. Блохи прыгали ей все выше на спину, на шею и на голову. Она еще глубже ушла въ воду, такъ, что только одна голова была видна. Блохи всѣ сошлись у ней на мордочкѣ. Тогда лисица нырнула въ воду. Блохи скочили на берегъ, а лисица вышла изъ воды въ другомъ мѣстѣ. Вол-

къ видѣль это и хотѣль сдѣлать лучше. Волкъ сразу прыгнулъ въ рѣку, нырнулъ глубоко и долго сидѣль подѣ водой; онѣ думаль, что блохи всѣ на немѣ помрутѣ. Вышелѣ изѣ воды, а блохи всѣ на немѣ отжили и стали его кусать.

Денникѣ. Ссора. Ссадина. Поддѣвка. Оттепель. Вводѣ. Ванна. Дрожжи. Суббота. Россія. Анна. Жжетѣ. Вверху.

Сонную собаку не буди.
Жарѣ всю траву сожжетѣ.
Баннѣй вѣникѣ лежитѣ на полу.
Жуки жужжатѣ.
Оттащи прочѣ брѣвна.
Столь затрѣсса.
На дворѣ оттепель.
Беззубая корова плохо ѣсть сѣно.
Вѣ денникѣ стоитѣ конѣ.
Рыбаки плыли вверхѣ по рѣкѣ.
Вчера ввечеру невѣсту ввели вѣ домѣ, и весь народѣ ввалился вѣ избу на неѣ смотретьѣ.
Рада бы курица на свадьбу не итти, да за

крыло сволокли.

Съ году на годъ беззубая старушка Маврушка кости жуётъ. (Мялка, чъмъ лёнь мнутъ).

Въ субботу ввечеру у Кати и Вари была ванна. Вышла у нихъ ссора, кому прежде влѣзть. Пришла мать и сказала: сядьте вмѣстѣ.

Мужику съ возомъ надо было ѣхать черезъ рѣку. Черезъ рѣку ходилъ паромъ. Мужикъ отпрѣгъ лошадь и свезъ телѣгу на паромъ; но лошадь была упряма и не хотѣла итти на паромъ. Мужикъ тащилъ ее изъ всѣхъ силъ за поводъ и не могъ ввести на паромъ, потомъ онъ сталъ толкать ее сзади; но не могъ ссунуть съ берега. Тогда онъ вздумалъ тащить ее за хвостъ прочь отъ воды. Лошадь была упряма и пошла не туда, куда ее тащили, и вошла на паромъ.

Червь дѣлалъ шелкъ, а паукъ дѣлалъ свои нитки и смѣялся надъ червёмъ. Твоя работа тихая, смотри я сколько сдѣлалъ и какія

длинныя мои нитки. Червь сказалъ: нитки твои длинны то длинны, да толку въ нихъ нѣтъ, а за мои золото платятъ.

Два рыбака тянули неводъ. Когда стало тяжело, одинъ сказалъ: неводъ не хорошъ; другой сказалъ: нѣтъ неводъ хорошъ, но ты слабо тянешь. И стала у нихъ ссора. Пока спорили рыба вся ушла.

Бѣлка прыгала съ вѣтки на вѣтку и упала прямо на соннаго волка. Волкъ вскочилъ и хотѣлъ её съѣсть. Бѣлка стала просить:пусти меня. Волкъ сказалъ: хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мнѣ отчего вы, бѣлки, такъ веселы. Мнѣ всегда скучно, а на васъ смотришь, вы тамъ вверху всё играете и прыгаете. Бѣлка сказала: «пусти меня прежде на дерево, а оттуда тебѣ скажу, а то я боюсь тебя». Волкъ пустилъ, а бѣлка ушла на дерево и оттуда сказала: тебѣ оттого скучно, что ты золъ. Тебѣ злость сердце жжетъ. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не дѣлаемъ.

Пришла важная мышь изъ города къ про-

стой мыши. Простая мышь жила въ полѣ, и дала своей гостьѣ, что было, гороха и пшеницы. Важная мышь погрызла и сказала: „оттого ты и худа, что житьё твое бѣдное, приходи ко мнѣ, посмотри какъ мы живёмъ.“

Вотъ пришла простая мышь въ гости. Дождались подѣ поломъ ночи. Люди поѣли и ушли. Важная мышь ввела изъ щели свою гостью въ горницу и обѣ влѣзли на столъ. Простая мышь никогда не видала такой ѣды и не знала за что взяться. Она сказала: твоя правда, наше житье плохое. Я перейду также въ городъ жить. Только она сказала это, затряса столъ и въ двери вошелъ человекъ съ свѣчкой и сталъ ловить мышей. На силу онѣ ушли въ щелку. „Нѣтъ“, говоритъ полевая мышь, „мое житье въ полѣ лучше. Хоть у меня сладкой ѣды и нѣтъ, да за то я и страха такого не знаю“.

Лягушка и мышь завели ссору. Вышли на кочку и стали драться. Ястребъ видитъ, что онѣ о немъ забыли, спустился и схватилъ обѣихъ.

Жила мышь въ полѣ у рѣки и пришла она къ другой мыши въ гости въ домъ. Поѣли они въ домъ. Гостья и спросила пить. Хозяйка повела гостью къ ведру. А у ведра была пролита вода. Вотъ тутъ напейся. Рѣчная мышь вздернула носикъ и сказала: ну ужъ житье! Когда я у себя пить захочу, я прямо къ рѣкѣ иду, изъ всей рѣки пью вволю. А та мышь сказала: здѣсь вода все та же, а и тамъ больше того не выпьешь, что тебѣ въ брюхо войдетъ.

МАТЬ И ДОЧЬ ЕЯ АННОЧКА.

У одной женщины умерла дѣвочка Анночка. Мать съ горя не пила, не ѣла и три дня и три ночи плакала. На третью ночь мать уснула. И видитъ мать во снѣ, что будто Анночка вошла къ ней и въ рукѣ держитъ кружечку. Что ты Анночка? И зачѣмъ у тебя кружечка? А я въ эту кружечку, мамочка, всѣ твои слёзы собрала. Видишь кружечка верхомъ полна. Не плачь больше. Если ты еще по мнѣ плакать будешь, то лишнія слёзы черезъ край на землю падутъ и тогда мнѣ на томъ свѣтѣ дурно будетъ. Мнѣ теперь хорошо тамъ.

Мать съ тѣхъ поръ больше не плакала по

своей дѣвочкѣ.

Она рада была, что ей хорошо на томъ свѣтѣ.

Иисусъ. Ааронъ. Вообще. Сообща. Приищи. Свѣтлѣ. Живѣ. Гуляя. Стрѣляя. Синяя. Синюю. Митяя.

Ааронъ былъ братъ Моисея.

Приищи такихъ друзей, чтобы у нихъ все съ тобой было сообща.

Я гуляя дошелъ до лѣса.

Дай мнѣ синюю ленту.

Я съѣлъ дурную ягоду и все плюю.

У дяди Митяя была каряя лошадь очень хороша. Узнали воры про карюю лошадь и вздумали ее украсть. Пришли они ночью и влѣзли на дворъ. А въ тотъ вечеръ мужикъ привелъ медвѣдя и сталъ на ночь у дядѣ Митяя. Дядя Митяй пустилъ мужика въ избу, вывелъ карюю лошадь на дворъ, а медвѣдя пустилъ въ денникъ, гдѣ стояла каряя лошадь. Воры ночью вошли въ денникъ и стали щупать. Медвѣдь всталъ и схватилъ вора. Воръ отъ

страха заораль во всю мочь. Дядя Митяй вышелъ и поймалъ воровъ.

Сталъ левъ старъ и пришла ему смерть. Пришли всѣ звѣри и стали вокругъ льва. Звѣрямъ было жутко и жалко, они стояли всѣ молча. Пришелъ, глупая голова, осель и сталъ плевать на льва, онъ сказалъ: я тебя прежде боялся, а теперъ не боюсь, плюю на тебя. Звѣри взяли и убили осла.

Сидѣла птичка на вѣткѣ, а внизу было на травѣ сѣмя. Птичка сказала: дай я поклюю. Слетѣла на сѣмя и попала въ сѣть. За что я пропала? сказала птичка ястребы живыхъ птиць ловятъ и все имъ ничего, а я заодно сѣмячко погибла.

Стало у мужика много мышей. Онъ взялъ въ домъ кошку, чтобы она ловила мышей, а кошка думала, что еѣ затѣмъ взяли, чтобы она сама стала жирна. Кошка и стала ѣсть кости и молоко и стала жирна и гладка. И не стала больше кошка мышей ловить. Она думала: пока я была худа и шаршава, я боялась,

чтобы меня не прогнали, а теперь я стала гладка и красива и мужикъ не прогонитъ меня. Другую кошку онъ не скоро справитъ, какъ меня. А мужикъ видитъ, что кошка не ловитъ мышей и говоритъ женѣ: кошка наша не годится, приищи котѣнка худаго. Взялъ жирную кошку, вынесъ въ лѣсъ и бросилъ.

Перепель. Перепѣлка Перепѣлочка. Цыплѣнокъ. Колокольня. Колокольчикъ. Конопляникъ. Набережная. Подберезникъ. Подъосинничекъ. Коробочки. Воскресенье. Наконечники. Виноградникъ. Черезъсѣдельникъ. Землетрясение. Книгопечатаніе. Хлѣбопашество. Золотошвейная. Путешествіе. Путешественники.

Нужда и по воскреснымъ днямъ постится. Незамороженная рѣка не держитъ. Непропаханное поле нельзя сѣять.

Морскихъ топить море, а сухопутныхъ горе.

Не будетъ пахатника не будетъ и бархатника.

На всякое чиханье не наздравствуешься.

Материнская молитва со сна моря поднимаетъ.

Сказанное слово серебрянное, а не сказанное золотое.

Пріѣхалъ купецъ на постоялый дворъ и спросилъ обѣдать. Хозяйка ему рассказывала, кто къ ней заѣзжалъ, а обѣдать все не давала. Купецъ разсердился и говоритъ: у тебя есть что слушать, да нечего кушать.

Два человѣка на улицѣ нашли вмѣстѣ книгу и стали спорить, кому ее взять. Третій шелъ мимо и спросилъ: кто изъ васъ умѣетъ читать? — Никто. — Такъ зачѣмъ вамъ книга? Вы спорите все равно какъ два плѣшивыхъ дрались за гребень, а самимъ чесать нечего было.

Волкъ убѣгалъ отъ собакъ и хотѣлъ спрятаться въ водомоину. А въ водомоинѣ сидѣла лисица, она оскалила зубы на волка и сказала: не пущу тебя — это мое мѣсто. Волкъ не сталъ спорить, а только сказалъ: если бы со-

баки не были такъ близко, я бы тебѣ показалъ, чье это мѣсто, а теперь видно твоя правда.

Мать отдавала дочь замужъ и приказывала ей слушаться всѣхъ въ мужниномъ домѣ. Поутру свекровь послала молодку за водой; молодка спросила: въ чѣмъ воду носить? Невѣстка въ шутку сказала: рѣшетомъ. Молодка взяла рѣшето и пошла за водой. Мужикъ увидалъ и спросилъ: зачѣмъ она такъ глупо дѣлаетъ. Мнѣ такъ велѣли. Ну, видно добрыхъ людей слушаться — рѣшетомъ воду носить.

Орѣль ухватилъ у лисицы лисенѣнка и хотѣлъ унести. Лисица стала просить, чтобы онъ пожалѣлъ ее. Орѣль не пожалѣлъ ее. Онъ подумалъ: что она мнѣ сдѣлаетъ? Гнѣздо у меня высоко на соснѣ. Она не достанетъ до меня. И унесъ лисенѣнка. Лисица побѣжала въ поле, достала у людей головешку съ огнемъ и принесла подъ сосну. Она хотѣла зажигать сосну; но орѣль сталъ просить прощенья и принесъ ей назадъ лисенѣнка.

У одной обезьяны были два дѣтеныша. Одного она любила, а другаго нѣтъ. Погнались разъ за обезьяной люди. Она ухватила любимаго дѣтеныша и побѣжала съ нимъ, а нелюбимаго бросила. Нелюбимый дѣтенышъ залѣзъ въ чащу лѣса, люди не примѣтили его, пробѣжали мимо. А обезьяна вскочила на дерево, да второпяхъ ударила головой объ сукъ любимаго дѣтеныша и убила его. Когда люди ушли, обезьяна пошла искать нелюбимаго дѣтеныша, но и его не нашла и осталась одна.

Выбрали разъ звѣри себѣ обезьяну въ начальники. Лисица пришла къ обезьянѣ и говоритъ: ты теперь у насъ начальникъ, я тебѣ услужить хочу: я нашла въ лѣсу кладъ: пойдёмъ, я тебѣ покажу. Обезьяна обрадовалась и пошла за лисицей. Лисица привела обезьяну къ капкану и говоритъ: вотъ здѣсь, возьми сама, а я до тебя трогать не хотѣла. Обезьяна засунула лапы въ капканъ и попалась. Тогда лисица побѣжала, призвала всѣхъ звѣрей и показала имъ обезьяну. Посмотрите, говоритъ, какого вы начальника выбрали! Видите, у нее ума нѣтъ, она въ капканъ попала.

Пришли непріятельскіе солдаты въ чужую землю. Народъ сталъ разбѣгаться. Одинъ мужикъ побѣжалъ въ поле за своею лошадыю и сталъ ловить ее. Лошадь не давалась мужику. Мужикъ и говоритъ ей: глупая, не дашься мнѣ, такъ тебя непріатели возмутъ. А лошадь говоритъ: а что непріатели со мною дѣлать будутъ? Мужикъ говоритъ: извѣстно, возить заставятъ. А лошадь говоритъ: а у тебя развѣ я не вожу? Стало быть, мнѣ все одно, что на тебя, что на непріателей твоихъ работать.

Разговорились кошка съ лисицею, какъ отъ собакъ отдѣлываться. Кошка говоритъ: я собакъ не боюсь, потому что у меня отъ нихъ одна уловка есть. А лисица говоритъ: какъ можно съ одной уловкой отдѣлаться отъ собакъ. У меня такъ семьдесятъ семь уловокъ и семьдесятъ семь увертокъ есть. Пока онѣ говорили, наѣхали охотники и набѣжали собаки. У кошки одна уловка: она вскочила на дерево и собаки не поймали ея; а лисица начала свои увертки дѣлать, да не увернулась, собаки поймали ее.

Была свинья и у ней было пятнадцать бѣленькихъ поросеночковъ. Всѣ были послушны, одинъ только пестрый поросеночекъ ослушивался матери. Мать не приказывала ему отходить отъ себя, а онъ все отбивался. Разъ непослушный поросеночекъ забѣжалъ далеко. Свинья разсердилась на него и говоритъ: уйду я подальше, онъ испугается и впередъ не будетъ ослушиваться. Только она отошла, слышитъ сзади поросеночекъ повизгиваетъ, ее отыскиваетъ. Ей стало жаль поросеночка, она повернулась назадъ, хотѣла его взять съ собой. Вдругъ услышала — онъ визжитъ. Прибѣжала свинья къ тому мѣсту, гдѣ былъ поросеночекъ, а его уже нѣтъ, только забрызгана земля кровью и волчьи слѣды по пыли виднѣются.

Орелъ свилъ на деревѣ гнѣздо и вывелъ орлятъ. А подъ деревомъ дикая свинья вывела поросятъ. Орелъ леталъ на добычу и ворочался къ своимъ орлятамъ, а свинья копала около дерева и ходила въ лѣсъ, а къ ночи приносила кормъ своимъ поросятамъ. И жи-

ли орель съ свиньей въ дружбѣ. Задумаль котъ погубить орлять и поросятъ. Пришелъ онъ къ орлу и говоритъ: ты, орель, не летай далеко. Посматривай за свиньей. Она затѣяла плохое дѣло: хочетъ дерево съ кореньями подрыть. Видишь, она все копаетъ. Потомъ пошелъ котъ къ свиньѣ и говоритъ: не хорошо у тебя, свинья, сосѣдъ. Вчера я слышалъ, орель говорилъ своимъ орлятамъ: ну, орлятушки, угощу васъ скоро поросятинкой. Вотъ дай только она уйдетъ, принесу вамъ молочнаго поросеночка покушать.

Съ тѣхъ поръ пересталь орель летать за добычею, а свинья не ходила больше въ лѣсъ. Подошли съ голода и орлята и поросята и котъ поѣлъ ихъ.

Мужикъ нашель дорогой камень и понесъ къ Царю, пришелъ во дворецъ и сталъ спрашивать у царскихъ слугъ: какъ-бы Царя увидать. Одинъ царскій слуга спросиль: зачѣмъ ему Царя. Мужикъ расказаль. Слуга и говоритъ: хорошо, я скажу Царю, но только отдай мнѣ половину того, что тебѣ дастъ Царь. А если не обѣщаешь, то не допущу тебя до Царя.

Мужикъ обѣщаль, слуга доложилъ Царю. Царь взялъ камень и говоритъ: какую тебѣ, мужикъ, награду дать? Мужикъ говоритъ: дай мнѣ пятьдесятъ плетей: не хочу другой награды. Только у меня съ твоимъ слугою уговоръ былъ, чтобы пополамъ дѣлать награду. Такъ мнѣ двадцать пять и ему двадцать пять. Царь посмѣялся и прогналъ слугу, а мужику далъ тысячу рублей.

Пропалъ у богатого купца кошелекъ съ деньгами и объявилъ купецъ, что было въ кошелькѣ двѣ тысячи рублей и обѣщаль половину отдать тому, кто найдетъ деньги. Работникъ нашель кошелекъ и принесъ къ купцу. Купцу жаль было отдать обѣщанную половину. Онъ придумаль, что будто у него кромѣ денегъ, въ кошелькѣ еще дорогой камень былъ, и говоритъ: я не отдамъ денегъ. Въ кошелькѣ былъ дорогой камень. Отдай мнѣ камень, тогда отдамъ тысячу рублей. Работникъ пошелъ къ судѣ. Судья разсудилъ такъ: онъ сказалъ купцу: ты говорилъ, что въ кошелькѣ было двѣ тысячи рублей и еще камень дорогой. А въ этомъ кошелькѣ нѣтъ камня, зна-

читать кошелекъ этотъ не твой. Пускайже этотъ кошелекъ съ деньгами останется у работника, пока ихъ хозяинъ найдется, а ты объяви объ своей пропажѣ, можетъ она и найдется. Купецъ не сталъ спорить и отдалъ работнику тысячу рублей.

Былъ одинъ богатый, скупой человекъ. Денегъ у него было много, а ему все мало было. И рядомъ съ скупымъ, завистливый человекъ.

Завистливому самому ничего не нужно было. Пришла къ этимъ двумъ людямъ волшебница и говоритъ имъ: просите чего хотите, чего пожелаете, — то сдѣлается, только пусть просить одинъ изъ двоихъ. А чего одинъ попроситъ, того другому дамъ вдвое.

Скупой и подумалъ: пускай сосѣдъ проситъ. Онъ попроситъ богатства, а мнѣ вдвое будетъ. А завистливый подумалъ: чего-бы я не попросилъ, сосѣду вдвое дадутъ. Такъ дай-же, я попрошу того, чему онъ и не радъ будетъ. И завистливый попросилъ, чтобы у него у самага одинъ глазъ лопнулъ; такъ и сдѣлалось: завистливый окривѣлъ, а скупой

совсѣмъ ослѣпъ.

Тетеревъ сидѣлъ на деревѣ. Лисица подошла къ нему и говоритъ: здравствуй, тетеревочекъ мой дружочекъ, какъ услышала твой голосочекъ, такъ и пришла тебя провѣдать. Спасибо на добромъ словѣ, сказалъ тетеревъ. Лисица притворилась, что не разслышитъ и говоритъ: что говоришь? не слышу. Ты бы тетеревочекъ мой дружочекъ, сошелъ на травушку погулять, поговорить со мной, а то я съ дерева не разслышу. Тетеревъ сказалъ: боюсь я сходить на траву. Намъ птицамъ, опасно ходить по землѣ.

Или ты меня боишься? сказала лисица. Не тебя, такъ другихъ звѣрей, боюсь, сказалъ тетеревъ. Всякіе звѣри бываютъ.

Нѣтъ, тетеревочекъ мой дружечекъ, нынче указъ объявленъ, чтобы по всей землѣ миръ былъ. Нынче ужъ звѣри другъ друга не трогаютъ. Вотъ это хорошо, сказалъ тетеревъ, а то вотъ собаки бѣгутъ, кабы по старому, тебѣ бы уходить надо, а теперь тебѣ бояться нечего. Лисица услышала про собакъ, навострила уши и хотѣла бѣжать. Куда-жъ ты? ска-

заль тетеревъ, вѣдь нынче указъ, собаки не тронуть. А кто ихъ знаетъ! сказала лисица, можетъ онѣ указа не слышали. И убѣжала.

Ноша. (Басня.)

Въ Москву послѣ Француза пришли два мужика — искать богатства. Одинъ былъ умный, другой глупый. Они вмѣстѣ пришли на пожарище и нашли обгорѣлую шерсть. Они сказали: пригодится для дома. Связали сколько могли унести и понесли домой. На дорогѣ, на улицѣ, они увидали, лежитъ подъ рогожами сукно. Умный мужикъ сбросилъ шерсть, связалъ сукна, сколько могъ донести, и взвалилъ на плечи. Глупый сказалъ: за чѣмъ бросать шерсть. Она увязана хорошо и на плечахъ хорошо держится и не взялъ сукна. Они пошли дальше и увидали: на дорогѣ лежатъ выброшенные платья. Умный мужикъ свалилъ сукно, завязалъ платья и взвалилъ на плечи. Глупый сказалъ: зачѣмъ бросать шерсть, она хорошо увязана и крѣпко держится на плечахъ. Они пошли дальше и увидали лежитъ посуда серебряная. Умный бросилъ платья и собралъ сколько могъ серебра и понесъ;

а глупый не снялъ шерсти, потому что она хорошо увязана и крѣпко держится. Еще дальше на дорогѣ увидали они, лежитъ золото. Умный бросилъ серебро и поднялъ золото, а глупый сказалъ: къ чему снимать шерсть. Она хорошо увязана и крѣпко на плечахъ держится. И они пошли домой. На дорогѣ ихъ засталъ дождь и такъ намочилъ шерсть, что глупый бросилъ и пришелъ домой ни съ чѣмъ, а умный принесъ золото и сталъ богатъ.

Большая печка. (Басня.)

У одного человѣка былъ большой домъ, а въ домѣ была большая печь; а семья у этого человѣка была небольшая: только самъ, да жена. Когда пришла зима, сталъ человѣкъ топить печь и сжегъ въ одинъ мѣсяцъ всѣ свои дрова. Нечѣмъ стало топить, а холодно. Тогда человѣкъ сталъ ломать дворъ и топить лѣсомъ изъ разломаннаго двора. Когда онъ сжегъ весь дворъ, въ домѣ безъ защиты стало еще холоднѣе, а топить нечѣмъ. Тогда онъ влѣзъ, разломалъ крышу и сталъ топить крышей; въ домѣ стало еще холоднѣе, — а дровъ нѣту. Тогда человѣкъ сталъ разбирать потоло-

къ изъ дома, чтобы топить имъ. Сосѣдъ увидалъ, какъ онъ потолокъ разворачиваетъ и говоритъ ему: что ты, сосѣдъ, или съ ума сошелъ? — Зимой потолокъ раскрываешь! Ты и себя и жену заморозишь! А человекъ говоритъ: нѣтъ братъ: я вѣдь за тѣмъ и потолокъ поднимаю, чтобы мнѣ печку топить. У насъ печь такая, что чѣмъ больше топлю, то холоднѣе становится. Сосѣдъ засмѣялся и говоритъ: ну, а какъ потолокъ сожжешь, тогда домъ разбирать будешь? Жить негдѣ будетъ, останется одна печь, да и та остынетъ.

Такое мое несчастіе, сказалъ человекъ. У всѣхъ сосѣдей дровъ на всю зиму хватило, а я дворъ и половину дома сжегъ и то не достало. Сосѣдъ сказалъ: тебѣ надо только печку передѣлать. А человекъ сказалъ: знаю я, что ты моему дому и моей печкѣ завидуешь за то, что она больше твоей, затѣмъ и не велишь ломать; и не послушался сосѣда и сжегъ потолокъ и сжегъ домъ и пошелъ жить къ чужимъ людямъ.

Находка. (Быль.)

Въ одной деревнѣ жила старушка съ внучкой. Онѣ были очень бѣдны и ѣсть имъ было

нечего. Пришло Свѣтло Христово Воскресе-
нье. Народъ радуется. Всѣ купили себѣ
разговѣться, только старушкѣ съ внучкой
нечѣмъ разговѣться. Поплакали онѣ, и стали
Бога просить, чтобы Онъ имъ помогъ. И
вспомнила старушка, что встарину, во время
француза, мужики деньги въ землю зарыва-
ли. Старушка и говоритъ внучкѣ: «возьми ты,
внучка, лопатку и иди на старое селище; по-
молись Богу, да порой въ землѣ, можетъ Богъ
намъ и пошлетъ что нибудь. Внучка и дума-
етъ: какъ можно кладъ найдти. Ну да сдѣлаю,
какъ бабушка велитъ. Взяла лопату и пошла.
Вырыла она яму и думаетъ: будетъ, порылась,
пойду домой. Хотѣла подымать лопату, слы-
шить — обо что-то лопата стукнула. Она на-
гнулась, видитъ кубышка большая. Потряс-
ла ее, что-то звенить. Она бросила лопату,
побѣжала къ бабушкѣ, кричитъ: бабушка,
кладъ наша! Открыли кубышку, въ ней пол-
но серебряныхъ, рубленыхъ копѣчекъ. И ба-
бушка съ внучкой купили себѣ къ празднику,
чѣмъ разговѣться и корову купили и благода-
рили Бога, что онъ услышалъ ихъ молитву.

Дѣвочка и разбойники. (Сказка.)

Одна дѣвочка стерегла въ полѣ корову. Пришли разбойники и увезли дѣвочку. Разбойники привезли дѣвочку въ лѣсъ въ домъ и велѣли ей стряпать, убирать и шить. Дѣвочка жила у разбойниковъ, работала на нихъ и не знала какъ уйти. Когда разбойники уходили, они запирали дѣвочку. Разъ ушли всѣ разбойники и оставили дѣвочку одну. Она принесла соломы, сдѣлала изъ соломы куклу, надѣла на нее свои платья и посадила у окна. А сама вымазалась мѣдомъ, вывалялась въ перьяхъ, и стала похожа на страшную птицу. Она выскочила въ окно и побѣжала. Только что она вышла на дорогу, видитъ на встрѣчу ей идутъ разбойники. Разбойники не узнали ее и спросили: «чучело, что наша дѣвочка дѣлаетъ? А дѣвочка и говоритъ:

«Она моетъ, готовитъ и шьетъ, у окна разбойничковъ ждетъ. И сама еще скорѣе побѣжала.

Разбойники пришли домой и видятъ у окна кто-то сидитъ. Они поклонились и говорятъ: здравствуй, наша дѣвочка, отопримъ намъ; и видятъ, что дѣвочка не кланяется и молчитъ. Они стали бранить куклу, а она все

недвигается и молчить. Тогда они сломали дверь и хотѣли убить дѣвочку — и тутъ увидели, что это не дѣвочка, а соломенная кукла. Разбойники ее бросили и говорятъ: обманула насъ дѣвочка!

А дѣвочка пришла къ рѣкѣ, обмылась и пришла домой.

Орѣховая вѣтка. (Сказка.)

Жилъ богатый купецъ и было у него три дочери. Собрался онъ ѣхать за товаромъ и спросилъ у дочерей: что имъ привезть? Старшая попросила бусы. Вторая попросила колечко, а меньшая говоритъ: мнѣ ничего не нужно. Если вспомнишь про меня, то привези орѣховую вѣтку. Купецъ уѣхалъ, сдѣлалъ свои дѣла и купилъ старшей дочери бусы, второй колечко. Ёдетъ онъ уже назадъ черезъ большой лѣсъ и вспомнилъ, что меньшая ничего не просила, только орѣховую вѣтку и слѣзь съ повозки и пошелъ сорвать орѣховую вѣтку. Вдругъ, видитъ орѣховая вѣтка и не простая, а на ней золотые орѣхи. Купецъ и думаетъ: вотъ и моей меньшей умницѣ подарокъ, нагнулъ вѣтку и сломилъ. Вдругъ, откуда ни взялся медвѣдь; схватилъ купца за руку и го-

ворить: ты какъ смѣль мою вѣтку ломать. Теперь я тебя съѣмъ. Купецъ испугался и говоритъ: я бы не взялъ вѣтки, да меньшая дочь просила меня.

Медвѣдь и говоритъ: иди же домой, но помни: тотъ, кто тебя дома первый встрѣтитъ, того ты мнѣ отдай. Купецъ обѣщался и медвѣдь отпустилъ его. Купецъ поѣхалъ дальше и пріѣхалъ домой.

Только въѣхалъ во дворъ, бѣжить на встрѣчу его любимая — меньшая дочь. Купецъ вспомнилъ, что онъ обѣщался медвѣдю, того, кто его первый встрѣтитъ и такъ и обмеръ.

Разсказалъ купецъ все, что съ нимъ было и что надо меньшую дочь медвѣдю отдать. Стали всѣ плакать. А мать говоритъ: «не плачьте, я знаю что сдѣлать. Когда медвѣдь придетъ за нашей дочкой, мы нарядимъ пастухову дочь и отдадимъ ее вмѣсто своей.»

Разъ сидятъ всѣ дома и видятъ, что ѣдетъ на дворъ карета. Стали смотрѣть. Видятъ: изъ кареты вышелъ медвѣдь. Вошелъ медвѣдь къ купцу и говоритъ: давай дочь. Купецъ не знаетъ, что сказать. А мать догадалась снарядила

пастухову дочь и привела медвѣдью. Медвѣдь посадилъ её въ карету и поѣхалъ. Только отѣхали, медвѣдь зарычалъ и хотѣлъ съѣсть пастухову дочь. Тогда она призналась, что она пастухова, а не купцова дочь.

Медвѣдь вернулся къ купцу и говоритъ: ты меня обманулъ, давай настоящую дочь. Плакали, одѣли дочь, простились съ нею и отдали медвѣдью. Медвѣдь посадилъ её въ карету и поѣхалъ. Ѣхали они, Ѣхали; пріѣхали въ большой лѣсъ и остановились. Медвѣдь выльзъ изъ кареты и сказалъ: вотъ нашъ домъ, иди за мной. Медвѣдь вльзъ въ яму, дѣвочка вошла за нимъ. Потомъ отворилъ медвѣдь большую дверь и ввелъ дѣвочку въ темный подвалъ и говоритъ: иди за мной. Дѣвочка дрожала отъ страха и думала, что ея конецъ пришёлъ; а все таки шла за медвѣдемъ. Вдругъ затрещало что то, какъ громъ, стало свѣтло и дѣвочка видитъ, что она не въ подвалѣ, а въ богатомъ дворцѣ: свѣтло, музыка играетъ и нарядные люди ее встрѣчаютъ и ей кланяются, а рядомъ съ ней молодой князь. Князь подошелъ къ ней и сказалъ: «я не медвѣдь, а князь, и хочу на тебѣ

жениться.»

Тогда послали за отцемъ и матерью, позвали гостей и съиграли сватьбу. Жили они счастливо и всегда берегли орѣховую вѣтку.

Птичка. (Быль.)

Быль Сережа имянинникъ и много ему разныхъ подарили подарковъ; и волчки и кони и картинки. Но дороже всѣхъ подарковъ, подарилъ дядя Сережѣ сѣтку, чтобъ птиць ловить. Сѣтка сдѣлана такъ, что на рамкѣ придѣлана дощечка и сѣтка откинута. Насыпать сѣмя на дощечку и выставить на дворъ. Прилетитъ птичка, сядетъ на дощечку, дощечка подвернется и сѣтка сама захлопнется. Обрадовался Сережа, прибѣжалъ къ матери показать сѣтку. Мать говоритъ: не хороша игрушка. На что тебѣ птички? зачѣмъ ты ихъ мучить будешь! — Я ихъ въ клѣтки посажу. Они будутъ пѣть, и я ихъ буду кормить. — Досталъ Сережа сѣмя, насыпалъ на дощечку и выставилъ сѣтку въ садъ. И все стоялъ, ждалъ, что птички прилетятъ. Но птицы его боялись и не летѣли на сѣтку. Пошелъ Сережа обѣдать и сѣтку оставилъ. Поглядѣлъ послѣ обѣда, сѣтка захлопнулась и подъ сѣткой

бьется птичка. Сережа обрадовался, поймалъ птичку и понесъ домой. Мама! посмотрите я птичку поймалъ, это вѣрно соловей! и какъ у него сердце бьется. Мать сказала: это чижъ. Смотри-же не мучай его, а лучше пусти. Нѣтъ я его кормить и поить буду. Посадила Сережа чижа въ клѣтку и два дня сыпалъ ему сѣмя и ставилъ воду и чистилъ клѣтку. На третій день онъ забылъ про чижа и не перемѣнилъ ему воду. Мать ему и говоритъ: вотъ видишь, ты забылъ про свою птичку, лучше пусти ее. Нѣтъ, я не забуду, я сейчасъ поставлю воды и вычищу клѣтку. Засунулъ Сережа руку въ клѣтку сталъ чистить, а чижикъ испугался, бьется объ клѣтку. Сережа вычистилъ клѣтку и пошелъ за водой. Мать увидала, что онъ забылъ закрыть клѣтку и кричитъ ему: Сережа закрой клѣтку, а то вылетитъ и убьется твоя птичка! Не успѣла она сказать, чижикъ нашелъ дверку, обрадовался, распустилъ крылушки и полетѣлъ черезъ горницу къ окошку. Да не видалъ стекла, ударился о стекло и упалъ на подоконникъ.

Прибѣжалъ Сережа, взялъ птичку, понесъ ее въ клѣтку. Чижикъ былъ еще живъ; но ле-

жалъ на груди распутивши крылушки и тяжело дышалъ, Сережа смотрѣлъ, смотрѣлъ и началъ плакать. — Мама! что мнѣ теперь дѣлать?

Теперь ничего не сдѣлаешь. Сережа цѣлый день не отходилъ отъ клѣтки и все смотрѣлъ на чирика, а чирикъ все такъ же лежалъ на грудкѣ и тяжело и скоро дышалъ. Когда Сережа пошелъ спать, чирикъ еще былъ живъ. Сережа долго не могъ заснуть, всякій разъ, какъ закрывалъ глаза, ему представлялся чирикъ, какъ онъ лежитъ и дышетъ. Утромъ, когда Сережа подошелъ къ клѣткѣ, онъ увидѣлъ, что чирикъ уже лежитъ на спинкѣ, поджалъ лапки и заостенѣлъ. Съ тѣхъ поръ Сережа никогда не ловилъ птицъ.

Три медвѣдя. (Сказка.)

Одна дѣвочка ушла изъ дома въ лѣсъ. Въ лѣсу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла въ лѣсу къ домику.

Дверь была отворена: она посмотрѣла въ дверь, видитъ въ домикъ никого нѣтъ и вошла. Въ домикъ этомъ жили три медвѣдя. Одинъ медвѣдь былъ отецъ, звали его Михайлъ

Иванычъ. Онъ былъ большой и лохматый. Другой была медвѣдица. Она была поменьше и звали её Настасья Петровна. Третій былъ маленькій медвѣженокъ и звали его Мишутка. Медвѣдей небыло дома, они ушли гулять по лѣсу.

Въ домикѣ было двѣ комнаты: одна столовая, другая спальня. Дѣвочка вошла въ столовую и увидѣла на столѣ три чашки съ похлѣбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина; третья синенькая чашечка была Мишуткина. Подлѣ каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Дѣвочка взяла самую большую ложку и похлебала изъ самой большой чашки; потомъ взяла среднюю ложку и похлебала изъ средней чашки, потомъ взяла маленькую ложечку и похлебала изъ синенькой чашечки; и Мишуткина похлѣбка ей показалась лучше всѣхъ.

Дѣвочка захотѣла сѣсть и видить у стола три стула: одинъ большой, Михайлы Иваныча, другой поменьше, Настасьи Петровнинъ

и третій маленькій, съ синенькой подушечкой — Мишуткинъ. Она полѣзла на большой стуль и упала; потомъ сѣла на средній стуль, на немъ было неловко, потомъ сѣла на маленькій стульчикъ и засмѣялась, такъ было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колѣна и стала ѣсть. Поѣла всю похлѣбку и стала качаться на стуль.

Стульчикъ проломился и она упала на полъ. Она встала, подняла стульчикъ и пошла въ другую горницу. Тамъ стояли три кровати: Одна большая Михайлы Иванычева, другая средняя — Настасьи Петровнина, третья маленькая — Мишенькина. Дѣвочка легла въ большую, ей было слишкомъ просторно; легла въ среднюю — было слишкомъ высоко; легла въ маленькую — кровать припшлась ей какъ разъ въ пору, и она заснула.

А медвѣди пришли домой голодные и захотѣли обѣдать Большой медвѣдь взялъ свою чашку, взглянулъ и заревѣлъ страшнымъ голосомъ:

Кто хлебаль въ моей чашкѣ!

Настасья Петровна посмотрѣла свою чашку и зарычала, не такъ громко:

Кто хлебаль въ моей чашкѣ!

А Мишутка увидаль свою пустую чашечку
и запищаль тонкимъ голосомъ:

Кто хлебаль въ моей чашкѣ я все выхлебаль!

Михайло Иванычъ взглянулъ на свой стулъ и зарычаль страшнымъ голосомъ:

Кто сидѣлъ на моемъ стулѣ и сдвинулъ его съ мѣста!

Настасья Петровна взглянула на свой стулъ и зарычала не такъ громко:

Кто сидѣлъ на моемъ стулѣ и сдвинулъ его съ мѣста!

Мишутка взглянулъ на свой сломанный стульчикъ и пропищаль:

Кто сидѣлъ на моемъ стулѣ и сломаль его!

Медвѣди пришли въ другую горницу.

Кто ложился въ мою постель и смялъ ее!

Зеревѣль Михайло Иванычъ страшнымъ голосомъ.

Кто ложился въ мою постель и смялъ ее,
зарычала Настасья Петровна не такъ громко.

А Мишенька подставилъ скамеечку,
полѣзъ въ свою кроватку и запищаль тонки-

МЪ ГОЛОСОМЪ:

Кто ложился въ мою постель!

И вдругъ онъ увидалъ дѣвочку и завизжалъ такъ какъ будто его рѣжутъ:

Вотъ она? Держи, держи! Вотъ она. Вотъ она! Ай яяй! Держи!

Онъ хотѣлъ еѣ укусить. Дѣвочка открыла глаза, увидѣла медвѣдей и бросилась къ окну. Окно было открыто, она выскочила въ окно и убѣжала. И медвѣди не догнали еѣ.

**Какъ дядя Семень рассказывалъ
про то, что съ нимъ въ лѣсу было.
(Рассказъ.)**

Поѣхалъ я разъ зимою въ лѣсъ за деревьями, срубилъ три дерева, обрубилъ сучья, обтесалъ, смотрю ужъ поздно, надо домой ѣхать. А погода была дурная: снѣгъ шелъ и мело. Думаю, ночь захватить и дороги не найдешь. Погналъ я лошадей; ѣду, ѣду — все выѣзду нѣтъ. Все лѣсъ. Думаю, шуба на мнѣ плохая, замерзнешь. Ѣздилъ, Ѣздилъ, нѣтъ дороги и темно. Хотѣлъ ужъ сани отпрягать, да подъ сани ложиться, слышу недалеко бубенцы погромыхиваютъ. Поѣхалъ я на бубенчики, вижу тройка коней соврасыхъ, гривы заплете-

ны лентами, бубенцы свѣтятся и сидятъ двое молодцовъ.

Здорово братцы! — Здорово мужикъ! — Гдѣ братцы дорога? — Да вотъ мы на самой дорогѣ. Выѣхалъ я къ нимъ, смотрю, что за чудо — дорога гладкая и не замеченая. — Ступай, говорятъ, за нами и погнали коней. Моя кобылка плохая не поспѣваетъ. Сталъ я кричать: подождите братцы! Остановились, смѣются. — Садись, говорятъ, съ нами. Твоей лошади порожнемъ легче будетъ. Спасибо, говорю. Перелѣзъ я къ нимъ въ сани. Сани хорошія, ковровыя. Только сѣлъ я, какъ свиснутъ: ну вы любезные! Завились соврасые кони такъ, что снѣгъ столбомъ. Смотрю, что за чудо. Свѣтлѣй стало и дорога гладкая какъ ледъ и палимъ мы такъ, что духъ захватываетъ, только по лицу вѣтками стегають. Ужъ мнѣ жутко стало. Смотрю впередъ: гора крутая, прекрутая и подъ горой пропасть. Соврасые прямо въ пропасть летятъ. Испугался я, кричу: батюшки! легче, убьете! Куда тутъ, только смѣются, свищутъ. Вижу я пропадать. Надъ самой пропастью сани. Гляжу, у меня надъ головой сукъ. Ну думаю: пропадайте од-

ни. Приподнялся, схватился за сукъ и повисъ. Только повисъ и кричу: держи! А самъ слышу тоже, кричатъ бабы: дядя Семень! чего ты? Бабы, а бабы! дуйте огонь. Съ дядей Семеномъ что-то недоброе — кричить. Вздудли огонь. Отчнулся я. А я въ избѣ, за палати ухватился руками, вишу и кричу не путевымъ голосомъ. А это я — все во снѣ видѣль.

Корова. (Быль.)

Жила вдова Марья съ своей матерью и съ шестью дѣтьми. Жили они бѣдно. Но купили на послѣднія деньги бурую корову, чтобъ было молоко для дѣтей. Старшіе дѣти кормили Буренушку въ полѣ и давали ей помои дома. Одинъ разъ мать вышла со двора, а старшій мальчикъ Миша полѣзъ за хлѣбомъ на полку, уронилъ стаканъ и разбилъ его. Миша испугался, что мать его будетъ бранить, подобралъ большія стекла отъ стакана, вынесъ на дворъ и зарылъ въ навозѣ, а маленькія стеклушки всѣ подобралъ и бросилъ въ лаханку. Мать хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказалъ: и такъ дѣло осталось.

На другой день послѣ обѣда, пошла мать давать Буренушкѣ помои изъ лаханки, ви-

дить Буренушка скучна и не ѣсть корма. Стали лѣчить корову, позвали бабку. Бабка сказала: корова жива не будетъ надо ее убить на мясо. Позвали мужика, стали бить корову. Дѣти услышали какъ на дворѣ заревѣла Буренушка. Собрались всѣ на печку и стали плакать. Когда убили Буренушку, сняли шкуру и разрѣзали на части, у ней въ горлѣ нашли стекло.

И узнали, что она издохла отъ того, что ей попало стекло въ помояхъ. Когда Миша узналъ это, онъ сталъ горько плакать и признался матери объ стаканѣ. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала: убили мы свою Буренушку, купить теперь не на что. Какъ проживутъ малыя дѣти безъ молока: Миша еще пуще сталъ плакать и не слѣзалъ съ печи, когда ѣли студень изъ коровьей головы. Онъ каждый день во снѣ видѣлъ, какъ дядя Василій несъ за рога мертвую, бурую голову Буренушки съ открытыми глазами и красной шеей. Съ тѣхъ поръ у дѣтей молока не было. Только по праздникамъ бывало молоко, когда Марья попросить у сосѣдей горшечекъ. Случилось, барынѣ той деревни, понадобил-

лась къ дитяти няня. Старушка и говоритъ дочери, отпусти меня, я пойду въ няни и тебѣ можетъ Богъ поможетъ одной съ дѣтьми управляться. А я, Богъ дастъ, заслужу въ годъ на корову. Такъ и сдѣлали. Старушка ушла къ барынь. А Марья еще тяжелѣе съ дѣтьми стало. И дѣти безъ молока цѣлый годъ жили: одинъ кисель и тюрю ѣли и стали худые и блѣдные. Прошелъ годъ, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей. Ну дочка! говоритъ, теперь купимъ корову. Обрадовалась Марья, обрадовались всѣ дѣти. Собрались Марья съ старухой на базарь покупать корову. Сосѣдку попросили съ дѣтьми побыть, а сосѣда дядю Захара попросили съ ними поѣхать, выбирать корову. Помолились Богу, поѣхали въ городъ. Дѣти пообѣдали и вышли на улицу смотрѣть: не ведутъ-ли корову. Стали дѣти судить: какая будетъ корова — бурая или черная. Стали они говорить: какъ ее кормить будутъ. Ждали они, ждали цѣлый день. За версту ушли встрѣчать корову, ужъ смеркаться стало, вернулись назадъ. Вдругъ, видятъ: по улицѣ ѣдетъ на телѣгѣ бабушка, а у задняго колеса идетъ пестрая корова за рога

привязана и идетъ сзади мать, хворостиной подгоняетъ. Подбѣжали дѣти, стали смотрѣть корову. Набрали хлѣба, травы, стали кормить. Мать пошла въ избу, раздѣлась и вышла на дворъ съ полотенцемъ и подойникомъ. Она сѣла подъ корову, обтерла вымя. Господи благослови! стала доить корову; а дѣти сѣли кругомъ и смотрѣли какъ молоко брызнуло изъ вымя въ край подойника и засвистѣло у матери изъ подъ пальцевъ. Надоила мать половину подойника, снесла на погребъ и отлила дѣтямъ горшочекъ къ ужину.

Филипокъ. (Быль.)

Быль мальчикъ, звали его Филиппъ. Пошли разъ всѣ ребята въ школу. Филиппъ взялъ шапку и хотѣлъ тоже идти. Но мать сказала ему: — куда ты, Филипокъ, собрался? — Въ школу. Ты еще малъ, не ходи, и мать оставила его дома. Ребята ушли въ школу. Отецъ еще съ утра уѣхалъ въ лѣсъ, мать ушла на поденную работу. Остались въ избѣ Филипокъ да бабушка на печкѣ. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а онъ сталъ искать шапку. Своей не нашель, взялъ старую, отцовскую и пошелъ въ школу.

Школа была за селомъ у Церкви. Когда Филиппъ шелъ по своей слободѣ, собаки не трогали его, онѣ его знали. Но когда онѣ вышелъ къ чужимъ дворамъ, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчокъ. Филипокъ бросился бѣжать, собаки за нимъ. Филипокъ сталъ кричать, споткнулся и упалъ. Вышелъ мужикъ, отогналъ собакъ и сказалъ: куда ты, пострѣленокъ, одинъ бѣжишь? Филипокъ ничего не сказалъ, подобралъ полы и пустился бѣжать во весь духъ. Прибѣжалъ онѣ къ школѣ. На крыльцѣ никого нѣтъ, а въ школѣ слышны гудятъ голоса ребятъ. На Филипка нашелъ страхъ: что какъ учитель меня прогонить? И сталъ онѣ думать, что ему дѣлать. Назадъ идти опять собака заѣстъ, въ школу идти — учителя боится. Шла мимо школы баба съ ведромъ и говоритъ: всѣ учатся, а ты что тут стоишь? Филипокъ и пошелъ въ школу. Въ сѣнцахъ снялъ шапку и отворилъ дверь. Школа вся была полна ребятъ. Всѣ кричали свое и учитель въ красномъ шарфѣ ходилъ посерединѣ.

Ты что? закричалъ онѣ на Филипка. Филипокъ ухватился за шапку и ничего не говори-

ль. — Да ты кто? Филипокъ молчалъ. — Или ты нѣмой? Филипокъ такъ напугался, что говорить не могъ Ну такъ иди домой, коли говорить не хочешь. А Филипокъ и радъ бы что сказать, да въ горлѣ у него отъ страха пересохло. Онъ посмотрѣлъ на учителя и заплакалъ. Тогда учителю жалко его стало. Онъ погладилъ его по головѣ и спросилъ у ребятъ, кто этотъ мальчикъ.

— Это Филипокъ, Костюшкинъ братъ, онъ давно просится въ школу, да мать не пускаетъ его и онъ украдкой пришелъ въ школу.

Ну садись на лавку возлѣ брата, а я твою мать попрошу, чтобъ пускала тебя въ школу.

Учитель сталъ показывать Филипку буквы, а Филипокъ ихъ ужъ зналъ и немножко читать умѣлъ.

Ну-ка сложи: свое имя. Филипокъ сказалъ: хве-и-хви, — ле-и-ли, пеокъ-покъ. Всѣ засмѣялись.

Молодецъ, сказалъ учитель. Кто же тебя училъ читать?

Филипокъ осмѣлился и сказалъ: Костюшка. Я бѣдовый, я сразу все понялъ. Я страсть какой ловкій! Учитель засмѣялся и сказалъ:

а молитвы ты знаешь? Филипокъ сказалъ: знаю, и началъ говорить Богородицу; но всякое слово говорилъ не такъ. Учитель остано-вилъ его и сказалъ: ты погоди хвалиться, а поучись.

Съ тѣхъ поръ Филипокъ сталъ ходить съ ребятами въ школу.

СЛАВЯНСКІЯ БУКВЫ.

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	
А а	Б б	В в	Г г	Д д	Е е	Ж ж	З з	И и	
А зъ	Буки	Вѣди	Гааголь	Добро	Есть	Живѣте	Зъло	Земля	Иже

І	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т
І і	К к	Л л	М м	Н н	О о	П п	Р р	С с	Т т
І	Како	Люди	Мыслете	Нашъ	Онъ	Покой	Рцы	Слово	Твердо

У	Ф	Х	Ѳ	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы
У у	Ф ф	Х х	Ѳ Ѳ	Ц ц	Ч ч	Ш ш	Щ щ	Ъ ъ	Ы ы
Ихъ	Фергъ	Хвръ	Отъ	Цы	Червь	Ша	Ща	Еръ	Еры

Ь	Ѣ	Ю	Ѧ	Ѩ	Ѭ	Ѯ	Ѱ	Ѳ	Ѵ	
Ь ь	Ѣ Ѣ	Ю ю	Ѧ Ѧ	Ѩ Ѩ	Ѭ Ѭ	Ѯ Ѯ	Ѱ Ѱ	Ѳ Ѳ	Ѵ Ѵ	
Еръ	Ять	Ю	Онъ	Я	О	Я	Кы	Лсы	Ѳига	Ижаца

СЛАВЯНСКІЯ СЛОВА ПОДЪ ТИТЛАМИ.

БѢЪ

БОГЪ.

БѢА

Богородица.

Гдѣ

Господь.

Лѣти

Мати.

Мѣзъ

Мѣсяць.

Нбо

Небо.

Ншѣ

Нашѣ.

Ннѣ

Нынѣ.

Нла.

Недѣля.

Оцѣ

Отець.

Дхѣ

Духъ.

Дша

Душа.

Днѣ

День.

Дѣнь

Святъ.

Сѣль

Апостолъ.

Вѣла

Владыка.

Дѣра

Марія.

Гѣрь

Государь.

Гѣжа

Госпожа.

Дѣдъ

Давидъ.

Дѣца

Дѣвица.

Иѣкъ

Имярекъ.

Иѣль

Израиль.

Иѣсь

Иисусъ.

Трѣца

Троица.

Крѣтъ

Крестъ.

Мѣръ

Мядръ.

Мѣть

Милость.

Прѣтъ

Перстъ.

Прѣно

Присно.

Слнце

Солнце.

Срце

Сердце.

Слва

Слава.

Слтъ

Святитель.

Трѣть

Трисвятъ.

Аггъль

Ангель.

Бжтво

Божество.

Блгть

Благодать.

Влчца

Владычица.

Млтва

Молитва.

Мчнкъ

Мученикъ.

Млнцъ

Младенецъ.

Нбный

Небесный.

Гдннъ

Господинъ.

Дѣтво

ДѢВСТВО.

ЄѴліє

Евангеліе.

ЄѴкпъ

Епископъ.

КѢтль

Креститель.

Прѣпъ

Праведенъ.

Рѣтно

Рождество.

Стѣтъ

Страсть.

Смѣръ

Смерть.

Тѣтоє

Трисвятое.

Ѵчѣтъ

Учитель.

Ѵчѣнкъ

Ученикъ.

оУчѣнцы

Ученицы.

Архангѣлъ

Архангелъ.

Блженъ

Блаженъ.

Блгвенъ

Благословенъ.

Воскрѣніе

Воскресеніе.

Премѣрость

Премудрость.

Естѣво

Естество.

Евліствъ

Евангелиствъ.

Іерлїмъ

Іерусалимъ.

Крщеніе

Крещеніе.

Мѣрость

Мудрость.

Мѣрліе

Милосердіе.

Мѣлтыня

Милостыня.

Мѣтоль

Престоль.

Мѣпвенъ

Преподобенъ.

Мѣрокъ

Пророкъ.

Мѣтеча

Предтеча.

Сщеникъ

Священникъ.

Хѣтосъ

Христосъ.

Хѣтовъ

Христовъ.

Хрїстїанинъ

Хрїстїанинъ.

МОЛИТВЫ.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.
Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.
Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ,

СВ. ДУХУ.

Царю небесный Утѣшителю, Дѣше истины, Иже вездѣ сый и всея исполняй, сокровище благихъ и жизни подателю, прїиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякіа скверны, и спаси, Блаже, дѣшы наша.

Царю небесный Утѣшителю, Душе истины, Иже вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ и жизни подателю, прїиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякіа скверны, и спаси, Блаже, души наша.

БОГУ ВЪ ТРОИЦѢ.

Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ
Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый без-

смертнѣй, помилуй насъ.

СЛАВОСЛОВІЕ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦѢ.

Слава Отцѣ, и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦѢ.

Пресвятая Троице, помилуй насъ: Господи, очисти грѣхи наша: Владыко, прости беззаконія наша. Святыи, посети и исцѣли немощи наша имени Твоего ради. Господи, помилуй (трижды.)

Пресвятая Троице, помилуй насъ. Господи, очисти грѣхи наша. Владыко, прости беззаконія наша. Святыи, посети и исцѣли немощи наша имени Твоего ради. Господи помилуй (трижды).

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да приидеть царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое, да вѣдетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣвъ нашъ насущный даждь намъ днесь: и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Яко Твое есть царство, и сила и слава во вѣки, аминь.

Хлѣвъ нашъ насущный даждь намъ днесь; и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Яко Твое есть царство, и сила и слава во вѣки, аминь.

СЫНУ БОЖІЮ.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ Святыхъ, помилуй насъ. Аминь.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ Святыхъ, помилуй насъ. Аминь.

БОГОРОДИЦЪ.

Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Маріе, Господь съ Тобою: благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего, яко Спаса родила еси души нашихъ.

Богородице Дѣво, радуйся, благодатная
Маріе, Господь съ Тобою: благословенна Ты
въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего,
яко Спаса родила еси душъ нашихъ.

МЫТАРЯ.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦѢ.

Дѣстойно есть, яко востинишъ, блажити Тя, Богородицѣ, присноблаженнѣю и пренепорочнѣю, и Матерь Бога нашего. Честнѣйшѣю Херувимъ и славнѣйшѣю безъ сравненіа Серафимъ, безъ истлѣніа Бога Слова рождшѣю, свѣщѣю Богородицѣ, Тя величаемъ.

Дѣстойно есть, яко во истинну блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаемъ.

ПРЕДЪ ОБЪДОМЪ.

Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповають, и Ты даеши имъ пищу во благовременіи, отверзаеши Ты щедрѣю руку Твою, и исполняеши всяко животное благоволеніемъ.

Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповають, и Ты даеши имъ пищу во благовременіи, отверзаеши Ты щедрую руку Твою, и исполняеши всяко животное благоволенія.

ПОСЛѢ ОБѢДА.

Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ еси насъ земныхъ Твоихъ благъ; не лиши насъ и небеснаго Твоего Царствія.

Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ еси насъ земныхъ Твоихъ благъ; не лиши насъ и небеснаго Твоего Царствія.

ПРЕДЪ УЧЕНІЕМЪ.

Преблагій Господи! ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевнымъ наши силы, дабы, внимаемъ преподаваемому намъ ученію, возрасли мы Тебѣ, нашему Создателю, во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству на пользу.

Преблагій Господи! ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя наши силы, дабы,

внимая преподаваемому намъ ученію, возрали мы Тебѣ, нашему Создателю, во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству на пользу.

ПОСЛѢ УЧЕНІЯ.

Благодаримъ Тебе, Создателю, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоею, во еже внимати Ученію: Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и Учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію Ученія сего.

Благодаримъ Тебе, Создателю, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея, во еже внимати ученію: Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія сего.

СУМВОЛЬ ВѢРЫ.

Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единого Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единородного. Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ: Свѣта

Вѣрѹю во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божіа, единородного, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ: Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имъ же вся быша. Насъ ради человекъ, и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свѣта и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася. Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша и погребенна. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И возшедшаго на небеса и сѣдѣща одеснѹю Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца. И въ Духа Свѣтаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ споклонѣма и славима, глаголющаго Пророки. Во единѹ, Свѣтѹю, Соборнѹю, и Апостольскѹю Церковь. Исповѣдѹю едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни вѣдущаго вѣка, Аминь.

отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истина, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имъ же вся быша. Насъ ради человекъ, и нашего ради спасенія, сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася. Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша и погребенна. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И возшедшаго на небеса и сѣдѣща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго,

Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и сславима, глаголовшаго пророки. Во едину, Святую, Соборную, и Апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка, Аминь.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВѢДЕЙ БОЖИИХЪ.

1. Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не вѣдѣтъ тебѣ бози нини развѣ Мене.

1. Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не будетъ тебѣ бозѣ ини развѣ Мене.

2. Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низѣ, и елика въ водахъ и подъ землею, да не поклонишица имъ, ни послужиши имъ.

2. Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею, да не поклонишица имъ, ни послужиши имъ.

3. Не приѣмли имене Господа Бога твоего всуе.

3. Не приѣмли имене Господа Бога твоего всуе.

4. Помни день сѣвботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ всѧ дѣла твоя, въ день же седьмый сѣвбота Господу Богу твоему.

4. Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый суббота Господу Богу твоему.

5. Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.

5. Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.

6. Не убій.

6. Не убій.

7. Не прелюбы сотвори.

7. Не прелюбы сотвори.

8. Не укради.

8. Не укради.

9. Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.

9. Не послуствуй на друга твоего свидетельства ложна.

10. Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика сѣть ближняго твоего.

10. Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его,

ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика суть ближняго твоего.

	Арабскія.	Слав.	Римскія.		Арабскія.	Слав.	Римскія.
Одинъ	1	Ѡ	I	Сорокъ	40	м	XL
Два	2	Ѣ	II	Пятьдесятъ	50	н	L
Три	3	Ѧ	III	Шестъдес.	60	ѡ	LX
Четыре	4	Ѡ	IV	Семьдесятъ	70	Ѣ	LXX
Пять	5	Ѣ	V	Восемьдес.	80	Ѧ	LXXX
Шесть	6	Ѡ	VI	Девяносто	90	Ѣ	LXXX
Семь	7	Ѣ	VII	Сто	100	Ѧ	XC
Восемь	8	Ѡ	VIII	Двѣсти	200	р	C
Девять	9	Ѣ	IX	Триста	300	с	CC
Десять	10	Ѧ	X	Четыреста	400	т	CCC
Одинадцать	11	Ѡ	XI	Пятьсотъ	500	ѡ	CD
Двѣнадцать	12	Ѣ	XII	Шестьсотъ	600	Ѣ	D
Тринадцать	13	Ѧ	XIII	Семьсотъ	700	Ѡ	DC
Четырнадц.	14	Ѡ	XIV	Восемьсотъ	800	Ѣ	DCC
Пятнадцать	15	Ѣ	XV	Девятьсотъ	900	Ѧ	DCCC
Шеснадцать	16	Ѡ	XVI	Тысяча	1000	ѡ	CM
Семнадцать	17	Ѣ	XVII	Двѣтысячи	2000	Ѣ	M
Восемнадц.	18	Ѧ	XVIII	Третысячи	3000	Ѡ	MM
Девятнадц.	19	Ѡ	XIX	Четыретыс.	4000	Ѣ	MMM
Двадцать.	20	Ѣ	XX	Десятьтыс.	10,000	Ѧ	MMMM
Тридцать	30	Ѡ	XXX			ѡ	X M

КАК УЧИТЬ ПО СЛУХОВОМУ СПОСОБУ

Показать все простые изображения букв и написать такие же на стене. Называть буквы так, как они обозначены в Азбуке над буквами, и заставляя повторять за собой учеников (буква ѣ показывается как отдельная буква и называется *ио*, *ы* выговаривается как

грубое *и*). Не дожидаясь того, чтобы ученики выучили буквы, начинать *на слух* складывать и раскладывать те слоги, которые стоят во главе 1-го отдела.

Учить складывать так: Учитель собирает вокруг себя учеников и заставляет читать слово *Ба*. Ученики прочтут *бе* и *а*. Учитель спрашивает: что вышло? Ученики не знают. Учитель говорит *бе* и *а* будет *ба* и быстро выговаривает: *ба*, и потом, указывая на следующие склады, говорит: *бе-у — бу, ме-а — ма, пе-а — па, не-у — ну*, заставляет учеников повторять за собою. Повторив таким образом слогов 20 на разные гласные, учитель говорит только: *бе-а*, а ученики отвечают *ба*. Уловление учениками процесса складыванья происходит весьма скоро, так что не более как в полчаса времени некоторые ученики отвечают верно на всякие соединения из согласной и гласной. Упражнение это, чередуя его с изучением букв, повторяется в первый же урок два или три раза. Когда учитель видит, что большинство учеников складывает на слух верно, начинается чтение с начала первой страницы. Читается слово: *туча*. Если учени-

ки не помнят 4-х букв, из которых состоит слово, учитель показывает их, пользуясь словами, начинающимися с этих букв: телега, утка, червяк, арбуз, и заставляет читать. Как скоро прочтены *т* и *у*, учитель заставляет повторять эти две буквы несколько раз, быстро одну за другою и спрашивает: что вышло? Ученики отвечают: *ту*. Учитель говорит: помни *ту* и читай дальше. Когда прочтено *ча*, учитель спрашивает, что было прежде, и заставляет повторить один слог за другим, чтобы ученики из соединения двух слогов поняли значение слова. Таким образом учитель с первого же урока начинает и ведет чтение по книге или выписывая те же слова на доске, что еще удобнее. Самостоятельное занятие для учеников с первого же урока составляет списывание букв и прочтенных слов.

С первого же или со второго урока учитель показывает обратное действие складыванию и чтению, т. е. раскладывание слов и слогов на буквы и писание.

Учить раскладывать так: Учитель говорит: напишем слово «туча». Сказал «туча» ре-же. Ученик говорит: «ту-ча». — В сколько раз

ты сказал? — В два. — Какие? — *Ту* и *ча*. — Как сложить *ту*? Ученик не знает и учитель напоминает, что *те*-у будет *ту*, и тут же делает с учениками на слух обратное упражнение тому, которое делается было для складыванья, т. е. учитель сам говорит, заставляя учеников повторять за собою как сложить разные слоги. Как сложить *ба*? и сам отвечает: *бе-а*, как сложить *па*? — *пе-а*. *Ма*? — *ме-а*. *Ну*? — *не-у*, и т. д. и, повторив слогов 20-ть, говорит только: *ту*, и ученики отвечают: *те-у*. Тогда учитель возвращается к слову «туча», опять растягивает его и опять спрашивает, как сложить *ту*? Ученики говорят: *те-у*. Учитель заставляет писать или сам пишет под их диктовку и спрашивает: чего недостает, чтоб было «туча»? Ученики говорят: *ча*. — Сложи *ча* и напиши. Прочти всё вместе.

Таким образом читаются и пишутся все упражнения по порядку перед началом каждого отдела, складывая и раскладывая *на слух* слоги и слова, поставленные во главе отдела.

Склады с полугласными *ъ* и *ь* взрослым ученикам могут быть объяснены как грубое и тонкое окончание согласной без всякой глас-

ной. Но в большой школе и с малыми детьми гораздо проще заучиваются так же, как и обыкновенные склады. Учитель говорит, что *бе* и *ер* будет *бъ*, *ве* и *ер* будет *въ* и т. д., а *бе* и *ерь*, будет *бъ*, *ве* и *ерь* — *въ* и т. д., выговаривая *бъ* почти как *бы* и *бъ* почти как *би*, и заставляет учеников повторять за собой до тех пор, пока они усвоят это соединение, что обыкновенно совершается в один урок и тогда приступает к чтению слов, оканчивающихся на *ъ* и *ь*.

И краткое — *й* произносится как *ий* и представляется к сложенному слогу.

Как на обыкновенные склады, так и на склады с полугласными делаются одновременно упражнения в складывании и раскладывании. Склады трех и четырехбуквенные, как *мгла*, *ведро* и т. д., усваиваются учениками на слух так же быстро, как и другие склады, и не представляют никакого затруднения.

При обучении по слуховому способу одного ученика можно выучить читать и писать в две недели; в большой школе, от 25 до 50 учеников, выучиваются в шесть недель.

Особенное удобство этого способа, кроме

быстроты, точности и легкости для учителя, состоит в том, что процесс складывания и раскладывания на слух бессознательно передается ученикам друг другу так, что в местностях и семьях, где употребляется слуховой способ, меньшие братья и сестры бессознательно выучиваются складывать и раскладывать на слух, и им для того, чтобы уметь читать и писать, остается только выучить буквы.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ОГЛАВЛЕНИЕ I-й КНИГИ

	Стр.
Муравей и голубка	105
Слепой и глухой	105
Черепаша и орел	105
Подкидыш	106
Голова и хвост змеи	106
Камень	106
Эскимосы	107
Хорек	108

Как тетушка рассказывала о том, как она выучилась шить	108
Тонкие нитки	108
От скорости сила	109
Лев и мышь	109
Пожарные собаки	109
Обезьяна	110
Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город	110
Лгун	111
Как в городе Париже починили дом	111
Осел и лошадь	112
Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза	112
Галка и голуби	112
Мужик и огурцы	113
Баба и курица	113
Старый дед и внучек	113
Дележ наследства	114

Куда девается вода из моря?	114
Лев, медведь и лисица	114
Как мальчик рассказывал о том, как он дедушке нашел пчелиных маток	115
Собака, петух и лисица	116
Море	116
Лошадь и конюх	116
Пожар	116
Лягушка и лев	117
Слон	118
Обезьяна и горох	118
Как мальчик рассказывал о том, как он перестал бояться слепых нищих	118
Дойная корова	118
Китайская царица Силинчи	119
Стрекоза и муравьи	119
Мышь-девочка	119

Курица и золотые яйца	120
Липунюшка	120
Волк и старуха	122
Котенок	122
Ученый сын	123
Как научились бухарцы разводить шелковичных червей	123
Мужик и лошадь	124
Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник	124
Визирь Абдул	126
Как вор сам себя выдал	127
Ноша	127
Косточка	127
Два купца	128
Сан-готардская собака	129

Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит	129
Как я в первый раз убил зайца	130
Мальчик с пальчик	131
Дурень	134
Святогор-богатырь	140

МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА

(Басня)

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидела — муравей тонет и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

СЛЕПОЙ И ГЛУХОЙ

(Быль)

Слепой и глухой пошли в чужое поле за горохом. Глухой сказал слепому: «Ты слушай и мне сказывай; а я буду смотреть — тебе скажу».

Вот они зашли в горох и сели. Слепой ощупал горох и говорит: «Стручист». А глухой говорит: «Где стучит?» Слепой спотыкнулся на межу и упал. Глухой спросил: «Что ты?» Слепой говорит: «Межа!» Глухой говорит: «Бежать?» — и побежал. А слепой за ним.

ЧЕРЕПАХА И ОРЕЛ

(Басня)

Черепаха просила орла, чтобы научил ее летать. Орел не советовал, потому что ей не пристало, а она всё просила. Орел взял ее в когти, поднял вверх и пустил: она упала на камни и разбилась.

ПОДКИДЫШ

(Быль)

У бедной женщины была дочь Маша. Маша утром пошла за водой и увидела, что у двери лежит что-то завернутое в тряпки. Маша поставила ведра и развернула тряпки. Ко-

гда она тронула тряпки, из них закричало что-то: уа! уа! уа! Маша нагнулась и увидела, что это был маленький красный ребеночек. Он громко кричал: уа! уа! Маша взяла его в руки и понесла в дом, и стала с ложки поить молоком. Мать сказала: «Что ты принесла?» Маша сказала: «Ребеночка; я нашла у нашей двери». Мать сказала: «Мы и так бедны, где нам кормить еще ребенка; я пойду к начальнику и скажу, чтоб его взяли». Маша заплакала и сказала: «Матушка, он не много будет есть, оставь его. Посмотри, какие у него красненькие сморщенные ручки и пальчики». Мать посмотрела, ей стало жалко. Она оставила ребеночка. Маша кормила и пеленала ребеночка, и пела ему песни, когда он ложился спать.

ГОЛОВА И ХВОСТ ЗМЕИ

(Басня)

Змеиный хвост заспорил с змеиной головой о том, кому ходить впереди? Голова сказала: «Ты не можешь ходить спереди, у тебя нет глаз и ушей». Хвост сказал: «А зато во мне сила, я тебя двигаю: если захочу да обернусь

вокруг дерева, ты с места не тронешься». Голова сказала: «Разойдемся!»

И хвост оторвался от головы и пополз вперед. Но только что он отполз от головы, попал в трещину и провалился.

КАМЕНЬ

(Б^{ыль})

Один бедный пришел к богатому и стал просить милостыню, Богатый не дал ничего и сказал: «Поди вон!» Но бедный не уходил. Тогда богатый рассердился, поднял камень и бросил им в бедного. Бедный поднял камень, положил за пазуху и сказал: «До тех пор буду носить этот камень, пока не придется и мне бросить в него». И пришло это время. Богатый сделал дурное дело; у него отняли всё, что у него было, и повезли в тюрьму. Когда его везли в тюрьму, бедный подошел к нему, вынул из-за пазухи камень и замахнулся; потом пораздумался, бросил камень наземь и сказал: «Напрасно я так долго носил этот камень: когда он был богат и силен, я боялся его; а теперь мне жалко его».

ЭСКИМОСЫ

(Описание)

На свете есть земля, где только три месяца бывает лето, а остальное время бывает зима. Зимой дни бывают такие короткие, что только взойдет солнце, тотчас и сядет. А три месяца, в самую середину зимы, солнце совсем не восходит, и все три месяца темно. В этой земле живут люди; их называют эскимосами. Люди эти говорят своим языком, других языков не понимают и никуда из своей земли не ездят. Ростом эскимосы бывают невелики, но головы у них очень большие. Тело у них не белое, а бурое, волосы черны и жестки. Носы у них тонкие, скулы широкие, глаза маленькие. Эскимосы живут в снеговых домах. Они строят их так: нарубят из снега кирпичей и сложат из них дом, как печку. Вместо стекол они вставляют в стены льдины, а вместо дверей они делают длинную трубу под снегом и через эту трубу влезают в свои дома. Когда приходит зима, их дома совсем заносит снегом, и у них делается тепло. Едят эскимосы оленей, волков, белых медведей. Они ловят рыбу в море крючками на палках и сетями.

Зверей они убивают из луков стрелами и копьями. Эскимосы едят, как звери, сырое мясо. У них нет льна и пеньки, чтобы делать рубахи и веревки, нет и шерсти, чтобы делать сукно; веревки они делают из жил зверей, а платье — из звериных кож.

Они складывают две кожи шерстью наружу, протыкают рыбьими костями и сшивают жилами. Так же они делают рубахи, штаны и сапоги. Железа у них тоже нет. Они делают копья и стрелы из костей. Больше всего они любят есть звериный и рыбий жир. Женщины и мужчины одеваются одинаково. У женщин только бывают очень широки сапоги. В эти широкие голенища сапогов они кладут маленьких детей и так носят их.

В середине зимы у эскимосов бывает три месяца темно. А летом солнце совсем не садится, и ночей совсем не бывает.

ХОРЕК

(Басня)

Хорек зашел к меднику и стал лизать подпилочек. Из языка пошла кровь, а хорек радовался, лизал, — думал, что из железа кровь

идет, и погубил весь язык.

КАК ТЕТУШКА РАССКАЗЫВАЛА О ТОМ, КАК ОНА ВЫУЧИЛАСЬ ШИТЬ

(Рассказ)

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить. Она сказала: «Ты еще мала, ты только пальцы наколешь»; а я всё пристава-ла. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать. Я стала шить, но не могла делать ровных стежков; один стежок выходил большой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня: «Что ты?» — я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть.

Когда я легла спать, мне всё мерещились стежки: я всё думала о том, как бы мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь. А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

ТОНКИЕ НИТКИ

(Басня)

Один человек заказал пряже тонкие нитки. Пряжа спряла тонкие нитки, но человек сказал: «Нитки не хороши, мне нужны нитки самые тонкие». Пряжа сказала: «Если тебе эти не тонки, так вот тебе другие», и она показала на пустое место. Он сказал, что не видит. Пряжа сказала: «Оттого и не видишь, что очень тонки; я и сама не вижу».

Дурак обрадовался и заказал себе еще таких ниток, а за эти заплатил деньги.

ОТ СКОРОСТИ СИЛА

(Быль)

Один раз машина ехала очень скоро по железной дороге. А на самой дороге, на переезде, стояла лошадь с тяжелым возом. Мужик гнал лошадь через дорогу, но лошадь не могла сдвинуть воз, потому что заднее колесо соскочило. Кондуктор закричал машинисту: «Держи», но машинист не послушался. Он смекнул, что мужик не может ни согнать лошадь с телегой, ни своротить ее и что машины сразу

остановить нельзя. Он не стал останавливать, а самым скорым ходом пустил машину и во весь дух налетел на телегу. Мужик отбежал от телеги, а машина, как щепку, сбросила с дороги телегу и лошадь, а сама не тряхнулась, пробежала дальше. Тогда машинист сказал кондуктору: «Теперь мы только убили одну лошадь и сломали телегу, а если бы я тебя послушал, мы сами бы убились и перебили бы всех пассажиров. На скором ходу мы сбросили телегу и не слышали толчка, а на тихом ходу нас бы выбросило из рельсов».

ЛЕВ И МЫШЬ

(Басня)

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал ее. Мышь стала просить, чтобы он пустил ее; она сказала: «Если ты меняпустишь, и я тебе добро сделаю». Лев засмеялся, что мышь обещает ему добро сделать, и пустил ее.

Потом охотники поймали льва и привязали веревкой к дереву. Мышь услышала львиный рев, прибежала, перегрызла веревку и сказала: «Помнишь, ты смеялся, не думал,

чтобы я могла тебе добро сделать, а теперь видишь, — бывает и от мыши добро».

ПОЖАРНЫЕ СОБАКИ

(Б^{ыль})

Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть. Для этого в Лондоне[58] приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными, и когда загорится дом, то пожарные посылают собак вытаскивать детей. Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей; ее звали Боб.

Один раз загорелся дом. И когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба. Боб побежал по лестнице и скрылся в дыме. Через пять минут он выбежал из дома и в зубах за рубашенку нес девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали ее — не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные подумали, что

в доме есть еще что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и скоро выбежала с чем-то в зубах. Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую куклу.

ОБЕЗЬЯНА

(Басня)

Один человек пошел в лес, срубил дерево и стал распиливать. Он поднял конец дерева на пень, сел верхом и стал пилить. Потом он забил клин в распиленное место и стал пилить дальше. Распилил, вынул клин и переложил его еще дальше.

Обезьяна сидела на дереве и смотрела. Когда человек лег спать, обезьяна села верхом на дерево и хотела то же делать; но когда она вынула клин, дерево сжалось и прищемило ей хвост. Она стала рваться и кричать. Человек проснулся, прибил обезьяну и привязал на веревку.

**КАК МАЛЬЧИК РАССКАЗЫВАЛ ПРО ТО,
КАК ЕГО НЕ ВЗЯЛИ В ГОРОД**

(Рассказ)

Собрался батюшка в город, а я ему говорю: «Батя, возьми меня с собой». А он говорит: «Ты там замерзнешь; куда тебя». Я повернулся, заплакал и пошел в чулан. Плакал-плакал и заснул. И вижу я во сне, будто от нашей деревни небольшая дорожка к часовне, и вижу я — по этой дорожке идет батя. Я догнал его, и мы пошли с ним вместе в город. Иду я и вижу — впереди топится печка. Я говорю: «Батя, это город?» А он говорит: «Он самый». Потом мы дошли до печки, и вижу я — там пекут калачи. Я говорю: «Купи мне калачика». Он купил и дал мне. Тут я проснулся, встал, обулся, взял рукавицы и пошел на улицу. На улице ребята катаются на ледянках и на салазках. Я стал с ними кататься и катался до тех пор, пока не иззяб. Только я вернулся и влез на печку, слышу — батя вернулся из города. Я обрадовался, вскочил и говорю: «Батя, что — купил мне калачика?» Он говорит: «Купил», и дал мне калач. Я с печи вскочил на лавку и стал плясать от радости.

ЛГУН

(Басня)

Мальчик стерег овец и, будто увидав волка, стал звать: «Помогите, волк! волк!» Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось — и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать: «Сюда, сюда скорей, волк!» Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, — не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

КАК В ГОРОДЕ ПАРИЖЕ[59] ПОЧИНИЛИ ДОМ

(Б^{ыль})

В одном большом доме разошлись врозь стены. Стали думать, как их свести так, чтобы не ломать крыши. Один человек придумал. Он вделал с обеих сторон в стены железные ушки; потом сделал железную полосу, такую, чтобы она на вершок не хватала от ушка до ушка. Потом загнул на ней крюки по концам так, чтобы крюки входили в ушки. Потом разогрел полосу на огне; она раздалась и достала от ушка до ушка. Тогда он задел крюками за ушки и оставил ее так. Полоса стала остывать и сжиматься и стянула стены.

ОСЕЛ И ЛОШАДЬ

(Басня)

У одного человека были осел и лошадь. Шли они по дороге; осел сказал лошади: «Мне тяжело, не дотащу я всего, возьми с меня хоть немного». Лошадь не послушалась. Осел упал от натуги и умер. Хозяин как наложил всё с осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: «Ох, горе мне бедной, горюшко мне несчастной! Не хотела я немножко ему подсобить, теперь вот всё тащу да еще и шкуру».

КАК МАЛЬЧИК РАССКАЗЫВАЛ ПРО ТО, КАК ЕГО В ЛЕСУ ЗАСТАЛА ГРОЗА

(Быль)

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошел до лесу, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошел дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрепещало и загремело; потом что-то ударило меня в

голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птицы и играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шел дым. Вокруг меня лежали оскретки от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка, и было немножко больно. Я нашел свою шапку, взял грибы и побежал домой. — Дома никого не было, я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидел с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал: «Что вы без меня едите?» Они говорят: «Что ж ты спишь? Иди скорее, ешь».

ГАЛКА И ГОЛУБИ

(Басня)

Галка увидела, что голубей хорошо кормят, — выбелилась и влетела в голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили ее. Но галка забылась и закричала по-галчьи. Тогда ее голуби стали клевать и прогнали. Галка полетела назад к своим, но галки испугались ее оттого, что она

была белая, и тоже прогнали.

МУЖИК И ОГУРЦЫ

(Басня)

Пошел раз мужик к огороднику огурцы воровать. Подполз он к огурцам и думает: «Вот дай унесу мешок огурцов, продам: на эти деньги курочку куплю. Нанесет мне курица яиц, сядет наседочкой, выведет много цыплят. Выкормлю я цыплят, продам, куплю поросеночка — свинку; напоросит мне свинка поросят. Продам поросят, куплю кобылку; ожеребит мне кобылка жеребят. Выкормлю жеребят, продам; куплю дом и заведу огород. Заведу огород, насажу огурцов, воровать не дам, караул буду крепкий держать. Найму караульщиков, посажу на огурцы, а сам так-то пойду сторонкой да крикну: «Эй вы, караульте крепче!» Мужик так задумался, что и забыл совсем, что он на чужом огороде, и закричал во всю глотку. Караульщики услышали, выскочили, избили мужика.

БАБА И КУРИЦА

(Басня)

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Так и сделала. А курица зажирела и вовсе перестала нестись.

СТАРЫЙ ДЕД И ВНУЧЕК

(Басня)

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой. Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел ее подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьет, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал. Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то слаживает. Отец и спросил: «Что ты это делаешь, Миша?» А Миша и говорит: «Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить».

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

ДЕЛЕЖ НАСЛЕДСТВА

(Басня)

У одного отца было два сына. Он сказал им: «Умру — разделите всё пополам». Когда отец умер, сыновья не могли разделить без спора. Они пошли судиться к соседу. Сосед спросил у них: «Как вам отец велел делиться?» Они сказали: «Он велел делить всё пополам». Сосед сказал: «Так разорвите пополам все платья, разбейте пополам всю посуду и пополам разрежьте всю скотину». Братья послушали соседа, и у них ничего не осталось.

КУДА ДЕВАЕТСЯ ВОДА ИЗ МОРЯ?

(Рассуждение)

Из родников, ключей и болот вода течет в ручьи, из ручьев в речки, из речек в большие реки, а из больших рек течет в моря. С других сторон в моря текут другие реки, и все реки текут в моря с тех пор, как мир сотворен. Куда

девается вода из моря? Отчего она не течет через край?

Вода из моря поднимается туманом; туман поднимается выше, и из тумана делаются тучи. Тучи гонит ветром и разносит по земле. Из туч вода падает на землю. С земли стекает в болота и ручьи. Из ручьев течет в реки; из рек в море. Из моря опять вода поднимается в тучи, и тучи разносятся по земле...

ЛЕВ, МЕДВЕДЬ И ЛИСИЦА

(Басня)

Лев и медведь добыли мяса и стали за него драться. Медведь не хотел уступить, и лев не уступал. Они так долго бились, что ослабели оба и легли. Лиса увидела промеж их мясо, подхватила его и убежала.

КАК МАЛЬЧИК РАССКАЗЫВАЛ О ТОМ, КАК ОН ДЕДУШКЕ НАШЕЛ ПЧЕЛИНЫХ МАТОК

(Рассказ)

Мой дедушка летом жил на пчельнике. Когда я прихаживал к нему, он давал мне меду.

Один раз я пришел на пчельник и стал хо-

дить промеж ульев. Я не боялся пчел, потому что дед научил меня тихо ходить по осеку[60].

И пчелы привыкли ко мне и не кусали. В одном улье я услышал, что-то квохчет. Я пришел к деду в избушку и рассказал ему.

Он пошел со мною, сам послушал и сказал: «Из этого улья уже вылетел один рой, первак, с старой маткой; а теперь молодые матки вывелись. Это они кричат. Они завтра с другим роем вылетать будут». Я спросил у бабушки, какие такие бывают матки? Он сказал:

«А матка всё равно, что царь в народе; без нее нельзя быть пчелам».

Я спрашивал: «А из себя они какие?»

Он сказал: «Приходи завтра; бог даст, отроится, — я тебе покажу и меду дам».

Когда я на другой день пришел к бабушке, у него в сенях висели две закрытые роевни с пчелами. Дед велел мне надеть сетку и обвязал мне ее платком по шее; потом взял одну закрытую роевню с пчелами и понес ее на пчельник. Пчелы гудели в ней. Я боялся их и запрягал руки в портки; но мне хотелось посмотреть матку, и я пошел за дедом.

На осеке дед подошел к пустой колоде,

приладил корытце, открыл роевню и вытряхнул из нее пчел на корыто. Пчелы поползли по корыту в колоду и всё трубели, а дед веничком пошевеливал их.

«А вот и матка!» — Дед указал мне веничком, и я увидел длинную пчелу с короткими крылышками. Она проползла с другими и скрылась. Потом дед снял с меня сетку и пошел в избушку. Там он дал мне большой кусок меду, я съел его и обмазал себе щеки и руки. Когда я пришел домой, мать сказала:

«Опять тебя баловник дед медом кормил». А я сказал: «Он за то мне дал меду, что я ему вчера нашел улей с молодыми матками, а нынче мы с ним рой сажали».

СОБАКА, ПЕТУХ И ЛИСИЦА

(Басня)

Собака и петух пошли странствовать. Вечеру петух уснул на дереве, а собака пристроилась у того же дерева, промеж кореньев. Как пришло время, петух запел. Лисица услышала петуха, прибежала и стала снизу просить, чтобы он сошел к ней, будто ей хочется оказать почтение ему за то, что у него голос хо-

рош. Петух сказал: «Надо прежде разбудить дворника, он спит промеж кореньев. Пусть отопрет, тогда я сойду». Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.

МОРЕ

(*Описание*)

Море широко и глубоко; конца морю не видно. В море солнце встает и в море садится. Дна моря никто не достал и не знает. Когда ветра нет, море сине и гладко; когда подует ветер, море всколыхается и станет неровно. Подымутся по морю волны; одна волна догоняет другую; они сходятся, сталкиваются, и с них брызжет белая пена. Тогда корабли волнами кидает как щепки. Кто на море не бывал, тот богу не маливался.

ЛОШАДЬ И КОНЮХ

(*Басня*)

Конюх крал у лошади овес и продавал, а лошадь каждый день чистил. Лошадь и говорит: «Если вправду хочешь, чтоб я была хороша, — овес мой не продавай».

ПОЖАР

(Б^{ыль})

В жнитво мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее сажались мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцем и заснула. Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на свясла.[61] Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и он только что выучился ходить), и сказала: «Глянь, Килюска, какую я печку вздула». Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу. Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал; Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старший мальчик, Ваня (ему было

восемь лет), был на улице. Когда он увидел, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым проскочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка с просонков ошалела и забыла про детей, выскочила и побежала по дворам за народом. Маша тем временем сидела под лавкой и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня услышал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше: «Беги, сгоришь!» Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти. Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть. Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжел и не давался брату. Он плакал и толкал Ваню. Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну, дверь в избе уже загорелась. Ваня просунул мальчикову голову в окно и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их. Тогда Ваня закричал Маше: «Тащи его за голову!», а сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили.

ЛЯГУШКА И ЛЕВ

(Басня)

Лев услышал — лягушка громко квакает, и испугался. Он подумал, что большой зверь так громко кричит. Он подождал немного, видит — вышла лягушка из болота. Лев раздавил ее лапой и сказал: «Вперед не рассмотревши, не буду пугаться».

СЛОН

(Быль)

У одного индейца был слон. Хозяин дурно кормил его и заставлял много работать. Один раз слон рассердился и наступил ногою на своего хозяина. Индеец умер. Тогда жена индейца заплакала, принесла своих детей к слону и бросила их слону под ноги. Она сказала: «Слон! ты убил отца, убей и их». Слон посмотрел на детей, взял хоботом старшего, потихоньку поднял и посадил его себе на шею. И слон стал слушаться этого мальчика и работать для него.

ОБЕЗЬЯНА И ГОРОХ

(Басня)

Обезьяна несла две полные горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотел поднять и просыпала двадцать горошинок. Она бросилась поднимать и просыпала все. Тогда она рассердилась, разметала весь горох и убежала.

КАК МАЛЬЧИК РАССКАЗЫВАЛ О ТОМ, КАК ОН ПЕРЕСТАЛ БОЯТЬСЯ СЛЕПЫХ НИЩИХ

(Рассказ)

Когда я был маленький, меня пугали слепыми нищими, и я боялся их. Один раз я пришел домой, а на крыльце сидело двое слепых нищих. Я не знал, что мне делать; я боялся бежать назад и боялся пройти мимо их: я думал, что они схватят меня. Вдруг один из них (у него были белые, как молоко, глаза) поднялся, взял меня за руку и сказал: «Паренек! что же милостыньку?» Я вырвался от него и прибежал к матери. Она выслала со мною денег и хлеба. Нищие обрадовались хлебу, стали креститься и есть. Потом нищий с белыми глазами сказал: «Хлеб твой хороший — спаси бог». И он опять взял меня за руку и ощупал ее.

Мне его стало жалко, и с тех пор я перестал бояться слепых нищих.

ДОЙНАЯ КОРОВА

(Басня)

У одного человека была корова; она давала каждый день горшок молока. Человек позвал гостей; и чтобы набрать для гостей больше молока, он десять дней не доил коровы. Он думал, что на десятый день корова даст ему десять кувшинов молока.

Но в корове перегорело всё молоко, и она дала меньше молока, чем прежде.

КИТАЙСКАЯ ЦАРИЦА СИЛИНЧИ

(Быль)

У китайского императора Гоангчи была любимая жена Силинчи. Император хотел, чтобы весь народ помнил его любимую царицу. Он показал жене шелковичного червя и сказал: «Научись, что с этим червяком делать и как его водить, и тебя народ никогда не забудет».

Силинчи стала смотреть червей и увидала, что когда они замирают, то на них бывает па-

утина. Она размотала эту паутину, спряла ее в нитки и соткала шелковый платок. Потом она заметила, что черви водятся на тутовых деревьях. Она стала собирать лист с тутового дерева и кормить им червей. Она развела много червей и научила свой народ, как водить их.

С тех пор прошло пять тысяч лет, а китайцы до сих пор помнят императрицу Силянчи и в честь ее празднуют.

СТРЕКОЗА И МУРАВЬИ

(Басня)

Осенью у муравьев подмокла пшеница: они ее сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали: «Что ж ты летом не собрала корму?» Она сказала: «Недосуг было: песни пела». Они засмеялись и говорят: «Если летом играла, зимой пляши».

МЫШЬ-ДЕВОЧКА

(Сказка)

Один человек шел подле реки и увидел, что ворон несет мышь. Он бросил в него камень, и ворон выпустил мышь; мышь упала в

воду. Человек достал ее из воды и принес домой. У него не было детей, и он сказал: «Ах! если б эта мышь сделалась девочкой!» И мышь сделалась девочкой. Когда девочка выросла, человек спросил ее: «За кого ты хочешь замуж?» Девочка сказала: «Хочу выйти за того, кто сильнее всех на свете». Человек пошел к солнцу и сказал: «Солнце! моя девочка хочет выйти замуж за того, кто сильнее всех на свете. Ты сильнее всех; женись на моей девочке». Солнце сказало: «Я не сильнее всех: тучи заслоняют меня».

Человек пошел к тучам и сказал: «Тучи! вы сильнее всех; женитесь на моей девочке». Тучи сказали: «Нет, мы не сильнее всех, ветер гоняет нас».

Человек пошел к ветру и сказал: «Ветер! ты сильнее всех; женись на моей девочке». Ветер сказал: «Я не сильнее всех: горы останавливают меня».

Человек пошел к горам и сказал: «Горы! женитесь на моей девочке; вы сильнее всех». Горы сказали: «Сильнее нас крыса: она грызет нас».

Тогда человек пошел к крысе и сказал:

«Крыса! ты сильнее всех; женись на моей девочке». Крыса согласилась. Человек вернулся к девочке и сказал: «Крыса сильнее всех: она грызет горы, горы останавливают ветер, ветер гонит тучи, а тучи заслоняют солнце, и крыса хочет жениться на тебе». Но девочка сказала: «Ах! что мне теперь делать! как же я выйду замуж за крысу?» Тогда человек сказал: «Ах! если б моя девочка сделалась опять мышью!»

Из девочки сделалась мышь, и мышь вышла замуж за крысу.

КУРИЦА И ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА

(Басня)

У одного хозяина курица несла золотые яйца. Ему захотелось сразу побольше золота, и он убил курицу (он думал, что внутри ее большой ком золота); а она была такая же, как и все курицы.

ЛИПУНЮШКА

(Сказка)

Жил старик со старухой. У них не было детей. Старик поехал в поле пахать, а старуха

осталась дома блины печь. Старуха напекла блинов и говорит:

«Если бы был у нас сын, он бы отцу блинов отнес; а теперь с кем я пошлю?»

Вдруг из хлопка вылез маленький сыночек и говорит: «Здравствуй, матушка!..»

А старуха и говорит: «Откуда ты, сыночек, взялся и как тебя звать?»

А сыночек и говорит: «Ты, матушка, отпряла хлопчечек и положила в столбочек, я там и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блинов батюшке».

Старуха и говорит: «Ты донесешь ли, Липунюшка?»

— Донесу, матушка...

Старуха завязала блины в узелок и дала сыночку. Липунюшка взял узел и побежал в поле.

В поле попалась ему на дороге кочка; он и кричит: «Батюшка, батюшка, пересади меня через кочку! Я тебе блинов принес».

Старик услышал с поля, кто-то его зовет, пошел к сыну навстречу, пересадил его через кочку и говорит: «Откуда ты, сынок?» А мальчик говорит: «Я, батюшка, в хлопчечке вывел-

ся», и подал отцу блинов. Старик сел завтракать, а мальчик говорит: «Дай, батюшка, я буду пахать».

А старик говорит: «У тебя силы неостанет пахать».

А Люпунюшка взялся за соху и стал пахать. Сам пашет и сам песни поет.

Ехал мимо этого поля барин и увидал, что старик сидит завтракает, а лошадь одна пашет. Барин вышел из кареты и говорит старику: «Как это у тебя, старик, лошадь одна пашет?»

А старик говорит: «У меня там мальчик пашет, он и песни поет». Барин подошел ближе, услышал песни и увидал Липунюшку.

Барин и говорит: «Старик! продай мне мальчика». А старик говорит: «Нет, мне нельзя продать, у меня один только и есть».

А Люпунюшка говорит старику: «Продай, батюшка, я убегу от него».

Мужик и продал мальчика за сто рублей. Барин отдал деньги, взял мальчика, завернул его в платочек и положил в карман. Барин приехал домой и говорит жене: «Я тебе радость привез». А жена говорит: «Покажи, что

такое?» Барин достал платочек из кармана, развернул его, а в платочке ничего нету. Липунюшка уж давно к отцу убежал.

ВОЛК И СТАРУХА

(Басня)

Голодный волк разыскивал добычу. На краю деревни он услышал — в избе плачет мальчик, и старуха говорит:

— Не перестанешь плакать я тебя волку отдам.

Волк не пошел дальше и стал дожидаться, когда ему отдадут мальчика. Вот пришла ночь; он всё ждет и слышит — старуха опять приговаривает:

— Не плачь, дитяtko; не отдам тебя волку; только приди волк, убьем его.

Волк и подумал: видно, тут говорят одно, а делают другое; и пошел прочь от деревни.

КОТЕНОК

(Быль)

Были брат и сестра — Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали ее везде, но не могли найти. Один раз

они играли подле амбара и услышали, над головой что-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала: «Нашел? Нашел?» Но Вася не отвечал ей. Наконец, Вася закричал ей: «Нашел! наша кошка... и у нее котята; такие чудесные; иди сюда скорее». Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котенка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котенка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котенок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котенка. Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» и увидели, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидели ко-

тенка и хотят схватить его. А котенок глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сторбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котенку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котенка, но Вася упал животом на котенка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принес домой котенка и уж больше не брал его с собой в поле.

УЧЕНЫЙ СЫН

(Басня)

Сын приехал из города к отцу в деревню. Отец сказал: «Нынче покос, возьми грабли и пойдем, пособи мне». А сыну не хотелось работать, он и говорит: «Я учился наукам, а все мужицкие слова забыл; что такое грабли?» Только он пошел по двору, наступил на грабли; они его ударили в лоб. Тогда он и вспомнил, что такое грабли, хватился за лоб и говорит: «И что за дурак тут грабли бросил!»

КАК НАУЧИЛИСЬ БУХАРЦЫ

РАЗВОДИТЬ ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЕЙ

(Б^{ыль})

Китайцы долго одни умели разводить шелк и никому этого искусства не показывали, а продавали за дорогие деньги шелковые ткани.

Бухарский царь услышал об этом, и ему захотелось достать червей и научиться этому делу. Он просил китайцев дать ему семян и червей и деревьев. Они отказали. Тогда бухарский царь послал сватать за себя дочь у китайского императора и велел сказать невесте, что у него всего много в царстве, нет только одного — шелковых тканей, — так чтобы она с собою потихоньку привезла семян шелковицы и червей, а то не во что ей будет наряжаться.

Царевна набрала семян червей и деревьев и положила себе в головную повязку.

Когда на границе стали осматривать, не везет ли она с собою потихоньку чего запрещенного, никто не посмел развязать ее повязку.

И бухарцы развели у себя тутовые деревья и шелковичных червей, и царевна научила

ВОДИТЬ ИХ.

МУЖИК И ЛОШАДЬ

(Басня)

Поехал мужик в город за овсом для лошади. Только что выехал из деревни, лошадь стала заворачивать назад к дому. Мужик ударил лошадь кнутом. Она пошла и думает про мужика: «Куда он, дурак, меня гонит; лучше бы домой». Не доезжая до города, мужик видит, что лошади тяжело по грязи, своротил на мостовую, а лошадь воротит прочь от мостовой. Мужик ударил кнутом и дернул лошадь: она пошла на мостовую и думает: «Зачем он меня повернул на мостовую, только копыта обломаешь. Тут под ногами жестко».

Мужик подъехал к лавке, купил овса и поехал домой. Когда приехал домой, дал лошади овса. Лошадь стала есть и думает: «Какие люди глупые! Только любят над нами умничать, а ума у них меньше нашего. О чем он хлопотал? Куда-то ездил и гонял меня. Сколько мы ни ездили, а вернулись же домой. Лучше бы с самого начала оставаться нам с ним дома; он бы сидел на печи, а я бы ела овес».

КАК ТЕТУШКА РАССКАЗЫВАЛА БАБУШКЕ О ТОМ, КАК ЕЙ РАЗБОЙНИК ЕМЕЛЬКА ПУГАЧЕВ ДАЛ ГРИВЕННИК

(Б^{ыль})

Мне было лет 8, и мы жили в Казанской губернии, в своей деревне. Помню я, что отец с матерью стали тревожиться и всё поминали о Пугачеве. Потом уж я узнала, что появился тогда Пугачев разбойник. Он называл себя царем Петром III, собрал много разбойников и вешал всех дворян, а крепостных всех отпускал на волю. И говорили, что он с своим народом уже недалеко от нас. Отец хотел уехать в Казань, да побоялся нас, детей, везти с собой, потому что погода была холодная и дороги дурные. Было это дело в ноябре, и по дорогам опасно было. И собрался отец ехать один с матерью в Казань и оттуда обещался взять казаков и приехать за нами.

Они уехали, а мы остались одни с няней Анной Трофимовной, и все жили внизу, в одной комнате. Помню я, сидим мы вечером, няня качает сестру и носит по комнате: у нее животик болел, а я куклу одеваю. А Параша,

девушка наша, и дьячиха сидят у стола, пьют чай и разговаривают; и всё про Пугачева. Я куклу одеваю, а сама всё слушаю, какие страсти дьячиха рассказывает.

— Помню я, — рассказывала она, — как к соседям нашим за 40 верст Пугачев приходил и как он барина на воротах повесил, а детей всех перебил.

— Как же они их, злодеи, убивали? — спросила Параша.

— Да так, матка моя. Игнатыч сказывал: возьмут за ножки да об угол.

— И, будет вам страсти рассказывать при ребенке, — сказала няня. — Иди, Катенька, спать, уж пора.

Я хотела уже собираться спать, вдруг слышим мы — стучат в ворота, собаки лают и голоса кричат.

Дьячиха с Парашей побежали смотреть и сейчас же прибежали назад: «Он! Он!»

Няня забыла и думать, что у сестры животик болит, бросила ее на постельку, побежала к сундуку, достала оттуда рубашку и сарафанчик маленький. Сняла с меня всё, разула и надела крестьянское платье. Голову мне повяза-

да платком и говорит:

— Смотри, если спрашивать будут, говори, что ты моя внучка.

Не успели меня одеть, слышим наверху уже стучат сапогами. Слышно, много народа нашло. Прибежала к нам дьячиха, Михайла лакей.

— Сам, сам приехал! Баранов бить велит. Вина, наливочка спрашивает.

Анна Трофимовна говорит: «Всего давай. Да смотри не сказывай, что барские дети. Говори, все уехали. А про нее говори, что моя внучка».

Всю ночь эту мы не спали. Всё к нам заходили пьяные казаки.

Но Анна Трофимовна их не боялась. Как придет какой, она говорит: «Чего, голубчик, надо? У нас про вас ничего нет. Малые дети, да я старая».

И казаки уходили.

К утру я заснула, и когда проснулась, то увидела, что у нас в горнице казак в зеленой бархатной шубе, и Анна Трофимовна ему низко кланяется.

Он показал на мою сестру, говорит: «Это

чья же?» А Анна Трофимовна говорит: «Внучка моя, дочернина. Дочь с господами уехала, мне оставила».

— А эта девчонка? — Он показал на меня.

— Тоже внучка, государь.

Он поманил меня пальцем.

— Поди сюда, умница. — Я заробела.

А Анна Трофимовна говорит:

— Иди, Катюшка, не бойся. — Я подошла.

Он взял меня за щеку и говорит:

— Вишь, белолицая какая, красавица будет. — Вынул из кармана горсть серебра, вынул гривенник и дал мне.

— На тебе, помни государя, — и ушел.

Погостили они у нас так 2 дня, всё поели, попили, поломали, но ничего не сожгли и уехали.

Когда отец с матерью вернулись, они не знали, как благодарить Анну Трофимовну, дали ей вольную, но она не взяла и до старости жила и умерла у нас. А меня шутя звали с тех пор: Пугачева невеста. А гривенник тот, что мне дал Пугачев, я до сих пор храню; и как взгляну на него, вспоминаю свои детские годы и добрую Анну Трофимовну.

ВИЗИРЬ АБДУЛ

(Сказка)

Был у персидского царя правдивый визирь Абдул. Поехал он раз к царю через город. А в городе собрался народ бунтовать. Как только увидали визиря, обступили его, остановили лошадь и стали грозить ему, что они его убьют, если он по-ихнему не сделает. Один человек так осмелился, что взял его за бороду и подергал ему бороду.

Когда они отпустили визиря, он приехал к царю и упросил его помочь народу и не наказывать за то, что они его так обидели.

На другое утро пришел к визирю лавочник. Визирь спросил, что ему надо. Лавочник говорит: «Я пришел выдать тебе того самого человека, который тебя обидел вчера. Я его знаю — это мой сосед, его звать Нагим; пошли за ним и накажи его!»

Визирь отпустил лавочника и послал за Нагимом. Нагим догадался, что его выдали, пришел ни жив ни мертв к визирю и упал в ноги.

Визирь поднял его и сказал: «Я не за тем

призвал тебя, чтобы наказывать, а только затем, чтобы сказать тебе, что у тебя сосед нехорош. Он тебя выдал, берегись его. Ступай с богом».

КАК ВОР САМ СЕБЯ ВЫДАЛ

(Б^{ыль})

Один вор залез ночью к купцу на чердак. Он отобрал шубы, полотна и хотел слезать, да споткнулся на перемёт и загремел. Купец услышал, что что-то зашумело над головой, разбудил работника и пошел со свечой на чердак. Работник разоспался и говорит купцу: «Что смотреть, никого нет, нешто кошка?» Но купец все-таки пошел на чердак. Как только вор услышал, что идет кто-то, он положил шубы и полотна на прежнее место и стал искать места, куда бы спрятаться. Увидал он: большая куча чего-то. А это была куча табаку листового. Вор раскопал табак, влез в середину и прикрылся табаком. И слышит вор, что вошли двое — входят и говорят. Купец говорит: «Я слышал, что-то тяжелое загремело». А работник говорит: «Чему греметь, либо кошка, либо домовой». Купец прошел мимо табаку,

ничего не заметил и говорит: «И то, видно, показалось: никого нет; ну, пойдём. И слышит вор, что они уходят, и думает: «Теперь всё опять соберу и вылезу в окно». Только вдруг чувствует вор, что ему в носу защекотало от табаку и чихнуть хочется. Зажал он рот рукой, ещё больше щекочет, и не может держаться, чтобы не чихнуть. Купец с работником уже стали выходить. Слышат — в углу кто-то чихает. «Чих! чих! а чих!» Вернулись и поймали вора.

НОША

(Басня)

Два человека шли вместе по дороге и несли на плечах каждый свою ношу. Один человек нес, не снимая всю дорогу, а другой всё останавливался, снимал ношу и садился отдыхать. Но ему надо было всякий раз опять поднимать ношу и опять взваливать на плечи. И тот, который снимал ношу, больше устал, чем тот, который нес, не снимая,

КОСТОЧКА

(Быль)

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?» Все сказали: «Нет». Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже: «Нет, я не ел».

Тогда отец сказал: «Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь».

Ваня побледнел и сказал: «Нет, я косточку бросил за окошко».

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

ДВА КУПЦА

(Басня)

Один бедный купец уезжал в дорогу и отдал весь свой железный товар под сохране-

ние богатому купцу. Когда он вернулся, он пришел к богатому купцу и попросил назад свое железо.

Богатый купец продал весь железный товар и, чтобы отговориться чем-нибудь сказал: «С твоим железом несчастье случилось».

— А что?

— Да я его сложил в хлебный амбар. А там мышей пропасть. Они всё железо источили. Я сам видел, как они грызли. Если не веришь — поди посмотри.

Бедный купец не стал спорить. Он сказал: «Чего смотреть. Я и так верю. Я знаю, мыши всегда железо грызут. Прощай». И бедный купец ушел.

На улице он увидел, играет мальчик — сын богатого купца. Бедный купец приласкал мальчика, взял на руки и унес к себе. На другой день богатый купец встречает бедного и рассказывает свое горе, что у него сын пропал, и спрашивает: «Не видал ли, не слышал ли?»

Бедный купец и говорит:

— Как же, видел. Только стал я вчера от тебя выходить, вижу ястреб налетел прямо на

твоего мальчика, схватил и унес.

Богатый купец рассердился и говорит:

— Стыдно тебе надо мной смеяться. Разве статочное дело, чтоб ястреб мог мальчика унести.

— Нет, я не смеюсь. Что ж удивительного, что ястреб мальчика унес, когда мыши 100 пудов железа съели. Всё бывает.

Тогда богатый купец понял и говорит: «Мыши не съели твоего железа, а я его продал и вдвое тебе заплачу».

— А если так, то и ястреб сына твоего не уносил, и я его тебе отдам.

САН-ГОТАРДСКАЯ СОБАКА

(Описание)

Есть рядом две земли: Швейцария и Италия. Между этими двумя землями есть горы Альпы. Горы эти так высоки, что снег на них никогда не тает. По дороге из Швейцарии в Италию надо переходить через эти горы. Дорога идет через гору Сан-Готард. На самом верху этой горы, на дороге построен монастырь. И в этом монастыре живут монахи. Монахи эти молятся богу и пускают к себе до-

рожных людей на отдых и на ночлег. На Сан-Готарде всегда бывает пасмурно; летом туман, и ничего не видно. А зимой бывают такие метели, что на пять аршин заносит снегом. И проезжие и прохожие часто замерзают в эти метели. У монахов есть собаки. И собаки эти приучены отыскивать в снегу людей.

Один раз по дороге в Швейцарию шла женщина с ребеночком. Началась метель; женщина сбилась с дороги, села в снегу и застыла. Монахи вышли с собаками и нашли женщину с ребеночком. Монахи отогрели ребеночка и выкормили. А женщину они принесли уже мертвую и похоронили у себя в монастыре.

РАССКАЗ МУЖИКА О ТОМ, ЗА ЧТО ОН СТАРШЕГО БРАТА СВОЕГО ЛЮБИТ

Я и так брата люблю, а больше за то, что он за меня в солдаты пошел. Вот как было дело: стали бросать жеребий. Жеребий пал на меня, мне надо было идти в солдаты, а я тогда неделю как женился. Не хотелось мне от молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говорит: «Как Петрушке идти, он молод». Делать было нечего,

стали меня собирать. Сшила мне жена рубахи, собрала мне денег, и на завтра надо было идти на ставку в город. Матушка убивалась — плакала, а я как подумаю, что идти надо, так сердце сожмется, точно на смерть иду.

Собрались мы ввечеру все ужинать. Никому и есть не хотелось. Старший брат, Николай, лежал на печи и всё молчал. Молодайка моя выла. Отец сидел сердитый. Как матушка постановила на стол кашу, так никто ее и не тронул. Матушка стала звать Николая с печи ужинать. Он сошел, перекрестился, сел у стола, да и говорит: «Не убивайся, матушка. Я пойду за Петрушку в солдаты, я старше его. Авось, не пропаду. Отслужу, да и приду домой. А ты, Петр, без меня покой батюшку с матушкой и жену мою не обижай». Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться; стали собирать Николая.

Поутру, когда я проснулся, как пораздумал, что за меня брат идет, стало мне тошно. Я и говорю: «Не ходи, Николай, мой черед, я и пойду». А он молчит и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба в город на ставку. Он становится и я становлюсь. Оба мы ребята хоро-

шие, стоим — ждем, не бракуют нас. Старший брат посмотрел на меня — усмехнулся и говорит: «Будет, Петр, ступай домой. Да не скучайте по мне, я своей охотой иду». Заплакал я и пошел домой. А теперь как вспомню про брата, кажется бы жизнь за него отдал.

КАК Я В ПЕРВЫЙ РАЗ УБИЛ ЗАЙЦА

(Рассказ барина)

У меня был дядька Иван Андреич. Он выучил меня стрелять, когда мне было еще 13 лет. Он достал маленькое ружьецо и давал мне из него стрелять, когда мы ходили гулять. И я убил раз галку и другой раз сороку. Но отец не знал, что я умею стрелять. Один раз, это было осенью, в маменькины именины и мы ожидали дядюшку к обеду, и я сидел на окне и смотрел в ту сторону, откуда ему надо было приехать, а отец ходил по комнате. Я увидел из-за роци четверню серых и коляску и закричал: «Едет! едет!...»

Отец поглядел в окно, увидел коляску, взял картуз и пошел на крыльцо встречать. Я побежал за ним. Отец поздоровался с дядей и сказал: «Выходи же». Но дядя сказал: «Нет, возь-

ми лучше ружье, да поедем со мной. Вон там, сейчас за рощей, русак лежит в зеленях. Возьми ружье, поедем убьем». Отец велел себе подать шубку и ружье, а я побежал к себе, наверх, надел шапку и взял свое ружье. Когда отец сел с дядей в коляску, я приснастился с ружьем сзади на запятки, так что никто не видал меня.

Только что выехали за рощу, дядя велел кучеру остановиться, поднялся и говорит: «Видишь, вон в той меже сереется? Справа бурьянчик, а влево, шагов на 5 — видишь?» Отец долго смотрел и всё ничего не видал. А мне снизу и вовсе не видно было. Наконец, отец увидал, и они с дядей пошли по полю. Отец нес ружье наготове, а дядя ему указывал. Я шел сзади с своим ружьем и ничего не мог видеть. Но я рад был, что меня не заметили. Прошли так шагов 100. Отец остановился, хотел прикладываться, но дядя остановил его: «Нет, далеко, еще подойдем. Он подпустит». Отец послушался, но только они прошли немного, русак вскочил, и тут я только увидал его. Русак был большой, почти белый, только спинка серебряная. Он вскочил, под-

нял одно ухо и слегка запрыгал от нас. Отец прицелился — хлоп! Русак бежит. Отец из другого ствола. Русак бежит. Я уж забыл и про отца и про всё. Прицелился сзади их — хлоп! Смотрю и сам глазам не верю — русак перевернулся через голову, лежит и одной задней ногой брыкает. Отец и дядя оглянулись. «Ты откуда взялся! Ну, молодец». И с тех пор мне дали ружье и позволили стрелять.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

(Сказка)

У одного бедного человека было семеро детей мал мала меньше. Самый меньшей был так мал, что когда он родился, он был не больше пальца. Потом он подрос немножко, но все-таки был немного больше пальца, и оттого его звали: *мальчик с пальчик*. Но мальчик с пальчик, даром что был мал, был очень ловок и хитер.

Отец с матерью всё становились беднее и беднее, и пришло им под конец так плохо, что нечем стало и детей кормить. Подумали, подумали отец с матерью и положили отвести детей в лес подальше и оставить их там, так

чтобы они домой не вернулись. Когда отец с матерью говорили про это, мальчик с пальчик не спал и всё слышал. Наутро мальчик с пальчик прежде всех проснулся и побежал на ручей и набрал полны карманы белых камушков. Когда отец с матерью повели детей в лес, мальчик с пальчик шел сзади всех и всё брал по одному камушку из кармана и кидал на дорогу.

Когда отец с матерью завели детей далеко в лес, они зашли за деревья и убежали. Дети стали звать их, и когда увидали, что никто нейдет, стали плакать.

Только один мальчик с пальчик не плакал. Он кричал своим тоненьким голосом: «Перестаньте плакать, я вас выведу из лесу»; но братья так громко плакали, что не слышали его. Когда они услышали его, он рассказал им, что он накидал на дороге белых камушков и выведет их из леса; они обрадовались и пошли за ним. Мальчик с пальчик шел с камушка на камушек и так довел их до дома.

Случилось так, что в тот самый день, как отец с матерью отвели детей в лес, отец получил деньги. Отец с матерью и говорят: «Зачем

мы отвели детей в лес? Они пропадут там. А теперь у нас деньги есть, и мы можем прокормить детей». Мать стала плакать и говорит: «Ах! если бы только дети с нами были!» А мальчик с пальчик услышал из-под окошка и говорит: «А мы вот они!»

Мать обрадовалась, побежала на крыльцо, и все дети один за другим вошли в горницу.

Купили всё, что надо, и стали жить по-прежнему; и жили хорошо до тех пор, пока деньги не вышли.

Но деньги опять все вышли, опять стали отец с матерью судить, как им быть, и опять положили свести детей в лес и оставить их там.

Мальчик с пальчик опять услышал и, как пришло утро, хотел идти потихоньку в ручей за камушками. Только подошел он к двери, хотел отворить, но дверь была заперта на задвижку; хотел отодвинуть, да, как ни бился, не мог достать до задвижки.

Камушков нельзя было ему набрать, он и взял хлеба. Наложил в карманы и думает: «Как они нас поведут, я накидаю крошки хлеба по дороге и по ним опять выведу братьев».

Отец с матерью опять свели детей в лес и их там бросили, и опять мальчик с пальчик кидал по дороге крошки хлеба.

Когда старшие братья стали плакать, мальчик с пальчик опять обещал их вывести.

Но только в этот раз он не нашел дороги, потому что птицы поклевали все крошки хлеба.

Дети ходили, ходили по лесу и не нашли дороги до самой ночи. Плакали, плакали и все заснули. Мальчик с пальчик проснулся раньше всех и влез на дерево, осмотрел кругом и увидел избушку. Он слез с дерева, разбудил братьев и повел их к избушке.

Они постучались, и вышла к ним на крыльцо старушка и спросила, чего им надо. Они сказали, что заблудились в лесу. Тогда старушка пустила их в дом и сказала: «Жалко мне вас за то, что вы к нам зашли. Мужик мой людоед. И если он вас увидит, он съест вас. Мне вас жалко. Спрячьтесь сюда под кровать, а завтра я вас выпущу».

Дети испугались и залезли под кровать. Вдруг слышат они, кто-то постучался в дверь и вошел в горницу. Мальчик с пальчик вы-

глянул из-под кровати и видит — страшный людоед сел за стол и крикнул на старушку: «Давай вина». Старушка подала вина, он выпил, стал нюхать: «А что у нас людским духом пахнет! Кто-нибудь у тебя спрятан?» Старушка стала говорить, что никого нет, но людоед стал нюхать всё ближе и ближе и добрался чутьем до кровати. Стал шарить под кроватью руками, поймал за ножку мальчика с пальчика и закричал: «А, вот они!» И он вытащил их всех и стал радоваться. Потом взял нож и хотел их резать, но жена уговорила его. Она сказала: «Видишь, какие они худые и плохие. Дай мы их покормим немножко, они свежей и вкусней будут». Людоед послушался, велел их накормить и положить спать вместе с своими девочками.

А у людоеда было 7 девочек, такие же маленькие, как мальчиковы братья. Девочки все лежали и спали на одной кровати, и у каждой девочки на голове была золотая шапочка. Мальчик с пальчик заметил это, и, когда людоед с женой ушли, он потихоньку снял шапочки с людоедовых дочерей и надел их на себя и на братьев, а свою и братнины

шапочки надел на девочек.

Людоед всю ночь пил вино. И, когда он много выпил, ему захотелось опять есть. Он встал и пошел в ту горницу, где спали мальчик с пальчик с братьями и 7 девочек. Он подошел к мальчикам, ощупал на них золотые шапочки и говорит: «Вот спяну чуть своих дочерей не порезал». Оставил мальчиков и пошел к дочерям, ощупал на них мягкие шапочки и всех перерезал и заснул.

Тогда мальчик с пальчик поднял братьев, отворил дверь и побежал с ними в лес.

Дети ходили всю ночь и весь день и всё не могли выйти из леса.

А людоед, когда проснулся поутру и увидел, что он вместо чужих перерезал своих детей, надел свои семиверстные сапоги и побежал в лес искать детей.

А семиверстные сапоги были такие, что кто их наденет, тот каждый шаг в 7 верст ступает.

Людоед искал, искал детей; не нашел и подле самых их присел отдохнуть и заснул.

Мальчик с пальчик увидал, что людоед спит, подкрался к нему и вынул у него из кар-

мана горсть золота, роздал братьям. Потом он потихоньку разул его. Когда он разул его, он надел сам семиверстные сапоги, велел братьям крепче взяться рука с рукой и держаться за него. И он побежал так скоро, что сейчас же вышел из леса и нашел дом.

И когда они вернулись, то отдали отцу с матерью золото. Они стали богаты, и больше уже не отсылали их.

ДУРЕНЬ

(С *стихи-сказка*)

*Задумал дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Две избы пусты;
Глянул в подполье:
В подполье черти,
Востроголовы,
Глаза, что ложки,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают.*

Дурень им молвил:
«Бог да на помочь
«Вам, добрым людям».
Черти не любят, —
Схватили дурня,
Зачали бити,
Стали давити,
Еле живого
Дурня пустили.
Приходит дурень
Домой, сам плачет,
На голос воеет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то тоже:
«Дурень, ты, дурень,
«Глупый ты Бабин,
«То же ты слово
«Не так бы молвил;
«А ты бы молвил:
«Будь ты, враг, проклят
«Имем господним!
«Черти ушли бы,
«Тебе бы, дурню,
«Деньги достались
«Заместо клада». —
«Добро же, баба,
«Ты, бабариха,

«Матерь Лукерья,
«Сестра Чернава,
«Вперед я, дурень,
«Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братьов, —
Ячмень молотят.
Он братьям молвил:
«Будь ты, враг, проклят
«Имем господним!»
Как сграбят дурня
Четыре брата,
Зачали бити,
Еле живого
Дурня пустили.
Приходит дурень
Домой, сам плачет,
На голос воеет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Дурень, ты, дурень,
«Глупый ты Бабин,
«То же ты слово

«Не так бы молвил.
«Ты бы им молвил:
«Бог вам на помочь,
«Чтоб по сту на день
«Чтоб не сносити». —
«Добро же, баба,
«Ты, бабариха,
«Матерь Лукерья,
«Сестра Чернава,
«Вперед я дурень
«Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень, —
Семеро братьев
Матерь хоронят;
Все они плачут,
Голосом воют.
Он им и молвил:
«Бог вам на помочь,
«Семеро братьев,
«Мать хоронити,
«Чтоб по сту на день
«Чтоб не сносити».
Сграбили дурня
Семеро братьев,

Зачали бити,
Стали таскати,
В грязи валяти,
Еле живого
Дурня пустили.
Идет он, дурень,
Домой да плачет,
На голос воеет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Дурень, ты, дурень,
«То же ты слово
«Не так бы молвил,
«А ты бы молвил:
«Канун да ладан,
«Дай же господь бог
«Царство небесно,
«Пресветлый рай ей.
«Тебя бы дурня
«Там накормили
«Кутьей с блинами». —
«Добро же баба,
«Ты, бабариха,
«Матерь Лукерья,
«Вперед я, дурень,
«Таков не буду».
Пошел он, дурень,

На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати;
Навстречу свадьба, —
Он им и молвил:
«Канун да ладан,
«Дай господь бог вам
«Царство небесно,
«Пресветлый рай всем».
Скочили дружки,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Плетьми стегати,
В лицо хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воеет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Дурень, ты, дурень,
«Ты глупый Бабин;
«Ты то же слово
«Не так бы молвил;
«А ты бы молвил:
«Дай господь бог вам
«Князю с княгиней,
«Закон приняти,
«Любовно жити,

«Детей сводити». —
«Вперед я, дурень,
«Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Попался дурню
Навстречу старец.
Он ему молвил:
«Дай бог те, старцу,
«Закон принять,
«Любовно жити,
«Детей сводити».
Как схватит старец
За ворот дурня,
Стал его бити,
Стал колотити,
Сломал костыль весь.
Пошел он, дурень,
Домой, сам плачет,
А мать бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
«Ты дурень, дурень,
«Ты глупый Бабин;
«Ты то же слово
«Не так бы молвил;

«А ты бы молвил:
«Благослови мя,
«Святой игумен». —
«Добро же, баба,
«Ты, бабариха,
«Матерь Лукерья,
«Вперед я, дурень,
«Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити.
Увидел дурень
В бору медведя, —
Медведь за елью
Дерет корову.
Он ему молвит:
«Благослови мя,
«Святой игумен».
Медведь на дурня
Кинулся, сграбил,
Зачал коверкать,
Зачал ломати:
Едва живого
Дурня оставил.
Приходит дурень
Домой, сам плачет,
На голос воеет,
Матери скажет.

А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Ты дурень, дурень,
«Ты глупый Бабин;
«Ты то же слово.
«Не так бы молвил,
«Ты бы зауськал,
«Ты бы загайкал,
«Заулюлюкал». —
«Добро же баба,
«Ты, бабариха,
«Матерь Лукерья,
«Сестра Чернава,
«Вперед я, дурень,
«Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Идет он, дурень,
Во чистом поле, —
Навстречу дурню
Идет полковник.
Зауськал дурень,
Загайкал дурень,
Заулюлюкал.
Сказал полковник

Своим солдатам.
Схватили дурня, —
Зачали бити;
До смерти дурня.
Тут и убили.

СВЯТОГОР-БОГАТЫРЬ

(Стихи-сказка)

Выезжал ли Святогор гулять
в чисто поле
Никого-то, Святогор, он не наха-
живал,
С кем бы силой богатырскою по-
мериться;
А сам чует в себе силу он великую,
Чует — живчиком по жилкам
разливается.
Грузно с силы Святогору, как от
бремени.
И промолвил Святогор-свет по-
хваляючись:
«По моей ли да по силе богатыр-
ской
«Каб державу мне найти, всю
землю поднял бы».
С тех слов увидел Святогор прохо-
жего —
Сдалека в степи идет прохожий с

сумочкой, —
И поехал Святогор к тому прохо-
жему,
Едет рысью, всё прохожий идет
передом, —
Во всю прыть не может он до-
гнать прохожего.
Закричал тут Святогор да гром-
ким голосом:
«Гой, прохожий человек, пожди
немножечко.
«Не могу догнать тебя я на доб-
ром коне».
Сдалека прохожий Святогора слу-
шался,
Становился, с плеч на землю бро-
сал сумочку.
Наезжает Святогор на эту су-
мочку.
Своей плеточкой он сумочку по-
щуповал, —
Как урослая, та сумочка не тро-
нется.
Святогор с коня перстом ее по-
трогивал, —
Не сворохнется та сумка, не ше-
вельнется.
Святогор с коня хватал рукой, по-

тягивал, —

Как урослая, та сумка не поднимется.

Слез с коня тут Святогор, взялся за сумочку,

Он приладился, взялся руками обеими,

Во всю силу богатырску принатужился, —

От натуги по белу лицу ала кровь пошла,

А поднял суму от земли только на волос.

По колена ж сам он в мать сыру землю угряз.

Взговорит ли Святогор тут громким голосом:

«Ты скажи же мне, прохожий, правду истинну,

«А и что, скажи ты, в сумочке накладено?»»

Взговорит ему прохожий да на те слова:

«Тяга в сумочке от матери сырой земли».

Взговорит тут Святогор да ко прохожему:

«А ты сам кто есть, как звать

тебя по имени?»

Взговорит ему прохожий ли на те слова:

«Я Микула есмь; мужик я, Селянинович,

«Я Микула, — меня любит мать сыра земля».

ВТОРАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ОГЛАВЛЕНИЕ II-й КНИГИ

	Стр.
Девочка и грибы	147
Осел в львиной шкуре	147
Какая бывает роса на траве	148
Курица и ласточка	148
Индеец и англичанин	148
Олень и ланчук	149
Жилетка	149
Лисица и виноград	150
Удача	150
Работницы и петух	150

Самокрутка	150
Рыбак и рыбка	152
Осязание и зрение	152
Лисица и козел	152
Как мужик убрал камень	152
Собака и ее тень	153
Шат и Дон	153
Журавль и аист	154
Судома	154
Садовник и сыновья	155
Сова и заяц	155
Волк и журавль	155
Орел	156
Утка и месяц	156
Медведь на повозке	157
Волк в пыли	157
Лозина	157
Мышь под амбаром	159
Как волки учат своих детей	159
Зайцы и лягушки	159

Как тетушка рассказывала о том, как у нее был ручной воробей — Живчик	160
Три калача и одна баранка	162
1000 золотых	162
Петр I и мужик	162
Бешеная собака	163
Две лошади	164
Лев и собачка	165
Ровное наследство	166
Три вора	166
Отец и сыновья	167
Отчего бывает ветер?	168
Для чего ветер?	168
Самые лучшие груши	170
Волга и Вазуза	170
Теленок на льду	171
Золотоволосая царица	171
Сокол и петух	173

Тепло. I	173
Тепло. II	173
Тепло. III	174
Шакалы и слон	175
Магнит	175
Цапля, рыбы и рак	177
Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом	177
Еж и заяц	179
Два брата	180
Водяной и жемчужина	182
Уж	182
Воробей и ласточки	184
Камбиз и Псаменид	184
Акула	185
Отчего потеют окна и бывает роса?	187
Архиерей и разбойник	188
Ермак	190
Сухман	196

ДЕВОЧКА И ГРИБЫ

(Б^{ыль})

Две девочки шли домой с грибами.

Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что машина далеко, взлезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая — перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре: «Не ходи назад!»

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велят бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было силы.

Старшая девочка кричала: «Брось грибы!», а маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что случилось с девочкой.

Когда поезд прошел, все увидали, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на колени, собрала грибы и побежала к сестре.

ОСЕЛ В ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ

(Басня)

Осел надел львиную шкуру, и все думали — лев. Побежал народ и скотина. Подул ветер, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбежался народ: исколотили осла.

КАКАЯ БЫВАЕТ РОСА НА ТРАВЕ

(Описание)

Когда в солнечное утро летом пойдешь в лес, то на полях, в траве видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и желтым, и красным, и синим. Когда подойдешь ближе и разгля-

дишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвешь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнет мимо стебля. Бывало, сорвешь такую чашечку, потихоньку поднесешь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

КУРИЦА И ЛАСТОЧКА

(Басня)

Курица нашла змеиные яйца и стала их высиживать. Ласточка увидела и говорит:

«То-то, глупая! Ты их выведешь, а как вырастут, они тебя первую обидят».

ИНДЕЕЦ И АНГЛИЧАНИН

(Быль)

Индейцы взяли на войне в плен молодого англичанина, привязали его к дереву и хоте-

ли убить.

Старый индеец подошел и сказал: «Не убивайте его, а отдайте мне»

Его отдали.

Старый индеец отвязал англичанина, свел его в свой шалаш, накормил и положил ночевать.

На другое утро индеец велел англичанину идти за собой. Они шли долго, и когда подошли близко к английскому лагерю, индеец сказал:

«Ваши убили моего сына, я спас тебе жизнь; иди к своим и убивай нас».

Англичанин удивился и сказал: «Зачем ты смеешься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорее».

Тогда индеец сказал: «Когда тебя стали убивать, я вспомнил о своем сыне, и мне стало жаль тебя. Я не смеюсь: иди к своим и убивай нас, если хочешь». И индеец отпустил англичанина.

ОЛЕНЬ И ЛАНЧУК

(Басня)

Ланчук[62] сказал раз оленю:

«Батюшка, ты и больше и резвее собак, да еще и рога у тебя огромные на защиту; отчего же ты так боишься собак?»

Олень засмеялся и говорит:

«Правду говоришь, дитяtko. Одна беда: как только услышу собачий лай, не успею подумать, а уж бегу».

ЖИЛЕТКА

(Б^{ыль})

Один мужик занялся торговлей и так разбогател, что стал первым богачом. У него служили сотни приказчиков, и он их всех и по имени не знал.

Пропало раз у купца двадцать тысяч денег. Стали старшие приказчики разыскивать и разыскали того, кто украл деньги.

Пришел старший приказчик к купцу и говорит: «Я вора нашел. Надо его в Сибирь сослать».

Купец говорит: «А кто украл?» Старший приказчик говорит:

«Иван Петров, сам признался».

Купец подумал и говорит: «Ивана Петрова надо простить».

Приказчик удивился и говорит: «Как же простить? Этак и те приказчики то же будут делать: всё добро растаскают». Купец говорит: «Ивана Петрова надо простить: когда я начал торговать, мы с ним товарищами были. Когда я женился, мне под венец надеть нечего было. Он мне свою жилетку дал надеть. Ивана Петрова надо простить».

Так и простили Ивана Петрова.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

(Басня)

Лисица увидела — висят спелые кисти винограда и стала прилаживаться, как бы их съесть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобы досаду заглушить, она говорит: «Зелены еще».

УДАЧА

(Быль)

Приехали люди на остров, где было много дорогих камней. Люди старались найти больше; они мало ели, мало спали, а всё работали. Один только из них ничего не делал, а

сидел на месте, ел, пили и спал. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человека и сказали: «Ты с чем же домой поедешь?» Он взял поднял горсть земли под ногами и положил в сумку.

Когда все приехали домой, этот человек достал свою землю из сумки и в ней нашел камень драгоценнее всех других вместе.

РАБОТНИЦЫ И ПЕТУХ

(Басня)

Хозяйка по ночам будила работниц и, как запоют петухи, сажала за дело. Работницам тяжело показалось, и они вздумали убить петуха, чтобы не будил хозяйки. Убили, им стало хуже: хозяйка боялась проспать и еще раньше стала поднимать работниц.

САМОКРУТКА

(Быль)

Один мужик выучился мельничному мастерству и стал делать мельницы водяные, ветряные и конные.

Потом он задумал сделать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни ветра,

ни лошадей; он хотел сделать так, чтобы тяжелый камень спускался книзу и своей тяжестью вертел колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался — так, чтобы мельница ходила сама.

Мужик пошел к барину и сказал: «Я придумал такую мельницу-самокрутку, что сама будет ходить, без воды и без лошадей; только раз завести, — она и будет ходить до тех пор, пока остановишь. Нет только у меня денег на лес да на чугун. Дай мне, барин, триста рублей денег, я тебе первому сделаю такую мельницу».

Барин спросил у мужика — знает ли он грамоте.

Мужик сказал, что не знает.

Тогда барин сказал: «Вот если бы ты знал грамоте, я бы тебе книжку дал о механике, и там ты бы прочел о такой мельнице и увидел бы, что такой мельницы сделать нельзя, что много людей ученых посходили с ума — всё выдумывали такую мельницу, чтоб сама ходила».

Мужик не поверил барину и сказал: «В книгах ваших много дурно пишут. Так-то уче-

ный машинист построил крупорушку купцу в городе, да только испортил; а я хоть неграмотный, да как взглянул, так увидел и переладил рушку — стала работать».

Барин сказал: «Чем же ты подымешь свой камень, когда он спустится?»

Мужик сказал: «Сам по колесу поднимется».

Барин сказал: «Поднимется, да ниже, а другой раз поднимется еще ниже и станет, какие ты колеса не прилаживай. Всё равно, как если на салазках с большой горы съедешь — на маленькую поднимешься, а с маленькой назад на большую никак не поднимешься».

Мужик не поверил, а пошел к купцу и обещал ему сделать мельницу без воды и лошадей.

Купец дал денег. Мужик строил, строил, простроил все 300 рублей, а мельница не ходит.

Тогда мужик стал свое имение продавать и всё простроил.

А купец говорит: «Давай мне мельницу, чтобы сама ходила, без лошадей, или деньги давай назад».

Пришел мужик к барину и рассказал о своем горе.

Барин дал ему денег и говорит: «Оставайся у меня работать: строй ты мне мельницы, только водяные да конные — на это ты мастер, а вперед за то не берись, чего и поумнее тебя люди не сделали».

РЫБАК И РЫБКА

(Басня)

Поймал рыбак рыбку. Рыбка и говорит:

«Рыбак,пусти меня в воду; видишь, я мелка: тебе от меня пользы мало будет. Апустишь, да я вырасту, тогда поймаешь — тебе пользы больше будет»

Рыбак и говорит:

«Дурак тот будет, кто станет большой пользы ждать, а малую из рук упустит».

ОСЯЗАНИЕ И ЗРЕНИЕ

(Рассуждение)

Заплети указательный палец с средним и заплетенными пальцами потрогивай маленький шарик так, чтобы он катался промеж обоих пальцев, а сам закрой глаза. Тебе покажет-

ся, что два шарика. Открой глаза, — увидишь, что один шарик. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее чистое зеркало: тебе покажется, что это окно или дверь и что там сзади что-то есть. Ощупай пальцем, — увидишь, что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

(Басня)

Захотелось козлу напиться: он слез под кручь к колодцу, напился и отяжелел. Стал он выбираться назад и не может. И стал он реветь. Лисица увидела и говорит:

«То-то, бестолковый! Коли бы у тебя сколько в бороде волос, столько бы в голове ума было, то прежде, чем слезать, подумал бы, как назад выбраться».

КАК МУЖИК УБРАЛ КАМЕНЬ

(Быль)

На площади в одном городе лежал огромный камень. Камень занимал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и

спросили их, как убрать этот камень и сколько это будет стоить.

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям свезти его, и что это будет стоить 8000 рублей; другой сказал, что под камень надо подвести большой каток и на катке свезти камень, и что это будет стоить 6000 рублей.

А один мужик сказал: «А я уберу камень и возьму за это 100 рублей».

У него спросили, как он это сделает. И он сказал: «Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землю».

Мужик так и сделал, и ему дали 100 рублей и еще 100 рублей за умную выдумку.

СОБАКА И ЕЕ ТЕНЬ

(Басня)

Собака шла по дощечке через речку, а в зубах несла мясо. Увидала она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несет, — она бросила свое мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а свое волною унесло.

И осталась собака не при чем.

ШАТ И ДОН

(Сказка)

У старика Ивана было два сына: Шат Иванович и Дон Иванович. Шат Иванович был старший брат; он был сильнее и больше, а Дон Иванович был меньший и был меньше и слабее. Отец показал каждому дорогу и велел им слушаться. Шат Иванович не послушался отца и не пошел по показанной дороге, сбился с пути и пропал. А Дон Иванович слушал отца и шел туда, куда отец приказывал. Зато он прошел всю Россию и стал славен.

В Тульской губернии, в Епифанском уезде, есть деревня «Иван-озеро», и в самой деревне есть озеро. Из озера вытекают в разные стороны два ручья. Один ручей так узок, что через него перешагнуть можно. Этот ручей называют Дон. Другой ручеек широкий, и его называют Шат.

Дон идет всё прямо, и чем дальше он идет, тем шире становится.

Шат вертится с одной стороны на другую. Дон прошел через всю Россию и впал в Азов-

ское море. В нем много рыбы, и по нем ходят барки и пароходы.

Шат зашатался, не вышел из Тульской губернии и впал в реку Упу.

ЖУРАВЛЬ И АИСТ

(Басня)

Мужик расставил на журавлей сети за то, что они сбивали у него посев. В сети попались журавли, а с журавлями один аист.

Аист и говорит мужику:

«Ты меня отпусти: я не журавль, а аист; мы самые почетные птицы; я у твоего отца на доме живу. И по перу видно, что я не журавль».

Мужик говорит:

«С журавлями поймал, с ними и зарезу».

СУДОМА

(Сказка)

В Псковской губернии, в Пороховском уезде, есть речка Судома, и на берегах этой речки есть две горы, друг против дружки.

На одной горе был прежде городок Вышгород, на другой горе в прежние времена судились славяне. Старики рассказывают, что на

этой горе в старину с неба висела цепь и что кто был прав, тот до цепи доставал рукой, а кто был виноват, тот не мог достать. Один человек занял у другого деньги и отперся. Привели их обоих на гору Судому и велели доставать до цепи. Тот, кто давал деньги, поднял руку и сразу достал. Пришел черед виноватому доставать. Он не отпирался, а только отдал свой костыль поддержать тому, с кем судился, чтобы ловчее было руками достать до цепи; протянул руки и достал. Тогда народ удивился: как, оба правы? А у виноватого костыль был пустой, и в костыле были запрятаны те самые деньги, в каких он отпирался. Когда он отдал в руки костыль с деньгами поддержать тому, кому он должен был, он с костылем отдал и деньги, и потому достал цепь.

Так он обманул всех. Но с тех пор цепь поднялась на небо и больше не спускалась. Так рассказывают старики.

САДОВНИК И СЫНОВЬЯ

(Басня)

Хотел садовник сыновей приучить к садовому делу. Когда он стал умирать, позвал их и

сказал:

«Вот, дети, когда я умру, вы в виноградном саду поищите, что там спрятано».

Дети подумали, что там клад, и когда отец умер, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю в винограднике так хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше. И они стали богаты.

СОВА И ЗАЯЦ

(Басня)

Смерклось. Стали совы летать в лесу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочил на полянку большой русак, стал охорашиваться. Старая сова посмотрела на русака и села на сук, а молодая сова говорит: «Что ж ты зайца не ловишь?» Старая говорит: «Не по силам — велик русак: ты в него вцепишься, а он тебя уволочет в чащу». А молодая сова говорит: «А я одной лапой вцеплюсь, а другой поскорее за дерево придержусь».

И пустилась молодая сова за зайцем, вцепилась ему лапой в спину так, что все когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцепиться. Как поволок заяц сову, она уцепи-

ласть другой лапой за дерево и думала: «Не уйдет». Заяц рванулся и разорвал сову. Одна лапа осталась на дереве, другая на спине у зайца. На другой год охотник убил этого зайца и дивился тому, что у него в спине были заросшие совиные когти.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

(Басня)

Подавился волк костью и не мог выперхнуть. Он подозвал журавля и сказал:

«Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мне в глотку голову и вытащи кость: я тебя награжу».

Журавль засунул голову, вытащил кость и говорит:

«Давай же награду».

Волк заскрипел зубами, да и говорит:

«Или тебе мало награды, что я тебе голову не откусил, когда она у меня в зубах была?»

ОРЕЛ

(Быль)

Орел свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орел подлетал к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла камнями.

Орел выронил рыбу, а люди подняли ее и ушли.

Орел сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орел устал и не мог лететь опять на море; он спустился в гнездо, прикрыл орлят крыльями, ласкал их, оправлял им перышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пищали.

Тогда орел отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запищали еще жалобнее.

Тогда орел вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю. Он вернулся только поздно вечером: он летел тихо и низко над землею, в когтях у него опять была большая рыба.

Когда он подлетал к дереву, он оглянулся, — нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орел разорвал рыбу и накормил детей.

УТКА И МЕСЯЦ

(Басня)

Утка плавала по реке, отыскивала рыбу и целый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидела месяц в воде, подумала, что это рыба, и нырнула, чтоб поймать месяц. Другие утки увидали это и стали над ней смеяться.

С тех пор утка так застыдилась и заробела, что когда и видала рыбу под водой, она уж не ловила ее и умерла с голода.

МЕДВЕДЬ НА ПОВОЗКЕ

(Басня)

Поводырь с медведем подошел к кабаку, привязал медведя к воротам, а сам вошел в кабак выпить. Ямщик на тройке подъехал к кабаку, закрутил коренную и тоже вошел в кабак. А в телеге у ямщика были калачи. Мед-

ведь учуял в повозке калачи, отвязался, подошел к повозке, влез и стал шарить в сене. Лошади оглянулись и шаркнули от кабака по дороге. Медведь ухватился лапами за грядки и не знает, как ему быть. А лошади, что дальше, то пуще разгораются. Медведь держится передними лапами за грядки и только голову поворачивает то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся-оглянутся — еще шибче катят по дороге, под гору, на гору... Проезжие не успевают постораниваться. Катит тройка вся в мыле, на телеге сидит медведь, держится за грядки да по сторонам оглядывается. Видит медведь, что дело плохо — убьют его лошади; начал он реветь. Еще пуще лошади понесли. Скакали-скакали, прискакали домой в деревню. Все смотрят, что такое скачет. Уткнулись лошади в свой двор, в ворота. Хозяйка глядит, что такое? Не путем прискакал хозяин — видно, пьян. Выходит на двор, а с телеги не хозяин — медведь лезет. Соскочил медведь, да в поле, да в лес.

ВОЛК В ПЫЛИ

(Басня)

Волк хотел поймать из стада овцу и зашел под ветер, чтобы на него несло пыль от стада.

Овчарная собака увидела его и говорит:

«Напрасно ты, волк, в пыли ходишь, глаза заболят».

А волк говорит: «То-то и горе, собаченька, что у меня уж давно глаза болят, а говорят — от овечьего стада пыль хорошо глаза вылечивает».

ЛОЗИНА

(Б^{ыль})

На святой пошел мужик посмотреть — оттаяла ли земля?

Он вышел на огород и колом оцупал землю. Земля раскисла. Мужик пошел в лес. В лесу на лозине уже надулись почки. Мужик и подумал: «Дай обсажу огород лозиной, вырастет — защита будет!» Взял топор, нарубил десяток лозиннику, затесал с толстых концов кольями и воткнул в землю.

Все лозинки выпустили побеги вверху с листьями и внизу под землею выпустили такие же побеги заместо кореньев; и одни зацепились за землю и принялись, а другие

неловко зацепились за землю кореньями — замерли и повалились.

К осени мужик порадовался на свои лозины: шесть штук принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и две только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсем пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревом. По веснам пчелы гудьмя гудели на лозине. В роевщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали их. Бабы и мужики часто завтракали и спали под лозиной; а ребята лазили на нее и выламывали из нее прутья.

Мужик — тот, что посадил лозину, давно уже умер, а она всё росла. Старший сын два раза срубал с нее сучья и топил ими. Лозина всё росла. Обрубят ее кругом, сделают шишку, а она на весну выпустит опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежних, как вихор у жеребенка.

И старший сын перестал хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистом поле. Чужие мужики ездили, рубили ее — она всё росла. Грозой ударило в лозину;

она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвела. Один мужик хотел срубить ее на колоду, да бросил: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бок и держалась только одним боком, а всё росла, и всё каждый год прилетали пчелы обирать с ее цветов поноску.

Собрались раз ребята рано весной стеречь лошадей под лозину. Показалось им холодно: они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Один взлез на лозину, с нее же наломал сучьев. Склали они всё в дупло лозины и зажгли. Зашипела лозина, закипел в ней сок, пошел дым, и стал перебегать огонь; всё нутро ее почернело. Сморщились молодые побеги, цветы завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорелая лозина осталась одна в поле. Прилетел черный ворон, сел на нее и закричал: «Что, издохла, старая кочерга, давно пора было!»

МЫШЬ ПОД АМБАРОМ

(Басня)

Жила одна мышь под амбаром. В полу амбара была дырочка, и хлеб сыпался в дырочку. Мыши житье было хорошее, но она захо-

тела похвастаться своим житьем. Прогрызла больше дыру и позвала других мышей к себе в гости.

«Идите, — говорит, — ко мне гулять. Я вас угощу. Корму на всех достанет». Когда она привела мышей, она увидела, что дыры совсем не было. Мужик заметил большую дыру в полу и заделал ее.

КАК ВОЛКИ УЧАТ СВОИХ ДЕТЕЙ

(Рассказ)

Я шел по дороге, и сзади себя услышал крик. Кричал мальчик пастух. Он бежал по полю и на кого-то показывал.

Я поглядел и увидел — по полю бегут два волка: один матерой, другой молодой. Молодой нес на спине зарезанного ягненка, а зубами держал его за ногу. Матерой волк бежал позади.

Когда я увидел волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидел собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягненка, перекинул себе на спину, и оба

волка побежали скорее и скрылись из глаз.

Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягненка, зарезал его и понес.

Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягненку. Старый отдал нести ягненка молодому волку, а сам налегке побежал возле.

Только когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял ягненка.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

(Басня)

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. Давайте, утопимся!»

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услышали зайцев и забултыхали в воду. Один заяц и говорит:

«Стойте, ребята! Подождем топиться; вот лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: они и нас боятся».

**КАК ТЕТУШКА РАССКАЗЫВАЛА О ТОМ,
КАК У НЕЕ БЫЛ РУЧНОЙ ВОРОБЕЙ —**

ЖИВЧИК

(Рассказ)

В нашем доме за ставнем окна воробей свил гнездо и положил пять яичек. Мы с сестрами смотрели, как воробей по соломинке и по перышку носил за ставень и вил там гнездышко. А потом, когда он положил туда яйца, мы очень обрадовались. Воробей не стал больше прилетать с перышками и соломой, а сел на яйца. Другой воробей — нам сказали, что один муж, а другой жена — приносил жене червей и кормил ее.

Через несколько дней мы услышали из-за ставни писк и посмотрели, что сделалось в воробьином гнезде; в нем было пять крошечных голых птичек, без крыльев и без перьев; носики у них были желтые и мягкие, и головы большие.

Они показались нам очень некрасивы, и мы перестали на них радоваться, а только иногда смотрели на то, что они делали. Мать часто от них улетала за кормом, и когда она возвращалась, воробушки с писком открывали свои желтые клювики, и мать оделяла их

кусочками червяков.

Через неделю маленькие воробьи подросли, покрылись пухом и стали красивее, и тогда мы опять стали часто на них смотреть. Мы пришли утром к ставню посмотреть наших воробьев и увидели, что старый воробей лежит мертвый подле ставня. Мы догадались, что воробей сел на ночь на ставень и заснул и что его раздавили, когда закрывали ставень.

Мы подняли старого воробья и бросили в траву. Маленькие пищали, высовывали свои головки и открывали клювики, но их некому было кормить.

Старшая сестра сказала: «Вот у них теперь нет матери, некому их кормить; давайте выкормим их!»

Мы обрадовались, взяли коробок, наклали в него хлопчатой бумаги, уложили в него гнездо с птичками и понесли к себе наверх. Потом мы нарыли червяков, намочили хлеб в молоке и стали кормить воробушков. Они ели хорошо, трясли головками, чистили клювики об стенку коробка и все были очень веселы.

Так мы их кормили весь день и очень на

них радовались. На другое утро, когда мы посмотрели в коробок, мы увидели, что самый маленький воробушек лежит мертвый, а лапки его запутались в хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой в ней не запутался, и положили в коробок травы и моху. Но к вечеру еще два воробья растопырили свои перышки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Через два дня умер и четвертый воробушек, и остался только один. Нам сказали, что мы их окормили.

Сестра плакала о своих воробьях и последнего воробья стала кормить одна, а мы только смотрели. Последний — пятый воробушек, был веселый, здоровый и живой; мы называли его Живчиком.

Этот Живчик жил так долго, что уже стал летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричит: «Живчик, Живчик!» он прилетит, сядет ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормит.

Потом он вырос и стал сам кормиться. Он жил у нас в горнице наверху, улетал иногда в

окно, но всегда прилетал ночевать на свое место, в коробок.

Раз он утром никуда не полетел из своего коробка: перья у него стали мокрые, и он их растопырил, как и другие воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила от Живчика, ходила за ним; но он ничего не ел и не пил.

Три дня он был болен и на четвертый умер. Когда мы увидели его мертвым, на спинке, с подкорюченными лапками, мы все три сестры стали так плакать, что мать прибежала наверх узнать, что случилось. Когда она вошла, она увидела на столе мертвого воробья и поняла наше горе. Сестра несколько дней не ела, не играла, а всё плакала.

Живчика мы завернули в наши самые лучшие лоскутки, положили в деревянный ящичек и зарыли в саду, в ямке. Потом сделали над его могилкой бугорок и положили камушек.

ТРИ КАЛАЧА И ОДНА БАРАНКА

(Басня)

Одному мужику захотелось есть. Он купил калач и съел; ему всё ещё хотелось есть. Он

купил другой калач и съел; ему всё еще хотелось есть. Он купил третий калач и съел, и ему всё еще хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт. Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

«Экой я дурак! что ж я напрасно съел столько калачей? Мне бы надо сначала съесть одну баранку».

1000 ЗОЛОТЫХ

(Б^ыль)

Богатый человек захотел отдать 1000 золотых бедным, но не знал, каким бедным дать эти деньги.

Он пришел к священнику и говорит: «Хочу дать 1000 золотых бедным, да не знаю, кому дать. Возьмите деньги и раздайте, кому знаете».

Священник сказал: «Деньги большие, я тоже не знаю, кому дать: может быть, я одному дам много, а другому мало. Скажите, каким бедным и по сколько дать ваших денег?».

Богатый сказал: «Если вы не знаете, кому дать деньги, то бог знает: кто первый бедный придет к вам, тому и отдайте деньги».

В том же приходе жил бедный человек. У него было много детей, а сам он был болен и не мог работать. Бедный человек читал раз псалтырь и прочел эти слова: *я был молод и состарелся и не видал праведного оставленного и детей его просящих хлеба.*

Бедный подумал: «Я вот оставлен богом! а я дурного ничего не сделал. Дай пойду к священнику, спрошу его, как так неправда сказана в Писании».

Он пошел к священнику.

Священник увидел его и сказал: «Этот бедный первый пришел ко мне», и отдал ему все 1000 золотых богатого человека.

ПЕТР I И МУЖИК

(Б^{ыль}**)**

Наехал царь Петр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит.

Царь и говорит: «Божья помощь, мужик!»

Мужик и говорит: «И то мне нужна божья помощь».

Царь спрашивает: «А велика ли у тебя семья?»

— У меня семьи два сына да две дочери.

— Ну не велико твое семейство. Куда ж ты деньги кладешь?

— А я деньги на три части кладу: во-первых, — долг плачу, в-других, — в долг даю, в-третьих, — в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг дает, и в воду мечет.

А старик говорит: «Долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; а в воду мечу — дочерей рощу»

Царь и говорит: «Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду».

Мужик говорит: «Найдешь и сам дорогу: иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, потом опять вправо».

Царь и говорит: «Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня».

— Мне, сударь, водить некогда; нам в крестьянстве день дорого стоит.

— Ну, дорого стоит, так я заплачу.

— А заплатишь, — пойдем.

Сели они на одноколку, поехали.

Стал дорогой царь мужика спрашивать:

«Далече ли ты, мужичок, бывал?»

— Кое-где бывал.

— А видал ли царя?

— Царя не видал, а надо бы посмотреть.

— Так вот, как выедем в поле, — и увидишь царя.

— А как я его узнаю?

— Все без шапок будут, один царь в шапке.

Вот приехали они в поле. Увидал народ царя — все снимали шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя.

Вот он и спрашивает: «А где же царь?»

Говорит ему Петр Алексеевич: «Видишь, только мы двое в шапках — кто-нибудь из нас да царь».

БЕШЕНАЯ СОБАКА

(Б^{ыль})

Барин купил лягавого щенка в городе и в рукаве шубы привез его в деревню. Барыня полюбила щенка и в горницах выхаживала его. Щенок вырос, и его назвали Дружком.

Он ходил на охоту с барином, караулил дом и играл с детьми.

Один раз в сад забежала собака. Собака эта

бежала прямо по дорожке, хвост у ней был опущен, рот был открыт и изо рта текли слюни. Дети были в саду.

Барин увидел эту собаку и закричал:

— Дети! Бегите скорее домой, — бешеная собака!

Дети услышали, что кричал отец, но не видели собаки и бежали ей прямо навстречу. Бешеная собака хотела броситься на одного из детей, но в это время Дружок кинулся на собаку и стал с ней грызться.

Дети убежали, но когда Дружок вернулся в дом, он визжал и на шее у него была кровь.

Через десять дней Дружок стал скучен, не пил, не ел и бросился грызть щенка. Дружка заперли в пустую горницу.

Дети не понимали, зачем заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотреть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дружок чуть не сбил их с ног, выбежал на двор и лег в саду под кустом. Когда барыня увидела Дружка, она кликнула его, но Дружок не послушался, не замахал хвостом и не взглянул на нее. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюня. Тогда барыня позвала

мужа и сказала:

— Иди скорей! Кто-то выпустил Дружка, он совсем бешеный. Ради бога, сделай с ним что-нибудь.

Барин вынес ружье и подошел к Дружку. Он прицелился в него, но рука тряслась у него, когда он целился. Он выстрелил и не попал в голову, а в зад.

Собака завизжала и забилась.

Барин подошел ближе, чтобы рассмотреть, что с ним.

Весь зад у Дружка был в крови и обе задние ноги перебиты. Дружок подполз к барину и стал лизать ему ногу. Барин затрясся, заплакал и убежал в дом.

Тогда кликнули охотника, и охотник из другого ружья до смерти убил собаку и унес ее.

ДВЕ ЛОШАДИ

(Басня)

Две лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю лошадь стали поклажу перекладывать с заднего воза; когда всё перело-

жили, задняя лошадь пошла налегке и сказала передней:

«Мучься и потей. Что больше будешь стараться, то больше тебя будут мучить».

Когда приехали на постоялый двор, хозяин и говорит:

«Что мне двух лошадей кормить, а на одной возить, лучше одной дам вволю корму, а ту зарежу: хоть шкуру возьму».

Так и сделал.

ЛЕВ И СОБАЧКА

(Б^{ыль})

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принес ее в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошел к ней и понюхал ее.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул ее лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал ее.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лег спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал ее, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришел в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять ее из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал ее лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг

вспрыгнул, оцетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лег подле мертвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мертвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет свое горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал ее на куски. Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

РОВНОЕ НАСЛЕДСТВО

(Басня)

У одного купца было два сына. Старший был любимец отца, и отец всё свое наследство хотел отдать ему. Мать жалела меньшого сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьям, как их разделят: она хотела как-нибудь сравнять двух сыновей. Купец ее послушал и не объявлял своего решения.

Один раз мать сидела у окна и плакала; к

окну подошел странник и спросил, о чем она плачет?

Она сказала: «Как мне не плакать: оба сына мне равны, а отец хочет одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего решения сыновьям, пока я не придумаю, как помочь меньшому. Но денег у меня своих нет, и я не знаю, как помочь горю».

Странник сказал: «Твоему горю легко помочь; поди объяви сыновьям, что старшему достанется всё богатство, а меньшому ничего; и у них будет поровну».

Меньшой сын, как узнал, что у него ничего не будет, ушел в чужие страны и выучился мастерствам и наукам, а старший жил при отце и ничему не учился, потому что знал, что будет богат.

Когда отец умер, старший ничего не умел делать, прожил все свое имение, а младший выучился наживать на чужой стороне и стал богат.

ТРИ ВОРА

(Б^{ыль})

Один мужик вел в город продавать осла и козу.

На козе был бубенчик.

Три вора увидели мужика, и один сказал: «Я украду козу, так что мужик и не заметит».

Другой вор сказал: «А я из рук у мужика украду осла».

Третий сказал: «И это не трудно, а я так всё платье с мужика украду».

Первый вор подкрался к козе, снял с нее бубенчик и привесил к хвосту осла, а козу увел в поле.

Мужик на повороте оглянулся, увидел, что козы нет, стал искать.

Тогда к нему подошел второй вор и спросил, чего он ищет?

Мужик сказал, что у него украли козу. Второй вор сказал: «Я видел твою козу: вот сейчас только в этот лес пробежал человек с козой. Его можно поймать».

Мужик побежал догонять козу и попросил вора подержать осла. Второй вор увел осла.

Когда мужик вернулся из лесу и увидел, что и осла его нет, он заплакал и пошел по дороге.

На дороге, у пруда, увидал он — сидит человек и плачет. Мужик спросил, что с ним?

Человек сказал, что ему велели отнести в город мешок с золотом и что он сел отдохнуть у пруда, заснул и во сне столкнул мешок в воду.

Мужик спросил, отчего он не лезет достать его?

Человек сказал: «Я боюсь воды и не умею плавать, но я дам 20 золотых тому, кто достанет мешок». Мужик обрадовался и подумал: «мне бог дал счастье за то, что у меня украли козу и осла». Он разделся, полез в воду, но мешка с золотом не нашел; а когда он вылез из воды, его платья уже не было.

Это был третий вор: он украл и платье.

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

(Басня)

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по

одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

«Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да всё врозь — вас всякий легко погубит».

ОТЧЕГО БЫВАЕТ ВЕТЕР?

(Рассуждение)

Рыбы живут в воде, а люди в воздухе. Рыбам не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся или пока вода не шевелится. И нам также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся или воздух не шевелится.

Но как только мы побежим, мы слышим воздух — нам дует в лицо; а иногда слышно, когда мы бежим, как воздух в ушах свистит. Когда же отворим дверь в теплую горницу, то всегда дует ветер *низом* со двора в горницу, а *верхом* дует из горницы на двор.

Когда кто-нибудь ходит по комнате или махает платьем, то мы говорим: «он ветер делает», а когда топят печку, всегда в нее дует ветер. Когда на дворе дует ветер, то он дует целые дни и ночи, иногда в одну сторону,

иногда в другую. Это бывает оттого, что где-нибудь на земле воздух очень разогреется, а в другом месте остынет, — тогда и начинается ветер, и низом идет холодный дух, а верхом — теплый, так же как с надворья в избу. И до тех пор дует, пока не согреется там, где было холодно, и не остынет там, где было жарко.

ДЛЯ ЧЕГО ВЕТЕР?

(Рассуждение)

Свяжут крест из двух лучин и кругом креста обвяжут еще четыре лучины. На всё наклеят бумаги. К одному концу привяжут мочальный хвост, а к другому привяжут длинную бечевку, и выйдет змей. Потом возьмут змей, разбегутся на ветер и пустят. Ветер подхватит змей, занесет его высоко в небо. И змей подрагивает, и гудит, и рвется, и поворачивается, и развевается мочальным хвостом.

Если бы не было ветра, нельзя бы было пускать змея.

Сделают из теса четыре крыла, утвердят их крестом в вал и приделают к валу шестерни и колеса с кулачьями, так чтобы, когда вал вер-

тится, он бы цеплял за шестерни и колеса, а колеса бы вертели жернов. Потом крылья поставят против ветра: крылья начнут вертеться, станут шестерни и колеса цеплять друг за друга, и жернов станет вертеться на другом жернове. И тогда сыплют зерно промежду двух жерновов; зерно растирается, и высыпается в ковш мука.

Если бы ветра не было, нельзя бы было молоть зерно на ветряных мельницах.

Когда плывут на лодке и хотят плыть скорее, то возьмут, на середине лодки, вставят в дыру большой шест, к шесту этому приделана поперек перекладина. К этой перекладине прикрепят холстинный парус, к низу паруса привяжут веревку и держат ее в руках. Потом поставят паруса против ветра. И тогда ветер надует парус так крепко, что лодка нагибается набок, веревка рвется из рук, и лодка поплывет по ветру так скоро, что под носом лодки забурчит вода, и берега точно бегут назад мимо лодки.

Если бы не было ветра, нельзя бы было плавать с парусом.

Там, где люди живут, бывает дурной дух;

если бы не было ветра, дух этот так и оставался бы. А придет ветер, разгонит дурной дух и принесет из лесов и с полей хороший, чистый воздух. Если бы не было ветра, люди бы надышались и испортили воздух. Воздух всё бы стоял на месте, и людям надо бы уходить из того места, где они надышались.

Когда дикие звери ходят по лесам и полям, то они всегда ходят на ветер, и слышат ушами, и чуют носом то, что впереди их. Если бы не было ветра, они бы не знали, куда им идти.

Почти все травы, кусты и деревья такие, что для того, чтобы на траве, кусте или дереве завязалось семя, нужно, чтоб с одного цветка пыль перелетала на другой цветок. Цветки бывают далеко друг от друга, и им нельзя пересылать свою пыль с одного на другой.

Когда огурцы растут в парниках, где ветра нет, тогда люди сами срывают один цветок и накладывают на другой, чтобы цветочная пыль попала на плодовой цветок и была бы завязь. Пчелы и другие насекомые иногда переносят на лапках пыль с цветка на цветок, но больше всего пыль эту переносит ветер. Если бы не было ветра, половина растений

была бы без семени.

В теплое время над водой поднимается пар. Пар этот поднимается выше, и когда остынет наверху, то падает вниз каплями дождя.

Над землей поднимается пар только там, где есть вода, — над ручьями, над болотами, над прудами и реками, больше всего над морем. Если бы ветру не было, пары не ходили бы, а собирались бы в тучи над водой и падали бы опять там, где поднялись. Над ручьем, над болотом, над рекой, над морем был бы дождь, а на земле, на полях и лесах дождя бы не было. Ветер разносит тучи и поливает землю. Если бы ветра не было, то где вода, там бы было больше воды, а земля вся бы пересохла.

САМЫЕ ЛУЧШИЕ ГРУШИ

(Басня)

Один барин послал слугу за грушами и сказал ему: «Купи мне самых хороших». Слуга пришел в лавку и спросил груш. Купец подал ему, но слуга сказал:

«Нет, дай мне самых лучших».

Купец сказал:

«Отведай одну, ты увидишь, что они хороши».

«Как я узнаю, — сказал слуга, — что они все хороши, — если отведаю только одну?»

Он откусил понемногу от каждой груши и принес их барину.

Тогда барин прогнал его.

ВОЛГА И ВАЗУЗА

(Сказка)

Были две сестры: Волга и Вазуза. Они стали спорить, кто из них умнее и кто лучше проживет.

Волга сказала: «Зачем нам спорить, — мы обе на возрасте. Давай выйдем завтра поутру из дому и пойдем каждая своей дорогой; тогда увидим, кто из двух лучше пройдет и скорее придет в Хвалынское царство».

Вазуза согласилась, но обманула Волгу. Только что Волга заснула, Вазуза ночью побежала прямой дорогой в Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидела, что сестра ее ушла, она ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась, чтоб Волга не наказала

ее, назвалась меньшей сестрой и попросила Волгу довести ее до Хвалынского царства. Волга простила сестру и взяла с собой.

Река Волга начинается в Осташковском уезде из болот в деревне Волго. Там есть небольшой колодезь, из него течет Волга. А река Вазуза начинается в горах. Вазуза течет прямо, а Волга поворачивает.

Вазуза весной раньше ломает лед и проходит, а Волга позднее. Но когда обе реки сходятся, в Волге уже 30 саженой ширины, а Вазуза еще узкая и маленькая речка. Волга проходит через всю Россию на три тысячи сто шестьдесят верст и впадает в Хвалынское (Каспийское) море. И ширины в ней в полоую воду бывает до двенадцати верст.

ТЕЛЕНОК НА ЛЬДУ

(Басня)

Теленок скакал по закуте и выучился делать круги и повороты. Когда пришла зима, теленка выпустили с другою скотиною на лед к водопою. Все коровы осторожно подошли к корыту, а теленок разбежался на лед, загнул хвост, приложил уши и стал кружиться. На

первом же кругу нога его раскатилась, и он ударился головою о корыто.

Он заревел.

«Несчастный я! По колено в соломе скакал — не падал, а тут на гладком поскользнулся».

Старая корова сказала:

«Кабы ты был не теленок, ты бы знал, что где легче скакать, там труднее держаться».

ЗОЛОВОЛОСАЯ ЦАРЕВНА

(Сказка)

В Индии была одна царевна с золотыми волосами; у нее была злая мачеха. Мачеха возненавидела золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать ее в пустыню. Золотоволосую свели далеко в пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхом на льве назад к своему отцу.

Тогда мачеха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу в дикие горы, где жили только коршуны. Коршуны на четвертый день принесли ее назад.

Тогда мачеха сослала царевну на остров среди моря. Рыбаки увидели золотоволосую

царевну и на шестой день привезли ее назад к царю.

Тогда мачеха велела на дворе вырыть глубокий колодезь, опустила туда золотоволосую царевну и засыпала землей.

Через шесть дней из того места, куда зарыли царевну, засветился свет, и когда царь велел раскопать землю, там нашли золотоволосую царевну.

Тогда мачеха велела выдолбить колоду тутового[63] дерева, заделала туда царевну и пустила ее по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну в Японскую землю, и там ее японцы вынули из колоды. Она была жива.

Но как только она вышла на берег, она умерла, и из нее сделался шелковичный червь.

Шелковичный червь вполз на тутовое дерево и стал есть тутовый лист. Когда он повзрос, он вдруг сделался мертвый: не ел и не шевелился.

На пятый день, в тот самый срок, как царевну принес лев из пустыни, — червь ожил и опять стал есть лист.

Когда червь опять повырос, он опять умер, и на четвертый день, в тот самый срок, как коршуны принесли царевну, червь ожил и опять стал есть.

И опять умер, и в тот самый срок, как царевна вернулась на лодке, опять ожил.

И опять умер в четвертый раз и ожил на шестой день, когда царевну выкопали из колодца.

И опять в последний раз умер, и на девятый день, в тот самый срок, как царевна приплыла в Японию, ожил в золотой, шелковой куколке. Из куколки вылетела бабочка и положила яички, а из яичек вывелись черви и повелись в Японии. Черви пять раз засыпают и пять раз оживают.

Японцы разводят много червей, делают много шелка; и первый сон червя называется *сном льва*, второй — *сном коршуна*, третий — *сном лодки*, четвертый — *сном двора*, и пятый — *сном колоды*.

СОКОЛ И ПЕТУХ

(Басня)

Сокол привык к хозяину и ходил на руку,

когда его кликали; петух бегал от хозяина и кричал, когда к нему подходили. Сокол и говорит петуху:

«В вас, петухах, нет благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идете к хозяевам. То ли дело мы, дикая птица: в нас и силы много, и летать мы можем быстрее всех; а мы не бегаем от людей, а сами еще ходим к ним на руку, когда нас кличут. Мы помним, что они кормят нас».

Петух и говорит:

«Вы не бегаете от людей оттого, что никогда не видали жареного сокола, а мы то и дело видим жареных петухов».

ТЕПЛО

(Рассуждение)

I

Отчего на чугунке кладут рельсы так, чтобы концы не сходились с концами?

Оттого, что зимой железо от холода сжимается, а летом от жару растягивается. Если бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы с концами, они бы летом растянулись, уперлись бы друг в друга и поднялись.

От жару всё раздается, от холода всё сжи-

мается.

Если винт не входит в гайку, то погреть гайку, и винт взойдет. А если винт слаб, то нагреть винт, и он будет туг.

Отчего стакан лопається, если нальешь в него кипяток?

Оттого, что то место, где кипяток, разогревается, растягивается, а то место, где нет кипятка, остается попрежнему: внизу тянет стакан врозь, а вверху не пускает, и он лопается.

ТЕПЛО

II

Отчего, когда в оттепель идет снег, он тает на руке, а на шубе остается?

Оттого, что тепло лица и руки переходит в снег и распускает его; от этого то место лица, где растаял снег, делается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку с холодной водой в ладонях, вода согреется, а ладони охолодеют?

Оттого, что тепло из рук перейдет в жесть, а потом в воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она не скоро согревается?

Оттого, что рукавицы не позволяют теплу

из руки перейти в воду, а жечь пропускает тепло из рук в воду. Железо и жечь пропускают тепло и холод, а шуба и дерево не пропускают. От этого железо, жечь, медь и всякий металл[64] разогреваются на солнце сильнее дерева, шерсти, бумаги и скорее остывают. От этого-то в холода одеваются в меха, шерсть и во всё, что не пропускает тепла.

Для чего закрывают квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропустит тепла и хлебы (квашни) не остынут, а заслонка пропустит тепло наружу и хлебы остынут.

Отчего под щепой и соломой снег не тает, а лежит до Петровок?

Отчего лед лучше держится в погребах под соломенной крышей?

Отчего, когда хотят высушить доски, то кладут их под железную, а не под соломенную крышу?

Для чего на покосе и жнитве мужики, чтобы не согрелась вода, обертывают кувшины полотенцем?

Отчего, когда ветрено без мороза, то зябнешь больше, чем в мороз без ветра?

Оттого, что тепло из тела переходит в воздух и если тихо, то воздух вокруг тела нагревается и стоит теплый. Но когда дует ветер, он относит нагретый воздух и приносит холодный. Опять из тела выходит тепло и нагревает воздух вокруг него, и опять ветер относит теплый воздух. Когда выйдет много тепла из тела, тогда и зябнешь.

Отчего, когда горяч чай в чашке, на него дуют?

ШАКАЛЫ И СЛОН

(Басня)

Шакалы[65] поели всю падаль в лесу, и им нечего стало есть. Вот старый шакал и придумал, как им прокормиться. Он пошел к слону и говорит:

«Был у нас царь, да избаловался: приказывал нам делать такие дела, каких нельзя исполнить; хотим мы другого царя выбрать — и послал меня наш народ просить тебя в цари. У нас житье хорошее: что велишь, все то будем делать и почитать тебя во всем будем.

Пойдем в наше царство». Слон согласился и пошел за шакалом. Шакал привел его в болото. Когда слон завяз, шакал и говорит:

«Теперь приказывай: что велишь, то и будем делать».

Слон сказал:

«Я приказываю вытащить меня отсюда».

Шакал рассмеялся и говорит: «Хватайся хоботом мне за хвост, — сейчас вытащу».

Слон говорит:

«Разве можно меня хвостом вытащить?» А шакал и говорит: «Так зачем же ты приказываешь, чего нельзя сделать? Мы и первого царя за то прогнали, что он приказывал то, чего нельзя делать».

Когда слон издох в болоте, шакалы пришли и съели его.

МАГНИТ

(*Описание*)

В старину был пастух; звали его Магнис. Пропала у Магниса овца. Он пошел в горы искать. Пришел на одно место, где одни голые камни. Он пошел по этим камням и чувствует, что сапоги на нем прилипают к этим кам-

ням. Он потрогал рукой — камни сухие и к рукам не липнут. Пошел опять, — опять сапоги прилипают. Он сел, разулся, взял сапог в руки и стал трогать им камни.

Тронет кожей и подошвой — не прилипают, а как тронет гвоздями, так прилипнет.

Была у Магниса палка с железным наколочником. Он тронул камень деревом — не прилипает; тронул железом — прилипло так, что отрывать надо.

Магнис рассмотрел камень, — видит, что похож на железо, и принес куски камня домой. С тех пор узнали этот камень и прозвали его магнитом.

Магнит находят в земле с железной рудой. Там, где есть магнит в руде, и железо самое лучшее. Из себя магнит похож на железо.

Если положить кусок железа на магнит, то и железо станет притягивать другое железо. А если положить стальную иголку на магнит да подержать подольше, то иголка делается магнитом и станет к себе притягивать железо. Если два магнита сводить концы с концами, то одни концы будут отворачиваться друг от друга, а другие будут сцепляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополам, то опять каждая половинка будет с одной стороны цепляться, а с другой отворачиваться. И еще разруби — то же будет, и еще руби сколько хочешь, — всё то же будет: одинакие концы будут отворачиваться, разные цепляться, как будто с одного конца магнит выпирает, а с другого втягивает. И как его ни разломи, всё с одного конца он будет выпирать, а с другого втягивать. Всё равно, как еловую шишку, где ни разломи, всё будет с одного конца пупом, а с другого чашечкой. С того ли, с другого ли конца, — чашечка с пупом сойдется, а пуп с пупом и чашечка с чашечкой не сойдутся.

Если намагнитить иголку (подержать подольше с магнитом), и насадить ее серединой на шпенек, так, чтобы она ходила вольно на шпеньке, то как хочешь верти магнитную иголку, какпустишь, она станет одним концом на полдни (юг), другим — на полночь (север).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Как выйдут далеко в море, что земли не видать, то только по солнцу и по звезд

дам и знали, куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звезд, то и не знают сами, куда плыть. А корабль несет ветром и занесет на камни и разобьет.

Пока не знали магнита, не плавали по морям вдаль от берега; а когда узнали магнит, то сделали иголку магнитную на шпеньке, чтоб она вольно ходила. По этой иголке и стали узнавать, в какую сторону плывут. С магнитной иголкой стали ездить дальше от берегов и с тех пор много новых морей узнали.

На кораблях всегда бывает магнитная иголка (компас) и есть мерная веревка с узлами на конце корабля. И веревка приделана так, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проехал.

Так что, когда плывут на корабле, всегда знают, на каком теперь месте корабль, далеко ли от берега и в какую сторону.

ЦАПЛЯ, РЫБЫ И РАК

(Басня)

Жила цапля у пруда и состарелась; не стало уж в ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, как бы ей хитростью прожить. Она

и говорит рыбам: «А вы, рыбы, не знаете, что на вас беда собирается: слышала я от людей — хотят они пруд спустить и вас всех по-выловить. Знаю я, тут за горой хорош прудок есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать». Рыбы стали просить цаплю, чтоб помогла.

Цапля и говорит:

«Пожалуй, постараюсь для вас, перенесу вас, только вдруг не могу, а поодиночке».

Вот рыбы и рады; все просят: «Меня отнеси, меня отнеси!»

И принялась цапля носить их: возьмет, вынесет в поле, да и съест. И переела она так много рыб.

Жил в пруду старый рак. Как стала цапля выносить рыбу, он смекнул дело и говорит.

«Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье».

Цапля взяла рака и понесла. Как вылетела она на поле, хотела сбросить рака. Но рак увидел рыбки косточки на поле, стиснул клещами цаплю за шею и удавил ее, а сам приполз назад к пруду и рассказал рыбам.

КАК ДЯДЯ РАССКАЗЫВАЛ ПРО ТО,

КАК ОН ЕЗДИЛ ВЕРХОМ

(Рассказ)

У нас был старый старик, Пимен Тимофеич. Ему было 90 лет. Он жил у своего внука без дела. Спина у него была согнутая, он ходил с палкой и тихо передвигал ногами. Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда он ходил и когда говорил, он шлепал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

Нас было четыре брата, и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить: эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат. Он долго ездил; ездил на гумно и кругом сада, и когда он подъезжал назад, мы закричали: «Ну, теперь проскачи!»

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат, и он ездил

долго и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из-под горы. Он еще хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его. Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да еще и по деревне, и шибко проскакал из-под горы к конюшине. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота.

Когда пришел мой черед, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо езджу, — стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел идти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а шел шагом и то всё заворачивал назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил ее хлыстом и ногами.

Я старался бить ее в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок всё не хотел скакать. Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

«Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?»

Я обиделся и сказал: «Как же, я совсем не

ездил? Посмотри, как я сейчас проскачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу».

Тогда дядька покачал головой и сказал:

«Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему 20 лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Всё равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то чрез силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко бы было?»

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади, и, когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощенья за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.

ЕЖ И ЗАЯЦ

(Басня)

Повстречал заяц ежа и говорит:

«Всем бы ты хорош, еж, только ноги у тебя кривые, заплетаются».

Еж рассердился и говорит:

«Ты что ж смеешься; мои кривые ноги скорее твоих прямых бегают. Вот дай только схожу домой, а потом давай побежим наперегонку!»

Еж пошел домой и говорит жене: «Я с зайцем поспорил: хотим бежать наперегонку!»

Ежова жена и говорит: «Ты, видно, с ума сошел! Где тебе с зайцем бежать? У него ноги быстрые, а у тебя кривые и тупые».

А еж говорит: «У него ноги быстрые, а у меня ум быстрый. Только ты делай, что я велю. Пойдем в поле».

Вот пришли они па вспаханное поле к зайцу; еж и говорит жене:

«Спрячься ты на этом конце борозды, а мы с зайцем побежим с другого конца; как он разбежится, я вернусь назад; а как прибежит к твоему концу, ты выходи и скажи: а я уже давно жду». Он тебя от меня не узнает — по-

думает, что это я».

Ежова жена спряталась в борозде, а еж с зайцем побежали с другого конца.

Как заяц разбежался, еж вернулся назад и спрятался в борозду. Заяц прискакал на другой конец борозды: глядь! — а ежова жена уже там сидит. Она увидела зайца и говорит ему: «А я уже давно жду!»

Заяц не узнал ежову жену от ежа и думает: «Что за чудо! Как это он меня обогнал?»

«Ну, — говорит, — давай еще раз побежим!»

«Давай!»

Заяц пустился назад, прибежал на другой конец: глядь! — а еж уже там, да и говорит: «Э, брат, ты только теперь, а я уже давно тут».

«Что за чудо! — думает заяц, — уж как я шибко скакал, а всё он обогнал меня. Ну, так побежим еще раз, теперь уж не обгонишь».

«Побежим!»

Поскакал заяц, что было духу: глядь! — еж впереди сидит и дожидается.

Итак, заяц до тех пор скакал из конца в конец, что из сил выбился.

Заяц покорился и сказал, что вперед нико-

гда не будет спорить.

ДВА БРАТА

(Сказка)

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то увидели — подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«Кто найдет этот камень, тот пускай идет прямо в лес на восход солнца. В лесу придет река: пускай плывет через эту реку на другую сторону. Увидишь медведицу с медвежатами: отними медвежат у медведицы и беги без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом, и в доме том найдешь счастье».

Братья прочли, что было написано, и меньшей сказал: «Давай пойдем вместе. Может быть, мы переплывем эту реку, донесем медвежат до дому и вместе найдем счастье».

Тогда старший сказал: «Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает — правда ли написана на этом камне; может быть всё это написано на смех. Да может быть, мы и не так разобрали. Вто-

рое: если и правда написана, — пойдём мы в лес, придёт ночь, мы не попадём на реку и заблудимся. Да если и найдём реку, как мы переплывём её? Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывём реку, — разве лёгкое дело отнять у медведицы медвежат: она нас задерет, и мы вместо счастья пропадём ни за что. Четвёртое дело: если нам и удастся унести медвежат, — мы не добежим без отдыха в гору. Главное же дело, не сказано: *какое счастье мы найдём в этом доме? Может быть, нас там ждёт такое счастье, какого нам вовсе не нужно*».

А меньшой сказал: «По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И всё написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдём, кто-нибудь другой прочтёт надпись на камне и найдёт счастье, а мы останемся ни при чём. Третье дело: не потрудиться, да не поработать, ничто в свете не радует. Четвёртое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся».

Тогда старший сказал: «И пословица говорит: *искать большого счастья — малое поте-*

рять; да еще: *не сули журавля в небе, а дай синицу в руки*».

А меньшой сказал: «А я слышал — *волков бояться, в лес не ходить*; да еще: *под лежащий камень вода не потечет*. По мне, надо идти».

Меньшой брат пошел, а старший остался.

Как только меньшой брат вошел в лес, он напал на реку, переплыл ее и тут же на берегу увидал медведицу. Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал до верху, — выходит ему навстречу народ, подвезли ему карету, повезли в город и сделали царем.

Он царствовал пять лет. На 6-й год пришел на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда меньшой брат пошел опять странствовать и пришел к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит: «Вот и вышла моя правда: я всё время жил тихо и хорошо, а ты хошь и был царем, зато много горя видел».

А меньшой сказал: «Я не тужу, что пошел

тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою жизнь, а тебе и помянуть-то нечем».

ВОДЯНОЙ И ЖЕМЧУЖИНА

(Басня)

Один человек ехал на лодке и уронил драгоценный жемчуг в море. Человек вернулся к берегу, взял ведро и стал черпать воду и выливать на землю. Он черпал и выливал три дня без устали.

На четвертый день вышел из моря водяной и спросил:

«Зачем ты черпаешь?»

Человек говорит:

«Я черпаю затем, что уронил жемчуг».

Водяной спросил:

«А скоро ли ты перестанешь?»

Человек говорит:

«Когда высушу море, тогда перестану».

Тогда водяной вернулся в море, принес тот самый жемчуг и отдал человеку.

УЖ

(Сказка)

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла с подругами купаться. Девочки сняли рубашки, положили на берег и попрыгали в воду.

Из воды выполз большой уж и, свернувшись, лег на Машину рубашку. Девочки вылезли из воды, надели свои рубашки и побежали домой. Когда Маша подошла к своей рубашке и увидела, что на ней лежит ужас, она взяла палку и хотела согнать его; но уж поднял голову и засипел человеческим голосом:

«Маша, Маша, обещай за меня замуж».

Маша заплакала и сказала: «Только отдай мне рубашку, а я всё сделаю».

«Пойдешь ли замуж?»

Маша сказала: «Пойду». И уж сполз с рубашки и ушел в воду.

Маша надела рубашку и побежала домой. Дома она сказала матери: «Матушка, ужас лег на мою рубашку и сказал: иди за меня замуж, а то не отдам рубашки. Я ему обещала».

Мать посмеялась и сказала: «Это тебе приснилось».

Через неделю целое стадо ужей приползло к Машиному дому.

Маша увидела ужей, испугалась и сказала: «Матушка, за мной ужи приползли».

Мать не поверила, но как увидела, сама испугалась и заперла сени и дверь в избу. Ужи проползли под ворота и вползли в сени, но не могли пройти в избу. Тогда они выползли назад, все вместе свернулись клубком и бросились в окно. Они разбили стекло, упали на пол в избу и поползли по лавкам, столам и на печку. Маша забилась в угол на печи, но ужи нашли ее, стащили оттуда и повели к воде.

Мать плакала и бежала за ними, но не догнала. Ужи вместе с Машей бросились в воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Один раз мать сидела у окна и смотрела на улицу. Вдруг она увидела, что к ней идет ее Маша и ведет за руку маленького мальчика, а на руках несет девочку.

Мать обрадовалась и стала целовать Машу и спрашивать ее, где она была и чьи это дети? Маша сказала, что это ее дети, что уж взял ее замуж, и что она живет с ним в водяном царстве.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить в

водяном царстве, и дочь сказала, что лучше, чем на земле.

Мать просила Машу, чтоб она осталась с нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обещала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

«А как же ты домой пойдешь?»

«Пойду, покличу: «Осип, Осип, выйди сюда и возьми меня», он и выйдет на берег и возьмет меня».

Мать сказала тогда Маше: «Ну, хорошо, только переночуй у меня»

Маша легла и заснула, а мать взяла топор и пошла к воде.

Она пришла к воде и стала звать: «Осип, Осип, выйди сюда».

Уж выплыл на берег. Тогда мать ударила его топором и отрубила ему голову. Вода сделалась красною от крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говорит: «Я пойду домой, матушка; мне скучно стало», и она пошла.

Маша взяла девочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда они пришли к воде, она стала кли-

кать: «Осип, Осип, выйди ко мне». Но никто не выходил.

Тогда она посмотрела на воду и увидела, что вода красная и ужовая голова плавает по ней.

Тогда Маша поцеловала дочь и сына и сказала им:

«Нет у вас батюшки, не будет у вас и ма-тушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай над водой; ты, сынок, будь соловейчи-ком, распевай по зарям; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу». И они все разлетелись в разные стороны.

ВОРОБЕЙ И ЛАСТОЧКИ

(Рассказ)

Раз я стоял на дворе и смотрел на гнездо ласточек под крышей. Обе ласточки при мне улетели, и гнездо осталось пустое.

В то время, когда они были в отлучке, с крыши слетел воробей, прыгнул на гнездо, оглянулся, взмахнул крылышками и юркнул в гнездо; потом высунул оттуда свою головку и зачирикал.

Скоро после того прилетела к гнезду ла-

сточка. Она сунулась в гнездо, но, как только увидела гостя, запищала, побилась крыльями на месте и улетела.

Воробей сидел и чирикал.

Вдруг прилетел табунок ласточек: все ласточки подлетали к гнезду — как будто для того, чтоб посмотреть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робел, поворачивал голову и чирикал.

Ласточки опять подлетали к гнезду, что-то делали и опять улетали.

Ласточки недаром подлетали: они приносили каждая в клювике грязь и понемногу замазывали отверстие гнезда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнездо, и отверстие становилось всё теснее и теснее.

Сначала видна была шея воробья, потом уже одна головка, потом носик, а потом и ничего не стало видно; ласточки совсем замазали его в гнезде, улетели и со свистом стали кружиться вокруг дома.

КАМБИЗ И ПСАМЕНИТ

(История)

Когда царь персидский Камбиз завоевал Египет и полонил царя египетского Псамени-та, он велел вывести на площадь царя Псамени-та с другими египтянами и велел вывести на площадь две тысячи человек, а с ними вместе Псаменитову дочь, приказал одеть ее в лохмотья и выслать с ведрами за водой; вместе с нею он послал в такой же одежде и дочерей самых знатных египтян. Когда девицы с воем и плачем прошли мимо отцов, отцы заплакали, глядя на дочерей. Один только Псаменит не заплакал, а только потупился.

Когда девицы прошли, Камбиз выслал сына Псаменита с другими египтянами. У всех их вокруг шеи были обвязаны веревки, а во рту были удила. Их вели убивать.

Псаменит видел это и понял, что сына ведут на смерть. Но так же, как и при виде дочери, когда другие отцы плакали, глядя на своих детей, он только потупился.

Потом прошел мимо Псаменита прежний товарищ его и родственник.

Он прежде был богат, а теперь, как нищий,

просил милостыню по войску. Как только Псаменит увидел его, он назвал его по имени, ударил себя по голове и зарыдал. Камбиз удивился тому, что Псаменит сделал, и послал спросить его так:

«Псаменит! Господин твой Камбиз спрашивает: отчего, когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакал, а нищего, и вовсе не родного, так пожалел?»

Псаменит отвечал:

«Камбиз! Мое собственное горе так велико, что о нем и плакать нельзя; а товарища мне жалко стало за то, что он в старости из богатства попал в нищету».

Был при этом другой пленный царь — Крез. Когда он услышал эти слова, ему больнее показалось свое горе, и он заплакал — и все персы, что тут были, все заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость, и он велел вернуть назад Псаменитова сына, а самого Псаменита привести к себе. Но сына не застали живым — он уже был убит, а самого Псаменита привели к Камбизу, и Камбиз помиловал его.

АКУЛА

(Рассказ)

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «купаться!» — и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе и они вздумали плавать на перегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: «Не выдавай! понатужься!»

Вдруг с палубы кто-то крикнул: «акула!» — и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! назад! вернитесь! акула! — закричал артиллерист. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный, как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в нее и, сгибая весла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были еще далеко от них, когда акула уже была не дальше 20-ти шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилег к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошелся над водою, со всех сторон слышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

ОТЧЕГО ПОТЕЮТ ОКНА И БЫВАЕТ РОСА?

(Рассуждение)

Когда сохнет вода, что делается с этой водой?

От тепла все вещи раздаются. Вода от тепла раздается и вся разойдется на такие маленькие частички, что их глазом не видеть, и

уйдет в воздух. Частички эти, пары, носятся в воздухе, и их не видно, покуда воздух тепел. Но остуди воздух, и сейчас пар остынет и станет виден.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдет паром, и будет сухо. Поддай еще — вода опять разойдется. Если баня горяча, летучей воды разойдется в воздухе ушат. Ушат воды будет стоять в горячем воздухе бани, и его не будет видно. Воздух бани впитает в себя весь ушат. Но если станешь еще поддавать, то воздух уже напитается и не станет больше принимать воды, а лишняя вода потечет каплями. Один ушат будет держаться, а лишняя вода вытечет.

Если в ту же баню нетопленную принесешь горячие кирпичи и станешь лить на них воду, — выльешь шайку — она разойдется, и не будет видно, — воздух всосет ее в себя. Но если станешь лить другую шайку, вода потечет каплями. Лишняя вода стечет каплями, и холодный воздух только будет держать одну шайку. В той же бане воздух, когда был горяч, впитал ушат, а когда холоден, может впитать только шайку.

Если подуть на стекло, на стекле сядут капли. И чем холоднее, тем больше сядет капля. Отчего это будет? Оттого, что дыхание человека теплее, чем стекло, и в дыхании много летучей воды. Как только это дыхание сядет на холодное стекло, из него выйдет вода.

Губка держит в себе воду, и воды не видеть, покуда губка не сожмется; но только что пожмешь ее, вода польется. Так же и воздух держит в себе воду, пока он горяч, а как он остынет, так вода польется.

Если летом вынесешь из погреба холодный горшок, по нем сейчас сядут капли воды. Откуда взялась эта вода? Она тут и была. Только пока тепло было, ее не видно было, а как ушло тепло из воздуха в холодный горшок, воздух вокруг горшка остыл, и капли сели. То же бывает и на окнах. В горнице тепло, и пары держатся в воздухе; но с надворья остынут окна, и снутри, подле окон, воздух охолодеет, и потекут капли.

От этого же бывает роса. Как остынет земля ночью, над ней воздух остынет, и из холодного воздуха выходят пары каплями и садятся на землю.

Иногда бывает, что и холодно на дворе, а в горнице тепло, — а не потеют окна; а иногда и теплее на дворе, а в горнице не так тепло, — а потеют окна.

Тоже иногда ночь теплая, а большая роса; а то холодная ночь и нет росы.

Отчего это бывает? Оттого, что бывает сухой и сырой воздух. Сухой воздух бывает тогда, когда он, не нагреваясь, может поднять еще много паров, а сырой тогда, когда он, не нагреваясь, не может больше поднять паров. Сухой воздух — это губка, не вся еще напитанная водой, а сырой воздух — губка, вся напитанная водой. Чуть похолодней воздух и чуть пожать губку, и потечет. В сыром воздухе всякая вещь, если она холоднее воздуха, намокнет, а в сухом всякая мокрая вещь высохнет. Пары выйдут из нее, и воздух впитает их в себя.

АРХИЕРЕЙ И РАЗБОЙНИК

(Б^{ыль})

Одного разбойника давно искали. Раз он переоделся и пришел в город. В городе его узнали полицейские и погнались за ним. Раз-

бойник бежал от них и прибежал к архиерейскому дому; ворота были открыты: он вошел во двор.

Послушник спросил его: что ему нужно?

Разбойник не знал, что отвечать, и наобум сказал: «Мне нужно архиерея».

Архиерей принял разбойника и спросил, за каким он делом пришел к нему?

Разбойник отвечал: «Я разбойник, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя».

Архиерей сказал: «Я — старик, смерти не боюсь; но мне жаль тебя. Поди в ту горницу, ты устал, отдохни, а я тебе пришлю поесть».

Полицейские не посмели войти к архиерею в дом, и разбойник остался у него ночевать.

Когда разбойник отдохнул, архиерей пришел к нему и сказал: «Мне жаль тебя, что ты холоден и голоден и что за тобой гоняются, как за волком, но мне всего более жаль тебя за то, что ты зла много сделал и душу свою губишь. Брось дурные дела!»

Разбойник сказал: «Нет, мне уже не отвыкнуть от худого: разбойником жил, таким и умру».

Архиерей ушел от него, растворил все двери и лег спать.

Ночью разбойник встал и пошел ходить по горницам. Ему удивительно показалось, что архиерей ничего не запер и оставил все двери настежь.

Разбойник стал оглядываться кругом — что бы ему украсть, увидел большой серебряный подсвечник и думает: «возьму я эту вещь — она много денег стоит — и уйду отсюда, а старика убивать не буду». — Так и сделал.

Полицейские не отходили от архиерейского дома и всё время караулили разбойника. Как только он вышел из дому, его окружили и нашли у него под полой подсвечник.

Разбойник стал отпираться, но полицейские сказали: «Если ты от прежних дел своих отпираешься, то от кражи подсвечника отклепаться не можешь. Пойдем к архиерею — он тебя уличит».

Привели вора к архиерею, показали ему подсвечник и спросили: «Ваша ли это вещь?» Он говорит: «Моя».

Полицейские сказали: «У вас украли эту

вещь, а вот вор».

Разбойник молчал, и у него, как у волка, бегали глаза.

Архиерей ничего не сказал, вернулся в горницу, взял там дружку от того же подсвечника, подал разбойнику и говорит: «Зачем же ты, дружок, только один подсвечник взял? Ведь я тебе оба подарил».

Разбойник заплакал и сказал полицейским: «Я вор и разбойник, ведите меня!»

Потом он сказал архиерею: «Прости меня, ради Христа, и помолись за меня богу».

ЕРМАК

(История)

При царе Иване Васильевиче Грозном были богатые купцы Строгоновы, и жили они в Перми, на реке Каме. Прослышали они, что по реке Каме на 140 верст в кругу есть хороша земля: пашня не пахана от века, леса черные от века не рублены. В лесах зверя много, а по реке озера рыбные, и никто на той земле не живет, только захаживают татары.

Строгоновы написали царю письмо: «Отдай нам эту землю, а мы сами по ней городки

построим и народ соберем, заселим и не будем давать через эту землю ходу татарам».

Царь согласился и отдал им землю. Строгоновы послали приказчиков собирать народ. И сошлось к ним много гуляющего народа. Кто приходил, тем Строгоновы отводили землю, лес, давали скотину и никаких оброков не брали, только живи, и когда нужда, выходи с народом биться с татарами. Так и заселилась эта земля русским народом.

Прошло лет 20-ть. Строгоновы купцы еще сильнее разбогатели, и мало им стало той земли на 140 верст. Захотели они еще более земли. Верст за 100 от них были высокие горы Уральские, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснейшая земля, и земле той конца нет. Владел этой землей сибирский князек Кучум. Кучум в прежнее время покорился царю русскому, а потом стал бунтовать и грозил разорить Строгоновские городки.

Вот Строгоновы и написали царю: «Отдал ты нам землю, мы ее под твою руку покорили; теперь воровской царек Кучум против тебя бунтует и хочет и эту землю отнять и нас разорить. Вели ты нам занять землю за

Уральскими горами; мы Кучума завоюем и всю его землю под твою руку подведем». Царь согласился и отписал: «Если сила у вас есть, отберите у Кучума землю. Только из России много народу не сманивайте».

Вот Строгоновы, как получили от царя письмо, послали приказчиков еще собирать народ к себе. И больше велели подговаривать казаков с Волги и с Дону. А в то время по Волге, по Дону казаков много ходило. Соберутся шайками по 200, 300, 600 человек, выберут атамана и плавают на стругах, перехватывают суда, грабят, а на зиму становятся городком на берегу.

Приехали приказчики на Волгу и стали спрашивать: какие тут казаки слывут? Им и говорят: «Казаков много. Житья от них не стало. Есть Мишка Черкашенин; есть Сары-Азман... Но нет злее Ермака Тимофеича, атамана. У того человек 1000 народа, и его не только народ и купцы боятся, а царское войско к нему приступить не смеет».

И поехали приказчики к Ермаку атаману и стали его уговаривать идти к Строгонову. Ермак принял приказчиков, отслушал их речи и

обещал прийти с народом своим к Успенью.

К Успенью пришли к Строгонову казаки — человек 600 с атаманом Ермаком Тимофеевичем. Напустил их сначала Строгонов на ближних татар. Казаки их побили. Потом, когда нечего было делать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призывает Строгонов Ермака и говорит: «Я вас теперь больше держать не стану, если вы так шалить будете». А Ермак и говорит: «Я и сам не рад, да с народом моим не совладаешь — набаловались. Дай нам работу». Строгонов и говорит: «Идите за Урал воевать с Кучумом, завладейте его землею. Вас и царь наградит». И показал Ермаку царское письмо. Ермак обрадовался, собрал казаков и говорит:

«Вы меня срамите перед хозяином — всё без толку грабите. Если не бросите, он вас прогонит, а куда пойдете? На Волге царского войска много, нас переловят и за прежние дела худо будет. А если скучно вам, то вот вам работа».

И показал им царское письмо, что позволено Строгонову за Уралом землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. По-

шел Ермак к Строгонову, стал с ним думать, как им идти.

Обсудили, сколько стругов надо, сколько хлеба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиков — татар пленных, сколько немцев — мастеров ружейных.

Строгонов думает: «хоть и дорого мне станет, а надо дать ему всего, а то здесь останутся — разорят меня». Согласился Строгонов, собрал всего и снарядил Ермака с казаками.

1-го сентября поплыли казаки с Ермаком вверх по реке Чусовой на 32-х стругах, на каждом струге было 20 человек. Плыли они четыре дня на веслах вверх по реке и выплыли в Серебряную реку. Оттуда уж плыть нельзя. Расспросили проводников и узнали, что надо им тут перевалиться через горы и верст двести сухопутьем пройти, а потом пойдут опять реки. Остановились тут казаки, построили город и выгрузили всю снасть; и струга побросали, а наладили телеги, уложили всё и пошли сухопутьем — через горы. Места всё были лесные, и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьем, попали на Жаровню, на реку. Тут опять постояли и стали ладить стру-

ги. Наладили и поплыли по реке вниз. Проплыли пять дней и пришли места еще веселее: луга, леса, озера. И рыбы, и зверя много; и зверь непуганый. Проплыли еще день, выплыли на Туру реку. Тут по Туре реке стал попадаться народ и городки татарские.

Послал Ермак казаков посмотреть один городок, что за городок и много ли в нем силы. Пошли 20 казаков, распугали всех татар и забрали весь городок и скотину всю забрали. Каких татар перебили, а каких привели живьем.

Стал Ермак через переводчиков спрашивать татар: какие они люди и под чьей рукой живут? Татары говорят, что они Сибирского царства, и царь их Кучум.

Ермак отпустил татар, а троих, поумнее, взял с собой, чтобы они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывут, то река всё больше становится; а места, что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народ не сильный. И все городки, какие были по реке, казаки повоевали.

Забрали они в одном городке много татар и одного почетного старика татарина. Стали спрашивать татарина, что он за человек? Он говорит: «Я Таузик, я своего царя Кучума слуга и от него начальником в этом городе».

Ермак стал спрашивать Таузика про его царя. Далек ли его город Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузик всё рассказал. Говорит: «Кучум первый царь на свете. Город его Сибирь — самый большой город на свете. В городе этом, говорит, людей и скотины столько, сколько звезд на небе. А силы у Кучума царя счету нет, его все цари вместе не завоюют».

А Ермак говорит: «Мы, русские, пришли сюда твоего царя завоевать и его город взять; русскому царю под руку подвести. Силы у нас много. Что со мной пришли — это только передние, а сзади плывут в стругах — счету им нет, и у всех ружья. А ружья наши насквозь дерево пробивают, не то что ваши луки, стрелы. Вот, смотри».

И Ермак выпалил в дерево, и дерево расколосось, и со всех сторон стали палить казаки. Таузик от страха на колени упал. Ермак и го-

ворит ему: «Ступай же ты к своему царю Кучуму и скажи ему, что ты видел. Пускай он покоряется, а не покорится, так и его погубим». И отпустил Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли в большую реку Тобол, и всё к Сибири городу приближаются. Подплыли они к речке Бабасан, смотрят — на берегу городок стоит, и кругом городка татар много.

Послали они переводчика к татарам узнать, что за люди. Приходит назад переводчик, говорит: «Это войско Кучумово собралось. А начальником над войском сам зять Кучумов — Маметкул. Он меня призывал и велел вам сказать, чтобы вы назад шли, а то он вас перебьет».

Ермак собрал казаков, вышел на берег и начал стрелять в татар. Как услышали татары пальбу, так и побежали. Стали их казаки догонять и каких перебили, а каких забрали. Насилу сам Маметкул ушел.

Поплыли казаки дальше. Выплыли в широкую, быструю реку Иртыш. По Иртышу реке проплыли день, подплыли к городку хорошему и остановились. Пошли казаки в горо-

док. Только стали подходить, начали в них татары стрелы пускать и поранили трех казаков. Послал Ермак переводчика сказать татарам, чтобы сдали город, а то всех перебьют. Переводчик пошел, вернулся и говорит: «Тут живет Кучумов слуга Атик Мурза Качара. У него силы много, и он говорит, что не сдаст городка».

Ермак собрал казаков и говорит:

«Ну, ребята, если не возьмем этого городка, татары запируют. И нам ходу не дадут. Что скорее страха зададим, то нам легче будет. Выходи все. Кидайся все разом». Так и сделали. Татар много тут было, и татары лихие.

Как бросились казаки, стали татары стрелять из луков. Засыпали казаков стрелами. Которых до смерти перебили, которых переранили.

Озлились и казаки, добрались до татар и, какие попались, всех перебили.

В городке этом нашли казаки много добра, скотины, ковров, мехов и меду много, похоронили мертвых, отдохнули, забрали добро с собой и поплыли дальше. Недалеко проплыли, смотрят — на берегу как город стоит, войска

конца-края не видать, и всё войско окопано канавой, и канава лесом завалена. Остановились казаки. Стали думать; собрал Ермак круг. «Ну, что, ребята, как быть?»

Казаки заробели. Одни говорят: надо мимо плыть, другие говорят: назад идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорят: «Зачем ты нас завел сюда? Вот перебили уже из нас сколько да переранили; и все мы тут пропадем». Стали плакать.

Ермак и говорит своему податаманью, Ивану Кольцо: «Ну, а ты, Ваня, как думаешь?» А Кольцо и говорит: «А я что думаю? Не нынче убьют, так завтра; а не завтра, так даром на печи помрем. По мне — выйти на берег, да и валить прямо лавой на татар — что бог даст».

Ермак и говорит: «Ай, молодец, Ваня! Так и надо. Эх, вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно, белужину ловить да баб татарских пугать, только на то вас и взять. Разве не видите сами? Назад идти — перебьют; мимо плыть — перебьют; здесь стоять — перебьют. Куда же нам попясться? Раз потрудишься, после полегчает. Так-то, ребята, у батюшки кобыла

здоровая была. Как под горку — везет, и по ровному везет, а как придется в гору — заноровится, назад воротит, думает — легче будет. Так взял батюшка кол, возил-возил ее колом-то. Уж она крутилась, билась, всю телегу разбила. Выпряг ее батюшка из воза и ободрал. А везла бы воз, никакой бы муки не видала. Так-то и нам, ребята. Одно только место осталось — прямо на татар ломить».

Засмеялись казаки, говорят: «Видно ты, Тимофеич, умнее нашего; нас, дураков, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. Двух смертей не бывать, а одной не миновать».

Ермак и говорит: «Ну, слушай, ребята! Вот как делать. Они еще нас всех не видали. Разобьемтесь мы на три кучки. Одни в середину прямо на них пойдут, а другие две кучки в обход зайдут справа и слева. Вот как станут средние подходить, они подумают, что мы все тут, — выскочат. А тогда с боков и ударим. Так-то, ребята. А этих перебьем, уж бояться некого. Царями сами будем».

Так и сделали. Как пошли средние с Ермаком, татары завизжали, выскочили; тут ударили: справа — Иван Кольцо, слева — Меще-

ряк атаман. Испугались татары, побежали. Перебили их казаки. Тут уж Ермаку никто противиться не смел. И так он вошел в самый город Сибирь. И насел туда Ермак всё равно как царем.

Стали приезжать к Ермаку царьки с поклонами. Стали татары приезжать селиться в Сибири; а Кучум с зятем Маметкулом боялись на Ермака прямо идти, а только кругом ходили, придумывали, как бы его погубить.

Весною по водополью прибежали к Ермаку татары, говорят: «Маметкул опять на тебя идет, собрал войска много, стоит на Вагае реке».

Ермак собрался через реки, болота, ручьи, леса, подкрался с казаками, бросился на Маметкула и побил много татар и самого Маметкула забрал живьем и привез в Сибирь. Тут уж мало немирных татар осталось, а какие не покорялись, на тех Ермак ходил в это лето; и по Иртышу, и по Оби рекам завоевал Ермак столько земли, что в два месяца не обойдешь.

Как забрал Ермак всю эту землю, послал Ермак посла к Строгоновым и письмо. «Я, говорит, Кучума город взял и Маметкула в плен

забрал, и весь здешний народ под свою руку привел. Только казаков много истратилось. Присылайте народа, чтобы нам веселее было. А добра в здешней земле и конца нет». И послал он дорогих мехов: лисиц, куниц и соборлей.

Прошло тому делу два года. Ермак всё держал Сибирь, а помощь из России всё не приходила, и стало у Ермака мало русского народа.

Прислал раз к Ермаку татарин Карача посла, говорит: «Мы тебе покорились, а нас ногайцы обижают, пришли к нам своих молодцов на помощь. Мы вместе ногайцев покорим. А что мы твоих молодцов не обидим, так мы тебе клятву дадим».

Ермак поверил их клятве и отпустил с Иваном Кольцом 40 человек. Как пришли эти сорок человек, татары бросились на них и побили; казаков еще меньше стало.

Прислали другой раз бухарские купцы весть Ермаку, что они собрались к нему в Сибирь город товары везти, да что им на дороге Кучум с войском стоит и не пускает их пройти.

Ермак взял с собой 50 человек и пошел очистить дорогу бухарцам. Пришел он к Иртышу реке, и не нашел бухарцев. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только полегли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонных, начали их бить. Вскочил Ермак, стал биться. Ранили его ножом в руку. Бросился он бежать к реке. Татары за ним. Он в реку. Только его и видели. И тела его не нашли, и никто не узнал, как он умер.

На другой год пришло царское войско, и татары замирились.

СУХМАН

(Стихи-сказка)

Как у ласкова князь-Владими-
ра
Пированье шло, шел почестей пир
На бояр, князей, добрых молодцев.
На пиру-то все порасхвастались:
Один хвастает золотой казной,
Другой хвастает что добрым ко-
нем,
Сильный хвастает своей силою,
Глупый хвастает молодой женой,
Умный хвастает старой мате-

рюю.

За столом сидит, призадумавшись,

Богатырь Сухман Одихмантьевич,

И ничем Сухман он не хвастает.

Тут Владимир князь, красно солнышко,

Сам по горенке он похажива(е)т,

Желтыми кудрями он потряхива(е)т,

Одихмантьичу выговарива(е)т:

«Что, Сухмантьюшка, ты задумался?»

«Что не ешь, не пьешь и не кушаешь,

«Белой лебеди ты не рушаешь,

«И ничем в пиру ты не хвастаешь?»»

Взговорил Сухман таковы слова:

«Если хвастать мне ты приказываешь,

«Привезу ж тебе я, похвастаю,

«Лебедь белую не кровавлену

«И не ранену, а живьем в руках».

И вставал Сухман на резвы ноги,

Он седлал коня своего доброго,

Выезжал Сухман ко синю морю,

Ко синю морю, к тихим заводям.
Подъезжал Сухман к первой заво-
ди,

Не наезживал белых лебедей.
Подъезжал Сухман к другой заво-
ди,

Не нахаживал гусей-лебедей,
И у третьей тихой заводи —
Нет серых гусей, белых лебедей.
Тут Сухмантьюшка призадумал-
ся:

«Как поеду я в славный Киев град?
«Что сказать будет князь-Влади-
миру?»»

И поехал он к мать Непре реке:
Глядь, течет Непра не по-старо-
му,

Не по-старому, не попрержнему,
А вода с песком в ней смутилася.
Тут Непру реку Сухман спраши-
вал:

«Что течешь ты так, мать
Непра река,

«Не по-старому, не попрержнему,
«А вода с песком помутилася?»»

Испровещится мать Непра река:
«Я затем теку не по-старому

«Не попрержнему, по-старинному,

«Что стоят за мной, за Непрой
рекой,
«Сорок тысячей злых татаровей.
«Они мост мостят с утра до но-
чи.

«Что намосят днем, то в ночь
вырою.

«Да из сил уж я выбиваюсь».
Взговорил Сухман таковы слова:
«То не честь-хвала молодецкая —
«Не отведать мне сил татарски-
их».

И пустил коня своего доброго.
Через Непру реку перескакивал,
Не мочил копыт его добрый конь.
Подбежал Сухман ко сыру дубу,
Ко сыру дубу, кряковистому,
Дуб с кореньями выворачивал.
А с комля дуба белый сок бежал;
Ту дубиночку за вершину брал
И пустил коня на татаровей.
Стал Сухмантьюшка поворачи-
вать,
Той дубиночкой стал помахив-
вать.
Как махнет вперед — станет ули-
ца,
Отвернет назад — переулочек.

Всех побил татар Одихмантьевич,
Убежало ли три татарченка, —
Под кусточками, под раkitовыми
У Непры реки схоронилися.
Подъезжал Сухман к мать-Непре
реке,
Из-под кустиков в Одихмантьича
Три татарченка стрелки пусти-
ли
Во его бока, в тело белое.
Свет Сухмантьюшка стрелки вы-
дернул
Из своих боков, из кровавых ран,
Листьем маковым позатыкивал,
И спорол ножом трех татарчен-
ков.
Приезжал Сухман к князь-Влади-
миру.
Привязал коня на дворе к столбу.
Сам входил Сухман во столовую.
Тут Владимир князь, красно сол-
нышко,
Сам по горенке он похаживает,
Одихмантьичу выговаривает:
«Что ж, Сухмантьюшка, не при-
вез ты мне

«Лебедь белую, не кровавлену?»
Взговорит Сухман таковы слова:
«Гой, Владимир князь, за Непрой
рекой
«Доходило мне не до лебедей.
«Повстречалась мне за Непрой ре-
кой
«Сила ратная в сорок тысячей: —
«Шли во Киев град злы татаро-
вья,
«С утра до ночи мосты ладили,
«А Непра река вырывала в ночь,
«Да из сил она выбивалася.
«Я пустил коня на татаровой
«И побил их всех до единого».
Володимир князь, красно солныш-
ко,
Тем словам его не уверовал,
Приказал слугам своим верным
Братъ Сухмантия за белы руки,
В погреба сажать во глубокие;
А Добрынюшку посылал к Непре
Про Сухмантьевы сведать зара-
ботки.
Встал Добрынюшка на резвы но-
ги,
Он седлал коня своего доброго,
Выезжал в поле к мать-Непре ре-

ке,
Увидал — лежит сила ратная,
В сорок тысячей, вся побитая.
И валяется дуб с кореньями,
На лучиночки весь исщепанный.
Дуб Добрынюшка подымал с зем-
ли,
Привозил его ко Владимиру,
Так Добрынюшка выговаривал:
«Правдой хвастает Одихмантье-
вич:
«За Непрой рекой я видал — ле-
жат
«Сорок тысячей злых татаровей,
«И дубиночка Одихмантьича
«На лучиночки вся исщепана».
Тут велел слугам Володимир
князь
В погребя идти во глубокие,
Выводить скорей Одихмантьича,
Приводить к себе на ясны очи;
Таковы слова выговаривал:
«За услуги те за великие
«Добра молодца буду миловать,
«Буду жаловать его до любви
«Городами ли с пригородками,
«Еще селами да с приселками,
«Золотой казной да бессчетною».

В погребѣ идут во глубокіе
К Одихмантъичу слуги верныѣ,
Говорят ему таковы слова:
«Выходи, Сухман, ты из погребѣ:
«Володимир князь тебя милует,
«За твои труды за великіе
«Хочет солнышко тебя жаловать
«Городами ли с пригородками,
«Еще селами да с приселками,
«Золотой казной да бессчетною».
Выходил Сухман во чисто поле,
Говорил Сухман таковы слова:
«Гой, Владимир князь, красно солнышко,
«Не умел меня в пору миловать,
«Не умел же ты в пору жаловать,
«А теперъ тебе не видать будет,
«Не видать меня во ясны очи».
И выдерживал Одихмантъевич
Из кровавых ран листьѣ маково,
Свет-Сухмантъюшка приговаривал:
«Потеки река от моей крови,
«От моей крови от горючие,
«От горючие, от напрасныѣ,
«Потеки Сухман, ах Сухман река,
«Будь Непре реке ты родна сестра

ТРЕТЬЯ
РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ОГЛАВЛЕНИЕ III-й КНИГИ

	Стр.
Царь и сокол	205
Лисица	205
Строгое наказание	206
Дикий и ручной осел	206
Заяц и гончая собака	206
Олень	207
Зайцы	207
Собака и волк	208
Царские братья	208
Слепой и молоко	208
Русак	209
Волк и лук	210
Как мужик гусей делал	210
Комар и лев	211
Яблони	212
Лошадь и хозяйева	213

Клопы	213
Старик и смерть	214
Как гуси Рим спасли	214
Отчего в морозы трещат деревья?	215
Сырость. I	215
Сырость. II	216
Разная связь частиц	216
Лев и лисица	217
Праведный судья	217
Олень и виноградник	220
Царский сын и его товарищи	220
Галчонок	223
Как я выучился ездить верхом	223
Топор и пила	225
Солдаткино житье	226
Кот и мыши	230
Лед, вода и пар	230
Перепелка и перепелята	232

Булька	233
Булька и кабан	233
Фазаны	235
Мильтон и Булька	236
Черепаша	237
Булька и волк	238
Что случилось с Булькой в Пятигорске	240
Конец Бульки и Мильтона	242
Птицы и сети	243
Чутье	243
Собаки и повар	244
Основание Рима	245
Бог правду видит, да не скоро скажет	246
Кристаллы	253
Волк и коза	255
Поликрат Самосский	255
Вольга-богатырь	257

ЦАРЬ И СОКОЛ

(Басня)

Один царь на охоте пустил за зайцем любимого сокола и поскакал.

Сокол поймал зайца. Царь отнял зайца и стал искать воды, где бы напиться. В бугре царь нашел воду. Только она по капле капала. Вот царь достал чашу с седла и подставил под воду. Вода текла по капле, и когда чаша набралась полная, царь поднял ее ко рту и хотел пить. Вдруг сокол встрепенулся на руке у царя, забил крыльями и выплеснул воду. Царь опять подставил чашу. Он долго ждал, пока она наберется вровень с краями, и опять, когда он стал подносить ее ко рту, сокол затрепыхался и разлил воду.

Когда в третий раз царь набрал полную чашу и стал подносить ее к губам, сокол опять разлил ее. Царь рассердился и, со всего размаха ударив сокола об камень, убил его. Тут подъехали царские слуги, и один из них побежал вверх к роднику, чтобы найти побольше воды и скорее набрать полную чашу. Только и слуга не принес воды; он вернулся с пустой чашкой и сказал: «Ту воду нельзя пить: в род-

нике змея, и она выпустила свой яд в воду. Хорошо, что сокол разлил воду. Если бы ты выпил этой воды, ты бы умер».

Царь сказал: «Дурно же я отплатил соколу: он спас мне жизнь, а я убил его».

ЛИСИЦА

(Басня)

Попалась лиса в капкан, оторвала хвост и ушла. И стала она придумывать, как бы ей свой стыд прикрыть. Созвала она лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубили хвосты. «Хвост, — говорит, — совсем не кстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаем». Одна лисица и говорит: «Ох, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая!»

Куцая лисица смолчала и ушла.

СТРОГОЕ НАКАЗАНИЕ

(Сказка)

Один человек пошел на торг и купил говядины. На торгу его обманули: дали дурной говядины, да еще обвесили.

Вот он идет домой с говядиной и бранится. Встречается ему царь и спрашивает: «Кого ты

бранишь?» А он говорит: «Я браню того, кто меня обманул. Я заплатил за три фунта, а мне дали только два, и то дурную говядину». Царь и говорит. «Пойдем назад на торг; покажи того, кто тебя обманул». Человек пошел назад и показал купца. Царь свесил при себе мясо: видит, точно, обманули. Царь и говорит: «Ну, как ты хочешь, чтобы я наказал купца?» Тот говорит: «Вели вырезать из его спины столько мяса, на сколько он обманул меня».

Царь и говорит: «Хорошо, возьми нож и вырежь из купца фунт мяса; только смотри, чтобы у тебя вес был бы верен, а если вырежешь больше или меньше фунта, ты виноват останешься».

Человек смолчал и ушел домой.

ДИКИЙ И РУЧНОЙ ОСЕЛ

(Басня)

Дикий осел увидал ручного осла, подошел к нему и стал хвалить его жизнь: как и телом-то он гладок и какой ему корм сладкий. Потом, как навьючили ручного осла, да как сзади стал погонщик подгонять его дубиной, дикий осел и говорит: «Нет, брат, теперь не

завидую, — вижу, что твое житье тебе соком достается».

ЗАЯЦ И ГОНЧАЯ СОБАКА

(Басня)

Заяц сказал раз гончей собаке: «Для чего ты лаешь, когда гонишься за нами? Ты бы скорее поймала нас, если бы бежала молча. А с лаем ты только нагоняешь нас на охотника: ему слышно, где мы бежим, и он забегает с ружьем нам навстречу, убивает нас и ничего не дает тебе».

Собака сказала: «Я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запах, то и сержусь, и радуюсь, что я вот сейчас поймаю тебя; и сама не знаю зачем, но не могу удержаться от лая».

ОЛЕНЬ

(Басня)

Олень подошел к речке напиться, увидел себя в воде и стал радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрел и говорит: «Только ноги мои плохи и жидки». Вдруг выскочи лев и бросься на оле-

ня. Олень пустился скакать по чистому полю. Он уходил, а как пришел в лес, запутался рогами за сучья, и лев схватил его. Как пришло погибать оленю, он и говорит: «То-то глупый я! Про кого думал, что плохи и жидки, те спасали, а на кого радовался, от тех пропал».

ЗАЙЦЫ

(*Описание*)

Зайцы по ночам кормятся. Зимой зайцы лесные кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озимями и травой, гуменники — хлебными зернами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но бог дал зайцу трусость, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу, и начинает от страха метаться из сто-

роны в сторону. Проскачет вперед, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Еще услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернется назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

На утро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далеким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

СОБАКА И ВОЛК

(Басня)

Собака заснула за двором. Голодный волк набежал и хотел съесть ее. Собака и говорит: «Волк! подожди меня есть, — теперь я костлява, худа. А вот, дай срок, хозяева будут свадьбу играть, тогда мне еды будет вволю, я разжирею, — лучше тогда меня съесть». Волк поверил и ушел. Вот приходит он в другой раз и видит — собака лежит на крыше. Волк и говорит: «Что ж, была свадьба?» А собака и говорит: «Вот что, волк: коли другой раз заста-

нешь меня сонную перед двором, не дожидайся больше свадьбы».

ЦАРСКИЕ БРАТЬЯ

(Сказка)

Один царь шел по улице. Нищий подошел к нему и стал просить милостыню.

Царь не дал ничего. Нищий сказал: «Царь, ты, видно, забыл, что бог всем один отец; мы все братья, и нам всем делиться надо». Тогда царь остановился и сказал: «Ты правду говоришь, мы братья и нам делиться надо», и дал нищему золотую деньгу. Нищий взял золотую деньгу и сказал: «Ты мало дал; разве так делятся с братьями? Надо делить поровну. У тебя миллион денег, а ты мне дал одну». Тогда царь сказал: «То правда, что у меня миллион денег, а я тебе дал одну; но у меня и братьев столько же, сколько денег».

СЛЕПОЙ И МОЛОКО

(Басня)

Один слепой отроду спросил зрячего: «Какого цвета молоко?»

Зрячий сказал: «Цвет молока такой, как бу-

мага белая».

Слепой спросил: «А что, этот цвет так же шуршит под руками, как бумага?»

Зрячий сказал: «Нет, он белый, как мука белая».

Слепой спросил: «А что, он такой же мягкий и сыпучий, как мука?»

Зрячий сказал: «Нет, он просто белый, как заяц беляк».

Слепой спросил: «Что же, он пушистый и мягкий, как заяц?»

Зрячий сказал: «Нет, белый цвет такой точно, как снег».

Слепой спросил: «Что же, он холодный, как снег?»

И сколько примеров зрячий ни говорил, слепой не мог понять, какой бывает белый цвет молока.

РУСАК

(Описание)

Заяц русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыг-

нул раз-другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звезды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади, скрипели кресла в санях.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Из ртов и носов их шел пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошел к гумну. Собачонка от обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась

за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям; зайца держали субои, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошел к гумну. По дороге он, на зеленях, встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошел дальше. На деревне было всё тихо, огни были потушены. Только слышался плач ребенка в избе через стены да треск мороза в бревнах изб. Заяц прошел на гумно и там нашел товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесенной снегом, на овин и через плетень пошел назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звезд стало меньше, и еще гуще морозный пар подымался над землею. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумен, дети кричали и плакали. По дороге еще больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошел к своей старой норе, выбрал местечко повыше,

раскопал снег, лег задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами

ВОЛК И ЛУК

(Басня)

Охотник с луком и стрелами пошел на охоту, убил козу, взвалил на плечи и понес ее. По дороге увидел он кабана. Охотник сбросил козу, выстрелил в кабана и ранил его. Кабан бросился на охотника, спорол его до смерти, да и сам тут же издох. Волк почуял кровь и пришел к тому месту, где лежали коза, кабан, человек и его лук. Волк обрадовался и подумал: «теперь я буду долго сыт; только я не стану есть всего вдруг, а буду есть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съем что пожестче, а потом закушу тем, что помягче и послаще».

Волк понюхал козу, кабана и человека и сказал: «Это кушанье мягкое, я съем это после, а прежде дай съем эти жилы на луке». И он стал грызть жилы на луке. Когда он перекусил тетиву, лук раскочился и ударил волка по брюху. Волк тут же издох, а другие волки

съели и человека, и козу, и кабана, и волка.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

(Сказка)

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понес. Барин принял гуся и говорит мужику: «Спасибо, мужик, тебе за гуся, только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына и две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?». Мужик говорит: «Я разделю». Взял ножик, отрезал голову и говорит барину: «ты всему дому голова, тебе голову». Потом отрезал задок, подает барыне: «тебе, говорит, дома сидеть, за домом смотреть, тебе задок». Потом отрезал лапки и подает сыновьям: «вам, говорит, ножки — топтать отцовские дорожки». А дочерям дал крылья: «вы, говорит, скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А осточки себе возьму!» — И взял себе всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся

наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понес к барину.

Барин говорит: «Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочери, всех шестеро, — как бы нам поровну разделить твоих гусей?»

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся — дал барину с барыней и говорит: «Вот вас трое с гусем»; одного дал сыновьям: «и вас, говорит, трое»; одного дал дочерям: «и вас трое»; а себе взял двух гусей: «вот, говорит, и нас трое с гусями, — все поровну».

Барин посмеялся и дал бедному мужику еще денег и хлеба, а богатого прогнал.

КОМАР И ЛЕВ

(Басня)

Комар прилетел ко льву и говорит: «Ты думаешь, в тебе силы больше моего? Как бы не так! Какая в тебе сила? Что царапаешь когтями и грызешь зубами, это и бабы так-то с мужиками дерутся. Я сильнее тебя; хочешь, вы-

ходи на войну!» И комар затрубил и стал кусать льва в голые щеки и в нос. Лев стал бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодрал себе в кровь всё лицо и из сил выбился.

Комар затрубил с радости и улетел. Потом запутался в паутину к пауку и стал паук его сосать. Комар и говорит: «Сильного зверя, льва, одолел, а вот от дрянного паука погибаю».

ЯБЛОНИ

(Рассказ)

Я посадил двести молодых яблонь и три года весной и осенью окапывал их, и на зиму заворачивал соломой от зайцев. На четвертый год, когда сошел снег, я пошел посмотреть свои яблони. Они потолстели в зиму; кора на них была глянцеви́тая и налитая; сучки все были целы и на всех кончиках и на разви́лках сидели круглые, как горошинки, цветочные почки. Кое-где уже лопнули распуколки и виднелись алые края цветочных листьев. Я знал, что все распуколки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернул первую яблоню, я уви-

дал, что внизу, над самой землею, кора яблони обгрызена кругом по самую древесину, как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню — и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолою и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики — и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где расходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки, и то всё дикие.

Кора у деревьев — те же жилы у человека: чрез жилы кровь ходит по человеку — и чрез кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет. Можно из дерева выдолбить всё нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива — и дерево будет жить; но если кора пропадет, дерево

пропало. Если человеку подрезать жилы, он умрет, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и береза засыхает, когда ребята продолжают лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали оттого, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из кореньев в сучья, листья и цвет.

ЛОШАДЬ И ХОЗЯЕВА

(Басня)

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить бога, чтобы ей перейти к другому хозяину. Так и случилось. Садовник продал лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежнего стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей к лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечник продал лошадь кожевнику. Вот как увидала лошадь на кожевном дворе кониные шкуры, она и завывала: «Ох, горе мне, бедной! Лучше б у преж-

них хозяев оставаться: теперь уж, видно, не на работу продали меня, а на шкуру».

КЛОПЫ

(Рассказ)

Я остановился ночевать на постоялом дворе. Прежде чем ложиться спать, я взял свечу и посмотрел углы кровати и стен, и когда увидел, что во всех углах были клопы, стал придумывать, как бы устроиться на ночь так, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я знал, что, поставь я ее и посредине комнаты, клопы сползут со стен на пол и с полу, по ножкам кровати, доберутся и до меня; а потому я попросил у хозяина четыре деревянные чашки, налил в чашки воды и каждую ножку кровати поставил в чашку с водой. Я лег, поставил свечу на пол и стал смотреть, что будут делать клопы. Клопов было много, и они уже чуяли меня; я видел, как они поползли по полу, влезали на край чашки, и одни падали в воду, другие ворочались назад. «Перехитрил я вас, — подумал я: — теперь не доберетесь», и хотел уже тушить свечу, как вдруг почувство-

вал, что меня кусает что-то. Осматриваюсь: клоп. Как он попал ко мне? Не прошло минуты, я нашел другого. Я стал оглядываться и допытываться, как до меня они добрались.

Долго я не мог понять, но, наконец, взглянул на потолок и увидел — клоп лез по потолку; как только он дополз вровень с кроватью, он отцепился от потолка и упал на меня. «Нет, — подумал я, — вас не перехитрить», надел шубу и вышел на двор.

СТАРИК И СМЕРТЬ

(Басня)

Старик раз нарубил дров и понес. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит: «Эх, хоть бы смерть пришла!» Смерть пришла и говорит: «Вот и я, чего тебе надо?» Старик испугался и говорит: «Мне вязанку поднять».

КАК ГУСИ РИМ СПАСЛИ

(История)

В 390-м году до Р. Х. дикие народы галлы напали на римлян. Римляне не могли с ними справиться, и которые убежали совсем вон из

города, а которые заперлись в кремле. Кремль этот назывался Капитолий. Остались только в городе одни сенаторы. Галлы вошли в город, перебили всех сенаторов и сожгли Рим. В середине Рима оставался только кремль — Капитолий, куда не могли добраться галлы. Галлам хотелось разграбить Капитолий, потому что они знали, что там много богатств. Но Капитолий стоял на крутой горе: с одной стороны были стены и ворота, а с другой был крутой обрыв. Ночью галлы украдкой полезли из-под обрыва на Капитолий: они поддерживали друг друга снизу и передавали друг другу копья и мечи.

Так они потихоньку взобрались на обрыв, — ни одна собака не услышала их.

Они уже полезли через стену, как вдруг гуси почуяли народ, загоготали и захлопали крыльями. Один римлянин проснулся, бросился к стене и сбил под обрыв одного галла. Галл упал и свалил за собою других. Тогда бежались римляне и стали кидать бревна и камни под обрыв и перебили много галлов. Потом пришла помощь к Риму, и галлов прогнали.

С тех пор римляне в память этого дня завели у себя праздник. Жрецы идут наряженные по городу; один из них несет гуся, а за ним на веревке тащат собаку. И народ подходит к гуся и кланяется ему и жрецу: для гусей дают дары, а собаку бьют палками до тех пор, пока она не издохнет.

ОТЧЕГО В МОРОЗЫ ТРЕЩАТ ДЕРЕВЬЯ?

(Рассуждение)

Оттого, что в деревьях есть сырость, и сырость эта замерзает, как вода. Когда вода замерзнет, она раздается; а когда ей нет места раздаться, она разрывает деревья.

Если налить воды в бутылку и поставить на мороз, вода замерзнет и разорвет бутылку.

Когда из воды делается лед, то во льду этом такая сила, что если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдом разорвет ее.

Отчего вода не сжимается, как железо, от холода, а раздается, когда замерзнет? Оттого, что, когда вода замерзнет, ее частицы связываются между собою по-другому и промеж

них больше пустых мест.

Для чего вода не сжимается, когда замерзнет? Для того, чтобы вода в реках и озерах не замерзла до дна.

Лед раздается от мороза, оттого делается легче воды и плавает на воде, и только снизу подмерзает и делается толще и толще, но никогда не замерзает до дна. А если бы вода сжималась от мороза, как сжимается железо, то верхняя вода замерзала бы на реке и тонула бы, потому что лед был бы тяжелее воды. Потом опять бы замерзла верхняя вода и тонула бы, и так замерзли бы озера и реки от дна и доверху.

СЫРОСТЬ

(Рассуждение)

I

Отчего паук иногда делает частую паутину и сидит в самой середине гнезда, а иногда выходит из гнезда и выводит новую паутину?

Паук делает паутину по погоде, какая есть и какая будет. Глядя на паутину, можно узнать, какая будет погода; если паук сидит, забившись в середине паутины, и не выходит, — это к дождю. Если он выходит из гнез-

да и делает новые паутины, то это к погоде.

Как может паук знать вперед, какая будет погода?

Чувства у паука так тонки, что когда в воздухе начнет только собираться сырость, и мы этой сырости не слышим, и для нас погода еще ясная, — для паука уже идет дождь.

Точно так же, как и человек раздетый сейчас почувствует сырость, а одетый не заметит ее, так и для паука идет дождь, когда для нас он только собирается.

СЫРОСТЬ

(Рассуждение)

II

Отчего осенью и зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимою дерево насытится водой, как губка, и его разопрет, а летом вода выйдет паром, и оно съежится.

Отчего слабое дерево — осина — больше разбухает, а дуб меньше?

Оттого, что в крепком дереве — дубе — пустого места меньше и воде некуда набраться, а в слабом дереве — осине — пустого места

больше и воде есть куда набраться. В гнилом дереве еще больше пустого места, и оттого гнилое дерево больше всего разбухает и больше садится.

Колоды для пчел делают из самого слабого и гнилого дерева: самые лучшие улья бывают из гнилой лозины. Отчего это? — Оттого, что через гнилую колоду проходит воздух, и для пчел в такой колоде воздух легче.

Отчего сырые доски коробятся?

Оттого, что неровно сохнут. Если приставить сырую доску одной стороной к печке, вода выйдет, и дерево сожмется с этой стороны и потянет за собой другую сторону; а сырой стороне сжаться нельзя, потому что в ней вода, — и вся доска погнется.

Для того, чтобы не коробились полы, их режут из сухих досок на куски, и куски эти вываривают в кипятке. Когда из них вода вся выкипит, их клеят, и они уже не коробятся (паркет).

РАЗНАЯ СВЯЗЬ ЧАСТИЦ

(Рассуждение)

Отчего подушки под телеги вырезают и

ступицы под колеса точат не из дуба, а из березы? Подушки и ступицы нужны крепкие, а дуб не дороже березы. — Оттого, что дуб колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Оттого, что дуб хоть и плотнее связан, чем береза, да связан так, что расходится вдоль, а береза не расходится.

Отчего колеса и полозья гнут из дуба и вяза, а не гнут из березы и липы?

Оттого, что дуб и вяз, когда их распарят в бане, гнутся и не ломаются, а береза и липа на все стороны мочалются.

Всё оттого же, что частицы дерева в дубе и березе иначе связаны.

ЛЕВ и ЛИСИЦА

(Басня)

Лев от старости не мог уже ловить зверей и задумал хитростию жить: зашел он в пещеру, лег и притворился больным. Стали ходить звери его проведывать, и он съедал тех, которые входили к нему в пещеру. Лисица смекнула дело, стала у входа в пещеру и говорит: «Что, лев, как можешь?»

Лев говорит: «Плохо. Да ты отчего же не входишь?»

А лисица говорит: «Оттого не вхожу, что по следам вижу — входов много, а выходов нет».

ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ

(Сказка)

Один алжирский царь Бауакас захотел сам узнать, правду ли ему говорили, что в одном из его городов есть праведный судья, что он сразу узнаёт правду и что от него ни один плут не может укрыться. Бауакас переоделся в купца и поехал верхом на лошади в тот город, где жил судья. У въезда в город к Бауакасу подошел калека и стал просить милостыню. Бауакас подал ему и хотел ехать дальше, но калека уцепился ему за платье. «Что тебе нужно? — спросил Бауакас. — Разве я не дал тебе милостыню?» — «Милостыню ты дал, — сказал калека, — но еще сделай милость — довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды как бы не раздавили меня». Бауакас посадил калеку сзади себя и довез его до площади. На площади Бауакас оставил лошадь. Но нищий не слезал. Бауакас

сказал: «Что ж сидишь, слезай, мы приехали». А нищий сказал: «Зачем слезать, — лошадь моя; а не хочешь добром отдать лошадь, пойдем к судье». Народ собрался вокруг них и слушал, как они спорили; все закричали: «Ступайте к судье, он вас рассудит».

Баукаас с калекой пошли к судье. В суде был народ, и судья вызывал по очереди тех, кого судил. Прежде чем черед дошел до Баукааса, судья вызвал ученого и мужика: они судились за жену. Мужик говорил, что это его жена, а ученый говорил, что его жена. Судья выслушал их, помолчал и сказал: «Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра».

Когда эти ушли, вошли мясник и масленник. Мясник был весь в крови, а масленник в масле. Мясник держал в руке деньги, масленник — руку мясника. Мясник сказал: «Я купил у этого человека масло и вынул кошелек, чтобы расплатиться, а он схватил меня за руку и хотел отнять деньги. Так мы и пришли к тебе, — я держу в руке кошелек, а он держит меня за руку. Но деньги мои, а он — вор».

А масленник сказал: «Это неправда. Мясник пришел ко мне покупать масло. Когда я

налил ему полный кувшин, он просил меня разменять ему золотой. Я достал деньги и положил их на лавку, а он взял их и хотел бежать. Я поймал его за руку и привел сюда».

Судья помолчал и сказал: «Оставьте деньги здесь и приходите завтра».

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калеки, Бауакас рассказал, как было дело. Судья выслушал его и спросил нищего. Нищий сказал: «Это всё неправда. Я ехал верхом через город, а он сидел на земле и просил меня подвезти его. Я посадил его на лошадь и довез, куда ему нужно было; но он не хотел слезать и сказал, что лошадь его. Это неправда».

Судья подумал и сказал: «Оставьте лошадь у меня и приходите завтра».

На другой день собралось много народа слушать, как рассудит судья.

Первые подошли ученый и мужик.

— Возьми свою жену, — сказал судья ученому, — а мужику дать 50 палок. — Ученый взял свою жену, а мужика тут же наказали.

Потом судья вызвал мясника.

— Деньги твои, — сказал он мяснику; потом он указал на масленника и сказал ему: —

А ему дать 50 палок.

Тогда позвали Бауакаса и калеку. «Узнаешь ты свою лошадь из двадцати других?» — спросил судья Бауакаса.

— Узнаю.

— А ты?

— И я узнаю, — сказал калека.

— Иди за мною, — сказал судья Бауакасу.

Они пошли в конюшню. Бауакас сейчас же промеж других двадцати лошадей показал на свою. Потом судья вызвал калеку в конюшню и тоже велел ему указать на лошадь. Калека признал лошадь и показал ее. Тогда судья сел на свое место и сказал Бауакасу:

— Лошадь твоя: возьми ее. А калеке дать 50 палок.

После суда судья пошел домой, а Бауакас пошел за ним.

— Что же ты, или не доволен моим решением? — спросил судья.

— Нет, я доволен, — сказал Бауакас. — Только хотелось бы мне знать, почему ты узнал, что жена была ученого, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы, и что лошадь была моя, а не нищего?

— Про женщину я узнал вот как: позвал ее утром к себе и сказал ей: налей чернил в мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла ее скоро и ловко и налила чернил. Стало быть, она привыкла это делать. Будь она жена мужика, она не сумела бы этого сделать. Выходит, что ученый был прав. — Про деньги я узнал вот как: положил я деньги в чашку с водой и сегодня утром посмотрел — всплыло ли на воде масло. Если бы деньги были масленниковы, то они были бы запачканы его масленными руками. На воде масла не было, стало быть, мясник говорит правду.

— Про лошадь узнать было труднее. Калека так же, как и ты, из двадцати лошадей сейчас же указал на лошадь. Да я не для того приводил вас обоих в конюшню, чтобы видеть, узнаете ли вы лошадь, а для того, чтобы видеть — кого из вас двоих узнает лошадь. Когда ты подошел к ней, она обернула голову, потянулась к тебе; а когда калека тронул ее, она прижала уши и подняла ногу. По этому я узнал, что ты настоящий хозяин лошади.

Тогда Баукас сказал:

— Я не купец, а царь Баукас. Я приехал

сюда, чтобы видеть, правда ли то, что говорят про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня, чего хочешь, я награжу тебя.

Судья сказал: «Мне не нужно награды; я счастлив уже тем, что царь мой похвалил меня».

ОЛЕНЬ И ВИНОГРАДНИК

(Басня)

Олень спрятался от охотников в виноградник. Когда охотники проминовали его, олень стал объедать виноградные листья.

Охотники заметили, что листья шевелятся, и думают: «не зверь ли тут под листьями?» — выстрелили и ранили оленя.

Олень и говорит, умираючи: «Поделом мне за то, что я хотел съесть листья, те самые, какие спасли меня».

ЦАРСКИЙ СЫН И ЕГО ТОВАРИЩИ

(Сказка)

У царя было два сына. Царь любил старшего и отдал ему всё царство. Мать жалела меньшего сына и спорила с царем. Царь на

нее за то сердился, и каждый день была у них из-за этого ссора. Меньший царевич и подумал: «лучше мне уйти куда-нибудь», — простился с отцом и матерью, оделся в простое платье и пошел странствовать.

На пути сошелся он с купцом. Купец рассказал царевичу, что был он прежде богат, но что все его товары потонули в море и что он идет теперь в чужие края поискать счастья.

Они пошли вместе. На третий день сошелся с ними еще товарищ. Они разговорились, и новый товарищ рассказал, что он мужик; были у него дом и земля, но что была война, поля его стоптали и двор его сожгли, — не при чем ему стало жить, — и что идет он теперь искать работы на чужую сторону.

Они пошли все вместе. Подошли они к большому городу и сели отдохнуть. Вот мужик и говорит: «Ну, братцы, будет нам гулять, теперь мы пришли к городу, надо нам за работу приниматься, кто какую умеет».

Купец говорит: «Я умею торговать. Если б у меня было хоть немного денег, я бы много на-торговал».

А царевич говорит: «А я не умею ни рабо-

тать, ни торговать, я только умею царствовать. Если б было у меня царство, я бы хорошо царствовал».

А мужик говорит: «А мне ни денег, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали, — я проживу и вас еще прокормлю. А то вы, пока кто денег, а кто царства дожидаетесь, с голоду помрете».

А царевич говорит: «Купцу деньги нужны, мне царство нужно, тебе сила нужна, чтоб работать: а и деньги, и царство, и сила — нам от бога. Захочет бог — и мне царство даст, и тебе силу, а не захочет — ни тебе силы, ни мне царства не даст».

Мужик не стал слушать, а пошел в город. В городе он нанялся таскать дрова. Вечеру ему заплатили деньги. Он их принес товарищам и говорит: «Вы покуда собираетесь царствовать, а я уж заработал».

На другой день купец выпросил денег у мужика и пошел в город.

На торгу купец узнал, что в городе мало масла и каждый день ждут нового привоза. Купец пошел на пристань и стал высматривать корабли. При нем пришел корабль с мас-

лом. Купец прежде всех вошел на корабль, отыскал хозяина, купил всё масло и дал задаток. Потом купец побежал в город, перепродал масло и за свои хлопоты заработал денег в 10 раз больше против мужика и принес товарищам.

Царевич и говорит: «Ну, теперь мой черед идти в город. Вам обоим посчастливилось, может и мне то же будет. Для бога ничего не трудно, — что тебе мужику дать работу, что купцу барыши, что царевичу царство».

Входит царевич в город, видит он — народ ходит по улицам и плачет. Царевич стал спрашивать, о чем плачут. Ему говорят: «Разве не знаешь, нынче в ночь наш царь умер, и другого царя нам такого не найти». — «Отчего же он умер?» — «Да, должно быть, злодеи наши отравили». Царевич рассмеялся и говорит: «Это не может быть».

Вдруг один человек присмотрелся к царевичу, заметил, что он говорит не чисто поихнему и одет не так, как все в городе, и крикнул: «Ребята! этот человек подослан к нам от наших злодеев разузнавать про наш город. Может, он сам отравил царя. Видите, он и го-

ворит не по-нашему и смеется, когда мы все плачем. Хватайте его, ведите в тюрьму!»

Царевича схватили, отвели в тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третий день пришли за царевичем и повели его на суд. Народа собралось много слушать, как будут судить царевича.

На суде царевича спросили, кто он и зачем пришел в их город. Царевич сказал: «Я — царский сын. Мой отец отдал всё царство старшему брату, а мать за меня заступалась, и из-за меня отец с матерью ссорились. Я этого не захотел, простился с отцом и матерью и ушел странствовать. По дороге встретил я двух товарищей: купца и мужика и с ними подошел к вашему городу. Когда мы сидели и отдыхали за городом, мужик сказал, что надо теперь работать, кто что умеет; купец сказал, что он умеет торговать, но что у него денег нет; а я сказал, что я умею только царствовать, да у меня царства нет. Мужик сказал, что мы с голоду помрем, дожидаячи денег да царства, а что у него есть сила в руках и что он и себя и нас прокормит. И он пошел в город, заработал деньги и принес нам. Купец на эти деньги по-

шел и наторговал вдесятеро; а я пошел в город, и вот меня взяли и понапрасну посадили в тюрьму и два дня не давали есть и теперь хотят казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что знаю, что всё от бога, и захочет бог, так вы меня казните понапрасну, а захочет, так вы меня царем сделаете».

Когда он всё это сказал, судья замолчал и не знал, что говорить. Вдруг один человек из народа закричал: «Нам бог послал этого царевича. Мы не найдем себе лучшего царя! Выберите его в цари!»

И все выбрали его царем.

Когда его выбрали царем, царевич послал за город привести к себе своих товарищей. Когда им сказали, что их требует царь, они испугались: думали, что они сделали какую-нибудь вину в городе. Но им нельзя было убежать, и их привели к царю. Они упали ему в ноги, но царь велел встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь рассказал им всё, что с ним было, и сказал им: «Видите ли вы, что моя правда? Худое и доброе — всё от бога. И богу не труднее дать царство царевичу, чем купцу — барыш, а мужику — работу».

Он наградил их и оставил жить в своем царстве.

ГАЛЧОНОК

(Басня)

Пустынник увидел раз в лесу сокола. Сокол принес в гнездо кусок мяса, разорвал мясо на маленькие куски и стал кормить галчонка.

Пустынник удивился, как так сокол кормит галчонка, и подумал: «Галчонок, и тот у бога не пропадет, и научил же бог этого сокола кормить чужого сироту. Видно, бог всех тварей кормит, а мы всё о себе думаем. Перестану я о себе заботиться, не буду себе припасать пищи. Бог всех тварей не оставляет, и меня не оставит».

Так и сделал: сел в лесу и не вставал с места, а только молился богу. Три дня и три ночи он пробыл без питья и еды. На третий день пустынник так ослабел, что уж не мог поднять руки. От слабости он заснул. И приснился ему старец. Старец будто подошел к нему и говорит: «Ты зачем себе пищи не припасешь? Ты думаешь богу угодить, а ты грешишь. Бог так мир устроил, чтоб каждая

тварь добывала себе нужное. Бог велел соколу кормить галчонка, потому что галчонок пропал бы без сокола; а ты можешь сам работать. Ты хочешь испытывать бога, а это грех. Проснись и работай попрежнему».

Пустынник проснулся и стал жить по-прежнему.

КАК Я ВЫУЧИЛСЯ ЕЗДИТЬ ВЕРХОМ

(Рассказ барина)

Когда жили в городе, мы каждый день учились, только по воскресеньям и по праздникам ходили гулять и играли с братьями. Один раз батюшка сказал: «Надо старшим детям учиться ездить верхом. Послать их в манеж». Я был меньше всех братьев и спросил: «А мне можно учиться?» Батюшка сказал: «Ты упадешь». Я стал просить его, чтоб меня тоже учили, и чуть не заплакал. Батюшка сказал: «Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадешь. Кто ни разу не упадет с лошади, не выучится верхом ездить».

Когда пришла среда, нас троих повезли в манеж. Мы вошли на большое крыльцо, а с большого крыльца прошли на маленькое

крылечко. А под крылечком была очень большая комната. В комнате вместо пола был песок. И по этой комнате ездили верхом господа и барыни и такие же мальчики, как мы. Это и был манеж. В манеже было не совсем светло и пахло лошадьми, и слышно было, как хлопают бичами, кричат на лошадей, и лошади стучат копытами о деревянные стены. Я сначала испугался и не мог ничего рассмотреть. Потом наш дядька позвал берейтора и сказал: «Вот этим мальчикам дайте лошадей, они будут учиться ездить верхом». Берейтор сказал: «Хорошо».

Потом он посмотрел на меня и сказал: «Этот мал очень». А дядька сказал: «Он обещает не плакать, когда упадет». Берейтор засмеялся и ушел.

Потом привели трех оседланных лошадей; мы сняли шинели и сошли по лестнице вниз в манеж, берейтор держал лошадь за корду [66], а братья ездили кругом него.

Сначала они ездили шагом, потом рысью. Потом привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвост у нее был обрезан. Ее звали Червончик. Берейтор засмеялся и сказал мне:

«Ну, кавалер, садитесь». Я и радовался, и боялся, и старался так сделать, чтоб никто этого не заметил. Я долго старался попасть ногою в стремя, но никак не мог, потому что я был слишком мал. Тогда берейтор поднял меня на руки и посадил. Он сказал: «Не тяжел барин, — фунта два, больше не будет».

Он сначала держал меня за руку; но я видел, что братьев не держали, и просил, чтобы меня пустили. Он сказал: «А не боитесь?» Я очень боялся, но сказал, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончик всё поджимал уши. Я думал, что он на меня сердится. Берейтор сказал: «Ну, смотрите ж, не падайте!» и пустил меня. Сначала Червончик ходил шагом, и я держался прямо. Но седло было скользкое, и я боялся свернуться. Берейтор меня спросил: «Ну, что, утвердились?» Я ему сказал: «Утвердился». — «Ну, теперь рысцой!» — и берейтор защелкал языком.

Червончик побежал маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я всё молчал и старался не свернуться на бок. Берейтор меня похвалил: «Ай да кавалер, хорошо!» Я был очень этому рад.

В это время к берейтору подошел его товарищ и стал с ним разговаривать, и берейтор перестал смотреть на меня.

Только вдруг я почувствовал, что я свернулся немножко на бок седла. Я хотел поправиться, но никак не мог. Я хотел закричать берейтору, чтоб он остановил, но думал, что будет стыдно, если я это сделаю, и молчал. Берейтор не смотрел на меня. Червончик всё бежал рысью, и я еще больше сбился на бок. Я посмотрел на берейтора и думал, что он поможет мне; а он всё разговаривал с своим товарищем и, не глядя на меня, приговаривал: «Молодец, кавалер!» Я уже совсем был на боку и очень испугался. Я думал, что я пропал. Но кричать мне стыдно было. Червончик потряхнул меня еще раз, я совсем соскользнул и упал на землю. Тогда Червончик остановился, берейтор оглянулся и увидал, что на Червончике меня нет. Он сказал: «Вот-те на! свалился кавалер мой», и подошел ко мне. Когда я ему сказал, что не ушибся, он засмеялся и сказал: «Детское тело мягкое». А мне хотелось плакать. Я попросил, чтобы меня опять посадили, и меня посадили. И я уж больше не па-

дал.

Так мы ездили в манеже два раза в неделю, и я скоро выучился ездить хорошо и ничего не боялся.

ТОПОР И ПИЛА

(Басня)

Пошли два мужика в лес за деревом. У одного был топор, а у другого пила. Вот они выбрали дерево и стали спорить. Один говорит — надо дерево срубить, а другой говорит — надо спилить.

Третий мужик и говорит: «Я сейчас помирю вас: если топор востер, то лучше рубить, а если пила еще вострее, то лучше пилить». Он взял топор и стал рубить дерево. Но топор был так туп, что им нельзя было рубить.

Он взял пилу: пила была плохая и совсем не резала. Тогда он сказал: «Вы подождите спорить, — топор не рубит, а пила не режет. Вы прежде отточите топор да поправьте пилу, а потом уж спорьте». Но те мужики еще пуще рассердились друг на друга за то, что у одного был неточеный топор, а у другого пила тупая, и они стали драться.

СОЛДАТКИНО ЖИТЬЕ

(*Рассказ мужика*)

Мы жили бедно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила в старом чупруне и худенькой панёве, а голову завязывала какой-то ветошкой, и под горлом у ней висел мешочек. Бабушка любила и жалела меня больше матери. Отец мой был в солдатах. Говорили про него, что он много пил и за то его отдали в солдаты. Я как сквозь сон помню, он приходил к нам на побывку. Изба наша была тесная и подпертая в середине рогулиной, и я помню, как я лазил на эту подпорку, оборвался и разбил себе лоб об лавку. И до сих пор метина эта осталась у меня на лбу.

В избе были два маленькие окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой. Двор наш был тесный и раскрытый. В середине стояло старое корыто. На дворе была только одна старая кособокая лошаденка; коровы у нас не было, были две плохонькие овчонки и один ягненок. Я всегда спал с этим ягненком. Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому;

мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка — от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж.

Помню я, мать стала больнее, и потом родился у ней мальчик. Мамушку положили в сени. Бабушка заняла у соседа крупиц и послала дядю Нефёда за попом. А сестра пошла собирать народ на крестины.

Собрался народ, принесли три ковриги хлеба. Родня стала расставлять столы и покрывать скатертями. Потом принесли скамейки и ушат с водой. И все сели по местам. Когда приехал священник, кум с кумой стали впереди, а позади стала тетка Акулина с мальчиком. Стали молиться. Потом вынули мальчика, и священник взял его и опустил в воду. Я испугался и закричал: «Дай мальчика сюда!» Но бабушка рассердилась на меня и сказала: «Молчи, а то побью».

Священник окунул его три раза и отдал тетке Акулине. Тетка завернула его в митраль и отнесла к матери в сени.

Потом все сели за столы, бабушка наложи-

ла каши две чашки, налила постное масло и подала народу. Когда все наелись, вылезли из-за столов, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошел к матери и говорю:

«Ма, как его зовут?»

Мать говорит: «Так же, как тебя». Мальчик был худой; ножки, ручки у него были тоненькие, и он всё кричал. Когда ни проснешься ночью, он всё кричит, а мамушка всё баюкает, припеваает. Сама кряхтит, а всё поет.

Один раз ночью я проснулся и слышу — мать плачет. Бабушка встала и говорит: «Что ты, Христос с тобой!» Мать говорит: «Мальчик помер». Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надела чистую рубашечку, подпоясала и положила под святые. Когда рассвело, бабушка вышла из избы и привела дядю Нефёда. Дядя принес две старенькие тесинки и стал делать гробик. Сделал маленькое домище и положил мальчика туда. Потом мать села к гробику и тонким голосом стала причитать и завыла. Потом дядя Нефёд взял гробик под мышку и понес хоронить.

Только у нас и было радости, как мы няньку отдавали замуж. Приехали к нам раз му-

жики и принесли с собой ковригу хлеба и вина. И стали подносить свое вино матери. Мать выпила. Дядя Иван отрезал ломоть хлеба и подал ей. Я стоял подле стола, и мне захотелось хлебушка. Я нагнул мать и сказал ей на ухо. Мать засмеялась, а дядя Иван говорит: «Что он, хлебца?» — и отрезал мне большой ломоть. Я взял хлеб и ушел в чулан. А нянька сидела в чулане. Она стала меня спрашивать: «Что там мужики говорят?» Я сказал: «Вино пьют». Она засмеялась и говорит: «Это они меня сватают за Кондрашку».

Потом собрались играть свадьбу. Все встали рано. Бабушка топила печку, мать месила пироги, а тетка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась в новые коты, надела сарафан красный и платок хороший и ничего не делала. Потом, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло к нам много народу, — полная изба.

Потом подъехали к нашему двору три пары с колоколами. И на задней паре сидел жених Кондрашка в новом кафтане и в высокой шапке. Жених слез с телеги и пошел в избу. Надели на няньку новую шубу и вывели ее к

жениху. Посадили жениха с невестой за стол, и бабы стали их величать. Потом вылезли из-за стола, помолились богу и вышли на двор. Кондрашка посадил няньку в телегу, а сам сел в другую. Все посажались в телеги, перекрестились и поехали. Я вернулся в избу и сел к окну ждать, когда свадьба вернется. Мать дала мне кусочек хлебца; я поел, да тут и заснул. Потом меня разбудила мать, говорит: «Едут!» — дала мне скалку и велела сесть за стол. Кондрашка с нянькой вошли в избу и за ними много народа, больше прежнего. И на улице был народ, и все смотрели к нам в окна. Дядя Герасим был дружкой; он подошел ко мне и говорит: «Вылезай». Я испугался и хотел лезть, а бабушка говорит: «Ты покажи скалку и скажи: а это что?» Я так и сделал. Дядя Герасим положил денег в стакан и налил вина и подал мне. Я взял стакан и подал бабушке. Тогда мы вылезли, а они сели.

Потом стали подносить вино, студень, говядину; стали петь песни и плясать. Дяде Герасиму поднесли вина; он выпил немного и говорит: «Что-то вино горько». Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его цело-

вать. Долго играли песни и плясали, а потом все ушли, и Кондрашка повел няньку к себе домой.

После этого мы стали еще беднее жить. Продали лошадь и последних овец, и хлеба у нас часто не было. Мать ходила занимать у родных. Вскоре и бабушка померла. Помню я, как матушка по ней выла и причитала: «Уже родимая моя матушка! На кого ты меня оставила, горькую, горемычную? На кого покинула свое дитяtko несчастное? Где я ума-разума возьму? Как мне век прожить?» И так она долго плакала и причитала.

Один раз пошел я с ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идет солдат с сумочкой за плечами. Он подошел к ребятам и говорит: «Вы из какой деревни, ребята?» Мы говорим: «Из Никольского». — «А что, живет у вас солдатка Матрена?» А я говорю: «Жива, она мне матушка». Солдат поглядел на меня и говорит: «А отца своего видал?» Я говорю: «Он в солдатах, не видал». Солдат и говорит: «Ну, пойдем, проводи меня к Матрене, я ей письмо от отца привез». Я говорю: «Какое письмо?» А он говорит: «Вот пойдем, уви-

дишь». — «Ну, что ж, пойдём».

Солдат пошел со мной, да так скоро, что я бегом за ним не поспевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат помолился богу и говорит: «Здравствуйте!» Потом разделся, сел на конник и стал оглядывать избу и говорит: «Что ж, у вас семьи только-то?» Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит: «Где ж матушка?» — а сам заплакал. Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. А он перестал плакать и стал смеяться.

Потом пришел народ, и отец со всеми здоровался и рассказывал, что он теперь совсем по билету вышел.

Как пригнали скотину, пришла и нянька и поцеловалась с отцом. А отец и говорит: «Эта чья же молодая бабочка?» А мать засмеялась и говорит: «Свою дочь не узнал». Отец позвал ее еще к себе и поцеловал и спрашивал, как она живет. Потом мать ушла варить яичницу, а няньку послала за вином. Нянька принесла штофчик, заткнутый бумажкой, и поставила на стол. Отец и говорит: «Это что?» А мать го-

ворит: «Тебе вина». А он говорит: «Нет уж, пятый год не пью; а вот яичницу подавай!» Он помолился богу, сел за стол и стал есть. Потом он говорит: «Кабы я не бросил пить, я бы и унтер-офицером не был, и домой бы ничего не принес, а теперь слава богу». Он достал в сумке кошель с деньгами и отдал матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потом, когда все разошлись, отец лег спать на задней лавке и меня положил с собой, а мать легла у нас в ногах. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потом я уснул.

Поутру мать говорит: «Ох, дров-то нет у меня!» А отец говорит: «Топор есть?» — «Есть, да щербатый, плохой». Отец обулся, взял топор и вышел на двор. Я побежал за ним.

Отец сдернул с крыши жердь, положил на колоду, взмахнул топором, живо перерубил и принес в избу и говорит: «Ну, вот тебе и дрова, топи печь; а я нынче пойду — приищу купить избу да лесу на двор. Корову также купить надо».

Мать говорит: «Ох, денег много на всё надо».

А отец говорит: «А работать будем. Вон мужик-то растет!» Отец показал на меня.

Вот отец помолился богу, поел хлеба, оделся и говорит матери: «А есть яички свежие, так испеки в золе к обеду». И пошел со двора.

Отец долго не ворочался. Я стал проситься у матери за отцом. Она не пускала. Я хотел уйти, а мать непустила меня и побила. Я сел на печку и стал плакать. Тут отец вошел в избу и говорит: «О чем плачешь?» Я говорю: «Я хотел за тобой бечь, а мать меня непустила, да еще побила», и еще пуще заплакал. Отец засмеялся, подошел к матери и стал ее бить нарочно, а сам приговаривал: «Не бей Федьку, не бей Федьку!» Мать нарочно будто заплакала, отец засмеялся и говорит: «Вот вы с Федькой какие на слезы слабые, сейчас и плакать». Потом отец сел за стол, посадил меня с собой рядом и закричал: «Ну, теперь давай нам, мать, с Федюшкой обедать: мы есть хотим».

Мать дала нам каши и яиц, и мы стали есть. А мать говорит: «Ну, что же, — иструб?» А отец говорит: «Купил: восемьдесят целковых, липовый, белый, как стекло. Вот дай

срок, мужикам купим винца, они мне и свежут воскресным делом».

С тех пор мы стали хорошо жить.

КОТ И МЫШИ

(Басня)

Завелось в одном доме много мышей. Кот забрался в этот дом и стал ловить мышей. Увидали мыши, что дело плохо, и говорят: «Давайте, мыши, не будем больше сходить с потолка, а сюда к нам коту не добраться!» Как перестали мыши сходить вниз, кот и задумал, как бы их перехитрить. Уцепился он одной лапой за потолок, свесился и притворился мертвым. Одна мышь выглянула на него, да и говорит: «Нет, брат! хоть мешком сделайся, и то не подойду».

ЛЕД, ВОДА И ПАР

(Рассуждение)

Лед бывает крепкий, как камень. Если во льду вмерзнет палка, то палку эту не выломашь изо льда, пока не оттаешь. Когда лед холоден, то по нем воза ездят и не проваливаются, и брось на него 10 пудов железа, лед не

провалится.

Чем холоднее лед, тем он крепче. Как согреется лед, так он слабнет, сделается, как каша; что в нем вмерзло, рукой можно вынуть; он проваливается под ногами и не удержит и фунта железа. Когда лед еще больше согреется, то он станет водой. Из воды всякую вещь легко вынуть, и вода уже ничего не держит, кроме дерева. Если еще станешь согревать воду, она еще меньше станет держать. В холодной воде легче плавать, чем в теплой. А в горячей воде и дерево тонет.

Если еще согреть воду, она и вовсе разойдется паром; и пар уже ничего не держит и сам идет во все стороны.

Если кипятить воду под крышкой, то вода испарится и сядет каплями под крышкой, стечет вниз и опять станет вода. Собрать эту воду и выставить на мороз — опять станет лед.

Согрей воду — будет пар; застуди воду — будет лед. Всё та же вода бывает летучая, когда согреется, и крепкая, когда остынет.

Во льду нет тепла, в воде есть немного, а в паре — очень много.

Если ко льду приставить льдину, то льди-

на не согреется и не похолодеет.

А если польешь воды на лед, то лед потеплеет, а вода похолодеет. Лед растает, если воды много, и вода замерзнет, если льду много.

А если на лед пустить пар, то лед потеплеет, а пар похолодеет: лед растает, станет водой, а пар охолодеет и тоже станет водой.

Если вода холодная и воздух холодный, то ни вода не согреется, ни воздух не похолодеет. Но если воздух теплый, а вода холодная, что будет? — Из воздуха тепло будет переходить в воду, вода станет всё теплее, а воздух всё холоднее, до тех пор, пока они сравняются.

Если воздух теплее воды, то вода согреется, а воздух остынет; а если вода теплее, то воздух согреется, а вода остынет.

Если на воздухе из жидкой воды делается мерзлая вода, то, значит, вода теплее воздуха, — она будет холодеть, а воздух теплеть.

Если на воздухе летучая вода делается жидкой водой, — значит, воздух холоднее летучей воды, и вода будет стыть, а воздух греться.

Если из крепкой воды делается на воздухе

жидкая вода, — значит воздух теплее, он будет стыть, крепнуть, а лед греться.

Если на воздухе из воды делается пар, высыхает вода, — значит, воздух теплее, он будет стыть, а вода греться.

Льдом нельзя греть, а водой и паром можно греть. Водой можно вот как греть: провести в холодный дом воду. Когда вода замерзнет, так лед выносить вон; опять замерзнет, — опять выносить вон. И в доме всё будет теплее, и так станет тепло, что вода не станет уж мерзнуть. Отчего это так будет? — Оттого, что как вода замерзнет, так она выпустит из себя лишнее тепло в воздух, и до тех пор будет выпускать, пока воздух согреется, и вода перестанет мерзнуть.

Паром греют вот как: напустят пару в холодный дом. Пар станет охлаживаться, каплями потечет книзу и станет водой. Воду эту выносят, и в доме становится тепло.

Отчего это так будет? — Оттого, что как только пар станет водой, он выпустит из себя лишнее тепло в воздух.

Когда из воды делается лед, а из пара делается вода, то в воздух выходит тепло из воды

и из пара — и воздух становится теплее. А когда из льда делается вода, а из воды делается пар, то тепло из воздуха выходит в воду и в пар — и воздух становится холоднее.

Если хочешь остудить теплую горницу, принеси льду и дай ему растаять. Отчего станет холоднее? — Оттого, что лед, чтоб ему сделаться водой, заберет в себя тепло из воздуха.

Если хочешь остудить, налей воды и дай ей высохнуть. Отчего так будет? — Оттого, что из воды сделается пар. А чтобы из воды сделаться паром, она заберет много тепла из воздуха.

От этого бывает холоднее, когда идет дождь, и теплее, когда собирается дождь. Когда идет дождь, то вода сохнет, испаряется и забирает в себя тепло. А когда собирается дождь, то в воздухе ходят пары и охлаждаются в тучи: от них-то и тепло.

Так и говорят, что парит.

ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА

(Басня)

Мужики косили луга, а в лугу, под кочкой, было перепелиное гнездо.

Перепелка с кормом прилетела к гнезду и увидела, что кругом всё обкошено. Она и говорит перепелятам: «Ну, дети, беда пришла! Теперь молчите и не шевелитесь, а то пропадете; вечером переведу вас». А перепелята радовались, что в лугу светлее стало, и говорили: «Мать — старая, оттого и не хочет, чтобы мы веселились», — и стали пицать и свистать.

Ребята принесли мужикам на покос обедать; услышали перепелят и порвали им головы.

БУЛЬКА

(*Рассказ офицера*)

У меня была мордашка. Ее звали Булькой. Она была вся черная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, черные и блестящие; и зубы и клыки белые все-

гда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нем держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушел от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную, как вдруг увидел, что по дороге катится что-то черное и блестящее. Это был Булька в своем медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он

торопился, не поспевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так верст 20-ть в самый жар.

БУЛЬКА И КАБАН

(Рассказ)

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабанями, и Булька прибежал со мной. Только что гончие погнажи, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце: кабаны и свињи тогда бывают очень жирные.

На Кавказе, в лесах, где живут кабаны, бывает много вкусных плодов: дикого винограда, шишек, яблок, груш, ежевики, жолудей, терновнику. И когда все эти плоды поспеют и тронутся морозом, — кабаны отъедаются и жиреют.

В то время кабан так бывает жирен, что не долго может бегать под собаками. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и

останавливается. Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. По лаю собак можно знать, стал ли кабан, или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют; а если он стоит, то они лают, как на человека, и подвывают.

В эту охоту я долго бегал по лесу, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Наконец, я услышал протяжный лай и вой гончих собак и побежал к тому месту. Уж я был близко от кабана. Мне уже слышен был треск по чаще. Это ворочался кабан с собаками. Но слышно было по лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдруг я услышал — зашуршало что-то сзади и увидел Бульку. Он, видно, потерял гончих в лесу и спутался, а теперь слышал их лай и так же, как я, что было духу, катился в ту сторону. Он бежал через полянку, по высокой траве, и мне от него видна только была его черная голова и закушенный язык в белых зубах. Я окликнул его, но он не оглянулся, обогнал меня и скрылся в чаще. Я побежал за ним, но чем дальше я шел, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по ли-

цу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уже был близок к лаю, но ничего не мог видеть.

Вдруг я услышал, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабан стал отдуваться и захрипел. Я так и думал, что теперь Булька добрался до него и возится с ним. Я из последних сил побежал чрез чащу к тому месту. В самой глухой чаще я увидел пеструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трех шагах от нее возилось и чернело что-то.

Когда я подвинулся ближе, я рассмотрел кабана и услышал, что Булька пронзительно визжал. Кабан хрюкал и посунулся на гончую, — гончая поджала хвост и отскочила. Мне стал виден бок кабана и его голова. Я прицелился в бок и выстрелил. Я видел, что попал. Кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще. Собаки визжали, лаяли следом за ним, я по чаще ломился за ними. Вдруг, почти у себя под ногами, я увидел и услышал что-то. Это был Булька. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови. Я подумал: пропала собака; но мне теперь не до него

было, я ломился дальше. Скоро я увидел кабана. Собаки хватали его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабан увидел меня, он сунулся ко мне. Я выстрелил другой раз, почти в упор, так что щетина загорелась на кабане, и кабан захрипел, зашатался и всей тушей тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошел, кабан уже был мертвый и только то там, то тут его пучило и подергивало. Но собаки, оцетинившись, одни рвали его за брюхо и за ноги, а другие лакали кровь из раны.

Тут я вспомнил про Бульку и пошел его искать. Он полз мне навстречу и стонал. Я подошел к нему, присел и посмотрел его рану. У него был распорот живот и целый комок кишок из живота волочился по сухим листьям. Когда товарищи подошли ко мне, мы вправили Бульке кишки и зашили ему живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он всё лизал мне руки.

Кабана привязали к хвосту лошади, чтоб вывезти из лесу, а Бульку положили на лошадь и так привезли его домой. Булька проболел недель шесть и выздоровел.

ФАЗАНЫ

(Описание)

На Кавказе диких кур зовут фазанами. Их так много, что они там дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся *с кобылкой, с подсаду и из-под собаки.*

С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку, в середине рамки сделают перекладину, а в парусине сделают прорешку. Эта рамка с парусиной называется кобылкой. С этой кобылкой и с ружьем на заре выходят в лес. Кобылку несут перед собой и высматривают в прорешку фазанов. Фазаны по зарям кормятся на полянках; иногда целый выводок — наседка с цыплятами, иногда петух с курицей, иногда несколько петухов вместе.

Фазаны не видят человека, а не боятся парусины и подпускают к себе близко. Тогда охотник ставит кобылку, высовывает ружье в прореху и стреляет по выбору.

С подсаду охотятся вот как: пустят дворную собачонку в лес и ходят за ней. Когда собака найдет фазана, она бросится за ним. Фазан

взлетит на дерево, и тогда собачонка начинает на него лаять. Охотник подходит на лай и стреляет фазана на дереве. Охота эта была бы легка, если бы фазан садился на дерево на чистом месте и сидел бы прямо на дереве — так, чтобы его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густые деревья, в чаще, и как завидят охотника, так прячутся в сучках. И бывает трудно пролезть в чаще к дереву, где сидит фазан, и трудно рассмотреть его. Когда собака одна лает на фазана, он не боится ее, сидит на сучке и еще петушится на нее и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека, то сейчас же вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его, а непривычный будет стоять подле и ничего не увидит.

Когда казаки подкрадываются к фазанам, то они надвигают шапку на свое лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьем, а больше всего боится его глаз.

Из-под собаки охотятся вот как: берут лягушечью собаку и ходят за ней по лесу. Собака чутьем услышит, где на заре ходили и кормились фазаны, и станет разбирать их следы. И,

сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдет последний след, выход с того места, где кормились. Чем дальше будет идти собака по следу, тем сильнее ей будет пахнуть, и так она дойдет до того места, где днем сидит в траве или ходит фазан. Когда она подойдет близко, тогда ей будет казаться, что фазан уж тут, прямо перед ней, и она всё будет идти осторожнее, чтобы не спугнуть его, и будет останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдет совсем близко, тогда фазан вылетает, и охотник стреляет.

МИЛЬТОН И БУЛЬКА

(Рассказ)

Я завел себе для фазанов лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтон: она была высокая, худая, крапчатая по серому, с длинными брылами и ушами и очень сильная и умная. С Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Он, бывало, только покажет свои зубы, и собаки поджимают хвосты и отходят прочь. Один раз я пошел с Мильтоном за фазанами. Вдруг Булька

прибежал за мной в лес. Я хотел прогнать его, но никак не мог. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думал, что он не будет мешать мне, и пошел дальше; но только что Мильтон почуял в траве фазана и стал искать, Булька бросился вперед и стал соваться во все стороны. Он старался прежде Мильтона поднять фазана. Он что-то такое слышал в траве, прыгал, вертелся: но чутье у него плохое, и он не мог найти следа один, а смотрел на Мильтона и бежал туда, куда шел Мильтон. Только что Мильтон тронется по следу, Булька забежит вперед. Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог сделать с ним. Как только Мильтон начинал искать, он бросался вперед и мешал ему. Я хотел уже идти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперед, Мильтон бросит след, повернет в другую сторону и притворится, что он ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнет хвостом и пойдет опять по настоящему следу. Булька опять прибегает к Миль-

тону, забегает вперед, и опять Мильтон нарочно сделает шагов десять в сторону, обманет Бульку и опять поведет меня прямо. Так что всю охоту он обманывал Бульку и не дал ему испортить дело.

ЧЕРЕПАХА

(Рассказ)

Один раз я пошел с Мильтоном на охоту. Подле леса он начал искать, вытянул хвост, поднял уши и стал принюхиваться. Я приготовил ружье и пошел за ним. Я думал, что он ищет куропатку, фазана или зайца. Но Мильтон не пошел в лес, а в поле. Я шел за ним и глядел вперед. Вдруг я увидел то, что он искал. Впереди его бежала небольшая черепаха, величиною с шапку. Голая темносерая голова на длинной шее была вытянута, как пестик; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ее вся была покрыта корой.

Когда она увидела собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, так что видна была только одна скорлупа. Мильтон схватил ее и стал грызть, но не мог прокусить ее, потому что у черепахи на брюхе такая же

скорлупа, как и на спине. Только спереди, сзади и с боков есть отверстия, куда она пропускает голову, ноги и хвост.

Я отнял черепаху у Мильтона и рассмотрел, как у нее разрисована спина, и какая скорлупа, и как она туда прячется. Когда держишь ее в руках и смотришь под скорлупу, то только внутри, как в подвале, видно что-то черное и живое. Я бросил черепаху на траву и пошел дальше, но Мильтон не хотел ее оставить, а нес в зубах за мною. Вдруг Мильтон взвизгнул и пустил ее. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему рот. Он так рассердился на нее за это, что стал лаять, и опять схватил ее и понес за мною. Я опять велел бросить, но Мильтон не слушался меня. Тогда я отнял у него черепаху и бросил. Но он не оставил ее. Он стал торопиться лапами подле нее рыть яму. И когда вырыл яму, то лапами завалил в яму черепаху и закопал землю.

Черепахи живут и на земле, и в воде, как ужи и лягушки. Детей они выводят яйцами, и яйца кладут на земле, и не высиживают их, а яйца сами, как рыба икра, лопаются — и вы-

водятся черепахи. Черепахи бывают маленькие, не больше блюдечка, и большие, в три аршина длины и весом в 20 пудов. Большие черепахи живут в морях.

Одна черепаха в весну кладет сотни яиц. Скорлупа черепахи — это ее ребра. Только у людей и других животных ребра бывают каждое отдельно, а у черепахи ребра срослись в скорлупу. Главное же то, что у всех животных ребра бывают внутри, под мясом, а у черепахи ребра сверху, а мясо под ними.

БУЛЬКА И ВОЛК

(Рассказ)

Когда я уезжал с Кавказа, тогда еще там была война, и ночью опасно было ездить без конвоя.

Я хотел выехать как можно раньше утром и для этого не ложился спать.

Мой приятель пришел провожать меня, и мы сидели весь вечер и ночь на улице станицы перед моей хатой.

Была месячная ночь с туманом, и было так светло, что читать можно, хотя месяца и не видно было.

В середине ночи мы вдруг услышали, что через улицу на дворе пищит поросенок. Один из нас закричал: «Это волк душит поросенка».

Я побежал к себе в хату, схватил заряженное ружье и выбежал на улицу. Все стояли у ворот того двора, где пищал поросенок, и кричали мне: «Сюда!» Мильтон бросился за мной, — верно, думал, что я на охоту иду с ружьем, — а Булька поднял свои короткие уши и метался из стороны в сторону, как будто спрашивал, в кого ему велят вцепиться. Когда я подбежал к плетню, я увидел, что с той стороны двора, прямо ко мне, бежит зверь. Это был волк. Он подбежал к плетню и вскочил на него. Я отсторонился от него и приготовил ружье. Как только волк соскочил с плетня на мою сторону, я приложился почти в упор и спустил курок; но ружье сделало «чик» и не выстрелило. Волк не остановился и побежал через улицу. Мильтон и Булька пустились за ним. Мильтон был близко от волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, как ни торопился на своих коротких ногах, не мог поспеть. Мы бежали, что было силы, за волком, но и волк и собаки скрылись у нас из виду.

Только у канавы, на углу станицы, мы услышали подлаиванье, визг и видели сквозь месячный туман, что поднялась пыль и что собаки возились с волком. Когда мы прибежали к канаве, волка уже не было, и обе собаки вернулись к нам с поднятыми хвостами и рассерженными лицами. Булька рычал и толкал меня головой, — он, видно, хотел что-то рассказать, но не умел.

Мы осмотрели собак и нашли, что у Бульки на голове была маленькая рана. Он, видно, догнал волка перед канавой, но не успел захватить, и волк огрызнулся и убежал. Рана была небольшая, так что ничего опасного не было.

Мы вернулись назад к хате, сидели и разговаривали о том, что случилось. Я досадовал на то, что ружье мое осеклось, и всё думал о том, как бы тут же на месте остался волк, если б оно выстрелило. Приятель мой удивлялся, как волк мог залезть на двор. Старый казак говорил, что тут нет ничего удивительного, что это был не волк, что это была ведьма и что она заколдовала мое ружье. Так мы сидели и разговаривали. Вдруг собаки бросились,

и мы увидали на середине улицы, перед нами, опять того же волка; но в этот раз он, от нашего крика, так скоро побежал, что собаки уже не догнали его.

Старый казак после этого уже совсем уверился, что это был не волк, а ведьма; а я подумал, что не бешеный ли это был волк, потому что я никогда не видывал и не слыхивал, чтобы волк, после того как его прогнали, вернулся опять на народ.

На всякий случай я посыпал Бульке на рану порошу и зажег его. Порох вспыхнул и выжег больное место.

Я выжег порохом рану затем, чтобы выжечь бешеную слюну, если она еще не успела войти в кровь. Если же попала слюна и вошла уже в кровь, то я знал, что по крови она разойдется по всему телу, и тогда уже нельзя вылечить.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БУЛЬКОЙ В ПЯТИГОРСКЕ

(Рассказ)

Из станицы я поехал не прямо в Россию, а сначала в Пятигорск, и там пробыл два месяца.

ца. Мильтона я подарил казаку-охотнику, а Бульку взял с собой в Пятигорск.

Пятигорск так называется оттого, что он стоит на горе Бештау. А Беш по-татарски значит пять, тау — гора. Из этой горы течет горячая серная вода. Вода эта горяча, как кипяток, и над местом, где идет вода из горы, всегда стоит пар, как над самоваром. Всё место, где стоит город, очень веселое. Из гор текут горячие родники, под горой течет речка Подкумок. По горе — леса, кругом — поля, а вдалеке всегда видны большие Кавказские горы. На этих горах снег никогда не тает, и они всегда белые, как сахар. Одна большая гора Эльбрус, как сахарная белая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячие ключи приезжают лечиться; и над ключами сделаны беседки, навесы, кругом разбиты сады и дорожки. По утрам играет музыка, и народ пьет воду или купается и гуляет.

Самый город стоит на горе, а под горой есть слобода. Я жил в этой слободе в маленьком домике. Домик стоял на дворе, и перед окнами был садик, а в саду стояли хозяйские пчелы — не в колодах, как в России, а в круг-

лых плетушках. Пчелытам так смирны, что я всегда по утрам с Булькой сиживал в этом садике промежду ульев.

Булька ходил промежду ульев, удивлялся на пчел, нюхал, слушал, как они гудят, но так осторожно ходил около них, что не мешал им, и они его не трогали.

Один раз утром я вернулся домой с вод и сел пить кофей в палисаднике. Булька стал чесать себе за ушами и греметь ошейником. Шум тревожил пчел, и я снял с Бульки ошейник. Немного погодя я услышал из города с горы странный и страшный шум. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шум этот спускался с горы и подходил всё ближе и ближе к нашей слободе. Булька перестал чесаться, уложил свою широкую голову с белыми зубами промеж передних белых лапок, уложил и язык, как ему надо было, и смирно лежал подле меня. Когда он услышал шум, он как будто понял, что это такое, насторожил уши, оскалил зубы, вскочил и начал рычать. Шум приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышел к воротам посмотреть, и хозяйка моего дома подо-

шла тоже. Я спросил: «Что это такое?» Она сказала: «Это колодники из острога ходят — собак бьют. Развелось много собак, и городское начальство велело бить всех собак по городу».

— Как, и Бульку убьют, если попадетсЯ?

— Нет, в ошейниках не велят бить.

В то самое время, как я говорил, колодники подошли уже к нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника в цепях. У двух колодников в руках были длинные железные крючья и у двух дубины. Перед нашими воротами один колодник крючком зацепил дворную собачонку, притянул ее на середину улицы, а другой колодник стал бить ее дубиной. Собачонка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смеялись. Колодник с крючком перевернул собачонку и когда увидал, что она издохла, он вынул крючок и стал оглядываться, нет ли еще собаки.

В это время Булька стремглав, как он кидался на медведя, бросился на этого колодника. Я вспомнил, что он без ошейника, и закричал: «Булька, назад!» — и кричал колодникам,

чтобы они не били Булька. Но колодник увидел Булька, захохотал и крючком ловко ударил в Булька и зацепил его за ляжку. Булька бросился прочь; но колодник тянул к себе и кричал другому: «Бей!» Другой замахнулся дубиной, и Булька был бы убит, но он рванулся, кожа прорвалась на ляжке, и он, поджав хвост, с красной раной на ноге, стремглав влетел в калитку, в дом и забился под мою постель.

Он спасся тем, что кожа его прорвалась насквозь в том месте, где был крючок.

КОНЕЦ БУЛЬКИ И МИЛЬТОНА

(Рассказ)

Булька и Мильтон кончились в одно и то же время. Старый казак не умел обращаться с Мильтоном. Вместо того чтобы брать его с собою только на птицу, он стал водить его за кабанями. И в ту же осень секач[67] кабан спорол его. Никто не умел его зашить, и Мильтон издох.

Булька тоже недолго жил после того, как он спасся от колодников. Скоро после своего спасения от колодников он стал скучать и

стал лизать всё, что ему попадалось. Он лизал мне руки, но не так, как прежде, когда ласкался. Он лизал долго и сильно налегал языком, а потом начинал прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но он не хотел. Я не стал давать ему руку. Тогда он стал лизать мой сапог, ножку стола и потом кусать сапог или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третий день он пропал, и никто не видал и не слышал про него.

Украсть его нельзя было, и уйти от меня он не мог, а случилось это с ним 6 недель после того, как его укусил волк. Стало быть, волк, точно, был бешеный. Булька взбесился и ушел. С ним сделалось то, что называют по-охотничьи — стечка. Говорят, что бешенство в том состоит, что у бешеного животного в горле делаются судороги. Бешеные животные хотят пить и не могут, потому что от воды судороги делаются сильнее. Тогда они от боли и от жажды выходят из себя и начинают кусать. Верно, у Бульки начинались эти судороги, когда он начинал лизать, а потом кусать мою руку и ножку стола.

Я ездил везде по округе и спрашивал про

Бульку, но не мог узнать, куда он делся и как он издох. Если бы он бегал и кусал, как делают бешеные собаки, то я бы услышал про него. А, верно, он забежал куда-нибудь в глушь и один умер там. Охотники говорят, что когда сумной собакой делается стечка, то она убегает в поля или леса и там ищет травы, какой ей нужно, вываливается по росам и сама лечится. Видно, Булька не мог вылечиться. Он не вернулся и пропал.

ПТИЦЫ И СЕТИ

(Басня)

Охотник поставил у озера сети и накрыл много птиц. Птицы были большие, подняли сеть и улетели с ней. Охотник побежал за птицами. Мужик увидел, что охотник бежит, и говорит: «И куда бежишь? Разве пешком можно догнать птицу?» Охотник сказал: «Как бы одна была птица, я бы не догнал, а теперь догоню».

Так и сделалось. Как пришел вечер, птицы потянули на ночлег, каждая в свою сторону: одна к лесу, другая к болоту, третья в поле; и все с сетью упали на землю, и охотник взял

их.

ЧУТЬЕ

(*Рассуждение*)

Человек видит глазами, слышит ушами, нюхает носом, отвеживает языком и щупает пальцами. У одного человека лучше видят глаза, а у другого хуже. Один слышит издали, а другой глух. У одного чутье сильнее, и он слышит, чем пахнет издали, а другой нюхает гнилое яйцо, а не чувствует. Один ощупью узнает всякую вещь, а другой ничего на ощупь не узнает, не разберет дерева от бумаги. Один чуть возьмет в рот, слышит, что сладко, а другой проглотит и не разберет, горько или сладко.

Так и у зверей разных разные чувства сильнее. Но у всех зверей чутье сильнее, чем у человека.

Человек, когда захочет узнать вещь, посмотрит ее, послушает, как она шумит, иногда понюхает и отвеживает; но человеку для того, чтобы узнать вещь, нужнее всего ее пощупать.

А для зверей почти для всех нужнее всего

понюхать вещь. Лошадь, волк, собака, корова, медведь до тех пор не знают вещи, пока ее не понюхают.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркает — прочищает себе нос, чтобы лучше чують, и до тех пор не перестанет бояться, пока не обнюхает.

Собака часто бежит за хозяином по следу, а увидит хозяина — испугается, не узнаёт и начнет лаять до тех пор, пока не обнюхает его и не узнаёт, что то, что ей на глаз страшно, есть самый ее хозяин.

Быки видят, как бьют быков, слышат, как ревут быки на бойне, и всё не понимают, что такое делается. Но стоит корове или быку найти на место, где бычачья кровь, да понюхать, и он поймет, начнет реветь, бить ногами, и его не отгонишь от того места.

У одного старика заболела жена; он пошел сам доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велела мужу надеть свою шубейку и платок на голову, — корова дала молоко; но старик распахнулся, корова понюхала и опять оставила молоко.

Гончие собаки, когда гоняют зверя по следу, то никогда не бегут по самому следу, а стороной, шагов на 20. Когда незнающий охотник хочет навестить собаку на след зверя и ткнет собаку носом в самый след, то собака всегда отскочит в сторону. Для нее след так сильно пахнет, что она ничего не разберет на самом следе и не знает, вперед или назад побежал зверь. Она отбежит в сторону и тогда только чует, в какую сторону сильнее пахнет, и бежит за зверем. Она делает то же, что мы делаем, если нам говорят громко над самым ухом: мы отойдем и тогда издали только разберем, что говорят; или когда слишком близко от нас то, что мы рассматриваем, — мы отстранимся и тогда рассмотрим.

Собаки узнают друг друга и дают другу другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутье у насекомых. Пчела прямо летит на тот цветок, какой ей нужен. Червяк ползет к своему листу. Клоп, блоха, комар чуют человека на сотни тысяч клопиных шагов.

Если малы частицы те, которые отделяются от вещества и попадают в наш нос, то как

же малы должны быть частицы те, которые попадают в чутье насекомых!

СОБАКИ И ПОВАР

(Басня)

Повар готовил обед; собаки лежали у дверей кухни. Повар убил теленка и бросил кишки на двор. Собаки подхватили, поели и говорят: «Повар хороший: хорошо стряпает».

Немного погодя, повар стал чистить горох, репу и лук и выбросил обрезки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорят: «Испортился наш повар — прежде хорошо готовил, а теперь никуда не годится».

Но повар не слушал собак, а стряпал обед по-своему. Обед съели и похвалили хозяева, а не собаки.

ОСНОВАНИЕ РИМА

(История)

Был один царь, и у него было два сына: Нумитор и Амулий. Когда он умирал, он сказал сыновьям: «Как вы хотите разделиться между собою? Кто возьмет себе царство, а кто все мои богатства?» Нумитор взял царство, а Аму-

лий взял богатства. Когда Амулий взял богатства, ему стало завидно, что брат его царем, и он стал дарить солдат и уговаривать, чтобы они прогнали Нумитора, а его бы поставили царем. Солдаты так и сделали, и Амулий стал царем. У Нумитора была дочь. У дочери этой родилась двойня — два мальчика. Оба были велики и красивы.

Амулий боялся, чтобы народ не полюбил этих близнецов, когда они вырастут, и не выбрал бы их царями. Он позвал своего слугу, Фаустина, и сказал ему: «Возьми этих двух мальчиков и брось их в реку».

Река называлась Тибр.

Фаустин положил детей в зыбку, отнес на берег и положил там. Фаустин думал, что они помрут сами. Но Тибр разлился до берега, поднял колыбелку, понес ее и поставил у высокого дерева. Ночью пришла волчица и стала своим молоком кормить близнецов.

Мальчики выросли большие и стали красивые и сильные. Они жили в лесу недалеко от того города, где жил Амулий, научились бить зверей и тем кормились. Народ узнал их и полюбил за их красоту. Большого прозвали

Ромулом, а меньшого — Ремом.

Один раз пастухи Нумитора и Амулия стегли скотину недалеко от леса и поссорились; Амулиевы пастухи угнали стада Нумитора. Близнецы увидели это и побежали за пастухами, догнали их и отняли скотину.

Пастухи Нумитора были сердиты за это на близнецов, выбрали время, когда Ромула не было, схватили Рема и привели в город к Нумитору и говорят: «Проявились в лесу два брата, отбивают скотину и разбойничают. Вот мы одного поймали и привели». Нумитор велел отвести Рема к царю Амулию. Амулий сказал: «Они обидели братниных пастухов, пускай брат их и судит». Рема опять привели к Нумитору. Нумитор позвал его к себе и спросил: «Откуда ты и кто ты такой?»

Рем сказал: «Нас два брата; когда мы были маленькие, нас принесло в колыбелке к дереву на берегу Тибра, и там нас кормили дикие звери и птицы. И там мы выросли. А чтобы узнать, кто мы такие, — у нас осталась наша зыбка. На ней медные полоски и на полосках что-то написано».

Нумитор удивился и подумал: не его ли это

внуки? Он оставил у себя Рема и послал за Фаустином, чтобы спросить его.

Между тем Ромул искал брата и нигде не мог найти его. Когда ему сказали пастухи, что брата повели в город, — он взял с собою зыбку и пошел за ним. Фаустин сейчас узнал зыбку и сказал народу, что это внуки Нумитора, что Амулий хотел утопить их. Тогда народ озлобился на Амулия и убил его, а Ромула и Рема выбрал царями. Но Ромул и Рем не захотели жить в этом городе и оставили тут царствовать своего деда Нумитора. А сами пошли назад к тому месту под деревом, где их выкормила волчица подле реки Тибра, и построили там новый город — Рим.

БОГ ПРАВДУ ВИДИТ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТ

(Б^{ыль})

В городе Владимире жил молодой купец Аксенов. У него были две лавки и дом.

Из себя Аксенов был русский, кудрявый, красивый и первый весельчак и песенник. Молоду Аксенов много пил, и когда напивался — буюнил, но с тех пор, как женился, он бросил

пить, и только изредка это случилось с ним.

Раз летом Аксенов поехал в Нижний на ярмарку. Когда он стал прощаться с семьей, жена сказала ему:

— Иван Дмитриевич, не ездят ты нынче, а про тебя дурно во сне видела.

Аксенов посмеялся и сказал:

— Ты всё боишься, как бы не загулял я на ярмарке?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а так дурно видела, — видела, будто ты приходишь из города, снял шапку, а я гляжу: голова у тебя вся седая.

Аксенов засмеялся.

— Ну, это к прибыли. Смотри, как расторгуюсь, дорогих гостинцев привезу.

И он простился с семьей и уехал.

На половине дороги съехался он с знакомым купцом и с ним вместе остановился ночевать. Они напились чаю вместе и легли спать в двух комнатах рядом. Аксенов не любил долго спать; он проснулся среди ночи и, чтобы легче холодком было ехать, взбудил ямщика и велел запрягать. Потом вышел в

черную избу, расчелся с хозяином и уехал.

Отъехавши верст сорок, он опять остановился кормить, отдохнул в сенях на постоянном дворе и в обед вышел на крыльцо и велел поставить самовар; достал гитару и стал играть; вдруг ко двору подъезжает тройка с колокольчиком, и из повозки выходит чиновник с двумя солдатами, подходит к Аксенову и спрашивает: кто, откуда? Аксенов всё рассказывает, как есть, и просит: не угодно ли чайку вместе выпить? Только чиновник всё пристаёт с расспросами: «Где ночевал прошлую ночь? Один или с купцом? Видел ли купца поутру? Зачем рано уехал со двора?» Аксенов удивился, зачем его обо всем спрашивают: всё рассказал, как было, да и говорит: «Что ж вы меня так выспрашиваете? Я не вор, не разбойник какой-нибудь. Еду по своему делу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновник кликнул солдат и сказал:

— Я исправник и спрашиваю тебя затем, что купец, с каким ты ночевал прошлую ночь, зарезан. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли в избу, взяли чемодан и мешок и

стали развязывать и искать. Вдруг исправник вынул из мешка ножик и закричал:

— Это чей ножик?

Аксенов поглядел, видит — ножик в крови из его мешка достали, и испугался.

— А отчего кровь на ноже?

Аксенов хотел отвечать, но не мог выговорить слова.

— Я... я не знаю... я... нож... я... не мой...

Тогда исправник сказал:

— Поутру купца нашли зарезанным на постели. Кроме тебя, некому было это сделать. Изба была заперта изнутри, а в избе никого, кроме тебя, не было. Вот и ножик в крови у тебя в мешке, да и по лицу видно. Говори, как ты убил его и сколько ты ограбил денег?

Аксенов божился, что не он это сделал, что не видал купца после того, как пил чай с ним, что деньги у него свои 8000, что ножик не его. Но голос у него обрывался, лицо было бледно, и он весь трясся от страха, как виноватый.

Исправник позвал солдат, велел связать и вести его на телегу. Когда его с связанными ногами взвалили на телегу, Аксенов перекрестился и заплакал. У Аксенова обобрали вещи

и деньги, отослали его в ближний город, в острог. Послали во Владимир узнать, какой человек был Аксенов, и все купцы и жители владимирские показали, что Аксенов смолоду пил и гулял, но был человек хороший. Тогда его стали судить. Судили его за то, что он убил рязанского купца и украл 20 000 денег.

Жена убивалась о муже и не знала, что думать. Дети ее еще все были малы, а один был у груди. Она забрала всех с собою и поехала в тот город, где ее муж содержался в остроге. Сначала ее не пускали, но потом она упростила начальников, и ее привели к мужу. Когда она увидела его в острожном платье, в цепях, вместе с разбойниками, — она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потом она поставила детей вокруг себя, села с ним рядышком и стала сказывать ему про домашние дела и спрашивать его про всё, что с ним случилось. Он всё рассказал ей. Она сказала:

— Как же быть теперь?

Он сказал:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала про-

шение царю, но что прошение не дошло. Аксенов ничего не сказал и только потупился. Тогда жена сказала:

— Недаром я тогда, помнишь, видела сон, что ты сед стал. Вот уж и вправду ты с горя поседел. Не ездить бы тебе тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, друг сердечный, жене скажи правду: не ты сделал это?

Аксенов сказал: «И ты подумала на меня!» — закрылся руками и заплакал. Потом пришел солдат и сказал, что жене с детьми надо уходить. И Аксенов в последний раз простился с семьей.

Когда жена ушла, Аксенов стал вспоминать, что говорили. Когда он вспомнил, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, он ли убил купца, он сказал себе: «Видно, кроме бога, никто не может знать правды, и только его надо просить и от него только ждать милости». И с тех пор Аксенов перестал подавать прошения, перестал надеяться и только молился богу.

Аксенова присудили наказать кнутом и со-

слать в каторжную работу. Так и сделали.

Его высекли кнутом и потом, когда от кнута раны зажили, его погнали с другими каторжниками в Сибирь.

В Сибири, на каторге, Аксенов жил 26 лет. Волоса его на голове стали белые, как снег, и борода отросла длинная, узкая и седая. Вся веселость его пропала. Он сгорбился, стал ходить тихо, говорил мало, никогда не смеялся и часто молился богу.

В остроге Аксенов выучился шить сапоги и на заработанные деньги купил Четьи-Минеи и читал их, когда был свет в остроге; а по праздникам ходил в острожную церковь, читал Апостол и пел на клиросе, — голос у него всё ещё был хорош. Начальство любило Аксенова за его смиренность, а товарищи острожные почитали его и называли «дедушкой» и «божьим человеком». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промеж каторжных были ссоры, то они всегда к Аксенову приходили судиться.

Из дому никто не писал писем Аксенову, и он не знал, живы ли его жена и дети.

Привели раз на каторгу новых колодников. Вечером все старые колодники собрались вокруг новых и стали их расспрашивать, кто из какого города или деревни и кто за какие дела. Аксенов тоже подсел на нары подле новых и, потупившись, слушал, кто что рассказывал. Один из новых колодников был высокий, здоровый старик лет 60-ти, с седой стриженной бородой. Он рассказывал, за что его взяли. Он говорил:

— Так, братцы, ни за что сюда попал. У ямщика лошадь отвязал от саней. Поймали, говорят: украл. А я говорю: я только доехать скорей хотел, — я лошадь пустил. Да и ямщик мне приятель. Порядок, я говорю? — Нет, говорят, украл. А того не знают, что и где украл. Были дела, давно бы следовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь, — бывал в Сибири, да недолго гащивал...

— А ты откуда будешь? — спросил один из колодников.

— А мы из города Владимира, тамошние мещане. Звать Макаром, а величают Семеновичем.

Аксенов поднял голову и спросил:

— А что, не слыхал ли, Семеныч, во Владимире городе про Аксеновых купцов? Живы ли?

— Как не слыхать! Богатые купцы, даром что отец в Сибири. Такой же, видно, как и мы грешные. А ты сам, дедушка, за какие дела?

Аксенов не любил говорить про свое несчастье; он вздохнул и сказал:

— По грехам своим 26-й год нахожусь в каторжной работе.

Макар Семенов сказал:

— А по каким же таким грехам?

Аксенов сказал: «Стало быть, стоило того», и не хотел больше рассказывать, но другие осторожные товарищи рассказали новому, как Аксенов попал в Сибирь. Они рассказали, как на дороге кто-то убил купца и подсунул Аксенову ножик, и как за это его понапрасну засудили.

Когда Макар Семенов услышал это, он взглянул на Аксенова, хлопнул себя руками по коленам и сказал:

— Ну, чудо! Вот чудо-то! Постарел же ты, дедушка!

Его стали спрашивать, чему он удивлялся и где он видел Аксенова; но Макар Семенов не отвечал, он только сказал:

— Чудеса, ребята, где свидеться пришлось!

И с этих слов пришло Аксенову в мысли, что не знает ли этот человек про то, кто убил купца. Он сказал:

— Или ты слышал, Семеныч, прежде про это дело, или видал меня прежде?

— Как не слышать! Земля слухом полнится. Да давно уж дело было: что и слышал, то забыл, — сказал Макар Семенов.

— Может, слышал, кто купца убил? — спросил Аксенов.

Макар Семенов засмеялся и сказал:

— Да, видно, тот убил, у кого ножик в мешке нашелся. Если кто и подсунул тебе ножик, не пойман — не вор. Да и как же тебе ножик в мешок сунуть? Ведь он у тебя в головах стоял? Ты бы услышал.

Как только Аксенов услышал эти слова, он подумал, что этот самый человек убил купца. Он встал и отошел прочь. Всю эту ночь Аксенов не мог заснуть. Нашла на него скука, и стало ему представляться: то представлялась

ему его жена такую, какою она была, когда провожала его в последний раз на ярмарку. Так и видел он ее как живую, и видел ее лицо и глаза, и слышал, как она говорила ему и смеялась. Потом представлялись ему дети, такие, какие они были тогда, — маленькие, один в шубке, другой у груди. И себя он вспоминал, каким он был тогда — веселым, молодым; вспоминал, как он сидел на крылечке на постоялом дворе, где его взяли, и играл на гитаре, и как у него на душе весело было тогда. И вспомнил лобное место, где его секли, и палача, и народ кругом, и цепи, и колодников, и всю 26-тилетнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнил. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

«И всё от того злодея!» — думал Аксенов.

И нашла на него такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотелось отмстить ему. Он читал молитвы всю ночь, но не мог успокоиться. Днем он не подходил к Макару Семенову и не смотрел на него.

Так прошли две недели. По ночам Аксенов не мог спать, и на него находила такая скука,

что он не знал, куда деваться.

Один раз, ночью, он пошел по острогу и увидел, что из-под одной нары сыплется земля. Он остановился посмотреть. Вдруг Макар Семенов выскочил из-под нары и с испуганным лицом взглянул на Аксенова. Аксенов хотел пройти, чтоб не видеть его; но Макар ухватил его за руку и рассказал, как он прокопал проход под стенами и как он землю каждый день выносит в голенищах и высыпает на улицу, когда их гоняют на работу. Он сказал:

— Только молчи, старик, я и тебя выведу. А если скажешь, — меня засекут, да и тебе не спущу — убью.

Когда Аксенов увидел своего злодея, он весь затрясся от злости, выдернул руку и сказал:

— Выходить мне незачем и убивать меня нечего, — ты меня уже давно убил. А сказывать про тебя буду или нет, — как бог на душу положит.

На другой день, когда вывели колодников на работу, солдаты заметили, что Макар Семенов высыпал землю, стали искать в остроге

и нашли дыру. Начальник приехал в острог и стал всех допрашивать: кто выкопал дыру? Все отпирались. Те, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дело его засекут до полусмерти. Тогда начальник обратился к Аксенову. Он знал, что Аксенов был справедливый человек, и сказал:

— Старик, ты правдив; скажи мне перед богом, кто это сделал?

Макар Семенов стоял как ни в чем не бывало и смотрел на начальника, и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и он долго не мог слова выговорить. Он думал: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда он меня погубил? Пускай поплатится за мое мученье. А сказать на него, точно — его засекут. А что как я понапрасну на него думаю? Да что ж, мне легче разве будет?»

Начальник еще раз сказал: «Ну, что ж, старик, говори правду: кто подкопался?»

Аксенов поглядел на Макара Семенова и сказал:

— Я не видал и не знаю.

Так и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксенов лег на свою нару и чуть задремал, он услышал, что кто-то подошел и сел у него в ногах. Он посмотрел в темноте и узнал Макара.

Аксенов сказал:

— Что тебе еще от меня надо? Что ты тут делаешь?

Макар Семенов молчал. Аксенов приподнялся и сказал:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макар Семенов нагнулся близко к Аксенову и шепотом сказал:

— Иван Дмитриевич, прости меня!

Аксенов сказал:

— За что тебя прощать?

— Я купца убил, я и ножик тебе подсунул. Я и тебя хотел убить, да на дворе зашумели: я сунул тебе ножик в мешок и вылез в окно. — Аксенов молчал и не знал, что сказать. Макар Семенов спустился с нары, поклонился в землю и сказал:

— Иван Дмитриевич, прости меня, прости, ради бога. Я объявлюсь, что я купца убил, — тебя простят. Ты домой вернешься.

Аксенов сказал:

— Тебе говорить легко, а мне терпеть как-то! Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дети забыли; мне ходить некуда...

Макар Семенов не вставал с полу и бился головой о землю и говорил:

— Иван Дмитрич, прости! Когда меня кнутом секли, мне легче было, чем теперь на тебя смотреть... А ты еще пожалел меня — не сказал. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодея окаянного! — и он зарыдал.

Когда Аксенов услышал, что Макар Семенов плачет, он сам заплакал и сказал:

— Бог простит тебя; может быть, я во сто раз хуже тебя! — И вдруг у него на душе легко стало. И он перестал скучать о доме, и никуда не хотел из острога, а только думал о последнем часе.

Макар Семенов не послушался Аксенова и объявился виноватым. Когда вышло Аксенову разрешение вернуться, — Аксенов уже умер.

КРИСТАЛЛЫ

(Рассуждение)

Если сыпать в воду соль и мешать, то соль станет расходиться и так разойдется в воде, что не видать будет соли; но если сыпать еще и еще соли, то под конец соль уж перестанет распускаться, а сколько ты ее ни мешай, так и останется белым порошком в воде. Вода насытилась солью и больше уж принять не может. Но если разогреть воду, она примет еще; и соль, та, которая не распускалась в холодной воде, распустится в горячей. Но если еще насыпать соли, тогда уж и горячая вода не примет больше соли. А если больше станешь греть воду, то сама вода уйдет паром, и соли еще больше останется. Так на каждую вещь, какую вода распускает, у воды есть мера, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускает больше, когда горяча, чем когда холодна, но всё же — как насытится горячая вода, так дальше уж не принимает. Вещь останется сама по себе, а вода уйдет паром.

Если насытить воду селитряным порошком, а потом подсыпать еще селитры лишней, всё согреть и не мешавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжет порошком

на дне воды, а соберется вся шестигранными столбиками и сядет на дне и по бокам, столбик подле столбика. Если насытить воду селитряным порошком и поставить в теплом месте, то вода уйдет паром, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согреть и также дать уйти воде паром, то лишняя соль сложится тоже не порошком, а кубиками. Если насытить воду селитрой с солью вместе, лишняя селитра и соль не смешаются, сложатся каждая по-своему — селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду известкой, или другою солью, или еще чем-нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдет паром, сложится по-своему: какая в трехгранные столбики, какая в восьмигранные, какая кирпичиками, какая звездочками, — каждая по-своему. Эти-то фигуры разные бывают во всех крепких вещах. Иногда фигуры эти большие, в руку; такие находят камни в земле. Иногда фигуры эти так малы, что простым глазом не разберешь их; но в каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и в

ней начинают складываться фигуры, отломить иголкой край фигуры, то опять на то же место придут новые кусочки селитры и опять заделают отломанный край точно так, как ему надо быть, — шестигранными столбиками. То же самое и с солью и со всякой другой вещью. Все маленькие порошинки сами ворочаются и приставляются той стороной, какой надо.

Когда замерзает лед, то делается то же самое.

Летит снежинка — в ней не видать никакой фигуры; но как только она сядет на что-нибудь темное и холодное, на сукно, на мех, в ней можно разобрать фигуру: увидишь звездочку или шестиугольную дощечку. На окнах пар примерзает не как попало, а как он станет примерзать, так сейчас сложится в звездочку.

Что такое лед? Это холодная, крепкая вода. Когда из жидкой воды делается крепкая вода, она складывается в фигуры, и из нее выходит тепло. То же самое делается с селитрой: когда она из жидкой складывается в крепкие фигуры, из нее выходит тепло. То же с солью, то

же с плавленным чугуном, когда он из жидкого делается крепким. Когда какая-нибудь вещь из жидкой делается крепкой, — из нее выходит тепло, и она складывается в фигуры. А когда из крепкой делается жидкая, то вещь забирает в себя тепло, и из нее выходит холод, и фигуры ее распускаются.

Принеси плавленного железа и дай ему остывать; принеси теста горячего и дай ему остывать; принеси извести гашеной и дай ей остывать, — будет тепло. Принеси льду и тай его, — станет холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая в воде расходится, и распускай ее в воде, — станет холодно. Чтоб заморозить мороженое, сыплют соль в воду.

ВОЛК И КОЗА

(Басня)

Волк видит — коза пасется на каменной горе, и нельзя ему к ней подобраться; он ей и говорит: «Пошла бы ты вниз: тут и место поровнее, и трава тебе для корма много слаще».

А коза и говорит: «Не за тем ты, волк, меня вниз зовешь, — ты не об моем, а о своем корме хлопчешь».

ПОЛИКРАТ САМОССКИЙ

(История)

Был один греческий царь Поликрат. Он во всем был счастлив. Он завоевал много городов и стал очень богат. Поликрат и описал в письме всю свою счастливую жизнь и послал это письмо своему другу, царю Амазису, в Египет. Амазис прочел письмо и написал Поликрату ответ, он писал так: «Приятно бывает знать друга в удаче. Но мне твое счастье не нравится. По-моему, лучше бывает, когда человеку в одном деле удача, а в другом нет, — чтобы было вперемежку. Послушай меня и сделай вот что: что есть у тебя дороже всего, то возьми и брось куда-нибудь в такое место, чтобы не попало людям. И тогда у тебя будет счастье вперемежку с несчастьем».

Поликрат прочел это и послушался своего друга. Он сделал вот что: был у него дорогой перстень; взял он этот перстень, собрал много народа и сел со всем народом в лодку. Потом велел ехать в море. И когда выехал далеко за острова, тогда при всем народе бросил перстень в море и вернулся домой.

На пятый день одному рыбаку случилось поймать очень большую, прекрасную рыбу, и захотел он подарить ее царю. Вот пришел он к Поликрату на двор, и когда Поликрат вышел к нему, рыбак сказал: «Царь, я поймал эту рыбу и принес тебе, потому что такую прекрасную рыбу только царю кушать». Поликрат поблагодарил рыбака и позвал его к себе обедать. Рыбак отдал рыбу и пошел к царю, а повара разрезали рыбу и нашли в ней тот самый перстень, что Поликрат бросил в море.

Когда повара принесли Поликрату его перстень и рассказали, как они нашли его, — Поликрат написал другое письмо в Египет к своему другу Амазису и описал, как он бросил перстень и как он нашелся. Амазис прочел письмо и подумал: «Это не к добру, — видно, нельзя уйти от судьбы. А лучше мне разойтись с своим другом, чтобы потом не жалеть его», — и он послал сказать Поликрату, что дружбе их конец.

В то время был один человек — Оройтес. Этот Оройтес был сердит на Поликрата и хотел погубить его. Вот Оройтес придумал ка-

кую хитрость. Написал он Поликрату, что будто персидский царь Камбиз обидел его и хотел убить и что он будто ушел от него. Оройтес так писал Поликрату: «У меня много богатств, но я не знаю, где мне жить. Прими ты меня к себе с моими богатствами, и тогда мы с тобой сделаемся самые сильные цари. А если ты не веришь, что у меня много богатств, так пришли кого-нибудь посмотреть».

Поликрат и послал своего слугу посмотреть, правда ли, что Оройтес привез столько богатств. Когда слуга приехал смотреть богатства, Оройтес так обманул его: он взял много лодок и во все наложил камни, а сверх камней до краев заложил золотом.

Когда слуга Поликрата увидел эти лодки, он поверил, что лодки все по края были полны золотом; так и рассказал Поликрату.

Тогда Поликрат захотел сам ехать к Оройтесу — посмотреть его богатства. В эту самую ночь дочь Поликрата увидела во сне, что он будто висит на воздухе. Дочь и стала просить отца, чтоб он не ездил к Оройтесу; но отец рассердился и сказал, что он ее не отдаст замуж, если она не замолчит сейчас. А дочь ска-

зала: «Я рада никогда не идти замуж, только не ездят ты к Оройтесу: я боюсь, что с тобой случится беда».

Отец не послушался ее и поехал. Когда он приехал, Оройтес схватил его и повесил до смерти. Так-то сон дочери и совершился.

Так и случилось, как угадал Амазис, что большое счастье Поликрата кончилось большим несчастьем.

ВОЛЬГА-БОГАТЫРЬ

(С *стихи-сказка*)

*Что не мелки часты звездочки
Рассажились по поднебесью,
Что ни ясен светел месяц
Просветил в небе высоком, —
Осветило красно солнышко
Нашу землю святорусскую:
На святой Руси на матушке
Народился удал молодец
Свет Вольга — сударь Буслаевич;
От рожденья богатырского
Потряслась мать сыра земля,
Море сине всколыбалось,
Рыбы вглубь моря забилися,
Звери в чащи схоронились,*

Потряслось царство турецкое.
Вырастал Вольга семи годов —
Захотел он много мудрости.
К мудрецам задался в выучку,
И в наук пошло учение.
Понимал Вольга все мудрости:
Обучился первой мудрости —
Оборачиваться птицею;
Обучился другой мудрости —
Оборачиваться рыбою;
Обучился третьей мудрости —
Серым волком ся обертывать.
Как и стал Вольга в пятнадцать
лет,
Подбирал Вольга дружинушку;
И собрал он себе ровнюшек —
Удалых ли добрых молодцев —
Тридцать братьев без единого,
Становился сам в тридцатых.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьев без единого,
«Сам Вольга я во тридцатых, —
«Вы большого брата слушайте,
«Повелено дело делайте:
«Повяжите сети шелковы.

«Опускайте в море синее».
Тут Вольгу дружина слушалась:
Повязала сети шелковы,
Опускала в море синее.
Рыбой Вольга ся обертывал,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплыл глубокие,
Распугал всю рыбу красную,
Загонял рыбу во часты сети.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьев без единого,
«Сам Вольга я во тридцатых, —
«Брата большего вы слушайте,
«Повелено дело делайте:
«Вейте шелковы веревочки,
«Расстанавливайте по лесу,
«На звериных ли на тропочках».
Тут Вольгу дружина слушалась:
Виля шелковы веревочки,
Расстанавливала по лесу,
Зверем Вольга ся обертывал,
Серым волком голенастым,
Поскакал в леса дремучие,
Во глухи ломы, во чащицы.
Распугал он зверя кунного,

Загонял зверя во петельки.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Половили мы всю рыбушку
«Из синя моря глубокого,
«Половили зверя кунного
«Из темных лесов дремучих:
«А и будет ли тот молодец,
«Чтоб сходил в царство турецкое
«Ко царю Салтан Бекетычу,
«Сведать думу его царскую».
Молодцы тут стали прятаться,
Что большой да за середнего,
А середний что за меньшего,
А ответа нет от меньшего.
Говорит Вольга Буслаевич:
«Вольге будет самому идти».
Птицей Вольга ся обертывал,
Высоко взвился под небесью:
Прилетал в царство турецкое,
На оконце сел косяцато.
Сидит царь Салтан Бекетович
Со царицею Давыдьевной, —
Разговоры разговарива(е)т:
Говорит Салтан Бекетович:
«Ты, жена моя возлюбленна,
«Молода ли свет Давыдьевна,

«Воевать хочу святую Русь,
«Хочу взять я славный Киев-град,
«Подарить хочу по городу
«Девяти сынам по русскому;
«Да привезть хочу я шубоньку
«Дорогую, соболиную».

Взговорит ему Давыдьевна:
«Гой ты, царь Салтан Бекетович!
«Ты напрасно снаряжаешься
«Воевать на землю русскую.
«Али ты того не ведаешь —
«На Руси всё не по-старому.
«Осветило красно солнышко
«Славну землю святорусскую:
«Народился удал молодец
«Богатырь Вольга Буслаевич.
«Он теперь Вольга Буслаевич
«На окне сидит и слушает
«Наши речи с тобой тайные.
«Не возьмешь ты славный Ки-
ев-град,
«Не подаришь ты по городу
«Девяти сынам по русскому,
«А пропасть твоей головушке
«От того Вольги Бусла(е)вича».

Тем словам Салтан не веровал,
На царицу царь прогневался —
По лицу ударил белому,

Прогонял он с глаз Давыдьевну.
Догадался Вольг Буслаевич,
Горностаем ся обертывал,
В погреба бежал глубокие. —
Он тетивочки шелковые
На луках тугих накусывал,
С каленых-от стрел железочки
Он повынимал — закапывал,
Оборачивался птицею,
Прилетал назад ко Киеву,
Собирал свою дружинушку,
Подходил к царству турецкому.
Царство крепко огорожено
Стеной каменной, высокою.
Во стене ворота крепкие,
По булату золоченые,
А засовы — крюки медные,
Подворотня — дорог рыбий зуб,
Мелким вырезом вырезана,
По мудреным мелким вырезам,
В пору ли пролезть мурашику.
Тут дружина закручинилась:
«Как пройти нам стены камен-
ны?»
«Погубить ли добрым молодцам
«Нам головушки напрасные?»
Догадался Вольг Буслаевич:
Мурашом себя обертывал,

Добрых молодцев мурашками, —
Пролезал с своей дружиною
В подворотню зуба рыбьего;
За стеной Вольга Буслаевич
Оборачивал мурашиков
Молодцами с сбруей ратною.
Взговорит ли Вольг Буслаевич:
«Вы большого брата слушайте,
«Повелено дело делайте:
«В славном царстве во турецки-
им
«Вырубайте стар и малого.
«Изведите всех до кореня:
«Оставляйте только лучших
«Тридцать душек красных деву-
шек».
Тут Вольгу дружина слушалась:
В славном царстве во турецкиим
Вырубала стар и малого,
Изводила всех до кореня,
Не оставила на семена;
Оставляла только лучших
Тридцать душек красных девушек.
Сам Вольга царя отыскивал
Во палатах его каменных:
Двери заперты железные,
Во дверях засовы крепкие:
Взговорит ли Вольг Буслаевич:

«Хоть ногу сломать, а выставить!»

*Пнул ногой двери железные,
Поломал засовы крепкие;
Царя славного турецкого
Брал Вольга за ручки белые.
Говорил Вольга Буслаевич:
«А не бьют царей, не казнят вас»,*

*Царя хлопнул о кирпичат пол,
И расшиб Салтана вдребезги.
Тут дружину свою храбрую
Вольга поровну оделивал —
Табунов коней по тысяче,
По боченку красна золота
Да по девушке на молодца.*

ЧЕТВЕРТАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ОГЛАВЛЕНИЕ IV-й КНИГИ

	Стр.
Царь и рубашка	267
Камыш и маслина	267
Волк и мужик	268
Два товарища	269
Прыжок	270

Дуб и орешник	271
Вредный воздух	272
Дурной воздух	273
Волк и ягненок	274
Удельный вес	274
Лев, волк и лисица	275
Царское новое платье	276
Лисий хвост	277
Шелковичный червь	277
Царь и слоны	280
Охота пуще неволи	281
Наседка и цыплята	287
Газы. I	288
Газы. II	289
Лев, осел и лисица	290
Старый тополь	290
Черемуха	291
Как ходят деревья	292
Дергач и его самка	293
Как делают воздушные шары	293

Рассказ аэронавта	294
Корова и козел	296
Ворон и воронята	297
Солнце — тепло	298
Отчего зло на свете	300
Гальванизм	301
Мужик и водяной	304
Ворон и лисица	304
Кавказский пленник	304
Микулушка Селяни-нович	326

ЦАРЬ И РУБАШКА

(Сказка)

Один царь был болен и сказал: «Половину царства отдам тому, кто меня вылечит». Тогда собрались все мудрецы и стали судить, как царя вылечить. Никто не знал. Один только мудрец сказал, что царя можно вылечить. Он сказал: если найти счастливого человека, снять с него рубашку и надеть на царя, — царь выздоровеет. Царь и послал искать по своему царству счастливого человека; но по-

слы царя долго ездили по всему царству и не могли найти счастливого человека. Не было ни одного такого, чтобы всем был доволен. Кто богат, да хворает; кто здоров, да беден; кто и здоров и богат, да жена не хороша, а у кого дети не хороши; все на что-нибудь да жалуются. Один раз идет поздно вечером царский сын мимо избушки, и слышно ему — кто-то говорит: «Вот слава богу, наработался, наелся и спать лягу; чего мне еще нужно?» Царский сын обрадовался, велел снять с этого человека рубашку, а ему дать за это денег, сколько он захочет, а рубашку отнести к царю. Посланные пришли к счастливому человеку и хотели с него снять рубашку; но счастливый был так беден, что на нем не было и рубашки.

КАМЫШ И МАСЛИНА

(Басня)

Маслина и камыш заспорили о том, кто крепче и сильнее. Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнется. Камыш молчал. Пришла буря: камыш шатался, мотался, до земли сгибался — уцелел.

Маслина напружилась сучьями против ветра — и сломилась.

ВОЛК И МУЖИК

(Сказка)

Гнались за волком охотники. И набежал волк на мужика. Мужик шел с гумна и нес цеп и мешок.

Волк и говорит: «Мужик, спрячь меня, — меня охотники гонят». Мужик пожалел волка, спрятал его в мешок и взвалил на плечи. Наезжают охотники и спрашивают мужика, не видал ли волка?

— Нет, не видал.

Охотники уехали. Волк выскочил из мешка и бросился на мужика, хочет его съесть. Мужик и говорит:

— Ах, волк, нет в тебе совести: я тебя спас, а ты ж меня съесть хочешь. — А волк и говорит:

— Старая хлеб-соль не помнится.

— Нет, старая хлеб-соль помнится, хоть у кого хочешь спроси, — всякий скажет, что помнится. — Волк и говорит:

— Давай, пойдем вместе по дороге. Кого

первого встретим, спросим: забывается ли старая хлеб-соль, или помнится? Если скажут: помнится, — я пущу тебя, а скажут: забывается, — съем.

Пошли они по дороге, и повстречалась им старая, слепая кобыла. Мужик и спрашивает: «Скажи, кобыла, что помнится старая хлеб-соль или забывается?»

Кобыла говорит:

— Да вот как: жила я у хозяина 12 лет, принесла ему 12 жеребят, и всё то время пахала да возила, а прошлым годом ослепла и всё работала на рушалке; а вот намедни стало мне не в силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвост под кручь и бросили. Очнулась я, насилу выбралась, и куда иду — сама не знаю. — Волк говорит:

— Мужик, видишь, — старая хлеб-соль не помнится.

Мужик, говорит:

— Погоди, еще спросим.

Пошли дальше. Встречается им старая собака. Ползет, зад волочит.

Мужик говорит:

— Ну, скажи, собака, забывается ли старая

хлеб-соль, или помнится?

— А вот как: жила я у хозяина 15 лет, его дом стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вот состарилась, зуб не стало, — меня со двора прогнали, да еще зад оглоблю отбили. Вот и волчусь, сама не знаю куда, подальше от старого хозяина.

Волк говорит:

— Слышишь, что говорит?

А мужик говорит:

— погоди еще до третьей встречи.

И встречается им лисица. Мужик говорит: «Скажи, лиса, что, помнится старая хлеб-соль или забывается?»

А лиса говорит:

— Тебе зачем знать?

А мужик говорит:

— Да вот бежал волк от охотников, стал меня просить, — и я спрятал его в мешок, а теперь он меня съесть хочет.

Лисица и говорит:

— Да разве можно большому волку в такой мешок уместиться? Кабы я видела, я бы вас рассудила.

Мужик говорит:

— Весь поместится, хоть у него сама спроси.

И волк сказал: «Правда».

Тогда лисица говорит:

— Не поверю, пока не увижу. Покажи, как ты лазил.

Тогда волк всунул голову в мешок и говорит: «Вот как».

Лисица говорит:

— Ты весь влезь, а то я так не вижу.

Волк и влез в мешок. Лисица и говорит мужику: «Теперь завяжи». Мужик завязал мешок. Лисица и говорит:

— Ну теперь покажи, мужик, как ты на току хлеб молотишь. — Мужик обрадовался и стал бить цепом по волку.

А потом говорит: «А посмотри, лисица, как на току хлеб отворачивают», — и ударил лисицу по голове и убил, а сам говорит: «Старая хлеб-соль не помнится!»

ДВА ТОВАРИЩА

(Басня)

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на

дерево и спрятался, а другой остался на дороге. — Делать было ему нечего — он упал на землю и притворился мертвым.

Медведь подошел к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мертвый, и отошел.

Когда медведь ушел, тот слез с дерева и смеется: «Ну что, — говорит, — медведь тебе на ухо говорил?»

«А он сказал мне, что — плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают».

ПРЫЖОК

(Б^{ыль})

Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-тилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его голо-

вы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на нее, но она еще злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по веревке на первую перекладину; но обезьяна еще ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась еще выше.

— Так не уйдешь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его, полезла еще выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой[68] за веревку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взо-

бралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекаладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать ее нельзя было иначе, как выпустить из рук веревку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекаладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил веревку и ступил на перекаладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошел до края перекаладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нес ружье, чтобы стрелять чаек[69]. Он увидел сына на мачте, и

тотчас же прицелился в сына и закричал: «В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!» Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два...» и как только отец крикнул: «три» — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро шлепнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодых матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через 40 — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

ДУБ И ОРЕШНИК

(Басня)

Старый дуб уронил с себя жолудь под куст орешника. Орешник сказал дубу: «Разве мало простора под твоими сучьями? Ты бы ронял свои жолуди на чистое место. Здесь мне само-

му тесно для моих отростков, и я сам не бросаю наземь своих орехов, а отдаю их людям».

«Я живу 200 лет, — сказал на это дуб, — и дубок из этого жолудя проживает столько же».

Тогда орешник рассердился и сказал: «Так я заглушу твой дубок, и он не проживет и трех дней». Дуб ничего не ответил, а велел расти своему сынку из жолудя.

Жолудь намок, лопнул и уцепился крючком ростка в землю, а другой росток пустил кверху.

Орешник глушил его и не давал солнца. Но дубок тянулся кверху и стал сильнее в тени орешника. Прошло сто лет. Орешник давно засох, а дуб из жолудя поднялся до неба и раскинул шатер на все стороны.

ВРЕДНЫЙ ВОЗДУХ

(Б^{ыль})

В селе Никольском, в праздник, народ пошел к обедне. На барском дворе остались скотница, староста и конюх. Скотница пошла к колодцу за водой. Колодезь был на самом дворе. Она вытащила бадью, да не удержала.

Бадья сорвалась, ударилась о стенку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась в избу и говорит старосте:

— Александр! слазай, батюшка, в колодезь, — я бадью упустила. — Александр сказал:

— Ты упустила, ты и доставай. — Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полезет, — только, чтобы он спускал ее.

Староста посмеялся ей и сказал:

— Ну, пойдем. Ты теперь натощак, так я удержу; а после обеда и не удержать.

Староста привязал палку к веревке, и баба верхом села на нее, взялась за веревку и стала слезать в колодезь, а староста за колесо стал спускать ее. В колодце было всего шесть аршин глубины, и только на аршин стояла вода. Староста спускал за колесо потихоньку и всё спрашивал: «еще, что ли?» Скотница кричала оттуда: «Еще немного!»

Вдруг староста почувствовал, что веревка ослабла; он окликнул скотницу, но она не отвечала. Староста поглядел в колодезь и увидел, что баба лежит в воде головой и кверху ногами. Староста стал кричать и звать народ;

но никого не было. Пришел только один конюх. Староста велел ему держать колесо, а сам вытянул веревку, сел на палку и полез в колодезь.

Только что конюх спустил старосту до воды, с старостой сделалось то же самое. Он бросил веревку и упал головой вниз на бабу. Конюх стал кричать, потом побежал в церковь за народом. Обедня отошла, и народ шел из церкви. Все мужики и бабы побежали к колодцу. Все столпились у колодца и всякий кричал свое, но никто не знал, что делать. Молодой плотник Иван пробился сквозь толпу к колодцу, схватил веревку, сел на палку и велел себя спускать. Иван только привязал себя к веревке кушаком. Двое спускали его, а другие все смотрели в колодезь, что будет с Иваном. Как только он стал доходить до воды, он бросил веревку руками и упал бы головой, но кушак держал его. Все закричали: «тащи его назад!» — и Ивана вытащили.

Он как мертвый висел на кушаке, голова его тоже висела и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли с веревки и положили на землю. Думали, что

он мертвый; но он вдруг тяжелодохнул, стал перхать и ожил.

Тогда хотели лезть еще, но один старый мужик сказал, что лазить нельзя, потому что в колодце дурной воздух и что этот дурной воздух убивает людей. Тогда мужики побежали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другие их унимали, а мужики цепляли в колодце баграми и старались вытащить мертвых. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но он был тяжел, платье прорывалось, и он срывался. Наконец, зацепили его за два багра и вытащили. Потом вытащили и скотницу. Оба уже были совсем мертвые и не ожили.

Потом, когда стали осматривать колодезь, то узнали, что точно, — внизу колодца был дурной воздух.

ДУРНОЙ ВОЗДУХ

(Рассуждение)

Дурной воздух бывает такой тяжелый, что в нем ни человек и никакое животное жить не может.

Бывают места под землей, где этот воздух собирается, и если попадешь в такое место, то сейчас умираешь. Для этого в рудниках делают лампы, и прежде чем человеку идти в такое место, спускают туда лампу. Если лампа тухнет, то и человеку нельзя идти; тогда пускают туда чистого воздуха до тех пор, пока может огонь гореть.

Подле города Неаполя есть одна такая пещера. В ней дурной воздух всегда стоит внизу на аршин от земли, а выше хороший воздух. Человек будет ходить по этой пещере, и ему ничего не сделается; а собака — как войдет, так и задохнется.

Откуда берется этот дурной воздух? Он делается из того самого хорошего воздуха, каким мы дышим. Если собрать много людей в одно место и закрыть все двери и окна так, чтобы не проходил свежий воздух, то делается такой же воздух, как в колодце, и люди помрут.

Сто лет тому назад, на войне, индейцы взяли в плен 146 англичан. Их заперли в подземную пещеру, куда не мог проходить воздух.

Пленные англичане, когда побыли там

несколько часов, стали задыхаться, — и под конец ночи из них 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала в пещере воздух был хорош; но когда пленные выдышали весь хороший воздух, а нового не проходило, — сделался дурной воздух, похожий на тот, что был в колодце, и они померли. Отчего делается дурной воздух из хорошего, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышат, то собирают в себя хороший воздух, а выдыхают дурной.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

(Басня)

Волк увидал, — ягненок пьет у реки.

Захотелось волку съесть ягненка, и стал он к нему придирааться. «Ты — говорит, — мне воду мутишь и пить не даешь».

Ягненок говорит: «Ах, волк, как я могу тебе воду мутить? Ведь я ниже по воде стою, да и то кончиками губ пью». А волк говорит: «Ну, так зачем ты прошлым летом моего отца ругал?» Ягненок говорит: «Да я, волк, и не родился еще прошлым летом». Волк рассердился и говорит: «Тебя не переговоришь. Так я на-

тощак, за то и съем тебя».

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС

(История)

Греческий царь Гиерон Сиракузский заказал своему золотых дел мастеру Димитрию золотую корону для идола Юпитера и дал 12 фунтов золота. Димитрий сделал корону, и когда царь ее свесил, то в короне было ровно 12 фунтов. Только царь прослышал, что Димитрий украл много золота и в корону подмешал серебра. Царю хотелось доискаться, много ли подмешано серебра в короне, и он велел ее перетопить, чтобы видеть середину. Был один умный и ученый человек, родной царю, Архимед. Он сказал царю: «Не вели ломать корону, чтобы даром не пропала работа; а я, не ломаячи короны, узнаю, сколько в ней серебра и сколько золота». Царь согласился с Архимедом, и Архимед сделал так:

Он взял фунт золота и фунт серебра и свесил их просто на весах, а потом свесил их в воде. Фунт золота в воде потянул на одну гирику меньше, чем прежде, а фунт серебра на две гирики меньше.

Потом Архимед всю корону свесил в воде, позвал царя и сказал: «С фунта чистого золота, если весить в воде, остается гирька; а если весить серебро в воде, остаются две гирьки с фунта; стало быть, если корона вся из чистого золота и в ней 12 фунтов, то в двенадцати фунтах надо снять с весов 12 гирек. Вот смотри». Он положил на весы 11 фунтов и стал вешать корону в воде. Корона не потянула двенадцати фунтов без 12 гирек, а меньше. Сняли еще гирек, Архимед и говорит: «Вот сколько тут снято лишних гирек, на столько Дмитрий и обманул тебя». Так Архимед верно узнал, сколько было серебра подмешано в корону.

ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСИЦА

(Басня)

Старый больной лев лежал в пещере. Приходили все звери проводить царя, только лисица не бывала. Вот волк обрадовался случаю и стал пред львом оговаривать лисицу.

— Она, — говорит, — тебя ни во что считает, ни разу не зашла царя проводить.

На эти слова и прибеги лисица. Она услы-

хала, что волк говорит, и думает: «погоди ж, волк, я тебе вымещу».

Вот лев зарычал на лисицу, а она и говорит: «Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосуг было. А недосуг было оттого, что по всему свету бежала, у лекарей для тебя лекарства спрашивала. Только теперь нашла, вот и прибежала».

Лев и говорит:

— Какое лекарство?

— А вот какое: если живого волка обдерешь, да шкуру его тепленькую наденешь...

Как растянул лев волка, лисица засмеялась и говорит:

— Так-то, брат; господ не на зло, а на добро наводить надо.

ЦАРСКОЕ НОВОЕ ПЛАТЬЕ

(Сказка)

Один царь был охотник до хороших платьев. Он ни о чем больше не думал, только как бы ему получше нарядиться. Пришли к нему один раз два портные мастера и говорят: «Мы можем сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было.

Только, если кто глуп и к своей должности не годится, тот платья нашего не может видеть. Кто умен, тот будет видеть, а кто глуп, тот рядом будет стоять и не будет видеть платья нашей работы». Царь обрадовался портным и велел им сшить на себя платье. Портным отвели во дворце горницу и дали им бархату, шелку, золота, — всего, что нужно было для платья.

Когда прошла неделя, царь послал своего министра узнать, готово ли новое платье. Министр пришел и спросил; портные сказали, что готово, и показали министру пустое место. Министр знал, что если кто глуп и к своей должности не годится, то тот не может видеть платья, и он притворился, что видит платье и похвалил. Царь велел себе принести платье. Ему принесли и показали пустое место. Царь тоже притворился, что он видит новое платье, снял свое старое платье и велел надеть на себя новое. Когда царь пошел в новом платье гулять по городу, — все видели, что на царе нет никакого платья; но все боялись сказать, что они не видят платья, потому что слышали, что только глупый не может

видеть нового платья. И каждый думал только про себя, что он не видит, а думал, что другие все видят. Так царь гулял по городу, и все хвалили новое платье. Вдруг один дурачок увидел царя и закричал: «Смотрите: царь по улицам ходит раздевшись!» И царю стало стыдно, что он не одет, и увидели, что на царе ничего не было.

ЛИСИЙ ХВОСТ

(Басня)

Человек поймал лисицу и спросил ее: «Кто научил лисиц обманывать хвостом собак?» Лисица спросила: «Как обманывать? Мы не обманываем собак, а просто бежим от них, что есть силы». Человек сказал: «Нет, вы обманываете хвостом. Когда собаки догоняют вас и хотят схватить, вы поворачиваете хвостом в одну сторону; собака круто поворачивает за хвостом, а вы тогда бежите в противоположную сторону». Лисица засмеялась и сказала: «Мы делаем это не для того, чтобы обманывать собак; а делаем это для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняет нас и мы видим, что не можем уйти прямо, — мы пово-

рачиваем в сторону; а для того, чтобы повернуться вдруг в одну сторону, нам нужно взмахнуть хвостом в другую, — так, как вы это делаете руками, когда хотите на бегу повернуться. Это не наша выдумка: это придумал сам бог еще тогда, когда он сотворил нас, — для того, чтобы собаки не могли переловить всех лисиц».

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ

(Рассказ)

У меня были старые тутовые деревья в саду. Еще дедушка мой посадил их. Мне дали осенью золотник семян шелковичных червей и присоветовали выводить червей и делать шелк. Семена эти темносерые и такие маленькие, что в моем золотнике я сосчитал их 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсем мертвые: только когда раздавишь, так они щелкнут.

Семячки валялись у меня на столе, и я было забыл про них.

Но раз весной я пошел в сад и заметил, что почка на тутовнике стала распускаться, и на припоре солнечном уж был лист. Я вспомнил

про семена червей и дома стал перебирать их и рассыпал попросторнее. Большая часть семечек были уже не темносерые, как прежде, а одни были светлосерые, а другие еще светлее с молочным отливом.

На другое утро я рано посмотрел яички и увидел, что из одних червячки уже вышли, а другие разбухли и налились. Они, видно, почувствовали в своих скорлупках, что корм их поспел.

Червячки были черные, мохнатые и такие маленькие, что трудно было их рассмотреть. Я поглядел в увеличительное стекло на них и увидел, что они в яичке лежат свернутые колечком, и как выходят, так выпрямляются. Я пошел в сад за тузовыми листьями, набрал пригоршни три, положил к себе на стол и принялся готовить для червей место, так, как меня учили.

Пока я готовил бумагу, червячки почувяли на столе свой корм и поползли к нему. Я отодвинул и стал манить червей на лист, и они, как собаки за куском мяса, ползли за листом по сукну стола через карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарезал бумаги, протыкал ее

ножичком, на бумагу наложил листья и совсем с листом наложил бумагу на червяков. Червяки пролезли в дырочки, все взобрались на лист и сейчас же принялись за еду.

На других червей, когда они вывелись, я так же наложил бумагу с листом, и все пролезли в дырочки и принялись есть. На каждом листе бумаги все червяки собирались вместе и с краев объедали лист. Потом, когда съедали всё, то ползли по бумаге и искали нового корма. Тогда я накладывал на них новые листы дырявой бумаги с тутовым листом, и они перелезали на новый корм.

Они лежали у меня на полке, и когда листа не было, они ползали по полке, приползали к самому краю, но никогда не спадали вниз, даром что они слепые. Как только червяк подойдет к обрыву, он, прежде чем спускаться, изо рта выпустит паутину и на ней приклеится к краю, спустится, повисит, поосмотрится, и если хочет спуститься — спустится, а если хочет вернуться назад, то втянется назад по своей паутинке.

Целые сутки червяки только и делали, что ели. И листу всё им надо было подавать боль-

ше и больше. Когда им принесешь свежий лист и они переберутся на него, то делается шум, точно дождь по листьям; это они начинают есть свежий лист.

Так старшие черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали есть в 10 раз больше против прежнего. На пятый день я знал, что им надо засыпать, и всё ждал, когда это будет. К вечеру на 5-й день точно один старший червяк прилип к бумаге и перестал есть и шевелиться.

На другие сутки я долго караулил его. Я знал, что черви несколько раз линяют, потому что вырастают и им тесно в прежней шкуре, и они надевают новую.

Мы караулили по переменкам с моим товарищем. Ввечеру товарищ закричал: «Раздеться начал, идите!» Я пришел и увидел, что точно, — этот червяк прицепился старою шкурой к бумаге, прорвал около рта дыру, высунул голову и тужится-извивается, — как бы выбраться, но старая рубашка не пускает его. Долго я смотрел на него, как он бился и не мог выбраться, и захотел помочь ему. Я ковырнул чуть-чуть ногтем, но тотчас же увидел, что

сделал глупость. Под ногтем было что-то жидкое и червяк замер. Я думал, что это кровь, но потом я узнал, что это у червяка под кожей есть жидкий сок — для того, чтобы по смазке легче сходила его рубашка. Ногтем я, верно, расстроил новую рубашку, потому что червяк хотя и вылез, но скоро умер.

Других уже я не трогал, а они все так же выбирались из своих рубашек; и только некоторые пропадали, а все почти, хотя и долго мучались, но выползали-таки из старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнее стали есть, и листу пошло еще больше. Через 4 дня они опять заснули и опять стали вылезать из шкур. Листу пошло еще больше, и они были уже ростом в осьмушку вершка. Потом через шесть дней опять заснули и вышли опять в новых шкурах из старых, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва поспевали готовить им лист.

На 9-й день старшие червяки совсем перестали есть и поползли вверх по полкам и по столбам. Я собрал их и положил им свежего листа, но они отворачивали головы от листа

и ползли прочь. Я вспомнил тогда, что червячки, когда готовятся завиваться в куклы, то перестают совсем есть и ползут вверх.

Я оставил их и стал смотреть, что они будут делать.

Старшие влезли на потолок, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинке в разные стороны. Я смотрел за одним. Он забрался в угол, протянул ниток шесть на вершок от себя во все стороны, повис на них, перегнулся подковой вдвое, и стал кружить головой и выпускать шелковую паутину, так, что паутина обматывалась вокруг него. К вечеру он уже был как в тумане в своей паутине. Чуть видно его было: а на другое утро уж его и совсем не видно было за паутиной: он весь обмотался шелком, и всё еще мотал.

Через три дня он кончил мотать и замер.

Потом я узнал, сколько он выпускает в длину паутины за эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдет иногда больше версты, а редко меньше. И если счесть, сколько раз надо мотнуть червячку головой в эти три дня, чтобы выпустить паутину, то

выйдет, что он повернется вокруг себя в эти три дня 300 000 раз. Значит, он не переставая делает каждую секунду по обороту. Зато уже после этой работы, когда мы сняли несколько куколок и разломали их, то мы нашли в куколках червячков совсем высохших, белых, точно восковых.

Я знал, что из этих куколок с белыми, восковыми мертвецами внутри должны выйти бабочки; но, глядя на них, не мог этому верить. Однако все-таки я на 20-й день стал смотреть, что будет с теми, каких я оставил.

На 20-й день я знал, что должна быть перемена. Ничего не было видно, и я уже думал, что-нибудь не так, как вдруг заметил — на одном коконе кончик потемнел и намок. Я подумал уже — не испортился ли, и хотел выбросить. Но подумал, не так ли начинается? и стал смотреть, что будет. И точно: из мокрого места что-то тронулось. Я долго не мог разоб- рать, что это такое. Но потом показалось что-то похожее на головку с усиками. Усики шевелились. Потом я заметил, что лапка про- сунулась в дырку, потом другая, — и лапки цеплялись и выкарабкивались из куколки.

Всё дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобрал — мокрую бабочку. Когда выбрались все шесть лапок, — задок выскочил, она вылезла и тут же села. Когда бабочка обсохла, она стала белая, расправила крылья, полетала, покружилась и села на окно.

Через два дня бабочка на подоконнике рядком наклала яиц и приклеила их. Яички были желтые, 25 бабочек положили яйца. И я набрал 5000 яичек.

На другой год я выкормил уже больше червей и больше вымотал шелку.

ЦАРЬ И СЛОНЫ

(Басня)

Один индейский царь велел собрать всех слепых и, когда они пришли, велел им показать своих слонов. Слепые пошли в конюшню и стали щупать слонов. Один ощупал ногу, другой — хвост, третий — репицу, [70] четвертый — брюхо, пятый — спину, шестой — уши, седьмой — клыки, осьмой — хобот. Потом царь позвал слепых к себе и спросил: каковы мои слоны? Один слепой сказал: «слоны твои похожи на столбы»; этот слепой щупал ноги.

Другой слепой сказал: «они похожи на веники»; этот щупал хвост. Третий сказал: «они похожи на сучья»; этот щупал репицу. Тот, что щупал живот, сказал: «слоны похожи на кучу земли». Тот, что щупал бока, сказал: «они похожи на стену»; тот, что щупал спину, сказал: «они похожи на гору»; тот, что щупал уши, сказал: «они похожи на платки»; тот, что щупал голову, сказал: «они похожи на ступу»; тот, что щупал клыки, сказал: «они похожи на рога»; тот, что щупал хобот, сказал, что «они похожи на толстую веревку».

И все слепые стали спорить и ссориться.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

(Рассказ охотника)

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушел.

Мы сошлись в лесу и стали судить, как нам быть: идти ли теперь отыскивать этого медведя, или подождать три дня, пока медведь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиков медвежат-

ников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя? Старик медвежатник говорит: «Нельзя, надо медведю дать остепениться; дней чрез пять обойти можно, а теперь за ним ходить — только напугаешь, он и не ляжет».

А молодой мужик медвежатник спорил со стариком и говорил, что обойти теперь можно. «По этому снегу, — говорит, — медведь далеко не уйдет, — медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догоню».

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать.

Я и говорю: «Да что спорить. Вы делайте, как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдем — хорошо, не обойдем — всё равно делать нынче нечего, а еще не поздно».

Так и сделали.

Товарищи пошли к саням, да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу.

Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная: снег был глубокий и праховый. Осадки снега в лесу не было, да еще снежок выпал накануне, так что лыжи уходили в снег на четверть, а где и больше.

Медвежий след издалека был виден. Видно было, как шел медведь, как местами по брюхо проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала в виду от следа, крупным лесом; а потом, как пошел след в мелкий ельник, Демьян остановился. «Надо, — говорит, — бросать след. Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал — на снегу видно. Пойдем прочь от следа и круг дадим. Только тише надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь от следа, влево. Прошли шагов пятьсот, глядим — след медвежий опять перед нами. Пошли мы опять по следу, и вывел нас этот след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошел медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где — как в лаптях мужик ступал по дороге. Видно, что пошел он к

деревне.

Пошли мы по дороге. Демьян и говорит: «Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдет с дороги вправо или влево, видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдет же в деревню».

Прошли мы так по дороге с версту; видим впереди — след с дороги. Посмотрели — что за чудо! след медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идет: пальцами к дороге. Я говорю: «Это другой медведь». Демьян посмотрел, подумал. «Нет, — говорит, — это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги сошел». Пошли мы по следу, так и есть. Видно, медведь прошел с дороги шагов десять задом, зашел за сосну, повернулся и пошел прямо. Демьян остановился и говорит: «Теперь верно обойдем. Больше ему и лечь негде, как в этом болоте. Пойдем в обход».

Пошли мы в обход, по частому ельнику. Я уж уморился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевельный наедешь, зацепишь, то промеж ног елочка подвернется, то лыжа свернется без привычки, то на пень, то на колуду наедешь под снегом. Стал я уж уставать.

Снял я шубу, и пот с меня так и льет. А Демьян как на лодке плывет. Точно сами под ним лыжи ходят. Ни зацепит нигде, ни свернется. И мою шубу еще себе за плечи перекинул и всё меня понукает.

Дали мы круг версты в три, обошли болото. Я уже отставать стал, лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подошел. Демьян пригнулся, шепчет и показывает: «Видишь, сорока над ломом щекочет; птица издали его дух слышит. Это он».

Взяли мы прочь, прошли еще с версту и нашли опять на старый след. Так что мы кругом обошли медведя, и он в середине нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снял и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, весь, как мышь, мокрый. И Демьян покраснелся, рукавом утирается. «Ну, — говорит, — барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо».

А уж заря сквозь лес краснеть стала. Сели мы на лыжи отдыхать. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался,

что я в жизнь такого не ел. Посидели мы; уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни. «Да верст 12-ть будет. Дойдем ночью, а теперь отдохнуть надо. Надевай-ка шубу, барин, а то остудишься».

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснул. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где я заснул. Оглянулся я — что за чудо! Где я? Палаты какие-то белые надо мной, и столбы белые, и на всем блески блестят. Глянул вверх — разводы белые, а промеж разводов свод какой-то вороненый, и огни разноцветные горят. Огляделся я, вспомнил, что мы в лесу и что это деревья в снегу и в инее мне за палаты показались, а огни — это звезды на небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал: и на сучьях иней, и на шубе моей иней, и Демьян весь под инеем, и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому

снегу посовываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу голк раздается. Один раз только живое что-то зашумело близехонько от нас и прочь побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда зашумело, увидали следы заячьи, и осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо, как пушок, липнет. А звезды вдоль по сучьям точно навстречу бегут, засветятся, потухнут, — точно всё небо ходуном ходит.

Товарищ спал, — я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяйину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня. Вскочил я, смотрю: товарищ уж одет, с ружьем что-то возится.

«А где Демьян?» — «Он уже давно в лесу. Уж и обклад поверил, сюда прибегал; а теперь повел загонщиков заводить». Умылся я, одел-

ся, зарядил свои ружья; сели в сани, поехали.

Мороз всё держал крепкий, тихо было и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу. Видим: в низочке дымок синеет, и народ стоит, — мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики сидят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повел их Демьян расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30-ть человек — только по поясу их видно — зашли в лес; потом пошли мы с товарищем по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; зато падать некуда, — как промежду двух стен идешь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим — уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтоб к нему шли.

Подошли мы к нему, показал нам места. Стал я на свое место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернеется

мне мужик-загонщик. Против меня частый, молодой ельник в рост человека. И на ельнике сучья повисли и слиплись от снега. В середине ельника дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта прямо на меня идет. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвел курки и стал раздумывать, где бы мне получше стать. Сзади меня в трех шагах большая сосна. «Дай стану у сосны и ружье другое к ней прислоню». Полез я к сосне, провалился выше колен, обтоптал у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружье взял в руки, а другое с взведенными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу, кричит в лесу Демьян:

«Пошел! в ход пошел! пошел!» И как закричал Демьян, на кругу закричали мужики разными голосами. «Пошел! Ууу!..» — кричали мужики. «Ай! И-их!» — кричали бабы тонки-

ми голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли, молчали и не шевелились, ждали медведя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружье, подрагиваю. Вот-вот, думаю, выскочит, прицелюсь, выстрелю, упадет... Вдруг налево слышу я, в снегу обваливается что-то, только далеко. Глянул я в высокий ельник: шагов на 50, за деревьями, стоит что-то черное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю: шевельнул он ушами, повернулся и назад. Сбоку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище! Нацелился я сгоряча. Хлоп! — слышу: шлепнулась об дерево моя пуля. Смотрю из-за дыма, — медведь мой назад катит в обклад и скрылся за лесом. Ну, думаю, пропало мое дело; теперь уж не набежит на меня; либо товарищу стрелять, либо через мужиков пойдет, а уж не на меня. Стою я, зарядил опять ружье и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу, непутем кричит какая-то баба: «Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сю-

да! Ой, ой! Ай, ай, ай!»

Видно — на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо, на товарища. Смотрю: Демьян с палочкой без лыж, по тропинке бежит к товарищу; присел подле него и палкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу: товарищ вскинул ружье, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп! — выпалил. «Ну, — думаю, — убил». Только, смотрю, не бежит товарищ за медведем. «Видно, промах или плохо попал, — уйдет, — думаю, — теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит!» Что такое? Впереди себя слышу вдруг — как вихорь летит кто-то, близехонько сыплется снег, и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямехонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав, и, видно, со страху сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден: грудь черная, и головаща огромная с рыжинкой. Летит прямёхонько на меня лбом и сыплет снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу катит благим матом, куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскинул я ружье, выстре-

лил, — а уже он еще ближе. Вижу, не попал, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и всё не видит. Пригнул я ружье, чуть не упер в него, в голову. Хлоп! — вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, осклабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, — думаю, — хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу — давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня, да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежит на мне тяжелое, слышу теплое над лицом и слышу, забирает он в пасть всё лицо мое. Нос мой уж у него во рту, и чую я — жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: зацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как но-

жами режут мне голову; бьюсь я, выдерживаюсь, а он торопится и как собака грызет — жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. «Ну, — думаю, — конец мой пришел». Слышу, вдруг полегчало на мне. Смотрю нет его: соскочил он с меня и убежал...

Когда товарищ и Демьян увидали, что медведь сбил меня в снег и грызет, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того, чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь всё грыз меня. А Демьян, как был, без ружья, с одной хворостиной, пустился по дорожке, сам кричит: «Барина заел! Барина заел!» Сам бежит и кричит на медведя: «Ах ты, баламутный! Что делает! Брось! Брось!»

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо, а сторяча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я забыл про рану, спрашиваю: «Где медведь, куда ушел?» Вдруг слышим: «Вот он! вот он!» Ви-

дим: медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не успел никто выстрелить, — уж он пробежал. Медведь остервенел, — хотелось ему еще погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидели, что из медвежьей головы идет кровь; хотели идти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шелком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а всё ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб.

Медведь этот был очень велик и на нем прекрасная чёрная шкура.

Я сделал из нее чучелу, и она лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.

НАСЕДКА И ЦЫПЛЯТА

(Басня)

Наседка вывела цыплят и не знала, как их

уберечь. Она и сказала им: «Полезайте опять в скорлупу; когда вы будете в скорлупе, я сяду на вас, как прежде сидела, и уберегу вас». Цыплята послушались, полезли в скорлупу, но не могли никак влезть в нее и только помяли себе крылья. Тогда один цыпленок и сказал матери:

«Если нам всегда оставаться в скорлупе, ты бы лучше и не выводила нас».

ГАЗЫ

(Рассуждение)

I

Воздух бывает разный, хотя он всегда светлый и не видный.

Вода расходуется в воздухе, делается летучею; и когда много воды в воздухе, он бывает сырой, когда мало — сухой. Когда в закрытом месте надышат люди, воздух бывает дурной, нездоровый; а на открытых местах или в лесу — воздух здоровый, хороший. Это бывает оттого, что в закрытой комнате к обыкновенному воздуху прибавился тот дурной воздух, который выдыхают из себя люди и все животные.

Стало быть, в воздухе есть разные части, и

их глазом нельзя отличить: все похоже на обыкновенный воздух. Эти разные вещества, разные газы смешаны в воздухе так, как вода с уксусом или с вином. Если в воду налить водки, то вода и водка перемешаются так, что глазом не разберешь, — есть ли в воде водка, или нет, и много ли ее, или мало. Но понюхать — и можно разобрать; так и в воздухе бывает разная смесь, и глазами ничего нельзя видеть, а можно только почувствовать, когда долго подышишь. В хорошем воздухе дышать приятно и здорово, в дурном тяжело и иногда вредно.

Для дыхания нужнее всех частей воздуха одна, называемая *кислородом*. Если собрать этот газ отдельно и всунуть в него курилку, то она сейчас загорится огнем. Стало быть, от него дерево и всякая другая вещь горит сильнее. А если кислорода нет в воздухе и всунуть в такой воздух курилку, она погаснет.

Оттого воздух и нужен для горения, что в нем есть кислород. Чтобы огонь разгорелся, на него дуют, машут, а если хочешь, чтобы загоревшаяся вещь погасла, сделай так, чтобы вокруг нее не было воздуха: накрой ее, зажми

со всех сторон, и она погаснет.

Другая часть воздуха — *азот*. В нем дышать нельзя, и вещи не могут гореть.

Третья часть воздуха — углекислый газ, *углекислота*. Она тоже не годится ни для дыхания, ни для горения. Этого газа мало в воздухе, но он везде есть. Когда же его наберется много, то он опускается и собирается внизу, потому что он тяжелее других газов.

Четвертая часть воздуха — водяные пары, летучая вода.

Когда мы дышим, то кислород уходит в наше тело, и в том воздухе, который мы выдыхаем, кислорода меньше, чем в обыкновенном воздухе, а зато больше углекислоты. Вот отчего воздух становится дурным от дыхания.

Деревья, травы и все растения тоже дышат, только они не втягивают в себя воздух, как мы втягиваем грудью, а вбирают его всеми листочками и молодой корой. И из всех листочков тоже незаметно выдыхается воздух; и этот воздух тоже не такой, как обыкновенный: в нем меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть, растениям нужна углекислота, которая не нужна и вредна живот-

ным. И вот отчего в лесу воздух такой здоровый: там углекислоты меньше и кислорода больше.

ГАЗЫ

(Рассуждение)

II

Если в ведро с водой набросать камней, пробок, соломы, дерева сухого и сырого, насыпать песку, глины, соли, налить туда же масла, водки, и всё это взболтать и смешать и потом посмотреть, что будет делаться, то увидишь, что камни, глина, песок пойдут на дно, сухое дерево, солома, пробки, масло всплывут кверху, соль и водка распустятся, так что их не будет видно. Всё это будет сначала кружиться, шевелиться, толкать друг друга, а потом всё найдет себе место и расстановится: что тяжелее, то скорее пойдет книзу; что легче, то скорее пойдет наверх.

Точно так же в воздухе, над землею, размещаются все газы. Какие тяжелее воздуха, те садятся ниже; какие легче, те поднимаются выше; какие могут распуститься, те расходятся по всему воздуху.

Если бы газы не делались новые, не сме-

шивались бы с другими, не переменялись бы, то воздух бы стоял над землею и не шевелился бы, как вода в ведре, когда она устоится; но на земле беспрестанно делаются новые газы, и те, какие есть, смешиваются с другими веществами.

Каждый человек, каждое животное когда дышит, то выбирает из воздуха кислород и в самом себе смешивает его с веществами своего тела, а выпускает уже другим газом. Всякое растение — трава, дерево — забирает в себя углекислоту и выпускает кислород. Вода в одном месте из жидкой делается летучею, водяным газом, невидимым паром; в другом месте из летучей воды делается жидкая. От этого в воздухе всегда ходят разные газы: какие легче, те идут вверх, какие тяжелее, те опускаются вниз, и ходят газы беспрестанно, как в ведре с водой разные вещества. Но всего больше весь воздух шевелится и ходит оттого, что — как он где нагреется, так поднимается кверху, а как остынет, так идет книзу. Когда в солнечный день солнце сбоку светит в окно, то в лучах солнца видно, как кружатся и прыгают кверху и книзу пылинки. Это кружится теп-

лый и холодный воздух и носит с собою легкие пылинки.

ЛЕВ, ОСЕЛ И ЛИСИЦА

(Басня)

Лев, осел и лисица вышли на добычу. Наволили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осел разделил поровну на три части и говорит: «Ну, теперь берите!» Лев рассердился, съел осла и велел лисице переделит. Лисица всё собрала в одну кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит: «Ну, умница! Кто ж тебя научил так хорошо делить?»

Она говорит: «А с ослом-то что было?»

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

(Рассказ)

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял работников с топорами и лопатами и сам стал работать с ними в саду. Мы вырубали и вырезывали сушь и дичь и лишние кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другие деревья — тополь и черемуха. Тополь идет от корней, и его нельзя вырыть, а в земле надо вырубать корни. За прудом стоял

огромный в два обхвата тополь. Вокруг него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велел их рубить: мне хотелось, чтобы место было веселее, а главное, — мне хотелось облегчить старый тополь, потому что я думал: все эти молодые деревья от него идут и из него тянут сок. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землею их сочные коренья, как потом вчетвером мы тянули и не могли выдернуть надрубленный тополек. Он изо всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот. Когда я рубил их, старый тополь уже умирал. Когда распустились листья, я увидал (он расходился на два сука), что один сук был голый; и в то же лето он засох. Он давно уже умирал и знал это, и передал свою жизнь в отростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хо-

тел его облегчить — и побил всех его детей.

ЧЕРЕМУХА

(Рассказ)

Одна черемуха выросла на дорожке из орешника и заглушала лециновые кусты. Долго думал я — рубить или не рубить ее: мне жаль было. Черемуха эта росла не кустом, а деревом, вершка три в отрубе и сажени 4 в вышину, вся развилитая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был ее запах. Я бы и не срубил ее, да один из работников (я ему прежде сказал вырубить всю черемуху) без меня начал рубить ее. Когда я пришел, уже он врубился в нее вершка на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. «Нечего делать, видно судьба», — подумал я, взял сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор, и потом напрямик подсесть подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

Я совсем забыл о черемухе и только думал

о том, как бы скорее свалить ее. Когда я запы-
хался, я положил топор, уперся с мужиком в
дерево и попытался свалить его. Мы качнули:
дерево задрожало листьями, и на нас закапа-
ло с него росой, и посыпались белые, души-
стые лепестки цветов.

В то же время, точно вскрикнуло что-то, —
хрустнуло в середине дерева; мы налегли, и
как будто заплакало, — затрещало в середине,
и дерево свалилось. Оно разодралось у надру-
ба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами
на траву. Подрожали ветки и цветы после па-
дения и остановились.

«Эх! штука-то важная! — сказал мужик. —
Живо жалко!» А мне так было жалко, что я по-
скорее отошел к другим рабочим.

КАК ХОДЯТ ДЕРЕВЬЯ

(Рассказ)

Раз мы вычищали на полубугре подле пруд-
да заросшую дорожку, много нарубили ши-
повника, лозины, тополя, потом пришла че-
ремуха. Росла она на самой дороге и была та-
кая старая и толстая, что ей не могло быть
меньше 10 лет. А пять лет тому назад, я знал,

что сад был чищен. Я никак не мог понять, как могла тут вырасти такая старая черемуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черемуха, даже еще потолще. Я осмотрел ее корень и нашел, что она росла под старой липой. Липа своими сучьями заглушила ее, и черемуха протянулась аршин на пять прямым стеблем по земле; а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил ее в корне и подивился тому, как она была свежа и как гнил был корень. Когда я срубил ее, мы с мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли ее сдвинуть: она как будто прилипла. Я сказал: «Посмотри, не зацепили ли где?» Работник подлез под нее и закричал: «Да у ней другой корень, вот на дороге!» Я подошел к нему и увидел, что это была правда.

Черемуха, чтобы ее не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий. Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю,

сделала из сучка корень, а тот корень бросила. Тогда только я понял, как выросла та первая черемуха на дороге. Она тоже, верно, сделала, — но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашел его.

ДЕРГАЧ И ЕГО САМКА

(Басня)

Дергач поздно свил в лугу гнездо, и в покос еще самка сидела на яйцах. Рано утром мужики пришли к лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли друг за другом подрезать траву и класть рядами. Дергач вылетел посмотреть, что делают косцы. Когда он увидал, что один мужик махнул косой и разрезал пополам змею, он обрадовался, прилетел к дергачихе и сказал: «Не бойся мужиков; они пришли резать змей; нам давно от них житья нет». А дергачиха сказала: «Мужики режут траву, а с травой режут всё, что ни попадетсЯ: и змею, и дергачиное гнездо, и дергачиную голову. Не добро чует мое сердце; а нельзя мне ни унести яиц, ни улететь с гнезда, чтобы не остудить их».

Когда косцы дошли до дергачиного гнезда,

один мужик махнул косою и срезал дергачихе голову, а яйца положил за пазуху и отдал ребятам играть.

КАК ДЕЛАЮТ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ

(Рассуждение)

Если взять надутый пузырь и опустить его в воду, а потом пустить, то пузырь выскочит на верх воды и станет по ней плавать. Точно так же, если кипятить чугуна воды, то на дне, над огнем, вода делается летучею, газом; и как соберется пар, немножко водяного газа, он сейчас пузырем выскочит наверх. Сперва выскочит один пузырь, потом другой, а как нагреется вся вода, то пузыри выскакивают не переставая: тогда вода *кипит*.

Так же, как из воды выскакивают наверх пузыри, надутые летучею водой, потому что они легче воды, — так из воздуха выскочит на самый верх воздуха пузырь, надутый газом — *водородом*, или горячим воздухом, потому что горячий воздух легче холодного воздуха, а водород легче всех газов.

Воздушные шары делают из водорода и из горячего воздуха. Из водорода шары делают

вот как: сделают большой пузырь, привяжут его веревками к кольям и напустят в него водорода. Как только отвяжут веревку, пузырь полетит кверху, и летит до тех пор, пока не выскочит из того воздуха, который тяжелее водорода. А когда выскочит наверх, в легкий воздух, то начнет плавать по воздуху, как пузырь на воде. Из горячего воздуха делают воздушные шары вот как: сделают большой пустой шар с горлышком внизу, как перевернутый кувшин, и в горлышке приделают клок хлопка, и хлопок этот намочат в спирт и зажгут. От огня разогреется воздух в шаре и станет легче воздуха холодного, и шар потянет кверху, как пузырь из воды. И шар будет лететь до тех пор кверху, пока не придет в воздух легче горячего воздуха в шаре.

Почти сто лет тому назад, французы, братья Монгольфьеры, выдумали воздушные шары. Они сделали шар из полотна с бумагой, напустили в него горячего воздуха; шар полетел. Тогда они сделали другой шар побольше, подвязали под шар барана, петуха и утку и пустили. Шар поднялся и опустился благополучно. Потом уже подделали под шар лодочку

и в лодочку сел человек. Шар взлетел так высоко, что скрылся из виду: полетал и потом спустился благополучно. Потом придумали наполнять шары водородом и стали летать еще выше и скорее.

Для того, чтобы летать на шару, подвешивают под него лодочку, и в эту лодочку садятся по двое, по трое и даже по восьми человек и берут с собою питье и еду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда хочешь, в шару сделан клапан, и этот клапан тот, кто летит, может за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шар слишком высоко поднимется, и кто летит, хочет спустить его, то он откроет клапан, газ выйдет, шар сожмется и станет спускаться. Кроме того, на шару всегда есть мешки с песком. Если сбросить мешок, то шару будет легче, и он пойдет кверху. Если кто летит, хочет спуститься и видит, что внизу неладно, — или река или лес, то он высыпает песок из мешков, и шар становится легче и опять поднимается.

РАССКАЗ АЭРОНАВТА

Народ собрался смотреть на то, как я полечу. Шар был готов. Он подрагивал, рвался вверх на четырех канатах и то морщился, то надувался. Я простился с своими, сел в лодку, осмотрел, все ли мои припасы были по местам, и закричал: «Пускай!». Канаты подрезали, и шар поднялся кверху, сначала тихо, — как жеребец сорвался с привязи и оглядывался, — и вдруг дернул кверху и полетел так, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали в ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнул им шляпой и не успел опять надеть ее, как уж я был так высоко, что с трудом мог разобрать людей. Первую минуту мне стало жутко, и мороз пробежал по жилам; но потом вдруг так стало весело на душе, что я забыл бояться. Мне уж чуть слышен был шум в городе. Как пчелы шумел народ внизу. Улицы, дома, река, сады в городе виднелись мне внизу, как на картинке. Мне казалось, что я царь над всем городом и народом, — так мне весело было наверху. Я шибко поднимался кверху, только подрагивали веревки в лодке, да раз налетел на меня ветер, перевернул меня два раза на месте; но

потом опять не слышать было, лечу ли я, или стою на месте. Я только потому замечал, что лечу кверху, что всё меньше и меньше становилась подо мной картинка города и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдруг я заметил, что земля подо мной стала, как чашка. Края были выпуклые, — на дне чашки был город. Мне веселее и веселее становилось. Весело и легко было дышать и хотелось петь. Я запел, но голос мой был такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце стояло еще высоко, но на закате тянулась туча, — и вдруг она закрыла солнце. Мне опять стало жутко, и я, чтоб заняться чем-нибудь, достал барометр и посмотрел на него, и по нем узнал, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клал на место барометр, что-то затрепыхалось около меня, и я увидел голубка. Я вспомнил, что взял голубка затем, чтобы спустить его с записочкой вниз. Я написал на бумажке, что я жив и здоров, на 4-х верстах высоты, и привязал бумажку к шее голубя. Голубь сидел на краю лодки и смотрел на меня своими красноватыми глазами. Мне

казалось, что он просил меня, чтобы я не сталкивал его. С тех пор, как стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего делать, надо было послать вниз голубя. Он дрожал всеми перышками, когда я взял его в руку. Я отвел руку и бросил его. Он, часто махая крыльями, полетел боком, как камень, книзу. Я посмотрел на барометр. Теперь я уже был на пять верст над землею и почувствовал, что мне воздуха мало, и я часто стал дышать. Я потянул за веревку, чтобы выпустить газ и спускаться, но ослабел ли я, или сломалось что-нибудь, — клапан не открывался. Я обмер. Мне не слышать было, чтобы я поднимался, ничто не шевелилось, но дышать мне становилось всё тяжелее и тяжелее. «Если я не остановлю шар, — подумал я, — то он лопнет, и я пропал». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я, или стою на месте, я выбросил бумажки из лодки. Бумажки точно камни летели книзу. Значит, я, как стрела, летел кверху. Я изо всех сил ухватился за веревку и потянул. Слава богу, клапан открылся, засвистало что-то. Я выбросил еще бумажку, — бумажка полетела около меня и поднялась. Значит, я опускался.

Внизу всё еще ничего не было видно, только как море тумана расстилалось подо мной. Я спустился в туман: это были тучи. Потом подул ветер, понес меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидел под собой опять чашку земли. Но не было еще нашего города, а какие-то леса и две синие полосы — реки. Опять мне радостно стало на душе и не хотелось спускаться; но вдруг что-то зашумело подле меня, и я увидел орла.

Он удивленными глазами поглядел на меня и остановился на крыльях. Я, как камень, летел вниз. Я стал скидывать балласт, чтобы задержаться.

Скоро мне стали видны поля, лес и у леса деревня, и к деревне идет стадо. Я слышал голоса народа и стада. Шар мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричал и бросил им веревки. Сбежался народ. Я увидел, как мальчик первый поймал веревку. Другие подхватили, прикрутили шар к дереву, и я вышел. Я летал только 3 часа. Деревня эта была за 250 верст от моего города.

КОРОВА И КОЗЕЛ

(Сказка)

У старухи были корова и козел. Корова и козел вместе ходили в стадо. Корова всё ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлеба с солью, дала корове и приговаривала: «Да стой же, матушка; на, на; еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечер козел вперед коровы вернулся с поля, расставил ноги и стал перед старухой. Старуха замахнулась на него полотенцем, но козел стоял, не шевелился. Он помнил, что старуха обещала хлеба корове, чтобы стояла смирно. Старуха видит, что козел не понимается, взяла палку и прибила его.

Когда козел отошел, старуха опять стала кормить корову хлебом и уговаривать ее.

«Нет в людях правды! — подумал козел. — Я смирнее ее стоял, а меня прибили».

Он отошел к сторонке, разбежался, ударил в подойник, разлил молоко и зашиб старуху.

ВОРОН И ВОРОНЯТА

(Басня)

Ворон свил себе гнездо на острове, и когда

воронята вывелись, он стал их переносить с острова на землю. Сперва он взял в когти одного вороненка и полетел с ним через море. Когда старый ворон вылетел на средину моря, он умирался, стал реже махать крыльями и подумал: теперь я силен, а он слаб, я перенесу его через море; а когда он станет велик и силен, а я стану слаб от старости, вспомнит ли он мои труды и будет ли переносить меня с места на место? И старый ворон спросил вороненка: «Когда я буду слаб, а ты будешь силен, будешь ли ты носить меня? Говори мне правду!» Вороненок боялся, что отец бросит его в море, и сказал: «Буду». Но старый ворон не поверил сыну и выпустил вороненка из когтей. Вороненок, как комок, упал книзу и потонул в море. Старый ворон один полетел через море назад на свой остров. Потом старый ворон взял другого вороненка и также понес его через море. Опять он умирался на средине моря и спросил сына, будет ли он его в старости переносить с места на место. Сын испугался, чтобы отец не бросил его, и сказал: «Буду».

Отец не поверил и этому сыну и бросил его

в море. Когда старый ворон прилетел назад к своему гнезду, у него оставался один вороненок. Он взял последнего сына и полетел с ним через море. Когда он вылетел на середину моря и устал, он спросил: «Будешь ли ты в моей старости кормить меня и переносить с места на место?» Вороненок сказал: «Нет, не буду». — «Отчего?» — спросил отец. «Когда ты будешь стар, а я буду большой, у меня будет свое гнездо и свои воронята, и я буду кормить и носить своих детей». Тогда старый ворон подумал: «он правду сказал, за то потружусь и перенесу его за море». И старый ворон не выпустил вороненка, а из последних сил замахал крыльями и перенес на землю, чтобы он свил себе гнездо и вывел детей.

СОЛНЦЕ — ТЕПЛО

(Рассуждение)

Выйди зимой в тихий морозный день в поле или в лес и посмотри кругом себя и послушай: везде кругом снег, реки замерзли, сухие травки торчат из-под снега, деревья стоят голые, ничто не шевелится.

Посмотри летом: реки бегут, шумят; в каж-

дой лужице лягушки кричат, бубулькают; птицы перелетывают, свистят, поют; мухи, комары вьются, жужжат; деревья, травы растут, махаются.

Заморозь чугуна с водой — он окаменеет. Поставь замороженный чугун в огонь: станет лед трескаться, таять, пошевеливаться; станет вода качаться, бульки пускать; потом, как станет кипеть, загудит, завертится. То же делается и на свете от тепла. Нет тепла — всё мертво; есть тепло — всё движется и живет. Мало тепла — мало движенья; больше тепла — больше движенья; много тепла — много движенья; очень много тепла — и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свете? Тепло от солнца.

Ходит солнце низко зимой, стороною, не упирает лучами в землю, и ничто не шевелится. Станет солнышко ходить выше над головами, станет светить в припор к земле, отогревается всё на свете и начнет шевелиться.

Станет снег осаживаться, станет отдувать лед на реках, польется вода с гор, поднимутся пары из воды в облака, пойдет дождь. Кто это

всё сделает? Солнце. Оттают семечки, выпустят ростки, зацепятся ростки за землю; из старых корней пойдут побеги, начнут расти деревья и травы. Кто это сделал? Солнце.

Встанут медведи, кроты; очнутся мухи, пчелы; выведутся комары, выведутся рыбы из яиц на тепле. Кто всё это сделал? Солнце.

Разогреется в одном месте воздух, подыметя, а на его место пойдет воздух похолоднее, — станет ветерок. Кто это сделал? Солнце.

Поднимутся облака, станут сходитья и расходиться, — ударит молния. Кто сделал этот огонь? Солнце.

Вырастут травы, хлеба, плоды, деревья; насытятся животные, напитаются люди, соберут корму и топлива на зиму; построят себе люди дома, построят чугунки, города. Кто всё приготовил? Солнце.

Человек построил себе дом. Из чего он его сделал? Из бревен. Бревна вырублены из деревьев; деревья вырастило солнце.

Топится печка дровами. Кто вырастил дрова? Солнце.

Ест человек хлеб, картофель. Кто выраст-

тил? Солнце. Ест человек мясо. Кто выкормил животных, птиц? Травы. А травы вырастило солнце.

Человек строит каменный дом из кирпича и известки. Кирпич и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Всё, что людям нужно, что идет прямо на пользу, всё это заготавливается солнцем, и во всё идет много солнечного тепла. Потому и нужен всем хлеб, что его растило солнце и что в нем много солнечного тепла. Хлеб греет того, кто его ест.

Потому и нужны дрова и бревна, что в них много тепла. Кто закупит дров на зиму, тот закупит солнечного тепла; и зимой, когда захочет, то и зажжет дрова и выпустит тепло солнечное себе в горницу.

А когда есть тепло, то есть и движение. Какое ни на есть движение — всё от тепла, — либо прямо от солнечного тепла, либо от тепла того, которое заготовило солнце: в угле, в дровах и в хлебе и в траве.

Лошади, быки возят, люди работают, — что их *двигает*? Тепло. А откуда они взяли тепло? Из корма. А корм заготовило солнце.

Водяные и ветряные мельницы вертятся и мелют. Кто их двигает? Ветер и вода. А ветер кто гонит? Тепло. А воду кто гонит? Тепло же. Оно подняло воду парами вверх, и без этого вода не падала бы книзу. Машина работает, — ее движет пар; а пар кто делает? Дрова. А в дровах тепло солнечное.

Из тепла делается движение, а из движения тепло. И тепло и движение от солнца.

ОТЧЕГО ЗЛО НА СВЕТЕ

(Басня)

Пустынник жил в лесу, и звери не боялись его. Он и звери говорили между собою и понимали друг друга.

Один раз пустынник лег под дерево, а ворон, голубь, олень и змея собрались ночевать к тому же месту. Звери стали рассуждать, отчего зло бывает на свете.

Ворон сказал: «Зло на свете всё от голода. Когда поешь вволю, сядешь себе на сук, покаркаешь — всё весело, хорошо, на всё радуешься; а вот только поголодай день-другой, и всё так противно станет, что и не смотрел бы на свет божий. И всё тебя тянет куда-то, пере-

летаешь с места на место, и нет тебе покоя. А завидишь мясо, так еще тошнее делается, так и бросишься без разбора. Другой раз и палками-то, и камнями в тебя кидают, и волки и собаки хватают, а ты всё не отстаешь. И сколько так из-за голода пропадает нашего брата. Всё зло от голода».

Голубь сказал: «А по мне не от голода зло, а всё зло от любви. Кабы мы жили по одному, нам бы горя мало. Одна голова не бедна, а и бедна, так одна. А то мы живем всегда парочками. И так полюбишь свою дружку, что нет тебе покоя — всё о ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А как улетит куда-нибудь от тебя дружка, тут уж совсем пропадешь, — всё думаешь: как бы ястреб не унес или люди не поймали бы; и сам полетишь ее искать, да и залетишь в беду, — либо под ястреба, или в силлок. А если пропадет дружка, так самому уже ничто не мило. Не ешь, не пьешь и только ищешь, да плачешь. Сколько нас от этого пропадает! Всё зло не от голода, а от любви».

Змея сказала: «Нет, зло не от голода и не от любви, а зло от злости. Кабы жили мы смиренно, не злились бы, — нам бы всё хорошо было.

А то как сделается что-нибудь не по тебе, разозлишься, — тогда уж ничто не мило. Только и думаешь, как зло свое на ком выместить. Тут уж сама себя не помнишь, только шипишь да ползаешь, ищешь, кого бы уку- сить. Уже никого не жалеешь — до тех пор злишься, пока сама себя погубишь. Всё зло на свете от злости».

Олень сказал: «Нет, не от злости и не от любви и не от голода всё зло на свете, а зло от страха. Кабы можно было не бояться, всё бы хорошо было. Ноги у нас резвые, силы много. От маленького зверя рогами отобьешься, от большого уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрустни в лесу ветка, зашурши листья, так весь и затрясешься от страха, забьется сердце, точно выскочить хочет, и летишь, что есть духу. Другой раз заяц пробежит, птица трепещется или сухая ветка обломится, а ты думаешь — зверь, да и набежишь на зверя. А то бежишь от собаки, — набежишь на человека. Часто испугаешься и бежишь, сам не знаешь куда, и с размаху оборвешься под кручь и убьешься. И спишь-то одним глазом, слушаешь и боишься. Нет покоя. Всё зло от страха».

Тогда пустынник сказал:

— Не от голода, не от любви, не от злобы, не от страха все наши мученья, а от нашего тела всё зло на свете. От него и голод, и любовь, и злоба, и страх!

ГАЛЬВАНИЗМ

(*Рассуждение*)

Был один ученый итальянец Гальвани. У него была электрическая машина, и он показывал своим ученикам, что такое электричество. Он натирал крепко стекло шелком с мазью и потом к стеклу подводил медную шишечку, укрепленную в стекле, и из стекла перескакивала искра в медную шишечку. Он толковал им, что бывает такая же искра от сургуча и от янтаря. Показывал, как перышки и бумажки иногда притягиваются электричеством, иногда отталкиваются, и отчего это бывает. Он много делал разных опытов с электричеством, и всё это показывал ученикам.

Однажды у него заболела жена. Он позвал доктора и спросил, чем ее лечить. Доктор велел сделать ей суп из лягушек. Гальвани велел наловить съедобных лягушек. Ему нало-

вили, убили их и положили к нему на стол.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжал показывать ученикам электрическую машину и пускать искры.

Вдруг он увидал, что мертвые лягушки на столе дрыгают ногами. Он стал присматриваться и заметил, что всякий раз, как он пустит искру из электрической машины, лягушки дрыгнут ногами. Гальвани набрал еще лягушек и стал над ними делать опыты. Всякий раз выходило так, что как пустит искру, так мертвые лягушки станут, как живые, шевелить ногами.

Гальвани и подумал, что живые лягушки не оттого ли шевелят ногами, что в них проходит электричество. А Гальвани знал, что электричество есть и в воздухе, что в сургуче, янтаре и стекле оно заметнее, но что оно есть в воздухе и что гроза и молния бывают от воздушного электричества.

Вот он и стал пытаться, не будут ли мертвые лягушки двигать ногами и от воздушного электричества. Для этого он взял лягушек, снял с них шкуру, отрезал головы и передние лапы и подвесил их медными крючками к

крыше под железный жолоб. Он думал, что когда найдет гроза и в воздухе будет много электричества, то через медную проволоку электричество пройдет в лягушек, и они начнут шевелиться.

Только гроза проходила несколько раз, а лягушки не шевелились. Гальвани стал уже снимать их, да, снимая, тронул лягушечьей ногой о жолоб, — и нога дрыгнула. Гальвани снял лягушек и стал пробовать так: он привязал к медному крючку железную проволоку и проволокой трогал лягушечью лапу, — и лапа дрыгала.

Вот Гальвани и решил, что все животные живы только оттого, что в них электричество и что электричество перескакивает от мозга в мясо и от этого животные движутся. Никто тогда еще не пробовал хорошенько этого дела и не знал, и все поверили Гальвани. Но в это время другой ученый Вольта стал пробовать по-своему и показал всем, что Гальвани ошибся. Он попробовал трогать лягушку не так, как Гальвани, не медным крючком с железной проволокой, а либо медною проволокой с медным крючком, либо железной с же-

лезным крючком, — и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогал их железною проволокой, связанною с медной.

Вольта и подумал, что электричество не в мертвой лягушке, а в железе и меди. Он стал пробовать, и точно: как только сведет вместе железо и медь, так и делается электричество; а от электричества уже и дрыгает ногами мертвая лягушка. Вольта и стал пробовать, как бы делать электричество не так, как прежде его делали. Прежде электричество делали тем, что натирали стекло или сургуч. А Вольта стал делать его тем, что железо и медь сводил вместе. Он пробовал сводить вместе железо и медь и другие металлы и дошел до того, что из одного соединения металлов: серебра, платины, цинка, олова, железа, он производил электрические искры.

После Вольты придумали еще усилить электричество тем, что промеж металлов стали наливать разные жидкости — воду и кислоты. От этих жидкостей электричество стало еще сильнее, так что уж не нужно, как прежде делали, тереть, чтобы было электри-

чество; а стоит только положить в одну чашку кусков разного металла и налить жидкостей, и в этой чашке будет электричество, и будет выходить искра из проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать к делу: придумали золотить и серебрить электричеством, придумали свет электрический и придумали электричеством на дальнем расстоянии с места на место передавать знаки.

Для этого кладут куски разных металлов в стаканчики; в них наливают жидкости. В стаканчиках набирается электричество, и это электричество проводят по проволоке в то место, куда хотят, а из того места проволоку проводят на землю. Электричество в земле бежит опять назад к стаканчикам и поднимается к ним из земли по другой проволоке; так что электричество между двух мест не переставая ходит кругом, как в кольце, — по проволоке в землю и назад по земле, и опять по проволоке, и опять по земле. Если по проволоке пустить электричество и проволокою этой обмотать кусок железа, то железо это делается магнитом и будет к себе притяги-

вать другое железо.

Телеграф делают так: пустят электричество по проволоке, и проволокою этой обмотают железный столбик. А над столбиком приделан на перевесе железный молоточек. И пока электричество ходит по проволоке, железный столбик, обмотанный проволокой, притягивает к себе молоточек. Как только на другом конце — хоть за 100 верст — разведут концы проволоки врозь, электричество перестает ходить кругом, и железный столбик перестает быть магнитом и молоточек от него отпадает. Как сведут опять концы, так молоточек притягивается. И так можно с одной станции на другую постукивать молоточком. И по этим стукам уговорены знаки.

МУЖИК И ВОДЯНОЙ

(Басня)

Мужик уронил топор в реку; с горя сел на берег и стал плакать.

Водяной услышал, пожалел мужика, вынес ему из реки золотой топор и говорит: «Твой это топор?»

Мужик говорит: «Нет, не мой».

Водяной вынес другой, серебряный топор. Мужик опять говорит: «Не мой топор». Тогда водяной вынес настоящий топор. Мужик говорит: «Вот это мой топор». Водяной подарил мужику все три топора за его правду.

Дома мужик показал товарищам топоры и рассказал, что с ним было.

Вот один мужик задумал то же сделать: пошел к реке, нарочно бросил свой топор в воду, сел на берег и заплакал.

Водяной вынес золотой топор и спросил: «Твой это топор?»

Мужик обрадовался и закричал: «Мой, мой!»

Водяной не дал ему золотого топора и его собственного назад не отдал — за его неправду.

ВОРОН И ЛИСИЦА

(Басня)

Ворон добыл мяса кусок и сел на дерево. Захотелось лисице мяса, она подошла и говорит:

— Эх, ворон, как посмотрю на тебя, — по

твоему росту да красоте только бы тебе царем быть! И, верно, был бы царем, если бы у тебя голос был.

Ворон разинул рот и заорал, что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говорит:

— Ах, ворон, коли бы еще у тебя и ум был, быть бы тебе царем.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

(Б^{ыль})

1

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле: плоха уж старуха стала; может, и не придется увидеть. Поехать; а если невеста хороша — и жениться можно».

Пошел он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Ехать было 25 верст. Обоз шел тихо; то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит, или лошадь станет, и все стоят — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошел. Пыль, жара, солнце так и печет, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперед, остановился и

ждет, пока подойдет обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, — опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар — ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьем, и говорит:

— Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. — А Костылин — мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льет. Подумал Жилин и говорит:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, так поедем. Только уговор — не разъезжаться.

И поехали они вперед по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

— Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

— Что смотреть? поедем вперед.

Жилин не послушал его.

— Нет, — говорит, — ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотницкая (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком, и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, глядь, — а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами, — человек тридцать. Он увидал, стал назад поворачивать; и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

— Вынимай ружье! — а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнешься — пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, вместо того чтобы подождать, только увидал татар, — закатился, что есть духу, к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пы-

ли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит — дело плохо. Ружье уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь.пустил он лошадь назад к солдатам — думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми еще добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит. Видит — близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружье наготове.

«Ну, — думает Жилин, — знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нем сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, — навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нем два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки.

Рванулся он, скинул с себя татар, — да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с седел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, всё обшарили, деньги, часы вынули, платье всё изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами, — до земли не достает; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь черная, — на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать. Она всё бьется, — он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепанулась и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло; а чтобы не упал, притянули его ремнем за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татариним, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину.

Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали лощиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали еще речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул.[71] Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали каменьями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришел ногаец скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принес работник колодку: два чурбака

дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощущал в темноте, где помягче, и лег.

2

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит — в щелке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щелку побольше, стал смотреть.

Видна ему из щелки дорога — под гору идет, направо сакля татарская, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит — из-под горы идет татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведет бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете шелковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове

шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали еще мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щелку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает — хоть бы пришли проведать. Слышит — отпирают сарай. Пришел красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза черные, светлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо веселое, всё смеется. Одет черноватый еще лучше; бешмет шелковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин, вошел, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый, — быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит, — подошел прямо к Жилину, сел на корточки оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищелкивает, всё приговаривает: «корошо урус! корошо урус!»

Ничего не понял Жилин и говорит: «Пить, воды пить дайте!»

Черный смеется. «Корош урус», — всё по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка — тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже — глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторо-

чено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьет — как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой, и опять села, изогнулась, глаз не спускает — смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходит к Жилину ногаец и говорит:

— «Айда, хозяин, айда!»

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошел Жилин с колодкой, хромает, сту-

пить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногойцем. Видит — деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Выско-чил из этого дома черноватый татарин, зама-хал рукой, чтоб к нему шел Жилин. Сам сме-ется, всё говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Пришел Жилин в дом. Горница хоро-шая, стены глиной гладко вымазаны. К перед-ней стене пуховики пестрые уложены, по бо-кам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки — всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: черный, крас-ный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круг-лой дощечке блины просяные и масло коро-вье распущено в чашке, и пиво татарское — буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил черный, велел посадить Жилина

в сторонке, не на ковер, а на голый пол, залез опять на ковер, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядом, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

— Тебя, — говорит, — взял Кази-Мугамед, — сам показывает на красного татарина, — и отдал тебя Абдул-Мурату, — показывает на черноватого. — Абдул-Мурат теперь твой хозяин. — Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат, и всё показывает на Жилина, и смеется, и приговаривает: «солдат урус, корошо урус».

Переводчик говорит: «Он тебе велит домой

письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит».

Жилин подумал и говорит: «А много ли он хочет выкупа?»

Поговорили татары, переводчик и говорит:

— Три тысячи монет.

— Нет, — говорит Жилин, — я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину, — всё думает, что он поймет. Перевел переводчик, говорит: «Сколько же ты дашь?»

Жилин подумал и говорит: «500 рублей».

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком пощелкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

— Хозяину выкупу мало 500 рублей. Он сам за тебя 200 рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх, — думает Жилин, — с ними, что ро-

беть, то хуже». Вскочил на ноги и говорит:

— А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил черный, подошел к Жилину.

— Урус, — говорит, — джигит, джигит урус! Джигит, по-ихнему, значит «молодец». И сам смеется; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

— Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своем: «Больше 500 рублей не дам. А убьете, — ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришел работник и идет за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободраный, на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин, — узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело бы-

ло; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружье осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевел переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпустят.

— Вот, — говорит Жилину, — ты всё серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин и говорит:

— Товарищ, как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, — говорит, — как сказал, так и будет. Хотите убивайте, — пользы вам не будет, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погоди еще, — говорит Жилин переводчику, — скажи ты ему, чтоб он нас кормил хо-

рошо, одел-обул, как следует, чтоб держал вместе, — нам веселей будет, и чтобы колодку снял. — Сам смотрит на хозяина и смеется. Смеется и хозяин. Выслушал и говорит:

— Одежу самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе — пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять — уйдут. На ночь только снимать буду. — Подскочил, треплет по плечу. — Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал, чтоб не дошло. Сам думает: «я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно, с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

3

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин всё смеется. — Твоя, Иван, хорош, — моя, Абдул, хорош. — А кормил плохо, — только и давал, что хлеб пресный из просяной му-

ки, лепешками печеный, а то и вовсе тесто непеченое.

Костылин еще раз писал домой, всё ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдет, а другого не писал.

«Где, — думает, — матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться в конец. Бог даст — и сам выберусь».

А сам всё высматривает, выпытывает, как ему бежать. Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетет плетенки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидела куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подает им. Они смеются, а не сме-

ют взять. Оставил он куклу, ушел в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

На утро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребенка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась за нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, еще лучше, — отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» — думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, — «хорошо», говорит. Как взрадуется Дина!

— Хорошо, Иван, хорошо! — и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах, — так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин

барана, — так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый, как из ведра, лил. И помутились все речки, где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, — одел он кукол: одна — мужик, другая — баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щелкают:

— Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щелкает. Жилин говорит:

— Давай, починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил: опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принес ему бешмет свой старый весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял, — и то годится покрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружье или пистолет починить принесет, кто часы. Привез ему хозяин снасть; и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: «авось поздоровеет сам». Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, — когда нужно кличут: «Иван, Иван!» а которые всё, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернется, либо обругает. Был еще у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил богу

молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, бородка и усы подстрижены, — белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет — только два клыка. Идет, бывало, в чалме своей, костылем подпирается, как волк озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернется.

Пошел раз Жилин под гору — посмотреть, где живет старик. Сошел по дорожке, видит садик, ограда каменная; из-за ограды — черешни, шепталы и избушка с плоской крышкой. Подошел он ближе; видит — ульи стоят плетенные из соломы, и пчелы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше, посмотреть и загремел колодкой. Старик оглянулся — как визгнет; выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришел старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеется и спрашивает:

— Зачем ты к старику ходил?

— Я, — говорит, — ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живет.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина.

Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушел старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

— Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и 8 сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку — богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, — я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то, что убить, я бы тебя и вы-

пускать не стал, кабы слова не дал. — Смеется, сам приговаривает по-русски: «твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!»

4

Прожил так Жилин месяц. Днем ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тер и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы, — думает, — мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошел после обеда за аул на гору, — хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

— Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

— Я, — говорит, — далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти — ваш народ лечить. Пойдем со мной;

я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору — не далеко, а с колодкой трудно; шел, шел, насилу взобрался. Сел Жилин, стал месторазглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора — еще круче, а за той горой еще гора. Промеж гор лес синеется, а там еще горы всё выше и выше поднимаются. А выше всех — белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат — всё такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, — думает — это всё ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, — бабы сидят, полоскают. За аулом, пониже, гора, и через нее еще две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: так точно, в этой долине должна быть наша

крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых — алые; в черных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться, — маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое — крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно — мулла прокричал. Стадо гонят — коровы ревут. Малый всё зовет: «пойдем», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, — думает Жилин, — теперь место знаю; надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были темные — ущерб месяца. На беду к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они — гонят с собою скотину и приезжают веселые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чина-

ры за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мертвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядком, а сзади их еще татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

— Алла! (значит бог) — Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:

— Алла! — и все проговорили: «Алла» — и опять замолчали. Мертвый лежит на траве, не шелохнется, и они сидят, как мертвые. Не шевельнется ни один. Только слышно на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого подмышки, да под лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногаец камышу зеленого, закла-

ли камышом яму, живо засыпали землей, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла! — Вздохнули и встали.

Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошел домой.

На утро видит Жилин — ведет красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, — ручищи здоровые, — вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошел рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать — кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поеха-

ли человек 10-ть, и красный поехал: только Абдул дома остался. Месяц только народился, ночи еще темные были.

«Ну, — думает Жилин, — нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

— Да как же бежать? Мы и дороги не знаем.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдем в ночь.

— А не дойдем — в лесу переночуем. Я вот лепешек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые — за то, что ихнего русские убили. Поговаривают — нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

— Ну, пойдём!

5

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть, и сидят они — ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «Полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка бы-

ла — пестрая собака, и злая презлая; звали ее Уляшин. Жилин уже наперед прикормил ее. Услыхал Уляшин, — забрежал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепешки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли: «Гайть! Гайть! Уляшин!»

А Жилин за ушами почесывает Уляшина. Молчит собака, трется ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло всё; только слышно, овца перхает в закуте да низом вода по камушкам шумит. Темно; звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц покраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «Ну, брат, айда!»

Тронулись; только отошли, слышат — запел мулла на крыше: «Алла! Бесмилла! Ильрахман!» Значит — пойдет народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдет. Опять затихло.

— Ну, с богом! — Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли ложиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звезды виднешеньки. Жилин по звездам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки — стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошел босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звезды поглядывает. Стал Костылин отставать.

— Тише, — говорит, — иди: сапоги проклятые, все ноги стерли.

— Да тыними, легче будет.

Пошел Костылин босиком — еще того хуже: изрезал все ноги по камням и всё отстает. Жилин ему говорит:

— Ноги обдерешь — заживут, а, догонят — убьют — хуже.

Костылин ничего не говорит, идет, побряхтывает. Шли они низом долго. Слышат — вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

— Эх, — говорит, — ошиблись мы, — вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево в гору. Тут лес должен

быть.

А Костылин говорит:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, — у меня ноги в крови все.

— Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево в гору, в лес. Костылин всё отстает и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам всё идет.

Поднялись на гору. Так и есть — лес. Вошли в лес, — по колючкам изодрали всё платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

— Стой! Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге — стоит что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло — слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку, — как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин

смеется, говорит:

— Это олень. Слышишь — как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уж высокожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли, — не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих — верст десять еще будет; а приметы верной нет, да и ночь — не разберешь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

— Как хочешь, а я не дойду, — у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

— Нет, — говорит, — не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

— Так я же один уйду, — прощай!

Костылин вскочил, пошел. Прошли они версты четыре. Туман в лесу еще гуще сел, ничего не видать перед собой, и звезды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топают лошадь. Слышно — подковами за камни цепляется. Лег Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

— Так и есть, — сюда, к нам конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут.

Жилин подполз к дороге, смотрит — верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

— Ну, пронес бог, — вставай, пойдем.

Стал Костылин вставать и упал.

— Не могу, — ей-богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, — он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

— Ой, больно!

Жилин так и обмер.

— Что кричишь? Ведь татарин близко — услышит. А сам думает: «Он и вправду слаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

— Ну, — говорит, — вставай, садись на закорки, снесу, коли уж идти не можешь.

Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

— Только, — говорит, — не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи дер-

жись.

Тяжело Жилину, — ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил, — не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

— Ну, — говорит Жилин, — пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню. Коли не уйдем версты три, — пропали. — А сам думает на Костылина: «И чорт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел».

Костылин говорит: — Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

— Нет, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попер. Прошел он так с вёрсту. Всё лес идет и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, не видать уж звезд. Из-

мучился Жилин.

Пришел у дороги родничек, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

— Дай, — говорит, — отдохну, напьюсь. Лепешек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилег он пить, слышит — затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравляют. Слышат — трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары — тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, — встречает их Абдул хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеется и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плетками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришел. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит: «надо убить». Абдул спорит, говорит: «я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму». А старик говорит: «ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить, — и кончено».

Разошлись. Подошел хозяин к Жилину, стал ему говорить:

— Если, — говорит, — мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, — я тебя как собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти, и спустили их в эту яму.

6

Житье им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непеченое, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, рас-

пух, и ломота во всем теле стала; и всё стонет или спит. И Жилин приуныл, видит — дело плохо. И не знает, как выдраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает об вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырлял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «как придет Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин — затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит — за-

шуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки; вынула из рукава две сырны лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

— Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! — Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

— Не надо, — говорит. Помолчала, посидела и говорит: — Иван! тебя убить хотят. — Сама себе рукой на шею показывает.

— Кто убить хочет?

— Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

— А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, — что «нельзя». Он сложил руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя, — говорит, — увидят, все дома, — и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «что будет?» Всё поглядывает вверх. Звезды вид-

ны, а месяц еще не восходил. Мулла прокричал, затихло всё. Стал уже Жилин дремать, думает: «побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху — шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил — шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх, — звезды высоко на небе блестят; и над самою ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: «Иван, Иван!» а сама руками у лица всё машет, — что «тише, мол».

— Что? — говорит Жилин.

— Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

— Ну, Костылин, пойдем, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

— Нет, — говорит, — уж мне видно отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться нет сил?

— Ну, так прощай, — не поминай лихом. —

Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался, — колодка мешала. Поддержал его Костылин, — выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху, изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

— Снеси на место, Дина, а то хватятся, — прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий, — никак не собьет, да и неловко. Слышит, бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

— Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, — ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит — налево за горой зарево красное загорелось, месяц встает. «Ну, — думает, — до месяца надо лощину

пройти, до лесу добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, — да надо идти.

— Прощай, — говорит, — Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина: шарит по нем руками, ищет — куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

— Спасибо, — говорит, — умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? — И погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно — монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошел по дороге, — ногу волочит, а сам всё на зарево поглядывает, где месяц встает. Дорогу он узнал. Прямиком идти верст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешел он речку, — побелел уже свет за горой. Пошел лощиной, идет, сам поглядывает: не видать еще месяца. Уж зарево посветлело и с одной стороны лощины всё светлее, светлее становится. Ползет под гору

тень, всё к нему приближается.

Идет Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц еще скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор, — бело, светло совсем, как днем. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло всё. Только слышно внизу речка журчит.

Дошел до лесу — никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепешку съел. Нашел камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошел по дороге. Прошел с версту, выбился из сил, — ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, — думает, — буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветет, — лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шел. Только попались два татарина верхами, да Жилин издалека их услышал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошел.

«Ну, — думает, — еще тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошел тридцать шагов, видит — лес кончается. Вышел на край — совсем светло, как на ладанке перед ним степь и крепость, и налево, близехонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется и люди у костров.

Вгляделся — видит: ружья блестят, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошел под гору. А сам думает: «избави бог, тут, в чистом поле увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумал — глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, десятины на две. Увидали его, — пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши, — выскочили казаки верховые. Пустились к нему — на перерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам се-

бя не помнит, крестится и кричит:

— Братцы! братцы! братцы!

Казакон человек пятнадцатъ было.

Испугались татары, — не доезжаючи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: «кто он, что за человек, откуда?» А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

— Братцы! Братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним всё дело было и говорит:

— Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только еще через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧ

(Стихи-сказка)

Выезжал ли Вольга-свет с
дружиною
По селам, городам за получкою
С мужиков выбирать дани-выхо-
ды;
Выезжал ли сударь во чисто-поле,

—
Услыхал во чистом поле пахаря:
Слышно — пашет мужик да по-
свистыва(е)т,
С далека, слышно, сошка поскри-
пыва(е)т,
Сошники по камням, слышно, чер-
кают, —
А не видно нигде в поле пахаря.
И поехал Вольга к тому пахарю —
Целый день ехал с утра до вечера,
А наехать не мог Вольга пахаря.
День другой ехал с утра до вечера,
А наехать не мог Вольга пахаря.
Слышно пашет мужик, да посви-
стыва(е)т
Сдалека, слышно, сошка поскри-
пыва(е)т,
Сошнички по камням, слышно,
черкают, —
А не видно нигде в поле пахаря.

Третий день Вольга ехал до пабе-
дья —

Наезжает Вольга в поле пахаря:
В поле пашет мужик, да понуки-
ва(е)т,

С края в край он бороздку отвали-
ва(е)т,

Камни, корни сохой выворачи-
ва(е)т:

Как заедет мужик-от в один ко-
нец —

Со другого конца и не виднушко.

А у пахаря сошка кленовенька,

Сошники во той сошке булатные,

Захлеснуты гужочки шелковинки,

А кобылка во сошке соловенька.

Взговорит ли Вольга тому паха-
рю:

«Гой мужик-пахарек! Божья по-
мощь те, —

«Божья помощь пахать да кре-
стьянствовать,

«Широку борозду отворачивать,

«Да коренья, каменья выверты-
вать!»

Говорит ли мужик таковы слова:

«А спасибо, Вольга, — благодар-
ствуем, —

«Божья помощь, поди-ка, нам на-
добна.

«Божья помощь — пахать да кре-
стьянствовать.

«Сам далеко ль едешь, со дружи-
нушкой?

«Далеко ль бог несет, — куда
путь держишь?»

Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

«А я еду, мужик, со дружинушкой
«По селам-городам за получкою

—

«Выбирать с мужиков дани-выхо-
ды.

«Ай, пойдём со мной во товари-
щах!»

Взял мужик, воткнул сошку в бо-
роздочку,

Он гужочки шелковы взял выстег-
нул,

Взял из сошки кобылку да вывер-
нул,

На кобылку ввалился, сел охлепью

—

Со Вольгою поехал в товарищах.
Говорит ли мужик таковы слова:

«А не ладно, Вольга, я в бороздоч-

ке

«Свою сошку оставил не убранныю,

«Как бы сошка с земельки пови-
дернуть,

«С сошничков как бы землю пови-
тряхнуть,

«А и бросить сошка за ракитов
куст»...

Посылал тут Вольга десять мо-
лодцов:

Велит сошку с земельки пови-
дернуть,

С сошничков велит землю пови-
тряхнуть,

А и бросить сошка за ракитов
куст.

Подъезжали ко сошке те молод-
цы,

Соскочили в борозду с добрых ко-
ней,

Разом брались за сошку клено-
веньку.

От земли этой сошки поднять
нельзя.

Они сошку за обжи вокруг вер-
тят,

А не могут с земли сошку выдер-

нуть,
Не могут с сошников землю вы-
тряхнуть, —

А и бросить сошка за ракитов
куст.

А и шлет ли Вольга всю дружи-
нушку:

Велит сошку с земельки повыдер-
нуть,

С сошничков велит земельку по-
вытряхнуть,

А и бросить сошка за ракитов
куст.

Вот за сошку бралась вся дружи-
нушка,

Разом бралась за сошку кленовую:
—

Только сошку за обжи вокруг вер-
тят,

А не могут с земли сошку выдер-
нуть,

Не могут с сошничков землю вы-
тряхнуть,

А и бросить сошка за ракитов
куст.

Подъезжал тут мужик деревен-
щина:

Он слезал со кобылки соловень-

кой,
Подходил к своей сошке клено-
венькой,
Брался ручкой одной да попёхивал,
Из земельки он сошку выдергивал,
С сошничков он земельку вы-
трёхивал,
Он палицей комлыжки соскребы-
вал,
А и бросил сошка за ракитов
куст.
На добрых коней сели, — поехали.
Выезжают они на дороженьку —
Мужикова кобылка ходой идет,
А Вольгин-от конь уж поскакива-
ет;
Мужикова кобылка рысцою по-
шла,
А Вольгин-от уж конь оставать-
ся стал.
Передом мужик едет, не тряx-
нется, —
Во всю прыть Вольга едет суго-
ною.
Мужику тут Вольга стал покри-
кивать,
Мужику колпаком стал помахи-
вать:

«Ты, мужик-пахарек, ты постой,
пожди,
«За тобою, мужик, не угонишься».
На Вольгу тут мужик приогля-
нулся,
Стал кобылку свою окорачивать,
—

И поехали шагом дорожкойю.
Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

«У тебя ли, мужик, лошадь доб-
рая —

«Кабы лошадь твоя да коньком
была, —

«За лошадку цена бы пятьсот
рублей».

Говорит ли мужик таковы слова:
«А и глуп ты, Вольга, глупо сказываешь

«Я кобылочку взял из-под матери.

«За сосунчика дал я пятьсот руб-
лей;

«А коньком бы была — ей и сме-
ты нет».

Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

«А и как тя, мужик, звать по име-
ни —

«Величать тебя как по изотче-
ству!»

Говорит ли мужик таковы слова:

«А я ржи напашу, во скирды сло-
жу,

«Домой выволоку, дома вымоло-
чу.

«Да и пива сварю, мужиков созову,

«И почнут мужики тут покрики-
вать:

«Гой, Микула-свет, ты Микулуш-
ка,

«Свет Микулушка да Селянино-
вич!»

ОПЕЧАТКИ[72] «НОВАЯ АЗБУКА», М. 1875

Стр., строка, колонка	Напечатано	Следует
10, 14, 3	Мыщи	Мыши
14, 11, 2	выши	выше
14, 16, 2	ваня	Ваня
36, 21, 1	Пети	Петѣ
38, 16, 2	ѣсть	ѣсть
40, 11, 2	незнаю	не знаю
47, 8, 2	карабля	корабля

52, 4, 1	Мышь	мышь
54, 22, 2	за чѣм	зачѣм
56, 4, 1	машѣ	Машѣ
56, 1, 2	санялѣ	саняхѣ
56, 21, 2	един	один
58, 23, 2	очень	очень
59, 29, 1	Овцѣ	Овцы
59, 19, 2	съ	въ
60, 12, 1	дѣдѣ	дѣдѣ
60, 12, 2	купитѣ	купить
62, 1, 2	спитѣ	спить
70, 15, 1	На силу	Насилу
70, 18–19, 2	не выпьешѣ	не выпьешь
71, 20, 2	у дядѣ	у дяди
74, 38	возмутѣ	возьмутѣ
76, 8	рассказалѣ	рассказал
78, 1	за чѣм	зачѣм
78, 29	раскрыва- ешѣ	раскрываешь
78, 31	нѣтъ братѣ:	нѣтъ, братѣ:
	я вѣдѣ за тѣм	я вѣдѣ затѣмъ
79, 18	найдти	найти

80, 14	недвигается	не двигается
83, 19	небыло	не было
85, 30	не заметеная	незаметенная
86, 16	не путевымъ	непутевымъ
90, 2, 2	Мядръ	Мудръ
95, 21	истина	истинна
96, 4	будет	будут

**ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ
«БОГ ПРАВДУ ВИДИТ, ДА НЕ СКО-
РО СКАЖЕТ»**

Изд. «Посредник», М. 1886.	«Третья русская кни- га для чтения», изд. 1875 г.
<i>Стр. 247, строка 10</i>	
Они напились чаю и вместе легли спать	Они напились чаю вместе и легли спать
<i>Стр. 247, строка 15</i>	
ОН ОСТАНОВИЛСЯ	ОН ОПЯТЬ ОСТАНОВИЛ- СЯ

Стр. 247, строка 16–17

на крыльцо; велел
поставить

на крыльцо и велел
поставить

Стр. 248, строка 1

зарезанным на по-
стели, и, кроме тебя,

зарезанным на по-
стели. Кроме тебя,

Стр. 248, строка 10

вести его к телеге.

вести его на телегу.

Стр. 248, строка 12

У Аксенова отобрали
вещи

У Аксенова обрабо-
ли вещи

Стр. 248, строка 19

а один был в грудях

а один был у груди.

Стр. 248, строка 22

в осторожном платьѣ
и в цепях

в осторожном платьѣ,
в цепях

Стр. 248, строка 37

не ты ли сделал это?

не ты сделал это?

Стр. 249, строка 3

что они говорили,

что говорили.

Стр. 249, строка 18

купил евангелие и читал его,

купил Четьи-Минеи и читал их,

Стр. 249, строка 24

промеж каторжных бывали ссоры,

промеж каторжных были ссоры,

Стр. 249, строка 28

Привезли раз на каторгу

Привели раз на каторгу

Стр. 251, строка 9

другой в грудях. И себя он вспомнил

другой у груди. И себя он вспоминал,

Стр. 251, строка 12

И вспоминал лобное место,

И вспомнил лобное место,

Стр. 251, строка 33

засекут, а я тебе не спущу —

засекут, да и тебе не спущу —

Стр. 251, строки 34–35

он выдернул руку и сказал:

он весь затрясся от злости, выдернул руку и сказал:

Стр. 251, строки 36–37

ты меня давно уже убил.

ты меня уже давно убил.

Стр. 252, строка 19–20

— Не могу сказать, ваше благородие. Мне бог не велит сказать. И не скажу. Что хотите со мной делайте — власть ваша.

— Я не видал и не знаю. Так и не узнали, кто подкопался.

Сколько ни бился с

ним начальник, Аксенов больше ничего не говорил. Так и не узнали, кто подкопался.

Стр. 252, строка 27

А то солдата кликну.

А то я солдата кликну.

Стр. 253, строки 12–14

хуже тебя!» И он перестал скучать о доме

хуже тебя!» И вдруг у него на душе легко стало. И он перестал скучать о доме,

Стр. 253, строки 17–18

он уже умер.

Аксенов уже умер.

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Изд. «Посредник», М. 1887.

«Четвертая книга для чтения», М. 1886 г.

Стр. 305, строка 15

Впереди и сзади идут	Спереди и сзади идут
----------------------	----------------------

Стр. 305, строка 27

пока дойдет обоз.

пока подойдет обоз.

Стр. 306, строка 15

стоят татары верхом,

стоят татары верха-
ми,

Стр. 306, строка 22

я и сам не дамся».

я им не дамся».

Стр. 306, строка 31

Стал он оборачивать,

Стал он окорачивать,

Стр. 306, строка 38

ростом, да удал был.

ростом, а удал был.

Стр. 307, строка 13

ногами, а до земли
не достает;

ногами — до земли
не достает;

Стр. 308, строка 10

Почти всю ночь не спал

Почти всю эту ночь не спал

Стр. 308, строка 14

Собака черная лежит на дороге,

Собака черная лежит на пороге,

Стр. 308, строка 29

взяли хворостинку

взяли хворостину

Стр. 308, строки 29–30

как ухнет на них: закатились бежать

как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать

Стр. 309, строка 19

Одета в длинную рубаху синюю,

Одета в рубаху длинную, синюю,

Стр. 309, строки 29–30

как на зверя дикого

как на зверя какого.

Стр. 310, строка 21

на место, а сам снял

на место, сам снял

Стр. 310, строка 23

стояли, сел на вой-
лок

стояли, и сел на вой-
лок

Стр. 310, строки 39–40

он тебя выпустит.

он тебя пустит».

Стр. 311, строка 19

А ты ему скажи,

А ты ему, собаке, ска-
жи,

Стр. 311, строка 22

не буду бояться вас.

не буду бояться вас,
собак!

Стр. 312, строка 18

Одежду самую луч-
шую дам:

Одежду самую луч-
шую дам:

Стр. 312, строка 22

«Твоя хорош,
писал, — моя
хорош!»

«Твоя хорош, моя хо-
рош!»

Стр. 312, строки 23–25

Написал Жилин
письмо. Отвели Жи-
лина

Написал Жилин
письмо, а на письме
не так написал, —
чтоб не дошло. Сам
думает: «я уйду».

Отвели Жилина.

Стр. 312, строка 25

принесли им соломы

принесли им туда со-
ломы

Стр. 312, строки 26–27

две черкески старые,
сапоги

две черкески старые
и сапоги

Стр. 312, строка 34

а то вовсе тесто

а то и вовсе тесто

Стр. 312, строка 37, стр. 38, строка 1

А Жилин думает:
«где матери

А Жилин знал, что
его письмо не дой-
дет, а другого не пи-
сал. «Где, —
думает, — матери

Стр. 313, строка 5

А сам ходит по аулу,

А сам все высматри-
вает, выпытывает,
как ему бежать. Хо-
дит по аулу,

Стр. 313, строка 11

Пошли татары

Пошли татарки

Стр. 313, строка 17

лоскутьями красны-
ми

лоскутками красны-
ми

Стр. 314, строка 18

и щипчики, и бурав-
чики, подпилочек.

и щипчики, и бурав-
чики, и подпилочек.

Стр. 314, строки 19–23

Стал Жилин

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: «авось поздоровеет сам». Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин

Стр. 314, строка 35

так захрипит и от-
вернется

так захрапит и от-
вернется

Стр. 314, строка 38

с плоской крышей.

с плоской крышкой.

Стр. 315, строка 5

Пошел старик хозяи-
ну жаловаться.

Пришел старик к хо-
зяину жаловаться.

Стр. 315, строка 30

Прожил Жилин так
месяц.

Прожил так Жилин
месяц.

Стр. 316, строки 5–7

только на ту гору
поднимусь. Пойдем
со мной;

только на ту гору
поднимусь; мне тра-
ву нужно найти, —
ваш народ лечить.
Пойдем со мной;

Стр. 316, строки 31–32

И так думается ему,
что это — самая кре-
пость русская.

И так и думается
ему, что это самое —
крепость русская.

Стр. 317, строка 4

сложили на траву.

положили на траву.

Стр. 319, строка 21

Вот, так!

Вот как.

Стр. 320, строка 3

а я не пойду, —

а я не дойду, —

Стр. 320, строка 5

говорит, не пойду, не могу.

говорит, — не дойду, не могу.

Стр. 321 строка 3

Он сейчас соберет

Он, собака, сейчас соберет

Стр. 321, строка 6

Один бы я давно

Один я бы давно

Стр. 321, строка 29

повезли в аул.

повезли назад в аул.

Стр. 322, строка 13

И не знает, как вы-
браться.

И не знает, как вы-
драться.

Стр. 322, строка 17

ему на колени ле-
пешка

ему на коленки ле-
пешка

Стр. 323, строка 14

взглянул кверху —

глянул кверху —

Стр. 324, строки 16–15

куколок делать бу-
дет?

кукол делать будет?

Стр. 324, строка 27

Уж зарево просветле-
ло,

Уж зарево посветле-
ло,

Стр. 325 строка 5

два татарина верхом,
—

два татарина верха-
ми, —

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ НЕЗАКОНЧЕННОЕ И НЕОТДЕЛАННОЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ • «АЗБУКИ» И НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В НЕЕ I. [РАССКАЗЫ, БАСНИ, СКАЗКИ И БЫЛИНЫ]

* <Был мужик Иван. Он ехал на телеге по дурной дороге. Телега увязла в грязь. У лошади не было силы вытащить телегу. Иван стал сам помогать>

* <У одного отца было два сына. Старший был счастливый, меньшой был несчастный. Когда сыновья выросли, отец женил их. У старшего>

* <После сильной зимней метели наступила ясная морозная ночь. Все крыши домов, все деревья, все поля были покрыты сугробами снега, все дороги были засыпаны и нигде не видно было ни человеческого, ни звериного следа. В голове оврага был высоко нанесен-

ный снег. Кругом всё было тихо.>

* <Один человек сказал, что он хочет так жить, чтобы враги боялись его. А другой сказал, что лучше так жить, чтобы враги боялись, а друзья бы любили. А третий сказал: лучше так жить, чтобы не было врагов, а чтобы все были друзья.>

* <Один прикащик убил купца и взял его деньги. Никто не знал про то, и прикащик долго был богат. Через двадцать лет сделался пожар, и у него сгорело всё богатство: жена, дети и он сам стали нищими калеками. *Бог правду видит, да не скоро скажет.*>

* [ВОЛК И СЕМЕРО МАЛЕНЬКИХ КОЗЛЯТОЧЕК]

<что ее козлята еще живы. Коза побежала скорей домой и принесла большие ножницы. Она разрезала волку живот, и все ее семь козлят выпрыгнули живые из живота волка. После этого коза принесла семь больших кам-

ней, положила их в живот волка и зашила его.

Когда волк проснулся, ему захотелось пить. Он пошел к колодцу напиться. Только что он встал на ноги, камни застучали в его животе. Волк удивился и сказал: Что это стучит во мне? Я съел козлят, а у меня в животе точно камни.

Когда он пришел к колодцу, он нагнулся за водой; но камни были тяжелы, перетянули его, и он упал в колодезь вниз головою. Старая коза была так рада, что стала с козлятами плясать кругом колодца.>

* <Хозяин вернулся с супом и сказал: лошадь не стала есть суп. Англичанин сказал: ну так дай мне его сюда. И говядину тоже, а лошади отнеси овса и сена.>

* <Один раз ночью к одному купцу пришел вор. Купец спал в одной комнате с сыном. Услыхавши шум в соседней горнице, купец сказал сыну: это воры. Стой здесь у двери и не пускай их, а я зайду со двора, кликну народ, и мы схватим их. Сын стал у двери, а отец по-

шел задним ходом через двор. Но когда вор услышал, что со двора идут люди, он бросился в те двери, где стоял сын. Сын хотел не пустить вора; но вор обухом топора ударил его по голове и побежал через задний ход. Но на крик купца сбежался народ, и на улице вора поймали и отвели в тюрьму.

Когда купец вернулся в свою комнату, он увидел, что сын его лежит на полу с разбитой головой. Голова его была пробита, но он был жив. Его стали лечить, и через месяц сын выздоровел.

Купец был рад тому, что сын выздоровел; но не мог забыть вора, пошел к судье спросить, скоро ли будут казнить вора.

Судья сказал: Теперь всё кончено, только мне надо подписать вот эту бумагу, и завтра вор будет>

** <РАССКАЗ

Я вчера был в городе. Я ездил по чугунке. Машина ехала скоро. <Галки за нами не попевали лететь.> На середине дороги машинист засвистел громко. Я высунулся из вагона

и стал смотреть. На дороге[73] сидели два мальчика.[74] Они услышали свист, вскочили с дороги и побежали прочь. Тогда мы проехали. А машинист погрозил им и сказал: Чуть-чуть я вас не раздавил <и с грибами вашими.>

* <КАК Я ВЫУЧИЛСЯ ЕЗДИТЬ ВЕРХОМ
(Рассказ мужика)

Один раз, когда мне было лет пять, батюшка поехал пахать. Он запрет в соху пегую матку, а в борону сивого жеребенка и пошел в избу взять кафтан. А мы с братом стояли подле лошадей. Ваня, старший брат, сказал мне: Нука, Микол, садись на пегую. Я сказал: ну что ж, подсади.>

** У одного мальчика все вещи были грязные, и он никогда не умывался. Другой мальчик спросил у него: Отчего ты не умываешься? А мальчик сказал: Зачем мне мыть лицо и руки? У меня всё грязное. Если я вымою лицо и руки, я сейчас опять запачкаюсь об свое платье, потому что у меня и платье, и тарел-

ка, и ложка грязные. А другой мальчик сказал: Оттого у тебя и платье, и ложка, и тарелка грязные, что ты сам не моешься.

** У меня был дядя, брат моей матери. Он часто приезжал к нам гостить. Его звали Андрей Степаныч. Андрей Степаныч был уже не молод. У него были волосы на бороде седые и на макушке была плешь. Ростом он был высок и сутуловат. Голову он держал низко и всегда смотрел исподлобья. Голос у него был густой. И он говорил мало. Матушка всегда была рада, когда он приезжал, и всегда для него много готовила. Матушка сама его боялась и при нем говорила мало. Когда он приезжал, он всегда осматривал всех нас детей, целовал, спрашивал, хорошо ли мы учимся и слушаемся ли отца и матери. Много он с нами не говорил. По утрам он громко кашлял. Точно он стрелял. И мы боялись его кашля. Все говорили про него, что он очень умен. И когда старшего брата отдавали в ученье, то отец ездил к дяде и спрашивал у него, как и куда отдать. И как дядя сказал, так он и сделал. Андрей Степаныч всегда был одинаковый, нико-

гда не радовался, никогда не сердился. Один раз только я видел, что он обрадовался. Это было, когда мать наша была больна. И все думали, что она умрет. Она долго лежала без памяти, и Андрей Степаныч всё ходил, спрашивал про нее. Потом вдруг, когда сказали, что матушка выздоровела, и у ней родилась маленькая девочка, Андрей Степаныч так обрадовался, что стал плакать и целовать всех нас. И лицо у него сделалось совсем другое. С тех пор я его перестал бояться и больше стал любить. Другой раз я видел, как он рассердился. Мы один раз шли вместе из церкви. И к нам пристал пьяный человек. Андрей Степаныч один раз сказал ему: уйди прочь. Пьяный не ушел. Андрей Степаныч другой раз сказал: уйди — я тебе говорю. Пьяный всё не уходил и замахнулся рукой на маленького моего брата. И брат испугался и заплакал. Тогда Андрей Степаныч вдруг выпрямился, подбежал к пьяному, как молоденький, взял его одной рукой за шиворот и стал трясти его, как тулуп. Мы все испугались и думали, что он убил его. Но Андрей Степаныч бросил его, и пьяный ушел. Тогда Андрей Степаныч подошел к нам. Он

был бледный, и губы его тряслись, но он улыбался нарочно. Когда он успокоился, видно было, что ему стало стыдно. Чем дольше я жил, тем больше я любил дядю Андрей Степаныча. <Дядя Михайло Иваныч был моложе Андрей Степаныча. Он был небольшой ростом, толстенький, кругленький. Щеки у него были розовые, глаза большие, открытые, и, когда он смеялся, все зубы его были видны. Он часто рассказывал нам сказки и смешные истории. Он делал нам мельницы и змеи. И всегда все смеялись, когда он был у нас. Платье на нем всегда было новое и чистое и>

** <Один раз я поздно возвращался домой после охоты. <Я ходил целый день и убил двух тетеревов. Я их нес в сумке и нес ружье.> Стало темно, и мне надо было проходить через кладбище. <Я не боялся привидений.> Когда я прошел половину кладбища, я вдруг увидал впереди себя что-то страшное, похоже на человека в белом платье. Что-то стояло передо мной и махало руками. Я испугался и спросил: Кто это? Никто не отвечал. Я сказал: Кто тут, говори, а то выстрелю. Ничто не отве-

чало. А только руки махали передо мною. Я хотел закричать, но голос мой оборвался, руки у меня затряслись, и я выстрелил. Привиденье всё стояло передо мной, и только страшный голос из-под земли закричал: Держи его. Я так испугался, что сел, где стоял, и смотрел только на страшное привиденье. Вдруг другое привиденье вышло из земли и подошло ко мне. Я хотел бежать, но кто-то схватил меня за руку и закричал: Что за человек стреляешь? Тут я опомнился и узнал, что это был мужик, который в земле копал могилу, а что белое привиденье, в которое я стрелял, была рубашка мужика. Мужик вспотел, копая могилу, снял рубашку и повесил ее на крест.>

* Один святой человек шел из города и на выходе увидал, что подле реки в песке лежит голый человек. Голый человек заметил, что святой смотрит на него, и сказал: Святой отец! видишь ли, в какой я нищете. Мне есть нечего и прикрыться нечем. От этого я зарываюсь в песок и кормлюсь раковинами. Помолись богу, чтобы он дал мне хоть сколько-ни-

будь богатства. Бог услышит твою молитву. Святой человек сжалился и стал просить бога, чтобы он дал богатство этому несчастному. Через две недели святой человек опять пришел в тот же город. На улице он встретил того человека, за которого он молился. Человек этот был красен, и пьян, и хорошо одет, но он был закован, и его вели в тюрьму. Святой человек спросил, за что его заковали. И ему сказали, что этот человек напился пьян, поспорил с другим человеком и убил его. Тогда святой человек подумал: бог лучше нас знает, кому нужно богатство, а кому нищета.

** СОЛДАТ

Один молодой солдат попросил у старого солдата табаку. Старый солдат взял из своего мешка горсть табаку и дал молодому солдату.

На другой день молодой солдат пришел к старому и подал ему двугривенный. Он сказал: «В табаке твоём был двугривенный, возьми его». Старый солдат взял деньги и сказал: «Ты хорошо сделал, что отдал. Другой на твоём месте не отдал бы денег». Молодой солдат

сказал: «Да и я не хотел отдать». — «Отчего же ты отдал?» — «Оттого, что всю ночь не дали мне спать эти деньги». — «Отчего не дали спать?» — «Всё голоса слышал: один голос говорил: «отдай деньги, они не твои»; а другой говорил: «зачем отдавать? тебе дали табак, стало быть и деньги дали». А первый говорит: «дали табак, а не деньги; отдай». А другой опять говорил: «а спросит тебя старый солдат, что ты скажешь?» Наскучили мне эти голоса, я и сказал себе: вас не переслушаешь, вот и принес деньги».

** <В одной деревне две крестьянские девочки пошли за грибами. Одну звали Феколкой, а другую Настькой. Только что они вышли за деревню, на них бросился волк. Волк схватил зубами Настьку, перекинул себе на спину и побежал в лес. Настьке было 7 лет. <Старшей девочке было 10 лет.> Она громко кричала и старалась вырваться у волка. Феколка тоже закричала, подняла большую палку и побежала за волком. Волку тяжело было нести девочку, и потому он остановился за кустом и хотел грызть ее. Но в это время подбе-

жала Феколка и стала махать на волка палкой. Волк оставил Настю и бросился на Феколку. Но Феколка не испугалась. Она закричала: Настя, спрячься за меня, — и всё махала на волка. Волк схватил зубами палку и хотел вырвать ее. Но в это время прибежал караульщик. И волк убежал в лес. Он взял Настю на руки и понес ее в деревню. Феклуша шла сзади и громко плакала.

Из Насти текла кровь, и все думали, что она умрет; но она скоро выздоровела.>

** <ХРАБРЫЙ СОЛДАТ

На Кавказе была война. Русские воевали с черкесами. Один русский солдат отстал от своих товарищей и остался один в поле. Черкесы увидели солдата и поскакали к нему. Они подъехали к нему и сказали: Солдат, положи ружье и отдайся нам в плен. Ты видишь, что нас 10 человек, а ты один. Если ты не положишь ружья, мы убьем тебя. А если положишь, мы только возьмем тебя в плен.

А солдат сказал: Я ружья не положу, а кто из вас выстрелит в меня, того я убью, — и сол-

дат поднял ружье и стал целиться то в одного, то в другого черкеса. Черкесы опять сказали: Солдат, положи ружье, а то мы убьем тебя. А он сказал: Ну что ж вы не убиваете? И опять стал целиться. Черкесы стали бранить солдата. Они думали, что он выстрелит, и тогда они уж убьют его. Но солдат не стрелял и только целился. Черкесы не смели подъехать ближе и всё кружились вокруг него. Пришел вечер, и черкесы уехали прочь, а солдат пошел дальше своей дорогой и пришел в крепость.>

* ПРОЕЗЖИЕ В СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

В одной деревне был бедный мужик. Пришло светло Христово воскресенье, все пошли в церковь к заутрени. А бедному мужику нечего было надеть. Он остался дома. У бедного мужика не было жены. Она умерла. А было двое маленьких детей. Ночью дети закричали. Мужик встал и хотел зажечь огня. Но в печке огня у него не было и спичек тоже не было. Мужик вышел из дома и пошел к соседу. У соседа дома была жена. Она спросила бедного мужика, что ему надо. Он сказал: Дай

мне огня. Соседка сказала: Как же у тебя в праздник огня нет. Поди, у других проси огня. А мне некогда, я пироги делаю. Бедный мужик пошел к другому дому и стал просить огня. И там хозяйка не дала ему огня и сказала, что она не верит ему, что у него огня нет. Бедный мужик пошел в 3-ю избу. И там над ним только посмеялись, а не дали ему огня. Бедный мужик заплакал и пошел домой. Когда он шел по улице, он вдруг увидал огонь за деревней. Было темно, и огонь светился далеко в поле. Мужик <и подумал: это, верно, проезжие разложили огонь за деревней. Я пойду к ним и попрошу огня. Они, может быть, дадут. Бедный мужик пошел к огню, и чем ближе он подходил, тем ярче светился огонь. Когда он подошел близко, он увидал, что над огнем сидели три человека. И лица у этих людей были такие красивые и добрые, что мужику весело стало смотреть. Проезжие сказали: Что тебе надо, мужичок? Бедный мужик сказал: Можно мне огня взять у вас? Проезжие сказали: Возьми — вот горячие уголья. Мужик подумал: как я возьму уголья. Надо зажечь что-нибудь. — А проезжие сказали: Ты об этом не ду-

май, возьми горячие уголья. И один из них встал и стал руками брать горячие уголья и подавать их мужику. Он сказал: Держи полу. Бедный мужик удивился, что проезжий не обжигал себе руки, и подставил полу. Тогда проезжий наложил мужику полную полу угольев. Мужик поблагодарил и понес домой. Когда он принес домой и высыпал уголья, тогда он увидал, что в поле у него были не уголья, а золотые деньги. — Соседка увидела деньги у бедного мужика и побежала к проезжим, и другая соседка побежала за ней. И со всей деревни все мужики и бабы побежали к проезжим и просили у них огня. Проезжие всем дали угольев, и когда бабы и мужики отошли, несколько шагов, они вдруг закричали и побежали к воде заливать свои платья, потому что уголья были настоящие и прожгли им платья. Только у бедного мужика из угольев сделалось золото. И он стал богат, и женился, и купил себе новый дом и много коров и лошадей.>

** МЕЛЬНИК

Был один мельник. У него ничего не было, кроме мельницы. Мельник был скуп, и какие деньги он получал с мельницы, он прятал. Но ему хотелось больше денег. Раз он услышал, что сосед его нашел бочонок с деньгами в земле и что он видел об этом сон три ночи сряду. Мельнику стало завидно, что соседу его без труда достались деньги, а он всю жизнь работает и трудится и всё остается таким же бедным. С тех пор мельник только и думал о том, как бы ему найти клад, и каждую ночь, ложась спать, желал увидеть такой сон, как его сосед. Один раз он увидал во сне, что под мельницей зарыт огромный бочонок с золотом, а сверх бочонка лежит белый камень. Мельник обрадовался, встал рано утром и пошел с лопатой к тому месту, где он видел клад. Мельник стал копать, вдруг лопата его стукнулась об железо. Он стал искать и нашел сломанное кольцо. Он стал копать дальше и нашел еще черепицу. Он всё копал, и копал, и думал, что клад близко. Перед вечером мельник дорылся до белого камня. Но камень был так велик, что мельник не мог один поднять его. Мельник бросил лопату и побежал к

жене, чтобы она помогла ему. Жена побежала с мужем к камню. Они вместе стали копать, и камень уже стал подниматься, как вдруг они услышали, что мельница их падает. И действительно, они выкопали подле мельницы такую глубокую яму, что мельница их завалилась.

Клада они так и не нашли. Мельница их завалилась, так что им жить больше нечем было. И они ради были уже тому, что их самих не задавило до смерти.

** <ОБЕЗЬЯНА

Были два маленькие брата. Меньшой брат построил себе маленький дом и играл с ним. А старший брат побежал мимо дома и нечаянно зацепил его. Меньшой брат рассердился, заплакал, закричал и замахнулся бить старшего брата. Старший брат сказал: Я не нарочно. За что ты сердишься? Хочешь, я тебе сам построю такой же дом? Но младший брат так разозлился, что он ничего слышать не хотел, и плакал, кричал и махал руками, и нельзя было понять, что он говорил. Из носу у него

текли сопли, и лицо стало гадкое и страшное. Старший брат ушел от него. На другой день пришел человек показывать обезьяну. Братья вышли посмотреть. Когда обезьяна показала все штуки, младший брат стал палочкой дразнить ее. Обезьяна кричала, визжала, из носу у нее текли сопли, и замахивалась на него руками. Старший брат сказал: Вот точно такой ты был вчера, когда рассердился на меня. Младший брат замолчал и сейчас же ушел в дом.>

** <Один мальчик увидел нищего. Ему жалко стало его. Он принес ему свою лошадку и отдал. — Мне не нужно лошадки. Мне нужно хлеба. Другой крестьянский мальчик полюбил барченка и принес ему яиц. А барченка говорит: Мне не нужно яиц, я не ем их. Мальчик проиграл все бабки и плакал. А мясник отдал все бабки собакам. Ему не нужно было. Один бедный человек говорил: Если бы мне дали золотой, я был бы счастлив. А другой человек умирал с голода и нашел кошелек с деньгами и бросил его. Вещь хороша только тому, кому она нужна.>

**<КОШКА И МЫШАТНИК ЯСТРЕБ

Кошка вышла в поле и увидела мышь под березой. Она прилегла и прицелилась и выжидала время, вдруг с неба упала белая птица и убила мышь. Кошка прыгнула к мыши; но белый ястреб-мышатник ра[з]махнул крылья, шатнулся и поднялся с мышью. Кошка стала бранить ястреба. Она сказала: Это моя мышь. Без меня ты бы не увидел ее. Ты вор и разбойник. Ястреб отлетел от кошки, бросил мышь и сказал кошке: Возьми свою мышь, если ты видишь ее. Но кошка не видела мыши. Тогда ястреб поднял мышь, постоял на крыльях над кошкой и поднялся так высоко, что кошка не видела его.>

** Один старик пошел ловить рыбу. Он накопал червей, потом сорвал лист лопуха и в этот лист завернул червей. Потом взял удочки и пошел к реке. — Он пришел к реке, подошел к большой березе, которая росла на берегу, и поставил ведро на землю. Когда он подошел к реке, две лягушки сидели на берегу.

Они увидели старика, испугались и попрыгали в воду. Старик сел на землю и стал надевать червя на удочку. Когда старик сел на землю, старая мышь, которая бегала под березой, увидела его ногу и испугалась. Она убежала в нору. Старик надел червяка, встал, замахнулся и закинул удочку в воду. Когда он закидывал удочку, грач, который сидел на березе, увидел его, испугался и слетел с березы.

Только что старик закинул удочку, один карась подплыл к березе и увидел в воде червяка. Он открыл рот, схватил червяка и хотел унести его. Но червяк был надет на крючке, а крючок привязан к удочке. Старик увидел, что удочка его стала дергаться, и вытащил карася. Он снял его с крючка и положил в ведро. Потом он опять закинул удочку. Одна муха прилетела к старику и села ему на нос. Старик махнул рукой. Муха испугалась, слетела с носа старика и села на траву. После этого долго не бралась рыба. Это было рано утром. Всё было тихо. Вода не шевелилась и была, как голубое стекло. Солнца не видно было за горой. И только слышно было, как поют птицы,

жужжат мухи, пчелы и комары, и как плещется рыба, и как дышит старик. Старик облокотился спиной на березу, закрыл глаза и заснул. Когда он заснул, лягушки опять выпрыгнули из воды, мышь пришла опять к тому месту, с которого она убежала, грач опять прилетел на березу, муха опять села на нос старику, карась в ведре высунул из воды голову, червяки расползлись из лопуха. И старик видел во сне, что и лягушки, и мышь, и грач, и муха, и карась, и червяки, и береза, и лопух — все стали говорить <между собой.> И старик стал во сне тоже говорить с ними. Грач закричал с березы: Не говорите все вместе, а то мы ничего не слушаем. Давайте говорить друг за другом, и пусть каждый расскажет свою историю.

И все сказали: Ну давайте. Лопух сказал: Мне не долго осталось жить. Я скоро засохну и почернею, поэтому дайте им слышать мою историю, дайте мне говорить первому. Все согласились, и лопух стал рассказывать.

История лопуха

Вы меня называете лопух. И теперь я точ-

но лопух, а прежде я был лист от репейника. Мы, репейники, живем все точно так же, как и вы все живете. Мы едим, пьем, спим, просыпаемся, рождаемся и умираем. Едим мы землю нашими корнями, пьем воздух и воду нашими листьями. Умираем, вот как я теперь умираю, оттого, что нас сорвут или растопчут, а рождаемся мы так же, как и все, от отца и матери.

II. [ДЕТСКИЕ ИГРЫ]

* <И ГРА В ВОЛКА.[75]

Один будет волком и будет ловить, а другие будут овцы и будут прятаться. Чтобы узнать, кто будет волком, надо поканаться. Канаются вот как. Возьмут палку и снизу берется рукой один, другой, третий и сколько бы ни было. Потом, когда все взялись, сверху берется опять первый и опять второй, третий и сколько бы ни было. Тот, чья рука наверху, так что выше его нельзя взяться, тот и будет волком. А другие овцами. Волк должен выбрать угол и стать в него лицом к стене и не смотреть. Этот угол называется дом. Овцы все прячутся, где кто хочет. Когда все спрятались,

одна овца кричит: готово! и тогда волк бежит отыскивать и ловить овец, а овцы стараются прибежать в дом волка так, чтобы волк на дороге не поймал их.

Если одна овца прибежала в дом прежде, чем волк поймал овцу, то волк уже делается овцой, а овца делается волком. И сначала прячутся овцы, а волк становится в дом. А если волк поймал одну овцу прежде, чем другая овца прибежала в дом, то пойманная овца выходит из игры, и опять сначала прячутся, и волк уходит в дом. И до тех пор, пока не переловит всех овец. Когда волк тронул овцу, то считается, что он поймал. Играть эту игру можно на дворе, и в одной комнате, и в двух комнатах с открытой дверью.>

* <КОРШУНЫ

Вот как играют в коршуны.

Сначала канаются. И чья рука будет наверху, тот будет коршун, а чья рука внизу всех, тот будет маткой. Остальные все будут цыплятами. Матка становится впереди всех, а позади ее все цыплята, и все они держатся сзади

за платье. Коршун садится на пол и пальцем будто бы копает землю. Матка подходит к нему и говорит: Коршун, коршун, что ты делаешь? Коршун говорит: Ямочку рою. Матка говорит: Зачем ямочку роешь? Коршун говорит: Иголочку ищу. Зачем иголочку? Мешочек сшивать. Зачем мешочек? Песочек насыпать. Зачем песочек? Твоим детям глаза засыпать. И коршун вскакивает и старается поймать одного из цыплят. Матка расставляет руки и старается не пустить коршуна. Когда коршун поймает одного из цыплят, тот, которого он поймал, выходит из игры. И коршун ловит остальных, пока всех переловит. Тогда канаются сначала, и игра идет сначала.>

* <Зачем ты сюда идешь?

За игрушкой. —

Зачем тебе игрушка?

Играть.

Зачем тебе играть?

Мне хочется играть.

Зачем тебе хочется?

Затем, что не знаю, что мне делать.

Зачем ты не знаешь?

Так меня бог сотворил.>

* <Откуда ты взялся?

Я родился от матери.

А мать откуда родилась?

От своей матери.

А та мать?

От своей.

А еще та от кого?

От самой первой матери.

А та от кого?

Ту бог сотворил.>

* <После нынешнего дня что будет?

Завтра.

А после завтра?

Послезавтра.

А после послезавтра?

Еще после завтра.

После после после завтра?

Ну, а после всего? Свет кончится. А когда свет кончится?

Когда бог захочет.>

* <Что за этой землей? Еще земля. А за той

землей? Еще земля. А за последней землей? То, что бог сотворил.>

* <Откуда этот хлеб? Батюшка купил. Где купил? У купца в городе. А купец у кого? У мужика. А мужик где взял? Из земли. А земля откуда взяла? Бог так сделал.>

* Если яблоко разрезать пополам, сколько будет половинок? Две. А обе половинки разрезать? Четыре. А четыре? Восемь. А восемь разрезать? 16. А 16 разрезать? 32. И эти пополам разрезать[76]. Когда конец будет? Никогда.

III. [НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ РАССКАЗЫ И СТАТЬИ]

1. [ИСТОРИЯ]

**** БАЛАКИРЕВ**

Был русский царь Петр. У него был шут Балакирев. Один раз царь Петр рассердился на шута и велел прогнать его. Царь Петр сказал: Скажите ему, чтобы он не смел оставаться на моей земле. Балакирев долго не показывался, и Петр думал, что он уехал в другие земли.

Один раз царь Петр сидит у окна и видит, что по улице едет Балакирев на телеге. Петр рассердился, велел остановить Балакирева и подвести его к окну. Петр сказал: Как ты смел меня не послушаться. Я тебе не велел оставаться на моей земле. А Балакирев сказал: Не сердись, царь. Я не на твоей земле, а на шведской земле. Я эту землю из Швеции привез. И Балакирев показал, что в телеге у него была насыпана земля. Царь засмеялся и простил его.

* <Царь Петр I был росту в три аршина без двух вершков и был так силен, что он ломал руками подковы и сгибал рубли серебряные. Петр I всему сам учился и всякую работу сам умел делать. Он умел топором работать и рубить дома и корабли. Он умел железо ковать и делать винты и подковы. Он шил сапоги и кафтаны. Он умел на меди и на кости вырезать фигуры, умел точить из кости и дерева и умел говорить и читать по-латыни, по-шведски, по-голландски, по-немецки, по-французски, по-английски.>

* <Иван Андреевич Крылов сидел один раз за обедом против молодого человека, который много лгал. Молодой человек стал рассказывать, какая большая у него в пруду есть рыба. Он сказал: Прошлого года я поймал судака такого длинного, как от меня до Ивана Андреевича. Тогда Иван Андреевич отодвинулся и сказал: Может быть, я вам мешаю; может быть, рыба еще больше. Все засмеялись, и молодой человек перестал рассказывать. —>

** СМЕРТЬ ОЛЕГА

Был русский князь Олег. Он призвал к себе волхвов[77] и спросил у них: Какая его жизнь будет и какая смерть? Волхвы сказали: Жизнь твоя будет счастливая, а смерть тебе будет от любимого твоего коня. Олег и подумал: Если мне смерть от любимой лошади, так я ее отошлю и никогда на ней ездить не стану. И Олег велел отвести лошадь в дальнюю деревню. [78] Один раз приехал Олег в ту деревню. Время уже прошло много. Олег и спросил: А где лошадь моя, что я сюда прислал, жива ли?[79]

Ему и говорят: Лошадь твоя давно уже издохла. И жалко стало Олегу лошади. Он и говорит: Напрасно погубил я коня. Покажите мне его. А ему говорят: Он давно издох, его волки съели, одни кости остались. Олег велел провести себя к тому месту, куда они бросили лошадь. А там только кости валялись да лошадиная голова. Олег и подумал: Как же мне смерть придет от этого теперь? И он толкнул ногой лошадиную голову. А в голове была змея. Она выползла, зашипела и ужалила Олега в ногу. От этого Олег и умер.

** КАК БОРОЛСЯ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ

При князе Владимире напали на Россию печенеги. Подошли они с большим войском под Киев. Князь Владимир вышел с своим войском навстречу. Сошлись они на реке Трубеже и остановились. Князь печенежский подъехал к реке, позвал князя Владимира и сказал: Зачем нам много народа убивать. А сделаем вот как: ты выпусти своего силача, а я своего выпущу, и пускай они поборются. Если твой будет сильнее моего, так я уйду, а ес-

ли мой одолеет, то покорись ты со всей своей землею. Князь Владимир вернулся к своему войску и сказал: А есть ли в нашем войске такой силач, чтобы взялся бороться с печенегом. Один старик сказал: Я пришел сюда с сыновьями сам-четверт, а пятый, меньшей сын, Иван остался дома. Вели послать за ним. Ему бог дал силу большую. Владимир сказал: Какая его сила? Старик сказал: Его сила вот какая: однова мял воловью шкуру. Мне не показалось, как он это делает, я и побрани его. Он рассердись да и разорви шкуру пополам. Князь Владимир послал за Иваном. Когда его привели, князь Владимир сказал ему: Можешь ты бороться с печенегом? Иван сказал: Я не знаю своей силы. Надо испытать. Князь Владимир велел привести большого быка и сказал: Ну покажи над ним свою силу. Иван велел раздражить быка, и когда бык набежал на него, он схватил его рукой за бок, вырвал кусок кожи с мясом, а потом кулаком ударил его между рог и убил. Владимир послал сказать печенежскому князю, чтобы он высылал своего силача. На другой день сошлись оба войска. В середине сделали чистое место. От

русских вышел Иван. Он был невелик ростом и лицом бел. От печенегов вышел черный великан. Когда печенег увидал Ивана, он сказал: Зачем малого привели, я раздавлю его. Когда силачи вышли на середину, на чистое место, они схватились за кушаки, укрепились ногами и начали сжимать и ворочать друг друга. П[еченежский] силач хотел поднять Ивана и перекинуть через себя его, но Иван так крепко сжал печенега, что он не мог дышать и захрипел. Тогда Иван приподнял его, шмякнул об землю и расшиб до смерти. Печенеги испугались и побежали, и русские побили их.

* КАК МУЖИК ЦАРЯ СПАС

Когда после царя Ивана Грозного перевелись русские законные цари и разных царей выбирали, и убивали, и прогоняли, тогда поляки хотели посадить русским царем своего королевича, а настоящего выбранного русского царя Михаила Федоровича хотели извести. — Михаил Федорович жил тогда еще в своей костромской деревне и не знал, что его

царем выбрали. А поляки уж узнали про это и пошли в эту деревню, чтоб убить его. Немного не доходя деревни, поляки повстречали старика и стали его спрашивать: Как им пройти на царское село. Старик сметил, что поляки не за добром шли в царское село, и задумал отвести их от царя. Он им сказал: надо идти через Домнино, я сам из Домнина, домой иду, пожалуй, провожу вас. Поляки пошли за мужиком, и он привел их в Домнино к своей избе. Тут он накормил их и напоил вином. А сам сына послал к царю сказать, что поляки идут известить его. Как пришло дело к вечеру, поляки стали собираться идти на царское село и просили старика, чтобы он проводил, потому что дело было зимой и шел снег. Старик сказал: Отчего же не проводить. Надел кафтан на шубу и повел поляков прочь от царского села, завел их в лес, в кочкарник и хотел уйти, но поляки поймали его и стали пытаться. Старик молчал. Тогда поляки догадались, что он их обманул, и стали уговаривать его, чтоб он их вывел, а коли не выведет, то грозили ему, что голову срубят. Тогда старик сказал им: Я знаю, что мне пропасть, да я этого не боюсь, а вам

не придется убить <царя>, потому что сами вы не выйдете отсюда. Тогда поляки убили старика. И пошли бродить по лесу, и все в одну ночь перемерзли. Старика этого звали Иван Сусанин.

** 7 ГРЕЧЕСКИХ МУДРЕЦОВ

У греков считалось 7 мудрецов: Фалес, Солон, Питтак, Бион, Клеобул, Периандр и Хилон. У мудрецов этих было много ума и учености, и многим наукам и премудростям они научили народ; но их считали мудрецами не за то, что они много знали, а вот за что:

Подле города Милета рыбаки ловили рыбу. Подошел богатый человек и купил у рыбаков тоню. — Они продали — взяли деньги, и обещали отдать всё, что попадется в эту тоню. Закинули сеть и вместо рыбы вытащили золотой треножник. Богатый человек хотел взять треножник, а рыбаки не давали ему. Они говорили, что продали рыбу, а не золото. Стали спорить и послали спросить у оракула, кому надо отдать треножник. Пифия сказала: надо отдать треножник мудрейшему из греков. То-

гда все жители Милета сказали, что надо отдать Фалесу. Послали треножник к Фалесу. Но Фалес сказал: я не мудрее всех. Много есть людей мудрее меня. И не взял треножника. Тогда послали к Солону, и тот то же сказал, и послали к третьему, и третий отказался. И таких нашлось 7 человек. Все они не считали себя мудрыми. За то их и прозвали 7-ю греческими мудрецами.

** <КАК МЫ УЕЗЖАЛИ ИЗ МОСКВЫ

Один раз мимо нашего дома проскакали казаки. Мой батюшка вышел к ним и спросил у них, куда они скачут. Они сказали, что французы идут за ними и что весь народ уезжает из города. Тогда мой батюшка велел запрячь две телеги, и мы все поехали. По дороге ехали кареты, коляски, телеги, и пешком шло много народа. Матушка всё плакала, а батюшка говорил ей: не плачь, перемелется — всё мука будет. Мы с братом еще ничего не понимали, и нам было весело. Вечером мы остановились ночевать на постоялом дворе. И когда смерклось, весь народ пошел на улицу смот-

реть, как французы зажгли Москву. Батюшка тогда сказал: Отплатятся кошке мышьи слезки. И так и вышло. Когда мы опять приехали в Москву, ни одного француза уже не оставалось. Их всех перебили. И Москву построили лучше прежнего.>

2. [ГЕОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЯ]

*** <ВЕНЕЦИЯ**

В Италии есть такой город на берегу моря. Его называют Венеция. В этом городе по всем улицам вода. И ездят в этом городе не на лошадях, а на лодках. Крыльца в этом городе сделаны над самой водой. Как выдешь из дома, так сейчас вода. Если кто хочет куда-нибудь ехать, то зовет извозчика. И извозчик приезжает на лодке. Дома в этом городе большие — в 4 и пять этажей. Дома эти построили купцы. Они торговали в море и оттого разбогатели.>

*** <КАЗБЕК**

Есть в России земля Кавказ. В этой земле есть такие высокие горы, что облака ходят

ниже этих гор. Когда войдешь на половину этой горы и смотришь вниз на дорогу, то люди на дороге кажутся такими маленькими, как куклы. — На горах этих всегда бывает снег, и снег этот никогда не тает. Из этих гор самая высокая гора Казбек. На самой макушке этой горы никто никогда не был. Потому что туда войти очень трудно. Там скользко и холодно и дышать трудно. На половине этой горы есть монастырь. Теперь в этом монастыре никто не живет, а прежде жили монахи.>

* Когда я был на Кавказе, я ходил на высокую гору. Гора эта называется Казбек. Когда я дошел до половины горы, сделался туман, и мне ничего не видно было. Потом, когда я взошел еще выше, небо стало чистое — а внизу были тучи. Гора эта так высока, что, когда я был в тумане, я был в самой туче, а потом, когда туман был ниже меня, я был выше туч, и на горе было ясно, а внизу шел дождь.

* <НЕГРЫ

В Африке есть такие земли, где никогда не

бывает зимы. В этих землях никогда не бывает снега, вода никогда не мерзнет и дождика никогда не бывает. — В этих землях так сухо и жарко, что ничего не растет: ни травы, ни деревьев. А везде только один песок. Жить можно там только подле рек. Подле рек бывает трава и деревья. И деревья эти целый год бывают зеленые. В этих землях живут люди черные. Их называют неграми. Люди эти ходят всегда голые и живут без домов в шалашах. Шалашаши они делают из веток и листьев. Едят они плоды с деревьев и сырое мясо зверей.>

* БУРАН

Мятель бывает сильнее там, где нет гор и лесов. Есть такие места в России, где на 500 верст кругом нет ни одного леса и ни одной горки; а везде ровная и голая степь. В этих местах мятели — там называют их буранами — бывают такие сильные, что заносят не только людей, но целые стада скотины. В этих местах живут калмыки, ногаи, киргизы и башкирцы. Народы эти говорят своим особенным языком

и веруют в свою особенную веру, но живут в России и покоряются русскому царю. Народы эти не живут, как русские, на одних местах, и не строят себе домов, и не пахут земли, а переходят с места на место и живут в балаганах и кормятся не хлебом, а молоком и мясом. У них много бывает всякой скотины: и баранов, и рогатой, и лошадей, <и всё, что им нужно: и платье, и дома, и пищу они делают из шкур, из шерсти, из молока и мяса.> У богатого киргиза бывает у одного тысяч 7 лошадей, тысячи две коров и тысяч 20 баранов. Когда стает снег и станет тепло, у этих народов начинается самая веселая жизнь. Они запрягают повозки, на повозки накладывают все свои вещи и складные дома из решеток и войлоков, сажают на них своих жен, старух и детей, гонят свои стада и выезжают на самые лучшие луга к какой-нибудь речке. Так они рядышком устанавливают свои балаганы и начинают жить. Мужчины пасут скотину и бьют баранов и лошадей для еды, бабы доят коров и кобыл и делают сыр и кумыс, варят кушанье и шьют платья и гуляют целое лето.

3. [ЗООЛОГИЯ]

* <Поводильщик выучил медведя отказываться головой от вина, которое ему подносили. И когда медведь, охочий до вина, мотал головой, народ спрашивал, что он этим говорит. Поводильщик говорил: Мне не надо того, что тебе назначено. Когда однажды на поводильщика, ночевавшего близко от леса,[80] напал медведь и стал драть, поводильщик закричал мужику: Спусти моего медведя; авось, этот меня пустит и на ручного бросится. Когда же ученый медведь не подходил к нему, задираемый поводильщик опять закричал: Что ты не спускаешь Мишку, что он там делает? Мужик отвечал: Он говорит: Что ему не надо, и что он отдает тебе всё, что ему назначено. —>

** Хозяин кабака поднес поводильщику, козе и медведю водки. Коза отдал свой стакан хозяину. Медведь отвернулся от водки и указал лапой на хозяина. Хозяин удивившийся на то, что медведь, <всегда охочий до водки,> отказывался от нее, и спросил у поводильщика, что хочет сказать медведь. — А он говорит: мне хозяйского не надо. — В этот же ве-

чер поводительщик подрался с мужиками. — Спусти медведя с цепи, — закричал поводительщик своему товарищу, когда его повалили и одолели. Но товарищ — коза — отвечал со двора: Медведь нейдет, а говорит, что мне хозяйского не надо.

** КАК МЕДВЕДЯ ПОЙМАЛИ

В Нижегородской губернии много медведей. Мужики ловят маленьких медвежат, выкармливают их и учат плясать. Потом они водят медведей показывать. Один водит его, а другой наряжается в козу, пляшет и бьет в барабан. Один мужик привел медведя на ярманку. С ним вместе ходил его племянник с козой и барабаном. На ярманке было много народа, и все смотрели на медведя и давали мужику деньги. Вечером мужик подвел своего медведя к кабаку. И заставил его плясать. Мужику дали еще денег и дали вина. Он выпил вина и дал выпить своему товарищу. И медведю дал выпить целый стакан вина. Когда пришла ночь, мужик с племянником и медведем пошли ночевать в поле, потому что все боялись

пустить к себе на двор медведя. Мужик с племянником и медведем вышли за деревню, и легли спать под дерево. Мужик привязал цепь медведя себе за пояс и лег. Он был немного пьян и скоро заснул. Племянник его тоже заснул. И они спали так крепко, что до утра ни разу не проснулись. Утром мужик проснулся и увидал, что медведя подле него не было. Он разбудил племянника и побежал с ним отыскивать медведя. Трава была высокая. И по траве виден был след медведя. Он через поле прошел в лес. Мужики побежали за ним. Лес был частый, так что трудно было идти через него. Племянник сказал: Дядя, мы не найдем медведя. А и найдем, не поймаем его. Вернемся назад. Но мужик не согласился. Он сказал: Медведь нас кормил, и если мы не найдем его, мы пойдем по миру. Я не вернусь назад, а из последних сил буду искать его. Они пошли дальше и к вечеру пришли на поляну. Стало смеркаться. Мужики устали и сели отдохнуть. Вдруг они услышали, что близко от них что-то гремит цепью. Мужик вскочил и потихоньку сказал: Это он. Надо подкрасться и поймать его. Он пошел к той сто-

роне, где гремела цепь, и увидал медведя. Медведь лапами тянул за цепь и хотел скинуть с себя привязку. Когда он увидал мужика, он страшно заревел и оскалил зубы. Племянник испугался и хотел бежать; но мужик схватил его за руку, <с ним вместе пошли к медведю. —

Медведь зарычал еще громче и побежал в лес. Мужик видел, что он не поймает его. Тогда он велел племяннику надеть козу, и плясать, и бить в барабан, а сам стал кричать на медведя таким голосом, каким он кричал, когда показывал его. Медведь вдруг остановился в кустах, прислушался к голосу хозяина, поднялся на задние лапы и стал кружиться. Мужик еще ближе подошел к нему и всё кричал. А племянник всё плясал и бил в барабан. Когда мужик уже близко подошел к медведю, он вдруг бросился к нему и схватил его за цепь. Тогда медведь зарычал и бросился бежать, но мужик уже не пустил его и опять стал водить его и показывать.>

** СОБАКА ЯКОВА

У одного караульщика была жена и двое детей: <мальчик и девочка. Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет. У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами.>

Один раз караульщик пошел в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку. Жена сказала: дети, не ходите в лес, а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре: пойдём в лес, я вчера видел яблоню, и на ней поспели яблоки.

Девочка сказала: пойдём, и они побежали в лес. Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было. Муж пришел домой и спросил: где дети? Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик <рассердился на жену и> побежал искать детей.

Вдруг он услышал, что визжит собака. Он побежал туда и увидал, что дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызет ее. Караульщик схватил топор и убил

волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать. Вдруг они услышали, что собака визжит у двери. Они вышли на двор и хотели впустить сабаку в дом, но собака была вся в крови и не могла ходить. Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула; а она умерла.

** Лебеди стадом летели из холодной стороны в теплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь; и другой день и другую ночь они, не отдыхая, летели над водою. На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собой видели синеющую воду. Все лебеди утомились, махая крылья, но они не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее. Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог ле-

теть дальше. Тогда он, распутив крылья, пошел книзу. Он ближе и ближе спускался к воде; а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете. Лебедь спустился на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза. Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его. Перед зарей легкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебеда. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звезды стали бледнее. Лебедь вздохнул, вытянул шею и, взмахнув крыльями, приподнялся и полетел, цепляя <крыльями> по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над темными всколыхавшимися волнами.

* <Летним днем рой пчел с маткой в середине вылетел из улья. На полете молодая матка зацепилась за высокий цветок и не в силах

подняться — на нем повисла. Увидав ее, ласточка спустилась к ней. Ты не должна прикасаться ко мне, сказала пчелиная матка: погляди на короткость моих крыльев и длину моего тела: я царица пчелам, и пчелы готовы все умереть за меня. Царица быстрых на полете пчел должна летать быстрее их, а ты не можешь поднять с цветка свое тяжелое тело, сказала ласточка: ты обманщица; пчелы ничего не дадут за тебя, и проглотила матку.>

** <В жаркий летний день рой пчел вылетел с молодой маткой из улья. Пчелы вились и играли над пчельником и лесом. Пчелы жужжали, трутни трубели. Матка была в середине, и все пчелы окружали ее и летали туда, куда летела матка. К вечеру пчелы возвратились домой, но матка ослабела и от непривычки летать и оттого, что у нее крылья короче, а тело длиннее, чем у других пчел, не попала в улей, а упала в траву. Пчелы не заметили этого и влетели в улей. Но когда они увидели, что нет матки, они стали бегать по стенкам и вощинам, отыскивая свою царицу, но не могли уж вылететь из улья, потому что было поздно. Матка между тем одна ползала

по земле, взбиралась на травы, подгибавшиеся под ее тяжестью и, взмахнув крыльями, опять спускалась на землю, опять влезала, и путалась, и блуждала между травой. Становилось всё темнее и темнее. Лягушки прыгали по траве, и матка, спасаясь от них, взобралась на цветок кашки, но с кашки упала и запуталась в высоком пырье. Вдруг большая птица увидела матку, подлетела к ней, взяла осторожно клювом, выпутала из травы и с нею взлетела на плетень. Матка видела с плетня свой улей и видела, как ее пчелы бегали наружу по улью и слышала, как они жалобно трубели, отыскивая ее, и она сказала птице: Я благодарю тебя за то, что ты вынула меня из травы, но ты летишь не туда, куда надо — дом мой в этом улье. Птица сказала: Ты напрасно благодаришь меня, я вынула тебя из травы не затем, чтобы снести в улей, а затем, чтобы отдать своим детям на съеденье. Разве ты не видишь, сказала матка, что я не простая пчела, а что я царица, разве ты не видишь, что я больше всех пчел. Отнеси меня в улей, а то пчелы пропадут без меня. Я давно знаю, что ты матка, сказала птица, и мне всё равно, что

будет с твоими пчелами, а мне давно хотелось угостить моих детей толстой маткой. И птица разорвала матку на двое и отдала своим детям.>

* <НЬЮФАУНДЛЕНДСКИЕ СОБАКИ

Ньюфаундлендские собаки бывают очень большие ростом. Шерсть на них черная и длинная, и на лапах у них между пальцами перепонки, как [у] уток. Собаки эти очень сильны и плавают так хорошо, что они из воды могут вытащить большого человека. Один барин охотник купил себе такую собаку. Один раз он пошел на охоту. Ему надо было перейти небольшой ручей. Мост был далеко. Он и пошел прямо через воду. Он думал, что вода не будет глубже, чем по колено. Ньюфаундлендская собака не пошла за ним. А села на берегу, подняла уши и стала смотреть на него. Только что барин дошел по воде до половины речки, как вдруг собака вскочила и бросилась в воду. Она подбежала к барину, схватила его за платье и потащила назад. Барин хотел прогнать ее, но собака рычала и делала вид, что

она укусит его, если он не пойдет с ней. Барин вышел назад на берег. На берегу собака стала опять ласкаться. Барин опять пошел в реку. Но опять, только что он дошел до половины воды, собака бросилась и потащила его назад. Барин рассердился и привязал собаку к дереву. Когда он пошел опять в воду, собака стала грызть веревку, за которую ее привязали. Но барин думал: я прежде перейду воду, чем она отгрызет веревку. Когда он стал подходить к другому>

* СТРАУС

В Америке есть такие большие птицы, что люди ездят на них верхом. Птицы эти так скоро бегают, что на лошади трудно догнать их. Птицы эти называются страус. Их ловят на лошадях. За ними скачут до тех пор, пока они не устанут. Когда они устанут бегать, птицы эти подбегают к кусту и прячут в него свою голову. Когда они спрячут голову, они ничего не видят. И они думают, что и их тоже не видно.

** О МУРАВЬЯХ

Один раз я пришла в кладовую достать варенья. Я взяла банку и увидела, что вся банка полна муравьями. Муравьи ползали и в середине, и сверху банки, и в самом варенье. Я вынула всех муравьев ложечкой, смела кругом с банки и поставила банку на верхнюю полку. На другой день, когда я пришла в кладовую, я увидела, что муравьи с полу приползли на верхнюю полку и опять заползли в варенье. Я взяла банку, опять очистила, обвязала веревкой и привесила на гвоздик к потолку. Когда я уходила из кладовой, я посмотрела еще раз на банку и увидела, что на ней остался один муравей, он скоро бегал кругом по банке. Я остановилась посмотреть, что он будет делать. Муравей побегал по стеклу, потом побежал по веревке, которой была обвязана банка, потом вбежал на веревочку, которой была привязана банка. Вбежал на потолок, с потолка побежал по стене вниз и на пол, где было много муравьев. Верно, муравей этот рассказал другим, по какой дороге он пришел из банки, потому что сейчас же мно-

го муравьев пошли друг за другом по стене на потолок и по веревочке в банку, по той же самой дороге, по которой пришел муравей. Я сняла банку и поставила ее в другое место.

** <Один раз сто овец шли домой с поля. Впереди всех шла черная молодая овца, а сзади шла старая белая овца. Вдруг сзади овец заржала лошадь. Старая задняя овца побежала и закричала: Бегите скорее, что-то страшное закричало. И задние овцы побежали. Черная овца слышала, что это заржала лошадь, и не испугалась. Но другие овцы бежали за ней и кричали: волк, медведь, лев, бегите скорее... Черная овца подумала, что, может быть, она не расслышала и что сзади был волк. И она побежала. Когда она побежала, ей показалось, что она, точно, слышит вой волка. Она побежала еще скорее, и тогда ей показалось, что она слышит, как волк скачет сзади. Она побежала еще скорее, и тогда ей показалось, что стадо волков бежит за ней. Она поскакала что было силы. Овцы скакали по выгону. На выгоне лежали полотна. Черная овца увидела эти полотна. Она не знала, что это такое, но ей

стало страшно, и она прыгнула через полотно. Она сказала: Прыгайте, овцы. И все овцы стали прыгать через полотно. И овцы прыгали и кричали: Овраг, пропасть, пожар, прыгайте, выше прыгайте. Мы пропали. И овцы все прыгали и попадали одна на другую, и две переломили ноги. Когда овец пригнали домой, они долго кричали разными голосами и не могли перевести духа. А овцы с переломанными ногами плакали. Когда овцы отдохнули, они стали говорить между собой. Черная овца сказала: Мне кажется, что сзади заржала лошадь, когда вы все побежали, а волка не было. Тогда другая овца сказала: Нет, это не была лошадь, а все сказали, что это был волк. А 3-я сказала: Нет это был медведь. А 4 сказала: Нет, это был лев. А самая задняя сказала: Я сама видела, что это были два льва, 4 медведя и 10 волков. Она сказала, что она сама это видела, но она ничего не видала. Ей только стыдно было признаться, что она ничего не видала и напрасно всех перепугала. Когда все поверили ей и благодарили за то, что она спасла их от такой беды, тогда эта старая овца сказала: львов, медведей и волков я сама ви-

дела и мне кажется, что пропасти и пожара совсем не было там, где мы все прыгали и ломали ноги. Э[то] п[олотно] лежало. Я видела, как заворотился конец полотна. Тогда другая овца сказала: что она видела овраг. 2-я сказала, что она видела пропасть. 3-я сказала, что она видела пожар, а черная овца сказала, что она сама видела, что на дороге была пропасть и в пропасти горел страшный огонь, что если бы она 1-я не сказала им этого, они все бы погибли. А она тоже знала, что это было полотно, но ей стыдно было признаться, и все поверили ей, что был пожар.>

<НА ЧТО НУЖНЫ МЫШИ

У меня был молодой сад. Весною я пошел посмотреть свои яблони и увидел, что мыши кругом объели их корни, так что вокруг каждой яблони кора была съедена, как белое кольцо. Яблони были хорошие и свежие. На всех были цветковые почки. Все бы они цвели и дали бы плод, а теперь я знал, что они пропадут, потому что сок в деревьях ходит по коре, как в человеке кровь ходит по жилам. Мне

живо жалко было смотреть на мои яблони, и я пошел домой, и рассказал деду свое горе, и как бы я побил всех мышей на свете, если бы моя сила была.[81] А дед сказал мне: Если бы твоя сила была побить мышей, ты знаешь, кто бы тебя пришел просить за них. Я сказал: Некому просить за них, они никому не нужны. А дед сказал: Первые пришли бы кошки и стали бы просить за мышей. Они сказали бы: Если ты сожжешь мышей, нам будет есть нечего. Потом пришли бы лисицы и тоже просили. Они сказали [бы]: без мышей нам надо будет красть кур и цыплят. После лисиц пришли [бы] тетерева и куропатки и тоже просили бы тебя не убивать мышей. Я удивился: зачем куропаткам и тетеревам мышей, но дед сказал: Им мыши нужнее всего на свете. Они не едят их, но если ты мышей погубишь, лисицам будет есть нечего, они разорят куропачьи и тетеревиные гнезда. Все мы на свете друг другу нужны. —>

4. [БОТАНИКА]

**** ДЕРЕВЬЯ ДЫШАТ**

Ребенок был болен. Он бился, метался, по-

том затих. Мать думала, что он заснул; посмотрела — а он не дышит. Она стала плакать, позвала бабушку и говорит: «посмотри, у меня ребеночек умер». Бабушка говорит: «погоди плакать, может быть он только замер, а не умер. Вот, дай приставим стеклышко к ротик, если отпотеет, значит, дышит и жив».

Приставили стеклышко к ротик. Стеклышко отпотело. Ребенок был жив. Он проснулся и выздоровел.

Великим постом была оттепель, да не сгнала всего снега, и опять заморозило, и сделался туман.

Рано утром пошел я по насту в сад. Смотрю — все яблони пестрые, одни сучки черные, а другие точно посыпаны белыми звездочками. Подошел я ближе — посмотрел черные сучки — все сухие, посмотрел на пестрые — все живые и все по почкам облипли инеем. [82] Нигде нет инея, только на самых на кончиках почек, на ротиках там, где раскрываться начали, точно как усы и борода у мужиков обиндивеют на морозе. Мертвые деревья не дышат, а живые деревья дышат, так же, как

люди. Мы ртами и носами, они — почками.

<МОМУТОВОЕ ДЕРЕВО

Самое большое дерево на свете, это — момутовое дерево в Америке. — Оно растет 2000 лет и вышиною бывает больше самой высокой колокольни. Наши самые большие деревья: березы, дубы, сосны и ели, бывают вышиною в 30 аршин, а это дерево в пять раз еще выше. А в толщину это дерево так велико, что 30 человек, взявшись рука с рукою, не обхватят его.>

ЧАЙ

Чай делают из листьев. Листья собирают с дерева и сушат их на сковородах. Когда листья высохнут, то их укладывают в ящики и везут продавать. Чайное дерево растет только в самых теплых землях. Оно растет в Китае и в Японии. Чайное дерево бывает невысокое, так что человек рукой может достать до его макушки. Разводят его семенами. Семена чайного дерева похожи на коробочку с тремя от-

делениями. И в каждом отделении лежит по ореху в скорлупе. Этот орех и есть семя. Если его посадить, вырастет дерево. —

* ПРОБКА

Пробки делают из древесной коры. В Италии, в Испании, во Франции и еще в других местах растут деревья, похожие на дуб. Деревья эти не бывают так высоки, как дуб. Эти деревья бывают всегда зеленые. И когда они вырастут большие, на них делается толстая кора. Эту кору снимают и из нее делают пробку. Когда с дерева снимут кору, на том месте опять нарастает кора. И ее опять снимают. Когда наберут много пробки, <ее> кладут в воду, а потом разгибают и делают из нее дощечки. Потом делают из нее пробки. Вода не может пройти сквозь пробку. И пробка так легка на воде, что если сделать из пробки пояс и надеть на человека, так этот человек не может потонуть.

5. [ФИЗИОЛОГИЯ]

** ОТЧЕГО В ТЕМНОТЕ ВИДНО?

Войди со двора в темный сарай. Ничего не видно. Побудь немного, станешь различать столбы, крышу. А оглядишься, и всё видно. Отчего это бывает?

В глазу есть зрачок. Если присмотришься близко в зрачок, то сам себя увидишь, как в маленьком зеркальце. Зрачок не сплошной, а это колечко, и в колечке пустое место, а за пустым местом — зеркальце. Колечко это сжимается и раздается. Когда очень светло от солнца или огня, нам хорошо видно, и мы сжимаем колечко и прикрываем зеркальце. Но когда мало света, мы растягиваем колечко, чтобы больше света забрать в зеркальце.

Когда с солнца войдешь в темное место, то колечко сжато, и мы начинаем его растягивать. Когда больше растянем, нам больше станет видно.

А когда выйдешь из темного места на свет, отчего глазам больно? Оттого, что в темном месте мы растянули глазное колечко, да вдруг не можем стянуть его. Пока стянется, мы закрываем глаза веками, а то слишком много попадает света в растянутое колечко, и нам больно глазам.

* Когда кругом тихо, и ты прислушиваешься, стукни что-нибудь или закричи, тебе ушам больно станет. Отчего это? В каждом ухе есть перепонка, и перепонка эта натянута на хрящики, как барабан. Когда хочешь лучше расслушать звук, то хрящики растягиваешь, и перепонка станет туже. А когда громко слишком шумят, то сжимаешь хрящики, и перепонка ослабнет. — Когда кругом тихо, и ты прислушиваешься, то растянешь перепонку. Стукни что-нибудь крепко, и ушам станет больно.

** ЗАПАХ

Отчего вещи пахнут? Оттого что они крошатся на самые мелкие крошки — такие мелкие крошки, что их нельзя видеть глазами, и эти крошки разлетаются по воздуху; а мы как дышим, втягиваем их себе в нос, и крошки эти попадают нам на носовую перепонку.

<Чем крепче вещь, тем она меньше пахнет. Всякий металл, камень и дерево, покуда они холодны и сухи и не растерты в поро-

шок — ничем не пахнут. А почти всё согретое или мокрое или очень мелко растертое — пахнет. Жидкое всё почти пахнет. А еще сильнее пахнут почти все газы.>

Пахучая вещь уменьшается. Чем сильнее она пахнет, тем сильнее уменьшается то, что в ней пахнет. Если развалить траву, она даст сильный дух, потом будет пахнуть всё меньше и меньше и совсем перестанет. А если свесить пахучее сено и тоже, когда оно перестанет пахнуть, то увидишь, что пахучее сено было тяжелее непахучего сена. Всё, чего недостанет в весе, вышло запахом — такими маленькими частичками, что их не видать глазами, а слышно только носом.[83] То же бывает с навозом. Когда он перестанет пахнуть, в нем весу станет меньше. То же бывает с водкой, если держать ее незакупоренною. То же со всякими духами.

Всё живое — растения и животные — сильно пахнет. Но растения и животные не уменьшаются весом оттого, что пахнут, потому что столько, сколько выйдет из живого — растения или животного — запахом, столько оно заберет в себя опять пищи. Животное едой,

питьем, дыханьем; а растение — листьями из воздуха и кореньями из земли.

Как малы частицы те, от которых пахнет?

Человек в 400 000 раз больше, чем блоха, а он видит блоху и ощупывает ее руками. У блохи есть тоже глаза в 100 000 раз меньше глаз человека. Блоха своими глазами должна видеть вещества в 400 000 раз меньше ее. Такие-то частицы, а, может быть, еще меньше, те, которые попадают нам в нос, когда чем-нибудь пахнет.

6. [АСТРОНОМИЯ]

*** АСТРОНОМЫ**

В календаре сказано вперед, когда дни и ночи будут равные, сказано тоже вперед, когда, какого дня и в каком часу родится месяц. Сказано тоже бывает в календарях, когда, какого дня и в каком часу затмится луна или солнце. <Затмения солнца и луны бывают каждый год не меньше трех, только не всегда затмения эти видны от нас. Иногда видно в Петербурге, а на Кавказе не видно>. В календарях тоже вперед сказано, когда, в каком часу выйдет на небо звезда с хвостом. <И звезды

эти с хвостами каждый год бывают на небе, только мы не всегда их примечаем.> — И всегда всё сбывается, как предсказано в календаре.

Было предсказано в 1871 году затмение луны и затмение солнца, и точно так, как предсказано, в тот самый день и час в середине ночи на полную луну нашло черное пятно, закрыло и потом открыло месяц, и середь дня на солнце нашло черное пятно, закрыло солнце и опять открыло. <Узнают всё это вперед астрономы. У них есть построены башни, на башнях длинные зрительные трубы, и в эти трубы звезды днем видно. И они смотрят звезды, месяц, солнце, меряют расстояние между звездами, на бумагу срисовывают звезды и высчитывают, сколько времени какая звезда идет от места до места, и узнают, где, в какое время солнцу, месяцу и звезде надо быть. За тысячи лет до нас астрономы рассматривали звезды, солнце и месяц и замечали, как и куда они ходят, и записывали, и рисовали на бумаге и рассчитывали, когда какая звезда должна прийти. И теперь тоже делают и кое-что знают и вперед угадывают. — Но прежде

те, кто знали об звездах, никому не показывали своих расчетов и удивляли народ тем, что вперед угадывали, что будет, а теперь всякий, у кого есть охота к этому делу, может сам дойти до того, что предсказывают в календарях.>

Если кто будет <летом> в ночи вставать каждый день до зари и замечать, где всходит солнце, то он заметит, что солнце встает не в том же месте, где встало вчера, а в другом, немного полее, и встает не в то же время, как вчера, а каждый день пораньше. Если он будет смотреть всякий день с одного места и примечать по чему-нибудь, по дереву или бугру, против чего встает солнце, и так будет примечать год и два, то он вперед угадает, где в какой день встанет солнце. Если он так же по вечерам будет замечать за месяцем, где встает и в какое время месяц, то он вперед угадает, где будет месяц вставать. Если он по звездам будет примечать против какой звезды в каком часу будет месяц, то он тоже предскажет. И для человека, того, который никогда не примечал за этим, будет так же удивительно, как и то, как в календарях угадывают, когда будет какая звезда и когда затме-

ние. Тут один человек примечал год и два, а там примечали тысячи человек тысячи лет. — <Тот, кто имеет охоту к этому делу, тот может узнать, как дошли люди до этого. Только это дело трудное и много надо учиться, прочесть книг и самому примечать и уметь считать.

Одни говорят, что земля стоит на трех рыбах, а другие говорят, что она круглая, как шар, ни на чем не стоит. Это всё равно, никто не видал ни трех рыб, ни всей земли, ни того, что она вертится. А дорого то, как дошли люди до того, что знают вперед, что с солнцем, с луной и с звездами делается.>

* ЗВЕЗДЫ

<Прежде чем примечать за солнцем и месяцем, надо узнать звезды, как они всходят и заходят, и как они расставлены. Звезд всех очень много, если смотреть на них в увеличительные трубы; но если смотреть на звезды простым глазом, то их совсем не так много, как кажется. Всех звезд с одного места видно не более 2000; а из этих 2000 больших звезд не

больше 40, средних около 100, а остальные маленькие. Большие звезды приметны, и все их знают. Высожары. Медведица. Крест. Все звезды, и большие и маленькие, всходят с востока и заходят на западе. Иные в ночь и поднимаются и зайдут ночью, а иные стоят уже наверху на небе, когда смеркнется и станут видны звезды, но все-таки и эти идут с востока на запад, а иные только перед зарей начинают подниматься и идут на запад, но как солнце взойдет, они потухнут, и простым глазом не видать, как они заходят; но в зрительные трубы видны звезды и днем, и видно, как они все выходят с востока и заходят на запад. Если стать лицом на полдень, то одни звезды будут проходить над самой головой с востока на запад, другие впереди пониже и поменьше круги будут делать, другие еще пониже, другие еще пониже, и в самом конце к полдню будут звезды такие, которые только выйдут из-за земли с востока, сделают маленькую дугу и опять зайдут. Если повернуться назад и смотреть на север, то точно так же будут с востока на запад идти звезды, одни над головой, другие пониже, другие еще пониже и еще пони-

же, но не будет таких звезд, как на полдне, таких, которые только бы вышли из-за земли, сейчас бы и зашли. Здесь на севере будут, напротив, звезды такие, которые будут кружиться с востока на запад, но вовсе не будут заходить за землю, а будут кружиться над землею. На полудни звезды ходят ниже, а на севере выше. —

Все звезды ходят всегда, как сцепившись. Если смерить, сколько от одной звезды до другой и от другой до третьей и до четвертой, то где бы эти звезды ни были над головой или над землею, всегда расстояние между ними будет одинаковое. Это видно на глаз в Кресте и в Большой Медведице.

И астрономы меряют эти расстояния, и всегда выходит, что где ни были звезды, наверху или внизу, расстояние между ними всегда одно и то же. Так что небо с звездами вертится у нас над головами, как полог всё с одними и теми же узорами. И проходят все звезды над нами — и те, которые над головами, свои большие круги, и те, которые низко над землею ходят, свои маленькие круги — все в одно и то же время. Всё небо оборачивается

над нами ровно в 24 часа. Если прямо над головами 24 часа тому назад была звезда Сириус, а над землей только что выходила Красная звезда, то ровно через 24 часа опять над головами будет Сириус, над землю будет Красная звезда, и опять пойдут те же самые звезды, какие были в прежние 24 часа. Когда долго и часто будешь смотреть на звезды, то так заучишь их, что как покажется одна знакомая звезда, то сейчас будешь знать, какая от этой будет вправо, влево, какая впереди, назад, и за этими какие другие пойдут звезды. Всё равно как на знакомом ковре знаешь, какие будут узоры, когда развернешь один конец ковра. Так астрономы знают весь свод небесный со всеми звездами. Всё небо с звездами срисовывают на бумагу. А для того, чтобы понятнее было, из бумаги делают такие же шары, как всё небо, и эти шары разделяют полосами так, как дыня бывает разделена полосами. Полосы эти в середине широкие, а к концам сходятся на нет. Таких полос делают 360 и на каждой полосе назначают свои звезды. По этим рисункам легко отыскать каждую звезду.

* СОЛНЦЕ

Когда узнают всё небо с звездами, как ковер, тогда начинают примечать за солнцем. Солнце встает так же, как и звезды, на востоке и садится на западе, но оно не так ходит, как звезды. Все звезды встают и заходят в одном и том же месте и в одно и то же время. А солнце восходит не в одно и то же время, а всякий день и выходит и заходит в другое время против вчерашнего дня. С 11 декабря оно выходит всё раньше и раньше, а с 11 июня всё позже и позже. И встает и садится всякий день солнце не на том же месте и проходит небо не по тому же кругу. Звезды все ходят со всем небом, одним куском, а солнце ходит особо по небу и отстаёт против звезд. Так что если нынче перед восходом солнца чуть была видна звезда и потухла, завтра эта звезда уже выйдет раньше солнца, а послезавтра еще раньше, и потом еще раньше, и еще раньше. И так всё будет отставать и через год, через 365 [дней], солнце отстанет на

целый круг и сойдется через год опять с той же звездой. Звезда обернется 366 раз, а солнце 365, на раз меньше. <Солнце ходит, как и звезды, с востока на запад, но не по тем кругам, как звезды, а наискоски, так что солнечные круги не сходятся с звездными. Так что если нарисовать на шаре все места звезд и их круги, то солнечная дорога будет перерезать все звездные круги в одну сторону от 11 марта и до 11 сентября,[84] а потом опять перерезать эти круги в другую сторону.> Для того чтобы узнать, как, по какой дороге ходит солнце, нужно примечать, с какими оно ходит звездами, и от каких звезд к каким переходит. Кабы звезды были видны днем, это легко бы было; а так как не видно, то нужно так узнать всё небо с звездами, чтобы днем показать в какое-нибудь место в небо и знать, какие там теперь звезды. —

До этого можно дойти вот как: прежде всего надо найти север, юг, восток и запад, поставить прямо по отвесу кол и на колу сделать крест, чтобы показывал во все 4 стороны. Если утвердить один полукруг так, чтобы он вращался с севера на юг, и на полукруге по гли-

не из середины отмерять углы звезд, то когда эти звезды будут над головой, все углы можно вымерять. Нынче одну пару, завтра другую. Другой же круг утвердить так, чтоб он вращался с запада на восток.

Ось мира, глобус звезд. Инструменты, циркуль. Путешеств[ие]. Геогр[афия] для вращения. Путеш[ествие] для движ[ения] вок[руг] солнца.

- 1) Видимость звезд нашего полушария.
- 2) Меридиан, с. ю. в. з. (циркуль, круг).
- 3) Глобус звезд полушарья.
- 4) Солнца путь по звездам нашего полушарья. Отстает и отступает.
- 5) Равноденствие.
- 6) Затмение <величина солнца.>
- 7) Луна.
- 8) Заблудящие звезды.
- 1) Путешествие, другие звезды, склонен[ие.]
- 2) Путешествие. Экватор, полюсы оси.
- 3) Глобус всех звезд, измерение углами.
- 4) Солнце на полюсах, на экваторе.

- 5) Антиподы и зима и лето [*1 неразобр.*]
 - 6) Затмение, измерение солнца.
 - 7) Луна, фазы, объяснение.
 - 8) Заблудящие звезды в разных местах, их пути, их затмения.
-

- 1) Предположение вращения земли.
- 2) Предположение обращения земли.

* ЗВЕЗДЫ

1

Если посмотришь ночью подольше на звезды, то увидишь что все звезды ходят. Есть звезды приметные, и всякий их знает. Есть Высожары (кучка звезд), есть Медведица (ее называют тоже Коромыслом), есть Петров крест (зимний), есть Треугольник. Заметить какую-нибудь кучку звезд и смотреть на них всю ночь. Откуда и куда они ходят? Если смотреть на Медведицу, то увидишь, что она идет со всеми звездами в одну сторону по небу, как по своду, сначала поднимается выше и выше над головами, а потом станет спускаться и зайдет. Если приметить по какой-ни-

будь примете, куда зашла Медведица, то стань на другую ночь на том же месте, правой рукой к тому месту, где зашла, а лицом к полудню и смотри другие звезды перед собой. На какие звезды ни смотри, все они точно так же, как Медведица, слева пойдут по своду до верху круга и спустятся направо. Одни звезды будут подниматься прямо над головой высоко, другие впереди — пониже, какие еще больше впереди — еще ниже, какие в самом переди — над землею, но все-таки выйдут слева и опустятся направо. Если повернуться назад и посмотреть в другую сторону, на север, так, чтобы восход был слева, а закат справа, то точно так же и с этой стороны все звезды будут подниматься с восхода и заходить на запад. И точно так же одни будут проходить высоко над головой, другие подальше и пониже, другие еще подальше и пониже.

2

Если смотреть на звезды без зрительных труб и без привычки, то сначала спутаешься и потеряешь звезду ту, за которой примечал. Спутаешься главное оттого, что звезды не все

В ночь выходят из-за земли и заходят за землю; а как только солнце сядет, зажигается на небе много звезд таких, которые уже на ходу. Ночь застаёт одни звезды уж на четверти, на половине и на трех четвертях пути. И точно так же, когда рассветет, звезды многие потухают на середине неба. Но если примечать за этими звездами, то увидишь, что звезды те, которые зажигаются на середине неба, идут так же от востока на запад, и звезды те, которые потухают на середине неба оттого, что солнце взойдет, так же шли с востока на запад до тех пор, пока не стали нам видны. Звезды эти всё так же идут, как и те, которые нам видны ночью. Они только днем не видны нам. Если бы они не шли, то на другой день они бы были на том месте, где мы их оставили, а этого не бывает. Звезда та, которая вчера, как село солнце, загорелась над головами и в ночь зашла на западе за землю, нынче опять зажигается над головами. Значит, она пришла опять на то место. И звезда та, которая вчера потухла на рассвете на восточной стороне, нынче только ночью подходит к западу. Значит, она шла и днем. Есть зритель-

ные трубы такие, в которые звезды видны и днем. И в эти трубы видно, что все звезды не переставая ходят кругом и днем и ночью. —

3

Спутаешься еще оттого, что солнце весной каждый день раньше встает и позже садится, а осенью позже встает и раньше садится. От этого каждый день будешь видеть новые звезды весной и не будешь видеть тех, которые видел осенью. Звезды те, которые видны осенью, потухнут весной, потому что солнце раньше встает и позднее садится. От этого и зимой видны такие звезды, каких не видать летом. Но [в] большие трубы звезды видны и днем. И если зимой в 7 часов вечера видна была звезда над головой, то летом посмотреть в трубу на то место, где ей должно быть зимой, она там и будет.

** 4

Всех звезд очень много, если смотреть на них в увеличительные зрительные трубы, но если смотреть на них простым глазом, то их вовсе не так много, как кажется.

Всех звезд видно глазом и зимою и летом и больших и малых не больше 4000. А больших приметных звезд не больше 200.

Большие звезды тысячи лет тому назад были примечены <астрономами> и нарисованы на бумагу. Звезды почти все одинакие, только одна побольше, покраснее, другая поменьше, побелей, и их нельзя бы было срисовать, если бы каждая ходила особо, сходилась бы или расходилась с другой звездой. Но звезды все сцепленные, как шляпки гвоздей на доске. Они не сходятся и не расходятся. И как сделалось из звезд коромысло или медведица (или кастрюлька), так эти звезды всегда и ходят. Поэтому кучки звезд рисуют в разные фигуры, и эти фигуры всё те же и теперь. В календарях пишут знаки овна (барана) рыб, водолей (льет воду человек), козерог (зверь с рогами), стрелец, скорпион (такое насекомое), весы, дева, лев, рак, близнецы, — это всё звезды такие, которые похожи на эти картинки. Так что по всем звездам рисуют узоры. И узоры эти всё одни и те же. Все звезды ходят всегда, как сцепившись, и расстояние между одной звездой и другой всегда одно и то же, где бы

ни были эти звезды, над головами или над землей, к полудню или к северу. Иногда кажется, что когда две звезды невысоко над землей, то они дальше друг от друга, чем когда они над головами, но это только так кажется, как и всё над землей кажется больше, чем над головами.[85] Но астрономы углами меряют расстояние звезды от звезды, и всегда и везде это расстояние одно и то же.[86]

Так что всё небо со всеми звездами ходит, как полог, у нас над головами. Когда долго и часто смотришь за звездами, то так заучишь их, что как только покажется одно знакомое созвездие, то сейчас знаешь — вправо, влево, назад, впереди, где какая будет звезда[87], и за этими какие другие пойдут звезды. Всё равно как на знакомом ковре знаешь, какие будут узоры, когда развернешь один конец ковра. Так астрономы знают все звезды.

5

Всё небо ходит у нас над головами и поворачивается так, что как оно зашло направо, так точно оно выйдет слева всё с теми же самыми звездами. И поворачивается всё небо

так, что приходится опять то же небо в том же месте в сутки — в 24 часа. Если в 8 часов вечера прямо почти над головами у нас стоит самая светлая звезда (Полярная), а с востока только поднимается Красная звезда, то ровно через 24 часа опять прямо над головами будет самая светлая звезда, а Красная звезда будет только что подниматься с востока; и опять пойдут те же самые звезды, какие и вчера. Если мы зимой в 7 часов вечера заметим какую-нибудь кучку звезд на западе, то всякий раз, когда в 6 часов будет темно, мы будем видеть это созвездие, но когда дни станут длиннее и в 7 часов будет заря, звезды эти будут чуть видны, а потом и совсем не будут видны. Но если посмотреть в трубу на то место, где оно должно быть, то увидишь, что созвездие всё там же. Звезды ходят с небом над нами всё те же, но мы видим другие зимой и летом только оттого, что они тухнут от солнца. —

Небо поворачивается и приходит на старое место в сутки — в 24 часа. Но когда не было часов, то сутки только потому и считали, что звезды пришли на старое место. Больше ни по чему нельзя было считать сутки. По солн-

цу нельзя считать, потому что восход и закат солнца каждый день переменяется. Если мы говорим: нынче солнце встает в 4 часа или в 7 часов, то мы это знаем потому только, что знаем, что звезды оборачиваются в равное время. А это равное время мы разделили на 24 часа и по нем считаем и меряем, когда всходит и заходит солнце.

6[88]

Куда деваются звезды, когда они заходят за землю? И откуда они берутся, когда выходят из-за земли? Прежде думали, что везде кругом земли вода и что звезды падают в воду и тухнут, а с другой стороны опять выходят и зажигаются. Рассказывали в старину что слышали люди, как солнце шипит, когда попадает в море, как красная подкова в воде, и то же про звезды. Но теперь ездят по всем морям на восток и на запад, и никто нигде не слыхал, чтобы звезды падали в море. Теперь ездят по морям и по земле дальше и скорее, чем в старину, и заметили, что и звезды переменяются, когда переезжаешь с места на место. Если едешь на восход — туда, откуда выходят звез-

ды, то что дальше будешь ехать, то раньше будут выходить звезды. Какой звезде надо по приметам всходить в 10 часов вечера, если отъехал верст на 1000 на восход, она встанет раньше на полчаса. Если отъедешь еще дальше, то она встанет еще раньше. Значит, она там за землей не в воде была. Если ехать на закат, то какой звезде надо заходить в 3 часа, та звезда еще будет стоять высоко и зайдет еще через полчаса. Значит, она и прежде не в воду падала, а шла по небу так же, как и прежде, только мне не видать было.

И сколько бы ни ехать на восток, что дальше будешь ехать, то звезды раньше и раньше будут выходить, и сколько бы ни ехать на запад, звезды всё позже будут заходить. Поэтому и надо думать, что всё небо, как оно ходит над нами, так точно оно ходит и под нами. Земля висит в середине неба, а всё небо со всеми звездами кругом оборачивается около земли с востока на запад.

7

<ЮГ И СЕВЕР>

Если хорошо запомнишь звезды, то уви-

дишь, что над головами звезды по большим кругам ходят скоро, а по меньшим кругам тише, а на полдни и на полуночи совсем тихо ходят над землею, так тихо, что чуть приметно. Но когда приглядишься, увидишь, что и там они ходят и ходят не одинаково на полдни и на полуночи. На полдни звезды только выйдут из-за земли, сейчас и зайдут, а на полуночи крайние звезды ходят выше, и есть такие, что только зайдут за землю, сейчас опять выйдут, а есть такие, что даже и не цепляют за землю, а кружатся над землею и кружок свой маленький делают также в 24 часа, как и звезды над головами делают большие круги. Если смотреть на звезды в Москве, то будут видны на севере звезды такие, которые не заходят за землю, а ходят над ней и за ней, не цепляют, а на полудни будут видны такие, которые только взойдут над землей и сейчас зайдут.[89] Если из Москвы ехать на полдни, к Одессе, и на каждой станции замечать за звездами на севере и на юге, то увидишь, что чем дальше уезжаешь на юг, тем северные звезды ниже и ниже станут ходить и станут цеплять за землю, а потом станут заходить, и

на юге всё выше и выше будут выходить из-за земли, и делать круги больше. И что дальше будешь ехать, то всё небо будет к северу точно спускаться, а к югу подниматься. <Значит, на юг ехать всё равно что на гору.> И так далеко будешь ехать, и всё на севере небо будет спускаться, а на юге подниматься, точно оно всё переваливается. И то же будет, если будешь ехать на север. Небо будет так же переваливаться, только в другую сторону. Ближе к северу будут на севере ходить звезды, не задевая за землю, а на юге будут за землю ходить, а ближе к югу будут на юге ходить звезды, не задевая за землю, а на севере будут за землю ходить. А на самой середине будет такое место, где ровно будут ходить звезды по краям — половина под землю, а половина над землю. На этом месте небо будет не завалившись ни на север, ни на юг и будет ровно вертеться над головами — как колесо на оси. И ось эта будет прямо с севера на юг. Если с этого места, где небо стоит ровно, не завалившись, идти прямо на восход, то небо всё так же будет стоять ровно и ровно поворачиваться, сколько бы ты ни прошел с востока на за-

пад, или с запада на восток. Только, что больше пойдешь на восток, то раньше будут подниматься звезды, а что больше на запад, то позже. Стало быть, такое место, где небо ровно (не завалившись) ходит над нами, не одно только на земле, а таких мест много и на запад и на восток. Это не одно место, а целая дорога прямая с востока на запад. Где бы ни стоял на этой дороге, везде будет небо с звездами кружиться ровно, не завалившись. Эта средняя дорога называется экватор.

8

ПЛАНЕТЫ[90]

Когда присмотришься к звездам, то заметишь, что кроме всех звезд тех, которые со всем небом поворачиваются, как шляпки гвоздей на доске, есть немного звезд таких, которые не со всем небом ворочаются, а ходят сами по себе и ходят ближе к нам, чем все утвержонные звезды. Эти звезды называются планетами заблудящими. Видно, что они ближе, потому что они заслоняют утвержонные звезды. Так же ходит и месяц. И он видно что ближе к нам, потому что заслоняет утвержон-

ные звезды. Если посмотреть на небо днем в трубу, то можно видеть, что и солнце заслоняет утвержонные звезды, стало быть тоже ближе к нам, чем звезды.

Как ходят заблудящие звезды, месяц и солнце?

Если посмотреть на заблудящие звезды и примечать, как они ходят, то увидишь, что они то с той звездой сходятся, то с другой и опять приходят на старое место и опять по тому же кругу идут. Так же ходят месяц и солнце. Но все они и заблудящие и месяц и солнце так же, как и утвержонные звезды, выходят каждый день с востока и заходят на западе. Но каждый раз, как они выходят с востока, они уж на другом месте, чем где были вчера, так что они отстают или обгоняют звезды одни вперед, другие назад, одни вправо, другие влево.

Долго люди примечали за заблудящими звездами, за месяцем и солнцем и никак не могли понять, как они и вместе со всем небом идут и сами по себе ходят. И до тех пор не могли понять, пока один человек не придумал, что не небо ходит над землею, а земля са-

ма поворачивается. Он сказал: ведь всё равно будет казаться, если всё небо над тобой будет поворачиваться, или если ты будешь поворачиваться. Если тебе кажется, что небо вертится справо налево, то вертись сам слева направо, будет всё то же. Он говорит: может, не небо вертится, а вся земля вертится по срединной дороге с запада на восток. Как мы повернемся, так для нас выходят новые звезды, еще, еще новые, еще — солнце всходит, еще повернемся, и солнце заходит. Он и говорит: если так мы вертимся, так и заблудящие звезды и месяц и солнце не вертятся вокруг нас, а мы вертимся. Только что заблудящие звезды, месяц и солнце переходят от одной звезды к другой, это уж они сами ходят. Если так, то нам легче будет разобрать, как они ходят.

Стали думать, и вышло так точно. Он говорит: если бы земля не вертелась, надо бы всему небу вертеться; а небо больше земли гораздо. Какой бы ему круг надо делать? Другое дело. Если бы небо вертелось, надо б и заблудящим звездам и месяцу и солнцу с ними вместе вертеться, а они ходят по-своему. Если бы много небес было, одно поближе к нам —

на нем месяц вертится, другое подальше — на нем кометы, 3-е еще подальше — на нем солнце, 4-е еще подальше — на нем утвержонные звезды, так одно бы небо заслоняло другое, а нам всё насквозь видно до последних звезд.

—

Если говорят: да как же мы не слышим, что вертимся? А он говорит: потому — не трясет да и воздух с землей вместе идет.[91]

7. [ГЕОМЕТРИЯ]

** Возьми кол, затеши снизу, отруби гладко сверху. На этот верх положи одну на другую ровные две планочки и пробей их гвоздем, так чтоб они ни туго, ни слабо ходили кругом по гвоздю, чтоб планки эти можно было свести, и развести, и кругом обернуть. Отмеряй от гвоздя по планочкам поровну и пробуравь дырочки в обоих планочках. Пропусти веревочку в дырочки и в одной планочке привяжи ее, в другой пускай веревка ходит. Какую планочку ни отверни, веревка будет вытягиваться до тех пор, пока не развернешь обе планочки напрямик.

Сведи лучинки вместе, чтоб веревочка во все не была вытянута, и с колом отойди от до-

ма на 20 шагов. Утверди кол и наведи одну лучинку на один край дома, а другую на другой край. Промеж лучинок будет угол, и веревочка вытянется. Если большой угол — много вытянется, меньше угол — меньше вытянется. Заметь чем-нибудь, на сколько вытянулась веревочка. Потом отойди прямо, как шел от дома, еще на 20 шагов и опять наведи лучинки на края дома и заметь, какой стал угол. Угол станет меньше, и веревочка вытянется меньше. Смеряй, на сколько меньше вытянулась веревочка. Если ты верно счел 20 шагов в первый и второй раз, то угол стал ровно вдвое меньше, и веревочка во второй раз вытянулась ровно на половину. Если в первый раз она вытянулась на 2 вершка, то 2-ой раз только на 1 вершок. Что дальше будешь отходить, то меньше будет угол и ровно на столько меньше, на сколько дальше будешь отходить от дома. Отойди на 60 шагов — втрое, и угол будет втрое меньше против прежнего, отойди на 200 шагов — вдесятеро против первого, и угол будет в 10 раз меньше. Подойди ближе к дому вдвое — только на 10 шагов, угол будет вдвое больше, подойди совсем

вплоть, веревка вытянется прямо. Ни ближе подойти нельзя, ни больше[92] растянуть нельзя. По углу можно знать — далеко или близко ты от дома. Если ты где-нибудь стоишь, сам не знаешь, на сколько шагов от дома, то по углу можно узнать, сколько шагов до дома. — Возьми угол. Заметь на веревочке, сколько растянулась. Перегни веревочку, на сколько растянулась, и заметь половину. Отойди дальше до тех пор, пока угол будет вдвое меньше, пока сойдется до перегнутой половины. Когда сойдется, смеряй, сколько ты отошел. Сколько ты отошел, ровно столько от первого места, где[93] ты стоял, до дома. Угол стал вдвое меньше, значит, ты прошел половину. Сколько в этой половине, столько и в той половине. Если за рекой стоит дом и ты хочешь знать, сколько до него сажен, углом можно смерить[94].

** Если ты хочешь смерить, сколько шагов от тебя до столба, а к столбу нельзя подойти, то можешь смерить вот как: наведи одну лучинку на один край столба, а другую на другой, смеряй, на сколько вытянется веревочка.

Заметь половину и отходи назад до тех пор, пока веревочка вытянется только на половину; сколько шагов прошел, столько от первого места до столба. Так можно смерить, только легко ошибиться, потому что уголок будет мал, веревочка мало вытянется, и как раз ошибешься, не найдешь половину. Чтоб не ошибиться, от столба можно смерить вот как: наведи обе лучинки на столб, потом разведи их в обе стороны, что[б] стали впрямик. Возьми шест в 4 аршина, положи серединой прямо против столба по разведенным лучинкам. Потом отойди к правому концу шеста и правую лучинку наведи на столб. Заметь на веревочке, какой будет угол. Опять разведи лучинки напярмик, перейди на левую сторону шеста и левую лучинку наведи на столб. Заметь по веревочке, какой будет угол. Углы будут одинакие. Потом положи двойной шест на место прежнего, чтоб было 8 аршин. Потом опять наводи на столб и смеряй по веревочке углы с обеих сторон двойного шеста. Углы станут меньше. Отходи назад с двойным шестом до тех пор, пока углы станут такие же, как были прежде. Когда станут углы такие

же, как были прежде, смеряй, сколько ты прошел от первого места. Выйдет ровно столько от 2-го места до 1-го места, сколько от первого места до столба.

Если за рекой стоит столб и ты хочешь смерить, сколько до него, угольником и шестом можно смерить, не подходя к столбу.

* Углами можно мерить точно так же, как цепью или веревкой. И углами можно мерить, не доходя до того места, какое меряешь, а отходя назад столько, сколько от места до места. Но меривши углами, можно проходить и не всё место, а половину, четверть, треть, осьмушку и еще меньше; только нужно, чтоб углы были верны.

Если я хочу узнать, сколько от меня до дома за рекой, я наведу лучинки на оба конца, замечу угол и пойду отходить назад, пока угол станет вдвое меньше. Но если некуда отходить назад, можно смерить и не отходя всего места. Я пройду назад 10 шагов и посмотрю, на сколько убавился угол. Если угол убавился на третью часть, мне и не нужно ходить дальше, — я скажу: 10 шагов третья

часть. Три части будет 30 шагов. Значит, до дома 30 шагов. Так точно и будет. Если угольник сделан хорошо, то можно еще меньше ходить. Я отошел на два шага, угол убавился на 15-ю часть, значит два шага это 15-я часть, 15-я часть по два шага будет тридцать шагов, так и будет. Всё дело только в том, чтоб угольник был сделан хорошо и чтоб видно было каждый маленький угол и сколько маленьких углов в большом. По веревочке маленького угла не заметишь. Для того, чтобы можно было примечать маленькие углы и делить их на самые маленькие, сделай угольник вот как. Утверди на кол круглую дощечку. На середину этой дощечки укрепи гвоздем одну <на> другую две ровные лучиночки, чтоб они ходили крутом и не выходили нигде за край доски. И все углы, какие тебе нужны, черти карандашом из середины по лучинкам, как по линейкам. Если ты будешь чертить дуром, то исчертишь всю дощечку и не доберешься толку, а чтобы вперед тебе приготовить самые маленькие углы, разведи лучинки напрямик, прочерти по ним черту, потом сведи их вместе на середину, проведи под ними

другую черту.[95] Будут два большие ровные угла. Потом каждый большой угол раздели еще на два. Прочерти под ними, будет 4 угла.

И потом еще дели, сколько тебе нужно, еще и еще — <до тех пор, пока видны.>

Когда у тебя вся половинка доски будет расчерчена на маленькие ровные углы, тогда тебе не нужно будет ни другой лучинки, ни веревочки, а довольно одной лучинки, чтоб она ходила по всей половине доски, от одного угла к другому. Да нужно помнить, сколько у тебя всех углов: 10, 20, 30, 40, 100 — сколько бы ни было. С этим угольником короче и ловчее мерить. Наложить лучинку на черточку и наведешь на один край дома, потом наведешь с того же места на другой край дома, лучинка перейдет на другую черточку. Сочти, сколько уголков прошла лучинка от одной черточки до другой. Если она прошла 10 уголков, тебе уж не нужно отходить до тех пор, пока будет только половина — 5 уголков, а ты отходи только до тех пор, пока из 10 уголков станет девять. Как убавилось на один уголок, сочти, сколько ты прошел. Сколько б ты ни прошел (100 ли шагов, три ли шага, два ли

вершка), сложи 10 раз сколько ты прошел — столько будет от первого места до дома.

* <Угольники делают хорошие, медные. Вместо доски круг медный расчерчен на уголки, а вместо лучинки труба ходит по кругу или два столбика с волосками, чтоб по ним наводить. И весь круг делят всегда на 360 уголков, половину на 180, четверть на 90, осьмушку на 45, треть осьмушки на 15; треть трети осьмушки на 5. Так что последние уголки чуть видны, если мерить их близко к середине.>

С этими угольниками еще легче мерить с шестом не от двух краев дома или от двух деревьев, а от одного дерева или столба или какой-нибудь вещи. Наложить лучинку на среднюю черту там, где вся половина доски разделена пополам на два равные угла, и наведешь лучинку на ту вещь от которой меряешь. Потом возьмешь шест и положишь его влево от себя прямо по срединной черте на доске так, чтоб шест с лучинкой лежал под тем половинным большим углом, перенесешь угольник на другую сторону навсегда от

шеста, и заметишь, какой угол влево дает лучинка от серединного. Теперь или положи другой шест такой же и иди назад, пока угол станет такой же. Или, не кладя шест, иди назад, пока угол станет вдвое меньше. Или отойди назад, пока угол станет на один угол меньше. Если всех 6 уголков было, ты отошел на 2 шага и стало 5 уголков, то 6 раз 2 шага — 12 шагов. И еще короче можно сделать вот как. Когда положишь шест влево, наведи лучинку, заметь угол, на сколько отошла лучинка от половинного угла влево. На сколько она отошла, такой точно угол там у той вещи, если бы кто-нибудь оттуда смотрел и наводил на один конец и на другой конец шеста. В углу этом три уголка, в шесте 10 аршин. Надо только узнать, на сколько верст, сажень или шагов 10 аршин, если смотреть на оба конца, дадут угол в три уголка. Узнать это можно вот как. Сделай палочку в 10 восьмушек вершка (1 в. $\frac{1}{4}$) и посмотри на ее оба конца через угольник. Если палочка даст меньше 3 уголков, положи ее ближе, больше, положи ее дальше.

8. [ФИЗИКА]

* ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ОГОНЬ, КОГДА ЛЮДИ НЕ ЗНАЛИ ОГНЯ?

В одном месте ударила молонья в дерево и зажгла — стал огонь.

В другом месте люди сложили стог сена сырого, сено загорелось — стал огонь.

В третьем месте, в лесу на ветру, деревья терлись друг об друга — и загорелись. В 4-м месте железо ударилось о камень — брызнул огонь. Когда люди узнали огонь, они стали блюсти его, чтоб он не тух. А когда он тух, то они делали то же, что делали деревья в лесу. Они брали два сухие дерева, терли друг об друга, и загорался огонь; потом научились собирать трут и из камня высекали огонь. Научились сушить дерево, чтоб оно горело, научились жечь масло и сало в свечах, чтоб светило. Научились потом доставать серу и делать сернички. Потом научились доставать фосфор и делать спички. Научились доставать каменный уголь из земли, чтоб жечь вместо дров, научились делать стекла и через стекло зажигать солнцем, научились собирать электричество и им зажигать и греть, и

светить. Везде стало много того, что жечь, и у каждого есть чем зажечь; <либо трутом из кремня, либо спичкой, либо стеклом.>

Заспорили люди с солнцем и говорят: мы теперь и без солнца обойдемся: огонь и свет у нас везде есть, и мы знаем, что и как жечь. Нам солнце не нужно.

Солнце сказало: А откуда вы достали первый огонь?

— Не от тебя, а из молнии.

— А молния откуда?

— Из грозовой тучи.

— А туча откуда? — сказало солнце. — Туча была водой на земле, я разогрело воду, подняло ее паром и собрало в тучи.

Люди сказали: Да нам и не нужно молнии, мы огонь из дерева достали, терли дерево друг о друга, и стал огонь.

— А кто вырастил деревья? — сказало солнце. — Те деревья что вы жжете, были семечки и лежали на мерзлой земле, я распарило, распустило землю и потянуло к себе деревья. Без меня у вас бы не было дерева.

Люди сказали: Ну так мы из кремня взяли бы огонь.

— Кремень высушило я же, — сказало солнце, — да вы мне не поверите. Но и из кремня вы бы не взяли огня, если бы не было трута и дерева, а я их вырастило.

— Ну так мы из травы взяли огонь. Сложили сырой стог, он загорелся, мы взяли огонь.

— А кто вырастил траву? <Да и кто согрел ее в стоге.>

— Так мы негашеную известку польем водой, и станет огонь.

— А кто сделал воду? Всё я же распустило ее из льда.

— Так мы пустим электрическую искру и сделаем огонь.

— Из чего будет у вас электричество — из стекла? Так стекло в огне делается, а без меня огня бы не было. Если электричество вы делаете из железа с медью, то тоже вам надо полить его водой, а без меня воды бы не было. Да, пожалуй, сказало солнце, я вам оставляю огонь, — чем вы без меня будете топить и светить?

— Мы будем дровами.

— Дрова все от меня, — сказало солнце. — Если б я не растило новых лесов, вы давно бы

все пожгли и вам бы нечего жечь было.

— Тогда мы будем жечь уголь.

— Уголь весь от меня. Уголь земляной — это те леса, что я растило. Такие же леса, как теперешние, только их завалило землею. — Ну да, пожалуй, возьмите уголь, — чем вы будете светить? И светить вам без меня тоже нечем. Лучины у вас не будет, если я не буду растить березы; масла у вас не будет, если я не буду растить коноплю, льну, горчицы, подсолнухов.

— Мы будем жечь сало.

— А сало откуда? Из скотины. А скотина чем кормится? Травой, хлебом. Всё я ращу.

— Есть масло, нефть под землей, мы его будем выкапывать, будем делать керосин и им будем жечь и светить.

— Хорошо, — сказало солнце, — вы будете жечь уголь и светить нефтью, откуда вы возьмете силу?

Вы думаете, что у вас есть сила. У вас паровики вертят машины, бегают по рельсам, у вас мельницы на воде и на ветру работают, у вас лошади, быки возят, вы сами копаете, рубите, таскаете. Откуда все эти силы? Все от

меня. Помимо меня, нет на свете силы. — Что я согрею, то и сила.

У вас работает паровик, двигает клапаны, вертит колеса и бежит по рельсам. Кто вертит его? Тепло. Не будь теплой воды, не будет силы.

* ОТЧЕГО ТЕПЛО?

Когда солнце не закрыто тучами, от него согревается и высыхает вода, смола и воск распускаются, железо, камень раскаляются, а если под солнце подставить выпуклое стекло, то от солнца загорается бумага и дерево. Это первое тепло от солнца и называется *солнечное*.

Если станешь тереть дерево о дерево, то дерево согревается. Если ехать на немазанной телеге, то ось согревается, если лошадь крепко заденет по камню шипом, то выскочит искра. Если сложить стог сырого сена, то оно станет оседать и согреется, и потом и загорится огнем. <Кузнецы, чтобы добыть огня, бьют молотком гвоздь и потом к нему приставляют серничек, и он загорается.> Это другое тепло

от какой-нибудь силы, либо от трения, либо от удара, либо от нажима. Это тепло называется *механическое*.

Если в сухую, выжженную известку налить вдруг воды, то известка согреется, как кипяток, и загорится огнем. Если на раскаленное железо подуть крепко, то воздух смешается с раскаленным железом, и железо станет горячее и загорится огнем. Это третье тепло, и огонь от смеси: оттого, что вода смешалась с известкой или железо раскаленное с воздухом. Это тепло называется *химическое*.

Когда молния ударяет в дерево, то дерево загорается. Не от солнца, не от трения и не от смешения, а от какой-то другой силы. Если к телеграфной проволоке приставить руку и пустить электрическую машину, то почувствуешь тепло, а если приставить порох, то он вспыхнет. И этот огонь будет не от солнца, ни от трения и не от смешения, а от какой-то другой силы. Откуда берется эта сила, никто не знает. И силу эту называют *электричество*.

Тепло всё одно и то же и в солнце и в огне, когда вытрешь его из дерева, и в огне, когда

известка или стог горят, и в электрическом огне, когда гроза зажигает, но только показывается каждое тепло различно. Солнечное тепло издалека жжет лучами. Лучи эти вдали и вблизи одинаково греют. Солнечное тепло только тогда сильнее, когда больше лучей. Механическое тепло действует только на том месте, куда направлена сила; разогревается только то место, которое трешь. И чем крепче трешь, тем сильнее тепло. Химическое тепло действует насквозь во всех частицах тела и бывает тем сильнее, чем больше частиц смешиваются между собой. Больше воды и известки — больше тепла, меньше воды и известки — меньше тепла. Электрическое тепло действует не лучами, а искрой. Чем больше электрических искр, тем сильнее тепло.

РАСТЯЖИМОСТЬ ТЕЛ ОТ ТЕПЛА

От жара всё раздается, от холода всё сжимается.

Если винт не входит в гайку, то погреть гайку, и винт войдет. А если винт слаб, то погреть винт, и он будет туг.

А если серебряное кольцо узко на пальце и подержать палец с кольцом в теплой печи, что будет? Кольцо раздастся на пальце, но палец раздастся еще больше, и кольцо станет еще туже.

А если пробка туго загнута в горлышке и нагреть горлышко, что будет? Пробка станет слаба, потому что стекло раздается от жара больше, чем пробка.

Железо с железом одинаково растягиваются и сжимаются от тепла и холода. А разные вещества разное сжимаются и растягиваются.

Серебро от тепла меньше раздается, чем тело, а стекло больше, чем пробка.

ТЕПЛО И ДВИЖЕНИЕ

* [1 вариант]

Всё движение на свете от тепла. Как может тепло двигать вещи? От тепла вещи раздаются. Если бы только одна вещь была на свете, и то бы она от тепла двигалась, как вода двигается, если ее кипятить снизу или греть на солнце. Но если напустить в воду много разных вещей: трухи, веток, масла, песку, бума-

ги, муки и других, то все эти вещи начали бы шевелиться в воде, сходиться и расходиться.

То же самое делает тепло на свете. Вещи на свете все разные. Одна скоро раздается от тепла, другая долго не поддается. Положи на солнце доски сырые, железо, воск, смолу, и посмотри через неделю. Доска погнетса, толкнет железо, смола прилипнет, стечет, воск сползет.

Но если собрать жидкостей и газов под колпаком и поставить на солнце, то еще больше перемен сделается.

Всё движенье оттого, что вещи разно поддаются теплу.

Положи на солнце летом лист железа. Он раскалится так, что рукой тронуть нельзя, и не тронется с места, только чуть-чуть раздастся. А поставь чашку с водой, половина уйдет паром в небо, что ее и не найдешь, а тепла в воде почти ничего не прибавится.

На железо и на воду тепла пошло ровно, но железо не поддается солнцу, тепло так и осталось теплом, только немножко раздало его, а вода поддается теплу. Она стала паром и перешла на другое место, а тепла в ней почти

ничего не прибавилось.

Но возьми и на разогретый лист железа положи воск. Воск растает и потечет по листу. Стало быть, тепло из железа перешло в воск и распустило его. Возьми, слей этот воск в стакан воды, вода станет теплее, из нее пойдет пар; поймай этот пар и положи в него кусок льду. Лед растает, станет водой. Заморозь воду, выйдет тепло в воздух, поймай теплый воздух, напусти его на лист железа, железо опять согреется.

Поймай пар, что вышел из воды, остуди его, он выпустит тепло. В тепло это положи воск, воск распустится. Остуди на железе. Железо согреется; остуди железо в воде, из воды выйдет пар. Напусти пар в чашку с водой, вода согреется.

Так тепло переходит из одной вещи в другую. Какая вещь поддается ему, оно ту двигает с места на место, как воду, воск, разбивает на маленькие части; а какая не поддается ему, в той оно остается теплом, как в железе.

Как нагреется какая вещь, так она или сама двинется, а не может двинуться, так отдает свое тепло другой вещи, и другая уже вещь

двинется.

Так солнце греет и работает. Что больше греет, то меньше работает; что больше работает, то меньше греет. Но ни работа, ни тепло никогда не пропадают, и из работы всегда может сделаться тепло, а из тепла — работа.

Раскалится песок в пустыне. Как, кажется, ему сделаться работой? А смотришь — реже станет воздух, потянет холодный воздух, и пойдет работать ветер — понесет тучи.

Носится ветер; как ему стать теплом? Выстроил человек мельницы. Завертел ветер крылья, загорелись жернова.

Кочегар топит паровик. Задвигали поршни, завертели колеса, стала работа. Как ей стать теплом? Не мажь колеса, да пусти по новым рельсам, огнем загорятся оси колес и рельсы.

Печет солнце на воздухе летом в лесу. Нет тепла, всё прохлада. Куда делось тепло? Оно делает работу, строит деревья. Как сделать теплом эту работу? Зажечь дерево, и всё тепло, что в сто лет набрало дерево — выйдет огнем.

Ест лошадь овес — работа. Как же ее сде-

лать теплом? Запри двери, она надышит — только кормом.

ТЕПЛО И ДВИЖЕНИЕ

* [2 вариант]

Всё движение на свете от тепла. Если бы только одна вещь была на свете, и то бы она от тепла двигалась, как вода двигается, если ее кипятить снизу или греть на солнце.

Но вещи на свете все разные. Одна скоро раздается от тепла, другая долго не подается. Положи на солнце доски сырые, железо, смолу и посмотри через неделю, что будет. Доска погнетса, толкнет железо, смола распустится, прилипнет. И все вещи эти будут лежать уже не так, как ты их положил.

Но если собрать жидкостей и газов под колпаком и поставить на солнце, то еще больше перемен сделается. Всё движение оттого, что вещи разное поддаются теплу.

Положи на солнце летом железный лист. Он раскалится так, что рукой тронуть нельзя, но не тронется с места.

На разогретый лист железа положи воску.

Воск растает и потечет по листу, а железо остынет. Стало быть, тепло из железа перешло в воск и распустило и двинуло его. Тепло в железе сделало работу — распустило воск, и когда сделало работу, то железо остыло.

Как нагреется какая вещь, так она или сама двинется, а не может двинуться, так отдаст свое тепло другой вещи, и другая уже вещь двинется.

Теперь другое: как только какая-нибудь вещь двигается, то если ей помешает что-нибудь двигаться, то вместо движенья сделается опять тепло. —

Течет река. Это движенье. Поставит человек мельницу. Колеса не пускают прямо воду, останавливают движенье. Начнут колеса вертеться, загорятся шипы и жернова.

А не мажь шипы да пусти их вертеться по дереву, и дерево загорится огнем.

Из движенья станет тепло.

Брось кусок железа на наковальню. Накováльня помешала железу лететь вниз. Пощупай железо и наковальню — обе стали теплые.

Высохнут деревья, станут ветром качаться,

станут тереться друг об друга. Деревья мешают друг дружке двигаться. Будут тереться и загорятся.

Если рассмотреть хорошенько, то увидишь, что из всякого тепла делается движение, а из всякого движения делается тепло; так что ни тепло, ни движение не пропадают, а из тепла делается движение, а из движения опять тепло, а из тепла опять движение, и так без конца.

Печет солнце на голую степь и раскалит воздух и землю. Как, кажется, этому теплу сделаться движением; а смотришь — реже станет над степью жаркий воздух. Потянет на его место чистый холодный воздух, и станет движение — ветер.

Как, кажется, из этого ветра сделать опять тепло. А смотришь — дует ветер на мельницу. Крылья вертятся, шипы и жернова согрелись. Хоть малая часть движения стала теплом. А остальной ветер в другом месте другим порядком, а станет теплом. Кипит вода. Как, кажется, этому теплу сделаться движением. А поймал человек пар, запер его в паровик и стал им совать поршни и вертеть колеса —

стало движенье. Бежит машина. Как этому движенью стать теплом. А пощупай колеса, рельсы — они горят. Уже часть движенья перешла в тепло.

Греет солнце лес. Тепла нет. В лесу прохлада. Куда же девается это тепло? Тепло идет на движенье, только что движенье нам не очень заметно. Движенье то, что деревья растут.

Как сделать теплом это движенье? Зажечь дерево, и всё тепло, что в сто лет набрано деревом движеньем — ростом, — выйдет теплом. —

Греет солнце луга и растит траву. Тепла нет, а есть движенье — трава растет. Как сделать это движенье опять теплом? Положи траву в кучу, она загорится.

Грело, грело солнце поля, сделало движенье — вырастило хлеб. Как это[му] движенью сделаться теплом? Человек съел этот хлеб, и кровь согрелась в нем.

Человек стал работать, и стало опять движенье.

9. [ХИМИЯ]

* КАК ВЕЩЕСТВА СОЕДИНЯЮТСЯ

Газы редко бывают на свете чистые сами по себе, а почти всегда соединяются с другими веществами. Всегда водород смешан с кислородом, или углерод с кислородом, или кислород с железом или с медью, с кремнем и с разными другими веществами. Когда вещества крепкие или газы смешаны между собой, то трудно разобрать, из чего они соединены, потому что они не смешиваются так, чтобы был кусок кислороду, кусок железа, а они смешиваются такими мелкими частичками, что нельзя найти ни одной самой маленькой частички прежнего вещества, а делается новое вещество.

<Когда два вещества смешиваются так, что можно разобрать хоть в увеличительное стекло самые маленькие частички веществ смеси, то это называется механическое соединение, но когда нельзя отыскать прежних частиц, и всё вещество делается другое и на вид, и на запах, и на вкус, тогда это называется химическое соединение. Если смешать вместе самый мелкий синий порошок с самым мелким желтым порошком, то сделается зеленый порошок. На вид порошок изменится; но на

запах, на вкус, на ощупь он будет такой же. И если рассмотреть его в стекло увеличительное, то будут видны синие и желтые крупинки. Но если железо заржавеет, т. е. смешается кислород с железом, то ржавчина и на вид, и на запах, и на ощупь, и на вкус будет совсем не такая, как железо и кислород, и в какое увеличительное стекло ни смотри, не увидишь частиц кислорода и железа. Это химическое соединение.>

Если взять кислороду и водороду и смешать, а потом зажечь эту смесь, сейчас водород загорится, заберет в себя, сколько ему нужно, кислороду, вся смесь делается мокрая и из пара станет вода, и в воде этой не найдешь уж ни одной частицы ни кислорода, ни водорода.

Есть металл содиум и газ хлорин. Если съесть кусочек содиума, то умрешь — это яд. Если подышать хлорином, то тоже умрешь, как от яда. Если свести вместе эти два вещества, то вспыхнет огонь, треснет, как из ружья, и делается осадок. Если остудить этот осадок, то осадок — это будет соль. Та самая соль, которую едят с хлебом.

10. [МИНЕРАЛОГИЯ]

* АЛМАЗ

<Золото дороже всего на свете — железа, меди и серебра. Оно дороже всего потому, что оно крепче железа, меди и серебра. Из золота можно сделать проволоку такую тонкую, как нитку. И на этой проволоке можно поднять человека.>

Из всех камней самый дорогой алмаз. Алмаз крепче всего на свете. Алмазом можно резать всякий другой камень. А никакой другой камень не может резать алмаза. Алмаз дорог еще потому, что никакой камень и никакое стекло не блестит так, как алмаз. —

А еще алмазы дороги потому, что их очень мало. Самый маленький алмаз стоит три рубля. Стекольщики покупают такие, чтобы резать стекла. Алмаз с горошину величиной уже стоит в 100 раз больше. Но алмаз с орех стоит дороже большого дома — сто тысяч рублей <и больше. Таких больших алмазов есть только четыре во всем свете. Один в России, другой во Франции, третий в Италии, четвертый во Франции.>

Алмазы находят в земле. Они лежат маленькими камушками в красной глине. Когда находят алмаз в земле, он не блестит. Но когда узнают, что это алмаз, тогда его очищают, и тогда он начинает блестеть. Алмазы чистят другими алмазами.

11. [ТЕХНОЛОГИЯ И МЕХАНИКА]

*** <КАК СТРОЯТ МЕЛЬНИЦЫ НА ВОДЕ**

Мельницы можно строить только на текущей воде — на ручье или на реке. Надо загородить реку так, чтобы воде некуда было течь. Загородить воды можно сто>

*** <КАК ДЕЛАЮТ КОЛЕСА**

Срубят большой дуб. Отпилят от дуба ровный вырезок без сучьев и длиной в сажень. Потом расколят этот дуб на несколько длинных полос. Потом возьмут эти полосы и положат их в жаркую баню, которая называется парница. Потом, когда дубовые полосы распарятся, тогда их гнут. Сделают круг из дерева, как круглый пирог. В боку этого круга утвердят пробой. В пробой всунут полосу, и три му-

жика гнут ее. Загнут и привяжут>

* <КАК ДЕЛАЮТ ВОДКУ

Возьмут муки, затрут и смешают ее с горячей водою, чтобы сделалась густая каша. Потом остудят этот затор и перельют его в большую кадку так, чтобы кадка была не полна — ниже половины. Потом в этот затор положат дрожжи. (Дрожжи делают из хмеля.) Потом вольют воды и ждут, пока затор не поднимется большими пузырями. Когда затор станет бродить и поднимется вровень с кадкой, тогда переливают его в медную посуду. Потом начинают кипятить затор в медной посуде. А на посуде сделан большой медный колпак. А на колпак льется холодная вода. Как затор закипит, станет из него подниматься пар, пар этот под колпаком остужается и стекает водкой в кран, а из крана в посуду.>

** <КАК СДЕЛАТЬ ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Надо взять две бутылки или склянки. И горлышки бутылок залепить воском или сур-

гучом так, чтобы оставалась маленькая дырочка. И в одну из них насыпать мелкого песка. Песок прежде этого надо просеять сквозь сито, так чтобы в нем не было ни одного камушка. Потом поставить пустую бутылку на ту, которая насыпана песком, так, чтобы горлышко было на горлышке. Потом связать обе бутылки вместе. Потом перевернуть бутылки так, чтобы пустая была внизу, а насыпанная песком наверху. Потом смотреть на часы, и когда пройдет полчаса, заметить, сколько песку насыпется в пустой бутылке, и заметить краской черточку на стекле, по каких пор будет песок. Потом опять через полчаса заметить краской две черточки, и так до тех пор, пока высыпется весь песок. Потом перевернуть опять бутылки и на другой заметить то же. Тогда часы готовы, и всегда можно знать по черточке, сколько прошло времени.>

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ «НОВОЙ АЗБУКИ» И НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В НЕЕ

* Спорили петухи и курицы, кто старше. Курицы сказали: если бы мы не клали яйца, не было бы петуха.

* <Девочки пошли по малину. А ребята пошли за ними и пугали, кричали как волки. Девочки сробели, бросили малину. Ребята собрали малину>

* Девочки пошли по малину. Набрали плетушки и пошли на деревню; на деревне сложили малину на тарелки и вынесли на улицу. Купцы купили малину и дали за малину гривну. Девки на гривну купили ленты. Надели ленты и были рады.

* Были у девочки башмаки старые, она чинила, а всё были дыры. Она бросила башмаки, пошла босая и сказала: Я босая легче хожу и починки нету.

* <Сварила баба кисель очень густ,
А <горшок> с сотой[96] был пуст.
Не хотели дети за стол сесть,
Киселя без меду есть.
Пришел дед,
Сказал: отчего меду нет.
Принес мед на стол.
И кисель в ход пошел.
Кисель стал не густ,

И стал горшок пуст.>

* Пошли дети на торг. Было у них по грошу. Дали по две булки на грош. Всех дали шесть булок. <Много ли было ребят?>

* <Шел дождь. А Дуня шла из леса, несла грибы. Стала Дуня под дуб.>

* <Вышла мышка из норки, а кот ее ждал. Кот мышку взял. Но Васе жаль стало мышку. Он взял кота>

* <Шел муж с женой и вели с собой дочку. Дочке трудно стало идти. Муж взял на руки. Ему стало трудно. Мать взяла на руки. Ей стало трудно. Дочка>

** Маше купили игрушку — лодку, а на лодке кукла. Маша сломала куклу и плакала. Пришла Параша, сказала: вчера хуже было — была одна игрушка, а нынче три игрушки: лодка, кукла да еще два кусочка куклы. И девочка стала весела и играла кусками игрушки.

** <Была ссора промеж пчел и жуков. Жуки хотели оттереть пчел от меду и ввалили все кучей в улей. Пчелы жужжали и звали всех пчел на драку. Принесся пчел целый рой и побии жуков. —>

* <Жили два жука у забора, и стала между ними ссора. Жуки летали, громко жужжали. Не жужжите, жуки, сказали мужики.>

** Жил-был мужик, и у мужика была кошка и был баран. Когда мужик придет с работы, кошка бежит к нему, лижет ему руку, на спину ему прыгнет, об него трется, и мужик ее гладил и давал хлеба. Вот баран[97] хотел, чтобы его также ласкали и давали ему хлеба. Мужик пришел с поля, баран бежит к нему, лижет ему руку, трется об ноги. Мужику смешно, и он смотрит, что будет еще. Баран зашел сзади, поднялся, прыгнул мужику на спину. Свалил мужика с ног. Мужиков сын видит — баран батюшку свалил, взял кнут, избил барана. —

* Был один кот. Он ловил крыс самых крупных. Один раз мышка вышла из щелки и сказала: кот, ты крыс ловил, а ну-ка меня догони. Кот пустился. Мышка шмыгнула под пол, а кот убился об угол.

* <Волки съели в стаде барана, а пастух был заяц, он пришел в деревню и не может сказать. Сказал: съели, а кто съели что съели, не может сказать.>

* <Пришел медведь на осик, хотел медку поесть. Свалил улей ногой и стал мед ломать. Пчел целый рой поднялся и стал крутом летать. Пчелка сказала: постой, дружок ты мой, нас целый рой, и твой нос хоть и кривой>

** Старый медведь залез на осик, свалил улей лапой и стал таскать мед. Весь рой пчел напал на медведя. Стали пчелы кусать медведя в голый нос. Медведь завыл: Ой, ой, нос мой, и пустился с осика домой. А пчелы сказали: Вперед не воруй. <На молоке обжегся, вперед на воду дуй.>

** На осик медведь пришел и стал таскать мед у пчел. Поднялся весь рой пчел летать, стал медведя в нос кусать. Медведь завыл: Ой, ой, нос мой! и пустился с осика домой.

* Были у мужика кони бойки. Он запрег их в тройку и погнал шибко. Тройка понесла мужика под горку. На горе были ребята. Они бросили скамейки, и тройка сломала все скамейки.

** <Нашла собака кость. Взяла эту кость в пасть. И пошла в свою деревню. Надо было собаке через[98] реку перелезть. Чтобы кость не несть, собака бросила ее под спуск, и кость покатила вниз и упала в воду. Случись в овраге волк. Волк взял кость и хотел ее унести. Собака и сказала: Волк, будь добр, не бери мою кость. Я ее несла за 5 верст, посмотри, я устала как. А волк сказал: А я кость из воды достал, посмотри: я весь мокр. А я точно добр, пока у меня полна пасть. Собака поджала хвост и пошла кругом на мост.>

* Волк нес кость, а на пути ему была река и

через реку мост. Волк пошел на мост, а на мосту были псы. Волк забрал в пасть всю кость, пустился через мост. Псы стали волка грызть, а волк не хочет разжать пасть и пустить кость. И псы загрызли волка и отняли кость.

* <Волк нес кость. Напали на него щенята. Волк мог бы щенят загрызть, да не хотел разжать пасть, пустить кость, и бежал от щенят.>

* <Заспорила Марья с Феклой, кто больше нарядет. Марья зажгла свет и пряла всю ночь, а Фекла легла спать. Наутро <Фекла пришла к Марье и видит — Марья спит. Фекла ушла> Марья>

** Были два мужика Петр и Иван, они вместе скосили луга. Петр наутро пришел с семьей и стал убирать свой луг. День был жаркий, и трава высохла, к вечеру стало сено. А Иван не пошел убирать, а просидел дома. На третий день Петр повез домой сено, а Иван только собрался грести. К вечеру пошел дождь. У Петра было сено, а у Ивана вся трава

сопрела. — <Наши пряли, а ваши спали.>

** <Пришел нищий в деревню. В богатом доме ему бросили плесневую корку хлеба. Нищий бросил корку псу и сказал: Человек есть не станет. А в бедном доме сказали: И рады бы дали, да у самих нет. Бог пошлет, дядюшка. Нищий сказал: Спаси Христос. На нет и суда нет.>

* <Была старушка старая-престарая. Все звали ее бабушкой. Только старик звал ее Катерина Сергевна.>

** <Был глупый мужик, он построил себе избу крепкую, а к двери запорки не приделал. Покрыл двор, а забора не забрал. Ушел из избы, у него всё разворовали. Загнал скотину на двор, а скотина разбежалась.>

* <Взялся человек рыть канаву и рыл всё лето. Вырыл на три версты. Пришел хозяин и сказал: много же ты вырыл. Невеличка капля, а камень долбит.>

* <Мужик рано вставал, рано за работу брался и стал богат. Заря деньгу дает. —>

** Жили старик со старухой. Было у них в избе тихо. Пустили они в свой дом школу. Стали ребята так кричать, что у стариков уши заболели. Азбуку учат, на всю избу кричат.

* <Был глупый купец. Стал он считать, сколько у него сукна, и не знал, как счесть. Велел прикащику сукно на весах вешать. — Аршин на сукно, ведро на вино.>

* <Если привязать алого сукна кусочек на веревочку и пустить на воду, лягушки на него будут прыгать. Алый цвет мил на весь свет.>

* <Жил мальчик в ученьи, пришел восво-
яси на праздник. Сели за кашу. Мальчик ска-
зал: Какая у вас каша густая, такой каши у хо-
зяина не бывает. А мать сказала: Семейная
кашка гуще кипит.>

** <Девочка с матерью пришла в ряды. И
стали они выбирать ленты. Мать спрашива-

ла: Какую ты хочешь? Дочь сказала: красну. И пчела летит на красный цветочек.>

* Ездил барин за границу. Приехал к себе и затеял рожь руками сажать. Мужики сказали: Ворон за море летал, умней не стал.

** Приехал мужик в деревню менять у бабы яйца, тряпки на иголки и ленты. Баба Анисья вынесла два десятка яиц, хотела выменять ленту и иглолок. Мужик столько наговорил, что баба заслушалась, всё забыла и за две иголки сменяла яйца. Пришла в избу и сказала: Он меня надул. А старуха сказала: Не разевай рта, муха не влетит.

** Федя влез на ель гнездо взять. Брось, Федя, не губи гнездо. Матку жаль. Федя всё лез и взялся за сук. Сук был слаб. И Федя гнезда не снял, а сшиб себе нос в кровь.

** <Вася и Петя пошли в лес. Видно им на ели гнездо. Надо им гнездо взять. Я стану на землю, а ты мне на плечи стань. Вася Пете на плечи влез, но всё не мог гнезда взять. Им бы-

ло жаль. А птичка была рада.>

* <Давно ли ты дядя, нем? Да лет семь. Семь лет нем, а три слова от тебя слышу.>

* <Давно ли ты дядя, глух? И сам не помню.> А давно ли ты, дядя, нем? Да уж лет семь.

* <Были у волка дети. Волк был в поле. А дети были одни в гнезде. Пришли люди, взяли их и снесли в село. Волк стал выть. Не вой, серый! Детей не жалея.>

* <Жил старый дед. Пришли к нему внучки. Дед, дай нам меду. Дед дал меду и>

* <Приехал из города отец и достал кульки. Он сказал: ну, Петька, отгадай, где твои калачи. Петька не угадал. В кульке были сельди.>

* Ехали два воза. Один воз с пустыми бочками, а другой с мукой. От воза с бочками шел шум, а воз с мукой шел тихо.

** Мальчик играл и разбил нечаянно дорожную чашку. Никто не видал. Отец пришел и спросил: Кто разбил? Мальчик затресся от страха и сказал: «Я». Отец сказал: «Спасибо, что правду сказал».

* Ольга шла по дороге, вдруг из куста прыгнула собака и укусила Ольге пальчик. Ей стало больно, и она плакала.

* Был на кусте рой пчел. Митя лез на шест взять рой. Влезть не мог, рой не взял, а нос сшиб. Ой, ой, нос мой.

** <Вася хотел сесть на лавку, а на лавке была кошка, и сел на кошку. Кошка: мяу! и Васю за спину цап. Вася: ой! и стал кошку бить. Ты, Вася, кошку не бей, а будь сам умней, смотри, где можно сесть.>

** <Вася с кошкой был друг. Раз он ее за хвост взял. Кошка: мяу и Васю за лицо цап. Вася: ой, ой! И стал кошку бить. Ты, Вася, кошку не бей, а будь умней, с ней глупо не играй.>

* <Петр нес куль круп к деду через лес. Шел он долго и лег под ель и стал спать. Шли мимо воры, взяли его крупы и ушли.>

* <Мужик убил зайца и хвалился, что он первый стрелок, а другой мужик ему сказал: удалось червяку на веку лист подъесть.>

** <Девочка любила играть на улице, а как придет в дом — скучает. Мать спрашивала: отчего ты скучаешь? Дома скучно. Мать сказала: глупой птице свой дом не мил.>

* <У купца было много хлеба. Весь хлеб сгорел. Была жена — померла. Дети все померли. Он поседел и согнулся как старик. Не годы стареют — горе.>

** <Мальчик лежал на земле и смотрел на дерево с боку. Он сказал: Дерево кривое. А другой мальчик сказал: Нет, оно прямо, да ты криво смотришь. Как глядишь, так и видишь.>

** <Горел дом. А в доме остался ребеночек. Никто не мог войти в дом. Солдат подошел и сказал: я войду. Ему сказали: сторишь. Солдат сказал: Два раза не умирать, а раз не миновать: Вбежал в дом и вынес ребеночка.>

* <Воры хотели красть лес. Вор сказал: скорее пойдем, пока ночи темны, а другой сказал: нет, подождем, пока снег стает. Не будет снега, не будет и следа. А третий вор сказал: след>

* <Купец занял денег две гривны. Он сказал: Завтра заплачу. Пришло завтра, он не заплатил. Захотел он занять сто рублей. Ему не дали. Изверишься в алтыне, не поверят в рубле.>

** <Была девочка Параша. Мать сказала: Идем в поле рожь вязать. Параша сказала: Я не иду, я нынче сердита. А мать сказала: Ты сердита, так иди же натаскай воды.>

** Мальчик взял крюк железный и бросил. Мужик сказал: Что ты добро бросаешь? Маль-

чик сказал: На что мне железо, его нельзя есть. А мужик сказал: Железом хлеба добывают.

** Мужик хотел закинуть котят, а баба сказала: Жалко. Мать тосковать будет. Мужик сказал: Чего жалеть. Разве кошка понимает. А баба сказала: У кошки котя и княгини князя — всё то же дитя.

** <Взял мальчик косу и задумал траву косить. Срезал себе ногу и заплакал. Баба увидела и сказала: Не тебе косить. Тебе еще только батюшке завтракать носить. Знай сверчок свой шесток.>

** <Девочка без матери зашла в погребицу и выпила молоко. Когда мать пришла, девочка потупилась и не глядит на мать, и сказала: Матушка, что-то кошка лазила в погребицу, я ее выгнала. Не поела б она молоко. Мать сказала: Знает кошка, чье мясо съела.>

** В стаде издох ягненок. Пастухова собака съела его. И так ей полюбилось овечьё мясо,

что она тайком зарезала ягненка и съела его. Пастух увидал это, закинул петлю собаке на шею и повел ее вешать. Когда пастух стал втягивать собаку на сук, она сказала ему: Пожалей меня, не вешай. Я два года служила тебе верно. Одну вину сделала, и за то ты меня повесить хочешь. Волк сколько у нас не то, что ягнят, а овец переел, и то его не повесили. За то-то я и вешаю тебя, — сказал пастух, — что от волка мы ждем худа, а ты мне служила, я тебя кормил и от тебя добро ждал, а ты что сделала? — и вздернул собаку на сук.

* Попалась лисица в капкан ногой, отгрызла себе ногу и ушла. Попался потом волк ногой в капкан и поволок за собой капкан. Повстречалась ему трехногая лисица и говорит: Куда бежишь, с капканом не далеко уйдешь, охотники догонят и убьют, а ты лучше остановись да отгрызи ногу. А волк говорит: не хочу я трехногим калекой быть, как ты, я и так уйду. — Но охотники гнались за следом и убили волка.

** Одного человека до крови искусала соба-

ка. Он позвал бабку лечить рану. Бабка научила его намочить хлеба в своей крови[99] и дать той собаке. Человек послушался и пошел искать ту собаку, чтоб дать ей хлеба. Другой мужик увидал это и говорит: Ну, брат если собаки узнают, что им хлеб дают за то, что они нас кусают, они нас живых съедят.

** Собрались птицы себе царя выбирать. Распустил павлин свой хвост и стал называться в цари. И все птицы за его красоту выбрали его царем. Сорока и говорит: Скажи же ты нам, павлин: когда ты царем будешь, как ты станешь нас от ястреба защищать, когда он за нами погонится? Павлин не знал, что ответить, и все птицы задумались, хорош ли им будет царь павлин. И не взяли его царем, а взяли орла.

** Жил попугай в богатом доме в тепле и в холе, ел и пил сладко. И хозяин не знал, как приласкать попугая. Хорошо было жить попугаю, а всё он скучал и хотелось ему на волю, полетать, поиграть с другими птицами. Только того он и ждал, как бы ему улететь. Случи-

лось раз — забыли притворить клетку. Попугай выбрался на окно и улетел в лес. Стал попугай в лесу играть с птицами, кричать человеческим голосом. Он думал, что птицы обрадуются ему, но они испугались его, а потом стали щипать его и гонять с ветки на ветку. Попугай уж и не рад был, что улетел. Насилу ушел от птиц и забился в чащу. Пошел ночью дождь. Измок попугай, иззяб и не знал, как бы вернуться назад в свою клетку. Но к утру ударил мороз, и мокрый попугай застыл в лесу и пожалел, что улетел из клетки, да уж поздно было.

* Вздумали раз люди, что не надо богатым и бедным быть, а всем жить равно. Чтобы все жили сообща и обедали бы вместе одно. И стали думать, как бы такие дома и общие кухни завести и откуда на это денег взять. Вот один и говорит: Деньги легко достать. Богатых не будет, в каретах никто ездить не будет. Так продать все кареты и на эти деньги построить дома и завести кухни. А другой человек говорит: Кому ж ты кареты продашь, когда богатых не будет?

** Собака лежала под сараем на сене. Корова захотелось сенца, она подошла под сарай, засунула голову, и только ухватила клочок сена — собака зарычала и бросилась на нее. Корова отошла и сказала: Хоть бы сама ела, а то и сама не ест, и мне не дает.

** <БЫК, СОБАКА И СЕНО

Лежала собака на сене, и подошел к собаке бык и говорит: Собака, сойди с сена, зачем ты на сене лежишь, тебе сено не нужно. — А затем лежу, чтобы от быков сено караулить.>

** В давнишние времена была сильная война между зверями и птицами. Летучая мышь не пристала ни к тем, ни к другим и всё выжидала, чья возьмет. Сначала птицы стали побивать зверей, и тогда летучая мышь пристала к птицам, летала с ними и называла себя птицей, но потом, когда звери стали одолевать, летучая мышь передалась зверям. Она показала им свои зубы, и лапы, и соски и уверяла, что она зверь и зверей любит. Под

конец все-таки птицы победили, и тогда летучая мышь опять передалась птицам, но птицы прогнали ее. И к зверям ей уже пристать нельзя было, и с тех пор летучая мышь живет по погребам, по дуплам, и летает только сумерками, и не пристаёт ни к зверям, ни к птицам.

** Собралось много народа на свадьбу. сосед позвал работника и говорит: Поди посмотри, сколько людей там на свадьбе. Работник пошел, положил у порога чурбан и сел на завалинку, стал дожидаться, пока народ будет выходить из избы. Стали расходиться. Кто ни выйдет, спотыкнется на чурбан, обругается и пойдет дальше. Только одна старуха вышла, спотыкнулась, вернулась и отвалила чурбан. Работник вернулся к хозяину. Хозяин и говорит: Много там было людей? Работник говорит: Всего один был и та старуха. — Отчего так? — А оттого, что я привалил чурбан к крыльцу, все на него падали, а не отвалили, так и овцы делают, а одна старуха отвалила, чтобы другие не падали. Так только люди делают. Она одна человек.

* Упала собака в колодезь. Мужик стал ее вытаскивать, а собака укусила его за руку. Мужик бросил ее и говорит: пропадай же ты, если ты меня за то кусаешь, что я тебя спасти хочу. —

** Бежал заяц от собак и ушел в лес. В лесу ему хорошо было, да уж много он страху набрался и хотел еще лучше спрятаться. Стал искать, где поглуше место, и полез в чащу в овраге, и наскочил на волка. Волк схватил его. Видно, правда,[100] подумал заяц, что от добра добра искать не надо. Хотел лучше спрятаться и вовсе пропал.

* Укусил комар человека в нос. Человек рассердился на комара, хотел его убить и ударил себя по носу, комара не убил, а нос расшиб.

** Один старец пошел волка усовецивать, чтобы он перестал разбоем жить. Волк был наевшись, лежал и слушал. Старец ему долго говорил. Волк слушал. Только увидал волк —

из-под горы стадо идет. Волк и насторожил уши. Старец и говорит: Я вижу теперь, волк, ты меня понял и переменишь свою жизнь. Разве не лучше добром жить, чем разбоем, скажи мне? Волк встал и говорит: Некогда, ба-тюшка, если прозеваю, овцы соберутся, а то пропущу случай. — И побежал за овцами.

* Ехал мужик на телеге, и три колеса у него вертятся тихо, а одно скрипит. Стал мужик приглядываться и видит, что скрипит самое плохое колесо. Оттого и скрипит, что плохо — видно, жалуется.

** Хотела гусыня выучить гусенят, чтобы они ноги прямо ставили, как куры, а не заворачивали, как гуси. Один гусенок и сказал матери: Ты сама покажи нам, как нам ноги выворачивать, мы так и будем делать. Гусыня не могла показать и бросила их учить.

** Подошел ночью вор ко двору. Собака почувяла его и начала лаять. Вор достал хлеба и кинул собаке. Собака не взяла хлеб, бросилась на вора и стала его кусать за ноги. За что ж

ты меня кусаешь? Я тебе хлеба даю, сказал вор. А за то кусаю, что пока ты хлеба не давал, я еще не знала, хороший ты или злой человек, а теперь верно знаю, что ты недобрый человек, если меня подкупить хочешь.

** Увидала лисица, что волк зубы точит. И говорит: Что ты это зубы точишь? Драться не с кем. А волк говорит: До тех пор и зубы точить, пока драться не с кем; а придет время драться, тогда уж некогда точить будет.

** Видит лисица, что волк зубы точит. Что ты, волк, зубы остришь? Теперь драться не с кем. А волк сказал: Теперь поострю зубы, пока драться не с кем, а как придет время, уж они острые будут.

* Цыган барышничал лошадьми и наезжал самых лихих коней. Поехал он раз к куме в гости, запрег самую смирную лошадь. Испугалась лошадь кузни, стала бить. Цыган упал из телеги и сломал ногу.

** Подралась раз кошка с собакой. Хозяин

сидел на пороге и смеялся на них, как они дерутся. Кошке стало плохо. Она бросилась к хозяину на голову и оцарапала его. Собака полезла за кошкой на хозяина и чуть не сбила его с ног. Хозяин рассердился, скинул с себя кошку, бросил наземь и собаку пнул ногой. Промеж, сколько [хотите,] деритесь, а меня не троньте. —

* Плыло по реке бревно. Увидали люди, стали ловить. Много трудились, ухватили, вытащили бревно. На берегу рассмотрели бревно, оно было гнилое.

* <Пошли два рабочих — один умный, другой дурак — в дальний путь, и разложили они свою кладь на две ноши. Первая ноша — платье, вторая ноша — хлеб. Хлеба было так много, что одному человеку чуть в пору поднять, а платье так мало, что нести нечего было. Вот глупый говорит: Я понесу одежду. Умный взял хлеб. Прошли они три дня. Хлеба ничего нести не осталось, а одежи прибавилось.>

****** Собрались рабочие, три плотника, в дорогу. И в три мешка разложили одежду, снасть и хлеб. И стали спорить, кому что нести. Тяжелее всех был мешок с хлебом. Никто не хотел его нести. Один был умнее всех, взялся нести мешок с хлебом, только говорит: Чур не переменяться. Вот как первый день пообедали, хлебный мешок легче стал, на другой день еще легче, а стали подходить к месту, ему уже и нечего нести было, а у двух других мешки всё так же тяжелы были.

****** Хозяин не спал всю ночь, возил снопы и перед полночью прилег отдохнуть на дворе на сене. Петух увидел хозяина и думает: хозяин хочет послушать, как я пою. Подобрался поближе к хозяину и закричал ему над самым ухом. Хозяин проснулся и забранился на петуха, что он ему спать не дает. Петух подумал, что хозяин велит ему громче петь, подобрался еще ближе и стал кричать, что было силы. Хозяин взял грабли и согнал петуха.

****** Был один татарин пьяница. <Каждый день его домой, как мертвого, привозили.> И

вздумала жена попутать его. Свезла она его пьяного на кладбище, вырыла могилу и положила в могилу. Потом ей жалко стало мужа, она перед утром пришла к нему и зовет: Абдул! а, Абдул! А он ей из могилы кричит: Ты кто? А она говорит: Я приставлена мертвых на том свете кормить. Ты ведь умер теперь. Так я пришла спросить, поесть не хочешь ли? А он говорит: Поесть туда-сюда, а вот выпить надо бы — похмелиться.

** Хотелось волку подобраться к жеребенку. Он подошел к табуну и говорит: Что это у вас жеребенок один хромает? Или вы полечить не умеете? У нас, волков, такое лекарство есть, что никогда хромоты не будет. Кобыла одна и говорит: А ты знаешь лечить? — Как не знать. — Так вот полечи мне правую заднюю ногу, что-то в копыте больно. Волк подошел к кобыле, и, как зашел к ней сзади, она ударила его задом и разбила ему все зубы.

* Попался перепел в сеть к охотнику и стал просить, чтобы охотник отпустил его. Ты только отпусти меня, говорит, я тебе послу-

жу. Я тебе других перепелов в сеть заманю. Ну, перепел, сказал охотник, и так-то не пустил бы тебя, а теперь и подавно. Сверну голову за то, что ты своих выдавать хочешь.

** Повстречались свинья и лисица. Свинья посмотрела на лисицу и говорит: Зачем это у тебя, лисица, такой хвост длинный, хоть бы ты мне половину отдала. А то сама им не закрываешься, а только по пыли да по грязи волочишь. А лисица говорит: Лучше по грязи буду волочить, чем моим хвостом да твое грязное тело прикрывать. —

** Гнался сокол за голубем да и залетел в сети к охотнику. Охотник взял сокола и хотел убить его. Пусти меня, сказал сокол, я за голубем гнался, а не за тобой и тебе худого не сделал. — А тебе разве голубь какое худо сделал? сказал охотник.

** Мальчик украл у соседа яйца и принес матери, мать похвалила его. Мальчик повадился воровать, а мать всё хвалила его. Мальчик стал мужиком и обокрал церковь. Его

присудили наказать и вывели на площадь. И мать пришла на площадь и плакала, глядя на сына. Сын увидел ее и говорит: Дайте мне одно слово матушке на ушко сказать. К нему подвели мать, он нагнулся ей к уху и откусил всё ухо. Тогда весь народ закричал: Поделом вору — мука: он и церковь обокрал и мать укусил. Бейте его. Тогда вор сказал: Я за то и матери ухо откусил, что она не учила меня, когда я маленький воровать стал. —

* ГАЛКА И БАРАН

Галка села на спину барану и говорит: вези меня. Баран повернулся к ней и говорит: Ты сядь лучше на спину собаке, она скорее бежит. —

** Зашли два человека в лавку к купцу покупать платки. Купец отвернулся за товаром, взглянул на прилавок и видит — одного платка нет. Купец остановил этих двух людей и говорит: Кто-нибудь из вас взял платок. Один человек стал божиться, что у него платка нет,

а второй стал божиться, что он не брал платка. Тогда купец сказал: Ну так вы оба воры. Он[101] догадался, что один взял и передал другому платок, и обыскал того вора, который божился, что не брал платка, и нашел на нем платок и свел обоих воров к начальнику.

** У пастуха пропала овца. Пастух искал, искал, нигде не нашел. Он стал молиться и обещал 10 коп. свечку поставить, если найдет воров. На другой день пошел пастух в лес и набрел на волков. Они доедали его овцу. Пастух увидал воров. А как волки бросились на него, он стал молиться и обещал поставить рублевую свечку, только бы ему уйти от них.

** Гнались охотники за лисицей. Лисица забежала в конюшню и стала просить лошадей, чтобы они спрятали ее. Лошади указали ей стойло, набитое соломой, и сказали: Спрячься, пожалуй, там тебя не увидит никто, только бы хозяин не пришел. Лисица сказала: Ваш хозяин не охотник, я его не боюсь. — Нет, ты бы боялась, если бы знала его. Лисица

спряталась. Зашли охотники, не нашли ее; потом заходили конюхи убирать лошадей, и те не оглядели лисицу. К вечеру зашел хозяин. Только вошел, стал бранить работников за то, что овес не подмели, не вычистили навоз, сено под ногами, постилки мало. Увидал в стойле солому, велел ее подстелить лошадям и нашел лисицу.

** Гонялся, гонялся ястреб за голубями, не мог ни одного поймать. Вот он и вздумал их обмануть. Подлетел он к голубятне, сел на дерево и стал им говорить, что хочет им служить. Мне, говорит, делать нечего, а я вас люблю. Вы вот что сделайте, пустите меня к себе, сделайте своим царем, а я буду вашим слугою. Не только что вас обижать не стану, но и в обиду никому не дам. Голуби и согласились, пустили к себе ястреба. Когда ястреб залез к ним, он стал другое говорить. Я ваш царь, и вы меня должны слушать. Первое дело — мне надо каждый день съесть по одному голубю, и каждый день задираю голубя. Хватились голуби, стали думать, как быть, да уж поздно. Не надо было, говорят, его вовсе

пускать. А теперь уж не поможешь. —

** Два быка бились подле озера, а лягушки услышали их и перепугались. Одна лягушка и говорит: Не бойтесь, они друг друга бьют, нам ничего не сделают. А другая говорит: Нет, и нам плохо будет. Как один другого побьет, побитый побежит в озеро и нас перетопчет.

** Бык подошел к озеру, и попал на лягушат, и одного раздавил, остальные поскакали в воду. Один лягушонок вернулся к матери и говорит: Ну, матушка, какого я зверя видел — страх большой. — А что, больше меня? — спросила мать. — Много больше. Старая лягушка надулась и говорит: Что и теперь больше меня? — Больше. Она еще надулась. — И теперь больше? — Больше. Хоть лопни, с быка не надуешься. Старая лягушка надулась из всех сил и лопнула.

* Петух копал навоз и выкопал жемчужину. Экая дрянь, говорит, всё попадается, хоть бы червячка найти.

****** Одна волчица попросилась к свинье переночевать. Свинья пустила. Волчица оценила волчат. Свинья попросилась на свое место. Сама видишь — волчата маленькие, погоди немного, сказала волчица. Свинья думает — подожду. Прошло лето, свинья стала проситься. Волчица говорит: Только тронь нас. Нас шестеро, мы разорвем тебя.

****** Лягушки стали ссориться, и некому было их судить. Стали они просить бога, чтоб им дать царя. И случилось, что над их озером обломился сук и упал в воду. Вот нам и царь, — сказали лягушки и разбежались. Только сук, как ткнулся в грязь, так и лежит. Лягушки осмелились, стали подплывать и подпрыгивать к суку. Сук всё лежит смирно. Лягушки видят — царь смиренный, не судит их, стали опять просить царя. И случилось — цапля летела мимо озера и села на него. Лягушки обрадовались и говорят: Вот это царь настоящий, живой. Этот рассудит. Только как начала цапля их одну за другой ловить да есть, пожалели они о прежнем смирном царе.

* Стоял дуб выше всех деревьев и смеялся над всеми деревьями за то, что они малы. — Правда, что ты выше всех, — сказал орешник, — но зато, как придет человек с топором, то за тебя за первого и возьметсЯ.

** Один скупой человек собрал кубышку денег, закопал в землю и ходил каждый день тайком смотреть свои деньги. Подсмотрел его работник и ночью выкопал и украл кубышку. Скупой пришел смотреть кубышку, увидел, что ее нет, и начал плакать. Сосед увидел его и говорит: О чем ты плачешь? Ведь ты ничего не делал с деньгами. Ходи, смотри на яму, где деньги были — всё одно будет.

** Высохли от жару пруды и болота. Две лягушки пошли искать воды. Вспрыгнули они на край колодца и сидят, думают, прыгать ли вниз в воду, или не прыгать. Вот одна молодая лягушка и говорит: Надо прыгать, воды много и там уже никто нас не потревожит. А другая говорит: Нет; воды, пожалуй, много, да если пересохнет в колодце вода, оттуда уж не выскочишь.

* Поспорил журавль с павлином, кто из них важнее. Павлин говорит: Я красивее всех птица, у меня в хвосте все цвета переливаются, а ты серый, дурной. Журавль и говорит: Зато я по поднебесью летаю, а ты по навозному двору ходишь.

* Поспорил горшок с чугуном. Горшок стал грозить, что ударит чугун. А чугун говорит: всё равно — ты ли меня ударишь, я ли тебя ударю, не я, а ты разобьешься.

** Стала собака кур ловить. Хозяин навесил ей на шею палку. Собака пошла по дворам показывать свою палку и говорит: Смотрите, как меня хозяин любит, от всех других собак отличил.

** Заспорили солнце с ветром, кто прежде человека разденет. Стал ветер сдувать с человека платье. И шапку рвет и платье распахивает, а человек всё только шапку надвигает да запахивается. Так и не раздел ветер человека. Взялось солнце. Только припекло, рас-

пахнулся человек, сдвинул шапку. Еще припекло солнце, и вовсе разделся человек.

** Вывела перепелка в овсе перепелят и всё боялась, как бы не стал хозяин косить овес. Вот она полетела за кормом и велела перепелятам слушать и сказывать ей, что будут говорить люди. Прилетела она вечером, перепелята говорят: Плохо, матушка, приходил хозяин с сыном, говорил: поспел мой овес, пора косить. Сходи, говорит сыну, к соседям, к приятелям, скажи, что я прошу, пусть придут косить овес. Плохо, матушка, переведи нас, а то завтра рано придут соседи косить. Старая перепелка выслушала и говорит: Ничего, детки, не скоро еще скосят овес, сидите без опаски, и опять наране улетела и велела слушать, что будет говорить хозяин. — Прилетела старая перепелка, перепелята ей говорят: Ну, матушка, опять приходил хозяин, всё ждал приятелей и соседей, никто не пришел. Он и говорит сыну: Сходи же ты к братьям, к затыям, кумовьям, скажи, что велел просить батюшка завтра непременно овес косить. — Не робейте, детки, завтра тоже не скосят, сказала старая

перепелка. Прилетела опять перепелка, спрашивает: Ну что? — Да приходил опять хозяин с сыном, всё дожидался родных. Родные не пришли. Он и говорит сыну: Ну, видно, сынок, помочи ждать нечего. Овес поспел. Налаживай-ка крюки, завтра на зорьке придем сами косить.

Ну, детки, сказала перепелка, коли сам человек взялся за дело, а не от людей ждет, так сделает. Надо убираться.

** Олень забидел рогами лошадь и прогнал ее с поля. Лошадь пришла к человеку и стала просить заступы. Человек защитил лошадь, отогнал оленя, но зато загнул и оседлал ее. Когда олень был отогнан, лошадь и говорит: Спасибо тебе, человек, теперь отпусти меня. Но человек сказал: Нет, теперь я узнал, как ты мне нужна будешь; и не отпустил лошадь.

** Пришел человек в лес и говорит: Лес, дай мне топорище. Лес говорит: Отчего не дать, возьми. Как взял человек топорище, вделал в топор, пошел рубить направо и на-

лево, только треск идет по лесу.

* Состарилась охотничья собака. И случилось охотнику травить волка. Собака ухватила волка, да зубов уж мало у ней во рту было, она упустила волка. Хозяин рассердился и замахнулся на нее. Не бей меня, сказала собака: если теперь я тебе не угодила, попомни прежнюю службу.

* <Заспорила муха с муравьем, чье житье лучше. Муха говорит: Всю жизнь вы, муравьи, работаете, больше себя ноши таскаете, а мы ничего не делаем, а нет кушанья того сладкого, которое мы бы не попробовали. Ну а зимой вы где живете?>

** Попала лисица в колодезь и не знала, как выбраться. Пришел козел и спросил у лисицы: Хороша ли вода? — Такая сладкая, сказала лисица, что я опилась и выходить не хочу. Козел тотчас прыгнул в колодезь, а лисица вскочила ему на спину, на рога и с рогов выпрыгнула вон из колодца, а козел увяз.

** Везли две лошади два воза. Одна везла навоз, а другая ружья. Лошадь с ружьями хвалилась, что она важную везет кладу. Только напали на лошадей воры. Ту, которая везла навоз, они не тронули, а ту, которая везла ружья, они подстрелили, чтобы она не ускакала. Напрасно ты хвалилась, сказала лошадь, везшая навоз. Не важно мое дело, зато безопасно.

* Когда собака подойдет к болоту, то чиби-сы слетают с гнезда и заманивают за собой собаку. Они бегают перед самой собакой. Собака бросается за ними, хочет поймать. А чибис отводит собаку от своего гнезда. —

* Обезьянка нашла орех грецкой в зеленой шкуре. Попробовала, горько. Видно, неправду говорила мать, что орехи вкусны, сказала она и бросила орех. Другая обезьяна подняла орех, разбила его камнем, ошелушила, съела и говорит: Нет, твоя мать правду говорила: орехи вкусны, только надо знать, как открыть. —

* Павлин, распустив хвост, ходил по берегу пруда. Два гусенка смотрели на него и осуждали его. Смотри, говорят, какие ноги у него некрасивые, и послушай, как кричит нескладно. Человек услышал их и сказал: Правда, что ноги его нехороши, и поет он нескладно, но ваши ноги еще хуже, и поете вы еще хуже; но хвоста у вас такого нет.

* Сверчок завидовал бабочке за ее красоту. Пришли дети, увидели бабочку и погнались за ней. Один накрыл ее шапкой, взял рукой и замял. Напрасно я завидовал, сказал сверчок. Хорошо, что я некрасив, а то и мне бы то же было.

** Набрел раз слепой на безногого, спотыкнулся на него и упал. Безногий говорит: Или ты не видел? А слепой говорит: Или ты безногий? И стали они браниться. А мужик шел мимо и говорит: Чем вам браниться, вы лучше сойдите вместе. Слепой будет возить, а безногий будет глядеть. Так они и сделали и стали жить вместе.

** Плавали весной щучата за щукой по реке. Щука и говорит: Где мелко, не плавайте, детки, а где поглубже, а то беда будет. Щучата не послушались, поплыли по разливу, заплыли в луга. Вода сошла, щучата остались на мели, и ребята руками переловили их.

** Сидел рябчик на дереве, посвистывал, а под деревом лежал заяц. Услыхали они собак. Заяц насторожил уши. А рябчик и говорит: Вот я не боюсь, вспорхну, улечу. Только он сказал это, ударил выстрел и убил рябчика.

* Сделался мороз, пошли ребята на пруд. Пруд замерз. Стали ребята бегать. Собрались в кучку. Лед затрещал. Ребята разбежались. А один провалился. Да бабы были на берегу, его вытащили.

* <Мальчики ловили удочкой рыбу. А один мальчик надел на крючок крапиву и стал водить по воде. лягушка увидела крапиву, прыгнула на нее>

* Два волка заспорили, у кого зубы острее.

Проходила мимо лисица. Волки позвали ее и говорят: Реши наш спор, лисица: кто из нас сильнее, и у кого зубы острее. Лисица сказала: Я бы сказала, да боюсь вас обидеть, вы подеритесь при мне, тогда верно скажу правду. Волки принялись драться и до полусмерти изгрызли друг друга. Тогда лисица сказала: Оба равны. Теперь отдохните, а я сбегая к пастуху, скажу ему, где вы лежите, чтобы он пришел полечил вас.

* Один царь хотел испытать своего слугу и подарил ему мешок пшеницы, а в пшеницу положил тайком золотую монету. На другой день слуга пришел к царю, принес ему золотой и сказал: Возьми свой золотой. Ты дал мне пшеницу, а не золото. Царь сказал: Вижу, ты честный человек. Не всякий бы то же сделал. Скажи, отчего ты не утаил деньги? Слуга сказал: Я хотел их утаить, да не мог заснуть всю ночь. Отчего? спросил царь. — Оттого, что всю ночь во мне говорили два голоса; один говорил: возьми деньги. Он тебе дал весь мешок, стало быть и всё то, что есть в мешке. А другой голос говорил: неправда, он

дал тебе пшеницу, а не деньги. Отнеси деньги. Тогда опять первый голос говорил: может быть, он нарочно дал тебе деньги. Тогда другой голос говорил: если он нарочно дал деньги, так поди скажи ему. Так они всю ночь говорили во мне и не дали мне спать. Вот я и принес деньги. Царь сказал: Возьми деньги и вот тебе еще 100 золотых за твою честность.

** Один кабатчик принимал краденое. Пришли раз к нему ночью воры и говорят: Хозяин, мы корову привели — купи, мы недорого возьмем. — Что возьмете? — 10 рублей. — Возьмите 5, не глядя возьму. — Нет, ты взгляни корову, жирная, крупная, одна кожа 10 р. стоит. Только с уговором — ты сам ее зарежь, а то у нас ножа нету. Поторговались они и сошлись за 5 рублей. Вот хозяин отпер ворота и ушел в избу. Слышит — воры пошли на двор, вышли и привели корову. Вышел хозяин с фонарем, видит — корова черная, хорошая, не хуже его красной коровы. Хозяин зарезал корову, освежевал, разрубил говядину, снес в погреб, а кожу распялил. Воры ему подсобляли. Когда покончили, взяли деньги и ушли.

На утро хозяйка пошла корову доить. Нет своей коровы. Она вышла из закуты на двор, видит — кровь, искала в соломе, нашла голову коровью. Смотрит — ихней лысенушки голова, только вся голова сажей вымазана. Пошла она к хозяину, разбудила: Ты какую корову вчера резал. — Купленную корову резал. — Дурак ты, дурак, ты свою зарезал. Вот и голова. Посмотрели шкуру — вся сажей вымазана. И шкура с ихней красной лысенушки.

** Как прошло лето, стали трутни ссориться с пчелами, кому мед есть. Позвали пчелы на суд осу. Оса и говорит: Мне вас рассудить сразу нельзя. Я еще не знаю, кто из вас мед делает. А разойдитесь вы в два пустые улья — в один пчелы, а в другой трутни. Вот через неделю я увижу, кто больше и лучше меду наделает. Трутни стали спорить: Мы, говорят, не согласны. Ты нас сейчас рассуди. Оса и говорит: Теперь я вас сейчас рассужу. Вы, трутни, не согласны оттого, что меду делать не умеете, а только чужое жрать любите. Гоните их вон, пчелы. И пчелы побили всех трутней.

** Поспорили заяц с черепахой, кто кого обгонит. Взялись они бежать на версту. Заяц сразу обогнал черепаху, так что ее и не видно стало. Он и подумал: Куда мне торопиться? Дай посижу. Сел отдохнуть и заснул. А черепаха всё шла да шла с ноги на ногу, и когда заяц проснулся, черепаха уж приползла к версте.

** Увидал воробей, что человек идет лен сеять. Воробей полетел к птицам и сказал: Птицы, летите скорее льняное семя клевать. Вырастет лен, станет человек нитки делать, из ниток сети вязать, нас ловить будет. Птицы не послушались воробья, и он не мог выклевать всего семени. Зацвел лен, воробей опять стал звать птиц склевать лен, чтобы после от льна птицам беды не было. Птицы не послушались. Поспел лен. Воробей в третий раз сзывал птиц. И в третий раз птицы его не послушались. Тогда воробей рассердился на птиц, улетел от них и стал с людьми у жилья жить.

** Пришла баба жать и оставила под сно-

пами люльку с ребеночком. Змея подползла и ужалила ребеночка. Баба хотела убить змею и отрезала ей хвост. Змея без хвоста уползла в свою нору, а ребеночек помер. Тогда баба захотела убить змею. Она взяла молока, поставила у норы и стала манить змею. Но змея не выползала, а только шипела из норы. Баба сказала: Выходи, я тебя каждый день молоком поить буду, я тебе добра хочу. Но змея отвечала: Нет, пока твой ребенок не оживет, и мой хвост не прирастет, между мной и тобой добру не бывать.

** <Лев, медведь и волк вышли на добычу. Наловили зверей, разделили на три части. Лев и говорит: Эта часть моя по уговору. Я ее и беру. Другая, говорит, медведю, по-настоящему твоя часть, да ты помни, что я царь. Надо меня уважить. А третья часть, говорит про волка, по-настоящему бы его часть, да только, если он ее тронет, я его разорву.>

* Вор украл лошадь в полку. Случись ему на этой лошади ехать мимо деревни, где стоял полк. Полк был на ученьи, музыка играла,

и солдаты ездили верхами рядами. Вор хотел проехать поодаль; но лошадь тянула его к полку. Как ни держал ее вор, лошадь привезла его прямо к полку, стала в ряды на свое место и под музыку стала возить вора. Солдаты смотрят, откуда взялся грязный мужик, ездит между ними. Узнали свою лошадь и поймали вора.

*** [ОТВЕТ КРИТИКАМ, ПИСАВШИМ ОБ
«АЗБУКЕ»]**

1 ноября 1872 года изданы мною 4 книги для учащихся, под заглавием: Азбука. <Цель книги есть обучение грамоте, правильному чтению и письму по-русски, чтению с пониманием по-славянски и счислению — арифметике. Книги назначены для учащихся всех сословий и возрастов.> Я был так твердо уверен в том, что эти книги отвечают настоящей необходимости русского народа, что не считал нужным предпосылать книге какие бы то ни было объяснения о значении книги[102] и рассуждения о полезности ее и о том,[103] почему и из чего она составлена, так же как бы <не> считает нужным хлебник, предлагая хлеб голодным людям, объяснить

то, что хлеб надо есть, кладя его в рот, и что хлеб замешен из муки, затем пропечен в печи и т. п.

Но я ошибся, забыв, что успех книг для учащихся не зависит, как успех книг для обученных, от доброты[104] книги, но от того еще — дадут или не дадут книгу для учащихся в руки учащимся; и в продолжение 3-х месяцев, прошедших со дня выхода книги, я убедился, что учащие не хотят дать моей книги учащимся.

В газетах и журналах я нашел 3 враждебные отзывы о моей книге и <совершенное равнодушие в публике, т. е. что книга совершенно не покупается>. И на письмо мое к министру нар. просв. я, противно самым элементарным правилам учтивости, не получил даже ответа.

В газетах и журналах какие-то неизвестные мне (неизвестные по педагогике и литературе) господа в два почерка пера обработали, <как говорят,> мою книгу, очевидно пробежав только книгу, которая стоила мне годов труда и теоретического и практического изучения и изучения, выбора, переделки и

приготовления матерьяла. Останавливаться серьезно на этих отзывах нельзя, несмотря на то, что, признаюсь откровенно, они возмутили меня. Довольно сказать, что эти господа <с плеча> осуждают книгу, ни при одном осуждении не указывая, почему они осуждают ее, и осуждая за то, чего в ней нет, или доказывая свое осуждение так, что ничего не понимаешь. Довольно сказать, что один из них, говоря о моей методе обучения чтению, выписывает мои слова, что ученик после 10 повторенных складов на слух сам начинает складывать, и спрашивает: каким это чудом? Тогда как справедливость моих слов основана на 14-летнем опыте, и первый опыт над учеником может подтвердить это. Другой говорит, что я возвраща[юсь] к методу зазубрения складов, и тоже выписывает мои слова, что м[ожет] ученик выучить все буквы в один урок, и ставит знаки восклицания, тогда как больше половины сотен детей, которых я сам выучил грамоте, в один урок выучивали все буквы.

Потом один из них приводит басню Езопа, слово в слово переведенную мною с греческо-

го, — как образец бессмыслицы; потом говорит, что я показал свое невежество в славянском языке теми упражнениями в этом языке, которые я поместил, — не показывая, в чем это невежество, тогда как я знаю, что особенно занимался этим отделом и воспользовался всеми указаниями, которые мне могли дать лучшие авторитеты науки. Потом говорит, что всё написано языком тульско-калужского наречия, т. е. дурным языком, и в пример того выставляет слова: *водить червей*. Почему неизвестный господин полагает, что он более имеет <вкуса и> знания и искусства владения русским языком, чем я, он не доказывает, и как надо выразить по-русски: *водить червей* или *пчел* или *овец*, он не говорит.

Другой критик, в особенности, вероятно, слышав и полюбив слова о том, что в детских книгах нехороша мораль, всё время упрекает меня в кисло-сладенькой самодельной морали, тогда как очевидно, что самое резкое отличие моей книги от всех других состоит в том, что морали никакой нельзя найти в моей книге. Это до такой степени справедливо,

что, переводя басни Езопа, я, хотя и [с] сожалением, выпустил все заканчивающие поучения. Этот же критик говорит, что все знаки препинания поставлены огульно ошибочно. Но почему — не говорит. Читаешь и не веришь своим глазам. Неужели в книге, стоившей мне 14 лет работы и тысячи рублей денег, я не мог справиться у гимназиста о том, как ставятся знаки препинания. Но журналистов[105] ничто не останавливает. Выписаны: Маленькая собачка кусалась, но не могла и прогрызть сапога. Бодливой корове бог рог не дает. Потом: Ученику дали книгу. Он сказал: трудно, дали другую, он сказал: скучно. Дали бабе холст, говорит: толст. Дали потоне, говорит: дай боле. И журналист пишет: Есть ли возможность соединить рассказ с пословицей? Этот же журналист советует мне вместо бессмысленных, по его мнению, выдержек из Геродота поместить выдержки из какого-то Решетникова и Марко Вовчка. И так всё. 3-й журналист добродушно поучает меня о том, что летопись есть язык арийский, а Библия семитический, и что я могу спросить у кого хочу, что это правда, и что поэтому лучше,

[чтобы] прежде была Библия, а потом летопись. И смешно и досадно. Почему, желал бы я знать, полагает этот журналист, что он один, как древний астролог, владеет премудрым знанием о семитическом, арийском и что я могу справиться, почему не предполагает он, что вся его премудрость мне давно известна, но что вопрос о том, что печатать прежде и после, решен мною на других основаниях, которые может поверить каждый учитель, заставив читать и переводить летопись и Библию и заметив, что легче.

ГРАММАТИКА ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ **** КАК СЛОВА ПЕРЕМЕНЯЮТСЯ**

(Этимология)

Во всякой длинной речи есть переменные и непеременимые слова.

Бык, собака и сено

Лежала злая собака на сене и никого к сену не пускала. Подошел бык к собаке и говорит: пусти меня к сену, — тебе сено не нужно. Собака говорит: нет, <я тебя> не пущу. Мне

<хоть> сено <и> не нужно, да хозяину нужно, а он мне велел от быков сено беречь.

Тут 45 слов. Одни слова по одному разу сказаны, а другие по два, по три и по 4 раза.

Тут сказаны по два и по три раза слова: бык, быков, собака, сено, пускала, нужно, и, к, не.

Два раза сказано: бык, а один раз быков. Два раза сказано — собака, а один раз — к собаке. Раз сказано — сено, раз — на сене, а третий раз — к сему. Один раз сказано — пускала, другой раз — пусти. Третий раз — пущу.

Слова: и, на, к, не нужно — всякий раз сказаны одинаково и не переменялись.

Слова: собака, сено, бык — переменялись от того, что к ним приставлены были короткие слова к, на, от, к собаке, на сене, от быков.

Слово пускала переменялось на конце от того, что оно прежде было сказано про прежнее, что собака не пускала, а потом, когда бык стал говорить, он сказал: пусти — про теперешнее. Собака сказала: не пущу — про будущее.

Слова: собака, сено, бык — переменялись

от коротких слов *к, на, от*. А слово: *пускала*, переменялось оттого, что оно сказано было про прошлое, про теперешнее и про будущее.

—

Будем узнавать по этим приметам: какие слова переменяются и какие не переменяются. — Слова переменяются или от того, что к ним приставляются короткие слова: *к, на, от* и др., или от того, что слова эти говорят про разное время: про теперешнее, прошлое и будущее.

*Грамматика для сельской школы.
Одна из схем перемен слов.*

Камыш и маслина

Маслина и камыш заспорили о том, кто крепче и сильнее. Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнется. Камыш молчал. Пришла буря: камыш шатался, мотался, до земли сгибался — уцелел. Маслина напружилась сучьями против ветра — и сломилась.

Какие из этих слов переменяются от корот-

ких слов? Какие от времен и какие вовсе не переменяются?

Маслина переменится от коротких слов *на маслину*, *к маслине*, *от маслины*. *И* — не переменится ни от коротких слов, ни от времен.

Камыш переменится от коротких слов. *Заспорили* не переменится от коротких слов, а переменится от времени, если сказать про прежнее, настоящее и будущее. *Заспорь*. *Заспору*. *О* — не переменится. *Том* переменится от коротких слов — *станет к тому*, *на того* и *от того*. *Кто* переменится — *к кому*, *на кого*. *Крепче* не переменится. *И* не переменится. *Сильнее* не переменится. *Посмеялась* переменится от времен. *Над* — не переменится. *Камышом* переменится от коротких слов. *Что* переменится от коротких слов. *Он* переменится от коротких слов и т. д.

Слова переменяются или оттого, что к ним приставляются короткие слова, или оттого, что их говорят про разное время — про прежнее или еще про то, что будет.

<Слова, переменяющиеся от коротких слов, называются *имена*, а слова, переменяющиеся от времен, называются *глаголы*.>

Волк и ягненок

Имя

Волк

глагол

увидал

— малый

имя

ягненок

глагол

пьет

и.

у

имя

реки.

глагол.

Захотелось

злему

и.

волку

глагол

съесть

малого

имя непер.
ЯГНЕНКА, И

глагол
СТАЛ

и.
ОН

и.
К

и.
НЕМУ

глагол
ПРИДИРАТЬСЯ.

имя
«ТЫ,
глагол
ГОВОРИТ,

и.
МНЕ

и.
ВОДУ

г.
МУТИШЬ

и.
И

глагол.
ПИТЬ

непер.
НЕ

глагол.
даешь».

и.
Ягненок

глагол.
говорит:

непер.

«Ах,

имя

волк,

непер.

как

и.

я

глагол.
могу

и.

тебе

и.

воду

г.

мутить?»

и.

Ведь

и.

я

и.
ниже

и.
по

и.
воде
глагол.
стою,

и.
да

и.
и

и.
то

самыми

имя
кончиками

и.
губ
глагол.
пью».

и.
а

и.
волк
глагол
говорит:

и.
«Ну,

и.
так

и.
зачем

имя
ты

прошлым

и.
летом

и.
моего

и.
отца

глаг.
ругал?»

и.
Ягненок

г.
говорит:

и.
«Да

и.
Я,

и.
ВОЛК

н.

и

н.

не

глагол.

родился

н.

еще

прошлым

н.

летом».

н.

Волк

глагол

рассердился

н.

и

г.

говорит:

н.

«Тебя

н.

не

глагол.

переговоришь.

н.

Так

и.
я
н.
на
и.
тощак —
н.
за
н.
то
н.
и
глаго.
съем
н.
тебя».

ИМЕНА

Кроме того, имена переменяются еще от того, что они сказаны про мужской род и про женский род, а другие всегда бывают мужского или женского и от родов не переменяются.

<Нищая старуха просила Христову милостыню. Богатый мужик дал ей сухую корку хлеба. Нищая старуха сказала. Дай бог тебе того же.

Нищая переменится оттого, что его сказать про мужской род. Нищий старик. Старуха не переменится по роду.>

Мужик и лошади

Мужик кормил лошадей в поле, сел на одну и погнал их домой. У *мужика* было 7 лошадей. И пришло *мужику* в голову счесть лошадей. И нашло на *мужика* затмение. Забыл он про ту лошадь, на какой сидел, и говорит: было 7, а теперь только шесть. Украли лошадь. Соседи услышали это и стали над *мужиком* смеяться и всем рассказывали о глупом *мужике*.

Лисица и лев

Лисица сказала льву. От льва родится только один львенок, а от лисицы по 5 лисенят. За что же льву больше чести, чем лисице. А за то льва уважают больше, чем лисицу, что с одним львом 100 лисиц не справятся, и все знают обо льве, а никто не знает о лисице.

Сколько разных перемен в слове львица

<и лисица>: 1) львица <и лисица.> 2) от львицы <и лисицы>. 3) Львице <и лисице>. 4) Львицу <и лисицу.> 5) <Лисицею и> львицею. <6) Об львице и лисице.> 5 перемен.

Сколько разных перемен в слове *мужик*?

1) Мужик. 2) От мужика. 3) Мужiku. 4) Мужиком. 5) Об мужике. — 5 перемен.

Сколько перемен можно сделать с обоими словами вместе:

1) Львица и мужик. 2) От львицы и мужика. 3) Львице и мужiku. 4) Львицу и мужика. 5) Львицей и мужиком. 6) Об львице и мужике. —

Больше этих 6-ти перемен в падежах от коротких слов не бывает. И переменны эти называются падежами.

Когда слово стоит без перемены: волк, лисица, мужик, то слово стоит в 1-м, именительном, падеже. И чтобы помнить, — спроси, как имя такому человеку, зверю, вещи или делу, и будет именительный падеж. *Мужик, волк, лисица, вода, работа.*

Когда имя стоит так, как оно стояло в словах: от лисицы и у мужика, тогда оно стоит во 2-м, родительном, падеже, и чтобы пом-

нить, — спроси, от кого родился или от чего сделалось. От мужика, волка, лисицы, воды, работы. —

Когда имя стоит так, как оно стоит: львице больше чести, и пришло в голову мужику, то оно стоит в дательном падеже, и чтобы помнить, — спроси, — кому дать или к кому идти — львице, лисице, мужику, к мужику, волку, воде, работе.

Когда слово стоит так, как оно стоит: уважают *львицу* и нашло на *мужика*, оно стоит в винительном падеже, и чтобы помнить, спроси: кого винить. Мужика, львицу, лисицу, воду, работу.

Когда слово стоит так, как в басне: с *львицей* не справятся и над *мужи́ком* смеялись, то слово стоит в творительном падеже, и чтобы помнить, спроси, кем сотворено: мужиком, львицей, лисицей, водой, работой. —

Когда слово сказано так, как в басне: все знают о *львице*, рассказывали о *мужике*, слово стоит в предложном падеже, и чтобы помнить, скажи, о ком предложено: о львице, лисице, волке, мужике, воде, работе.

Те же перемены по падежам можно делать

с словами, если слово это говорится не про одного, а про многих.

Множественного числа именительный падеж: львицы, лисицы, мужики, волки. Р. от львиц, лисиц, волков, мужиков. Д. львицам, лисицам, волкам, мужикам. В. львиц, лисиц, волков, мужиков. Т. львицами, лисицами, волками и мужиками. П. о львицах, лисицах, волках и мужиках.

Ставить слово по всем падежам называется склонять.

Сколько перемен бывает по временам.

Человек *лежал* и не работал. Потом стыдно стало ему, что он не работает и *лежит*. Он встал и говорит: Больше не буду *лежать*. Сколько перемен в слове *лежал*? 3: *лежал*, *лежит* и *буду лежать*. Больше этих перемен по времени не бывает: прошедшее, настоящее и будущее.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИМЕН НА ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Лев, волк и лисица

Старый, больной лев лежал в пещере. При-

ходили все звери его проведывать, только хитрая лисица не бывала. Вот волк обрадовался случаю и стал перед львом *ее*[106] готовить.

— *Она*[107], говорит, тебя ни во что считает, ни разу не зашла *ввоего*[108] царя проведать.

На *эти*[109] слова и прибеги *сама* лисица. *Она*[110] услышала, что[111] волк говорил, и думает: «погоди ж, волк, я *тебе*[112] вымещу».

Вот лев зарычал на лисицу, а *она*[113] говорит: — «Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я от *того*[114] не бывала, что по всему свету бегала, у лекарей для *тебя*[115] *хорошего* лекарства спрашивала. Только теперь нашла, вот и прибежала».

Лев говорит:

— *Какое* лекарство?

— А вот *какое*[116]: если *живого* волка обдерешь, да шкуру его *тепленькую* наденешь...

Как растянул лев волка, лисица засмеялась и говорит:

— Так-то, друг любезный, *своих*[117] господ не на зло, а на добро наводить надо.

К какому слову ни прикладывай слово

волк, оно всё будет мужское. К какому слову ни прикладывай слово *лисица* оно всё будет женское, <но если приложить имя — *старый* к мужескому имени, то будет — старый Иван, а к женскому — старая Марья. Стало быть, лев, волк, лисица не переменяются по родам, а слово старый переменяется по родам.

Имена, которые переменяются, когда прикладываются к мужскому или женскому имени, называются прилагательными. — А те, которые не переменяются по родам, называются существительные и местоимения. Местоимения бывают существительные и прилагательные. Мой, твой, который, свой и т. п.>

Прилагательные имена переменяются по трем родам: 1) по мужескому — старый Иван, 2) по женскому — старая Марья, 3) по среднему — старое сено.

Заметь, что имена существительные среднего рода кончаются на ё: ружьё, бельё, спаньё, или на е: поле, море, горе, здоровье, ученье, или на о — стадо, сено, окно.

Имена прилагательные склоняются по всем падежам вместе с именами существительными. *Старый лев. Хитрая лисица. Боль-*

шое окно.

И. *Старый волк.* Р. старого волка. Д. старому волку. В. старого волка. Т. старым волком. П. об старом волке. Множественного числа. И. Старые волки. Р. от старых волков. Д. старым волкам. В. старых волков. Т. старыми волками. П. об старых волках.

И. *Хитрая лисица.* Р. от хитрой лисицы. Д. хитрой лисице. В. хитрую лисицу. Т. хитрой лисицей. П. об хитрой лисице. Множественного числа. И. Хитрые лисицы. Р. от хитрых лисиц. Д. хитрым лисицам. В. хитрых лисиц. Т. хитрыми лисицами. П. об хитрых лисицах.

И. *Большое окно.* Р. от большого окна. Д. большому окну. В. большое окно. Т. большим окном. П. об большом окне. Множественного числа. И. Большие окна. Р. от больших окон. Д. большим окнам. В. большие окна. Т. большими окнами. П. об больших окнах. —

В прилагательных есть еще перемены потому, что можно каждое прилагательное сказать слабее и сильнее: большой — больше, малый — меньше, старый — старше, острый — острее, милый — милей.

Прилагательные переменяются по родам и

числам, падежам и силе. И можно сказать прилагательное так, что оно будет переменяться по падежам, родам, числам и силе: старый, и можно сказать только по родам, числам и силе: он стар, она стара, оно старо, и можно по числам, будет переменяться только по силе: старее, старейший.

Заметь, что где прилагательные слова кончаются на ъе и ѣйший, там пишется ъ: сильнѣе. Добрѣйший.

Заметь еще, что прилагательные женского рода в винительном падеже кончаются на ую, или большую, а в творительном на ою и ею — старую, хорошою, а в множественном женского и среднего кончаются на я — хорошия стада, хорошия руки.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИМЕН НА ИМЕНА И МЕСТОИМЕННИЯ

Есть имена, которые переменяются только от падежей, — это существительные. Есть имена, которые переменяются от падежей и от родов, — это прилагательные. Есть имена, которые переменяются еще от того, про какое лицо говоришь: про себя и[ли] про другого. Чтобы узнать, переменяется ли слово по ли-

цам, попробуй сказать имя про себя и про другого.

Вышли вместе лев, медведь и лисица на добычу. Наловили зверей. Лев говорит медведю: *Я* возьму всё себе, всё *мое*. А медведь говорит: Нет, *ты* не бери, не всё *твое*, вместе ловили, вместе и делить. А лисица шепотом сказала медведю: Не спорь с ним, пускай лев думает, что всё *его*, *он* всего не съест, нам останется. Но медведь не послушался, стал спорить, и лев заел медведя. —

Когда лев говорит сам про себя, он называет себя *я* и свою часть *моя*. Когда медведь говорит про льва, он называет его *ты*, а его часть называет *твоя*. Когда лисица говорит про льва, она называет его *он*, а его часть называет *его* часть. Стало быть, слова эти переменяются оттого, кто их говорит; когда говоришь сам про себя, от своего лица — *я*. Когда говорится от другого лица, то говорится — *ты*, а если говорится еще в 3-м лице, то говорится — *он*.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИМЕН НА НАСТОЯЩИЕ ИМЕНА И МЕСТОИМЕНА

Наседка и цыплята

Наседка вывела цыплят, и не знала *она*, как *их* уберечь. *Она* и сказала *им*: «Полезайте опять в скорлупу; когда *вы* будете в скорлупе, *я* сяду на *вас*, как прежде сидела, и уберегу *вас*. Цыплята послушались, полезли в скорлупу, но не могли никак влезть в *нее* и только помяли себе крылья. Тогда один цыпленок сказал матери: «Если *нам* всегда оставаться в скорлупе, *ты* бы лучше и не выводила *нас*».

Она, их, им, вы, я, вас, нее, себе, нам, ты, нас — имена. <И слова: *наседка, скорлупа, цыплята, крылья* — тоже имена. Слова: *наседка, цыплята, крылья* — настоящие имена, потому что можно сказать, как имя птице? — *наседка, курица* или *орел, чиж*, а нельзя сказать, что ее зовут *она* или *я*. *Она, нас, им, вы, я, ты* — говорится всякий раз вместо имени. Вместо того, чтобы сказать: *наседка*,> сказано *она*, и вместо того, чтобы сказать: *цыплят*, сказано: *их*. Оттого эти слова называются местоимения. Местоимений главных четыре: *я, ты, он, (она), оно*, и они склоняются так же, как имена.

И. я. Р. меня. Д. мне. В. меня. Т. мной. П. обо

мне. Множественного: мы, нас, нам, нас, [нами,] о нас.

Ты, тебя, тебе, тебя, тобой, о тебе. Вы, вас, вам, вас, вами, о вас. —

И. он. Р. его. Д. ему. В. его. Т. им. П. об нем. Множественного числа: И. они. Р. их. Д. им. В. их. Т. ими. П. об них. —

И. она. Р. ея. Д. ей. В. ее. Т. ею. П. об ней. Множественного числа: И. онѣ. Р. их. Д. им. В. их. Т. ими. П. об них.[118]

ГЛАГОЛЫ

Глаголы переменяются от того, что говорятся про пружнее, про теперешнее, про будущее, и переменяются по временам и еще по лицам, как местоимения.

Всякий глагол можно сказать: 1) про себя, от своего лица — я ем; 2) про тебя — ты ешь; 3) про него или про нее — он ест. И то же самое, — если я не один, а нас много, то 1) про нас — мы едим, и не ты один, а вас <много,> 2) про [вас], вы едите, и не он один, а их много, 3) про них — они едят.

Переменять глагол можно по временам, лицам и числам.

Переменять глагол по лицам и временам

называется спрягать глагол.

Дергач и его самка

Дергач поздно свил в лугу гнездо и в покос еще самка сидела на яйцах. Рано утром мужики пришли к лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли друг за другом подрезать траву и класть рядами. Дергач вылетел посмотреть, что делают косцы. Когда он увидел, что один мужик махнул косой и разрезал пополам змею, — он обрадовался, прилетел к дергачихе и сказал: «Не бойся мужиков; они пришли резать змей; нам давно от них житья нет». А дергачиха сказала: «Мужики режут траву, а с травой режут всё, что ни попадетсЯ: и змею, и дергачиное гнездо, и дергачиную голову. Недоброе чувствует мое сердце, — а нельзя мне ни унести яиц, ни улететь с гнезда, чтобы не остудить их».

Когда косцы дошли до дергачиногo гнезда, один мужик махнул косой и срезал дергачихе голову, а яйца положил за пазуху и отдал ребЯтам играть. —

Настоящее время

<Я свиваю, я сижу, ты свиваешь, ты сидишь, он свивает>, она сидит.

<Мы свиваем, сидим, вы свиваете, сидите, они> свивают, сидят.

Прошедшее

<Я> свил, сидел, <ты свил, сидел, он свил, сидел.>

<Мы свили, сидели, вы свили, сидели, они свили,> сидели.[119]

Будущее

<Я> совью, сяду, <ты совьешь, сядешь, он совет, сядет.>

<Мы> соведем, сядем, вы совете, сядете, они совуют, сядут.

Заметь, что во втором лице единственного настоящего и будущего пишется на конце *шь*, и то, что в одних глаголах 3 лицо множественного — *ят*, в других — *ют*, в третьих —

ут.

Переменять глаголы по лицам и временам называется спрягать.

Но кроме того, что глагол можно спрягать, его можно еще говорить так, что он больше или меньше будет переменяться. <(1) по лицам, родам, и числам, и временам; 2) по родам, и числам, и временам; 3) по одним временам; и 4) совсем без перемены.>

Глагол еще переменяется по видам — одно[кратно] и многок[ратно].

У старухи были корова и козел, ходившие вместе в стаде. Корова не *стояла*, когда ее доили. Старуха, *вынесши* хлеба с солью, дала корове и стала *приговаривать*: «Да стой же, матушка; на, на, еще вынесу, если будешь *стоять* смирно». На другой вечер козел, вперед коровы *вернувшись* с поля, расставив ноги, стал перед удивленной старухой. Старуха *замахнулась* на него полотенцем, но *заупрямившийся* козел *стоял*, не *шевелился*. Он *помнил*, что старуха *обещала* хлеба корове, чтоб *стояла* смирно. Старуха, *видя*, что козел не *пронимается*, *взяла* подле *лежавшую* палку и *прибила* козла.

Когда козел *отошел*, и стал *смотреть* на старуху, *продолжавшую* кормить корову хлебом.

«Нет в людях правды! — подумал козел. — Я смирнее ее *стоял*, а меня *прибили*».

Он *отошел* к сторонке и, *разбежавшись*, ударил в подойник, *разлил* молоко и *зашиб* старуху.

Были — глагол, который сказан так, что переменяется по лицам, родам, и числам, и временам.

Ходивший есть глагол, который сказан здесь так, что не может переменяться по лицам, а переменяется только по временам, родам и числам.

Если бы сказано было про настоящее, то сказано бы было *ходящий*.

Вынесши — глагол, который сказан так, что не может переменяться по лицам, родам и числам, а может перемениться только по временам.

Если бы было сказано про настоящее, сказано бы было *вынося*.

Приговаривать есть глагол, который ска-

зан так, что не может переменяться ни по лицам, ни по родам и числам и ни по временам.

Стало быть, глагол можно сказать так: 1) что он будет переменяться по временам, лицам и родам: Я ходил. Я хожу. Ты ходишь. Мы ходим. Вы ходите. Мы ходили. Вы ходили. — Это изъявительное [наклонение.] 2) Глагол можно сказать так, что он будет переменяться по лицам, числам, но не по временам. Ходите, иди. 3) Глагол можно сказать так, что он не будет переменяться по лицам, а только по родам и временам. *Настоящее* — ходящий, *прошедшее* — ходивший, и множественного — ходящие и ходившие. Мужеской — ходивший. Женской — ходившая. 4) Глагол можно сказать так, что он будет переменяться по временам. Прошедшее — *вынесши*, настоящее — *вынося*, 5)[120] Глагол можно сказать так, что он не будет переменяться и по временам. *Приговаривать*.

Когда поставлен глагол так, что он переменяется по лицам, родам, и числам, и временам, то он личный глагол (изъявительное наклонение). *Хожу. Спал. Спишь. Хочется*.

Когда глагол стоит без времени, но с ли-

цом, это повелительное [наклонение].

Когда глагол стоит без лица так, что он не переменяется по лицам, числам и временам, то он безличный глагол (причастие). *Ходившая.*

Когда глагол стоит без лица, числа и рода так, что он не переменяется ни по лицам, ни по числам, то он <беспеременный> глагол без числа и рода (деепричастие). *Ходя, ходивши.*

Когда глагол стоит без лица, числа, рода и времени так, что он не переменяется ни по лицам, ни по числам, ни по временам, то он глагол без времени (неопределенное наклонение). *Ходить.*

л. г.

Было

л. г.

вышел

безличн. гл.

окруженный

прекрасное майское утро. Квакун двадцатый, царь знаменитой породы, властитель ближней трясины, из морской столицы своей, блестящей свитой придворных.

личн. гл.

взоблались

безл. гл.
покрытый,

без ч. и р. гл.
усевшись,

л. гл.
приказал

безл. гл.
окружавших

без вр. гл.
вызвать

л. гл.
забавляли

л. г.
Вышли

л. г.
началось

безл. гл.
разбито

Врипрыжку они на пригорок, сочной травой и там, на кочке царь из толпы его почетных стражей бойцов, чтоб его, царя, боем кулачным. бойцы; ; уж много было лягушечьих морд царю в угожденье .

Заметь, что в глаголе без времени на конце всегда пишется ь.

СЛОВА НЕПЕРЕМЕННЫЕ

Кот и повар

Какой-то повар грамотей, с поварни побегал своей в кабак (он набожных был правил и в этот день по куме тризну правил), а дома стеречи съестное от мышей кота оставил. Но что же, возвратясь, он видит? На полу объедки пирога; а Васька-кот в углу, припав за вкусным бочонком, мурлыча и ворча, трудится над курчонком. «Ах, ты, обжора! ах, злодей!» Тут Ваську повар укоряет: «Не стыдно-ль стен тебе, не только что людей? (А Васька все-таки курчонка убирает.) Как! быв честным котом до этих пор, бывало, за пример тебя смиренства кажут — а ты... ахти, какой позор! Теперь все соседи скажут: «Кот-Васька плут! Кот-Васька вор! И Ваську-де не только что в поварню, пускать не надо и на двор, как волка жадного в овчарню: он порча, он чума, он язва здешних мест! (А Васька слушает, да ест!) Тут ритор мой, дав волю слов теченью, не находил конца нравоученью. Ну что ж? Пока его он пел, кот Васька всё жаркое съел.

Слова: то, с, в, и, по, а, от, но, же, на, за, над,

ах, тут, ль, только, что, так, как, до, ахти, теперь, пока — все не переменяются; но слова эти разные, одни такие, которые можно сказать отдельно и будет смысл: Ах, тут, только, теперь, — а другие словечки нельзя сказать отдельно: в, с, ль, и, же — а они говорятся только для связи. Стало быть, все неперемennые слова делятся на *настоящие слова* и на *словечки для связи*.

НАСТОЯЩИЕ НЕПЕРЕМЕННЫЕ СЛОВА

Настоящие неперемennые слова есть такие, которые не говорят, а кричат: Ах, ну, ахти. Эти слова называются междометия. Эти слова всегда ставятся отдельно и с восклицательным знаком, их немного: Ах, ай, ой, ух, эх, увы, ну и др.

Другие неперемennые слова можно не кричать, а сказать отдельно: Тут, теперь, только. Эти слова называются наречия. И их очень много: Где, куда, здесь, после, завтра, везде и т. д.

Лебедь, щука и рак

н.
Однажды

н.
вместе

н.
вон

Лебедь, Рак да Щука везти с поклажей воз
взялись, и трое все в него впряглись, из кожи
лезут, а возу всё *нет* ходу! Поклажа бы для
них казалась и легка; да Лебедь рвется в обла-
ка, Рак пятится *назад*, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не
нам; да *только* воз и *ныне там*.

СЛОВЕЧКИ ДЛЯ СВЯЗИ

Словечки, которые нельзя сказать отдель-
но, бывают двух родов. Одни такие, что если
их приставить к имю, то имя переменится в
падеже. Такие словечки: *на, в, к, с, от, из*, —
эти словечки называются предлоги.

Хозяйка *по* ночам будила работниц и сажала
за дело. Хозяйка просыпалась *от* петуха.
Работницы *за* это убили петуха, *да* попали в
худшую беду.

Другие словечки такие, что если их при-
ставить к имю, то имя не переменится. Такие
словечки: *и, или, но, если, да*, — и словечки

ЭТИ НАЗЫВАЮТСЯ СОЮЗЫ.

Лисица и виноград

Лисица увидела, что висят спелые кисти винограда и хотела их съесть, но не могла достать. Чтобы заглушить досаду она и говорит: *однако* зелены еще.

КАК СОЕДИНЯЮТСЯ СЛОВА

(Синтаксис)

<Одни слова не переменяются, другие переменяются. — Слова переменяются для того, чтобы можно было соединять их в речи. Если бы слова не переменялись, их нельзя бы было связать вместе.>

Рыбак рыбачил. Рыбка плавала. Рыбак поймал рыбку. Рыбка сказала рыбаку: Пусти меня в воду. Я мелка. От меня мало пользы. А я вырасту. Ты поймай меня. Тебе будет большая польза. Рыбак сказал рыбке: Не буду я ждать большой пользы. А малую пользу не упущу.

Тут 38 слов, кроме предлогов и союзов. Все эти слова стоят в разных переменах, и оттого

они соединены между собой. Если бы слова эти стояли без перемен: рыбак, рыбачить, рыбка, плавать, рыбак, поймать, рыбка, сказать, пустить, я, вода, — то не было бы смысла, а теперь выходит смысл оттого, что от разных перемен слова эти соединены по 2 или по 3 между собой.

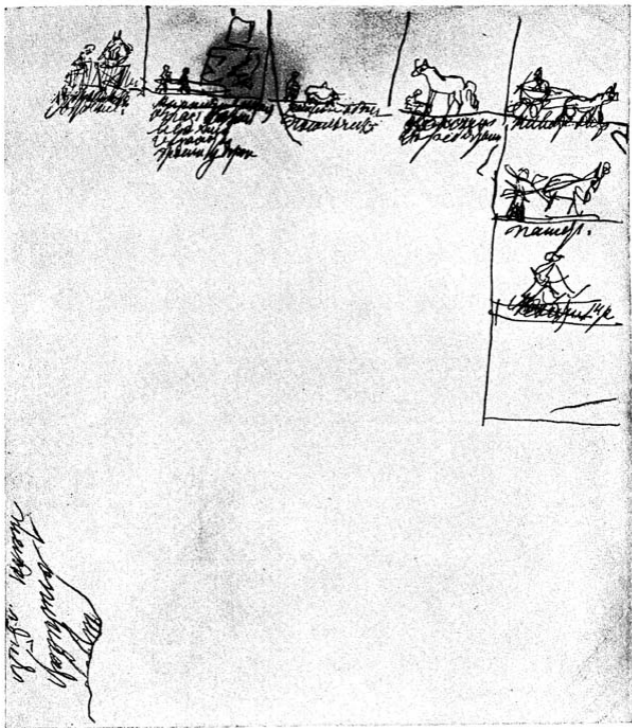
Рыбак рыбачил соединены вместе. И оба эти слова можно переставлять, как хочешь, всё будет тот же смысл. Рыбачил рыбак, рыбак рыбачил. Всё будет то же. Но после этих слов идет слово *рыбка*, и его нельзя приставить к этим 2-м словам. Рыбак рыбачил *рыбка* — нельзя. А слово *рыбка* соединено с другим словом — *плавала*. Рыбак поймал *рыбку*. Рыбка сказала *рыбаку*. *Пусти меня в воду*. Тоже три слова соединены вместе, и к ним нельзя других слов приставить, а их можно переставлять, как хочешь. *Я мелка. От меня мало пользы. А я вырасту. Ты поймай меня. Тебе будет большая польза. Рыбак сказал рыбе: Не буду ждать большой пользы. А малую пользу не упущу.* Все слова соединены по два, по 3, по 4, и нельзя к ним приставить других, и их можно переставлять.

Как соединяются слова?

Рыбак рыбачил — соединены тем, что оба слова согласованы, стоят в одном числе и роде, и что, если переменить одно, переменится другое. *Рыбаки рыбачили.* Также согласны. Рыбка плавала — оба в женском и единственном. *Рыбак поймал рыбку.* Тут соединено 3 слова. *Рыбак* и *поймал* — тем, что в одном роде и числе, что они согласованы. *Поймал* и *рыбку* соединены, но не согласны, не в одном роде, и если переменить одно слово, то другое от этого не переменится. Можно сказать: Рыбак поймал рыбку, и можно: поймали, — всё будет рыбку. Падеж и число не переменится, как ни изменяй слова: поймал, поймали, поймают — всё будет рыбку, всегда в винительном падеже. Стало быть, *поймали* и *рыбку* соединено падежом. — *Рыбка сказала рыбаку.* Опять соединены 3 слова. Первые два слова соединены так, что оба в одном роде и числе и вместе переменяются, стали как одно слово. *Рыбка сказала* и *рыбаку* — соединено падежом. Перемени число или род слов *рыбка сказала*, скажи: сказал или сказали, — всё будет рыбаку в том же числе и в дательном падеже.

Пусти меня в воду. Тут три слова. Пусти меня — не согласовано, потому что, если переменить: пусти, пустить, пущу, — всё будет меня винительный падеж. Стало быть, пусти и меня соединены падежом в одну речь. Пусти меня и в воду — тоже не согласовано, а соединено винительным падежом с предлогом. Я мелка — согласовано. От меня мало пользы. От меня — согласовано предлогом от с падежом с мало, и пользы — соединено с от меня мало. А я вырасту. Я и вырасту согласовано. Ты поймай меня. Ты и поймай согласовано, меня соединено падежом. Тебе будет большая польза. Тебе присоединено к будет падежом, с будет согласовано большая польза. А с польза согласовано большая. Рыбак сказал рыбке. Не буду ждать большой пользы. Не буду соединено с ждать тем, что ждать поставлено без времени, а польза, согласованная с большая, присоединено падежом к ждать. А малую пользу не упушу. С пользой согласовано малая, и оба вместе присоединены падежом к не упушу.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ



*Рисунки Толстого на обороте листа
первого плана «Азбуки».*

АЗБУКА ПЛАНЫ И НАБРОСКИ

- * № 1 (р^{ук. № 2}).
2) Ишь — знает, где конь-
ки, <если за пазуху лезет.> Иди по лавке-то.
4) Всю упряжку лежал, ждал, как домой по-
едут с пахоты. Едет, боится.
3–6) Смотри же, не упусти в овес. Знаю.
Распутал и стал в пыжи играть.
4–8) Пашет. Ну вылез[ай.] Не занесет соху.
6–10) На ледянке катается.
7–12) По грибы ходит. Сено гребет с мате-
рью.
8–14) Дрова рубит.
9–15) учиться писать.
16) Хлеб возит.
18) Книжку читает.
10–20) Косу отбивает.
12–21) Лес рубит.
22) Телегу ладит.
13–23) В извоз.
24) Сын родился.
25) Сходится в артель.

- 14–26) Деньги отцу приносит.
15–27) Отца хоронит.
28) На сходку идет.
16–29) Помогает в нужде.
30) Мирское дело правит.
17–31) Праздник справляет.
19–32) Избу ставит.
18–33) Сына женит.
20–34) Странника принимает.
35) Гумно оправляет.
36) Детей учит.
21–37) Пчел сажает.
22–38) Сватъев угощает.
23–39) Мирит мужиков.
24–40) Книжку читает, душу спасает.
25– – Последний час.

* № 2 (рук. № 3)

[НАБРОСКИ ТЕМ СТАТЕЙ И РАССКАЗОВ ДЛЯ
«АЗБУКИ»]

I

1. Собака обманывает Бульку.
2. Как Бульку чуть не убили.
3. Несчастный в Сибири.
4. Старик, репейник, рыба, червяк, лозина,

ворон, собака и лягушка.

5. Шелковичный червь. Как я выводил.

6. Смерть Самозванца из Костомарова.

7. Как я ездил на кумыс.

8. Буран, рассказ М. И.

9. Охота за волками с поросенком.

10. Охота на сиденке на пчельнике.

11. Охота у башкирцев.

Как мужик ушел из плена.

12. Соковник как уходил из плена.

13. Мятель — в Пирогово ехали.

14. Как сома поймали.

15. Киргиз ловит лошадь.

<Как мать ходила за дочерью.>

<Собака обманывает.>

16. Восход солнца в степи летом.

17. Захожденье солнца весной в лесу.

18. Медведи на овсе. Мать и ланчук.

19. Утки на озере, подполз.

20. Троицын день — церковь.

21. Жнитво: всё зреет. Ушли —

22. Постель — радость — сон.

23. Старый сердитый. Старый веселый.

24. Добрая притворщица. Горячая веселая.

25. Солдаткино житье.

26. Ложкой кормит, стеблем глаз колит.
27. Звезды чаще и чаще.
<Галкар. —>
28. Как француза топили и спас.
29. Фигнер.
30. Пластуны в Севастополе (след заячий).
31. Мазепа.
32. Самозванец.
33. Ермак.
34. Пугачев.
35. Суворов.
36. Меньшиков.
- 37.[121] Петр и Балакирев.
38. Нахимов и Черн.
39. Сова и заяц.
40. Вор дома жалок.
41. Скифы из Плутарха.
42. Крез и сын.
43. Солон.
44. Кир — воспитанье.
45. Астиаг.
46. Волк бешеный и мужик.
47. Скворцы у Руса.
<Отчего дождь.>
48. Бессонная ночь на дворе.

49. Сиденка на кабана.
50. Как ловят лисенят и делят,
51. <Лапы у> человека, курицы, лошади.
52. Пиголица[?] караульщик.
53. След как очки.
55. *Артезьянский колодезь.*
56. Водородный баллон.
57. Беглый солдат.
58. Благодарность.
59. 399. 101 jours.[122]
60. 306.
61. 410, la petite corneille.[123]
62. La souris prodigue.[124]
63. 432.
64. 101 jours 406
65. — — — — — 469. Le prince et son écuyer.[125]
66. — — — — — 480
67. — — — — — 509. Le chat et le rat.
[126]
68. — — — — — 511. Le perroquet.[127]
69. Avadânas — le flatteur maladroit.[128]
70. 512. Le paysanne et sa fille.[129]
71. 546. Le fils du roi.[130]
72. Кулибин.

73. Ломоносов.
74. Разрыв-трава.
75. Как стянули дом.
76. Как выстрелит соль.
77. Соль — кристаллы.
78. Ловля кита.
79. Аэронавт.
80. Пугачев разорил помещиков.
Девочку одели в сарафан.
81. Семя березы, борьба с человеком.
82. Лозина — жгут.
83. Физическ.
84. Разница — лед, пар и вода.
85. Передача тепла.
86. Как паром топят.
87. Кольцо и рука. Отчего не оба вместе
расширяются
Башмаки и ноги.
89. Лозина и огонь.
90. Свободное семя березы, репья, одуван-
чика.
Филипп Митрош[ин].
Стерлядь затоптал.
Как докопался серебра.
Как Коперник догадался, что земля вертит-

ся.

Как в Старом Юрте лошадей отбили.
Кавказ.

Как ходила мать за дочерью и дочь за матерью.

Нахимов и Черноморский флот.
обоих убили.

Как дом строят.

— поле пашут.

— — убирают.

Любят за то, что делают.

Лапы у человека, курицы, лошади.

Крысы хвостом.

волков рвет.

Проехал — спугнул.

Возвращенье старика из Сибири.

Как на пароходе вора поймали.

Евангелие Матфея.

Глава V. XXVI.

Матвея XXII, с 36 до 41.

XX, 1 до 17

XIX, 13–30.

XXIII, — вся.

- 1) Жилет. Губон
- 2) Суворов. Ермак.
- 3) Меншиков. Пугачев — история девочки.
- 4) 1612
- 5) 1812
- 6) Насыщение атмосферы водяными парами.
- 7) Растение и человек выдыхают друг другу.
- 8) Казак беглый.
- 9) На кумыс с братом.
- 10) Башкиры.
- 11) Села, пашня.
- 12) Богачи купцы.
- 13) Табуны, жеребцы.
- 14) Охота за волками.
- 15) Зимой стерегут.
- 16) Дорога в Ташкент, рассказ приехавшего.
- 17) Из Сибири старики. Иркутская губерния.
- 18) Пенза по Суре.
Огонь отчего.
Малый огонь — тепло.
Обман чувств.

Отчего в темноте видим.
Солнце и луна больши[e][?]
Обман слуха.
Обман чутья.
Обман ощупи.
Геродот.
Солнце — работа. — Зима и лето.
Орешник, цвет.
Свободное семя.
Как смерять расстояние.[131]

III

Астрономия — что видно на небе по ночам и что днем и что из колодца. И как это объяснить, не принимая вращения земли. Ряд статей.

Геология — что видно в колодцах под землей. Пласты, животные, растения.

Минералогия — копи железные, угольные, медные.

Плавка.

Ботаника — отчего завязь.

Как родится растение.

Зоология. Всё живое, границы жизни, лестница, насекомые. Разница времени. Пиявка

переваривает 4 года. Жук линяет 4 года. Гидра. Инфузории.

Физика — тепло, свет. Сила.

Механика. Мельница. Паровая машина.

Химия. Разные соединения. Факты математические.

Геометрия.

Технология.

Бумага, освещение.

Кожи.

Стекло.

Фарфор.

Булавки, иголки.

Литье колокола.

Паровая машина.

IV

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Гора похожа на колена человека.

Восход. Заря. Красный дым — степь мрачная серо-зеленая. Луна не светит. Оглянулся. Откуда что взялось.

МЕДВЕДЬ

Старик рассказ., как дрался медведь.

ВИХОРЬ

доски две, дальше, ближе солнце.

Отчего больно ушам.

Ощупь — твердое,

вкус — жидкое.

запах — газообразное.

Слух > движение.
Зрение

*№ 3 (рук. № 7).

ОГЛАВЛЕНИЕ КН. I

1. — — — — — — — — — Для учителя.

2. — — — — — — — — — Азбука А.

3. — — — — — — — — — Азбука с картинка-
ми.

4. — — — — — — — — — Склады.

5. Упражнения в соединении складов.

6. — — — Вставление шрифта и скоропись
и речения — произн[ошение], как пишут.

7. Упражнение произношения.

<8. Упражнения. Басни 8.>

<9.> 8. Знаки препинания, басни 8.

10. Знаки препинания. История 2.

11. Предлоги, басни 5.

12. Истории 5.

IV

13. Липунюшка.

14. Мужик и огурцы.

15. Как застала гроза.

16. Слепой и глухой.

17. Как меня не взяли в город.

18. Море.

19. Слон.

20. Китайская царевна.

21. Бухарский шелк.

22. Пожарные собаки.

23. Эскимосы.

24. Починка дома.

25. — — — — — — — — — — От скорости сила.

26. — — — — — — — — — — Куда вода из мо-

ря.

27. Дурень.

28. Святогор богатырь.

Славянское.

29. летопись.

30. О Филагрии Мнихе.

31. О Мурине Дровосечце.

32. Бытия I глава с переводом.

33. Матвея гл. 22 с 34 по 41.

34. Житие Давида.

35. Молитвы. Отче. Верую. Заповеди. Богородица

Помилуй мя, боже, — без перевода.

36. Счет.

АЗБУКА ВАРИАНТЫ ПЕРВАЯ КНИГА

* № 1 (рук. № 4).
[«Была одна сильная злая собака...»]

Была одна большая, сильная собака. Вышла к ней собачка не больше крысы и стала на нее злиться. Большая собака только ее понюхала и отошла прочь.

* № 2 (рук. № 4).

[«Мышь вскочила в узкий кувшин...»]

Мышь вскочила в кувшин, а назад выскочить не может. Правду мне, думает, старая сказала, что въезд легок, а выезд труден.

* № 3 (рук. № 4).

[«Два рыбака тянули невод...»]

РЫБАКИ

(Басня)

Четыре рыбака тянули невод. Когда стало тяжело, они все стали учить друг друга, как надобно тянуть невод, а ни один не тянул за веревку, и невод унесло теченьем, и не было ни рыбы, ни невода.

* № 4 (рук. № 4).

[МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА]

<МУРАВЕЙ И ГОЛУБЬ

Муравей захотел напиться в ручье. Волна подхватила его и потопила. Голубь нес ветку в гнездо. Он увидел муравья и бросил ему ветку в воду. Муравей влез на ветку и спасся.

После этого охотник, расставив сети, захотел захлопнуть их над голубем. Муравей увидел это и укусил охотника в ногу. Охотник от боли уронил сети, и голубь улетел.>

Черновая рукопись басни «Лягушка и Лев», рассказа без заглавия («Летним днем...») и начала сказки «Царь и Сокол».

* № 5 (рук. № 4).

[ОСЕЛ И ЛОШАДЬ]

У одного человека был конь и осел. Шли они по дороге. Осел сказал коню: Возьми что-нибудь из моей ноши, если хочешь, чтоб я цел остался. Конь не послушался. Осел упал от натуги и[132] умер. Когда хозяин наложил всё с осла на коня да еще и шкуру ослиную, конь заревел и со слезами заголосил: Ох, ох мне горькому! Что приключилось мне несчастному! Не хотел я малую часть его ноши взять, теперь вот всё тащу да еще и шкуру.

** № 6 (рук. № 4).

[ЛЯГУШКА И ЛЕВ]

<Лев, услышав громкое кваканье лягушки, подумал, что это большой зверь, и стал смотреть в болото. Когда лягушка вышла из воды, Лев раздавил ее и сказал: смотреть не на что, а я испугался.>

ЛЕВ И ЛЯГУШКА

Лев услышал — лягушка громко квакает, и подумал: видно, большой зверь так крепко

кричит. Погодя немного, вышла лягушка из болота. Лев увидел ее, раздавил и сказал: глядеть не на что, а я испугался.

* № 7 (рук. № 4).

КАК Я ДЕДУШКЕ НАШЕЛ ПЧЕЛИНЫХ МАТОК

<Когда я был маленькой, дедушка всегда мне давал меду, когда я приходил к нему на пчельник. Один раз я вечером пришел к нему. В избушке его не было. Когда я вошел в ограду, я увидел, что он лежит подле улья и что[-то] слушает. Я подошел к нему и услышал, что в улье кто-то пищит. Я спросил: что это такое? Он мне сказал: Это молодые матки кричат. Я спросил: что ж, это хорошо? Он сказал: Хорошо, завтра роиться будут, и дал мне большой кусок меда. Я съел мед и обмазал себе и щеки [и] руки. Мать увидела меня и сказала: опять у деда был.>

РАССКАЗ. КАК Я УСЛЫХАЛ ПЧЕЛИНЫХ МАТОК

Мой дедушка летом жил на пчельнике. И он всегда давал мне меду, когда я прихаживаю

вал к нему. Один раз я вечером пришел на пчельник и стал ходить промеж ульев. В одном улье я услышал, что что-то кудахчет, как курица, только тонким голосом. Я пришел к деду в избушку и рассказал ему. Он пошел со мной и сам послушал. В улье всё что-то кудахтало. Дедушка был глух и не слышал. Я сказал ему, как кричит в улье, и он обрадовался и сказал, что молодые матки вывелись, кричат, завтра они[133] вылетать будут. И дедушка дал мне большой кусок меду. Я съел его и обмазал себе щеки и руки. А когда я пришел домой, мать сказала: Опять тебя баловник дед медом кормил. А я сказал: он за то мне дал меду, что ему нашел улей, где молодые матки кричат. <Они завтра вылетать будут. —>

* № 8 (рук. № 4).

КАК Я ПЕРЕСТАЛ БОЯТЬСЯ СЛЕПЫХ НИЩИХ

Когда я был маленький, меня пугали слепыми нищими. И я боялся их. Один раз я пришел домой с поля, а на крыльце сидели два слепые нищие. Они были без шапок, с сумами через плечи и с длинными палками. Один из них[134] услышал меня и поднял голову. Глаза

у него были белые, как молоко. Я не знал, что мне делать. Я боялся бежать назад. Я думал, что он схватит меня. И я боялся пройти в дом мимо его. Вдруг он поднялся, взял меня за руку и сказал: Паренек, что же милостиньку. Я вырвался от него и прибежал к матери. Она выслала со мной денег и хлеба нищим. Когда я им дал хлеб, они <обрадовались,> стали креститься и есть. Потом нищий с белыми глазами сказал: Спаси тебя бог, паренек. Хлеб твой хороший. И он опять взял меня за руку и оцупал ее. Мне его стало жалко, и с тех пор я перестал бояться нищих.

* № 9 (рук. № 4).

[КИТАЙСКАЯ ЦАРИЦА СИЛИНЧИ]

У китайского императора Геангти была любимая жена Силингчи. Император хотел, чтобы его народ помнил бы его любимую царицу. Он показал царице шелковичного червяка и научил ее, как кормить червяка и как из его паутины делать, мотать шелк.

Императрица Силингчи велела набрать червей и листа с тутового дерева и сама выкормила червей, размотала шелк и весь на-

род свой научила этому.

* № 10 (рук. № 4).

[ОТ СКОРОСТИ СИЛА]

Один раз машина ехала очень скоро по железной дороге. Вдруг машинист впереди себя на переезде увидал телегу. Мужик гнал лошадь через дорогу, но лошадь испугалась и заупрямилась. Машинист видел, что он не может остановить машины и что если он поедет тише, то удар об телегу будет так силен, что машина может разбиться и могут быть убиты проезжающие. Тогда он пустил машину еще скорее. Мужик отбежал от телеги. А машина так быстро разбежалась, что, как щепку, сбросила с дороги телегу и лошадь, и никто из проезжающих не слышал толчка.

* № 11 (рук. № 6).

[СВЯТОГОР БОГАТЫРЬ]

[1 вариант]

*Захотелось Святогору
По чисту полю гуляти,
Заседлал коня, поехал
Во раздолье чисто поле.*

Никого-то в чистом поле
Святогорушка не встретил,
Чтоб померять было силу,
Свою силу молодецку.
А сам чует, как по жилам
Сила живчиком гуляет.
Как тяжелое как бремя,
Грузно силу ту носить.
Святогор и похвалился:
Кабы тягу мне наехать
От земли, я бы всю землю
Кверху ту приподнял руками.
И наехал в чистом поле —
Лежит сумка переметна.
Святогор с коня потрогал
Погонялкой эту сумку, —
Не сворохнется та сумка.
Святогор перстом подынул —
И не скрянется та сумка.
Зацепил ее рукою —
Не поднимется, не дрогнет.
Со добра коня слезает
Святогор, к суме подходит,
И обеими руками
Сам хватается за сумку,
От земли приподнимает
Не высоко — по колена,
По колена ж сам увязнул.

Где угряз, там и остался.

[2 вариант]

СВЯТОГОР

Снаряжался свет Святогор гу-
лять,
Заседлал коня свою доброго
И выезживал во чисто поле.
Никого-то он во чистом поле
Не наезживал, с кем помериться
Своей силою богатырскою.
А по жилочкам сила живчиком
Перливается, грузно с силой той,
От тяжелого как от бремени,
И промолвил свет похваляючись:
Кабы тяги мне от земли найти,
Я бы выворотил мать сыру зем-
лю.
И наехал он в степи сумочку.
Лежит сумочка переметненька,
Переметненька, немудрененька.
Погонялочкой тронул сумочку —
Не сворохнется, не шелохнется.
Святогор перстом двинул сумоч-
ку —
Не сворохнется и не скрянется.
Святогор с коня ухватил рукой, —
Лежит сумочка, не сворохнется,

Не поднимется и не скрянется.
«Сколько по свету я ни ежживал,
Чуда этакого не наеизжживал,
Дива дивного я не видывал:
Лежит сумочка переметненька,
Переметненька, немудрененька,
Не шелохнется, не сворохнется
И не скрянется, не поднимется».
И слезал с коня своо доброго,
Ухватил руками он обеими
И поднял суму ниже пояса,
По колено ж сам Святогор угрыз
В мать сыру землю, выдираться
стал,
Не мог выдраться. По белу лицу
Не слеза пошла, а черная кровь.
Испровещитя сумка маленька,
Она голосом человеческим:
«Что ж хвалился ты, богатырь
могуч,
Землю выворотить. От земли на-
шел
Тягу в сумочке переметненькой.
Не поднял ее, только сам угрыз».
Святогору тут и конец пришел.

[3 вариант]
СВЯТОГОР

Снаряжася Святогор гулять в
чистó[135] поле,
Он оседлывал, обнуздывал добра
коня,
Выезжал во чисто поле, во раздо-
льице,
Не наезживал он в поле супротив-
ничка,
С кем бы силой богатырскою по-
меряться.
А по жилкам, чует, силушка поха-
живает,
Чует — живчиком по жилкам
пер'ливается.[136]
Святогору грузно с силы, как от
бремени.
Взговорит тут Святогор свет по-
хваляючись:
Захватить было б за что, и зем-
лю поднял бы.
И завидел Святогор в поле прохо-
жего,
Ко прохожему поехал по чисту
полю,
И не может Святогор догнать
прохожего,
Во всю прыть едет — прохожий
передом идет.

Взговорит тут Святогор да таково слово:

Гой, прохожий, подожди ты не сомножечко,

Не могу догнать тебя я на добром коне.

Постоял прохожий, скидывал с плеч сумочку,

Клал ту сумочку прохожий на сыру землю.

Святогор суму взял плеточкой пощупывал, —

Эта сумочка от земли и не тронется.

Святогор перстом с коня взял двинул сумочку, —

Эта сумка от земли и не скрянется.

Святогор за сумочку схватил с коня рукой, —

Не сворохнется сумочка, не поднимется.

Тут слезал с коня Святогор, подходил к суме,

Он двумя руками ухватился за сумочку,

Стал вздывать эту сумочку во всю силушку,

Приподнял — только под суму ко-
му бы дух пустить,
По колена ж Святогор в сыру зем-
лю угрыз.

Взговорит тут Святогор ко про-
хожему:

Что, прохожий, в суме у тебя на-
ложено?

Силы много во мне, а не мог ту
суму поднять.

А там в сумочке тяга лежит от
сырой земли.

Взговорит тут Святогор ко про-
хожему:

А кто ты сам есть и как звать по
имени?

А я есмь Микула, Микула Селяни-
нович.

* № 12 (рук. № 10).

НЕСТОРОВА ЛЕТОПИСЬ

Повесть о том, кто первый начал княжить
в Киеве, и откуда взялся народ русский.

После потопа первые сыновья Ноя: Сим,
Хам и Яфет, кинув жеребий, разделили землю
и положили каждому не выходить в жеребий
братнин, живя каждому в своей части. И до-

стался восток Симу, полдень Хаму и запад и север Яфету.

Размножившись, люди вздумали построить столб до неба и около него город Вавилон. И строили люди столб сорок лет и не кончили. И господь, увидав столб, ветром большим разрушил столб, но остатки его есть и теперь между Ассиром и Вавилоном. И в высоту и в долготу столб этот мерою 5433 локтя. И остаток цел после многих лет.

Разрушив столб, бог смешал языки людей и разделил их по 70 и 2 языка и рассеял их по всей земле. От этих 70-ти и 2-х языков произошел язык славянский Яфетова племени — они же славяне.

В давние времена славяне жили по реке Дунаю, там, где теперь земля Болгарская и Венгерская.

Болгаре и хазары воевали славян на Дунае. И после хазар пришли угры белые и поселились на Дунае.

И в то же время были обри. Обри сильно воевали народ славянский и мучали его. Обри мучали женщин славянских. Когда обрину надо было ехать, то он не позволял запрещь лошадь или вола, а запрягал 3-х, 4-х или 5-ть жен славянских в телегу и на них ехал.

Обри были велики телом и горды умом, и бог истребил их всех, и не остался ни один обрин.

Есть поговорка и теперь: «Пропал, как обрин». Потому что не осталось у них ни племени, ни наследства.

После обринов пришли печенегы, после черные угры и также воевали с славянами.

Славяне разошлись на север и восток и, разойдясь, поселились по озерам и рекам по всей земле. Какие пришли на реку Мораву, назвались моравы; какие сели по морю, назвались поморяне; какие сели на полях, назвались поляне; какие сели по речке Полоте, назвались полочане; какие сели меж деревьев, в лесах, назвались древляне; какие на Буге — бужане. Какие поселились на севере — назва-

лись север. А еще славяне поселились около озера Ильменя и назвались своим именем.

Славяне и построили город и назвали его Новгород. <А еще были славяне, которые поселились по Днепру и назвались поляне, оттого, что прежде жили в полях.>

И еще много народов разных Яфетова племени, называясь каждый своим именем, жили особо: на севере и западе — дреговичи, кривичи, весь, меря, мурома, черемиса, мордва, печера, литва, ямь, землигола, корсь, норова, либь.

Одни из этих народов говорили славянским языком, а другие каждый своим языком: поляне, древляне, новгородцы, полочане, ареговичи, север, бужане говорили славянским языком. А другими языками говорили чудь, меря, весь, мордва, черемиса, печера, литва, землигола, корся, норова и либь.

У каждого народа был свой закон, обычай и нрав. Древляне жили в лесах, как звери: убивали друг друга, ели нечисто и брака у них не было, но силой уводили девиц. И дру-

гие народы такой же обычай имели, жили в лесах, как звери, сквернословили, не знали браков, а сходились на плясанье и бесовские игрища между сел и уводили жен. И имели по многу жен. И когда кто умирал, делали костер большой и, положив на него мертвеца, сжигали. А потом, собрав кости, клали их в посудину и ставили на столбах на дороге.

Поляне же, жившие по Днепру, имели от своих отцов нрав кроткий и тихий. Они имели стыд к женам и родителям. Брак соблюдали и не отнимали, как другие, силою девиц, но порядком сватали и за невест давали подарки.

Андрей, брат Петров, учивший вере Христовой, был в славянской земле и удивлялся обычаям тамошних людей. Придя в Рим, он рассказывал то, что видел. Он говорил: «Дивные дела видел в славянской земле. Видел я деревянные бани, жарко натопленные, и там люди разденутся донога, обольются квасом и молодыми прутьями сами себя бьют. И до того добьют, что вылезут еле живы. И только когда обольются студеной водой, тогда ожи-

вут. И это делают ежедневно не по неволе, а сами себя мучают. Они не моются, а мучаются». — И все дивились этому.

Андрей, брат Петра апостола, и ходя по морю Понтийскому и уча людей вере Христовой, пришед в Корсунь, увидал устья Днепра и захотел по Днепру вверх поплыть через землю славянскую и варяжскую в Рим. И он поплыл вверх по Днепру. Случилось ему в одном месте переночевать под горою.

Утром встав, он сказал ученикам, бывшим с ним: «Видите вы горы эти? На этих горах построится великий город, много божьих церквей, и на месте этом воссияет великая благодать божья».

Взойдя на горы, он благословил их и поставил крест. Помолившись, он слез с горы и поехал далее.

На этом месте жили поляне, и у них были три брата с сестрою. Звали братьев: Кий, Щек и Хорив. Сестру звали Лыбедью. Кий жил на горе, где ныне Боричов перевоз. А Щек жил на другой горе, которая и теперь называется

Щековица; а Хорив на третьей горе. Ее прозвали Хоревица. И сделали братья вместе город и назвали этот город Киев во имя старшего брата. Около города были непроходимые боры и леса, и братья ловили и били зверей, и были люди мудрые и смышленные.

Кий, пожив недолго в городе, поплыл по Днепру вниз в море Понтийское. И греческий царь с честью принимал его. Вернувшись домой, он другой раз ходил на юг, и на Дунае, где ему полюбилось место, стал строить городок Киевец. Он хотел переехать жить туда, да соседи его не дали ему поселиться. И теперь место, где он строился, называется Киевец. Тогда Кий пришел назад и, пожив в Киеве, помер. И тут же скончались и похоронены братья Щек и Хорив и сестра их Лыбедь.

Поляне жили по Днепру. Через их землю проходил путь от варягов к грекам, и от греков вверх по Днепру волоком до реки Ловоти, а Ловотью вниз в великое озеро Ильмень. Из озера этого течет река Волхов и впадает в великое озеро Нево, и из того озера выходит на-

чало моря Варяжского.

По тому морю можно доплыть до Рима и от Рима по тому же морю до Царьграда, а от Царьграда приплыть в Понтийское море. В Понтийское море втекает река Днепр.

Днепр же начинается в Оковских лесах и течет на юг — полдень. А Двина река из того же леса начинается и течет на север и впадает в море Варяжское. Из тех же лесов потекла Волга на восток и 70-ю рукавами впадает в море Хвалынское.

Так что из славянской земли есть путь по Волге на восток в Хвалыни, в жребий Симов, а по Двине в варяжскую сторону и от варяга в Рим и от Рима на полдень, в жребий Хамов.

После смерти братьев Кия, Щека и Хорива, полян стали обижать древляне и другие окольные народы. И напали на них казары, жившие в лесах, и завладели ими. И сказали им казары: платите нам дань. И, собравшись, поляне между собой думали, какую дань послать. И решили послать казарам с каждого дома по мечу. И так и сделали.

Казары, взяв мечи, пришли к своему князю и к старшинам своим, сказали: налезли мы на новую дань. И показали мечи. И старейшины спросили: откуда такая дань. И казары отвечали: В лесу, на горах днепровских. Старейшины казарские взяли мечи, посмотрели их, сказали своему князю: Эта дань недобрая. Мы воевали народы и забирали дани оружием, с одной стороны острым — оно называется сабля — а это обоюдоостро и называется меч. Эти народы этими мечами завоюют дань с нас и с других народов.

И сбылось так, как сказали старцы казарские. Прежде они владели полянами, а потом стали славяне владеть казарами. И до сего дня русские владеют казарами.

В то время, как поляне платили дань казарам, на север славяне поднялись на варягов и, выгнав их за море и не дав им дани, стали сами собой владеть и стали воевать друг с другом.

Повоевав друг с другом, они сказали себе: поищем себе князя, который бы владел нами и судил по правде. И они пошли за море к варягам, к Руси. И сказали все — чудь, новгородцы и кривичи: земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, приходите княжить и владеть нами.

И выбрались три князя с своими родными и, взявши с собой всю Русь, пришли. Рюрик, старший брат, поселился в Новгороде, другой — Синеус[137] — на Белоозере, третий — Трувор — в Изборске. От них-то и прозвалась русская земля.

После двух лет, когда умерли Синеус и Трувор, Рюрик взял себе все земли и раздавал их людям своим: кому Ростов, кому Белоозеро, кому Полоцк. И во всех этих городах варяги только находжие люди. А земли эти славянские.

И были у Рюрика два мужа не его племени, а племени боярского. И отпросились у него мужи эти в Царьград с родными своими, и

Рюрик отпустил их.

Звали <этих мужей> Аскольд и Дир. И поплыли они с своим народом по Днепру. И, увидав на горе городок, они спросили: чей этот городок. И им отвечали старейшины полян: Были тут три брата: Кий, Щек и Хорив. Они сделали городок этот, и они уже умерли. А теперь мы живем здесь и платим дань казарам.

Аскольд и Дир остались в городе этом и собрали много варягов и начали владеть полянскою землею. А Рюрик владел особо в Новгороде.

И, собрав народ, пошли Аскольд и Дир на греков вниз по Днепру. Царь греческий Михаил был в походе на огарян и дошел уже до Черные реки, когда митрополит послал ему весть, что Русь идет на Царьград. И царь воротился.

Аскольд и Дир вошли на 200 лодках в самую гавань и много побили людей греческих. Царь же с патриархом Фотием в церкви свя-

той богородицы влахернской молились богу. И, взяв святую ризу богородицы, с пением церковным вынесли и обмакнули в воду. Было тихо на море. И вдруг поднялась буря и великими волнами смешало, раскидало корабли безбожной Руси. Так что мало их спаслось и вернулось восвояси.

Это было в 6374-м году от сотворения мира. В 6387 году умер в Новгороде Рюрик и, передав свое княжение Олегу, и ему же отдал на руки сына своего Игоря, ибо дитя еще был. И Олег, повоевав много народов, пришел к горам киевским.

Узнав, что тут княжат Аскольд и Дир, Олег спрятал воинов своих в лодках и, подплыв к городу, послал сказать Аскольду и Диру: Мы — купцы плывем к грекам от Олега и Игоря, придите повидаться с родными своими.

Аскольд и Дир пришли. И тогда выскочили воины из лодок, и Олег сказал Аскольду и Диру: Вы [не] князья и не княжеского рода, а я роду княжеского, а вот сын Рюрика, и он взял

на руки Игоря. И убили Аскольда и Дира и снесли их на гору и похоронили. И Аскольдова могила на горе, которая зовется Угорской, и на ней построена церковь св. Николы, а Дирова могила за св. Ориною. И у Олега было много народа славянского и варяжского, и все звались Русью. И Олег стал строить города, отвоевал Киев от казар, установил дани народам и стал жить в Киеве. И сказал: Этот город [138] будет мать городам русским.

* № 13 (рук. № 14).

[«ДЛЯ УЧИТЕЛЯ».]

Азбука для семьи и школы

с наставлениями для учителя.

Графа Л. Н. Толстого.

Для учителя:

Уменье читать и писать состоит из следующих умений:

1) Умение отличать одну букву от другой и уменье изображать буквы.

2) Уменье соединять буквы в слоги и разлагать слоги на буквы.

3) Уменье соединять слоги в слова и разъ-

единять слова на слоги.

4) Умение правильно произносить и употреблять полугласные ъ, ь, й.

5) Умение правильно произносить и употреблять буквы, произносящиеся не так, как они пишутся.

1

Для выучения букв может быть употреблено большое количество приемов, начиная от заучивания букв по азбуке, называя их: аз, буквы, веди, и до металлических букв, названных: а — а, б — бе, в — ве и т. д. и данных детям в виде игрушки. Употребление какого-либо из этих приемов зависит от средств, находящихся под рукой учителя, и от привычек самого учителя.

Всякий прием хорош, если только ребенок учится охотно.

Предложу тот прием, который мне кажется наиболее сподручным каждому учителю и каждой матери, не имеющих никаких привычек при обучении, и прием, для которого материальные средства находятся под рукою всякого.

Пишите мелом или углем на стене или на доске в самых больших размерах буквы так, как они показаны в азбуке, т. е. самую сущность изображения. Указывая на них попеременно, называйте их, заставляйте повторять и потом спрашивайте. Не стирайте буквы, а постарайтесь найти место, чтобы все буквы, кроме *ө, ү, ъ, й, ь*, оставались написанными на стенах классной комнаты. Это много облегчает запоминание.

Называйте все буквы без исключения согласным звуком с присоединением гласной *е*, т. е. *бе, ве, ге, де* и т. д. и *м* называйте не *ем*, а *ме*, и *р* не *ер*, а *ре* и т. д. Гласные *ё* называйте *ио*, *ы* называйте толстым *и*, *ъ* называйте *ье*.

Можно бы было называть *би, ви, ги*, или *ба, ва, га*, или *бо, во, го*, или *бъ, вь, гъ*, как это делают некоторые. Но я советую называть согласные буквы с присоединением гласной *е*, потому что такое наименование привычнее нам, и что оно удобнее для произношения.

Трудность во всяком случае будет состоять в том, чтобы откидывать при складах ненужную гласную: при наименовании *ба* — гласную *а*, *би* — *и* и *бъ* — *ъ*, так как в произноше-

нии *бъ*, *въ* есть точно такая же гласная *ъ*, как и в *бе* гласная *е*. Только *ъ* из всех гласных самая неудобная, так как при ней является лишнее затруднение в неудобстве произношения.

Самый же неудобный способ называния букв есть старинный: *аз*, *буки*, *веди* и т. д., ибо при этом способе при складах ученику надо будет выучиться откидывать ненужные *зъ*, *уки*, *ѣди*, и проч., чего на слух он не может сделать.

После того как ученик или ученики стали узнавать буквы на стене или доске, заставляйте учеников писать буквы. При писании не требуйте правильности в изображении. А заботьтесь только о том, чтобы ученик выражал смысл сочетания линий между собой и чтобы видно было отличие одной от другой. Если только ученик, разумеется бессознательно, понимает, что *А* есть угол, две стороны которого соединены линией, а *Н* есть две параллельные линии, соединенные другой линией под прямым углом, то этого достаточно. При этом надо избегать требования правильности изображения, зависящего от руки, а не от головы ребенка.

По моему опыту 6-тилетний ребенок, тем более 10-тилетний выучивает этим способом все буквы от нескольких часов до трех дней, в случае наибольшей непонятливости.

2

Для того, чтобы выучить складам, есть также много приемов. Но про них нельзя сказать, чтобы они были одинаково хороши. Старинный и до сих пор употребительный способ заучиванья складов удесяттеряет трудность складыванья, и для русской грамоты не имеет смысла, ибо русская грамота отличается от всех других тем, что в ней все буквы выговариваются точно так же, как они пишутся. Вся трудность состоит в том, чтобы ученик понял, что согласный звук есть только согласный звук, без присоединения какой бы то ни было гласной. Для этого придумана так называемая звуковая метода, которая есть не что иное, как недоразумение.

Недоразумение звуковой метода, называющее буквы бъ, вь, гь, состоит в том, что бъ и вь не есть изображение одной согласной б и в (без гласной), но есть соединение согласной б

и в с полугласной ъ и ь. Доказательством тому служит то, что, складывая б с я, выйдет не бя, а бъя и т. д. Недоразумение это могло существовать в немецкой грамоте, где нет полугласных и где можно ошибочно вообразить, что съ есть только с без гласной, но в русской грамоте с должно быть съ или съ. — Недоразумение это вредно потому, что трудность откидывания ненужной гласной предоставляется ученикам без помощи от учителя, и еще в неудобстве произношения согласных.

Приемы, предлагаемые мною, состоят в следующем:

Заставьте учеников на слух без книги складывать сначала двух согласные склады, оканчивая слог всегда гласною. Говорите: бере-а — бра, де-ре-у — дру, же-не-и — жни, стру, ветре и т. д. и заставляйте учеников повторять за собою.

Уменьше это состоит только в том, чтобы ученик привык на слух откидывать ненужную гласную е.

Большое количество согласных в одном слоге *встре* и т. п. нисколько не затрудняет при этом ученика. Если вы пройдете десятка

три таких складов, заставляя повторять за собою учеников, то почти всякий ученик уже сам начинает складывать. Вы говорите ему: п-р-о, и он уже говорит: про.

При этом складываньи, образцы которого представлены в азбуке, тройные складываются легче, чем двойные, и потому с них надобно начинать.

Необходимо обратить особенное вниманье на слоги с гласной е, так как е есть та самая гласная, которая откидывается.

Ученик будет затрудняться при слогах б-е — бе, ибо е уже дано ему в согласной.

Когда ученик усвоит себе этот прием, делайте с ним обратное, т. е. скажите: бра — б-р-а, дру и д-р-у, и ученик так же скоро усвоит себе прием на слух разлагания слогов.

Когда ученик вполне усвоит себе на слух прием откидыванья ненужной гласной е и соединения букв и обратного разложения слогов, тогда только заставьте его читать и складывать то же самое по книге или доске и точно так же раскладывать и писать, но читать и писать заставляйте его только одиночные слоги.

Такая последовательность необходима, ибо переход от букв сразу к чтению целых слов только может замедлить ученье.

Писать предоставляйте ученику печатными буквами и хотя бы самым неправильным образом.

Образцы складыванья

бра, вра, гра, дра, зра, пра, мра, нра, тра,
фра, хра, цра, чра,

бри....

бро....

бру....

бры....

брю....

бря....

бре....

ра, ри, ро, ру, ры

бна

бни

. . . .

. . . .

. . . .

вта

.

.

та, ти....

лна.....

.

на, ни...

жма....

.

ма, ми

вша

ша

ста

зда

встра

бе, ве, ге, де.....

3

Уменье соединять слога в слова кажется самым простым, но оно составляет почти главную трудность. Трудность эта состоит в том, что ученик делает такие усилия внимания и памяти для разобранья букв и соединення их в слоги, что когда он, разобрав первый слог, приступает к второму, он при разбираении второго забывает первый. Например, разбирая слово баня, ученик, прочтя и сложив

слог *ба*, читает и складывает *ня*, и, напрягая свои силы на сложение *ня*, забывает *ба* и говорит: няня или баба. Для облегчения этого учения предлагаю следующее:

Изберите двухсложные слова, слоги которых наименее похожи между собой (сходство слогов более всего сбивает. Образцы таких слогов приведены в азбуке), и заставьте ребенка на слух складывать, предлагая ему только буквы слогов, и раскладывать, предлагая ему слоги. Например. Выговорите: к-а. Он говорит: ка. Вы говорите: помни ка, и говорите: п-у. Он говорит: пу. Что вместе? Капу. Помни капу. С-т-а. Он говорит: ста. И вы заставляете его соединить всё вместе. И обратно: вы спрашиваете как разложить капуста — сначала на слоги, потом каждый слог на буквы.

Когда ребенок усвоит этот прием для двух и трехсложных слов, делайте то же самое, заставляя его читать и писать эти слова.

При этом необходимо обращать особое внимание на слоги, кончающиеся на *е*, и ни в каком случае не торопиться переходить от изустных упражнений к письменным.

На слоги, составляющиеся из одной гласной, надо обратить особое внимание: сначала в словах, начинающихся с гласной, а потом и в словах, где слог из гласной стоит в середине слова, как то показано в примере 7 и 8. Отдельно еще надо показать произношение э и ё, примеры 9 и 10.

1) Трава, стучи, крыса, блюдо, ключи, гроза, труба, крива, грива, груши, глина.

2) Шуба, перо, рука, люди, пуля, вилы, зима, липа, заря, горе, дыра, щека, вино, муха, рыба, тучи, море, кожа, поле, жила, куча, мука, баня, небо.

3) Земля, нитка, шутка, изба, пушка, пусти, кошка, давно, щипцы, ложка.[139]

4) Правда, прачка, просто, клетка, трудно, птичка, Мишка.

5) Страшно, склады, вздрогну, вскочу, кста-ти.[140]

6) Бумаги, картина, булавка, башмаки, деревня, иголка, старушка.

7) Яма, если, искра, изба, ужи, утки, умна, юбка, овцы, огни, осина.[141]

8) Воевода, заяка, неосторожно.

9) Это, эра, эка.

10) Лёва, рёва, нёба, тётка, щётка, берёза, верёвка.[142]

4

Полугласные, отличающиеся произношением от всех других, суть: ъ, ь, й. И для того, чтобы не путать ученика, надо приступить к ним только тогда, когда он уже будет вполне владеть остальными буквами.

Для выучения этих полугласных[143] надо заставлять ученика на слух складывать: *т-ъ — тъ, т-ь — ть*, и слова: ба-й (называя *и* — краткой), ро-й и т. д. и потом читать и писать эти слова. Слоги и слова эти поставлены в примерах. Сначала показать эти слог в конце слов, а потом в начале и середине, как показано в примерах.

После этого тут же показать ученику буквы: *ө* и *у*. [144]

бъ, вь.....

бь, вь.....

бай, бей, бой

дай.....

май.....

рай.....

МНОЙ.....
СПОЙ.....
ВРАЙ.....
ШЬЮ.....
ВЬЮШКА.....
СЪЕЛ.....

5

Умение произносить и употреблять буквы, как следует, состоит в том, чтобы, читая: готово, произносить: гатово, и, читая:[145] сат, писать: сад, и т. п.

Самые обыкновенные изменения произношений при различных падежах бывают в следующих буквах: 1) д — в т, 2) б — в п, 3) з — в с, 4) в — в ф, 5) г — в к, х, 6) ч — в ш, о — в а, е — в ё, ий — в ай, тся — в ца, и ова — в аго.

Заставляйте ученика читать упражнения, выговаривая внешнюю большую букву, и обращайтесь его внимание на то, как она пишется.

Особенно важно заставлять читать учеников сначала или только такие слова, которые пишутся, как выговариваются, или по прилагаемым упражнениям, а отнюдь не по всякой

книге, где слова встречаются по выговору непонятные.

Прочтя несколько страниц, заставьте ученика писать из головы самые простые фразы, рассказы или замечания, как, например: *У Пети голова не чесана, я вчера был здоров* и т. д., или под диктовку других учеников, но отнюдь не по книге.

Писать могут ученики и печатными, и скорописными, или теми и другими буквами вместе.

Учить писать скорописными буквами надо начинать только тогда, когда ученик уже свободно без слогов читает и, про себя быстро складывая, пишет.

При письме еще важнее замечание о том, чтобы не стеснять ученика требованием правильности. Пускай он пишет: малако, фкухню, фсат и т. п. Поправляйте его уже тогда, когда он кончил писать.

* № 14 (рук. № 15).

[ПЕРВЫЙ НАБРОСОК СТАТЬИ

«ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ»]

Три правила для учителя

1

Чем легче для учителя, тем труднее для ученика. Чем больше учитель будет обращать вниманья на ученика, чем больше спрашивать, показывать, тем скорее ученик выучится. Чем больше ученик будет предоставлен самому себе и занятиям, не требующим внимания учителя, как то: переписываньем, диктованьем, чтеньем вслух без понимания, заучиванием стихов, тем дольше будет учиться ученик.

2

Чем короче путь, тем непонятнее. Чем длиннее, тоже. <Чем меньше умственного усилия, вызванного интересом к делу, будет положено учеником, тем медленнее будет идти учение.> Если ученик не понимает, то виноват всегда учитель.

3

Ученик должен учиться с удовольствием. Основа удовольствия не в прибаутках и картинках, а в *совершении*.

ВТОРАЯ КНИГА

* № 15 (рук. № 4).

[РАБОТНИЦЫ И ПЕТУХ]

ВДОВА И РАБОТНИЦЫ

Одна хлопотливая вдова по ночам с петухами будила работниц и выгоняла на работу. Работницам тяжело стало бесперестанно работать, они и вздумали дворового петуха убить, потому, что он будит хозяйку. Случилось, однако, что как сделали они это, еще хуже им стало. Хозяйка, не слышучи петуха, еще раньше стала поднимать работниц.

* № 16 (рук. № 4).

РЫБАК И РЫБКА

Рыбак закинул сеть и вытащил рыбку. Она была маленькая и стала просить, чтоб рыбак ее не брал, а пустил, что она еще мала. Вот, говорит, как вырасту да стану большая, можешь поймать меня, и тогда я тебе в большую пользу буду. — Рыбак и говорит: Дурак бы я был, если б, когда у меня хоть малая прибыль в руках, я бы надеялся на будущую, хоть и большую.

* № 17 (рук. № 4).

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

В жару козел, давно не пивший, слез к воде под крутой берег. Когда он надулся так, что бока его раздулись, как бочка, он не мог вылезть назад на берег. Лисица, подошедшая к берегу, глядя на козла, смеялась над ним. Если бы у тебя было столько ума, сколько волос в бороде, ты бы прежде, чем слезать под кручь, подумал бы, как ты назад вылезешь.

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

В жару козел слез под кручь, чтобы напиться. Он напился и отяжелел, он никак не мог вылезть назад на берег. Лисица с кручи смотрела на козла и смеялась над ним. Она сказала ему: Если бы у тебя было столько ума, сколько волос в бороде, ты бы прежде, чем лезть, подумал, как ты назад выберешься.

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

Козел сильно зарьял и сошел в глубокий колодец напиться. Напившись вдоволь, никак не мог он назад вылезть и стал раздумывать и звать на помощь. Лисица увидала его

и говорит: То-то бестолковый! Коли бы у тебя, сколько в бороде волос, столько и ума было, ты бы прежде, чем слезать, выход бы высмотрел.

* № 18 (рук. № 4).

ЖУРАВЛИ И АИСТ

Мужик расставил силки в поле. Журавли сбивали его посев. Он их ловил и поймал с ними вместе аиста. Аист просил, чтобы мужик отпустил его. Он говорил: я не журавль, а аист, мы самые почетные из птиц. Я и отца твоего почитаю и служу ему. Видишь — и цвета-то мы не одинакового. Мужик сказал: С журавлями поймал тебя, с ними и зарезу.

* № 19 (рук. № 4).

[ВОЛК В ПЫЛИ]

Один волк хотел[146] поймать овцу из стада и, чтобы его не видно было, ходил всегда в пыли, которую поднимало стадо. Овчарная собака увидала его и говорит: Зачем ты всегда ходишь в пыли? Пыль вредна для глаз. Волк отвечал: А нарочно. У меня глаза болят, а говорят — пыль от стада вылечивает больные

Глаза.

* № 20 (рук. № 4).

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Сошлись раз зайцы и стали плакаться друг перед другом о том, что их жизнь непрочная и опасностей много. И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем всю жизнь бояться и мучаться.

Так они и положили и пустились все в озеро, чтоб там потонуть. Только как услышали лягушки заячий топот и забултыхали все в воду, один из зайцев — он подогадливей был — и сказал: Стойте, товарищи! Не делайте себе беды, видите — есть звери еще жалче нас с вами. —

* № 21 (рук. № 4).

[ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ]

МУЖИК И СЫНОВЬЯ

У мужика сыновья ссорились. Отец часто советовал им, чтоб в согласьи жили, они не слушались. Вот он велел им принести связку прутьев и дал сыновьям, чтоб сломали. Они

попытались, потужились, но не могли сломать. Потом отец развязал связку и дал каждому по одному пруту ломать. Сейчас же они поломали. — Отец и сказал: Так-то и вы, дети. Коли в согласьи жить будете, никакой враг вами не завладеет и вас не осилит; а если будете ссориться да спорить, легко вас всякий погубит.

* № 22 (рук. № 4).

[ТЕЛЕНОК НА ЛЬДУ]

<Теленок, упражнявшийся в быстрой скачке по закуте, прийдя зимой на водопой к врубленному в лед корыту, пригласил других телят любоваться на быстроту кругов, которые он будет делать по льду. Когда же он, раскатившись во все стороны ногами, ударился головой о корыто, он жалобно проговорил: Надо быть неудаче, когда столько дней, скакая по глубокой соломе, не падал, а тут на гладком льду сразу поскользнулся. <Корова, смеясь, сказала: Несчастье в том, что не знаешь ты того, что чем где легче скакать, тем труднее держаться.> Кабы ты был не теленок, — сказала старая корова, — ты бы знал,

что где легче скакать, там и труднее держаться.>

* № 23 (рук. № 4).

[ШАКАЛЫ И СЛОН]

Шакалы поели всю падаль в лесу, и им было нечего есть. Тогда старый царь шакалов придумал, как прокормить свой народ. Он собрал всех шакалов и пошел с ними к слону, который жил в этом лесу, и сказал ему: Наш народ недоволен своим царем и просит тебя придти к нам и над нами царствовать, мы будем делать всё, что ты велишь, и будем почитать тебя. Пойдем в наше царство. Слон согласился и пошел за старым шакалом. Шакал привел его в большое болото. Когда слон завяз в болоте, шакал спросил его, что он прикажет. Слон сказал: Я приказываю вытащить меня отсюда. Шакал засмеялся и сказал: Хорошо, ухватись за мой хвост, я вытащу тебя. <Слон сказал: Зачем ты говоришь это? Это невозможно.> Тогда все шакалы ушли, и когда слон издох в болоте, шакалы пришли и долго ели его.

* № 24 (рук. № 4).

ЦАПЛЯ, ЛЯГУШКИ И РАК

Одна цапля жила у пруда и состарилась. Когда она состарилась и не в силах была ловить рыбу, она придумала, как ей без труда ловить рыбу. Она сказала рыбам, что слышала от людей, будто этот пруд хотят спустить и рыб всех выловить. Она сказала: Я бы помогла вам, да вы ничему не верите. Рыбы сказали: Нет, мы верим, помоги нам. Цапля и уверила рыб, что недалеко есть глубокий хороший пруд, что про тот пруд люди не знают, и что цапля может переносить всех рыб в тот пруд. Рыбы согласились, и цапля стала носить рыб. Только она не носила их в другой пруд, а вылетала на поле и там съедала. В пруду жил рак. Когда цапля перенесла уже много рыб, рак сказал: Теперь перенеси меня в глубокий пруд. Цапля взяла и понесла его. Когда она вылетела на поле, она хотела его бросить, но рак увидал кости мертвых рыб и понял, как она обманула их. Он стиснул своими клещами шею цапли и удавил ее, а сам приполз назад в пруд и всё рассказал рыбам.

* № 25 (рук. № 4).

ЕЖ И ЗАЯЦ

Один раз заяц встретил ежа и стал смеяться над его ногами. Еж рассердился. Он знал, что у него кривые ноги, но не хотел про это слышать. Он сказал зайцу:

— У меня ноги хоть и кривые, а скорее твоих бегают.

Заяц засмеялся. Еж еще громче закричал: Скорее твоих. Давай наперегонку.

Заяц согласился.

И еж сказал: Я пойду домой, а потом побегим.

Заяц сказал: Когда хочешь.

Еж пришел домой и сказал: Жена, я с зайцем поспорил бежать наперегонку. Пойдем в поле.

А жена сказала: Ты с ума сошел, что хочешь спорить с зайцем, у него быстрые ноги, а ты насилу ходишь.

Еж сказал жене: У него ноги быстрые, а у меня ум быстрый. Я его хочу наказать за то, что он надо мной смеялся. Мы вот как сделаем. Мы выйдем на поле, и ты спрячься, сядь на одном конце борозды, а я с зайцем пойду

на другой конец. Мы побежим с ним. Как он разбежится, я вернусь назад и спрячусь. А как он прибежит к твоему концу, ты выскочи и скажи:

— А я уж давно тут!

Жена послушалась мужа и спряталась на другом конце борозды. А еж с зайцем побежали с другого конца.

Заяц побежал, а еж прошел три шага, воротился назад в борозду.

Заяц прибежал на другой конец, и он вдруг увидал ежову жену. Она выскочила из борозды и сказала:

— А я уж давно тут!

Заяц думал, что это тот же еж, и удивился.

Он сказал:

— Давай еще раз побежим назад! и припустил во все ноги. Но когда он прибежал на другой конец, еж выскочил из борозды и сказал: Ты только? я уж давно тут.

Заяц еще больше удивился и сказал:

— Ну, так побежим еще раз.

— Побежим, — сказал еж и опять спрятался в борозду, и опять ежова жена встретила зайца на другом конце.

И так заяц бегал 73 раза, и всякий раз, как прибежит на один или другой конец, еж уже сидит в борозде и говорит: А я уж вот он!

* № 26 (рук. № 4).

[УДАЧА]

СЧАСТЬЕ

Поехали люди на остров, где было много дорогих камней. Все люди старались найти больше. Они мало ели и мало спали, а всё работали и ничего не набрали. А один человек из них, как приехал на остров, так ничего не делал, а только ел и спал. Когда люди стали собираться домой, они разбудили этого человека; но он так разоспался, что не мог идти и всё падал. Когда он падал, то он цеплялся руками за землю и потом обчищал свои руки в карманы.

Когда все приехали домой, у этого человека были полны карманы алмазов.

* № 27 (рук. № 4).

[ЗОЛОТОВОЛОСАЯ ЦАРЕВНА]

<Шелк делается из червя. Некрашенный шелк цвета золотого. Червяк бывает сначала

яичком, потом червяком, потом куколкой, потом бабочкой. Бабочка кладет яички, и из яичек делается опять червяк, и опять куколка, и опять бабочка. Яичко бывает серое и не похоже на живое. Червяк бывает живой, и его кормят листом тутового дерева. Куколка бывает похожа на спеленутое дитя.>

Шелковичный червь рождается яичком, из яичка делается червем, из червя делается куколкой, из куколки бабочкой. А бабочка кладет опять яйца. Куколка червя делается из шелковой паутины: червь выпускает из себя эту паутину и в нее закатывается. Шелк некрашенный бывает золотистого желтого цвета. Когда червь заматывается в куклу, он бывает величиной в $\frac{3}{4}$ вершка, а когда он родится из яичка, то он не больше макового зернушка. Пока червяк вырастет, он 4 раза замирает и опять оживает. Первый раз он замирает на 5 дней, второй раз на 4 дня, третий раз на 6 дней, 4-й раз на 6 дней <и 5-й раз на 9 дней.>

В Индии был царь Линги, и <у него была одна> дочь. Дочь звали девой золотоволосой.

Мать золотоволосой девы умерла, и царь взял другую жену. Мачеха возненавидела золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать ее в пустыню. Золотоволосую сослали, но она не пропала, а на 5-й день на льве приехала назад к своему отцу.

Тогда мачеха сослала золотоволосую в горы, где летали только коршуны. Но коршуны стали кормить золотоволосую, и она на 4-й день вернулась к царю.

Тогда ее сослали на пустынный остров, но там рыбаки увидели золотоволосую царевну и на 6-й день привезли ее назад к царю.

Тогда мачеха, чтобы наверное погубить подчерицу, велела на дворе вырыть глубокий колодезь и туда зарыть золотоволосую. Но через 6 дней из того места, куда зарыли царевну, засветился свет, и когда царь велел раскопать то место, там нашли живую золотоволосую царевну.

Тогда мачеха велела выдолбить пень тутового дерева, посадить туда царевну и пустить ее по морю.

Море на 9-й день принесло золотоволосую царевну в Японскую землю, и там ее вынули

из дерева. Но она сейчас же умерла, и из нее
сделался шелковичный червь.

Японцы много разводят червей и первый сон червя называют сном льва, 2-й сон — сном коршуна, 3-й — сном лодки, четвертый сон — сном двора, а 5-й сон — сном дерева.

* № 28 (рук. № 4).

ЕРМАК

В городе Суздале жил мещанин Аленин. Не при чем ему было жить в Суздале, и он пожелал искать заработков. Во Владимире он сошелся с разбойниками. Разбойники дали ему повозку и лошадей, и Аленин извозничал и возил разбойников и их клажу по Муромским лесам. Когда стали ловить разбойников, Аленина взяли вместе с ними и посадили в тюрьму. Из тюрьмы Аленин убежал и ушел с семейством на Чусовую реку к купцам Строгановым. Там он работал, и сыновья и внуки его работали. У Аленина было два сына и пять внуков. Все были молодцы, но из молодцов молодец был внук его, сын Тимофея Василий. Он был из себя красив, росту среднего, в

плечах широкий, сильный, быстрый и речистый. Когда дед умер, Василий отошел от отца и пошел, подобрал себе артель и пошел на заработки. Ходил он в бурлаках и гонял с купеческими товарами суда по Волге и по Каме. Рядился с купцами он сам, и деньги раздавал товарищам, и харчи выдавал на народ. И тут прозвали его товарищи Ермаком. Прожил так Ермак года два и соскучился так жить. Захотелось ему погулять. Вот он, ездючи по Волге, и стал подманивать гулящий народ: Давайте, ребята, соберемте шайку, погуляем по Волге. Товаров богатых много, будем отбирать да прогуливать. И собралась к Ермаку шайка большая, и все его избрали атаманом. А Ермак себе в помощники взял давнишнего приятеля и товарища Ивана Кольцо. И положил всем товарищам такие правила. Жен и детей не иметь и от семьи отказаться. Атамана слушаться, а кто не послушает, того убивать. Добычу всю делить по одной части каждому товарищу, а атаману две. И стали они по Волге грабить. Грабили и купцов, и бояр, и царских послов, и города. Грабили, где мало народу. И много убивали народа, так что по всей Волге

прошел слух про Ермака, и все стали его опасаться. С Ермаком трудно было сладить и трудно было от него уйти, потому что народ у него подобран был ловкий и смелый, и сам он Волгу всю вдоль и поперек исходил, и всякий затон знал, да и силен был, и сметлив, и смел.

Один раз приплыл к нему с низовья один из товарищей и говорит: Ну, Ермак Тимофеевич, завтра здесь хороша добыча пройдет, да не одолеет наша сила. Тянут из Астрахани купцы судно с золотом и с камнями самоцветными, да на судне 50 человек молодцов ружейников. Не допустят они нас. А Ермак и говорит: Я один возьму их. И на другое утро поплыл на лодочке вниз по Волге, причалил к острову, вытащил лодку на берег, спрятал ее в кусты, и сам спрятался, и стал поджидать. К вечеру увидал он — тянут 12 лямочников судно, а на судне человек 50 с ружьями. Вот как бичева поравнялась с островом, Ермак выскочил из кустов, перерубил кинжалом бичеву и переплыл на берег к лямочникам, бросился на них с саблей, и каких убил, а каких разогнал. А судно тем временем понесло назад. А назади был под водой камень. Его только что

миновали купцы. Судно понесло назад на камень. Купцы всполошились, видят, что разобьет их судно, бегают взад и вперед и не знают, что делать. А Ермак побежал за судном, вскочил в воду, поймал бичеву, притянул к берегу, привязал к дереву и закричал купцам, чтобы они бросили ружья и кинжалы в воду. А что если не бросят, он пустит бичеву, и они разобьются об камень. Купцы побросали ружья в воду. Когда они побросали ружья в воду Ермак опять закричал им: Ну, теперь, купцы-молодцы, сами полезайте туда же. Купцы было не захотели прыгать в воду, стали разговаривать, тогда Ермак крикнул им: А коли не хотите, так я вас всех перестреляю, и выстрелил в них из ружья и убил одного. Тогда другие попрыгали в воду, и Ермак забрал всю добычу. —

Только прошло немного времени, стали купцы и бояре жаловаться царю, что по Волге от Ермака проезда нет, и стали просить войска. Царем тогда был И. В. Грозный. Царь Иван Васильевич сейчас послал на Волгу войско, и велел поймать разбойников, и двум старшим, Ермаку и Ивану Кольцо, отрубить

голову.

Пришло со всех сторон войско, и не стало больше Ермаку ходу по Волге. Вот он собрал своих молодцов и говорит им: Ну, ребяташки, погуляли мы с вами по матушке по Волге, потешили свои сердца молодецкие, погуляем последний раз, прогуляем всю нашу добычу и уйдем отсюда в дальние леса. Еще мой дедушка в Муромских лесах извозничал и меня с собой бирывал. Мне места знакомы. Места привольные. И там и по сухому пути много купцов ездит, и будет чем поживиться.

Казаки послушали атамана, прогуляли всё свое именье, и ушли с ним в Муромские леса, и там стали разбойничать. —

Только и оттуда послали жалобы к царю, и туда пришло царское войско. — Летом Ермак не робел войска, и прятался от него в лесах, и грабил по дорогам; а как пришла осень, он видит, что дело плохо, созвал казаков и стал им говорить: Братцы-казаки, водил я вас по Волге, водил по степям, по лесам — везде мы добра добывали, а худа не видали, теперь приходит нам дело плохо. На дворе зима, за нами войско царское. По снегу мы след да-

дим, и нам от войска не уйти, да и зимовать нам в лесах скучно. Пойдемте со мною, сведу я вас на свою родину — на реку Чусовую, там за Чусовой рекой есть земля Сибирь. — Земля эта богата. Там зверя, рыбы, мехов, скотины — всего много. Там житье хорошее и вольное. А пуще всего не забывайте, что здесь оставаться — петли не миновать, а туда пойдём — вольное житье найдем. Казаки стали думать. Одни соглашались идти, другие не соглашались, говорили, что далеко и что лучше идти на Украину, что там тоже житье вольное. Так и разбилась вся шайка на две половины. Одни пошли на Украину — человек 300, а 400 человек пошли с Ермаком, и Кольцо пошел со своим атаманом. Вот и пошли казаки с Ермаком на Каму, там отбили у купцов струга и поплыли в реку Чусовую.

* № 29 (рук. № 6).

СУХМАН БОГАТЫРЬ

*Как у ласкова
Князь Владимира
Пированье шло,
Шел почестный пир*

На бояр, князей,
Добрых молодцев.
Уж как солнышко
Стало к вечеру,
Как почестный пир
Идет в веселе.
На пиру-то все
Порасхвастались.
Глупый хвастает
Молодой женой,
А глупей того
Золотой казной.
Умный хвастает
Своей матерью,
Сильный хвастает
Своей силою,
Силой хваткою
Богатырскою.
А один сидит
Богатырь Сухман,
Богатырь Сухман
Одихмантьевич.
Он ничем Сухман
Да не хвастает.
Как и солнышко
Володимир князь
Сам по горенке
Он похаживает,

Желтыми кудрями
Он потряхивает.
Говорит ему
Таковы слова:
«Гой же ты, Сухман,
Богатырь Сухман
Одихмантьевич,
Что ничем, Сухман,
Ты не хвастаешь?
И не ешь, не пьешь,
И не кушаешь?»
Взговорил Сухман
Таковы слова:
«Уж коль хвастать мне
Добру молодцу,
Так похвастаю:
Привезу тебе
Лебедь белую
Я живьем в руках
Не кровавлену».
И вставал Сухман
На резвы ноги,
И седлал Сухман
Коня доброго.
Брал с собой Сухман
Свою палицу.
Еще брал Сухман
Нож кинжалище.

Выезжал Сухман
Ко синю морю,
Ко морской ко той
Тихой заводи.
Не нашел Сухман
Гусей, лебедей
В первой заводи.
Уезжал Сухман
К другой заводи,
Не нашел и там
Гусей, лебедей.
И у третьей
Тихой заводи
Не наезживал
Гусей, лебедей.
И Сухмантий тут
Призадумался.
Как поеду я
Теперь в Киев-град,
Что скажу теперь
Князь Владимиру.
Дай поеду я
К мать Непре реке.
Глядь, течет река
Непра матушка
Не по-старому
Не по-прежнему.
А вода с песком

Помутилася.
Стал Сухмантьюшка
Ее спрашивать:
«Что ж ты, матушка
Что, Непра река,
Что течешь ты так,
Не по-старому,
Не по-старому,
Не по-прежнему,
А вода с песком
Помутилася».
Испроvesщится
Так Непра река:
«Ой нельзя уж мне
Течь по-старому,
Течь по-прежнему,
По-старинному.
Как за мной стоят,
За Непрой рекой,
Сорок тысячей
Все татаровей.
Они мост мостят
С утра до ночи,
Намостят что днем,
В ночь то вымою.
Да из сил-то я,
Мать Непра река,
Уже выбилась».

И раздумался
Одихмантьевич:
«То не честь хвала
Молодецкая —
Не отведают мне
Сил татарских».
И пустил Сухман
Он добра коня
Через матушку,
Через Непру реку.
Его добрый конь
Перескакивал,
Подъезжал Сухман
Ко сыру дубу
Кряковистому,
Дуб с кореньями
Выворачивал,
За вершину брал,
А с комля дуба
Белый сок бежал;
И с дубиночкой
Той Сухмантьюшка
Напустил коня
Сваво доброго
На всю силушку
На татарскую.
И начал-то он
Той дубиночкой

Да помахивать.
Той дубиночкой
Поворачивать.
Как махнет вперед,
Станет улица,
Отмахнет назад,
Переулочек.
И побил он тех
Всех татаровей,
Убежало лишь
Три татарина.
Прибежали те
Три татарина
К мать Непре реке
И попрятались
Под кусточками
Под раки́т'выми.
Приезжал опять
Одихмантьевич
К мать Непре реке
И пустили те
Три татарина
Свои стрелочки
В Одихмантьича,
Во его в бока,
В тело белое.
Тут Сухмантьюшка
Эти стрелочки

Повыдергивал,
А кровавые
Свои раночки
Листьем маковым
Все затыковал,
А татаровой
Тех последних
Распорол ножом
Он кинжалищем.
И пустил Сухман
От Непры реки
Он ко Киеву,
Ко тому двору
Княженецкому
Князь Владимира.
Привязал коня
На дворе к столбу.
Сам входил Сухман
Во столовую.
А Владимир князь
Сам по горенке
Он похажива'т,
Желтым' кудрями
Он потряхива'т.
Взговорит-то сам
Таковы слова:
«Гой же ты, Сухман,
Богатырь Сухман

Одихмантьевич,
Что ж привез ли ты
Лебедь белую,
Мне живьем в руках,
Лебедь белую,
Не кровавлену
И не ранену?»
Взговорит Сухман:
«Ой, Владимир князь,
Мне, мол, было там,
За Непрой рекой,
Не до лебедя.
За Непрой рекой
Да за матушкой
Повстречались мне
Сорок тысячей
Злых татаровей.
Шли во Киев град
Те татаровы.
С утра до ночи
Они мост мостят,
А Непра река
В ночь мост выроет,
Да из сил она
Уже выбилась.
Напустил на тех
На татаровей
Я добра коня

И побил их всех».
И Владимир князь
Тем словам его
Не уверовал.
А велел слугам
Своим верным
Взять Сухмантия
За белы руки
И сажать его
В тюрьмы крепкие.
А Добрынюшку
Володимир князь
Посылал туда,
На Непру реку,
Чтоб проведал
Он про зар'ботки
Про Сухмантьевы.
И Добрынюшка
Оседлал коня
Он сваго доброго,
И выезживал
Добрый молодец
Во чисто поле.
Как приехал он,
Свет Добрынюшка,
К мать Непре реке,
Увидал — лежит
Вся побитая

Сила вражеска,
И дубиначка
Одихмантьева
Вся расщеплена
На лучиночки,
Промеж них лежит,
Там валяется.
И Добрынюшка,
Сын Никитьевич,
Ту дубиначку
С земли поднял
И привез ее
В стольный Киев град.
И Владимиру
Так Добрынюшка
Выговаривал:
«Правдой хвастает
Одихмантьевич:
За Непрой рекой
Лежит сила вся
В сорок тысячей
Тех татаровей
Перебитая.
Я привез с собой
И дубиначку
Одихмантьича.
На лучиночки
Та дубиначка

Вся исщеплена».
Взговорит тогда
Сам Владимир князь:
«Гой же слуги вы,
Мои верные,
Вы идите-ка
В тюрьмы крепкие,
Выводите мне
Одихмантыча,
Приводите мне
На ясны очи
Добра молодца,
Буду миловать
За услуги те
За великие;
Буду жаловать
Его до любви
Городками ли
С пригородками,
Еще селами
Да с приселками,
Золотой казной
Да бессчетною».
И пришли опять
Слуги верные
К тюрьмам крепкиим.
Говорят они
Таковы слова:

«Гой же ты, Сухман,
Богатырь Сухман
Одихмантьевич,
Выходи теперь
Из тюрьмы своей,
Ворочает князь,
Хочет солнышко
Тебя миловать
За услуги те
За великие
Тебя хочет князь
Он пожаловать».
Выходил Сухман
В поле чистое,
Говорил Сухман
Таковы слова:
«Не умел меня
Володимир князь
В пору миловать,
Не умел же он,
Ласков солнышко,
С умом жаловать,
А теперь меня
Не видать ему
Во ясны очи».
И выдергивал
Одихмантьевич
Из кровавых

*Да из раночек
Листья маковы.
Сам Сухмантьюшка
Приговаривал:
«Потеки, Сухман,
Ах Сухман река,
От моей крови
От горячей,
От горячей
От напрасные».*

ТРЕТЬЯ КНИГА

* № 30 (рук. № 4).

ЛИСИЦА

Одна лисица попалась в капкан, оторвала себе хвост и убежала. Ей было стыдно, и она захотела научить других лисиц сделать то же, чтобы ей не одной стыдно было. Она созвала лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубил хвосты. Она говорила, что хвост неприятно [?] и что совсем это лишняя и ненужная тяжесть. Тогда одна из лисиц сказала ей: Если б с тобой самой этого не случилось, ты бы нам этого не советовала.

Бесхвостая лисица ничего не сказала и ушла прочь.

* № 31 (рук. № 4).

ОЛЕНЬ

Оленю случилось сойти к ручью напиться. Он увидел по воде свою тень, и он радовался на свои рога, на то, что велики и развилисты. А глядя на ноги свои — печалился. Они ему казались и жидки и слабы. Еще пока он рассуждал, выскочил лев и погнался за ним. Олень пустился скакать и стал уходить. Пока было чистое поле, олень убегал, но как пришло место лесное, олень запутался рогами за кусты, не мог вырваться, и лев схватил его. Как пришло погибать оленю, он и сказал себе: Эх, я горемычной! На кого думал — изменят, те бы спасли меня,[147] а на кого надеялся, от тех пропал.

** № 32 (рук. № 4).

СОБАКА И ВОЛК

Собака заснула перед двором, а голодный волк набежал и хотел ее зарезать. Собака стала просить, чтоб не резал ее. Она сказала: Теперь я худа и костлява. Коли подождешь недолго, хозяева мои будут свадьбу играть, тогда я есть буду вволю и стану жирная, и я для

тебя много слаще сделаюсь. Волк послушался и ушел. Невдолге пришел опять волк и видит — собака лежит на крыше. Он стал снизу ее звать и напомнил ей уговор. Собака и говорит: Вот что, волк: коли впредь застанешь меня сонную перед двором, не дожидайся уж больше свадьбы.

* № 33 (рук. № 4).

[ЛОШАДЬ И ХОЗЯЕВА]

ОСЕЛ И ХОЗЯЕВА

Один осел работал у садовника. И работы было ему много, а корму мало. Он и стал молиться богу, чтоб ему избавиться от садовника и перейти к другому хозяину. Бог его услышал и велел горшечнику купить осла. Опять стал жаловаться осел; еще больше прежнего было работы: надо было и глину и горшки возить. Опять упросил осел, чтоб переменить ему хозяина, и продали его кожевнику. И как попал он к еще худшему хозяину, как увидел, чем его новый хозяин занимается, застонал осел и говорит: Ох горе мне горькому! Лучше б мне у прежних хозяев оставаться. Теперешний, я вижу, и из шкуры моей работает.

* № 34 (рук. № 4).

[ОЛЕНЬ И ВИНОГРАДНИК]

Олень убежал от охотников и спрятался в виноградник. Когда они его немного проминовали, олень подумал, что уж они его не найдут, и стал объедать виноградные листья. Охотники, как заметили, что листья шевелятся, вернулись назад и думают, не зверь ли тут в листьях. Оно и правда так было. Выстрелили и убили оленя. Олень и сказал умираючи: По делом мне, не надо было портить того, что спасло меня.

* № 35 (рук. № 4).

ТОПОР И ПИЛА

Два человека пошли в лес за деревом. У одного был топор, у другого пила. Когда они выбрали дерево, они стали спорить. Один говорил, что дерево надо срубить, а другой говорил, что надо спилить его. Ни один не уступал другому, и они стали драться. Третий человек услышал их спор и хотел помирить их. Он взял топор и стал рубить дерево; но топор не брал дерева, он был туп. Тогда он попытал-

ся спилить, но пила не резала. Третий человек сказал: подождите драться, ни топор, ни пила не срежут дерева. Но люди эти не перестали драться.

* № 36 (рук. № 4).

КОТ И МЫШИ

Завелось в доме много мышей. Узнал про то старый кот, забрался туда и по одной ловил и съедал. Увидали они, что пропадают по одной, и говорят: Давайте не будем больше вниз ходить, чтоб всем не пропасть. А сюда к нам коту не добратся. Так и уцелеем. — Как не стали больше сходить мыши, задумал кот хитростью вызвать их. Одной лапкой уцепился и свесился, а сам притворился мертвым. Одна мышь скосилась, выглянула на него да и говорит: Эй ты. Хоть мешком сделайся, не подойду.

* № 37 (рук. № 4).

[ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА]

Перепелка в лугу вывела детей. Когда пришло лето, мужик, скосивший луг, перемахнул косой через гнездо и открыл его невредимым.

Когда перепелка-матка вернулась, она с ужасом увидела детей своих открытыми. Дети же радовались тому, что они видят свет и свет их видит. Мальчик, принесший отцу-косу обедать, вынул детей, поиграл ими и бросил. Счастье возможно только в закрытии.

ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА

Мужики скосили луга. Один мужик перемахнул косой через гнездо перепела и не заметил, что гнездо с перепелятами стало наружи. Когда перепелка с кормом прилетела к гнезду и увидела, что всё голо кругом, она сказала детям: Наше счастье кончилось, нас все узнают теперь. Если не хотите пропасть, молчите и не шевелитесь. А перепелята сказали ей: Какое же несчастье, что свет увидит нас и что мы увидим свет. Мы давно ждали этого. Перепелка сказала им: Счастье только бывает в закрытии. Не шевелитесь и ждите ночи, я переведу вас в другое место. Но перепелята не послушались матери. Они стали пищать, свистать и радоваться. Ребята принесли мужикам обедать, услышали перепелят, увидели их и порвали им головы.

* № 38 (рук. № 4).

СОБАКИ И ПОВАР

Один повар готовил обед. Собаки лежали у двери кухни. Повар убил теленка и двух кур и бросил кишки и нечистоты в дверь. Собаки подхватили кишки, поели их и стали судить о поваре. Все собаки сказали: Он хороший повар и готовит хороший обед. Немного погодя, повар стал чистить артишоки, миндаль и каштаны и выбросил обрезки и скорлупу в двери. Собаки кинулись и [от]вернули носы. Они сказали: Прежде он хорошо готовил обед, а теперь он испортился, он дурной повар.

Но повар продолжал готовить обед. И обед съели и похвалили те, кому он был приготовлен.

* № 39 (рук. № 4).

ЦАРСКИЙ СЫН И ЕГО ТОВАРИЩИ

Сказка

У одного царя был сын. Народ не любил царя, а любил его сына. Отец стал бояться сына и невзлюбил его. Он призвал к себе сына и сказал: Ты только ждешь моей смерти и задум-

мываешь мне зло. Уйди из моего царства, или я посажу тебя в тюрьму, и ты навсегда останешься в ней. Царевич сказал, что не задумывает никакого зла и не желает смерти отца; но что, если он не угоден отцу, он уйдет странствовать.

Царевич простился с отцом и матерью, оделся в простое платье и пошел странствовать.

На пути с ним сошелся купец. Купец был молодой и ловкой и умный. Он рассказал, что он был прежде богат, но что все его товары потонули в море и что он идет в чужие края поискать счастья. Они пошли вместе.

На другой день с ними сошелся мужик. Мужик был тяжелый и здоровый. Он рассказал, что его поля растоптали и двор его сожгли воины и что он шел искать работы на чужую сторону.

Они долго шли все вместе и стали подходить к большому городу. У заставы они остановились отдохнуть и стали судить, как им войти в город и как они будут жить там. Обувь и платье у них износились и денег не было. Тогда мужик сказал: Теперь, товарищи,

надо показать, на что каждый из нас годен, надо хлеб зарабатывать. Царевич сказал: Я никак не умею зарабатывать свой хлеб. Я ничего не умею делать. А знаю, что с каждым случится то, что ему назначено. Купец сказал, что если так думать, то помрешь с голода, и согласился с мужиком. А мужик и слушать не стал и пошел в город. В городе он стал на базар и нанялся таскать дрова. Вечеру ему заплатили деньги, и он принес их товарищам. На другой день купец сказал, что собрался в город. Он взял те деньги, что заработал мужик, и с ними ушел. На базаре купец узнал, что в городе оставалось мало масла и каждый день ждали нового привоза. Купец пошел на пристань и стал высматривать корабли. При нем пришел корабль с маслом. Купец прежде всех вошел на корабль, отыскал хозяина и купил всё масло. Он сказал: вот тебе задаток, а деньги получишь к вечеру, и отдал ему мужиковы деньги. Потом купец побежал в город и стал перепродавать масло. Перепродал его, за свои хлопоты набрал денег в 100 раз больше против мужика и принес товарищам.

Тогда царевич сказал: Вам обоим было сча-

стве, только напрасно вы думаете, что вы сами что-нибудь сделали, вы сделали только то, что от бога было назначено. Я ничего не умею делать, но я пойду завтра в город и посмотрю, что богу угодно будет сделать со мною.

Наутро он пошел в город. Как только он вошел в ворота, он увидел много народа по улицам. Весь народ плакал и сокрушался. Все говорили про то, что царь их в ночь умер и что они не знают, кто будет над ними царствовать. Царевич прислушивался к тому, что говорили, и спрашивал про покойного царя. Народу не понравилось, что он их спрашивает и что из всего народа он один не плачет и не сокрушается. И вдруг один крикнул: Этот человек подослан к нам от чужого царя разузнать про наш город. Берите его и ведите в тюрьму. Царевича схватили, отвели в тюрьму и два дня не входили к нему, не давали ему пищи.

Царевич не печалился и думал, что так ему от бога назначено. На третий день пришли за царевичем и повели его на суд. По городу уж прошел слух, что поймали разведчика, и народу собралось много на суд.

На суде у него спросили: кто он и зачем

пришел в их город. Царевич рассказал им всю правду. Когда узнал весь народ, кто он такой, один из народа закричал: Нам бог послал этого царевича. Мы не найдем себе лучше царя. Выберемте его. И все выбрали его царем.

Когда его выбрали царем, царевич сейчас послал за город привести к себе своих товарищей. Купец и мужик тревожились об царевиче и хотели уже идти в город разыскивать его. Когда им сказали, что их требует царь, они испугались. Купец думал, что масляник пожаловался на него царю за то, что он без денег перекупил у него масло, а мужик думал, что его хотят взять в солдаты, но им нельзя было убежать, и их провели к царю. Они упали ему в ноги, но царь велел встать. Тогда они узнали своего товарища. Царевич сказал им: Видите ли вы, что моя правда: худое и доброе всё предназначено человеку. Я 3 дня сидел в тюрьме, а теперь меня выбрали царем. Он наградил их и оставил жить в своем царстве.

* № 40 (рук. № 4).

[СТРОГОЕ НАКАЗАНИЕ]

В Турецком царстве один бедный человек пошел на базар и купил говядины. Когда он нес говядину домой, ему повстречался начальник и спросил его, отчего у него лицо такое сердитое? Бедный человек отвечал: Я сердит за то, что на базаре обманывают весом. Я заплатил за три фунта, а мне дали только два. Тогда начальник сказал, чтобы он шел с ним назад на базар и показал бы того, кто обманул его. Бедный человек пошел назад и показал купца. Начальник свесил при себе мясо и узнал, что бедный человек сказал правду. — Тогда начальник сказал бедному человеку: Как ты хочешь, чтобы я наказал купца? — Я хочу, сказал бедный человек, чтобы ты велел вырезать из его тела столько мяса, на сколько он обманул меня. — Хорошо, сказал начальник: возьми нож и вырежь из купца фунт мяса. Только знай, что я накажу тебя, если ты вырежешь больше или меньше.

Бедный человек ничего не сказал и ушел домой.

* № 41 (рук. № 4).

БУЛЬКА И КАБАН

Так Булька жил со мной на Кавказе и ходил со мной в походы и на охоту. В походах ему делать было нечего, а только страшно было, что задаром убьют его, но ни разу он не был ранен, хотя часто был под выстрелом. Когда в нас начинали стрелять, он подходил ко мне и не отходил ни на шаг и изредка рычал, но махал хвостом. Чеченцев он знал и не любил их. Особенно он не любил немирных и узнавал их. Один раз он уцепился за черкеску немирному лазутчику.

На охоте ему то[же] не было никакого [дела], так как медведей не было там, где я был, а на кабанов он был не нужен. Один раз мы пошли на охоту за кабанями, и Булька прибежал за мной. Только что гончие погнажи, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце. Кабаны бывают тогда очень жирны. Вкусных ягод, винограду дикого, шишек, груш, яблок, ежевики, желудей, терновнику очень много в лесах. И когда эти [плоды] поспеют, кабаны наедаются их, жиреют. В это время кабан не долго может бегать от собак. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда,

если прежде никому не удалось убить его, мы все сбегаемся к тому месту, где он стоит, и стреляем. По лаю собак можно узнать, стоит ли кабан, или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют, а если он стоит, то они лают, как на человека, и воют. Когда Булька скрылся в лесу, я бегал на гон собак, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Он, верно, слышал меня и поворачивал прочь. И всё время я не видал Бульку. Наконец, я услышал[148] протяжный лай гончих собак и вой и побежал из последних сил к тому месту. — Чем дальше я шел, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уж был близко к лаю, но ничего не мог видеть. Вдруг я услышал треск сзади себя и увидал Бульку. Глаза его налились кровью, закушенный язык торчал в белых зубах. Он сопел и летел мимо меня. Потом я услышал, что что-то затрещало в чаще. Собаки громче залаяли, и Булька пронзительно завизжал. Я бегал уже часа три и падал от усталости, но тут ноги сами побежали, я не знаю как пробрался в чащу и увидал сквозь

ветви что-то черное. Это был кабан. Он стоял, опустив голову, против собак. Они страшно лаяли, и он посовывался то на ту, то на другую, и они отскакивали. Я прицелился в бок кабана, выстрелил и услышал, что он хрюкнул и бросился вперед после выстрела. Это значило, что я попал. Если бы я не попал, он бы дунул. Я не видал больше кабана, но близко слышал его треск. Собаки визжали и лаяли; видно, уже рвали его. Первое, что я увидел, это был Булька. Он был, видно, ранен, потому что визжал и лежал на боку. Под ним была кровь. Я только взглянул на него, побежал дальше и опять увидел кабана. Собаки хватали его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую. Когда он увидел меня, он бросился вперед и наскочил на второй выстрел в упор. Только, когда кабан совсем был убит, я вспомнил о Бульке и пошел его искать, но он полз мне навстречу. Мы рассмотрели его и увидели, что у него[149] распорон живот и кишки выскочили. Мы вставили ему кишки и зашили живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он всё лизал руки. У кабана на ухе был след[150] зубов Бульки. Он, верно, повис

на нем так же, [как] на медведе, но кабан клыком своим попал ему в живот. И только тогда бросил его. Я не думал, что Булька будет жив, но он выздоровел. Но уж на охоту с кабаном я никогда больше не брал его.

* № 42 (рук. № 4).

ФАЗАНЫ

На Кавказе так много фазанов, что они дешевле домашней курицы. Казаки охотятся за ними с кобылкой и с подсадю. С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку и парусину эту несут перед собой, так что фазан не видит охотника и не улетает. А охотник из-за парусины стреляет. А с собакой охотятся вот как: пустят собачонку в лес и слушают. Собачонка поднимет фазана. Он взлетит на дерево, и тогда собачонка начинает на него лаять. На этот лай идут, отыскивают фазана в сучках и стреляют. Бывает трудно пролезть в чаще к дереву, где сидит фазан, и трудно рассмотреть его. Когда собака одна лает на фазана, то он не боится ее, и сидит на сучке, и еще петушится на нее, и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека,

так вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его. А другой будет стоять подле и не будет видеть. Когда казаки подкрадываются к фазану, то они нагибают шапку на лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьем и больше всего боится его глаз.

Фазан вывелся весной, ни разу не видал человека, не может знать, что человек стреляет ружьем и целится глазами. Кто научил его бояться человека с ружьем, а больше всего его глаза?

* № 43 (рук. № 19).

БОГ ПРАВДУ ВИДИТ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТ

В городе Владимире жил купец <Егор Михеич> Аксенов. <Он торговал железом. У него был дом и две лавки.> У него была жена и трое детей. Один раз он поехал в Нижний на ярманку, <попрощался с семьей, и прежде чем ехать в дорогу, он послал в булочную взять полную тележку калачей и хлебов и велел отнести в острог. А жена говорит ему: Ты об колодниках больше чем об семье помнишь. И теперь не забыл об них. Купец засме-

ялся и сказал: Семья об себе напомним, а несчастных, если не пожалеешь, <то они> про себя не напомним.

А жена сказала: Какие они несчастные? они воры и убийцы. За хорошие дела их бы не посадили в острог.

Купец рассердился и сказал: Не нам с тобой судить, кто виноват и кто нет. А бог велит жалеть несчастных, не разбирая. Может быть, я сам хуже их буду. И купец уехал из дома и заехал в острог. В остроге его знали, потому что он каждый праздник привозил заключенным гостинцы и каждое светло Христово воскресенье выкупал из тюрьмы должников. Он роздал калачи и хлеба, и как вспомнил слова жены, его сердце еще больше разгорелось жалостью. Он спросил смотрителя, можно ли за сто рублей выкупить какого-нибудь должника. Смотритель сказал, что за 100 р. 2-х можно выкупить. Тогда купец дал ему деньги, <велел выкупить и сам поехал в дорогу.>

На половине дороги Аксенов съехался с знакомым купцом, и они вместе остановились ночевать. Они напились чаю и легли

спать в двух комнатах. Аксенов проснулся еще до света, собрал свои вещи, оделся и вышел в черную избу. Разбудил ямщика, велел запрягать, расчелся с хозяином и уехал. — В обед он опять остановился кормить, и только что лег отдохнуть, как вдруг к нему вошли становой и солдаты. Становой спросил у него: Ты ночевал на постоялом дворе прошлую ночь с купцом? — Ночевал. — Видел ты этого купца после того, как вы разошлись? — Нет, не видал. — Слышал ты что-нибудь ночью за перегородкой? — Нет, не слышал. — Зачем ты рано уехал со двора? — Я поехал раньше, чтоб раньше к месту поспеть. — Покажи твои вещи и сними платье. Аксенов снял платье и развязал свой чемодан и мешок. Становой стал чего-то искать с солдатами в платье, в мешке и в чемодане и вынул из мешка ножик. Он спросил: Это чей ножик? Аксенов сказал: Я не знаю, у меня такого ножа не было. — А отчего кровь на ноже? — Я не знаю. <И не знаю, об чем вы меня спрашиваете.> Тогда становой сказал: Ты зарезал купца на постоялом дворе. Поутру его нашли зарезанным на постеле. Больше некому было этого сде-

лать, потому что изба была заперта изнутри, и в избе никого, кроме тебя, не было. Теперь нечего отпираться. Вот и ножик в крови у тебя в мешке, стало быть это твое дело. Говори, как ты убил его и сколько ты ограбил денег. — Аксенов <испугался, побледнел и затрясся от страха. Он только> сказал: Не я это сделал. Я не видал купца после того, как мы пили чай с ним. Деньги у меня только мои. Вот 8000. А ножик я не знаю как попал ко мне. Тогда становой велел связать Аксенову руки и ноги и вести его на телегу. Аксенов побледнел, затрясся и больше ничего не говорил, а только читал молитвы. У Аксенова отобрали все вещи и деньги и отвезли в ближний город, посадили в острог[151] и стали судить. [152] Судили его за то, что он убил рязанского купца и украл <у него> 20 000 денег.[153] В том, что он убил рязанского купца, никто и не сомневался, потому что больше было некому, и ножик нашли у него в мешке,[154] а что 20 000 не нашли на нем, так все говорили, что он их спрятал или передал кому-нибудь, а ножик не успел спрятать или забыл.[155] — Только странно всем казалось, что, когда по-

слали в Нижний спросить, какой человек был Аксенов, все купцы и все жители в один голос сказали, что не только в чем-нибудь дурном его не замечали, но что не было у них в городе человека лучше и добрее и справедливее его.

[156] Жена Аксенова приехала к нему в острог и привезла детей. Аксенов испугался, когда увидал ее; он сказал: Я об себе не жалею, но мне жалко тебя и детей: за что вы прослывете семьей каторжника. Жена стала спрашивать его, как все это с ним случилось? Он всё рассказал ей. Она сказала: Как же быть теперь? Он сказал: Надо терпеть. За грехи мои бог наказал меня. Жена промолчала и сказала: Скажи мне правду: не ты сделал это? Тогда Аксенов закрыл лицо руками и заплакал. — Пускай чужие думают, что я убийца, а что ты на меня подумала, это ты меня зарезала, — и он пуще стал плакать. Он <не простился с женой>, поцеловал детей и больше ничего не сказал ей.

[157] Аксенова присудили наказать кнутом и сослать в каторжную работу. И так и сделали. Когда его секли кнутом, он не кричал, а

только читал молитвы. Потом, когда от кнута раны на нем зажили, его погнали с другими каторжниками в Сибирь. Офицер и солдаты полюбили Аксенова за то, что он был смиренный, не буянил и товарищей уговаривал, и жалели его. А товарищи каторжники сперва невзлюбили Аксенова за то, что он не хотел с ними пьянствовать; узнали его и также полюбили. Все прозвали его божьим человеком. В Сибири на каторге Аксенов жил 26 лет. Он стал старый и седой. Все не только любили его, но почитали, как отца, и называли дедушкой. Когда бывали просьбы, Аксенов ходил просить начальство; когда бывали ссоры, к Аксенову ходили судиться. Аксенов по праздникам ходил в острожную церковь и читал Апостол и пел на клиросе, а по будням он шил сапоги и читал Жития. Из дома никто не писал писем Аксенову, и он не знал, живали его жена и дети.

[158] Один раз на каторгу привели новых колодников. В тот же вечер все старые колодники собрались вокруг новых и стали их спрашивать, кто из какого города или деревни и за какое дело попал сюда. Аксенов тоже

подсел на нары подле новых и потупившись слушал, что кто рассказывал. Один из новых был здоровый мужик лет 60-ти. Он рассказывал, за что его взяли. Он говорил: Так, братцы, ни за что сюда попал. У ямщика лошадь отвязал от саней. Поймали, говорят — украл, а я, право, только доехать поскорее хотел, я бы лошадь пустил. И он засмеялся. — Что ж, братцы, греха таить, были дела, давно б следовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь из-за пустяков попал. Всё, ребята, судьба. Да я не тжужу. Бывал в Сибири, да не долго гостил. Подкопаюсь да уйду опять во Владимир. Там житье было. — Тогда Аксенов поднял голову и спросил, не знал ли он там Аксеновых. Как же не знать. Он назвал сына Аксенова — я у него жеребца увел. Богатый купец, даром что отец в Сибири, такой же, видно, как мы грешные. А ты сам, дедушка, за какие дела? — Я тот самый Аксенов. Я уж 26 год здесь понапрасну. — А тот засмеялся, сказал: Ну да ведь мы все понапрасну. И я тоже. Да дело давнее. Аксенов не хотел рассказывать; но другие товарищи знали всё, что с ним было, и они сказали новому, что этот старичок

точно понапрасну, и рассказали, как они знали, всё, что с ним было. Новый колодник, когда услышал всё дело, засмеялся еще громче, подошел к Аксенову и хлопнул его по плечу. Он сказал: Ну, дедушка, ты, видно, мне крестник. Ведь это я купца-то убил в Шабаловке на постоялом дворе и тебе ножик в мешок сунул. Я и тебя убить хотел, ты спал, да зашумел кто-то, я ножик сунул к тебе, да в окно. Ну, старик, не узнал тебя, сед же ты стал. И он хохотал. Скажи же спасибо, что не убил тебя тогда. Аксенов вздохнул и сказал: Все по грехам терпим, и отошел от него. И на Аксенова нашла злоба на этого человека. Он стал думать, что, не будь этого злодея, он бы жил счастливо дома, а что он всему виною, и ему убить хотелось этого человека. Он не мог спать всю ночь и мучался. Он знал, что грех сердиться, но не мог пересилить себя. Он молился всю ночь, <прочел псалмы> и к утру заснул. Утром он не подходил к новому колоднику и не смотрел на него. Так прошло две недели. Всякую ночь Аксенов не мог спать, и раз ночью он пошел по острогу и увидал, что из-под одной нары сыпется земля. Он остановился

посмотреть. Вдруг выскочил новый колодник и схватил за горло Аксенова. Раз ты от меня ушел, а теперь задущу. Если скажешь начальству, что я прокопал выход, убью. Аксенов не испугался, сказал: Убивай, я не боюсь тебя. Ты уже давно убил меня. Тогда новый колодник выпустил его и рассказал ему, как он прокопал проход под стеной и как он землю каждый день выносит, когда их гоняют на работу. Он сказал: Только молчи, я и тебя выведу. А если скажешь, то меня накажут до полусмерти, а тебя я убью. Аксенов сказал: Уходить я не хочу. Мне не долго жить, я здесь и умру. А сказывать про тебя не знаю, буду или нет. Как бог на душу положит.

На другой день солдаты заметили, что новый колодник высыпал землю, стали искать в остроге и нашли дыру. За то, что колодник хотел убежать, их наказывали до полусмерти. Начальник приехал в острог и стал всех допрашивать. Все отпирались и те, кто знал. Тогда начальник обратился к Аксенову. Он знал, что Аксенов был правдивый человек — и сказал: Старик, ты правдив, перед богом скажи мне, кто это сделал. Аксенов погля-

дел на нового колодника, он был бледен, и губы его тряслись, помолчал и сказал: Я не видал и не знаю. Так и не узнали, кто подкопался. После этого долго ни Аксенов, ни новый колодник не сходились и не говорили друг с другом. Один раз Аксенов спал на своей наре — он мало спал и спал слабо, как все старики. — Он услышал, что кто-то сидит у него в ногах и плачет. Он посмотрел и в темноте узнал нового колодника. — О чем ты плачешь?

Новый колодник: — Или мне тебя убить надо, или ты меня прости. Ты мне жить не дашь. Ты мне по ночам снишься.[159] Батюшка! Горький ты мой сирота. Прости меня, — и он взвыл, как баба. Аксенов заплакал, и у него легко стало на душе. Он сказал: Бог простит тебя, может быть я в 10 раз хуже тебя.

С тех пор Аксенов и новый колодник не расходились, и новый колодник, как раб, служил Аксенову, караулил его и слушал его слова и молитвы, когда он читал. Новый колодник сказал раз: Мне мало, что ты простил меня. Мне больно смотреть на тебя. Сердце мое всё изболело. Когда меня кнутом секли, мне

много легче было того, как болит мое сердце. Я объявлю, что ты не виноват, а скажу, что я сделал, мне хуже не будет.

А Аксенов сказал: И мне лучше не будет. Куда я пойду теперь? Жена моя умерла. Сын мой забыл, что я колодник, а я пойду ему напоминать про себя. А бог знает всё. Лучше оставаться попрежнему. <И Аксенов не позволил новому колоднику объявляться. На 27 году пришло Аксенову облегчение, чтобы поселить его в Сибири на поселенье. Когда он собрался уходить, он плакал, прощался с товарищами.>

<Так Аксенов прожил еще 5 лет в остроге, а потом его поселили в Омской губернии, и новый колодник вышел с ним.>

Но новый колодник не послушался, объявился; только когда вышло Аксенову разрешение вернуться, он уж <давно> умер.

Начало варианта былины «Вольга Богатырь».

* № 44 (рук. № 6).

[ВОЛЬГА БОГАТЫРЬ]

Что не часты ярки звезды
Рассажились по поднебесью,
Что не ясен светел месяц
Просветил в высоком небе,
Что не красно жарко солнце
Воссияло над землею,
Народился в Русском царстве
Богатырь Вольга могучий.
От того ли от рожденья
Мать сыра земля тряслася,
Всколыбалось сине море,
Звери в чащицы схоронились,
Рыбы вглубь забилась моря,
Птицы в небо улетели,
Затряслось Турецко царство.

Как семь лет минуло Вольге,
Задавался он в ученье
К мудрецам семи на выучку.
Семь годов учили Вольгу,
И в наук пошло ученье.
Обучался Вольга мудростям:
Оборачиваться птицей,
Всякой мелкой полетучей,
Еще науном птицей страшной,
Оборачиваться рыбой,
Рыбой щукою зубастой,
Оборачиваться зверем,

Всяким мелким поскакучим,
Еще левом лютым зверем.
Как в пятнадцать лет стал Воль-
га,
Подбирал себе дружину,
Без едина собрал тридцать
Молодцов всё одноплетков,
Становился сам тридцатым.
Взговорит Вольга дружине:
Вы, дружина моя храбра,
Расстанавливай по лесу
Вы шелковы веревочки,
В темный лес да по земли,
Вы зверей ловите диких,
Вы лисиц, куниц, соболей;
Вы ловите 3 дни, 3 ночи.
И послушалась дружина:
Вили силочки шелковы,
Расстанавливали по лесу
И ловили 3 дни, 3 ночи.
Не поймали[160] ни шерстиночки.

Повернулся Вольга зверем,
Поскакал он левом зверем
Во темны лесы, в дремучи,
Заворач'вал куниц, лисиц,
Черных соболей пушистых,
Горностаев, зайчиков,
Наловился зверя досыта.

Взговорит Вольга дружине:
Вы, дружина моя храбра,
Вейте сильшки шелковы,
Становите силки в лес,
В темном лесе на макушках,
Вы ловите всяку птицу:
Гуся, леб'дя, серу утку,
Еще малу птицу пташку,
Вы ловите три дни, 3 ночи.
Молодцы повили силочки,
Те силочки становили
В темном [лесе] на макушках
И ловили три дни, три ночи,
Не поймали ни пташки.
Вольга птицей-повернулся,
Науном птицей страховитой,
Полетел под поднебесье,
Заворочивал гусей, лебедей
Да заворочивал мелку пташку
Наловилса птицы досыта.
Взговорит Вольга Всеславич:
Вы, дружина моя храбра,
Вы берите-ка топорики,
Вы рубите судна плавные,
Вы вяжите сети мелкие,
Выезжайте в сине море,
Вы ловите рыбу всякую:
Семгу рыбу и белугу,

Еще рыбы осетрины,
Вы ловите 3 дни, 3 ночи.
Молодцы суда рубили,
Сети мелкие вязали,
Выезжали в сине море
И ловили 3 дни, 3 ночи,
Не могли поймать и рыбки.
Вольга рыбой оборач'вался,
Рыбой щукою зубастой,
Побежал по синю морю,
Заворач'вал в сети рыбу,
Рыбу семгу и белугу,
Еще рыбу осетрину,
Наловился рыбы досыта.
И кормил Вольга дружину
Едой сладкой, переменной,
Одевал в мех соболиный.
Взговорит Вольга дружине:
Зверей, птиц и всяких рыб
Мы досыта наловились,
Дай пойдём в Турецку землю
Попытать сил богатырских.
На слова те соглашалась
Вся дружина его храбра.
Взговорит Вольга дружине:
Кто из молодцов возмется
Сбегать во Турецко царство,
Чтоб царя Салтан проведать,

Что он царь Салтан советует
Со царице[ю] Давыдъевной.
Того молодца пожалую
За услугу за великую.
Никто Вольге не ответил,
Хоронился стар за среднего,
<Средний> — за меньшего,
Нет ответа и от меньшего.
Взговорит Вольга дружине:
Видно, нет из вас, ребята,
Нет из вас молодчика
Сослужить мне службу верну.
Самому идти мне будет.
Повернулся Вольга птицей,
Взвился Вольга по подоблачью,
Полетел в Турецко царство,
Садился к Турец-Салтану
На косящето оконцо,
Слушал речи потаенны.
Говорит Салтан турецкий
Со царицей Давыдъевной:
Ты, царица ли Давыдъевна,
Ты не знаешь мои выдумы.
Говорит ему царица:
Гой же царь Салтан турецкий,
Ты скажи мне, что придумал,
Ты скажи ли свои выдумы.
Говорит Салтан турецкий:

*Я пойду войной в Расею,
Завоюю девять славных
Городов российских лучших.*

[III]

ВОЛЬГА-БОГАТЫРЬ

*Что не ясен светел месяц просветил
в высоком небе,
Что не ярки часты звезды рассыпались
под небесью,
Воссияло красно солнце над землею
Святорусской:
Народился в земле Русской богатырь
Вольга могучий.
От рожденья богатырска мать сыра
земля тряслася,
Всколыбалось сине море, ушла рыба
в глубь морскую,
Звери в чащи схоронились, потряслось
царство Турецко.
Семи лет задался Вольга, на семь лет
сроку в ученьи.
И в наук пошло ученье — всю премудрость
понял Вольга.
Понимал он первую мудрость —
оборачиваться птицей,
Еще понял другу мудрость —
оборачиваться рыбой,*

Еще понял третью мудрость —
оборачиваться зверем.
Во пятнадцать лет от роду
взматерел — повырос Вольга
И собрал себе дружину молодцов
всё однолетков,
Тридцать братьев без едина, ста-
новился сам в тридцатых.
Как и стал Вольга с дружиной на
крутом яру у Киева.
Взговорит Вольга дружине: «Вы,
дружина моя храбра,
Тридцать братьев без едина, сам
я Вольга во тридцатых,
От великой нашей славы, от уда-
чи молодецкой
Ушла рыба в глубь морскую, во
становья во глубоки,
Схоронились звери в чащи — во
глухи ломы забились.
Братцы, слушайте приказа брата
больша Атамана.
Повяжите часты сети, вы тоне-
вьица шелковы,
Опускайте в сине море, вы ловите
мелку рыбу,
Красну семжинку, белужку, доро-
гую осетринку.

И дружина его храбра брата слу-
шала большого,
Повязала часты сети, опускала в
сине море.
Повернулся Вольга рыбой — щу-
кой рыбою зубастой,
Во станы поплыл глубоки, распу-
гал всю мелку рыбу,
Красну семжинку, белугу, дорогую
осетрину.
И загнал во часты сети, во тоне-
вьяца шелковы.
Вынимали полны сети из глубока
синя моря.
Как и стал Вольга с дружиной на
крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга дружине: вы,
дружина моя храбра,
Половили мы всю рыбу из глубока
синя моря,
Половить ли будет зверя из тем-
ных лесов дремучих.
Братцы, слушайте приказа боль-
шего брат атамана.
Вейте шелковы веревки, по сырой
земле становьте,
Во темном лесу на тропах, на
звериных переходах,

Выловляйте кунна зверя, черна со-
боля, лисицу,
Пушных белок, горностаев; поска-
кучих белых заек.
И дружина его храбра братца слу-
шала большого,
Вида шелковы веревки, становила
в темном лесе,
По сырой земле на тропах, на зве-
риных переходах.
Повернулся Вольга волком, поска-
кал в ломы глухие,
Распугал из чащи зверя, загонял в
шелковы петли.
Переловили кунна зверя из тем-
ных лесов дремучих.
Как и стал Вольга с дружиной на
крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга дружине: брат-
цы, вы, дружина храбра,
Половили мы всю рыбу из глубока,
синя моря,
Половили кунна зверя из темных
лесов дремучих,
Есть удал ли добрый молодец со-
ходить в царство Турецко
Ко царю Салтан Бекету сведать
думу его царску,

Снаряжается ль войною на землю
на Святорусску,
Молодца за ту услугу — буду жа-
ловать до воли.

На слова те Вольга больший за се-
реднего тулился,
А средний за меньшого, от мень-
шого нет ответа.

Взговорит Вольга дружине: Вид-
но, мне Вольге доходит
Ко царю идти Салтану, сведать
думу его царску.

Снаряжается ль войною в нашу
землю Святорусску.

Вы, дружина, здесь пождите, с
оборотом буду скоро.

Повернулся Вольга птицей, взвил-
ся в облака ходячи,

Прилетел в Турецко царство, ко
царю Салтан в палаты,

На окошечко садился, слушал ре-
чи его тайны.

Говорит Салтан с царицей, со Да-
выдьевной женою:

«А ты знаешь ли, царица, мои вы-
думки большие,
Я на Русь пойду войною, девять го-
родов Российских

Девяти сынам подорю, [161] себе
возьму Киев город».
Взговорит ему царица: «Гой ты
царь Салтан Бекетыч,
Али ты того не знаешь, просве-
тил на небе месяц,
Просияло красно солнце над зем-
лею Святорусской,
Народился в земле Русской бога-
тырь Вольга могучий,
От рожденья богатырска мать
сыра земля встряслася,
Всколыбалось сине море, ушли ры-
бы в глубь морскую,
Звери в чащи схоронились, по-
тряслось царство Индейско.
Во 15 лет от роду взм[атерел —
повырос Вольга]
И соб[рал себе дружину молодцов
всё однолеток]
30 м[олодцев без едина, становил-
ся сам в тридцатых.]
Богатырь Вольга пытается наши
думы с тобой царски,
И сидит он на оконце, наши речи с
тобой слышит».
Вольга сударь догадался, солетал
с окна на землю,

Оборачивался зверем, мелким зверем горностаем,
В погреба бежал глубоки, надкусал тетивки в луках,
Повыймал из стрел железцы, выбегал во чисто поле,
Взвился птицей под небесью, прилетел к своей дружине.
Как и стал Вольга с дружиной на крутом яру у Киева,
Взговорит своей дружине: братьцы, вы, дружина храбра,
Убирайтесь в сбрую ратну, выходите в чисто поле,
Во раздолье во широко, к славну городу Турецку.
И его дружина храбра снаряжалась, поднималась,
Выходила в чисто поле, к славну городу Турецку.
Стоит город огорожен белокаменной стеною,
Ворота в стене железны, по була-ту серебряны,
В воротах крюки засовы крепкой меди золочены,
Подворотня рыбьей кости, по ней вырезы мудрены,

Мелки вырезы мудрены, мурашу
пролезть ли впору
Караулы денны, нощны, нет про-
езду, ни проходу.
Закручинилась дружина. Взгово-
рит большому брату:
Атаман наш большой братец, ин
завел ты без рассудку
Нас ко городу Турецку, во раздолье
чисто поле.
Стоит город огорожен бе-
лок[аменной стеною],
Ворота [в стене железны, по бу-
лату серебряны,
В воротах крюки засовы крепкой
меди золочены,
Подворотня рыбьей кости, по ней
вырезы мудрены,
Мелки вырезы мудрены, мурашу
пролезть ли впору,
Караулы денны, нощны, нет про-
езду, ни проходу.]
Погубить будет дружине нам го-
ловушки напрасны.
Он догадлив был Вольга, сам му-
рашом ли повернулся,
Мурашами оборачивал всю дру-
жину свою храбру,

Пролезал с своей дружиной в ко-
стяную подворотню
По тем вырезам мудреным, стал
с дружиной за стеною.

Как и стал Вольга с дружиною,
молодцами с сбруей ратной,
Взговорит Вольга дружине: «Вы,
дружина моя храбра,
Братцы, слушайте приказа боль-
ша брата атамана,
Побивайте стар и мала, изведите
всех до корня,
А оставьте по выбору[162] толь-
ко тридцать красных девиц».
Храбра Вольгина дружина поруби-
ла стар и мала,
Оставляла по выбору только
тридцать красных девиц.
Сам Вольга шел ко Салтану во па-
латы его царски.
Сидит царь Салтан в палатах во
больших крепких запорах,
У палат двери железны, а крюки,
засовы медны.
Говорит Вольга на двери: хошь
сломать ногу, а выбить.
Пнул ногой в двери железны, поло-
мал засовы медны,

*Брал царя за руки белы, говорил,
да не с упадкой:
Ой ты, славный царь индейский,
не казнят царей, не бьют вас.
Ухватя, ударил об пол и расшиб
царя на крохи.
Как и стал Вольга с дружиной в
славном городе Турецком,
Стал делить Вольга добычу, оде-
лял он всех по ровну,
По девице дал на брата, а коров
делил по стаду,
Табунами делил коней, красно зо-
лото по кадке.*

* № 45 (рук. № 27).

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

3-я книга разделяется на 1) Басни, 2) Сказки, 3) Рассказы и описания, 4) Научное, 5) Стихи, 6) Славянское, 7) Счет. О чтении и рассказе то же, что при 1-й и 2-й книгах. В русском отделе, за исключением былин, вставлены следующие упражнения: В первых баснях (до Царь и сокол) обозначены особым шрифтом особенности окончаний сперва винительного, потом родительного, отдельно дательный, творительный и предложный падежи.

Упражнения должны состоять в том, чтобы ученик составлял речения с употреблением того или другого падежа и узнавал падежи при чтении. В дальнейших баснях и сказках обозначены окончания падежей вместе. В отделе III обозначены окончания родов единственного и множественного числа прилагательных. На эти упражнения следует обратить особое внимание, так как понятия среднего рода часто у детей и у народа вовсе не существует, и они говорят: моя ружье, сухая сено и т. п.

В III отделе до статьи *Чутье* обозначены наречия. Упражнения должны состоять в составлении наречий и в узнавании их при чтении. Статьи от *Чутья* и до *Былины* должны служить упражнением для повторения всего предшествующего.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

* № 46 (рук. № 4).

КАМЫШ И МАСЛИНА

О силе, крепости спорили маслина и камыш. Маслина срамила камыш, что он бессильный и легко гибается перед всеми ветрами. Камыш промолчал. Вскоре сильный по-

дул ветер; камыш зашатался, согнулся и уцелел. А маслина, как напружилась против ветра, сразу сломалась.

* № 47 (рук. № 4).

[ДВА ТОВАРИЩА]

ДВА ПРИЯТЕЛЯ

Два приятеля шли по дороге. Выскочил медведь. Один упредил другого, влез на дерево и там спрятался. А другой упал наземь и притворился мертвым. Медведь стал мордой обнюхивать его, а он перестал дышать. Говорят, мертвых не трогает медведь. Как ушел медведь, тот слез с дерева и спросил у товарища, что ему медведь на ухо говорил. — А он мне сказал, чтоб впредь не ходить в дорогу с такими товарищами, какие в опасности не остаются вместе с товарищем.

* № 48 (рук. № 4).

[КОРОВА И КОЗЕЛ]

КОЗЕЛ ДОИТЬСЯ ПРИШЕЛ

Козел, ходивший в стаде, завидовал хозяйской корове в том, что, как только корова

приходила домой, хозяйка, садясь под корову и накладывая ей ручник на спину, давала ей поило с хлебом и солью. Предполагая, что корове оказывается предпочтение за то, что она с ревом первая прибегает из стада, однажды опередил корову и, прибежав первый к хозяйке, козел, расставив ноги и мыча, стал подле скамейки, ожидая, что ему положат ручник на спину и дадут поило. Хозяйка, увидав козла, отгоняя, махнула на него ручником, но козел, вспомнив, как хозяйка ежедневно увещевала корову стоять смирно, решил быть послушнее коровы и, продолжая мычать; не тронулся с места. Тогда хозяйка, взяв дубину, избив козла, прогнала его. — А говорят, что смирение и покорность уважаются[163] людьми, сказал козел с печалью. Я только могу презирать их невежество. — Ты больше ничего не можешь дать людям, презирающим тебя, сказала корова. Смирение и покорность уважаются только тогда, когда они сопутствуют достоинству.

* № 49 (рук. № 4).

[МУЖИК И ВОДЯНОЙ]

ПЛОТНИК И ВОДЯНОЙ

Плотник уронил топор в реку и не знал, что ему делать. Он сидел и горевал на берегу. Водяной узнал, о чем он горюет, пожалел этого человека, сошел в реку, вынес золотой топор и спросил, что его ли это топор. Плотник сказал, что нет, и водяной спустился опять в реку и вынес серебряный. Плотник опять сказал, что не его топор, и водяной опять спустился и вынес настоящий топор. Плотник сказал, что этот точно его топор, и водяной за правдивость его подарил все три топора. Вернувшись, рассказал товарищам всё, что с ним случилось. Один из них и задумал то же самое проделать: пошел к реке, нарочно бросил свой топор в воду и заплакал, сел на берегу. Водяной и этому явился и, узнавши, о чем плачет, опустился и вынес золотой топор и спросил, этот ли уронил? Тот обрадовался и закричал: как же, тот самый. Рассердился водяной за его неправду и не только золотого не отдал, но и его собственного назад не отдал.

* № 50 (рук. № 4).

[ВОРОН И ЛИСИЦА]

Ворон унес кусок мяса и сел на дерево. Ли-
сица увидала его и ей захотелось этого мяса.
Она и стала хвалить ворона, что он и велик и
красив. Она сказала: Быть бы тебе царем всех
птиц, кабы у тебя при твоей красоте еще бы и
голос был. Ворон хотел показать, что у него
есть голос. Бросил мясо и закаркал. Тогда ли-
сица подбежала к мясу, взяла его и говорит:
Ах, ворон, коли бы еще у тебя ум был, быть бы
тебе царем.

* № 51 (рук. № 4).

[ОТЧЕГО ЗЛО НА СВЕТЕ]

Один пустынный жил в лесу, и звери и
птицы не боялись его и приходили к нему. И
они говорили между собой, и он понимал их
голоса. Один раз ворон, голубь, олень и змея
собрались ночевать к тому дереву, под кото-
рым жил пустынный. Они стали спрашивать
друг друга, какое самое большое зло на свете.
Ворон сказал: Самое большое зло на свете —
это голод. Когда голоден, то худеешь и дела-
ешься скучен и беспокоен. Когда я голоден, я
уж ничего не боюсь, и бросаюсь на всякую пи-
щу, и не вижу, что в меня бросают. Мы часто

погибаем от этого. Вот отчего голод самое большое зло на свете.

Тогда голубь сказал: По-моему, самое большое зло на свете — это любовь. Когда мы любим, мы сами себя забываем и от этого часто пропадаем.

А змея сказала: По мне, не любовь и не голод самое большое зло, а самое большое зло — это гнев. Мне стоит рассердиться, и я ничего не помню, я и отца и мать свою закусую. Мы часто сами себя съедаем от злобы.

Потом олень сказал: Нет, по мне, главное зло — это страх. Когда мы в лесу или в поле, мы всякую минуту дрожим. То нам кажется, что мы слышим охотников, то волков, и мы бросаемся куда попало, и попадаем в овраги, и ломаем себе ноги и шеи. И самка бросает детей. Так сильно мы боимся. Вот отчего страх главное зло.

Тогда пустынный сказал им: Главное зло на свете — это наше тело. От него все наши страдания. От него и голод, и любовь, и злоба, и страх.

** [ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ]

Первая редакция

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

Когда я был молодой, я любил ездить на охоту за медведями.

Медведи летом ходят по лесам и полям, а по первому снегу ложатся в лесу и не встают всю зиму.

Когда мужики ходят по перевозимью по лесу, они находят на следы медведей и по следу идут до тех пор, пока не придет овраг или густой лес, и тогда они бросают след, и идут влево или вправо, и делают большой круг, так чтобы вернуться на свой прежний след. Когда из круга этого нет выхода следа, то мужик знает, что медведь наверное в этом кругу. Если же след вышел, то мужик опять идет по следу и опять обходит до тех пор, пока из круга не будет выхода. Когда медведь обойден, то мужик продает след охотнику и караулит медведя, чтобы кто-нибудь другой не подбудил бы медведя и не прогнал его.

У меня был знакомый мужик Архип в Новгородской губернии. Он ходил и ездил по округе и спрашивал у мужиков медвежьих

следов. Когда мужики говорили, что у них есть следы, Архип сам обходил медведя, чтобы видеть, что есть вход, а нет выхода, и когда видел, что это правда, покупал медведя и ехал ко мне в Москву и мне продавал медведя. Мужикам за след мы платили 15, 20, иногда 30 рублей за след. В начале зимы Архип приехал к нам в Москву и продал два следа. У меня были дела, и нельзя было ехать, а брат мой поехал с двумя приятелями на этих медведей. Одного из них убили, а другой ушел от них. Мой брат стрелял в него и ранил его. На снегу видна была кровь, но медведь ушел. Брат мой очень жалел, что медведь ушел: он говорил, что никогда не видал такого огромного и черного медведя.

Перед рождеством Архип опять приехал к нам и сказал, что прежний огромный черный медведь опять обойден. Мы собрались и поехали с Архипом: мой брат, наш знакомый старый полковник Иван Никитич и я. Мы послали вперед Архипа, чтобы он нам приготовил лошадей, а сами поехали на другой день по чугунке. В 7 часов вечера, когда мы вышли на станции чугунки, Архип встретил нас, и

двое маленьких санок в две лошади гуськом дожидались нас. Мы уложили ружья, запасы, оделись потеплее, подпоясались, уладили из сена сиденье в санках и поехали. Снегу было так много, что от кустов виднелись только макушки, что в деревнях, где мы проезжали, плетни были занесены до верху и сараи до крыш. Мы ехали долго сосновым лесом, и в темноте покрытые снегом деревья казались огромными белыми стенами и воротами. И сквозь эти белые стены и ворота блестели и дрожали яркие звезды на темном небе. Было так морозно, что мы часто выскакивали[164] из саней и бежали за лошадьми и били руками. Несколько раз на ухабах мы вываливались из саней. Спать нам никому не хотелось, мы только думали о завтрашней охоте, смеялись и шутили. В деревнях мы подносили водки ямщикам и Архипу, и они развеселились и всю дорогу пели песни. Когда мы приехали в деревню, откуда нам завтра надо было идти на охоту, было уже поздно, и мы издали слышали уж, как пели петухи. В избах уж легли спать. Архип разбудил хозяев, баба засветила огонь, и мы вошли в жаркую избу,

сняли шубы и стали отлеплять сосульки на усах и бороде. Иван Никитич сейчас же лег спать, а мы с братом напились чаю, поговорили и, когда и легли на полу на сене рядом с Иваном Никитичем, не могли заснуть: мы всё думали о завтрашней охоте. Я долго не мог заснуть. Я всё думал об медведях, и мне всё представлялось, как огромные черные медведи гуляют под белыми снеговыми воротами, которые мы проезжали. Я слышал, как храпел Иван Никитич, как свистел носом и чмокал губами брат, как Архип молился богу и потом залез на палати, как тараканы бегали по столу, как петухи чаще и чаще кричали, как ревели на дворе овцы и корова и как в другой избе захлопали дверью и поднялись хозяева. Мне показалось, что светает, я встал и вышел в сени. Еще до утра было далеко. Светлее стало только оттого, что перед утром встал месяц. Было очень холодно, и пар, как дым, вырывался из двери избы. На дворе стояли наши санки, и лошади одни лежали, другие стояли и жевали сено. Все они обьяндевели от холода и были седые. Я вернулся, лег и заснул. Меня разбудил брат. Самовар был готов, было

светло, и Архип с двумя мужиками сидел тут же и пил чай на блюдечке. Я вскочил, оделся, умылся, зарядил ружье и, обжигаясь, выпил чаю. Всё уже было готово. Толпа мужиков и баб загонщиков с дубинами стояла на дворе. Была прекрасная погода, пасмурно и всё точно замерло. Архип в одном коротком кафтане, туго подпоясанном, с лыжами через плечо распорядился ими и повел их из деревни. Немного погодя мы с ружьями и лыжами сели на санки и поехали в лес, где был медведь. Это было не более 3-х верст от деревни. Впереди нас мы увидали в лощине в снегу дым и услышали говор и смех мужиков и баб. Это были загонщики. Они дожидались нас, грелись и разговаривали. Когда мы приехали, они поднялись, и Архип повел их за овраг. Все шли один за другим. Передний шел целиком по следу лыжи, а за ним другие, так что когда мы пошли, то была дорожка, протоптанная по колено в снегу. Когда мы подходили, Архип обогнал нас на лыжах. Он по снегу ходил так хорошо, как будто он плыл. Он велел всем молчать и показал нам места. Иван Никитич стал 1-й. Пройдя 40 шагов, я стал

подле сосны, а еще дальше за 50 шагов стал брат. Мужиков расставили кругом по обкладу. Они стояли в 20 шагах друг от друга. С одной стороны они примыкали к Ивану Никитичу, а с другой к брату. Так что медведь лежал в середине круга, а по кругу стояли все мужики и мы, охотники. Архип взял палку и пошел на лыжах в середину круга. Он пошел отыскивать медведя и поднимать его. Когда он поднял медведя и увидел его, то он закричал, и все мужики по кругу стали кричать, стоя на месте. А мы, охотники, приготовили ружья, и взвели курки, и ждали, что медведь выйдет на нас. Я стоял в лесу. Против меня был частый молодой ельник в рост человека, весь белый и слипшийся от снега. В середине ельника этого была белая дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта выходила прямо на меня. Левее меня был чистый ельник, в снегу, редкий и без подседа. Направо от меня частый ельник кончался на полянке. И дальше по этой полянке мне был виден мой брат. На лево Ивана Никитича мне было не видно. Я смотрел то вправо от ельника, на полянку, то влево — в высокий лес, и с той и с другой сто-

роны ожидал увидеть медведя; но никак не ожидал, чтобы он пошел через густой и низкий ельник. Сзади меня в 3-х шагах была большая сосна. Около нее было чисто. Я, проваливаясь выше колен, отошел к этой сосне, обтопал перед ней площадку аршина в 1½ и на ней устроился. У меня было два ружья и кинжал. Одно ружье я держал в руках, а другое с взведенными курками я прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается. Я знал, что медведь очень редко нападает на людей, но всё это я сделал для осторожности. Скоро после того, как Архип взошел в лес, я услышал его крик. Он кричал: Пошел, пошел! И вслед за тем на всем кругу закричали мужики разными голосами: Ай! Ай! Пошел — поди! И тонкие голоса баб слышны были кое-где. Как закричал народ, так у меня забилось сердце, и я то и делал, что оглядывался то вправо, в редкий лес, то влево, на полянку. Уши у меня насторожились, как у зайца, и я слышал всякий самый тихий звук. Я слышал, как падал снег с веток, как выпрямлялась согнутая ветка, когда с нее соскакивал

снег, и вздрагивал от всякого такого звука. Мне казалось, что вот-вот он выскочит. Вдруг налево я услышал — снег сыпется. Я оглянулся — в редком крупном ельнике я увидел что-то большое, черное в 50 шагах от меня. Я не верил глазам, но черное стояло, не шевелилось, и я разобрал грудь медведя, лапы, наполовину ушедшие в снег, и уши настороженные. Медведь стоял и слушал крик сзади и меня, верно, видел. Я приложился и ждал, не подбежит ли он ближе ко мне. Но как только я шевельнулся, он повернулся и бросился назад. Тут я увидел его с боку, какой он огромный. Я выстрелил, но пуля моя не попала, я сам видел и слышал, как она шлепнулась в ствол ели и отколола ее край. Медведь скрылся, я опять зарядил ружье и стоял, слушал крик мужиков. Я уж не ждал больше медведя. Я думал, что испугал его своим выстрелом, и что он уже никак не пойдет теперь на меня. Мужики кричали со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от моего брата, крик был страшный. Верно, мужики видели медведя, потому что они кричали: Вот он! Ой, ой, держи! Ай! Ай! Ай! Я боялся, что медведь про-

рвется вон из круга, и я смотрел направо — на брата. Я увидел, что к нему подошел Архип с палочкой, потом я увидел, что Архип присел подле моего брата и палкой показывал ему что-то перед собой, потом я увидел, что брат целится туда, куда показывает Архип. И услышал выстрел. После выстрела я ждал, что брат побежит за медведем, или что медведь пробежит через полянку, и смотрел на нее. Как вдруг впереди себя в густом ельнике я услышал — сыпется снег, и пыхтит что-то, и быстро приближается. Я оглянулся и впереди себя в 5 шагах по дорожке между частым ельником увидел медведя. Он, как заяц, во весь дух скакал ко мне, рассыпая вокруг себя снег и утопая в нем по брюхо. По лицу медведя я видел, что он не видит меня и только в испуге хочет убежать скорее. Я прицелился и выстрелил из одного ствола, но я так заторопился, и медведь скакал так скоро, что я не попал: пулю мою перенесло. Из другого ствола я выстрелил ему в голову, когда он был в аршине от меня. Тут я попал, и по лицу его я увидел, что попал. Он вдруг осклабился, прижал уши, и узнал меня, и бросился на меня. Я хватился за

другое ружье, думая, что он проскочит мимо, но он не дал мне взяться за ружье, поднялся на задние ноги, толкнул меня с площадки в снег и, опять ступив на четвереньки, перескочил через меня. Я поднялся и хотел вылезать из снега, как вдруг увидел, что он не проскочил мимо, а только оттого перескочил через меня, что он не мог удержаться с разбега, он передом повернулся назад, положил мне обе лапы на плечи, повалил меня назад навзничь на глубокий снег, придавил меня грудью и, раскрыв пасть, стал грызть меня за середину лица. Верхней челюстью он хотел зацепить меня в глаза, а нижней в щеку. Нос мой был у него во рту, и я чувствовал его теплое дыхание и особенный кровавый запах. Руками я не мог шевелить под его тяжестью в мягком глубоком снегу, и кинжал мой был бесполезен. Я только спасал свои глаза, я подгибал голову к груди и спасал от него нос и глаза, а подставлял лоб и череп. Так что ему не удалось укусить меня за глаза и нос, а зубы его попали верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней на мослоки под глазами. Он разодрал мне всё мясо на лбу и давил кость так сильно, что,

мне казалось, голова треснет. Не знаю, что бы было со мной, если бы у него не была тоже перебита челюсть. Но он долго грыз мне голову и ободрал много мяса, но все-таки не проломил кости. Он грыз меня минуты три, и я только вертел головой и толкал его руками; но он не бросал. Он бросил только тогда, когда Архип подбежал к нему с одной палкой. Когда брат и Иван Никитич и Архип увидели, что медведь сбил меня с ног и грызет, они все бросились ко мне. Но Иван Никитич и брат ошиблись расчетом и, вместо того чтобы бежать по протоптанной дорожке, побежали целиком и оба упали. Пока они выкарабкивались из снега, медведь всё грыз меня. Один Архип, хотя и без ружья, побежал дорожкой и прибежал прежде их. Он бежал и кричал: Батюшки! медведь барина заел! и сам бежал и не знал, что он будет делать, когда прибежит с одной палкой, но медведь испугался, бросил и побежал. Когда я встал, то снег был весь красный от крови и моей и медвежьей, но боли большой я не чувствовал. Я бросился к ружью, но медведь уже убежал. Брат и Иван Никитич, бледные и испуганные, прибежали ко

мне. Они думали, что я пропал, и им страшно было смотреть, как у меня над глазом висел лоскут мяса и такой же под глазом. Пока они осматривали меня, и мы говорили про всё, что случилось, вдруг кто-то закричал: Вот он. И мы увидали, что медведь опять бежит к нам. Мы схватились за ружья, но он пробежал мимо, и мы не успели выстрелить. Он так остервенился, что ему хотелось еще погрызть, но, увидевши, что нас много, он испугался и убежал. По следу мы увидали, что у медведя из головы идет кровь. Мы хотели идти догнать его, но у меня разболелась голова, и мы поехали в город к доктору. Доктор зашил мне шелком раны. И еще не совсем зажило, как Архип приехал к нам и сказал, что медведя он нашего следил, и что он всё исходит кровью и не ложится, а ходит и ест снег. Мы поехали опять за ним, но мне не удалось добить этого медведя. Он не выходил из обклада, а всё ходил кругом и ревел страшным голосом. Архип добил его. У него была перебита нижняя челюсть и выбит зуб. Медведь этот очень велик, и шкура на нем прекрасного черного цвета. Я сделал из него чучело, и он

лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были. —

Вторая редакция

<Вскочил я, умылся, оделся, зарядил свое ружье, и мы вышли с братом. Старик вышел провожать нас и говорит: «Ну, дай бог благополучно; привозите его сюда, а то, если тут зазимует, он на весну много скотины перепортит».

А у охотников примета, что не к добру, когда пожелают. Брат и говорит: «Эх, старик, разве на отъезде желают!» Старик не понял; сели мы и поехали. На самом выезде идут две бабы, пустой ушат несут. «Ну, говорит брат, не будет добра!» А я говорю: «Я ничему этому не верю. Посмотри — удача будет, так чует сердце».

Погода была славная; мороз всё держал крепкий, тихо было и солнца не видать было; как туман стоял наверху, и иней садился.

Лошадки у нашего ямщика застоялись, так что он не удержит их всю дорогу: он скакал. Ехали мы по дороге, по той самой, по которой

вчера вернулись, с версту. Я узнавал деревья по инею, как они облипли, только нынче еще больше облипли, так что кое-где стало сучья ломать.

Проехали мы три версты, я и говорю: «вот тут должен быть вчерашний след». А ямщик говорит: «вон ямщики подъехали». Мы увидели в стороне дороги, к лесу, в низочке дымок синееет, и народ стоит, мужики и бабы с дубинами.

Мы хотели слезать, но ямщик говорит: «сидите, я туда провезу, вишь, протоптали мужики, как стадо прошло».

Заворотил он, передняя лошадь своротила, да глубоко было. Все вышли и по следу дошли к народу. Мужики сидят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Послали мы мужика к саням, принес он бочонок водки, поднесли мы мужикам, бабам и Демьяну. Он не стал пить. «Нет, говорит, теперь не до водки. Только бы бог дал обвести народ потихоньку, не вскочил бы, а то не уйдет. Я вас двоих поставлю на самой на тропе, обклад маленький, как пугну, так прямо на вас выйдет. Ну, с богом».

Демьян веселый такой и говорит мужикам: «Ну, ребята, иди, только дороже всего — не кашляни, не хрусни, тише. Если зашумит кто — убью, а бабу сейчас прямо под медведя посажу».

Пошли мужики по лыжне по Демьяновой. Вперед пошел старик, за ним другие, потом бабы. Идти передним глубоко, выше колен, топчут, где падают, а задним уж полегче. Вытянулись мужики, бабы ниткой, 30-ть человек, только по пояс их видно. Идут, палками попираются и стали скрываться в лесу. Демьян стал на лыжи и говорит нам с братом: «Ну, я пойду вперед, круг сделаю; а вы идите за мужиком, я вас встречу и место укажу».>

* № 53 (рук. № 18).

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

№ 1.

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин. Он был не из богатых, именьце у него было маленькое, и в именьце жила его мать и две сестры. С именья и им не доставало прокормиться. И Жилин посылал им из своего жалованья.

Он служил восьмой год и командовал ротой. Начальство, товарищи и солдаты любили его. Когда начальству нужно в трудную должность послать офицера с ротой — кого послать? Жилина. Знают, что он ни проспит, ни загуляется и ничего не побоится. Когда товарищам офицерам нужда заменить на службу или денег занять — к кому пойти? к Жилину. Когда у солдат беда или нужда — к кому идти милости просить? к Жилину.

Жилин не любил ни пить, ни гулять, ни в карты играть. Были у него две охоты: первая охота — лошади. Всегда у него бывали лошади верховые, самые лучшие скакуны.

Другая охота — рукоделье. Завел он себе снасть: станок токарный, стамески, ножички, пилки, и из дерева и из кости точил и резал.

Из себя Жилин был черноватенький, сухощавый, маленький.

Пришло ему раз письмо из дома.

№ 2.

Наутро пришли в сарай вчерашний татарин с красной бородой и с ним другой черномазый, высокий, статный; в плечах широкий,

а в поясу тонкий, из себя красивый. Бешмет на нем шелковый с галунчиками, подпоясан ремнем, а на ремне кинжал серебряный. Шапка баранья, высокая, хорошая; на ногах башмачки красные, сафьянные, серебром оторочены, а на башмачках другие, деревянные башмаки. Голова бритая из-под шапки синется, а бородка маленькая, черная; усы подстрижены, глаза черные так и светятся и лицо веселое.

Татарин с красной бородой показал на Жилина, стал говорить что-то. Черный мотнул головой: «ладно, мол», и подошел к Жилину, потрепал его по плечу, что-то спрашивает. Ничего нельзя понять. Только понял Жилин, что он не ругает, а что-то спрашивал, а что — не знает. А у Жилина в горле пересохло, он со вчерашнего дня не пил. Он и говорит:

— Дай напиться.

Черный только языком пощелкивает.

— Пить дай. Не понимаете?

Жилин губами и руками показал.

Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка, тоненькая, худенькая,

лет 13-ти, а лицом на отца похожа. Тоже глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, красную, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено синим. На ногах штаны и сапоги с высокими каблуками, на шее монисто всё из русских полтинников. Простоволосая, коса черная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшин жестяной на голове. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как на зверя какого.

Подад ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает, смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь. Темно в сарае, только в щелку светит. Раскопал Жилин эту щелку, стал разглядывать. Видна ему половина сакли с плоской крышей. Дерево,

тополь растет.

Коза с козлятами ходит, дорога под гору, а по дороге бабы ходят в широких рубахах с водой, носят кувшинами на головах. Бабы всё в цветных рубахах с широкими рукавами и головы кафтанами покрыты.

Видит потом — мальчишки в одних рубашонках, тоже бритые, собрались кучкой. Подойдут к щелке, посмотрят, завизжат что-то и закатятся бежать, только голые коленки блестят. Потом видит — трое едут верхами. Лошади хорошие, седла, шапки и кинжалы в серебре и узды красные. Подъехали они к дому; вышел им навстречу черный татарин, поздоровался с ними по-ихнему: шапки не снимает и не кланяется, а только обеими руками за руку гостей подержал, пошептал что-то и взялся за стремя.

Слезли гости, повел он их в дом. Потом пришел к Жилину работник нагаец и говорит: «айда! хозяин» — и повел куда-то Жилина. Пошел Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу на сторону. Привел его работник в дом.

№ 3.

Стал говорить по-русски:

— Твоя хозяин купил Абдерахман, твоя була деньгу платить.

Сначала Жилин не разбирал, что он такое говорит, потом стал понимать, и начали они говорить. Гость татарин не от себя говорил, а от черного. Что черный скажет, он по-русски пересказывает, а все слушают. Как Жилин ответит что, татарин им перескажет.

Понял он, что красный татарин продал его самого, Жилина, черному татарину Абдулу и что Абдул велит ему домой писать, чтоб за него выкуп прислали. Жилин понял и говорит:

— Скажи ты ему, чтоб он прежде с меня колодку снял да кормил бы меня хорошо, а не так, как собаку, в сарай бы запирал, а потом мы разговаривать будем.

Поговорили татары; переводчик и говорит:

— Колодку нельзя снять, ты уйдешь, а кормить тебя будут хорошо, если ты большой выкуп дашь.

— А много ли он хочет выкупа?

— Три тысячи монет.

— Этого я не заплачу, у меня и половины тех денег нет. 500 рублей я дам.

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Пуще всех залопотал красный, так что слюни изо рта брызжат: «Урус, урус».

Замолчали они.

№ 4.

Выздоровел на его счастье татарин. Уж очень помягчали с ним татары, стали уж и колодку на день снимать, когда сами дома. И дарили его, кто платьем, кто деньгами 20 копеек даст. А больше всё чего-нибудь поесть принесут. И выучился он немного говорить по-ихнему.

Были и из татар добрые люди. Звали его все Иван. Бывало, подойдут, поговорят, посмотрят, посмеются, угостят трубочкой или из еды чего-нибудь.

— На, Иван, Иван, на!

А были и злые, слова не скажут, только ругают.

Красный татарин редко дома живал, а как увидит Жилина, всегда обругает.

№ 5.

Нет, уж теперь домой не поеду, не женюсь. А до тех послужу, пока столько татар перебью, сколько они меня дней держали да мучили.

Так Жилин и остался служить на Кавказе и воевал до тех пор, пока Кавказ завоевали, и дослужился до генеральского чина.

* № 54 (рук. № 4).

[КАК ХОДЯТ ДЕРЕВЬЯ]

После этого я стал примечать за другими деревьями, спрашивать и читать и узнал, что деревья ходят. Калина одна выросла в щели железной крыши, и когда ей стало мало земли, она спустилась по трещине стены и там завела новый корень, потом в щель еще ниже и, наконец, совсем сошла наземь. Теперь, после того, как я много примечал за деревьями, я хожу по лесу и вижу в деревьях друзей, врагов, сраженья, войны. Растет дубок; осина или орешник не дают ему хода в ширину. Он выберет где-нибудь просветик, потянется вверх одним побегом; осина и орешник все перегоняют его. Дубок не торо-

пится: как только осина и орешник пойдут вверх, и внизу освободится место, дубок начинает забирать силу в нижние ветви и выпускает их далеко везде, где есть место, — иногда на два, на три аршина. Придет время, когда осина умрет или ее срубят, и тогда эти нижние корявые сучья пригодятся дубку. Он живо сбросит их и всю их силу переведет вверх. Тогда уже он ничего не боится, — разве дуба, такого же, как и он; тогда они борются или мрут, разделят место для ветвей, или согнется тот, что помоложе, и тоже дожидается своего времени. А если выкапывать корни в лесу да присмотреться, то увидишь, что такие истории войны, сражения, замирения идут у растений внизу, под землю, в царстве корней.

* № 55 (рук. № 4).

ГАЗЫ

Когда много людей дышат в одном месте, станет душно, нельзя дышать. Отчего это? Если сказать, что весь воздух выдышали, неправда будет, потому что, сколько ни дыши, воздух останется. Махни рукой, слыш-

но — воздух, пусти перышко — оно будет летать. Стало быть, воздух есть, да не тот, какой нужен.

Если внести деревья в кадках в горницу и закрыть двери, деревья поживут с неделю, а потом станут сохнуть. С деревьями будет то же самое, что с людьми. Они выдышат для себя воздух, какой им [нужен], останется воздух, но другой.

Если внести деревья в ту горницу, где люди выдышали весь хороший для себя воздух, то деревья сейчас поправятся. Та самая часть воздуха, какая вредна для людей и в какой человеку дышать нельзя, эта самая часть воздуха нужна для деревьев. А если людей впустить в ту горницу, где стояли деревья и стали сохнуть, то люди почуют самый приятный легкий воздух.

Стало быть, в воздухе есть две части. Одна нужна для деревьев, травы, для всякого растения, а другая для людей. На вольном воздухе обе части эти смешаны, и растения и животные дышат той частью, какую им нужно. Две части эти всегда есть в каждом воздухе, и когда они перемешаны, то хорошо дышать, а

как только отделится одна, то она становится вредная. Та часть воздуха, которая нужна для животных, бывает такая же светлая и невидная, как воздух. Ее можно узнать только потому, что если в нее впустить курилку, то он сейчас загорится огнем. Она называется кислород. Другая часть, которая нужна для растений, такая же светлая, как и кислород, только она тяжелее и всегда садится на низ. Ее можно узнать потому, что в ней огонь тухнет. Ее называют азот.

В воздухе, кроме этих двух частей, есть всегда еще много водяных паров.

Водяные пары тоже из двух частей. Одна часть водород, а другая тот же кислород, что и в воздухе. — Водород на вид такой же, как и воздух. Его можно узнать потому, что он сам горит. Его делают из каменного угля, проводят по трубам в фонари и в дома и в городах жгут для света.

Все эти невидные летучие вещества называются газами. Кроме кислорода, азота, водорода, есть много других газов, и даром что их не видно, из них почти все на свете сделано. Во всяком веществе — в воде, в траве, в теле

человека, в хлебе, в соли, в глине — можно найти эти или другие газы. И если выпустить газ из какой-нибудь вещи, то вещь эта делается меньше и легче. А некоторые вещи есть такие, как вода, что если выпустить из нее один газ — водород, то кислород уйдет в воздух и ничего не останется.

* № 56 (рук. № 6).

[МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ]

[I]

*Выезжал Вольга с дружиною
Во чисто поле, в раздольице.
Услыхал Вольга с дружиною
Во чистом поле да пахаря.*

*Слышно — пашет мужик да по-
свистывает,
В рогаче, слышно, сошка поскри-
пывает,
Сошнички, слышно, в камнях по-
черкивают,
А не видно нигде в поле пахаря.*

*И поехал Вольга к пахарю,
Целый день ехал до вечера,*

*Не доехал в день до пахаря,
Другой день ехал до вечера,
Не наехал того пахаря.*

*Слышно — пашет мужик да по-
свистывают,
В рогаче, слышно, сошка поскри-
пывают,
Сошнички, слышно, в камнях по-
черкивают,
А не видно нигде в поле пахаря.*

*Наезжал Вольга на третий
день
В чистом поле того пахаря.*

*Видно — пашет мужик да понуки-
ват,
Широко он бороздку отваливат,
В долину-то далеко вытягиват.
Не видать мужика на другом кон-
це.*

*Взговорит Вольга он ко паха-
рю*

[II]

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧ

Выезжал Вольга в поле с дружи-
ною,
Во чисто поле гулять, в раздольи-
це;
Услыхал Вольга в поле пахаря.
Слышно — пашет мужик да по-
свистывает,
В рогаче, слышно, сошка поскри-
пывает,
Сошники по камням, слышно, чер-
кают,
А не видно нигде в поле пахаря.
И поехал Вольга к тому пахарю,
Целый день ехал с утра до вечера,
Не доехал, Вольга, он до пахаря;
Другой день ехал с утра до вечера,
Не доехал, Вольга, он до пахаря.
Слышно — пашет мужик да по-
свистывает,
В рогаче, слышно, сошка поскри-
пывает,
Сошники по камням, слышно, чер-
кают,
А не видно нигде в поле пахаря.
Третий день Вольга ехал до пабе-
дья,
Наезжает Вольга в поле пахаря.
В поле пашет мужик да понукива-

ет,
Широку борозду отворачивает;
Он коренья, каменя вывертыва-
ет,
Больши камни в бороздку завали-
вает,
В долину ту бороздку вытягива-
ет;
Не видать мужика на другом кон-
це.

Говорит ли Вольга таковы слова:
Гой мужик, пахарек, божья по-
мочь те,

Божья помочь, пахарь, те кре-
стьянствовать

Широку бороздку отворачивать,
А коренья, каменя вывертывать.
Говорит ли мужик таковы слова:
Ай спасибо, Вольга, те за добру
речь,

Божья помощь, поди-тка, мне на-
добна,

Божья помощь пахать да кре-
стьянствовать.

Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

«Дай поедем, мужик, со мной к
Киеву».

Тут мужик гужи живо повыстегнул,
Живо выпряг кобылку соловеньку,
Из оглобель кобылку повывернул,
Влез, ввалился, поехал в товарищах.
Выезжают они во чисто поле.
Мужикова кобылка ходой идет,
А Вольгин-от уж конь стал поскакивать.
Мужикова кобылка навскок пошла,
А Вольгин-то уж конь оставаться стал.
Мужику тут Вольга стал покрикивать,
Колпаком мужику стал помахивать:
Ты мужик-пахарек, ты постой,
пожди,
За тобою, мужик, не угонишься.
Оглянулся мужик, Вольги слушался,
И кобылку мужик окорачивал.
Взговорит ли Вольга таковы слова:
Каб кобылка твоя да коньком была,

За кобылку цена бы пятьсот руб-
лей.

Говорит ли мужик таковы слова:
А и глуп ты, Вольга, глупо сказы-
ваешь;

Ведь кобылку-то взял я с под ма-
тери,

За сосунчика дал я пятьсот руб-
лей,

А коньком бы была, ей и сметы
нет.

Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

Как приедем, мужик, со мной к
Киеву,

Оставайся со мной во товарищах.

Говорит ли мужик таковы слова:
Я б поехал с тобой в славный Ки-
ев-град,

Я б остался с тобой во товари-
щах,

Да оставил я сошку в бороздочке,
Как пахал, так осталась не убран-
на;

Надо сошка с земельки повыдер-
нуть,

С сошников надо землю повы-
тряхнуть,

Надо сошку убрать за ракитов
куст.

Посылал тут Вольга десять мо-
лодцев,
Велит сошку с земельки повидер-
нуть,
С сошников велит землю пови-
тряхнуть,
Велит сошку убрать за ракитов
куст.

Подъезжали ко сошке те молод-
цы;
Они брались за сошку десяточ-
ком,
Они сошку за обжи вокруг вер-
тят,
Не могут с земли сошку повидер-
нуть,
С сошников они землю повитрях-
нуть,
Нельзя сошку убрать за ракитов
куст.

А и шлет ли Вольга всю дружи-
нушку,
Велит сошку с земельки повидер-
нуть,
С сошничков велит землю пови-
тряхнуть,

Велит сошку убрать за ракитов
куст.

И за сошку взялась вся дружиниш-
ка;

Они сошку за обжи вокруг вер-
тят,

А не могут с земли сошку выдер-
нуть,

С сошников они землю повытрях-
нуть,

Нельзя сошка убрать за ракитов
куст.

Подъезжал тут мужик на соло-
венькой,

Подходил к своей сошке клено-
венькой,

Брал одной он рукой да попёхивал,
Свою сошку с земельки выдерги-
вал,

С сошничков он земельку вы-
трёхивал;

Бросил сошку мужик за ракитов
куст.

Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

А и как ты, мужик, звать по име-
ни,

Величать тебя как по изотче-

ству?

Говорит ли мужик таковы слова:
А я ржи напашу, во скирды сложду,
Домой вывлоку, дома вымолочу,
Да и пива сварю, мужиков сзову.
Вот и станут они тут поклики-
вать:

Гой, Микула ты, да свет Мику-
лушка,
Свет Микулушка, да Селянинович.

[III]

Выезжал Вольга с дружиною
Во чисто поле, в раздольице,
Услыхал он в поле пахаря.
Издали пахарь, слыхать, — пашет
пахарь да понукиват
Сошка, слыхать, поскрипиват,
Сотники по камням черкают.
Говорит Вольга: Какой то пахарь
есть?
На тот звук поехал к пахарю,
Ехал целый день Вольга до вечера,
Целым днем доехать не мог паха-
ря.
Ехал другой день с утра до вечера,
Всё не мог Вольга доехать пахаря.
Издали пахарь, слыхать, понуки-

ват,
Издали сошка, слышать, поскрипи-
ват,
Сошники, слышать, по камням
черкают.
Третий день ехал Вольга до пабе-
дья,
Наезжал во чистом поле пахаря.
Водит-пашет мужичок да пону-
киват,
С края в край мечет бороздочку,
Камни, коренья вывертывают,
В борозду заваливат камушки.
Как заедет пахарь на один конец,
Не видать со края пахаря.
Во сохе да той у пахаря <за>пря-
жена
Небольша что кобылочка соло-
венька.
Сошка собрата кленовенька,
А гужи <про>дети да шелковень-
ки.
Взговорит Вольга ко тому паха-
рю:
Божья помощь ти, ратаю рата-
юшко,
Ти пахать, да орать, да крестьян-
ствовать,

С края в край ти бороздки поме-
тывать,
Да камня, коренья выверты-
вать.

Говорит мужик да таковы слова:
А спасибо ти, Вольга, за добру
речь,
Божья помочь-то мне добре на-
добна.

Мне пахать, да орать, да кре-
стьянствовать,
А ты сам, Вольга, сударь, со дру-
жиною,
Ты далеко ль едешь, куда путь
держишь?

Говорит Вольга да таковы слова:
А я еду гулять во чисто поле,
Поезжай-ка со мной в товарищах.
Взял и тут мужик он гужики вы-
стегнул,
Сам кобылку из сошки да вывер-
нул,
На кобылку влезал на соловеньку
И поехал с Вольгой во товарищах.
Взговорит же мужик таковы сло-
ва:
А не ладно, Вольга, и как быть-то
мне.

Ведь оставил я сошку в бороздочке,
То не ладно, что сошка не убрана;
Надо б сошку с земельки повыдернуть,
С сошничков бы земельки повытряхнуть,
Бросить бы ту сошку за ракитов куст.
Посылал тут Вольга из дружинушки
Пятерых молодцев что ни лучших,
Чтоб сошку с земельки повыдернуть,
С сошничков бы земельку повытряхнуть,
Бросить сошку бы ту за ракитов куст.
Подъезжали-то к сошке пять молодцев,
К неубранной сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
Не могут сошки с земельки повыдернуть,
С сошничков земельку повытряхнуть,

Бросить сошку ту за ракитов
куст.

Шлет Вольга к сошке ли десять
молодцев,
Чтобы сошку с земельки повидер-
нуть,
С сошничков земельку повытрях-
нуть,
Бросить сошку бы ту за ракитов
куст.

Подъезжают ли те добры молод-
цы

Ко неубранной сошке кленовень-
кой;

Они сошку за обжи вокруг вер-
тят,

Не могут сошку с земельки пови-
дернуть,

С сошничков земельку повытрях-
нуть,

Бросить ту сошку за ракитов
куст.

Шлет Вольга ли дружину всю
храбрую,

И все сошку за обжи вокруг вер-
тят,

Не могут сошки с земельки пови-
дернуть,

С сошничков земельку повытрях-
нуть,
Бросить сошку бы ту за ракитов
куст.
Подъезжает сам пахарь ко сошке
той
На своей кобылке соловенькой,
Берет пахарь за сошку одной ру-
кой.
Живо сошку с земельки повыдер-
нул,
С сошничков он земельку повы-
тряхнул,
Бросил сошку он да за ракитов
куст.
Сам влезал на кобылку соловень-
ку
И поехал с Вольгой во чисто поле.
Как кобылка под пахарем рысью
шла,
Под Вольгой конь начал[165] уж
поскакивать,
Как кобылка под пахарем вскок
пошла,
А Вольгин-то уж конь останется.
Стал Вольга мужику он покрики-
вать,
Колпаком Вольга стал помахивать.

вать.

Ты постой, пожди ты, мужик-мужичок.

И сдержал тут мужик те кобылочку.

Говорит Вольга таковы слова:

Как твоя бы кобылка коньком была,

Той кобылке цена бы 500 рублей.

Взговорит мужичок таковы слова:

А и глуп ты, Вольга, глупо сказывашь;

Взял сосунчиком ее с под матери,
За кобылку ту дал 500 рублей,

А коньком была б — ей и сметы нет.

Говорит Вольга да таковы слова:

А скажи мне ты, ратай ратаюшка:

А и как тебя звать да по имени,
Величать тебя как по изотчеству.

Говорит мужик да таковы слова:

Я вот ржи напашу, во скирды сло-
жу,

Во скирды сло-жу, домой выволку,
Домой выволоку, дома вымлочу,

*Пирогов спеку да и пива сварю,
Да и пива сварю, мужиков напою,
А и станут мужички поклики-
вать:
Гой, Микула же ты, свет Мику-
лушка,
Свет Микулушка — да Селянино-
вич.*

* № 57 (рук. № 29).

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

IV книга подразделена так же, как предыдущие, по содержанию. Упражнения же IV книги относятся к правильному произношению и писанию глаголов в различных формах. Упражнения эти составлены не на самые трудные по сущности формы глаголов, но на те, в которых преимущественно делаются ошибки русскими учениками.

I. (До стран. такой-то).

Возвратная форма глаголов с окончанием *ся*, которую весьма часто ученики произносят, как *си*, и которая, изменяясь в *сь*, часто скрадывает от ученика настоящую форму глагола. — Заставляйте ученика видоизменять возвратные глаголы, предлагая ему примеры.

II. (От страницы такой до страницы такой).

Неокончателная форма с ъ и извинительная форма с ъ: буду любить, и он любитъ, которые весьма часто ученики смешивают и говорят: он ходить и т. п. Заставляйте ученика составлять речения с употреблением той и другой формы.

III. (От страницы такой до страницы такой).

Употребление в глаголах буквы е или и, в которых преимущественно путаются ученики. Заставляйте ученика употреблять в различных формах глаголы, в которых буквы е и и звучат почти безразлично, как, например, в илел вместо велел, бирег вместо берег, лител вместо летел, будит вм. будет и т. п. — Ошибки этого рода ничем не могут быть исправлены, кроме опыта, и потому надо на эти глаголы часто обращать внимание ученика.

IV. (От страницы такой до страницы такой).

Средний род глаголов и безличные глаголы с окончанием на о, которое обыкновенно учениками заменяется буквой а. Упражнения эти связаны с упражнениями на средний род.

V. (От страницы такой до страницы такой).

Б в окончаниях 2-го лица, в особенности при возвратных глаголах.

VI. (От страницы такой до страницы такой).

Неокончательные наклонения возвратных глаголов и различие их от изъявительной формы. Заставляйте ученика составлять речения с употреблением той и другой формы. —

VII. Составляет соединенные упражнения на все предыдущие формы глаголов.

НОВАЯ АЗБУКА

* № 1 (р^{ук. № 1}). [НАБРОСОК ТЕМ ДЛЯ «НОВОЙ АЗБУКИ», ГРАММАТИКИ И «РУССКИХ КНИГ ДЛЯ ЧТЕНИЯ»]

Каменно-тес.

Собаки разорвали кошку любимую.[166]

Гласные и согласные отдельно.

Речения проще. —

Знаки препинания для учителя.

Эвклид.

1. Басни, печки топить, диван 1.

2. Басня ноша. 2.

3. Бабы дуют огонь 3.
 4. Заяц Фета. 4.
 5. Пугачев, девочка 5.
 6. Суворов.
 7. Менщиков.
 8. Князь Андрей Тверской.
 9. Игнат. — 6.
 10. Житие ра[сслабленного,] Евлогия. 7.
 11. Сказка ванна. 8.
 12. Волки. Сережа. 9.
 13. 144 Геродот.
 16. Илья Муромец.
 17. Добрыня.
 18. Васька Буслаев.
 19. Песня кн. Романа [?]
 20. — — — жен[ы] Рязаночки.
 21. Царь Аггей из Русского архива.
 22. Болотова из плена.
- Мать с дочерью едят горох.*
10. Аггей в архиве.
 11. Болотова плен.
 12. Чихает от табаку.
 13. Поселенный в Самаре.
 14. Жеребенком одним молотит.
 15. Ношу всё снимал и больше устал.

16. Подставил щеку и выжидал.

17. Скоротечные люди.

Мазепа.[167]

Завоевание Мексики.[168]

М-те [1 неразобр.] от разбойников бежала.
[169]

Проезжий[?], на охоте, благодарность
беглого.[170]

Купили корову п. о.[171]

Верна. Вокруг света в 80 дней.[172]

Большие ушли со двора, дети
играли.[173]

Дубровский.

Туту.

Канцелярия Загоскина.

Керим мудрый.

Бирюк.

Из Мертвого дома.

Коляска Гоголя.

Вечера на хуторе.

Барышня крестьянка.

* № 2 (рук. № 3).

АЗБУКА

ДЛЯ ВСЕХ СПОСОБОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАМОТЫ.

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

Подразделение азбуки следующее: 1) Изображение букв простых очертаний и употребительных, с названиями и словами для запоминания. 2) Слова, заключающие все буквы азбуки. 3) Двухсложные двухбуквенные слова. 4) Слова двухсложные, где один слог составляет одна гласная. 5) Двухбуквенные двухсложные слова с гласною е и ѣ. 6) Двухсложные слова с трехбуквенными слогами. 7) Слова, где 2-й слог составляется из одной согласной и из ъ. 8) Слова, где 2-й слог из одной согласной и ь. 9) Слова, где 2-й слог составляется из 2-х согласных с ъ и ь. 10) Слова с ѣ на конце. 11) Слова в три слога. 12) Слова с слогами в три и более согласных. 13) Слова с ѣ в середине. 14) Слова с ъ перед гласною. 15) Слова с ь перед гласною. 16) Слова с ь перед согласною. 17) Удвоение согласных. 18) Слова в 4 и более слогов. Каждый из отделов состоит из слов, фраз и постепенно усложняющихся рассказов. 19) Отдел составляет славянская Азбука и 20) молитвы.

Задача Азбуки состоит: 1) в том, чтобы дать учащимся в правильной постепенности расположенный длинный ряд упражнений по всем трудностям чтения и письма, 2) в том, чтобы за наименьшую цену дать наибольшее количество удобопонятных упражнений в сознательном чтении.

Для достижения этих целей сделано следующее: 1) Сначала подобраны слова, все произносящиеся так, как пишутся, все понятные, расположенные по ударениям, так что, прочтя одно слово, ученик невольно делает правильное ударение на последующем слове и потому понимает его. Потом подобраны фразы самые простые и понятные, потом более и более сложные, незаметно переходящие в сложные рассказы. Рассказы составлены из слов, чтением которых уже овладел ученик, и вставлены те, в которых он упражняется. Рассказы понятны всякому ученику. 2) Для достижения наивозможной доступности исключено всё излишнее, как, например, прописи, которые можно иметь теперь за 3 копейки, и картинки, которые развлекают внимание ученика, не принося существенной пользы, и

приняты меры, чтобы на наименьшем количестве бумаги было помещено наибольшее число слов. В этом отношении, т. е. дешевизны не бумаги, а материала для чтения, настоящая Азбука в 10 раз превосходит все другие издания.

Что касается до самого способа обучения, то составитель Азбуки старался сделать ее удобною для всех способов обучения.

Для тех, которые учат по *буки-аз* — *ба* или по складам, называя буквы *а* и *б*, Азбука эта облегчит труд изучения складов, так как склады будут учиться на понятных словах.

Для учителей по какому бы то ни было из существующих более 20 звуковых способов Азбука эта облегчит труд обучения чтению тем, что упражнения распределены по постепенности трудностей, а не по звукам, как то делается в звуковых руководствах. И потому я советую сначала выучить ученика всем звукам, а потом приступить к чтению. (Выучение всех звуков занимает с помощью Азбуки с картинками или с словами, заменяющими картинки, не более двух дней.) Если же учителем предпочитается постепенность изучения

звук, то, пройдя все звуки по своему руководству, учителю будет также необходима эта Азбука для упражнения в постепенных трудностях чтения, так как трудности эти по всем способам одни и те же, и для преодоления их необходимы на каждую трудность не два и три слова, как это делается в существующих пособиях, а сотни примеров.

Для учителей же, которые не знают никаких способов или недовольны тем способом, который они знают, я предлагаю тот способ, который, по моему мнению, самый простой и быстрый для народной школы.

1) Заучить буквы, называя их так, как они обозначены в азбуке над буквами, и заставить списать их.

2) Научить ученика без книги на слух складывать и раскладывать те слоги, которые стоят во главе каждого отдела. Учить складывать так: учитель говорит: б-а — ба. Д-а — да. Б-у — бу, в-у — ву, [174] с-ы — сы и т. д., и, повторив слогов 20 на разные гласные, учитель говорит: б-а, и ученики в большей части случаев уже отвечают: ба, и т. д. — Уловление учениками слухом процесса складывания

происходит весьма скоро, так что в народной школе без исключения ученики усваивают себе процесс складывания не более как в полчаса времени и уже безошибочно отвечают на всякое соединение: пы, су и мя, и т. д. Учить раскладывать так: учитель говорит: как сложить ба, и сам отвечает: б-а. Как сложить: бу — б-у, ды — д-ы, и т. д. И, повторив слогов 20, спрашивает учеников, как сложить ба, и они отвечают уже сами. Когда эти приемы усвоены, читать первые слова.

3) Научить ученика складывать и раскладывать слоги в слова. Учить складывать так: читается слово *баня*. Когда ученик прочел слог *ба*, учитель говорит: помни *ба* и читай дальше. Когда слог *ня* прочтен, учитель заставляет произнести оба слога один за другим так, чтобы ученик понял значение слова. Учить раскладывать так: учитель говорит: сложи реже слово *баня*. Ученик говорит: *баня*. Как сложить *ба*? Ученик складывает и пишет *ба*. Учитель спрашивает: что еще нужно, чтобы было *баня*? Ученик говорит: *ня*. Сложи *ня* и напиши. Прочти всё вместе.

4) Читать по порядку все упражнения, пе-

ред началом каждого упражнения складывая на слух слоги и слова, поставленные во главе упражнения, и диктовать из тех же упражнений, раскладывая на слух слова, стоящие во главе упражнений. —

Въ, съ, къ, нь, ль и т. д. складываются так же, как и другие слоги: б-еръ — бѣ, почти как бы, и б-ь — бѣ, почти как би; ѣ выговаривается, как ий, и приставляется к сложенному слогу, как новый слог.

5) Пройдя всю Азбуку по складам, если ученик еще не бросил привычки складывать, прочесть сначала ее всю без складов.

При обучении по этому способу одного ученика можно выучить читать и писать в две недели, в большой школе от 15 до 30 учеников выучиваются в 6-ть недель.

Вообще же по предлагаемой Азбуке учитель и в особенности мать семейства могут начать обучение грамоте ни по какой методе, а прямо с чтения слов, складывая слова по какому бы то ни было приему, только бы он был один и тот же, и по мере того заучивая буквы, указывая их на крупных изображениях, и обучение, вследствие правильной постепен-

ности и продолжительного ряда упражнений, будет идти одинаково успешно, и прочтя Азбуку до конца, ученик будет уметь читать.

* № 3 (рук. № 5).

Обучать по этой Азбуке можно по всякому из существующих звуковых и буквослагательных способов.

Учитель по какому бы то ни было из звуковых способов найдет в этой Азбуке для изучения звуков подобранный в 1-м столбце ряд слов, вводящих понемногу новые звуки, и весь длинный отдел, состоящий из легких коротких и однообразных слов. Для упражнения же в трудностях чтения он найдет постепенный ряд упражнений в трудностях чтения, расположенный не по звукам, как то делают в звуковых руководствах, а по трудностям слов для чтения, так что ученик будет упражняться в трудностях чтения уже тогда, когда он уже не развлекается одновременным изучением новых звуков.

Учащие по церковному или вообще буквослагательному способу найдут перед каждым отделом односложные слова, могущие слу-

жить складами, и длинный ряд постепенно расположенных понятных слов и рассказов на всякого рода склады и слова. Для учителей же, не знающих никаких способов или недовольных тем, который они знают, будет удобно вести обучение по способу складыванья и раскладыванья на слух, подробные указания о приемах коего изложены на обороте.

Вообще же Азбука эта составлена так, что по ней ученье может начинаться прямо с чтения. Пусть учитель по какому бы то ни было способу прямо заставит читать ее, употребляя для складыванья слов и запоминанья букв какой бы то ни было прием, только чтобы прием этот был один и тот же во всё продолжение ученья.

И, прочтя Азбуку, ученик будет уметь читать.

* № 4 (рук. № 7).

[«Мать и дочь легли спать...»]

Мать и дочь легли спать. Мать хотела спать. А дочь стала песни петь. Мать не знала, как ее унять. — И сказала: Оставь ты эту дурь. Я устала и хочу спать, а если ты хочешь

петь, <то я> тебя запрю в клеть. И тем не могла унять. Тогда мать свела дочь в клеть, заперла дверь, снаружи привалила к ней пень. Дочь не стала уже петь, а стала просить, чтоб ее пустить. — Но мать не отперла дочь во всю ночь.

* № 5 (рук. № 7).

[«*Есть червь...*»]

<Есть червь, и на черве есть шелк. И шелк так тонк, что ни одна <женщина> не может так тонко прясть.>

* № 6 (рук. № 7).

[«*Жил дядя Петр...*»]

<Жил в избе дед. Как пришла ночь, в избе стало темно, и в избу в окно влез вор. Не труди себя, вор, не ищи, что взять. У деда и днем не найти, что взять, у него ничего нет.>

* № 7 (рук. № 7).

[«*Несла Жучка кость через мост...*»]

Вошла Шавка на мост, несла во рту кость. Видна была в воде ее тень. Пришло на ум Шавке, что в воде еще Шавка и у нее также

кость. Она в воду прыг. Кость ее вода снесла, и себя Шавка едва спасла.

* № 8 (рук. № 11).

[«Пошли дети на гумно...»]

Пошли дети на гумно, и пошла у них игра в волки и овцы. Петя был волк. Он вошел в скирды и видит шест. Он взял и влез по шесту на скирд. На скирду было мягко, и Петя лег. А овцы ждали, ждали волка, нету волка. Стали его звать. Не нашли Петю. Так и ушли. Пришла мать. Где Петя? Где Петя? Пошли по полю, по лесу. Нет Пети. А Петя на скирде спал. Спал, спал и слез с скирда. Ты где был? Я на скирде спал.

** № 9 (рук. № 11).

[«Сел дед пить чай...»]

<Сидел старик, пил чай. Пришел внук, сказал: и мне дай. Старик чаю дал, и баранку дал, и сказал: Чай пей, наземь не лей. На чай дуй, а баранку жуй.>

* № 10 (рук. № 11).

[«Сел рой на куст...»]

<Летел пчел рой и сел на дом мой, и стал у меня год целый мед белый.>

* № 11 (рук. № 11).

[«Слепой шел домой...»]

Слепой шел домой и нес фонарь. А зрячий шел и сказал: Какой ты смешной, слепой, сам не видишь, а несешь фонарь рукой. Слепой сказал: Я не вижу, так видит другой, не столкнет меня с ног долой.

* № 12 (рук. № 11).

[«Пришла весна...»]

<У Миши и Тани была игра вот так: Они влили в таз воды. Взяли две щепки, и эти щепки были у них лодки. Они сели у таза и стали дуть на щепки. Ты дуй, и я буду дуть.>

* № 13 (рук. № 13).

[«Ушли два мужика...»]

<Жили на деревне два мужика. Пошли они вместе на работу. Работа была трудная — рубили дрова. Когда мужики пришли после работы на деревню, они делили барыши и спорили: одному мало было, другому мало было.

Спорили три дня, и все мужики судили. Три дня работы не было. Лучше бы эти мужики всё время рубили дрова, а то много время прошло.>

* № 14 (рук. № 13).

[«*Попался зверь-хорек в ловушку...*»]

Попался зверек ласточка в мышеловку и стал просить хозяина, чтоб он не убивал его. Я нужна тебе, я мышей ем за то, что они твое добро едят. — А хозяин сказал: мышей-то ты ешь, да с ними вместе и мое добро ешь, и убил ее.

* № 15 (рук. № 13).

[«*Был один глупый мужик...*»]

Сидел мужик верхом на суку лицом к дереву и рубил перед собой сук. Шел мимо мужик и говорит: Когда ты отрубишь сук, ты упадешь. Мужик не поверил и сказал: Я вчера срубил так сук и не упал. Другой мужик сказал: Ты не упал потому, что ты сидел задом к дереву. Мужик на суку не поверил и стал рубить. Отрубил до половины. Затрещал сук, и полетел мужик кверху ногами.

<Был Филя глупый. Сел на сук и взял пилу. Не пили, Филя, тот сук. А Филя: Ступай, мне не мешай. Глядь — Филя уж на земле. Ай. Ай. Ай.>

* № 16 (рук. № 13).

[«*Стало мышам плохо жить от кота...*»]

Не стало мышам житься от кота. Что ни день, то двух, трех поймает. Собрались раз мыши и стали судить, как бы им от кота спастись. Судили, судили, ничего не могли придумать. Вот один молодой мышонок и говорит: Вы меня послушайте. Я знаю, как нам от кота избавиться. Только послушайте меня, нам кот ничего не сделает.[175] Ведь мы отчего же погибаем? Оттого что не знаем, не ждем, как он к нам подкрадывается. — Вот что сделать надо. — Мыши все насторожили уши, стали слушать. — Вот что, мыши, сделать надо. Надо коту на шею бубенчик навязать, чтобы он гремел. Как только он станет к нам подходить, мы услышим и разбежимся.

— Это бы хорошо, сказала старая мышь, да только надо бубенчик коту на шею навязать.

Беда в том, кто навяжет. Придумать ты придумал, а вот навяжи коту бубенчик на шею, тогда мы тебе спасибо скажем. —

* № 17 (рук. № 13).

[«*Две крысы нашли яйцо...*»]

Две крысы нашли яйцо. Хотели они его разбить и съесть пополам. Вдруг налетела ворона. Крысы видят, что дело плохо, и стали придумывать, как яйцо утащить от вороны. Нести — нехватишь, катить — разобьешь. И придумали крысы. Одна легла на спину, ухватила яйцо лапками, а другая потащила ее за хвост. И так утащили крысы яйцо от вороны в подполье.

* № 18 (рук. № 13).

[«*Мышка вышла гулять...*»]

Мышонок вышел погулять. Походил по двору и вернулся к матери. Ну, говорит, матушка, я двух зверей видел. Один страшный, а другой добрый. Когда другой раз пойду, от страшного буду прятаться, а с добрым[176] хочу завести дружбу. Расскажи же, какие эти два зверя? Мышонок и стал рассказывать:

Страшный ходил по двору. Ноги у него черные, длинные, хохол красный, глаза навыкате и рот как клещи, точно железный. Увидал он меня, раскрыл пасть, поднял лапы, захлопал и закричал таким страшным голосом, что я от страху повалился на землю. — Это петух, сказала старая. Он никому худого не делает, и ты напрасно его испугался. Ну а другой какой? — Другой зверь лежал на солнышке, чистенький, серенький, гладенький, лапки мягенькие. Лежит, язычком белую грудку полизует и чуть хвостиком помахивает. — Это кот, сказала старая мышь. Это самый страшный для нас зверь.

* № 19 (рук. № 13).

[«Пошел раз лев на охоту...»]

ОСЕЛ СО ЛЬВОМ НА ОХОТЕ

Пошел раз лев на охоту и взял с собой осла. Ты, говорит, осел, зайди в лес и кричи, что есть мочи, ты горласт. Звери испугаются, разбегутся, а я их на полянках буду ловить. — Так и сделали. Звери испугались осла, разбежались, и лев переловил много зверей. Лев похвалил осла, и с тех пор осел кричит во всю

глотку, всё ждет, что его похвалят.

** № 20 (рук. № 13).

[«*Ребята ездили с горы...*»]

На праздниках привезли ребята на гору сани, подняли оглобли и насажали полны сани. Сперва насилу сдвинули сани с места, потом они сами покатались, сперва потихоноку, потом всё шибче и шибче. Стали по ухабам подпрыгивать, а ребята стали покрикивать. Потом разлетелись сани так шибко, что дух захватывало. И сбились сани на бок, попали в сугроб, и все в снег вывалились. Никто не ушибся, и всем весело было, и опять повезли сани на гору.

Пошли дети на гору, взяли салазки, сели на них верхом. Гора была очень склизка. Салазки пошли шибко, задели другие салазки и вывалили всех ребят.

* № 21 (рук. № 13).

[«*Старик сажал яблони...*»]

Старик сажал яблони. Ему сказали: Зачем тебе яблони, ты не дождешься с них яблоков.

А он сказал: Не все для себя трудятся, и пчела не на себя работает.

* № 22 (рук. № 13).

[«*Был у дурака нож...*»]

Был у человека хороший ножик. Ножик резал всякое дерево. Попытался этот человек разрезать ножом железный гвоздь. Гвоздя не разрезал. Человек сказал: Ножик дурен. Дай попытаюсь кисель резать. И кисель ножик не резал. Что разрежет, то опять сольется. Человек бросил ножик. — Куда он годен, если и киселя не режет. Булат железо и кисель не режет.

* № 23 (рук. № 13).

[«*Один царь строил себе дворец...*»]

Один царь построил себе дворец и перед дворцом разбил сад. Случилось — на самом том месте, где был сад, стояла избушка и жил в избушке мужичок. Захотелось царю эту избушку снести, чтобы она его сад не портила. Царь послал к мужичку министра купить избушку. Министр позвал мужичка и говорит: Ну, брат, тебе счастье, царь хочет твою из-

бушку купить. Она рублей 10 стоит, а он тебе 100 р. дает. Мужичок говорит: Нет, я избушку за 100 р. не продам. Министр говорит: Ну возьми 200. Мужик не отдает. Министр стал давать 1000. Мужичок всё не отдает. Да сколько же тебе? сказал министр. Да я миллиона не возьму, сказал мужичок. Как мне продать? Мой и дедушка и батюшка тут умерли, и я в ней состарелся и умру, бог даст. Министр рассердился и говорит: Ну так я ее даром снесу. Пришел к царю и говорит: Мужичонко упрямый и ничего не берет. По-моему и платить ничего не надо; а пошли солдат разобрать избушку и всё. Царь говорит: Нет, нельзя. А министр говорит: Нельзя и оставить. Как же рядом с твоим дворцом избушка стоять будет. Царь говорит: Ничего. Кто посмотрит на дворец, скажет: царь богатый и сильный был. А кто на избушку взглянет, скажет: и правда в царе была.

* № 24 (рук. № 13).

[«Мать с дочерью достали бадью воды...»]

Мать с дочерью достали из ручья бадью воды и хотели несть в избу. Дочь сказала: Ма-

тушка, тяжело несть, дай я солью. Мать сказала: Если сольешь, не хватит семье на питье. Дочь сказала: Ну так я отолью, дома не буду пить. — А дядя шел подле, сказал: Смотри, если дома станешь пить, я тебя плетью прибью. Дочь не стала сливать бадью, а напилась в ручье.

* № 25 (рук. № 13).

[«Кобыла ходила день и ночь...»]

Кобыла увидела, как вол пашет, и стала ему говорить: Зачем ты трудишься и потеешь? Не лучше ли по полю ходить, кормиться. То ли дело наше житье. Я бы на твоём месте не стала бы пахать. Вол и послушался кобылы, заупрямился, не стал работать. Побился, побился с ним хозяин и бросил, выпряг и пустил его. Пахать надо было, нечего делать, хозяин взялся за кобылу, запрет её. А вола убил на мясо.

* № 26 (рук. № 13).

[«Спорил один мужик с другим...»]

Заспорил один человек с другим, кто больше выпьет. Один пьяный и говорит: Я всё мо-

ре выпью. — А не выпьешь. — Выпью. — Об заклад. — Давай об заклад об тысячи руб-лях. — Бьюсь об заклад. — Побились об заклад и разошлись спать. Вот наутро проснулся тот, что хвастал, и думает, как быть. Думал, думал и придумал. Когда стали ему говорить, чтобы он шел море пить или 1000 рублей отдал, он и говорит: Я взялся море выпить, и выпью море. Только я рек не брался всех выпить. Вы за-прудите все реки и ручьи, чтобы из них вода в море не текла, тогда я море выпью.

* № 27 (рук. № 13).

[*«Худой волк ходил подле деревни...»*]

Голодный, худой волк встретил раз ночью сытую, гладкую собаку и стал завидовать ее житью. — Мы, сказал волк, мучаемся из-за корму. Сколько труда, опасности переносим. Верст 50 в день избегаем, и всё еле живы, а ты вот какая гладкая. Скажи, что ты делаешь, за что тебе от людей такое житье хорошее? — Дело наше, сказала собака, по ночам двор караулить, лаять. За то нас хозяева и кормят. — И за это вас кормят хозяева? спросил волк. — За это. Поступи в нашу службу и тебе то же

будет. — Как не поступить, сказал волк, чего же легче этого дела, сейчас пойду к вашему хозяину. Примет ли? — Примет. — Волк обрадовался и пошел с собакой на двор. У самого двора волк заметил у собаки на шее шерсть стерта. — А это у тебя отчего? спросил он. — Да так, сказала собака. — Нет, ты скажи. — Да днем привязывают меня за это место. На цепь привязывают. — Ну, прощай. Я уж лучше поголодаю, да на воле.

* № 28 (рук. № 13).

[*«Хотела галка пить...»*]

Галке негде было напиться, увидала она маленькой кувшин, а в кувшине только до половины была вода. Сколько ни билась галка, всё нельзя напиться. Галка взяла глины и стала кидать в кувшин, из воды пошли пузырьки, и вода стала выше. И столько галка бросила в кувшин глины, что можно было напиться.

* № 29 (рук. № 13).

[*«У одной женщины был болен старший сын...»*]

Заболел у матери старший мальчик. Муж сказал: Если бы меньшей Петька захворал, я бы не тужил, а старшенького жаль. А мать сказала: Обоих жаль. Какой палец не укуси, всё больно.

* № 30 (рук. № 13).

[«*Пришел раз еж к ужу...»*]

Попросился раз еж к ужу в гнездо. Уж пустил его на время. Только как залез еж [в] гнездо, не стало житья ужам. Уж и говорит ежу: Уходи ты от нас, мои ужаты об твои иглы перекололись. Уходи, нам от тебя житья нет. А еж говорит: Тот и уходи, кому житья нет, а мне хорошо, зачем мне уходить.

* № 31 (рук. № 13).

[«*Заели лисицу блохи...»*]

Заели лисицу блохи. Она и придумала, как их изжить. Пришла к реке и стала с кончика опускать в воду хвост. Блохи с хвоста попрыгали на спину. Она стала задом пятиться. Блохи всё от воды выше собирались. Она еще опустилась, так что только головка осталась. Тогда она еще окунулась глубже, и блохи по-

скакали на берег, а она нырнула и вышла в другом месте на берег. Увидал это волк и говорит: Экая глупая. Ведь блохи-то живые остались. Я это скорее сделаю и блох погублю. Размахнулся в реку и нырнул глубоко. Сидел, сидел, вылез, а блохи на нем отжили и опять стали его кусать.

* № 32 (рук. № 13).

[«*Мужику с возом надо было ехать через реку...*»]

Мужик хотел с лошастью переехать через реку. Он вошел на паром и стал за повод тянуть лошадь. Лошадь была упрямая и потянулась назад, тогда мужик догадался, вышел на берег и стал за хвост тянуть ее назад. Лошадь еще больше заупрямилась, вырвалась и прыгнула в паром.

* № 33 (рук. № 13).

[«*Червь делал шелк...*»]

Паук смеялся над шелковичным червем за то, что он так долго свой шелк делает. Посмотри — я живо угол опутаю паутиной. — Зато твою паутину сметают, а мой шелк за зо-

лото продают.

* № 34 (рук. № 13).

[«У дяди Митяя была каряя лошадь...»]

Зашел поводырь с медведем к мужику ночевать. Заперли медведя в свиной хлев, а борова оттуда вывели. В ту же ночь пришли воры, хотели борова украсть. Влез вор в хлев и стал руками шарить. Медведь услышал да и сграбал вора. Стал вор кричать. Прибежал хозяин, поймал вора.

* № 35 (рук. № 13).

[«Стал лев стар...»]

Лев умирал. Собрались звери смотреть на него. Все смотрели и ждали молча. Им и страшно и жалко было. Пришел осел, закричал, повернулся задом и лягнул льва. Лев только вздохнул и ничего не сказал, а звери разорвали осла.

* № 36 (рук. № 13).

[«Сидела птичка на ветке...»]

Слетел перепел в сеть на семя, охотник захлопнул сеть и посадил его в клетку. Другие

души губят, подумал перепел, целы остаются, а я только семячко клюнул и за одно семячко погибаю.

* № 37 (рук. № 13).

[«*Стало у мужика много мышей...*»]

Завелось у хозяина в доме много мышей. Хозяин взял в дом кошку, чтоб она мышей ела; а кошка думала, что ее затем взяли, чтоб она отъедалась. Вот и стала кошка кости, помои, корки, молоко есть и стала отъедаться и скоро стала гладкая и жирная. Пришел раз к кошке кот в гости и стал спрашивать про ее житье. Кошка говорит: Житье хорошее. Одно было нехорошо, как я худа, шершава была, я боялась, что меня хозяин держать не станет, ну а теперь отъелась, гладкая стала, я уж не боюсь, он меня не сгонит, другую кошку теперь не скоро откормит. А хозяин в тот же день об кошке говорил с хозяйкой: Что, хозяйшкa, кошка наша зажирела, мышей не ловит. — И то, только лопаает, проклятая, надо взять худую. Хозяин взял жирную кошку, забросил в лес, а себе принес худого котеночка.

* № 38 (рук. № 13).

[«Пришли неприятельские солдаты в чужую землю...»]

Пришли неприятели в чужую землю. Мужики стали разбегаться. Один мужик побегал в поле искать свою лошадь, нашел и стал ловить ее. Лошадь не давалась. Мужик и говорит: Глупая! тебя неприятели возьмут. А лошадь и говорит: А что неприятели в две телеги сразу запрягать будут или тоже в одну. А коли всё то же будет, так что же мне, и у них такое же житье, как и у тебя, будет.

** № 39 (рук. № 13).

[КАК ТЕТУШКА РАССКАЗЫВАЛА БАБУШКЕ
О ТОМ, КАК ЕЙ РАЗБОЙНИК ЕМЕЛЬКА ПУГАЧЕВ
ДАЛ ГРИВЕННИК]

ПУГАЧЕВ

Было это дело 100 лет тому назад. Царицей была Екатерина Алексеевна. И проявился в России человек, называл себя царем Петром, собрал много народа и ходил по деревням, по городам. Мужиков отпускал на волю, а господ вешал, только тех миловал, кто его признает царем, а кто не признает, тем голову рубил и

вешал. — Жил тогда барин Ивлев за 80 верст от города Казани, на реке Мёше. Было у него большое имение, сто дворов крестьян, большие леса, земли пахотной много, две мельницы на реке и большой дом барский с садами и усадьбой. — У Ивлева была жена и двое детей. Один мальчик году да девочка 10 лет. Когда прослышал Ивлев про названного царя Петра, что зашел он в Казанскую губернию, и жжет господские дома, и вешает господ, он и говорит жене: Слухи есть, что за Камой рекой стоит этот царь. От нас 150 верст. Как бы к нам не зашел. Оставаться нам тут нельзя. А и ехать тоже — хуже бы не было. Как бы он нас дорогой не перехватил. Поеду я один в Казань и приведу оттуда солдат. С солдатами вас и провожу. Я раньше недели обернусь; а без меня, бог милостив, не дойдет еще до нас. Простился и уехал. — Прошло 5 дней. И разболелся у барыни сынок. Кричит целый день и ночь и ничего не ест. Хотела барыня за доктором посылать, да далеко до города, и погода осенняя, грязь непролазная, и дни короткие. Не поедет теперь доктор. Вот сидит барыня вечером в нижних горницах и на переменах

с няней носят, качают мальчика, а он всё кричит. И не знают, что делать. Старшая девочка рядом в горнице в куклы играет. А на дворе ветер, дождь ставни колотит. Захотела старшая девочка спать, приходит к няне. — Няня, положи меня спать. — А няни не до ней. Расплакалась и старшая девочка. Барыня и говорит: Ах, какая ты, Настя, бессовестная, видишь, братец болен, подожди, положат, — И стала опять рукой животик тереть мальчику. Позатих он, вот она положила его в зыбку. Хотела идти положить дочь, вдруг слышит — опять закричал, и в тот же раз кто[-то] в двери стучит. Ну, думает, верно, муж. Слава богу, всё мне веселее будет. — Поди, говорит, Настя, в переднюю, это отец тебе гостинцы привез из города, а я сейчас приду. Настя обрадовалась, побежала. Не добежала она до передней. Бежит ей навстречу старик Зиновий (он в доме жил). Бежит бледный, ухватил ее за руку, волочит назад. Прибежал к барыне. — Матушка, они, злодеи, приехали. На тройках и народу видимо-невидимо; говорят, царь Петр Алексеевич едет, покои ему приготовить. Барыня, как сидела, так и замерла и не знает,

что делать. А няня — старуха была бойкая, умная, вскочила, схватила мальчика и барыню за руку. — Пойдем, а ты, Зиновий, отворяй да скажи; никого господ нету. Ухватила барыню за руку, потащила ее в сени, из сеней по грязи через двор да в баню. А на дворе, слышат, народу пропасть — шумит, бранится. Только хотели в баню, слышат — идут двое, няня говорит: Беги сюда. А мальчик испугался ли — и кричать перестал. Свела нянька барыню в картофельную яму, спустила и посадила на картошку. Сама побежала назад. Живо из сундучка достала рубаху, сарафан, платок, раздела Настю, разула, надела на нее посконную рубаху, сарафан, а господское платье запрятала. Пока она возилась, а по дому, слышат, народу пропасть, сапожищами [стучат,] кричат, ищут. Только она убрала девочку, ломится в дверь какой-то. Ручку не умел повернуть, сорвал замок, ввалился — высокий, плечистый, стриженный и губа рассечена. И видно — пьян. — Здорово, старуха. Сказывай, где господ, а то заporю. Няня говорит: Нету, родимый, уехали все в Казань. Одни мы, слуги, остались. — А девчонка чья? — Моя, родимый,

внучка с деревни пришла погостить без господ. Стал человек оглядывать горницу. Открыл сундук, раскидал платье, выбрал два одеяла, понес, сам шатается. —

Просидели они так всю ночь. Няня не спала, а Настя заснула. Наутро приходит человек, одет в соболью шубу, и за ним народ, ему кланяются. Вошел. — Ну, старуха, дождалась воли. — Спасибо, родимый. — Не родимый, а я царь. — Я, глупая, не знаю, как сказать. — Твоя девочка? — Моя, батюшка. — Поди, девочка, не бось. Полез в карман, достал гривенник, дал.

В обед няня оставила Настю. — Дай я сбегаю, барыню проведу. Снесла хлеба, молока. — Ничего, говорит, мальчику получило. Погостили день, переломали все сундуки, всё хорошее увезли, уехали. Вернулась барыня, и скоро муж вернулся. И не знали, как няню отблагодарить.

ЧТО МНЕ ДЕДУШКИНА МАТЬ РАССКАЗЫВАЛА ПРО ПУГАЧЕВА

Мне было 10 лет, мы с матушкой жили в Казанской губернии в деревне Ломцах. А ба-

тюшка уехал в Казань. Было это дело поздней осенью. Погода стояла дурная — дожди, холода. Ночи были темные и длинные. Прошел у нас слух, что проявился самозванец. Называет себя царем, собрал народу тысячи и ходит по городам и деревням, народ отпускает на волю, а дворян жжет и вешает. — Я тогда еще была мала, не смыслила, но помню, что няня Афанасьевна стращала меня Пугачевым и говорила: Вот погоди, Пугач придет, перестанешь блажить. — Помню, вечером раз сошла матушка вниз в детскую к братцу. Ему было тогда два года; а меня оставила одну с Марьей Никитичной в гостиной. Марья Никитична вышла из горницы, а я взяла да ей все спицы на чулке спустила. Не нарочно. Я хотела вязать, да нечаянно спустила. Пришла Марья Никитична, забранилась и отвела меня вниз к матушке. Матушка и говорит: Нет в тебе жалости. Твой брат болен, и отца дома нет; чем бы тебе мне пособить, уж не маленькая, а ты шалишь. Садись и вяжи снурок. Не отпущу, пока два аршина не свяжешь. Я села, стала вязать снурок. И так мне скучно стало. В детской темно. Брат всё кричит, и то матушка, то

няня носят его на руках — укачивают. А в окна дождик хлещет, и слышно — ветер в трубе свистит. Хотела уж я прощенья просить у матушки, да вдруг пришла в детскую Анисья. Она прежде за матушкой ходила, а теперь за кучером замужем была. Она часто хаживала к матушке и всё ей рассказывала, что на дворе не делается. Пришла она и говорит: Ну, матушка барыня, Герасим из Волковского приехал, сказывал — нынче туда Пугач будет: передовые приехали. А матушка говорит: Будет тебе выдумывать. И так скучно без мужа да ребенок больной, а ты страсти рассказываешь. — Анисья села и стала рассказывать, что в Воздреме, говорят, Пугач старика барина повесил, двух детей задушил и весь двор сжег. Афанасьевна стала креститься, а матушка обернулась ко мне, и я вижу бледная, как полотно, и говорит: Ступай, Анночка, не шали вперед. А мне уж страшно стало. Я подошла к матушке и приласкалась. И говорю: Нет, позвольте мне с вами побыть. — Ну оставайся, да скоро и спать. Матушка отдала братца няне, сама вышла куда-то. — Стала Афанасьевна спрашивать Анисью про Пугачева, а я си-

жу и слушаю. Вдруг слышу — бежит кто-то в дверь и прямо ко мне. Это матушка, а за ней Прохор наш, старик. И матушка на себя не похожа, схватила братца и меня за руку, кричит: Спрячь нас, веди куда-нибудь. Приехал он, Пугачев приехал. Пропали мы.

ГРАММАТИКА ДЛЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

* № 1 (р^{ук. № 1}).

20 АПРЕЛЯ 1874

ГРАММАТИКА ДЛЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

1) Ряд слов с изменением б в п и т. д. — Из этого прописи и образцы сочинений.

2) Ряд слов по Перевлевскому с ъ — сочинения и прописи. И находить корни слов.

3) Грамматика. — Есть слова переменяются, к чему их сказать, и есть не переменяются.

—

Переменное и неперемнное.

Уже, на, после, сзади, и, очень, совсем, из, и, без, но, достаточно, разве, только, ничего, не, из, со, уже, потом, сколько, за, никогда, нельзя, еще, иногда, даже, так, на, в, над, где, за.[177]

Переменять можно об себе, обо мне и о нем, о самих о нас и о них.

Было есть и будет.
Еще переменять можно:
Пила лежит.
От пилы отбили кусок.
Пиле нужна ручка.
Пилу зазубрили.
Пилой режут.
О пиле спорят.
Тетка спит.
От тетки дочь.
Тетке хлеб.
Тетку обвинили.
Теткой сделали.
Большой мужик.
Большая баба.[178]
Точку. Упражнения. Стали пить чай хороший. Мужик пришел.

1) Есть слова вовсе не переменяются, это предлоги, наречия, союзы.

2) Есть слова только по числу переменяются, а по роду не переменяются, это существительные.

3) Есть слова только по числу и роду переменяются, это прилагательные и местоиме-

ния.

4) Есть слова и по числу и по роду и по времени переменяются, это глаголы.

По числу переменяются:

<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>
сущ.	прил.	мест.	глагол

По родам:

<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>
прил.	мест.	глагол

По лицам:

<u>1</u>	<u>2</u>
⟨местоимение⟩	⟨глагол⟩

По временам

<u>1</u>	<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>
глагол	сущ.	пр.	мест.

Непеременные

1) Как писать эти слова и соединять предлоги.

2) Слова по числу — существительные и местоимения. Как изменять?

3) Слова по числу и роду — прилагательные и местоимения. Как изменять? — по падежам и сравнениям.

4) Слова по падежу, числу, роду и времени. Как изменять? — наклонения и причастия, деепричастия.

* № 2 (рук. № 2).
ПРАВОПИСАНИЕ

Упражнения грамматические.	Упражнения практические.
[I]	Произношение и письмо.
1) Какие слова не переменяются, все выписывать или подчеркивать.	1) Читать вслух, громко произнося. Курсив.
2) Какие переменяются по числам, не переменяются по родам — отмечать.	2) Писать большим шрифтом, где пишется не так, как говорится.
3) Какие переменяются по числам и родам, а не переменяются по лицам, временам — отмечать.	3) Упражнения на доске из ошибок. Њ
4) Какие переменяются по всем — отмечать.	1) Прописи из Перевлевского. 2) Всякую ошибку Њ справляться по Перевлевскому.

II	Знаки препинания.
1) Предлоги и союзы где соединяются, где нет.	1) Писать фразы, изменяя смысл от точки.
(не — с прилагательным.)[179]	2) Читать, изменяя смысл.
2) Существительное, падежи.	
3) Прилагательное, падежи и степени сравнения.	
4) Наклонение и причастия.	

[179]

I

1) Показать, что слова переменяются — по падежам и по лицам, по родам и числам и по временам.

2) Показать, что есть слова, которые не переменяются (выписывать непеременимые слова). И разделяются на такие, от которых переменяются слова, и такие, от которых не переменяются. Предлоги.

II

1) Переменяются слова: от того, что об себе, об тебе или об нем, о бабе, о мужике, о многом, об одном говорим, — глагол.

2) Переменяются слова оттого, что к нему приложили короткое слово — предлог. Они изменяются и без предлога. — Имена.

3) Переменяются от того, что — про женское и про мужское и среднее. Прилагательное.

III

1) Настоящее, будущее, прошедшее, неоконченное причастие.

2) Падежи. — Роды. — При[лагательное].

* № 3 (рук. № 3).

ГРАММАТИКА

ЭТИМОЛОГИЯ

РАЗДЕЛЕНИЕ НА СЛОВА И СЛОВЕЧКИ

Есть слова, которые можно сказать отдельно, и они будут иметь смысл: *Мужик, спит, холодно, хороший, вдруг*, и есть словечки короткие, такие, что их отдельно сказать нельзя, а они ставятся только для того, чтобы связывать другие слова: *на, в, и, у, под, чтоб, ес-*

ли, из.

Волк ночью, думая попасть в овчарню, попал на псарню.[180]

На и в словечки, а остальные — слова; почти две страницы и отдели словечки от слов.

РАЗДЕЛЕНИЕ СЛОВ НА ПЕРЕМЕННЫЕ И НЕПЕРЕМЕННЫЕ

Одни слова не переменяются никогда; как раз написано слово, так оно всегда и остается, к чему его ни поставь; а другие слова переменяются на конце, смотря по тому, к чему они сказаны.

Волк на псарне

Волк ночью, думая попасть в овчарню, попал на псарню.[181] Поднялся *вдруг* весь псарный двор, почуя серого *так близко* забияку.

Волк переменяется. Можно сказать: волка, волку. *Псарню* переменяется, можно сказать: *псарня*. *Думая* переменяется, можно сказать: *я думаю, ты думаешь, он думает*. Заметь тоже перемены: *Я залезу, ты залезешь, он залезет, я залезал, ты залезал. Ночью, вдруг, близко* — не переменяются.

Есть два рода слов, — *переменные* и *непеременные*. Чтобы узнать, переменное ли слово, или непеременное, надо попробовать отвечать это слово на вопросы: кто, от кого, кому, кого, о ком. Кто? волк; от кого? от волка; или попробовать сказать это слово про *прежнее*, про *теперешнее*, про *будущее*: *я думаю я думал*. Если слово не переменится ни от вопросов, ни от того, что скажешь слово про *прежнее* или про *теперешнее*, то это слово *непеременное*. Слово *вдруг* не может отвечать на вопросы: от кого? кому? и нельзя сказать про *прежнее* и *теперешнее*; стало быть, оно *непеременное*.

Прочти две страницы и отметь *переменные* и *непеременные* слова.

РАЗДЕЛЕНИЕ ПЕРЕМЕННЫХ СЛОВ НА ИМЕНА И ГЛАГОЛЫ

Слова *переменяются* или оттого, что они отвечают на разные вопросы, или оттого, что их говорят про *прежнее*, *теперешнее* и *будущее*. Слова, *переменные* от вопросов, называются *имена*, а слова, *переменные* от време-

ни — глаголы. (Прочти две страницы и отметь переменные, неперемennые, имена и глаголы.)

Имена

Имена переменяются от вопросов: 1) Кто? 2) От кого? 3) Кому? 4) Кого? 5) Кем? 6) Об ком?

Эти 6 перемен называются падежами.

Когда стоит имя на 1-й вопрос — кто? — то оно в именительном падеже, и чтобы помнить его, приставь к вопросу: кто? как его имя? как имя? — волк. На 2-й вопрос — от кого? — имя в родительном падеже. И чтоб помнить, приставь: от кого родился? — от волка. На 3-й вопрос — кому? — имя в дательном падеже, и чтобы помнить, приставь: кому дать? — волку. На 4-й вопрос — кого? — имя стоит в винительном падеже, и чтобы помнить, приставь: кого винить? — волка. На 5-й вопрос имя стоит в творительном падеже, и чтобы запомнить, приставь: кем сотворено? — волком. На 6-й вопрос имя стоит в предложном падеже, и чтоб помнить, приставь: о ком предложено? — о волке.

Те же перемены по падежам можно делать

с словом, если слово это говорится не про одного, а про многих. Им. волки. Р. от волков. Д. волкам. В. волков. Т. волками. П. о волках.

Ставить имя по всем падежам называется склонять. (Склоняй: волк, овчарня, весь псарный двор, про одного и про многих.) Просклоняй все имена в двух страницах, отвеча[я] на вопросы: 1) Как звать? 2) от кого родился? 3) кому дать? 4) кого винить? 5) кем сотворено? 6) о ком предложено? Запомни, что там, где в дательном и предложном падеже имя кончается на е, всегда пишется ъ: палкѣ, дворѣ.

Глаголы

Глаголы переменяются от времен, т. е. если скажешь его про прежнее, про теперешнее, про будущее, и еще от того, что скажешь глагол про себя, про тебя, про него, про вас, про нас, про их.

Глагол можно сказать про себя от своего лица: 1) я думаю. Про тебя от другого лица: 2) ты думаешь, и <про> него или про нее от 3-го лица: 3) он думает. И то же самое, если не я один, а нас много: 1) мы думаем, и не ты один, а вас много: 2) вы думаете, и не он один, а их

много: 3) они думают.

Переменять глагол по лицам от своего, другого и третьего лица или от многих своих, других и третьих лиц называется *спрягать* глагол. —

И спрягать можно глагол, говоря про прежнее — про прошедшее, про теперешнее — настоящее, и про то, что будет — про будущее.

Всякий глагол [можно сказать] с лицом, временем и родом: я *ходил*. Можно сказать без лица, только с временем и родом: *ходивший*. Еще можно всякий глагол сказать без лица и без рода: *думая*. И еще можно сказать без лица, рода, времени — *ходить*.

Настоящее

Я думаю, ты думаешь, он думает, мы думаем, вы думаете, они думают.

Прошедшее

Я думал,
.
.

Будущее

Я буду думать
.
.

Проспрягай в настоящем, прошедшем и будущем глаголы на 2-х страницах. Заметь, где во втором и 3-м лице пишется *ешь*, а где *ишь*, и в 3-м лице множественного где *ат* — лежат, где *ят* — ходят, где *ут* — возьмут, где *ют* — поют.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИМЕН НА НАСТОЯЩИЕ ИМЕНА И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Одни имена переменяются только по падежам, а другие еще по тому, что они говорятся про какой-нибудь род: про женское, или про мужское, или про то, что ни женское, ни мужское — про среднее.

Чтобы узнать, переменяется ли слово по женскому, мужескому и среднему роду, приложи его к мужскому имени и женскому имени: *Волк Иван*, *волк Марья* — всё будет *волк*. А *серый*, если приложить к мужскому имени, будет: *серый Иван*, а к женскому будет: *серая Марья*; стало быть, *волк* не переменяется по

родам, а *серый* переменяется. Имена, которые переменяются, когда прикладываются к мужскому или женскому имени, называются прилагательными.

Роды

Прилагательные имена переменяются по трем родам: 1) по мужскому: *старый* Иван; 2) по женскому: *старая* Марья, и по 3) по среднему: *старое* сено.

Найди все имена прилагательные в двух страницах и назови все роды настоящих имен. Заметь, что имена настоящие среднего рода кончаются на *ё*: *ружьё*, *дубьё*, или на *о*: *сено*, *окно*, *стадо*; на *я*: *имя*, *дитя*, или на *е*: *поле*, *море*. И заметь, что [прилагательные] женского и среднего множественного кончаются на *я*: *хорошия* стада, *руки* и *хорошие* люди.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИМЕН НА ИМЕНА И МЕСТОИМЕНА

Есть имена, которые переменяются, кроме того, что от падежей, еще от лиц, от того, что про себя, про тебя или про него говоришь.

Чтобы узнать, попробуй сказать имя от себя, от тебя, от него. Волк всё будет волк — от тебя, от себя или от него говоришь. А имя *мой* будет мой, если говоришь от себя, а если про тебя, то *твой*, а если про него, то *его*. Стало быть, оно переменяется еще по лицам. Так же *он*. Про него говорить — будет он, про себя говорить — будет я. От другого лица — будет ты. Стало быть, это слово переменяется от лиц. Оно говорится всегда вместо имени. Оттого и называется местоимением и переменяется по падежам, по лицам и по родам.

Те, которые переменяются по падежам, по лицам и по родам, местоимения прилагательные.

Найди все местоимения простые и прилагательные и перемени их по падежам, лицам и родам. Заметь местоимения: я, ты, он и то, что родительный и винительный — тебя, себя, и что женское и среднее множественное — онѣ.

Слова непеременимые называют *наречия*: где, там, когда, всегда, хорошо, дурно.

РАЗДЕЛЕНИЕ СЛОВЕЧЕК НА ПРЕДЛОГИ И

СОЮЗЫ

Одни словечки такие, что от них, если их приставить к имени, перемены не бывает, а другие такие, от которых имя переменяется. Такие слова, от которых имя переменяется, когда оно стоит *пред* ними, называются предлоги, и эти слова всегда перед именем пишутся отдельно, а с глаголами почти всегда пишутся вместе. —

Найди все предлоги отдельные и все предлоги слитые с глаголами. —

СИНТАКСИС

<В каждой речи есть одно главное слово.> Слово это потому главное, что если его выпустить, то все остальные слова останутся без связи и без смысла, а это слово можно сказать со всякими другими словами и спросить с этим словом про всякое другое слово. Волк испугал Петра. Испугал главное слово. Кто испугал? Волк. Кого испугал? Петра.

Волк ночью, думая залезть в овчарню, попал на псарню. Главное слово соединенное — думая[182] залезть, и к нему: кто д[умая] залезть? — волк. Когда д[умая] залезть? — но-

чью. Куда д[умая] залезть? — в овчарню. — Поднялся вдруг весь псарный двор. Главное слово поднялся. Как поднялся? — вдруг. Кто поднялся? — весь псарный двор. (Слова соединенные в одно и отвечают на один вопрос.)

Каждое главное слово с своими словами должно быть отделено от другого главного слова точкой или соединено союзом, если остальные слова особенные к каждому главному слову; но если остальные слова общие к двум главным словам, то запятой. Тут *волк ночью* — слова общие и отвечают на вопрос: *думая залезть* и *попал*, и потому запятая. Поднялся вдруг весь псарный двор. Главное слово — поднялся, и все слова к нему особенные, только к нему относятся, и потому тут точка. *Почуя серого так близко забияку, псы залились и рвутся* вон на драку. Тут три главных слова: *почуя*, *залились* и *рвутся*. Кто *почуя*? — псы. Кто *залились*? — псы. Кто *рвутся*? — псы. Стало быть, и тут слово *псы* общее 3-м главным словам, и потому каждое слово одно от другого отделяется не точкой, а запятой или коротким словом. Короткое слово всё равно, что и запятая. Псари кричат: Ахти, ребята,

вор. Главные два слова: кричат и вор. При первом главном слове: кричат — вопрос: кто? — псари; вопрос: что кричат? — Ахти, ребята, вор. Стало быть, вся речь: ахти, ребята, вор, только отвечает на вопрос, что кричат, и когда целая речь с своим главным словом отвечает на этот вопрос, то ставят: две точки.

И вмиг ворота *на запор*. На запор главное слово, и все слова особенны — точка. В минуту псарня стала адом. То же.

Бегут: иной с ружьем, иной с дубьем. На вопрос — кто? отвечает вся речь: иной с ружьем, иной с дубьем, — две точки. Но, кроме того, два слова отвечают на одинаковый вопрос: иной с дубьем, иной с ружьем, и потому — запятая.

А я не только впредь. Но, видя то, что... И волчьей клятвой утверждаю, что (соединительные союзы: *и, иначе, как*).

ДВОЙКОЕ СОЕДИНЕНИЕ СЛОВ

Простое соединение

Слова соединяются по два и по три, потому что одним словом нельзя назвать того имени, какое хочешь назвать, или нельзя сказать од-

ним словом того, что хочешь сказать про что-нибудь. Если два Ивана, то как назвать одного. Или Иван Михайлов, или Иван белый, или черный; итак, Иван и Михайлов, два слова, соединились вместе только для того, что[бы] назвать одно имя. Или, если хочешь сказать, что нынче пойдешь в баню, ты скажешь: пойдду мыться, или хочешь сказать, что опоздал встать, скажешь: поздно встал. Скажешь два слова, чтобы сказать только одно дело. Или хочешь сказать: много ворон. Скажешь: стая ворон. Так слова соединяются иногда по два и по три только для того, чтобы назвать одно имя или одно дело.

Так соединяются слова 1) или потому, что к имени приставляется другое прилагательное имя, чтобы сказать, какое это имя — псарный двор; 2) или потому, что к имени приставляется другое имя, чтобы показать, чего это имя. — *Стая гончих*; 3) или потому, что к имени или глаголу приставляется глагол без времени, чтобы сказать, что делать. — *Думал залезть, охота лазить*.

Это соединение простое.

Найти в 2-х страницах простые соедине-

ния.

Другое соединение бывает такое, что про что-нибудь, или кого-нибудь, или про многих говорится что-нибудь. То слово одно или соединенное слово, в котором сказывается что-нибудь про кого-нибудь, бывает главное слово и соединяет все другие слова.

Каждое главное слово с своими словами составляет отдельную речь (предложение) и должно быть отделено от другого главного слова (с его словами) точкой, если одно предложение имеет от другого особый смысл.

Соединение предложений

Предложения соединяются 1) тем, что к двум главным словам относится одно и то же слово. Волк, думая залезть в овчарню, попал на псарню. Предложения эти соединены тем, что волк относится и к *думая залезть* — кто думая залезть? волк, и к *попал*. Кто попал? волк. И потому эти предложения соединены и отделяются не точкой, а запятой. Предложения эти соединены еще тем, что главные слова: *попал* и *думая* — соединены между собою тем, что *думая* стоит без лица.

Поднялся вдруг весь псарный двор.

Главное слово стоит отдельно от другого главного слова с своими словами.

[183] Почуя серого так близко забияку, псы залились и рвутся вон на драку. Псы — общее слово к 3-м главным словам и соединено *почуя* с *залились* тем, что *почуя* стоит без лица и с *залились* запятою соединяются.

[184] 2) Тем, что одно предложение всё отвечает на вопрос другого. — *Псари кричат: Ахти, ребята, вор.* Главное слово *кричат*. Кто кричат? Псари. Что кричат? *Ахти, ребята, вор.* Но *Ахти, ребята, вор* — предложение с главным словом: *вор* — и потому оба предложения соединены. Если бы сказано было: *кричат вора*, то было бы одно предложение, но здесь 2 соединены тем, что одно служит ответом на вопрос главного слова. Я сказал: *пойду в лес* и т. п.

Бегут иной с дубьем, иной с [185] ружьем. Бегут — кто? Иной с ружьем [186]. Если бы отвечало на вопрос, то было бы: *бежит* кто? Иной с ружьем, но тут: *иной с ружьем, другой с дубьем* — оба вместе отвечают и составляют отдельные предложения, соединенные.

3) Предложения соединяются тем, что промежу́ду слов предложения вставлено другое предложение или слово, не отвечающее на вопрос главного слова. *Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть. Кажется* не подходит к другим словам и составляет отдельное предложение. *Ты сер, а я, приятель, сед.*

4) Тем, что соединяются союзами главные слова. *Не только впредь не трону ваших стад, но сам за них с другими грызться рад.* Слова *не только, но* соединяют *трону* и *рад грызться* — два главные слова. И волчьей клятвой утверждаю, что буду. *И, что* — и утверждаю, что буду. *С волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой.* — *Иначе, как.*

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть; но, видя то, что тут не перед стадом. *Но* — соединяет. —

Запятые ставятся: 1) везде, где нужно <отделить> предложение не полное: 2) везде, где два предложения соединены, и 3) везде, где в предложении надо бы поставить два одинаковые ответа на один вопрос и где по смыслу надо поставить *и* или *да, еще.* —

Вот кот и коза пошли.
Убили утку, зайца и куропатку.
Жестокий, сильный и опасный враг.

* № 4 (рук. № 4).

КАК СЛОВА ПЕРЕМЕНЯЮТСЯ (Этимология)

Бык, собака и сено 1,
стр. 22.

Слова, переменяющиеся от коротких слов.
Имена. Слова, переменяющиеся от времени.
Глаголы.

Слова, переменившиеся от коротких слов,
в басне Волк и ягненок. Подразделение их на
слова, имеющие смысл, могущие быть сказа-
ны отдельно и не имеющие смысла. Наречия
и частицы. —

Разбор басни с отделением 4-х родов слов.
Определение 4-х родов слов. —

1) *Имена*. Басня <Волк и лисица.> Выпи-
сать все имена — существительные, прилага-
тельные, числительные и местоимения. —

(Настоящие имена — говорится одно слово
об одной вещи: Лев больной, мужик старый, и
ненастоящие имена — такие, какие говорятся

вместо имен, и то же слово можно говорить о разных вещах. — Это местоимения.)

Выписать местоимения главные.

Басня Лев, волк и лисица. Выписать все настоящие и ненастоящие имена. Настоящие имена бывают одни всегда одного рода, а другие разных родов. Разделение на существительные, прилагательные и усеченные прилагательные. Басня. Разбор.

(Местоимения бывают также существительные и прилагательные.)[187]

Басни, разбор. Имен существительных и прилагательных и местоимений существительных и прилагательных. —

Басни, разбор. Существительных, прилагательных, местоимений существительных и прилагательных, глаголов, наречий и частиц.

—

2) *Глаголы*. Басня с причастиями, деепричастиями и неоконч[енными]. Выписать глаголы. Одни глаголы с лицом, другие без лица с родом, третьи без лица и рода и падежа. С лицом называются глаголы, а без лица с родом причастия и без лица и рода причастные формы.

Басни, разбор глаголов. Басни разбор. Существительных, прилагательных, местоимений существительных, прилагательных, глаголов, причастных наречий и частиц. —

3) *Наречия*. Басня с наречиями и восклицаниями. Выписать все наречия и восклицания. Одни настоящие наречия — можно сказать просто, а другие не настоящие — можно только кричать.

Наречия и восклицания. Басня, разбор. Наречий и восклицаний. Басня, разбор. 1) Существительных, 2) прилагательных, 3) местоимений существительных, 4) местоимений прилагательных, 5) глаголов, 6) причастий, 7) наречий причастных, 8) восклицаний, 9) частиц.

4) *Частицы*. Басня. Выписать частицы и предлоги. Одни влияют, другие нет. Предлоги и союзы. Басня, разбор. Предлогов и союзов.

Три басни, разбор. 1) Существительных, 2) прилагательных, 3) местоимений существительных, 4) местоимений прилагательных, 5) глаголов, 6) причастий, 7) наречий, 8) восклицаний, 9) предлогов, 10) союзов. —

Существительные. 1) Басня (слова трех ро-

дов), выписать слова 3 родов. Существительные бывают трех родов: мужского, женского и среднего. Басни, разбор по родам.

2) Басня. (Слова разных чисел.) Выписать слова. Существительные бывают 2-х чисел. Басня, разбор по числам[188].

3) Басня. (3 стр. Лисица. Мужик.) Выписать слова. Существительное бывает в падежах. NB. Басня. Разбор по падежам.

4) Басня, разбор увеличительных и уменьшительных.

5) Басня с наречием существительным. Существительное бывает наречие. Разбор. Басни, разбор по всем свойствам существительного.

Прилагательное. 1) Прилагательное полное и усеченное. 1) Полное. Басня, разбор по родам.[189]

2) Басни, разбор по числам.

3) Басня, разбор по падежам.

4) Басни, разбор по степени превосходной.

NB. 5) Басня, разбор. Прилагательное усеченное — 1) по родам, по числам, по сравнительной степени, в среднем роде — наречие.

Басня, разбор по всем прилагательным.

Местоимение существительное. 1) Басня, разбор — роды.

2) Басня, разбор — числа.

3) Басня, разбор — падежи.

4) Басня, разбор (я, ты, он, никто, кто). Выписать. Местоимение бывает 1, 2 и 3 лица. Басни разбор.

НВ. 5) Басня, разбор. Личное и неличное. Кто ел, тот и убирай.

Басни, разбор по всем местоимениям существительным.

Местоимение прилагательное. 1) Басня, разбор — роды.

2) Числа.

3) Падежи.

4) Притяжательное, относительное и вопросительное. Разбор по всем.

5) НВ. Здесь. Где. Когда? Куда?

Глагол. 1) Басня, выписать 3 лица. Басня, разбор.

2) Число.

3) Время.

4) Наклонение изъявительное и повелительное.

5) Вид.

По всем.

<Причастные глаголы бывают 3 родов: 1) прилагательные причастия, изменяющиеся по временам, родам, числам и падежам и переходящие в прилагательные. 2) Причастия наречия (деепричастия), изменяющиеся только по временам, и 3) причастия существительные (неопределенные), изменяющиеся только по видам и залогам и переходящие в существительные. — Басня, разбор.

Басня, разбор по всему глаголу.>

** № 5 (рук. 4).

В середине всякого предложения — глагол.

Глагол или 1) один,

или 2) присоединяет к себе одно слово посредством а) согласования (жар свалил), б) управления (рубят дрова, нет хлеба), или в) посредством сопоставления (чисто выгорело, хочется спать).

или 3) находится между двумя словами, которые он соединяет по одному из 3-х способов,

или 4) соединений больше, чем 2. Тогда глагол соединяется с ближайшим соединен-

НЫМ СЛОВОМ В ОДНО ЦЕЛОЕ И УЖЕ ЭТО СОСТАВНОЕ СОЕДИНЯЕТ.

НВ. (Сопоставления всегда соединяются с глаголом.)

200 лет тому назад с башни Ивана Великого разнеслись на всю Москву заунывные звуки колокола.

Ближайший — *звуки колокола. Разнеслись* соединяет *звуки колокола* с другим ближайшим — *на всю Москву*, но есть еще с башни Ивана Великого, потому *звуки колокола разнеслись* соединяет с башни Ивана Великого с *на всю Москву*, но есть еще *200 лет тому назад*, и потому *звуки колокола разнеслись на всю Москву* есть [1 неразобр.] и соединяет *200 лет тому назад с башни*, и будет: 200 лет тому назад звуки колокола разнеслись на всю Москву с башни Ивана Великого.

** № 6 (рук. 7).

Возможные непосредственные соединения

Имена (существительное, прилагательное, местоимение)

1) Имена с именами.

2) Имена с глаголами.

3) Имена с наречиями.

Глаголы

4) Глаголы с глаголами.

5) Глаголы с именами.

6) Глаголы с наречиями.

Наречия

7) Наречия с наречиями.

8) Наречия с именами.

9) Наречия с глаголами.

Существительное, прилагательное, местоимение

1) *Мужик дурак* (существительное с существительным).

2) *Мужик глуп.* 3) *Ты глуп.* 4) *И старый нужен.*

5) — — — — — 6) *Он умный.* 7) *Он самый.* 8) *Он дурак.* 9) — —

По падежам

1) *Забота мужика. Сын купца.* 2) *Мужику соха.* 3) *Мужик мужика.* 4) *Дурак дураком.* 5) *Дурак в дураке.*

То же соединение прилагательных и ме-

стоимений.

Его сын. Умного горе. Умному я, а глупому ты.

Имена с глаголами

Мужик спит, я сплю. Старый спит.

Имена с наречьями

Отец старше. Мать моложе.

Глаголы с глаголами

Учится шить. Хочется спать.

Глаголы с именами

Убили бобра. Дать детям. Срезано пилой.

Глаголы с наречиями

Стало тепло. Замерзло крепко.

Наречия с наречиями

Тепло лучше.

Наречия с именами

Старше отца. Моложе матери.

Наречия с глаголами

Тепло спать.

Такое соединение есть простое предложение.

Сложное предложение есть соединение двух или многих несоединяемых простых частей речи посредством третьей главной.

Муж поехал на базар.

Мужик купил овса.

Мужик купил на базаре овса за деньги.

Когда третье слово соединяет две части речи, — все соединенные слова относятся к этому третьему слову, и, кроме того, присоединяются еще слова, относящиеся уже не к другому слову, а ко всему предложению. И все вместе составляет одно предложение. Одно предложение тогда, когда есть одно соединительное слово. — Как есть новое соединительное слово, так это знак, что другое предложение. Когда какие-нибудь слова не относятся к одному соединительному слову, то надо искать другое. И будет другое предложение, которое должно быть отделено точкой, если смысл отдельный, а если смысл связан, то запятой, точкой с запятой или двумя точками.

Соединительными словами могут быть все части речи.

Мужик купил овса — глагол.

Отец умный сыну глупому — прилагательное.

Отец радость сыну — существительное.

Отец мне друг — местоимение.

Отец умнее сына.

И чаще всего глагол с глаголом с неоконченным. Хочу искать.

<Где> сладкий шопот моих лесов.

Итак:

Слова могут соединяться непосредственно и посредственно.

Непосредственно.

<Старый мужик рано лег спать.>

<Куда пошел нынче старый> мужик?

** № 7 (рук. № 7).

Всякое имя (кроме прилагательного) имеет в себе глагол *быть*.

Соединяться могут: 1) слова, не имеющие включенного понятия бытия, с словами, имеющими это понятие. Большой человек.

Но не составляют предложения. Предложение составляет соединение, при котором включено одно понятие бытия с другим понятием бытия.

Я — сплю (я есмь), (сплю я). Я — велик (я есмь, велик есмь). (Жар есть), (свалил есть). Ум (есть) подспорье (есть).

Всякое имя (исключая прилагательное) включает понятие, что оно есть.

Всякий глагол (исключая причастие и неоконченное) включает понятие, что есть что-то или кто-то.

Прилагательное и причастие, соединенные с существительным, составляют речения — хотя и неполные. Большой мужик.

Глагол, соединенный с причастием и прилагательным, составляет речение, хотя и неполное. Хочется спать.

Только соединение имени существительного с глаголом составляет полное речение, утверждающее, что что-то существующее есть именно то-то.

Жар (что-то) свалил (есть именно сваливши).

Имя существительное, соединяясь с име-

нем существительным, дает определенное речение, что это есть то, что есть.

Глагол с глаголом не дает определенного речения, потому что два кто-то не могут слиться.

Речь может быть только тогда, когда мы говорим, что что-нибудь было, есть или будет. Во всяком глаголе включено понятие есть, был, будет.

Поэтому глагол есть главное слово речи.

(Глагол в настоящем времени иногда скрыт, но стоит переделать речение в прошедшее или будущее, и глагол окажется).

Поэтому всякое речение происходит из соединения глагола с другими словами. Глагол может соединяться прямо 1) согласуясь, т. е. усвоивая все изменения, которые ему свойственны, с одним словом, с которым он соединяется, или с обоими словами, которые он соединяет, и 2) посредством предлогов, соединяя одно согласованное слово с несогласованным или два несогласованных, и падежей, которых он требует, и 3) посредством присоединения неизменяемых форм, неоконченных и наречий.

Таким образом глагол соединяет между собою несколько частей речи. — Сколько есть падежей, столько и может быть соединений с глаголом. —

Кроме прямых соединений согласования и падежей, глагол соединяет еще имена, относящиеся к глаголу, 1) согласованием или 2) падежами между собою. —

Большое дерево разбило часть крыши. —

Дерево — большое может быть предложением, если оно соединено глаголом есть (было большое дерево). Точно так же часть крыши может быть предложением, если скажем: есть часть крыши, но здесь слова эти относятся к разбило, которое включает в себе понятие есть или было, ибо если оно разбило, то оно было; если разбило часть крыши или разбита часть крыши, то она была.

Глагол, соединенный с другими словами и соединяющий другие слова между собою, есть одно предложение тогда, когда по одному соединению одного рода. Когда какое бы то ни было соединение повторяется два раза — это соединение есть новое предложение. —

** № 8 (рук. № 7).

Переменяющиеся слова соединяются: или так, что оба в одних числах, родах, падежах, временах и лицах, или так, что одно, изменившись (имена) по падежу или (глаголы) по наклонению, навсегда остается в том же падеже или наклонении при слове, с которым оно соединилось, как бы слово это ни изменялось. (1) Большой мужик, взял убил, возьму убью (наперед намет[ил]). Кусок хлеба, куски хлеба, книга бытия, его отец, ему старший, хочу, хочет, хочешь купить.)

Короче: Переменяющиеся слова соединяются: или так, что оба изменяются вместе, или так, что одно изменяется, а другое остается с ним связанным всё в одном и том же изменении. —

Так как глагол только имеет то свойство, что к нему могут присоединяться другие имена в именительном падеже так, чтобы изменяться с ним вместе по родам и числам (согласоваться), и 2) так, чтобы оставаться всегда в одном изменении, тогда как глагол изменяется (управляться им), то глагол всегда и служит соединением между речами. (Там, где не

видно глагола, стоит переменить речение из настоящего в прошедшее или будущее, и глагол явится.)

Друг, родная ей тетка Баба Яга.

Ей друг, родная тетка была Баба Яга.

Чтобы узнать, с чем согласован глагол, стоит поставить другой род или число.

Ее друг был — Баба Яга.

Глагол с словом, с которым он соединяется, согласуясь, сливается в одно нераздельное. — Потому он скрывается в настоящем времени: ум (есть) подспорье, и слитое слово скрывается в нем: (я) люблю.

У меня $\frac{\text{нет}}{\text{много}}$ хлеба.

В рыбацком ремесле *иное дело*.

Ум разуму *подспорье*.

Сестра ее звалась Татьян-а-ой.

Рыбаку *прибыточнее* пахаря.

Старый барин тотчас же *пожелал* подать бедной женщине этот кусок хлеба своими руками. (Одно лишнее.)

Непеременяющиеся слова не согласуются, а присоединяются (наречия) ко всем словам, не изменяя их, или присоединяются (предло-

ги, союзы), изменяя слова, к которым присоединены.

У тебя *есть* кого *бранить*.

Пора спать.

Вот тебе *Юрьев* день.

Для кошки }
кошке } *изрушки,*

для мышки }
мышке } *слезки.*

С умным *найти*, с дураком *потерять*.

Белотурка пшеница бывает $\left\langle \begin{array}{l} \text{разная} \\ \text{сплошной куколь.} \end{array} \right.$

Твои слезы — *вода*.

Из гор реки — *вода* для животных.

Ножницы — *орудие*.

Мужик — *спит*. Мужуку не спалось.

Знаете ли вы, какое *наслаждение* выехать до зари.[190]

Иван хочет *испытать* чувство любви.

Петр знает удовольствие *кататься*.

Здесь пекут *хлебы*.

** № 9 (рук. № 7).

СОЕДИНЕНИЕ СЛОВ (СИНТАКСИС)

Материнская молитва со дна моря поднимает. —

Все слова эти, кроме *молитва*, переменены. Без перемен слова эти сказать так: Материнский, ская, материнское молитва с дно море поднимать. Материнская сказано потому, что *молитва*; *дна* сказано от *с*, *моря* сказано от *дно*, *поднимает* сказано от *молитва*.

Чем соединено *материнская* с *молитва*. — Тем, что стоит в том же роде, числе и падеже. — По всем переменам: по роду, числу и падежу, оба слова эти соединены, так что составляют как одно слово. Без материнских молитв тебе бы худо было. Тут эти слова в другом падеже и числе, но оба в одном числе, падеже и роде. Если слова соединены тем, что стоят[191] в одном роде, числе и падеже, то это называется,[192] что они согласованы, и соединение по всем переменам может быть только между существительным, прилагательным и причастием, потому что все три слова эти имеют роды, числа и падежи, и такое соединение есть полное согласование. —

Чем соединены слова *дно* и *моря*? Оба слова существительные. Одно стоит в имени-

тельном, а другое приставлено к нему в родительном падеже, и если переменить падеж первого слова *дно*, то падеж *моря* не переменится, и слово все-таки соединено: со дна моря, ко дну моря, на дно моря, дном моря, об дне моря.

** № 10 (рук. № 7).

СОЕДИНЕНИЕ СЛОВ СИНТАКСИС

Здоровье дороже богатства. Бог любит труды. Тут 6 слов. Можно ли их переставлять — одно прежде, другое после? Попробуем с конца слова наперед. Любит здоровье дороже богатства. Бог труды — нельзя, смыслу нет. Труды здоровье дороже — тоже нельзя. Бог здоровье — тоже нельзя. Богатства здоровье дороже. Это можно сказать. Дороже здоровье богатства.[193] И так можно. 3 слова эти можно переставлять, как хочешь, всё будет смысл. Также можно переставлять: Бог любит труды. Любит труды бог. Труды бог любит.

Слова, которые можно переставлять, как хочешь, и всё будет смысл, соединены и составляют одну речь. —

В обеих речах по 3 соединенные слова. Все ли они соединены одно с другим, или одно из них соединяет два другие. Откинь слово *здоровье*, останется *дороже богатства*, *дороже богатства* связано, откинь *богатства*. *Здоровье дороже* связано, но откинь *дороже*, и *здоровье* и *богатства* не связаны. Стало быть, коренная связь в слове *дороже*, а во 2-й речи в слове *любит*.

Во всякой речи есть одно главное слово, без которого все остальные слова будут без связи.

Соединение и слитие.	Хорошая хозяйка будет стараться об улучшении молвы.
Нельзя переставлять слитые слова.	Хорошая молвы стараться будет хозяйка об улучшении.

** № 11 (рук. № 7).

Мать стара. Мужик лежал. Зеленое сено. Палка длинна. Стадо овец. Радуются добру. Тут 12 слов. Какие соединены вместе, а какие стоят порознь. Мать стара — соединяются

вместе. Стара мужик — не соединяются. Мужик лежал — соединяются. Лежал зеленое — не соединяются. Зеленое сено — соединяются. Сено палка — не соединяются. Палка длинна — соединяются. Длинна стадо — не соединяются. Стадо овец — соединяются. Овец радуются — не соединяются. Радуются добру — соединяются. Стало быть, тут соединены по два слова вместе. Мать стара. Мужик лежал. Зеленое сено. Палка длинна. Стадо овец. Радуются добру. Все соединенные слова можно узнать по тому, что их можно переставлять, как хочешь, будет всё тот же смысл. Стара мать. Лежал мужик. Сено зеленое. Длинна палка. Овец стадо. Добру радуются. —

Отчего слова эти соединились. <Слова *Мать стара* соединились оттого, что оба в женском роде и единственном числе и в именительном падеже. Слова *Мужик лежал* тоже оттого, что *мужик* единственного мужского и *лежал* единственного мужского. Чтобы соединить *мужик* с *стар*, надо поставить в единственном мужского. Мужик стар. И чтобы соединить *мать* с *лежал*, надо *лежал* поставить в единственном женского. Мать лежала.

Зеленое сено и палка длинна тоже соединены тем, что стоят оба в одном роде, числе и падеже, и что если изменить одно слово, то оба переменятся вместе. Матери стары; лежали, то мужики; зеленые сена, палки длинны. Оба слова равны, и одно изменить, то и другое изменится.

[194] *Стадо овец* стоят в разных числах, родах и падежах, но соединены тем, что если одно слово переменить, то другое не переменяется. Стада овец. Радуются добру — соединены тем, что одно стоит в дательном падеже, но если изменить первое слово, то другое не переменится. Радуются добру. Радуюсь добру. Слабеют от старости. Слабею от старости. Хочу спать, начинаю учиться. Стало быть, слова соединяются или так, что оба переменяются вместе (и это называется согласуются), или от того, что одно слово приставляется к другому в каком-нибудь падеже или глагол в неопределенном, переменяется одно главное слово, а другое стоит в падеже или без времени, всегда остается без перемены. Есть два соединения: одно согласование, а другое приставка слова в падеже или предложом или в неопре-

деленном наклонении.>

Беда беду родит. Беда научает мудрости. Люди рады лету. Пчелы рады цвету.

Беда согласовано с *родит*. А к *родит* присоединено падежом слово *беду*. И вышло 3 соединенных слова, в которых срединное главное — *родит*. *Беда* согласовано с *научает*, а к *научает* приставлено *мудрости*. Главное слово *научает*. Люди согласовано [с] *рады*, к *рады* присоединено *лету*... Бог велел от земли кормиться. *Велел* согласовано с *бог*. К *велел* приставлено *кормиться*. К *кормиться* приставлено *от земли*, и вышла вся речь, где главное слово *велел*.

Стало быть, сколько бы ни было соединено слов, во всех есть одно главное срединное слово. — Главное слово называется сказуемое.

** № 12 (рук. № 7).

СИНТАКСИС

Слова соединяются переменяясь.

- 1) Когда переменяются оба одинаково.
- 2) Когда <переменяется> одно, а другое без перемены.
- 3) Когда много соединено, то одно главное

СЛОВО.

Во всяком соединении по времени есть одно соединительное слово, сказуемое. Оно с своими словами отделяется от другого знаком. Обращение выделяется запятыми, потому что не соединено ни согласованием, ни подчинением, ни временем.

Знаки

Точка, когда предложение закончено и полно.

Запятая: 1) когда два предложения соединены общим словом,

2) чтобы выделить не связанные с предложением слова и стоящие в середине его.

Еще ставится запятая, когда есть два одинаковые соединения, или там, где надо бы сказать *еще, да, и*. Примеры.

Две точки там, где хочешь, чтобы два предложения имели смысл одного.

Точка с запятой там, где хочешь показать, что два предложения в связи.

Вопросительный — где спрашиваешь.

Восклицательный — где вскрикиваешь.

Кавычки — где говорится другим.

Тире — где пропускаешь слова.

<Главное слово узнается, во-первых, по тому, что, если его выпустить из речи, то вся речь остается без связи, во 2), по тому, что к одному только главному слову присоединяются слова падежами, в 3), по тому, что оно бывает 1) и чаще всего глагол. Я люблю бога. 2) Существительное всегда в именительном падеже. Дети наша радость. 3) Прилагательное короткое: не старый, пустой, а стар, пуст. Дом пуст. Отец стар. И 4) наречие. Где цветок, там и медок. Один в поле не воин. Мне нужно учиться.

Главное слово называется сказуемое.>

Наш мужик вздумал своим умом идти в лес рубить тупым топором толстую липу.

Наш соединено согласованием с *мужик*. *Мужик* соединено согласованием с *задумал*. К *задумал* приставлено прямо падежом *своим умом* и глагол в неопределенном *идти*. К *идти* приставлено *в лес* и глагол в неопределенном наклонении *рубить*. К *рубить* приставлено падежом слово *тупым*. С *тупым* соедине-

но согласованием слово *топором*. К *рубить* же присоединено падежом согласованные два слова — *толстую липу*.

Наш мужик задумал идти рубить топором толстую липу.

Ум разуму подспорье. Ум согласован с *подспорье*, и к *подспорье* присоединено падежом слово *разуму*. Стало быть, главное слово *подспорье*.

Счастье <бывает> не в поле. *Бывает* главное слово, но к нему присоединено слово падежом с предлогом. В семье не <бывает> без уroda. *Не бывает* главное слово. К нему присоединено падежами *в семье* и *без урода*. Солдату умереть в поле. *Умереть*. *Один в поле не воин*. *Воин* согласовано с *один* и присоединено падежом [к] *в поле*. Невесело птичке в золотой клетке. [К] *невесело* присоединено падежами.

** № 13 (рук. № 8).

КАК СЛОВА СОЕДИНЯЮТСЯ СИНТАКСИС

Слова переменяются для того, чтобы соединяться. Зеленое сено. Палка длинна. Мужик

лежал. Стадо овец. Утку убили. Хочется спать. Тут 12 слов. Какие соединены вместе, а какие стоят порознь? Зеленое сено — соединяются. А сено палка — не соединяются; палка длинна — соединяется. Длинна мужик — не соединяется. Лежал стадо — не соединяется. [Стадо] овец [соединяется]. — Стало быть, тут 6 соединений по 2 слова.

Чем соединяются слова

Зеленое и *сено* соединены тем, что сказано в том же падеже, роде и числе. Если сказать их в разных падежах, родах и числах, то они не будут соединены. Зеленому сено, зеленый сено, зеленые сено — будут стоять врозь. Палка длинна — соединено тем, что сказаны в одинаковых родах и числах. Палка длинны, палка длинен — будет врозь. (В одинаковых падежах нельзя сказать, потому что длинна, длинен не переменяются по падежам.) Мужик лежит — соединено тем, что сказано в одном числе. Мужик лежат — будет врозь. (В одинаковых падежах и родах нельзя сказать, потому что *лежит* не переменяется по падежам и родам.) <Стало быть, можно> переме-

нять все эти слова вместе: Зеленому сену. Длин[ной] палк[е]. Мужики лежат. Стало быть, эти слова соединены так, что переменяются вместе.

Убил утку соединено тем, что утка сказана в винительном падеже. Если сказать: убил утка — это будет врозь. *Стадо овец* соединено тем, что *овец* стоит в родительном множественного. Если сказать: Стадо овцы — будет врозь. *Вход в избу* соединено тем, что *избу* с предлогом *в* сказано в винительном падеже. Хочется *спать* соединено тем, что *спать* сказано без времени. Эти слова можно тоже переменять, но переменяется только одно слово, а другое остается всегда в той же перемене. Убил, убьешь — *утку*. Стадо, стаду — *овец*. Входу, о входе *в избу*. Хотелось, будет хотеть *спать*.

Стало быть, слова соединяются или так, что вместе переменяются, насколько могут, это называется согласуются, и так, что к одному слову присоединяется другое в перемене, и переменяется одно, а другое всё в той же перемене. Это называется подчиняются.

Басня. Одна курица. [Стр.] 65, 1 книга «Аз-

буки».

Как соединяются слова по 2, по 3, по 4, 5 и больше. Тем, что одно слово согласовано с двумя. Больной мужик лежит. Или тем, что одному слову подчинены два. Мне хочется спать. Мне надо учиться. Или тем, что слово согласовано с другими и вместе с тем этому слову подчинены другие. Бог любит правду. Ученый сын <хорошего отца>. <Старый> человек знает русскую грамматику.

Так могут быть много слов соединены между собой, и всегда между ними будет одно главное слово, через которое все другие соединяются.

Большая стая молодых гончих нашла в большом лесу за гумном старую лисицу.

Главное слово *нашла*. С ним согласовано *стая*, с *стаей* согласовано *большая*, *гончих* подчинено *стая*, в *лесу* подчинено *нашла*, *большом*, согласовано с *лес*, за *гумном* подчинено *нашла*, *лисицу* подчинено *нашла*, *старую* согласовано с *лисица*.

То главное слово, которое соединяет все другие, называется сказуемое. Главное слово — сказуемое можно узнать 1) по тому, что

им связаны все другие слова, что, если его выпустить, то все другие слова будут без смысла, 2) по тому, что с этим словом можно спросить про все другие соединенные слова. Нашла — кто? стая гончих, нашла — где? в лесу, за гумном, нашла — что? лисицу; 3) по тому, что главное слово можно сказать в разных временах, но всегда от одного лица: 1, 2 или 3-го. Сказуемым бывает всякое слово: и существительное: ум разуму подспорье; и прилагательное без падежа: собака стара, лошадь слаба ногами; и местоимение: всему причина вы сами; и числительное: всех лошадей у Ивана три; и глагол (чаще всего) во всяком виде: я сплю, на дворе спящий челов[ек],[195] Иван думая об жене, кому играть, а нам работать; и наречие (или прилагательное без рода, числа и падежа): где цветок, там и медок, скучно Афонюшке на чужой сторонюшке.

Каждое сказуемое с своими словами отделяется, составляет особое соединение, и такое соединение называется предложением.

<Галка и голубь. [Стр.] 65, 1 книга «Азбуки».>

Предложение тогда, когда всё его можно

сказать в разных временах и от одного лица. Кажется. Хорошо. Пора. Мужик. Спится. Жалко. Время.

** № 14 (рук. № 8).

<Как соединяются слова.>

Курица нашла змеиные яйца и стала их высидывать. Подруга ее увидела и говорит: ты — дура. Мало у тебя смыслу. Ты высидишь от змеи детей, и они тебя первую обидят за твою милость.

Слова эти соединены тем, что переменялись. Если бы все эти слова стояли без перемен, то было бы: Курица найти змеиный-ая-ое яйцо и стать оно

Курица и *нашла* соединено тем, что *курица* сказано в именительном падеже, и *нашла* в 3-м лице, в том же роде и числе как и *курица*. Стало быть, глагол с существительным соединяется тем, что существительное ставится в именительном падеже, а глагол в 3-м лице, в том же числе и <роде.> Змеиные <яйца.> Отчего сказано *змеиные*, а не *змеиные*? Оттого что слово *яйца* среднего рода. Отчего сказано

змеиных, а не *змеиных*. Оттого что *яица* в винительном падеже. Отчего *змеиных*, а не *змеиное*. Оттого что *яица* множественного числа. Стало быть, *змеиных* соединено с *яица* тем, что поставлено в том же роде, числе и падеже, как и существительное *яйцо*. — Стало быть, прилагательное с существительным соединяются тем, что ставятся в том же роде, числе и падеже.

Отчего сказано *яица* в винительном падеже? Оттого что прежде был глагол *нашла* и после него надо сказать винительный падеж. Стало быть, *нашла* соединяется с *яица* тем, что после глагола *нашла* нужно сказать винительный падеж.

Стало быть, глаголы с существительными соединяются тем, что нужно после него ставить какой-нибудь падеж.

И стала *высиживать* их. <Почему сказано *стала*, а не *стать*. Потому что *стала* соединено с *курица* и стоит в 3-м лице, том же роде и числе.> Почему сказано *высиживать*, а не *стала высидела*. Потому что прежде стоит глагол *стала* в изъявительном наклонении, а после глагола личного нужно глаголу друго-

му быть без времени. Стало быть, глагол с глаголом соединяется тем, что один ставится в лич[ной форме], а другой приставляется к нему без времени. Высиживать их. Отчего сказано не *они*, а их в винительном падеже? Оттого что после глагола *высиживать* нужен винительный падеж.

Подруга ее увидала. Почему поставлено *подруга ее*, а не она. Потому что к слову *подруга* присоединено в родительном падеже слово она — *ее*, и *подруга* как бы ни переменялось, *ее* всё будет без перемен. Стало быть, с именем существительным соединяется имя существительное тем, что ставится в падеже.

Подруга ее увидала, а не увидеть, не увижу. — Потому что имя и глагол соединяются тем, что имя ставится в именительном падеже, а глагол в 3 лице, в том роде и числе. И *говорит* — сказано: *говорит*, а не *говорить*, потому что соединено с *подруга* и поставлено в 3 лице, в том же роде и числе.

Ты — дура. — Почему сказано: ты дура, а не ты дуру или дуры — в каком-нибудь падеже? Потому что *ты* в именительном, и *дура* соединено с *ты* тем, что *дура* стоит тоже в име-

нительном. Стало быть, два имени соединяются тем, что оба ставятся в именительном.

Мало у тебя смысла. Соединено тем, что к наречию *мало* приставлено с предлогом у в винительном падеже слово *ты* и к *мало* же в винительном падеже слово *смысл*. Стало быть, слова соединяются тем, что к наречию приставлены слова в падеже.

Ты высидишь детей от змеи. Местоимение 2 лица *ты* соединено с *высидишь* тем, что поставлено в именительном падеже, а *высидишь* поставлено в том же лице — во 2-м, в том же роде и числе. Стало быть, местоимение соединяется с глаголом тем, что ставится в именительном падеже, а глагол в том же лице, роде и числе.

Высидишь детей, а не дети. Стоит потому, что после глагола *высидеть* нужно винительный падеж.

Детей от змеи. Сказано: *детей от змеи*, потому что при словах *детей от* нужно родительный падеж. Стало быть, имена существительные соединяются с именами существительными тем, что одно существитель-

ное приставляется к другому с предлогом в каком-нибудь падеже. —

Они тебя первую обидят. Почему стоит они, а потом тебя, а не ты. Для они не нужно винительного падежа тебя. А винительный падеж нужен для глагола обидят. Стало быть, тебя соединено падежом с обидят. А они соединено с обидят тем, что стоит в именительном падеже, а глагол обидят стоит в 3 лице, в том же роде и числе, как и обидят, а первую стоит не первый, а первую, потому что соединено с ты, как прилагательное с именем, в том же роде и падеже. За твою милость — почему стоит за твою милость в винительном падеже. Потому что после глагола обидят с предлогом за нужен винительный падеж. Стало быть, с глаголом соединяются имена с предлогами и падежами.

Стало [быть], два соединения: по согласованию и по приставке.

<Тут было 7 соединений.

1) Глагола с именем так, что имя становится в именительном падеже, а глагол становится в 3-м лице, в том же числе и роде, как и имя. Курица нашла. Ласточка села. Мужик

спит. Небо блестит.

2) Прилагательного с именем или местоимением так, что прилагательное становится в том же роде, числе и падеже, как и то имя, с которым оно соединяется. Змеиные яйца. Ласточка первая. Старая собака. Зеленое сено. Уснувшая старуха. Прибежавший мальчик. Они старые.

3) Глагола с именем так, что глагол может изменяться, как бы ни было, а имя ставится при глаголе просто в каком-нибудь падеже или с предлогом в каком-нибудь падеже. Нашла яйца. Убили утку. Купили сайку. Радуются лету. Слабеют от старости. Учиться грамоте. Слышим о горе.

4) Имени существительного или местоимения с именем существительным так, что оба ставятся в именительных падежах. Я — мужик. Ты — барин. Щуки — рыбы. Ножницы — орудие.

5) Имени существительного с именем существительным так, что одно имя существительное приставляется к другому просто в падеже или с предлогом и остается всё в том же падеже, как бы это имя не изменялось. Дети

змеи. Детей змеи. Стадо овец. У стада овец. Табун лошадей. Конец книги. Начало ученья. Отцу друг. Слух о войне.

6) Глагола с глаголом так, что один глагол в неопределенном наклонении приставляется к другому и не изменяется, как бы ни изменяли тот, к которому он приставлен. — Хочу спать. Начинать учиться. Стараться понять. Учился читать.

7) К наречию приставляются слова в падежах.

Все предложения составлены из существительных в именительном, или из глаголов в изъявительном, или из наречий из неперемennых слов.>

<Кроме этих соединений, неперемennяющиеся слова — наречия присоединяются без перемен ко всем другим словам, где выходит смысл. В этих 7 соединениях только 3 главные: 1) что слова соединяются согласованием, как прилагательное с существительным и местоимением, по родам, числам и падежам, 2) что к имени, глаголу или наречию <слова> присоединяются в падежах просто, или с

предлогами, или приставками в неопределенном наклонении везде, где выходит по смыслу. Приставки такие бывают и к неперемещаемым словам, к наречиям и неопределенным наклонениям. И 3) соединяясь между собой имя с именем только падежом или глагол с именем, соединяясь только лицом и именительным падежом.

Два слова соединяются или согласуясь, или приставками, или именительным падежом. Старый мужик. Мне хочется. Стая гончих. Мужик спит. Щуки — рыбы. Три слова соединяются или тем, что одно согласуется с согласованным словом. Старый мужик спит. Или тем, что одно слово имеет при себе приставку — согласованное слово. Убили всех зайцев. Или тем, что одно слово согласуется с другим, а приставка к нему есть третье слово. Петр убил утку. Ум разуму подспорье. Или тем, что к одному слову две приставки. Мне хочется спать.>

** № 15 (рук. № 8).

КАК СЛОВА СОЕДИНЯЮТСЯ
(Синтаксис)

1) Как соединяются имена.

Старая собака. Добрый мужик. Хорошая каша. Зеленое сено. Тонкие нитки. — Острые ножницы.

Все эти слова соединены между собой по два тем, что прилагательные — старый, добрый, хороший, зеленый, тонкий, острый — приставлены к существительным, поставлены в одинаковых числах, родах и падежах с существительными, и оба слова *можно склонять вместе*, как одно слово, и прилагательное будет всегда переменяться так же, как существительное. Старой собаки, старую собаку, старой собаке, старый пес, старые псы и т. д.

Когда слова так соединены, что прилагательное всегда согласуется с существительным и нельзя переменить одно без другого, они всегда будут в одном роде, числе и падеже, то одно слово приставлено к существительному согласованием.

Начало года. Конец книги. Дно реки. Стадо овец. Табун лошадей. Полк солдат. Сын Ивана. Брат отца.

Все эти слова соединены между собой тем,

что к одному слову приставляется другое в падеже и их можно *склонять вместе*, как *одно слово*. Одно будет переменяться, а другое всегда будет в том падеже и числе, в каком оно приставлено. От начала года, началу года, началом года. Табун лошадей, от табунов лошадей, табунам лошадей и т. д.

Когда слова так соединены, что их можно склонять вместе, и переменяется только одно, то эти слова *соединены приставкой в падеже*.

Курица и ласточка. Садовник и сыновья. Лисица и журавль. Все эти слова соединены тем, что между ними стоит союз.

Имена соединяются 1) согласованием 2) приставкой в падежах и 3) союзами.

КАК СОЕДИНЯЮТСЯ ГЛАГОЛЫ

Хочу идти. Думаю лечь. Стану гулять. Идти гулять. Начать рубить. Хотят пустить. Придумал выскочить. Все эти глаголы соединены по два тем, что к одному глаголу приставляется другой глагол в неопределенном наклонении, и так, что как бы не изменялся 1-й глагол, 2-й всегда остается в том же неопределенном наклонении. Хочу идти, хотим идти. При-

думал выскочить. Придумали выскочить. Придумать выскочить, — *идти* и *выскочить* не переменяются. *Глаголы соединяются приставкой в неопределенном наклонении.*

Стало быть, все слова соединяются только 1) приставкой с согласованием, 2) приставкой в падежах или в неопределенном наклонении <и 3) союзами>.

Как соединяются имена и глаголы. — Собака спала. Мужики косили. Овцы кормились. Сено высохло.

Эти глаголы и имена соединены по двум, что согласованы в числе и роде, но глагол может переменяться, и слова все-таки будут соединены. Собака спала, спит, будет спать. Старая собака спала. Деревенские мужики косили. Старые овцы ходили. Наше сено высохло.

Эти слова соединены по 3. *Старая* и *собака* соединены приставкой прилагательного к существительному и могут склоняться вместе, а *спала* и *собака* согласовано только по числу и роду, можно: спит собака. *Деревенские* и *мужики* приставкой, *косили* согласованием. Старые овцы ходили и т. д.

Глаголы соединяются с именем согласованием по числу и роду.

Убили утку. Съели кашу. Люблю дядю. Скосили траву. Радуются добру. Слабеют от старости. Подняли с полу. Слышали о гòре. Наложили на телегу. Срубили топором. Ходить на охоту. Писать пером.

Эти глаголы соединены с именами приставкой, падежами или просто, или с предлогами. Глаголы могут изменяться с этими приставками, а приставки остаются в том же числе, роде и падеже.

Стало быть, и глаголы, и имена соединяются только по согласованию полному и неполному, и по приставкам просто или с предлогом в падеже, и еще по приставкам в неопределенном наклонении.

Деревенский мужик. — Полное согласование. Деревенский мужик вздумал — полное согласование и неполное с глаголом. Деревенский мужик вздумал идти. К *вздумал* приставка неопределенного наклонения *идти*. Деревенский мужик вздумал идти с топором. К глаголу *идти* приставка с предлогом имени *топор* в творительном падеже. Деревенский

мужик вздумал идти с тупым топором. Приставка в падеже *топором* вполне согласована с *тупой*. Деревенский мужик вздумал идти с тупым топором в лес. В лес — приставка падежа к *идти*. Деревенский мужик вздумал идти с тупым топором в лес рубить. Приставка неопределенного наклонения к *идти*. Деревенский мужик вздумал идти с тупым топором в лес рубить липу. Липу — приставка в падеже к *рубить*. Деревенский мужик вздумал идти с тупым топором в лес рубить старую липу. Липа — вполне согласована с *старый*. И вышла вся соединена речь.

Беда родит беду. Люди рады лету. Ум разуму подспорье. Беда родит беду. Беда соединено неполным согласованием с *родит*. *Родит* стоит в единственном числе оттого, что *беда* в единственном числе. — Беду — приставка к *родит*. Родит беду. Если бы не было *родит*, то не было бы *беду*. Если бы было *не родится*, [196] то было бы *от беды*. Стало быть, *беду* приставка к *родит*. И, стало быть, *родит* срединное главное слово — то, которое связывает оба вместе, с одним оно согласовано, а другое к нему приставка.

КОММЕНТАРИИ

«АЗБУКА» и «НОВАЯ АЗБУКА» ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

I

Работа Толстого по составлению и писанию «Азбуки» тесно связана с его педагогической деятельностью. «Азбука» явилась итогом теоретических обобщений его многолетнего опыта школьной работы по обучению крестьянских детей.

В ответе критикам на разбор «Азбуки», написанном в начале 1873 г., Толстой говорит, что «Азбука» «стоила ему 14 лет работы», [197] то есть, другими словами, он связывает начало работы над «Азбукой» с открытием им в 1859 г. Яснополянской школы. Конечно, в данном случае Толстой имеет в виду не непосредственную работу над писанием «Азбуки», а лишь свою практическую педагогическую деятельность, давшую ему материал и методический опыт, которые он использовал потом при составлении «Азбуки». Занятия Толстого в школе (1859–1863, 1872, 1873 гг.), изучение постановки школьного дела за грани-

цей, во время его второго путешествия (1860–1861 гг.), издание журнала «Ясная Поляна» и писание статей по педагогике (1862–1863 гг.) — все это было той «работой», которая была подготовительной ступенью к созданию «Азбуки».

Какое значение придавал Толстой своей педагогической деятельности, видно из его записи в Записной книжке, сделанной в Брюсселе 16/28 марта 1861 г.: «Цель одна — образование народа. Одна моя вера (которая, смутно чувствуя, привязала меня к делу воспитания). Мы ничего не знаем. Одна надежда знать — это знать всем вместе — слить все классы в знании науки».[198] Это признание Толстого, что «мы ничего не знаем» в области народного образования, не убило «веру» Толстого в необходимость осуществления той основной «цели», которую он высказал в цитированной записи. От практической деятельности Толстой переходит к теоретической, к разработке педагогических вопросов в организованном им журнале. Однако журнальная деятельность, повидимому, его не удовлетворила, и он прекращает издание журнала.

Несмотря на это, вопросы педагогики продолжают его интересовать попрежнему. В объявлении о прекращении журнала, напечатанном в № 13 «Московских ведомостей» от 17 января 1863 г., Толстой пишет:

«Убеждения наши, высказанные в 1-м номере журнала «Ясная Поляна», не только не изменились, но подтвердились и постоянно подтверждаются нашими хотя и ограниченными опытами и наблюдениями... Мы не перестаем и не перестанем делать те педагогические опыты, которые составляли всё содержание журнала, и выводить из них наши powerful наблюдения, а потому с 1863 года мы будем издавать не срочное издание, а, по мере накопления материалов, сборники как Книжек, так и Школы «Ясной Поляны», о которых при выходе их будет объявляться отдельно».[199]

Выпуск обещанных сборников не состоялся, и в 1860-х годах Толстой еще не сделал своих окончательных теоретических выводов из того богатого материала, который у него накопился во время его трехлетней педагогической практики. С сентября 1863 г. он присту-

пил к работе над «Войной и миром». Но мысль о педагогике все-таки не оставляла Толстого и во время писания «Войны и мира». Так 10 апреля 1865 г. он заносит в Дневник: «Нынче утром записал кое-что по педагогике»;^[200] под 26 сентября того же года: «По случаю ученья милой Маши, думал много о своих педагогических началах. Я *обязан* написать всё, что знаю об этом деле»;^[201] под 2 ноября того же года: «С наслаждением перечитал Казаков и Ясную Поляну».^[202]

16 мая 1865 г., отвечая на письмо А. А. Фета, хотевшего в какой-то своей статье остановиться на журнале и школе Толстого и просящего на то его разрешения, Толстой пишет ему: «На ваш вопрос, упомянуть о Ясной Поляне — школе, я отвечаю отрицательно. — Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее (Я. П. журнал) забыли, и мне не хочется напоминать, не потому чтобы я отрекался от выраженного там, но, напротив, потому, что не перестаю думать об этом, и, ежели бог даст жизни, надеюсь еще изо всего этого составить книги, с тем заключением, которое вышло для меня из моего 3-летнего страстного увле-

чения этим делом».[203]

О своем желании заниматься вопросами педагогики Толстой писал и А. А. Толстой в письме от 14 ноября 1865 г.: «Я всё много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать résumé всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает, или с чем никто не согласен».[204]

В 1865 г., к которому относятся эти признания Толстого, он еще не знал, какую форму примет его résumé. В последующие два года ни в Дневниках, ни в Записных книжках Толстого нет ни одной записи на эту тему. Но работа Толстого в этом направлении продолжалась, что видно из того, что через два года он уже вполне четко представлял себе, в какой форме даст итоги своей педагогической практики.

В 1868 г., то есть в период напряженной работы над «Войной и миром», Толстой в своих Записных книжках, наряду со всевозможными материалами, относящимися к роману, делает конспективный набросок под таким за-

главием: «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого 1868 года».[205]

В этом наброске уже довольно четко были намечены план и отчасти содержание «Азбуки» 1872 г. Особенно это можно сказать про первую часть первой книги — собственно азбуку. Наставления учителю, занявшие центральное место в наброске, посвящены почти исключительно обучению грамоте по буквослагательному методу, применявшемуся уже в Яснополянской школе и легшему потом в основу «Азбуки» 1872 г. В «Азбуке» этот метод изменен был лишь в том отношении, что обучение письму начинается одновременно с изучением букв, а не после складывания слогов и чтения слов, как было намечено в наброске 1868 г. Наставления учителю явились первой редакцией методической статьи «Для учителя», помещенной в первой книге «Азбуки» 1872 г. Многие материалы для чтения, приведенные в Записной книжке 1868 г., вошли и в «Азбуку» 1872 г. Большое количество рисунков, которыми снабжены в Записной книжке материалы по азбуке и для чтения,

наводят на мысль, что Толстой намеревался выпустить свою «Азбуку», обильно иллюстрированную.

К разработке набросанного в Записной книжке 1868 г. конспекта Толстой приступил только с осени 1871 г. Между тем подготовительную работу он не прерывал и в течение этих трех лет после написания конспекта «Азбуки». Это подтверждается многими свидетельствами. В письме к А. А. Толстой от 12 января 1872 г. Толстой писал: «Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю. Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет — азбука, очень трудно».[206] Слова «эти последние года» определенно указывают на работу Толстого в период с 1868 г.

С. А. Толстая в «Моих записях» отмечает, что Толстой всё лето 1869 г. «занимался философией», а затем «стал читать русские сказки и былины». «Навел его на это чтение, — пишет она, — замысел писать и составлять книги для детского чтения для четырех возрастов, начиная с азбуки. Сказки и былины приводили его в восторг».[207]

Возможно, что в это время Толстой частич-

но выполнил работу по пересказу русских былин и отчасти и сказок, помещенных в «Азбуке». Предположение это вызывается тем обстоятельством, что за период основной работы по составлению «Азбуки», то есть с сентября 1871 по октябрь 1872 г., нет никаких упоминаний и свидетельств о такой работе.

С начала декабря 1870 г. и приблизительно по август 1871 г. Толстой был занят изучением греческого языка. 29–31 декабря 1870 г. он писал С. С. Урусову: «Занят же страстно уже три недели.... греческим языком. Дошел я до того, что читаю Ксенофонта почти без лексикона. Через месяц же надеюсь читать также Гомера и Платона».[208] И об этом же он писал в первых числах января 1871 г. А. А. Фету: «С утра до ночи учусь по-гречески.... Я прочел Ксенофонта и теперь *à la livre ouvert* читаю его. Для Гомера же нужен только лексикон и немного напряжения.... Ради бога объясните мне, почему никто не знает басен Эзопа, ни даже прелестного Ксенофонта, не говорю уже о Платоне, Гомере, которые мне предстоят».[209] А С. А. Толстая в «Моих записях» под 27 марта 1871 г. записывает, что Лев Николаевич

«просиживает дни и ночи» за греческим языком.[210]

10 июня 1871 г. Толстой уехал в свое самарское имение и возвратился только 7 августа. Но и там он продолжает занятия греческим языком и читает греческих классиков. В письме от 16–17 июля 1871 г. он сообщал А. А. Фету, что читает Геродота.[211]

В эти же годы Толстой читает и «Жития святых». Об этом свидетельствует С. А. Толстая, которая под 27 марта 1871 г. отмечает в своих «записях»: «[Лев Николаевич] мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи-Минеи.... и говорит, что это наша русская настоящая поэзия».[212]

Нужно сказать, что в выборе материалов для своей «Азбуки» Толстой руководствовался главным образом критерием простоты, ясности и художественности. В письме к Н. Н. Страхову от 29 сентября 1872 г. он откровенно признавался, что «длинное и скучноватое» житие Иосифа Волоколамского он наметил к помещению в «Азбуке» только потому, что в нем имеются «места наивно-художественные — прелестные». Даже из естествен-

ных наук, по его признанию в том же письме, он «выбирал не то, что попадалось в книгах, не то, что случайно знал, не то, что ему казалось нужно знать, но то, что ясно и красиво, и когда ему казалось недостаточно ясно и красиво, он старался выразить по-своему».[213] И потому, вероятно, Толстой, увлеченный «настоящей поэзией» «Четых-Миней», уже в марте 1871 г. решил поместить житийный материал в славянские отделы всех четырех книг «Азбуки», чего не имелось в плане-конспекте «Азбуки» 1868 г. Возможно также, что тогда же были намечены и образцы этого материала.

Если приходится говорить предположительно о том, какие материалы для своей «Азбуки» Толстой подготовил за период с 1868 года, то есть с момента составления первого плана-конспекта «Азбуки» до сентября 1871 г., когда он всецело ушел в работу над ней, то можно утверждать, что за эти и предыдущие годы была проделана огромная подготовительная работа по знакомству с разными источниками, из которых потом черпались сюжеты и материалы для художественных рас-

сказов, вошедших в «Азбуку». Уже в 1860-х годах, в связи со школьно-педагогической работой и составлением книг для народа, Толстой ознакомился с большим количеством школьных книг, с детскими журналами, с летописями, с русскими и иностранными произведениями, написанными для народа, с русскими и западными произведениями народного творчества и с арабским эпосом, из которого был взят тогда один сюжет для народного рассказа. Этим предварительным ознакомлением с огромным количеством источников Толстой в значительной степени преодолел одну из главных трудностей работы над «Азбукой», о которых он писал А. А. Толстой в апреле 1872 г.: «Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литератур, нужны все естественные науки, астрономия, физика».

[214]

В «Азбуке» Толстой переработал и синтезировал элементы, заимствованные в какой-то части из разных учебных книг. Некоторые элементы собственно азбуки: алфавит с таблицей картинок на каждую букву, склады, слова, разбитые на слоги, простые фразы, по-

словицы, поговорки на каждую букву алфавита и, наконец, маленькие рассказы, загадки, пословицы и поговорки для упражнения в чтении слов с сомнительными гласными, с постановкой слышимых гласных над строкой, — в известной мере имеются в учебных книгах Н. И. Греча («Русская азбука», СПб. 1846), П. Бенедиктова («Книга для чтения», СПб. 1864), диакона Бухарева («Книга для обучения русскому чтению и письму», М. 1869), Анны Дараган («Елка. Подарок на рождество. Азбука и постепенное чтение», изд. 8-е, 1872) и др. Басни Эзопа и произведения русского, западного и восточного эпоса были использованы в качестве материала для чтения в книгах Ушинского, Басистова, Паульсона, Кирпичникова и Гилярова и др. Славянский и естественнонаучные отделы почти без исключения имелись во всех хрестоматиях того времени. Летопись в качестве материала для славянского чтения имеется в книге А. Галахова («Русская хрестоматия для детей», СПб. 1860). Арифметика, в виде особого отдела, включена в книгах Н. Греча и диакона Бухарева, в которых мы находим даже примене-

ние счетов для упражнения учеников в первоначальном счете (Бухарев) и обозначение чисел славянскими, арабскими и римскими цифрами (Греч).

Между тем все эти элементы были настолько творчески переработаны Толстым, что его «Азбука» по своему разнообразию содержания и наглядности далеко превзошла все существовавшие до нее азбуки и хрестоматии для детского чтения. С методической стороны слуховой метод, примененный Толстым, «был значительным шагом вперед по сравнению с устаревшим буквослагательным методом», [215] применявшимся тогда в большинстве школ. Наряду с этим «Азбука» Толстого была исключительным явлением в области школьно-педагогической литературы по художественности изложения, по языку. Художественное значение «Азбуки» хорошо понимал сам Толстой, писавший 3 марта 1872 г. Н. Н. Страхову, что «если будет какое-нибудь достоинство в статьях азбуки, то оно будет заключаться в простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка». [216] Язык явился главной трудностью, которую при-

шлось преодолеть Толстому при составлении «Азбуки». По этому поводу Толстой писал А. А. Толстой 6–8 апреля 1872 г.: «Работа над языком ужасная — надо, чтоб всё было красиво, коротко, просто и, главное, ясно».[217]

Главным источником в работе Толстого над языком было изучение народной литературы. Старший сын Толстого С. Л. Толстой в своих воспоминаниях сообщает: «Во время составления «Азбуки» и «Книг для чтения» и позднее он [Л. И. Толстой] не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки, пословицы. В то же время он читал словарь Даля, былины, сборники сказок и пословиц... Вообще в семидесятых годах он больше чем когда-либо изучал русский язык и русскую народную литературу».[218] Однако одно книжное изучение народного языка и литературы не удовлетворяло Толстого. Он черпал свои знания языка из бесед с крестьянами и, главным образом, с прохожими и странниками, которых он встречал на своих ежедневных прогулках по Киевскому шоссе, проходившему вблизи Ясной Поляны. «Отец говорил, — замечает по этому поводу С. Л. Тол-

стой, — что рассказы странников заменяют народную литературу и даже газету. Он любил разговаривать с прохожими, идя по пути с ними или присев на краю дороги. Некоторые их легенды и рассказы превратились под его пером в художественные произведения. Знание быта рабочего народа, народного языка, местных наречий, северного, поволжского, украинского, многих поговорок и пословиц — всё это отец приобретал на шоссе. Тут же проезжали местные крестьяне, знакомые и незнакомые, трезвые и подгулявшие, с возами и порожняком.... На шоссе же крестьяне били камень; он и с ними заводил разговор».

[219]

Школьные занятия с крестьянскими ребятами также давали много материала к освоению народного языка.

В начале шестидесятых годов прозвучала парадоксом статья Толстого: «Кому у кого учиться писать — крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?». А между тем для Толстого это был не парадокс, а вывод из наблюдений и опыта. Толстой действительно был не только учителем, но и учени-

ком крестьянских ребят. Постоянно находясь в близком и тесном общении с учениками, наблюдая, как они устно и письменно выражают свои мысли, и часто сама принимая участие в их коллективных творческих работах, Толстой учился у них народному языку и народной манере выражать свои мысли.

С. Л. Толстой в статье «Ясная Поляна в творчестве Толстого», описывая занятия Толстого с крестьянскими детьми, передает, что Толстой пользовался рассказами учеников для своих произведений, предпочитая их пересказ книжной речи. «В его «Книгах для чтения», — пишет С. Л. Толстой, — одна басня Эзопа изложена так: Лев, осел и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осел разделил поровну на три части и говорит: теперь берите! Лев рассердился, съел осла и велел лисице переделывать. Лисица всё собрала в кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит: «Ну, умница! Кто тебя научил так хорошо делить?» Она говорит: а с ослом-то что ж было? — В подлиннике у Эзопа сказано: пример осла. Толстой хотел книжное выражение

«пример осла» заменить другими словами, но не находил какими. При пересказе басни один ученик вместо «пример осла» сказал: «а с ослом-то что было?» и Толстой воспользовался этим выражением».[220]

В начале семидесятых годов Толстой все чаще выступает против литературных условностей. В письме к Н. Н. Страхову от 22 и 25 марта 1872 г. он писал: «Ни одному французу, немцу, англичанину не придет в голову, если он не сумасшедший, остановиться на моем месте и задуматься о том — не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал; а русский, если он не безумный, должен задуматься... и поискать других приемов и языка. И не потому, что так рассудил, а потому, что противен этот наш теперешний язык и приемы, а к другому языку и приемам (он же и случился народный) *влекут мечты невольные*.... Я написал совсем новую статью в азбуку — *Кавказский пленник*.... Это образец тех приемов и языка, которым я пишу и буду писать для больших».[221]

Теми же приемами и языком, какими написан «Кавказский пленник», написаны все

рассказы «Азбуки». В числе последних имеются три рассказа: «Солдаткино житье», «Как меня не взяли в город» и «Как меня в лесу застала гроза», которые написаны яснополянскими учениками и были напечатаны в приложениях к журналу «Ясная Поляна». Первые два рассказа Толстой переработал композиционно и стилистически, третий же рассказ слегка лишь изменил в стилистическом отношении и все их включил в «Азбуку», не оговорив, что авторы их — ученики. Рассказы эти ничем не выделяются из ряда других рассказов «Азбуки», что красноречиво говорит, как верно Толстой овладел народным языком и стилем.

Таким образом, на время с открытия Яснополянской школы до сентября 1871 г. можно смотреть как на длинный подготовительный период к созданию «Азбуки». В этот период Толстой на опыте проверил разные методы обучения грамоте, приобрел широкое знание всевозможных источников, из которых потом приходилось ему брать сюжеты и материалы для рассказов, проделал большую работу по изучению народного языка и стиля и в совер-

шенстве овладел ими.

II

С сентября 1871 г. Толстой работает исключительно над составлением «Азбуки». 20 сентября С. А. Толстая писала сестре Т. А. Кузминской: «Мы теперь занялись опять детскими книжечками. Левочка пишет, я с Варей[222] переписываю, идет очень хорошо.... Ты не можешь себе представить, до чего мало хороших детских книг для чтения»;^[223] и 28 ноября: «Так часто собираюсь писать тебе, милая Таня, и так занята помоганием Левочке — писать книжечки, что еле успеваю переделать в день все необходимые дела. Но всё еще не скоро будут готовы эти книжечки, ты знаешь, как Левочка всегда всё отделяет и переделывает, даже мелочи».

К концу года часть работы была кончена, о чем С. А. Толстая писала своей сестре 22 декабря: «Мы всё это время с дядей Костей[224] писали и переписывали детские книжечки и спешили кончить к празднику. И действительно кончили, и Левочка повез первую часть в Москву».

Проследить процесс работы Толстого над

первой и последующими книгами «Азбуки» можно только в самых общих чертах. Внимательное знакомство с первым планом «Азбуки», написанным, очевидно, в начале 1871 г., приводит к заключению, что Толстой перед тем, как вплотную засесть за «Азбуку», продолжал еще обдумывать и даже частично разрабатывать «Азбуку» в иллюстрированном виде, как это намечалось им в плане-конспекте в 1868 г. Но в конце концов Толстой оставил свой замысел.

Первый план «Азбуки», набросанный на листе писчей бумаги, определенно указывает, что Толстой предполагал изобразить в «Азбуке» посредством картинок главнейшие моменты из трудовой жизни крестьянина, начиная с его рождения и кончая смертью, и снабдить эти картинки темами-комментариями, которые вместе с тем могли служить материалом для чтения. На обороте листа, в виде образца, набросаны пером семь рисунков, изображающие разные моменты из жизни крестьянского ребенка, а затем мальчика, и даны к ним краткие комментарии. Первый рисунок комментирован: «Рождение». На ли-

цевой стороне листа Толстой набросал сначала сорок тем и перенумеровал их, а затем отметил из них двадцать четыре темы, перенумеровал их снова и добавил к ним двадцать пятую тему: «Последний час». На этом обрывается текст сохранившегося листа.[225]

Отказавшись от первоначального замысла иллюстрировать материалы «Азбуки», Толстой сохранил в ней иллюстрации только для алфавита, снабдив последние рисунками предметов, названия которых начинаются с соответствующих букв алфавита. В качестве материала для азбуки, в тесном смысле, Толстой использовал почти исключительно пословицы, поговорки, загадки и рассказы, написанные им на пословицы. «Левочка всё читает пословицы и вспоминает, что Трифонова[226] на каждом шагу говорит пословицы», — добавляла С. А. Толстая в письме к своей сестре от 20 сентября 1872 г., цитированном выше.

Использовать пословицы в качестве сюжетов для рассказов из народной жизни было давнишней мечтой Толстого. Еще в 1862 г. в своей статье «Кому у кого учиться писать —

крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» он говорил: «Давно уже чтение сборника пословиц Снегирева составляет для меня одно из любимых — не занятий, но наслаждений. На каждую пословицу мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле пословицы. В числе неосуществимых мечтаний мне всегда представляется ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы».[227] При составлении «Азбуки» Толстой в известной степени осуществил свою мечту.

Очевидно, в первую половину 1871 г. Толстой составил список, содержащий в себе сто десять тем для статей и рассказов.[228] Темы списка, очень разнообразные по характеру своего содержания, были навеяны Толстому и личными впечатлениями, и воспоминаниями, и разными литературными источниками, с которыми он знакомился. В числе тем имеются два рассказа яснополянских учеников: «Солдаткино житье» и «Ложкой кормит, стеблем глаз колет» (№№ 25 и 26), которые были уже напечатаны в приложениях к журналу «Ясная Поляна». Можно предположить, что

этот список именно был набросан Толстым в период с января по сентябрь 1871 г. На это предположение наводит прежде всего то, что в числе тем списка имеется тема «Скифы из Плутарха» (№ 41), которую Толстой мог поместить в качестве темы для рассказа не ранее января 1871 г., когда он впервые приступил к чтению греческих классиков, а затем тот факт, что из ста десяти тем списка Толстой разработал только двадцать тем, из которых пятнадцать были включены в «Азбуку», одна — в «Первую русскую книгу для чтения» 1875 г. и четыре — остались в рукописи. Трудно допустить, чтобы Толстой оставил такое подавляющее большинство тем списка не использованным, если бы он составлял этот список после сентября 1871 г., т. е. во время напряженной работы над «Азбукой».

В период с сентября по декабрь 1871 г., когда, по словам С. А. Толстой, была приготовлена к печати первая книга «Азбуки», Толстой заготовил материала для русского чтения гораздо больше, чем понадобилось для этой книги. Большинство заготовленных в это время произведений он несколько раз распреде-

лял по степени трудности путем перенумерования их. Однако это распределение было только предварительным. При печатании материала в типографиях Риса и Замысловского Толстой снова неоднократно перераспределял его, так что в конце концов произведения, написанные до конца 1871 г., оказались размещенными по всем четырём книгам «Азбуки» в совершенно ином порядке, чем это было в черновой рукописи.

К концу 1871 г. Толстым было подготовлено более восьмидесяти художественных произведений: басен, сказок, рассказов, и около двадцати статей по естественной истории. Подготовкой художественного материала для чтения Толстой был занят и после 1 января 1872 г. Но тогда его главное внимание было сосредоточено уже не на этом материале, а на статьях научно-популярного характера, на арифметике и на славянских отделах «Азбуки».

В число произведений, написанных Толстым для второй части первой книги и первых частей остальных трех книг «Азбуки», входят не менее пятидесяти переводов и пе-

переработок басен Эзопа и около тридцати переводов и переделок восточных басен и сказок. На запрос Н. Н. Страхова относительно источников произведений, вошедших в «Азбуку», Толстой отвечал ему в августе 1872 г.: «Оглавления не могу прислать более точного по памяти. Но басни только из 3-х источников: 1) Эзопа переведены буквально, 2) с индийского из 2-х французских переводов — переделаны de fond en comble[229] и 3) мои — при которых не обозначено откуда».[230] Двумя французскими переводами, о которых говорит Толстой, были: «Les avadânas contes et apologues indiens inconnus jusqu'à ce jour», tt. I–III, Paris MDCCCLIX, и «Les Mille et un jours. Contes Persans, traduits en français par Petit de La Croix, suivis de plusieurs autres recueils de contes traduits des langues orientales», Paris MDCCCXXXIX. Из последней книги Толстым взяты не только индийские, но и турецкие, персидские и арабские басни и сказки. Две восточные сказки заимствованы Толстым из книги: «La morale en action ou choix de faits memorables», Paris 1845. Все эти книги имеются в яснополянской библиотеке. Сверх того,

огромное количество сюжетов и материалов для своих детских произведений Толстой взял у разных русских и иностранных писателей и из многих других источников: А. А. Фета, А. Н. Афанасьева, Ф. В. Чижова, П. Н. Рыбникова, Кирши Данилова, В. И. Даля, И. А. Худякова, Вал. Висковатова, Геродота, Плутарха, В. Гюго, Фр. Гофмана, Г. Гринвуд, И. Гебеля, Т. Дилитца, братьев Гримм, летописи Нестора, школьных хрестоматий П. М. Перевлесского, К. Д. Ушинского и др. (названия книг и источников указаны в примечаниях к отдельным произведениям Толстого).

Во второй половине декабря 1871 г. Толстой кончил первую книгу «Азбуки», как это видно из цитированного выше письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской. Наборная рукопись этой книги, переданная в типографию Риса, в полном составе не сохранилась, но имеется оглавление этой книги, написанное рукой Толстого.[231] Сопоставляя это оглавление с материалами первой книги, сохранившимися в гранках и в верстке из типографии Риса и частью в списках, послужившими в качестве наборной рукописи для типографии

Замысловского (см. рук. № 20), можно видеть, что все отделы собственно азбуки и все произведения, заголовки которых указаны в оглавлении, и почти все материалы славянского отдела имеются в этих материалах первой книги, и расположены они в том же порядке, что и в оглавлении. В материалах книги, в отделе для русского чтения, помещено на одиннадцать произведений больше, чем это указано в оглавлении, и в них не имеется молитвы «Богородица» и псалма «Помилуй мя, боже», указанных в оглавлении. Но эти дополнение и сокращение могли быть произведены уже во время печатания первой книги. Это тем более вероятно, что Толстой сам признавался в письме к А. А. Толстой от апреля 1872 г., что «Азбука» «печатается с одного конца, а с другого всё пишется и прибавляется».[232] В оглавлении материал первой книги не поделен на части и отделы. Но и в материалах книги, набранных в типографии Риса, за исключением первых трех отделов в собственно азбуке, поставленных несомненно уже в процессе печатания, не имелось этого деления. Всё это дает основание думать, что

план и состав первой книги «Азбуки», законченный Толстым в конце 1871 г., вполне соответствовал оглавлению. Не исключена даже возможность, что именно этим оглавлением и открывалась книга в своем первоначальном виде. А отсюда очевидно, что первая книга была составлена Толстым спешно и имела много существенных недостатков и в плане и в составе материала, которые Толстому пришлось исправлять уже в процессе печатания.

III

22 декабря 1871 г. Толстой повез первую книгу «Азбуки» в Москву и пробыл там не менее трех недель. Потребовалось немало времени для подыскания типографии, которая взялась бы печатать «Азбуку». Уже после того, как был заключен контракт с типографией Риса, 27 мая 1872 г. Толстой писал о своих поисках Н. Н. Страхову: «Вы не поверите, но в Москве ни одна типография не бралась, кроме Риса (все завалены работой)».[233] Очевидно, зная неаккуратность Риса, печатавшего «Войну и мир», Толстой не хотел поручать ему печатания «Азбуки». Но в конце концов, вследствие отказа других типографий, ему

пришлось остановиться на этой типографии. Не позднее 12 января 1872 г. Рис приступил к набору первой книги «Азбуки». В этот же день Толстой сообщал А. А. Толстой: «Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю».[234] Тогда же Толстой нашел рисовальщика, которому поручил сделать рисунки к буквам алфавита, и студента-корректора, которого в Записной книжке под 13 января 1872 г. он называл своим «помощником»,[235] а в письме к Н. Н. Страхову от 27 мая того же года — своим «поверенным в Москве» по печатанию «Азбуки».[236] В этот же приезд в Москву, вероятно, Толстой совеща́лся там с разными специалистами по вопросам, касающимся «Азбуки». Потом, вспоминая об этих совеща́ниях, он писал Н. Н. Страхову в письме от 20 июня 1872 г.: «О печатании летописи по-славянски у меня в Москве было бесчисленное количество разговоров. Бессонов и Буслаев считают невозможным печатание летописи по-славянски, Юрьев, Елагин и др., и я, и другие не находят в этом никакого затруднения».[237] Но, повидимому, советы специалистов тогда не удовлетворили Толстого, так как в

том же письме он советовал Страхову, взявшемуся следить за печатанием «Азбуки»: «Главное, не советуйтесь с знатоками. Они будут путать, как меня путали в Москве».

С момента печатания «Азбуки» началась для Толстого самая трудная и лихорадочная работа. Нужно было спешно готовить новые материалы и составлять следующие книги «Азбуки». Вернувшись в Ясную Поляну приблизительно в середине января 1872 г., Толстой продолжал работу по подготовке художественного материала для чтения. Нельзя сказать точно, какие именно мелкие художественные произведения приготовил Толстой в первые месяцы 1872 г., но определенно известно, что с 11 по 25 марта он написал рассказ «Кавказский пленник» и не позднее 30 апреля — рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет» (см. Примечания, стр. 654–656 и 668). Вместе с тем в те же первые месяцы 1872 г. Толстой усиленно занимался статьями научно-популярного характера, арифметикой и славянскими отделами «Азбуки». Что касается научно-популярных статей, то им Толстой намеревался уделить много места в «Аз-

буке». В цитированном выше письме к А. А. Толстой от апреля 1872 г. он писал, что для «Азбуки» «нужны все естественные науки, астрономия, физика». По возвращении из Москвы Толстой погрузился в изучение астрономии и физики. «Левочка всё продолжает заниматься, — писала С. А. Толстая Т. А. Кузминской 18 января 1872 г., — и печатать детские книжечки.... Читает он физику и астрономию». Записные книжки Толстого за январь, февраль и март 1872 г. полны заметками по физике и астрономии, которые он делал несомненно попутно с чтением книг по этим предметам.[238] Об этом же Толстой писал брату Сергею Николаевичу 9 марта 1872 г. [239]

Кроме физики и астрономии, в первые месяцы 1872 г. Толстой изучал другие дисциплины, как о том можно судить по тем спискам, которые были набросаны в то же время. Подавляющее число тем в этих списках посвящено самым разнообразным предметам: истории, этнографии, астрономии, геологии, минералогии, ботанике, зоологии, физике, механике, химии, геометрии, технологии и

др.[240]

В первую очередь Толстой, повидимому, взялся за разработку тем по физике и написал целый ряд статей о тепле, о сырости, о магнетизме, о кристаллах и проч., которые вошли в «Азбуку», а частью остались в рукописи. А затем много внимания уделил он астрономии, написав целую серию популярных статей. Но, очевидно, убедившись в процессе работы в невозможности объяснить в популярной и доступной для детского понимания форме многие явления из этой области, Толстой оставил статьи по астрономии в незаконченном и черновом виде.[241] Одновременно со статьями по астрономии он пишет отрывки из геометрии, которые являются не частью какого-то начатого и незаконченного особого курса по практической геометрии, а скорее каким-то звеном в работе Толстого по астрономии.[242]

Из остальных предметов, темы которых были намечены в списках, больше всего написано статей по истории и зоологии. Меньше всего уделено внимания минералогии, технологии, механике и геологии. По минера-

логии Толстой набросал начерно только одну статью, а по технологии и механике начал четыре статьи, но ни одной не довел до конца. За разработку тем по геологии он совсем не принимался. Следует констатировать, что в «Азбуке» Толстого в той или иной степени все произведения художественны, и нельзя провести резкой грани между художественными рассказами и научно-популярными статьями.

Около середины февраля 1872 г. Толстой составил и сдал в набор вторую книгу и подготовил начерно две остальные. Однако подготовка статей для научно-популярных отделов «Азбуки» еще не была закончена, и работа продолжалась и в первой половине марта. В третьей и четвертой книгах не хватало арифметики и статей «Для учителя» и не вполне были доделаны в них славянские отделы. Но, несмотря на эти существенные проблемы, Толстой считал, что основная работа по «Азбуке» кончена и 20 февраля 1872 г. он писал А. А. Фету: «Я кончил свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочинение».[243]

Наборная рукопись второй книги «Азбу-

ки», переданная в типографию Риса, также не сохранилась. Не сохранилось и оглавление второй книги в ее первоначальном составе. В процессе же печатания Толстой не раз менял состав книги. Он сам признавался в письме к А. А. Фету от 16 марта 1872 г.: «Азбука моя не дает мне покоя для другого занятия. Печата- нье идет черепашьими шагами, и чорт знает, когда кончится, а я всё прибавляю, убавляю и изменяю. Что из этого выйдет — не знаю, а положил я в него всю душу».[244] Поэтому нельзя сказать, каков был состав второй кни- ги и каков был порядок расположения в ней материала в момент сдачи ее в типографию Риса. Оглавление же, имеющееся при второй книге, составлено было в июне 1872 г., когда Толстой перед тем, как отправить книгу Н. Н. Страхову для печатания в Петербург, окончательно пересмотрел и дополнил ее со- став. О составе некоторой части этой книги можно лишь судить по корректурам из типо- графии Риса, вошедшим в состав наборной рукописи для типографии Замысловского (см. рук. № 21).

В начале января 1872 г. Толстой снова организовал школу в своем яснополянском доме, в которой учителями были он сам и все члены его семьи, включительно до семи-восемилетних детей. Об этой школе С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской 2 февраля 1872 г.: «Мы вздумали после праздников устроить школу, и теперь каждое после обеда приходит человек 35 детей, и мы их учим. Учит и Сережа, и Таня, и дядя Костя, и Левочка, и я». О том же писала С. А. Толстая своей сестре и 10 марта 1872 г.: «У нас все продолжается школа, идет хорошо. Почти все выучились читать довольно бойко по складам». И, наконец, 6 апреля 1872 г. она извещала свою сестру: «Каждое утро своих детей учу, каждое после обеда школа собирается. Учить трудно, а бросить теперь уже жалко: так хорошо шло ученье, и все читают и пишут, хотя не совсем хорошо, но порядочно». Об этой школе писал и сам Толстой А. А. Фету 20 февраля 1872 г.: «Еще новость, это, что я опять завел школу, и жена и дети — мы все учим и все довольны».[245] То же сообщал он Н. Н. Страхову 3 марта 1872 г.: «Жизнь наша в деревне та же. Прибавилось

новое только школа крестьянских детей, которая сама собой завелась. И всех нас с детьми моими очень занимает».[246]

Повидимому, организация этой школы была связана с желанием Толстого проверить свой метод обучения на практике. Но занятия в школе не отвлекали его от продолжения работы над «Азбукой». Толстой торопился с печатанием ее, намереваясь представить ее на политехническую выставку в Москве, которая должна была открыться 30 мая 1872 г., и к тому времени спешил выпустить, если не все четыре, то по крайней мере первые две книги. Приступив к печатанию «Азбуки» в самом конце 1871 или в начале января 1872 г., Толстой не сомневался, что успеет выпустить ее в свет еще в зимние месяцы, как это видно из его письма к А. А. Толстой от 12 января, в котором он уверенно писал: «Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю.... Нынешней зимой надеюсь прислать вам».[247] Но уже 18 января 1872 г. С. А. Толстая сообщила своей сестре, что «детские книжечки» не поступят в продажу «раньше святой» (то есть пасхальной недели). А сам Лев Николаевич

более чем через два месяца после сдачи в типографию первой книги, 9 марта 1872 г., писал брату С. Н. Толстому: «У меня досада. Сукины дети Рис и студент не начинали еще работать. Бибиков[248] поехал в Москву, я послал с ним грозное письмо, а не подействует, то сам поеду».[249] Об этом же сообщила своей сестре и С. А. Толстая 10 марта 1872 г.: «Печатание нашей «Азбуки» идет тихо, так как Рис по своему обыкновению обманул».

Однако, помимо «обмана» Риса, задержка в наборе «Азбуки» несомненно заключалась и в тех больших технических трудностях, какие приходилось преодолевать типографии при печатании «Азбуки», заключавшей в себе и надстрочные буквы, и разные шрифты в одном и том же слове, и иллюстрации, и арифметические таблицы и т. д. Помимо того, причиной медленного набора «Азбуки» был и обычный метод работы Толстого. Рукописи «Азбуки» сдавались в типографию далеко не в законченном виде, и после сдачи их все время продолжалась авторская работа над ними. В данном случае перерабатывались статьи, заменялись одни статьи другими, в большом

количестве включались новые материалы, то и дело изменялся порядок расположения статей и т. д. В письме к Страхову от 3 марта 1872 г. Толстой сам писал об этом: «Азбука моя кончена и печатается очень медленно и скверно у Риса, но я по своей привычке всё мараю и переделываю по 20 раз».[250]

Между тем, не будучи удовлетворен темпами работ типографии Риса и не надеясь на него, Толстой уже в начале апреля 1872 г. повел переговоры с тульской типографией Соколова о печатании «Азбуки» в Туле. В апреле того же года он написал письмо начальнику М. Н. Лонгинову с просьбой разрешить печатать «Азбуку» в Туле «без цензуры». «В Москве, — писал он, — почти невозможно печатать, живя в деревне, а в Туле нельзя — потому что нужно разрешение цензуры. Послать в цензуру рукопись мне бы ничего не стоило, но я не могу не изменять и не прибавлять, а в Туле этого нельзя делать».[251] Ответ Лонгинова неизвестен. Во всяком случае, если он и был, то, вероятно, отрицательный, так как «Азбука» продолжала оставаться у Риса, и

о переговорах с типографией Соколова, помимо упоминания об этом в цитированном письме к Лонгинову, в дальнейшем нет никаких сведений.

Но, несмотря на видимые неудачи, Толстой всё же надеялся закончить печатание к выставке и продолжал усердно работать. «Отсылали корректуры азбуки, сидели до 4-го часа ночи», [252] — занесла С. А. Толстая в свой дневник 3 апреля 1872 г. Из того же «Дневника» мы узнаем, что Толстой в конце марта и в конце апреля того же года, вероятно, по делам «Азбуки» совершил две поездки в Москву.

Напряженнейшая работа над «Азбукой» в течение всей зимы расстроила здоровье Толстого. Встал вопрос о поездке весной на кумыс в Самарские степи. Но, как видно из письма С. А. Толстой к своей сестре от 6 апреля 1872 г., он «отговаривался» от этой поездки, ссылаясь на «Азбуку», которая «печатается и должна непременно быть готова к московской выставке, то есть к 30 маю». Вопрос этот, очевидно, долго обсуждался, потому что С. А. Толстая уже 23 апреля 1872 г. писала сест-

ре: «Милая Таня, судьба наша, наконец, решилась, и мы в Самару не едем. Левочка очень боится за меня, другая причина — азбука печатается, и нельзя бросить, некому ни корректур без нас держать, ни следить за печатанием, чтоб шло скоро и хорошо».

В середине мая 1872 г. Толстому стало ясно, что «Азбука» не будет готова к выставке, и он решил покончить с Рисом. По этому поводу С. А. Толстая записала в свой дневник 18 мая: «Левочка вчера очень расстроился, что не шлют корректуры, и написал в Москву, чтобы отобрать оригинал у Риса».[253] Он решил перенести печатание «Азбуки» в Петербург и просить Н. Н. Страхова взять на себя наблюдение за печатанием. Страхов был в курсе дела печатания «Азбуки». Толстой почти в каждом письме сообщал ему об этом. Помимо всего, через Страхова в журнал «Заря», был послан писанный для «Азбуки» рассказ «Кавказский пленник», и Страхов держал корректуры его (см. Примечания, стр. 668). Таким образом, Страхов до некоторой степени уже был связан с «Азбукой».

19 мая 1872 г. Толстой писал Страхову: «Я

давно кончил свою Азбуку, отдал печатать, и в 4 месяца печатание не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не кончится. Зимой я всегда зарабатываюсь и летом кое-как оправляюсь, если не работаю. Теперь же корректуры, ожидание, вранье, поправки типографские и свои измучили меня и обещают мучить всё лето. Я вздумал теперь взять это от Риса и печатать в Петербурге, где, говорят, больше типографий и они лучше. Возьметесь ли вы наблюдать за этой работой, т. е. приискать человека, который держал бы черновые корректуры за известную плату, и сами держать последние корректуры (тоже за вознаграждение). Только вам я бы мог поручить эту работу так, чтобы самому уже не видеть ее. Вознаграждение вы определите сами такое, которое бы равнялось тому, что вы зарабатываете в хорошее время. Время, когда печатать, вы определите сами. Для меня, чем скорее, тем лучше».[254]

Ответ Страхова неизвестен, но, повидимому, он колебался и не сразу дал положительный ответ, как это можно судить из ответного письма Толстого Страхову от 27 мая 1872 г.:

«Боюсь настаивать, любезный Николай Николаевич, чтобы вы потом не стали раскаиваться, но не могу не сказать, что для меня это было бы великое счастье».[255] Толстой приглашал Страхова приехать в начале июня погостить в Ясную Поляну, добавляя при этом: «Если бы согласились взять мою работу, вы бы прочли книгу, мы бы обо всем переговорили.... Дело печатания находится в следующем положении: Рис, типографщик, тянул 5 месяцев, набрал кое-как 7 листов, я через поверенного в Москве отобрал у него оригинал и прекратил печатание; но я ему дал уже денег, он извиняется, и я ему написал ultimatum. — Если он напишет условие, с неустойкой в 2000, кончить всю работу в месяц, то я у него буду печатать. Ответа не получил и, вероятно, не получу. Но пишу всё это вам для того, чтобы вы знали, что есть случайность (очень неприятная для меня), при которой, если бы вы согласились, я бы должен печатать у Риса. Я постараюсь, чтобы — нет. Какие типографии в Петербурге возьмутся за это печатание? Будет 40 листов, в числе их листов 15 славянского. Будьте добры, сообщите мне это.... Впрочем я

думаю, если бы Рис согласился, и вы бы решились взяться за работу, может быть, если вас ничто не привязывает к Петербургу, вы бы взяли эту работу в Москве. Страшно желаю, чтобы вы решились».[256]

Ответ Страхова и на это письмо Толстого неизвестен; но имеется ответное письмо Толстого от 6 июня 1872 г., из которого видно, что Страхов согласился исполнить просьбу Толстого, и, повидимому, не прочь был даже временно поселиться в Москве, чтобы следить там за печатанием «Азбуки».[257] Толстой, прося Страхова подыскивать типографию в Петербурге, сам в это время подыскивал типографию в Москве, но безуспешно. Рис же отказался заключить с ним условие с неустойкой. Рукописи «Азбуки» Рис вернул в «страшном беспорядке». Толстому предстояла «работа самая скучная, тяжелая — приводить в порядок рукопись, переписывать, отмечать». Согласие Страхова не радовало Толстого, так как оно показалось ему вынужденным. Всё это вместе привело Толстого в самое удрученное состояние. «Видно мне, — писал он в том же письме Страхову от 6 июня, — не судьба издать эту

книжку, стоившую мне трудов больше, чем какая-нибудь работа, и которой я так дорожил». Но все же Толстой решил подождать ответа от Страхова о типографии и тем временем приняться за приведение в порядок рукописи. А Страхову он написал в том же письме: «Недели через две, если бог позволит, привезу к вам рукопись в Петербург, обо всем переговорю и уеду свободным, благословляя вас.... Напишите мне.... ваши условия вознаграждения за два месяца работы, как надо полагать. Если всё сделается, как я мечтаю, то работы вам будет много. Кроме практической работы с типографией, в 4-х книжках азбуки — в каждой есть славянский отдел с переводом en regard.[258] Почти весь перевод сделан, но выноски грамматических форм не сделаны. Потом исправления языка, порядка, всё это уж сделали бы вы. Итак, ожидаю ответа на все вопросы и привожу в порядок рукопись». В этом же письме Толстой дал Страхову справку, что набор и печать «в Москве были кажется 11 рублей», добавив при этом, что цена для него не имеет никакого значения.[259]

Ответное письмо Страхова также не сохра-

нилось, но оно, видимо, рассеяло все сомнения Толстого, и он писал Страхову 14 июня 1872 г.: «Письмо ваше, дорогой Николай Николаевич, так обрадовало меня, что жена уверяла, что я вдруг сделался совсем другой и веселый. Мне теперь верится в возможность окончания этого дела. Я тотчас же принялся за бумаги и кончил бы всё уже к нынешнему дню, если бы не роды жены.... На днях я пришлю вам рукопись с подробным описанием того, что и как нужно, и даже надеюсь, что письменно можно понять друг друга.... Я бы сейчас вам прислал 7 листов (не напечатанных, а набранных), но у меня один экземпляр и мне нужно всё иметь под руками. Еще мне нужно съездить в Москву, чтобы выручить доски букв и картинок. К тому времени — дней через 5, как я всё приготовлю, я надеюсь и от вас получить известие о том, сколько денег нужно приготовить на бумагу и для типографии, и возьмется ли какая-нибудь типография? Мне всё кажется, что ни одна не возьмется, и если возьмется, то обманет».[260]

Как уже известно, в типографию Риса были сданы для набора первая и вторая книги

«Азбуки». Набор производился одновременно той и другой книги. К моменту затребования Толстым материалов книг обратно из первой книги было набрано около пяти печатных листов и притом не подряд, а в перебивку: три листа статьи «Для учителя» и собственно азбуки и около двух листов начала и самого конца второй части. Первые три листа были сверстаны, а остальные остались в гранках. Из второй книги были набраны начало и конец первой части — всего около четырех с половиной листов, из которых были сверстаны четыре листа. Таким образом, говоря, что Рис набрал лишь семь листов, Толстой имел в виду только набор в верстке.

Во время набора первых двух книг авторская работа над ними не прекращалась. Состав второй части первой книги, по сравнению с первоначальным планом, был увеличен на одиннадцать номеров. Проследить остальные авторские изменения, внесенные в первую книгу в процессе набора, нет возможности. К моменту затребования материалов книг обратно из типографии Риса состав и план первой и второй частей приняли но-

ВЫЙ ВИД.

К набору как арифметики, так и славянского отдела в типографии Риса не было приступлено. Вся авторская работа над первой книгой далеко еще не была завершена даже в процессе набора. Не были обозначены части книги. Материал для русского чтения, хотя и определившийся, не был еще в достаточной степени систематизирован и разбит на отделы.

Дальше, чем над первой книгой, продвинулась работа Толстого и типографии над второй книгой. К моменту, когда типография Риса прекратила работу над «Азбукой», эта книга не имела титульного листа и оглавления. Отсутствовала в ней и статья «Для учителя», но, судя по пробелу в пагинации в начале верстки второй книги, эта статья была набрана и сверстана, но верстка не сохранилась. Материал для русского чтения, составлявший первую часть второй книги, был разбит на четыре отдела. Шестьдесят произведений были набраны и сверстаны, два произведения набраны, но не сверстаны и только шесть произведений остались в рукописи. К набору сла-

вянского материала и арифметики, составивших вторую и третью части второй книги, не было приступлено.

V

Получив материалы первой и второй книги из типографии Риса обратно, Толстой с 6 по 20 июня 1872 г., как это видно из его писем к Страхову, привел их в порядок, более точно систематизировав и оформив для нового набора, и существенно переработал статьи «Для учителя» и «Общие замечания для учителя». Материал первой книги был разбит на четыре части. В первой части, то есть в собственно азбуке, последний, третий, отдел был разделен на два отдела и из него исключен небольшой рассказ, написанный на пословицу «Бог правду видит, да не скоро скажет», в связи с тем, что под таким заглавием уже был написан большой рассказ (см. примечания). В остальном эта часть была оставлена без перемен. Наиболее крупным переделкам подверглась вторая часть первой книги, то есть материал для русского чтения. В эту часть автор перенес из второй книги рассказ «Пожарные собаки». Гранки в ней он разорвал по отдель-

ным произведениям и более точно систематизировал материал, разбив его на четыре отдела.

В былинах, составивших четвертый отдел, Толстой поставил в первых стихах ударения. К третьей, славянской, части наметил сделать сноски с объяснением непонятных слов и грамматических форм, но этих сносок не сделал, а приложил к славянскому тексту отдельный листок с объяснением, какого характера должны быть эти сноски. В начале текста подчеркнул для образца несколько слов, которые, по его мнению, требовали объяснения. В конце славянского текста приложил другой листок с перечнем материалов, намеченных к помещению в третьей части, и указанием, с каким переводом должны быть напечатаны эти материалы. В четвертой части, то есть в арифметике, пометил в начале текста: «IV часть». На титульном листе обозначение: «Часть I», заменил: «Книга I». Весь материал первой книги от начала до конца перенумеровал по листам синим карандашом (1–91). После переделки к ней было составлено оглавление И. Ананским. Толстой внес в

это оглавление небольшие изменения (см. рук. № 20).

Можно предположить, что, занявшись переработкой первой книги, Толстой одновременно с этим поручил И. Ананскому составить оглавление второй книги в том виде, в каком она была получена из типографии Риска. Ананский написал оглавление первой части по материалам книги, поместил за ней название летописи, а затем внес в оглавление перечень остальных материалов второй части, который дал Толстой в конце перевода летописи. Третью часть, арифметику, Ананский не внес в оглавление. Покончив с первой книгой, автор сделал несколько существенных изменений в этом оглавлении и взялся за переработку второй книги. В материалы для русского чтения этой книги он включил новую статью «Ермак», поставил перед этими материалами: «Первая часть», и последний, четвертый, отдел этой части разбил на два отдела. Сноски грамматического характера во всех отделах этой части, имевшиеся в верстке, исключил.

Новый, пятый, отдел носит следы автор-

ских исправлений красным карандашом. Былина «Сухман» оставлена в том виде, в каком была получена из типографии Риса, но выделена в шестой отдел первой части.

Перед оригиналом летописи и переводом — две авторские пометы красным карандашом: «Вторая часть». В эту часть включено «Житие Сергия Радонежского» с переводом, сделанным раньше.

Последняя часть книги, арифметика, повидимому, осталась без перемен. После переработки второй книги Толстой сам перенумеровал ее от начала до конца по листам синим карандашом (6–89) (под первыми номерами несомненно стояла несохранившаяся верстка статьи «Для учителя»).

19–20 июня 1872 г. первые две книги «Азбуки» в этом переработанном виде были посланы Страхову с подробными указаниями того, что и как делать. Толстой начал письмо с признания, что посылает рукопись первых двух книг «с трепетом», так как боится, что Страхов «ужаснется предстоящей ему работы, а если и не ужаснется, то не поймет многого по безобразной рукописи». Вслед за этим Тол-

стой подробно изложил план первой книги «Азбуки» и в конце письма сделал приписку: «Вообще всё, что вы найдете плоским и лишним, даю вам *carte blanche* выбросить и очень прошу об этом».[261]

Ознакомившись с «Азбукой» и с авторскими указаниями в письме от 19–20 июня 1872 г., Страхов просил у Толстого дать разъяснения по ряду вопросов, связанных с печатанием «Азбуки». Письмо Страхова не сохранилось, но из ответного письма Толстого от 2 июля 1872 г. видно, что Страхов запрашивал относительно некоторых картинок к буквам алфавита, неудачно исполненных, а также и по вопросам орфографии. Кроме того, в том же письме он сообщал о своих переговорах с одной из первоклассных петербургских типографий — Лемана и об условиях, предложенных типографией. Толстой телеграммой[262] известил Страхова о своем согласии с этими условиями и то же подтвердил в письме от 2 июля.[263] В этом же письме Толстой, в свою очередь, спрашивал Страхова, «не пугает ли его скучная работа в славянском» и можно ли ему прислать с третьей книгой «Азбуки» жи-

тие, «неконченное переводом» (Иосифа Волоколамского).

7 июля Толстой выехал в Самару, а 8 июля он писал Страхову из Москвы: «Третью книгу я оставил у жены и, как понадобится для чтения, напишите ей, и она пришлет. К ней объяснений никаких не нужно».[264] И дальше сообщал, что в книге не хватает «отдела арифметики» («умножение и деление») и статьи «Для учителя», и обещал их выслать из Самары. Еще до получения этого письма Страхов отправил в Ясную Поляну два письма, которые были пересланы Толстому в Москву. Толстой ответил на них уже с парохода 10 июля 1872 г. Из этого ответа видно, что у Страхова возникло сомнение, печатать ли «Азбуку» в четырех книгах с отдельной нумерацией страниц, или в одной книге с общей нумерацией. На это сомнение, видимо, навели материалы полученных Страховым книг. Вторая книга, которая приблизительно на треть была уже в верстке, не имела особого титульного листа. Очень многие листы первой и второй книг были перенумерованы по нескольку раз. Всё это ясно говорило за то, что по перво-

начальному плану автор намеревался выпустить «Азбуку» в одной книге и с общей нумерацией. От этого плана он отказался, повидимому, уже во время набора «Азбуки» в типографии Риса. Убедившись, что «Азбука» полностью не успеет к выставке, то есть к 30 мая 1872 г., Толстой решил разбить ее на четыре отдельные книги в надежде, что ему удастся закончить печатанием и представить на выставку по крайней мере первые две книги. У Страхова, очевидно, явилась мысль вернуться к первоначальному плану «Азбуки», о чем он и писал. Но окончательно отказавшись от этого плана, Толстой лаконично отвечал Страхову: «Нумерация отдельно и 4 книги отдельно».

Кроме того, Страхов в своих последних письмах писал относительно бумаги для «Азбуки» и просил Толстого прислать ему третью книгу; а так же сообщал, что он берет на себя составление грамматических выносок в славянских отделах и перевод жития Иосифа Волоколамского. На всё это Толстой 10 июля ответил Страхову полным удовлетворением: «Если вы только беретесь за славянское, то я

уже спокоен, что *будет сделано лучше, чем бы мог я*».[265]

VI

Выяснив путем переписки все сомнительные вопросы, Страхов взялся за окончательный просмотр и подготовку полученных книг к печати. По всему ходу работы Страхова чувствуется, что он проявил исключительную бережность к каждому слову «Азбуки». Все авторские указания и инструкции он выполнил в точности, но вместе с тем, пользуясь предоставленным ему правом, внес большое число существенных поправок и изменений в работу.

В оглавление первой книги Страхов внес несколько мелких стилистических поправок, статью «Для учителя», стоявшую в начале оглавления, перенес в конец, а затем всё оглавление переписал заново на отдельных листах, придав ему несколько иное оформление. В первом отделе первой части книги, то есть в азбуке в тесном смысле, Страхов вставил букву К, которой там не хватало; перерисовал арбуз, иголку, колокол и яблоко, плохо сделанные и заменил рисунок оси обручем. В

третьем отделе этой части он поставил тире между слогами всех слов, снял все ошибочно набранные курсивы и более четко проставил все строчные буквы. В четвертом отделе им были отмечены все пропущенные курсивы. Текст рассказа «Пожарные собаки», трудно читаемый, вследствие сплошных переработок, почти полностью переписал, местами слегка изменив его в стилистическом отношении. Более существенной переработке он подверг третью часть книги, то есть славянские материалы. В первой половине текста «Летописи Нестора» он перечеркнул все буквы, которые должны быть набраны славянским шрифтом, а во второй — все буквы, которые должны быть набраны гражданским шрифтом. В переводе «Летописи» Толстого он сделал около девяноста поправок стилистического характера. Переводы Толстого слов о Филагрии и Мурине заменил новыми переводами. Перевод Толстого жития Давида был существенно переработан в стилистическом и синтаксическом отношении. Все славянские материалы этой части Страхов снабдил большим числом грамматических выносок, о чем

просил его Толстой. В список четвертой части книги, то есть в арифметике, вставил шесть дополнительных листов, из которых на первых пяти по образцам, данным в списке, он изобразил разными способами цифры, которые в списке были или пропущены, или только намечены для изображения, а на шестом листе переписал одно место списка, трудно читаемое, вследствие большого числа авторских поправок. Статьи «Для учителя» и «Общие замечания для учителя» Страхов местами несколько сократил, а затем внес в них одну большую вставку на отдельном листе, посвященную сопоставлению русских и славянских форм языка, ряд мелких вставок и около пятидесяти поправок стилистического, синтаксического и отчасти смыслового характера. Кроме этих изменений, внесенных в первую книгу, все материалы последней он тщательно оформил для набора (см. рук. № 20).

В первой части второй книги Страхов обозначил все отделы одинаково римскими цифрами, что он сделал потом и во второй части первой книги. Былину «Сухман», которая у

Толстого заключала пятый отдел, он выделил в особый, шестой, отдел. В тексте этой части Страхов отметил пропущенные курсивы и снял большое число курсивов, оказавшихся не на месте после переработки Толстым второй книги. В отделах четвертом и пятом Страховым были исключены две статьи: «Деревья дышат» и «Отчего в темноте видно?»; статьи «Отчего бывает ветер?», «Тепло. I», «Тепло. II», «Отчего потеют окна и бывает роса» — сокращены. Из статьи «Растяжимость тел от тепла» он оставил только начало в шесть строк, включив его в статью «Тепло. I», а остальную, большую, часть этой статьи зачеркнул. В текст остальных научно-популярных статей этих отделов Страховым внесен ряд мелких вставок и стилистических поправок. В былине «Сухман» им переработан один стих.

Во второй части второй книги текст «Летописи Нестора» Страхов увеличил в двух местах на пять строк. В текст авторского перевода «Летописи» он внес около девяноста поправок стилистического и синтаксического характера. Текст перевода «Чуда Симеона Столпника» Страхов также значительно пере-

работал и внес в него около пятидесяти стилистических и синтаксических поправок. Текст перевода «Жития Сергия» был сильно переработан стилистически и синтаксически. Состав материалов второй части на этот раз остался без перемен. Но в конце сентября 1872 г. Страхов, вернувшись к этой части, перенес из нее «Чудо Симеона Столпника» во вторую часть третьей книги, а псалом 25-й, который значился в ней, по желанию Толстого, заменил псалмом 36-м (см. рук. № 21).

Третью часть второй книги Страхов озаглавил: «Часть третья. Счет». Некоторые места в этой части он значительно переработал в стилистическом и смысловом отношении. Одно место в ней, зачеркнутое Толстым, Страхов восстановил, но это место всё же не было напечатано. Кроме перечисленных изменений, внесенных во вторую книгу, все материалы в ней, как и в первой книге, Страхов тщательно оформил для набора.

Третья книга, которую Страхов мог получить от С. А. Толстой около середины июля 1872 г., была без статьи «Для учителя» и без арифметики, которые Толстой обещался при-

слать из Самары. Житие Иосифа Волоколамского не имело перевода, который взялся сделать сам Страхов. Первую часть книги, наиболее подготовленную к печати, Толстой разделил на четыре отдела, положив в основу этого деления виды произведений, вошедших в эту часть. Отделы были такие: «I. Басни», «II. Сказки», «III. Описания и рассказы» и «IV. Научное». Былина «Вольга богатырь» не была выделена в особый отдел и замыкала собой «научный» отдел (см. рук. № 23).

Во всех статьях первой части Толстой отметил красными чертами под строкой набрать особым шрифтом следующие грамматические формы: в первом отделе — последовательно окончания косвенных падежей; во втором — окончания всех слов в косвенных падежах; в третьем (до рассказа «Булька») — родовые окончания в единственном числе и с этого рассказа родовые окончания во множественном числе прилагательных, числительных и местоимений и тех существительных, которые с ними согласованы; в четвертом (до статьи «Чутье») — окончания наречий и с этой статьи все предыдущие грамматические

формы.

Оглавление третьей книги (см. рук. № 22) Страхов несколько переработал в отношении порядка расположения материала, включил в него статью «Чутье», случайно пропущенную переписчиком, заменил отрывок из главы XXII Евангелия Матфея двумя отрывками из главы XIII того же Евангелия, указал источники некоторых произведений и в таком виде пока оставил оглавление (окончательно он переработал это оглавление не ранее начала октября 1872 г.).

Перед материалами для русского чтения третьей книги Страхов поставил: «Часть первая». Первый и третий отделы этой части он обозначил только римскими цифрами, обозначение второго отдела оставил, как было у Толстого: «II. Сказки», а четвертый отдел разбил на три отдела, обозначив эти отделы римскими цифрами IV, V и VI. Но такое деление не удовлетворило Страхова, и он решил разбить материал этой части по-новому, положив в основу отделов не виды произведений, как сделал Толстой, а виды грамматических упражнений. Но по этому новому принципу

Страхов наметил римскими цифрами только два первых отдела и остановился на этом, решив, очевидно, выждать, когда Толстой пополнит эту часть третьей книги новыми материалами, на необходимость чего указал ему Страхов. Рукопись третьей книги сохранилась со следами этого незаконченного деления русского материала на отделы. Потом, видимо уже в корректуре, Страхов весь этот материал, кроме былины «Вольга богатырь», разбил по видам грамматических упражнений на десять отделов, обозначив эти отделы римскими цифрами. Былину «Вольга богатырь» выделил в особый, одиннадцатый, отдел.

Материал первой части третьей книги Страхов распределил по грамматическим упражнениям несколько иначе, чем это было у Толстого. Все пометы Толстого грамматических форм в материалах со статьи «Чутье», составивших потом десятый отдел, Страхов стер, оставив, таким образом, все предыдущие грамматические формы, объединенные в этом отделе, без особого шрифта. В грамматических упражнениях на наречия у Толстого

помечены были особым шрифтом только окончания последних. Страхов уточнил эти упражнения. Наречия, производство которых трудно, он пометил набрать особым шрифтом полностью, а в наречиях, производство которых ясно, пометил особым шрифтом только буквы, указывающие на это производство.

В текст статей первой части третьей книги Страхов внес около десяти мелких стилистических поправок и одно место, строк в десять, в статье «Кристаллы» переработал по существу. В списке оглавления первой части третьей книги статья под заглавием: «Сопоставление частиц» присоединена, в качестве третьей части, к статье второй «Сырость». Но, по-видимому уже в корректуре, Страхов сделал эту часть снова особой статьей, озаглавив ее: «Разная связь частиц».

Много труда положил Страхов на славянские материалы, помещенные в третьей книге, относительно которых, говоря о материалах этой книги, Толстой сам откровенно признавался в письме к Стрaхову от 10–12? августа 1872 г.: «Боюсь за славянское потому, что оно почти, да и совсем, не сделано».[266] Пе-

ред отрывками из «Летописи Нестора» и их переводами, помещенными в третьей книге, Страхов пометил: «Часть вторая. Летопись Нестора», и всем отрывкам дал заглавия. В тексте оригинала и переводе «Летописи» он сделал большое количество новых абзацев, и все цифры, обозначенные в оригинале арабскими цифрами, написал по-славянски. Текст перевода «Летописи» Страхов основательно переработал. Всего в перевод Толстого Страховым внесено было около трехсот изменений стилистического и синтаксического характера.

Вслед за переработкой «Летописи» Страхов принялся за перевод жития Иосифа Волоколамского. Никаких следов этого перевода в материалах по «Азбуке» не имеется. Но в переписке Толстого со Страховым имеются указания на то, что этот перевод был сделан. Страхов спрашивал Толстого, оставить или исключить из этого жития попечение Иосифа о родителях. И Толстой в том же августовском письме отвечал ему: «Как хотите». В первой половине сентября 1872 г. Страхов предложил Толстому житие Иосифа Волоколамского, как

«длинное и скучноватое», исключить из материалов «Азбуки». Толстой с сожалением, но всё же писал ему: «Уничтожьте, если вам не жалко своей работы». Из этих указаний ясно, что Страхов не только начал, но и закончил перевод названного жития.

Состав славянских материалов третьей книги окончательно определился не ранее середины сентября 1872 г. (см. рук. № 24).

Вся работа по просмотру, исправлению и оформлению для печати первых трех книг «Азбуки» была проделана Страховым приблизительно за время с 15 июля по 15 августа 1872 г. В процессе работы над этими книгами Страхов всё время письменно сносился с Толстым, извещая его о всех существенных изменениях, вносимых в «Азбуку», и постоянно прося у него советов, разъяснений и новых указаний. Толстой, как это видно из всех его ответных писем, давал Страхову разъяснения по всем сомнительным вопросам, но от руководства его работой он определенно воздерживался и всегда почти соглашался с тем, что предлагал ему Страхов. Так, 6–7 августа 1872 г. он писал Страхову в ответ на одно из его пи-

сем: «1) Отделы не называйте, а сделайте так, как вы предлагаете. 2) Море выпустите. А какие объяснения из научного вы выпустите, пожалуйста напишите мне. Я всё помню и пойму с намека. 3) Исправление перевода летописи предоставляю вам и, как и во всем другом, вполне на вас полагаюсь». И в другом письме от 10–12? августа того же года: «*Иструб* говорят у нас вместо *сруб*, и *сруб* я никогда не слышал, а знаю по книгам».[267]

VII

Переговоры Страхова с типографией Лемана, начатые в середине июня 1872 г., несмотря на согласие Толстого с условиями, предъявленными этой типографией, по неизвестным причинам не дали результатов, и Страхов договорился о печатании «Азбуки» с типографией Замысловского. К набору первых трех книг было приступлено во второй половине июля 1872 г. Книги набирались и печатались по частям. В первую очередь были сданы в набор собственно азбука и материалы для русского чтения. В первых числах августа 1872 г. эти части «Азбуки» были уже набраны, а три листа даже сверстаны и от-

правлены в Ясную Поляну. 6–7 августа Толстой сообщал Страхову: «Радостное письмо ваше и три печатных листа получил вчера... издание и отчетливость работы удивительны».[268]

В то время, когда набирались и печатались первые три книги «Азбуки», Толстой спешил закончить недостающие части третьей книги и готовил к набору четвертую книгу. Начал он с арифметики к третьей книге, над которой работал даже на пароходе по дороге в Самару. «Вчера мучился с арифметикой целый день вместо того, чтобы любоваться берегами», — писал он С. А. Толстой 12 июля 1872 г. [269] Вернувшись из Самарской губернии раньше, чем предполагал, 29–30 июля Толстой писал Страхову из Ясной Поляны: «Спешу хоть двумя словами уведомить вас, что я не прожил предполагаемого и вернулся... Я вернулся здоровый и свежий, но начинаю слишком рано работать и хочу удержаться и не могу. Как будто подгоняет меня невидимая сила, и неохотно покоряешься».[270]

По возвращении Толстой продолжал работу над подготовкой «Азбуки» и в первую оче-

редь над арифметикой для третьей книги. 6–7 августа он писал Страхову: «Вы меня поощрили Ермаком, и я постараюсь прислать к 3-й или 4-й части заброшенную было историческую статейку.[271] Но да не задерживает она ни на час ход работы. Я до одурения занимаюсь эти дни окончанием арифметики. Умножение и деление кончены в III части и кончаю дроби.... мне кажется, что арифметика, будет лучшее в книге».[272] В следующем письме от 10–12? августа 1872 г., отвечая на замечание Страхова в неизвестном письме о недостатке материала для русского чтения в третьей книге, Толстой обещал выслать «несколько статей».[273]

Вскоре закончив арифметику для третьей книги (см. рук. № 25), Толстой написал для этой же книги статью «Для учителя» (об арифметике; первая часть этой статьи была выслана Страхову С. А. Толстой в середине июля, см. рук. № 26). Законченные первые две части четвертой книги и первая часть статьи «Для учителя» к этой книге были отправлены Страхову 15–20? августа 1872 г. (см. рук. №№ 27 и 30) с письмом, в котором Толстой писал, что

обещанные добавления в третью книгу он не успел сделать, и просил вместо этого перенести в третью книгу из четвертой рассказ «Бог правду видит». «А в IV я поспею», [274] — добавлял он.

В последних числах августа 1872 г. были напечатаны первые три части первой книги и первая часть второй книги, которые Страхов не замедлил отправить в Ясную Поляну. Славянский материал первой книги Толстой очень одобрил, о чем и писал Страхову 28 августа 1872 г. [275] В материалах же для русского чтения второй книги Толстой нашел грубую ошибку, о которой писал Страхову в следующем письме в первых числах сентября 1872 г.: «Ошибка в статье «Тепло»: прибавлено (не мною) *отчего тонкий стакан не лопается*. Вопрос остается без ответа». [276]

Одновременно с отправкой отпечатанных листов Страхов писал относительно материалов четвертой книги. Славянский отдел этой книги показался Страхову перегруженным материалами, и он предложил исключить из этого отдела историю библейского Иосифа. Вместе с тем Страхов просил объяснить неко-

торые места в рассказах «Охота пуще неволи» и «Кавказский пленник», которые показались ему непонятными. Толстой отвечал ему 28 августа: «Статьи славянского всё так точно, но правда, что много. Но жалко и невозможно исключить историю Иосифа. Лучше выкинуть житие Сергия или Михаила или то и другое. Можно переместить так, чтобы где Иосиф, там бы менее житий и летописи... Высожары — созвездие — плеяды, на закорки — на себя. Ломы в лесу — место, где повалился лес. *Щекочет сорока, как грает ворон.* Для уяснения прибавить в этом месте: «И я увидел в глуши болота завалившиеся друг на друга деревья и услышал сороку». *Под в голова лучше, чем под головы.* Боюсь, ужасно боюсь, что труда по славянскому будет очень и очень много, и что не только 10 сентября, но 10 октября не кончите».[277]

Приведенной фразы Страхов не вставил в рассказ «Охота пуще неволи». Вместо «под в голова» он все же написал в нем: «под головы». Относительно срока выхода Страхов поспешил успокоить Толстого, как о том можно судить по ответному письму Толстого от пер-

вых чисел сентября 1872 г.[278]

В ответ на письмо Толстого от 28 августа Страхов в неизвестном письме писал, повидимому, по поводу недостатков в статьях научно-популярного характера в четвертой книге. Толстой, отвечая Страхову, просил его: «Если возможно, пришлите мне статьи о газах, как вы их переделаете. Очень, очень меня одолжите. Я нынешнюю зиму страстно, но урывками, занимался естественными науками, особенно физикой. Мне интересно знать, в чем я соврал. Но должен сказать, что из естественных наук я выбирал не то, что попало в книгах, не то, что случайно знаю, не то, что мне кажется нужно знать, но то, что ясно и красиво, и когда мне казалось недостаточно ясно и красиво, я старался выразить по-своему. Мне очень интересно знать, что вы забраковали». И добавлял: «Дроби мои теперь готовы, только осталось переписать».[279]

В первой половине сентября 1872 г. Толстой был под следствием, вызванным тем, что бык в его стаде убил пастуха. Это обстоятельство временно задержало его работу над «Азбукой». На письма Страхова он отвечал не

сразу, чем, видимо, задерживал и его работу по окончательной переработке и печатанию «Азбуки». Только 15 сентября он в приписке сообщил Страхову: «Постараюсь дроби при-слать в неделю срока, но ради бога устройте так, чтобы можно было их подождать».

Можно считать, что только 15 сентября 1872 г. окончательно определился состав последних трех книг «Азбуки». Страхов к этому времени закончил просмотр и переработку материалов «Азбуки», которые дополнительно были посланы ему около середины августа 1872 г. Текст арифметики в третьей книге он слегка изменил в стилистическом отношении и внес в него ряд мелких вставок. Трудно читаемые места, вследствие больших поправок, он переписал на отдельных листах.

Подсчет зерен в последней задаче, неправильно сделанный Толстым, Страхов произвел заново. Первую часть статьи «Для учителя» в третьей книге Страхов переработал коренным образом, а вторую часть этой статьи, посвященную арифметике, лишь слегка изменил в стилистическом отношении. Материалы для русского чтения третьей книги Стра-

хов дополнил рассказом «Бог правду видит», как ему советовал Толстой. Конец статьи «Вредный воздух» и статьи «Газы» и «Как вещества соединяются» в научно-популярном отделе четвертой книги Страхов переработал в самостоятельную статью, озаглавив ее «Газы. I» и пометив следующую статью «Газы. II». Статью «Тепло и движение» он исключил из этого отдела, а вторую половину статьи «Солнце — тепло», заключавшую в себе большое число авторских поправок, переписал и несколько изменил стилистически. Первую часть статьи «Для учителя» в четвертой книге Страхов написал заново. В славянских отделах последних трех книг «Азбуки», которые больше всего беспокоили Толстого, Страхов произвел такие изменения: во второй книге он оставил «Житие Сергия» и заменил псалом 25-й псалмом 36-м; в третьей книге поместил «Чудо Симеона Столпника», взятое из второй книги, и заменил псалом 37-й псалмом 89-м и в четвертой книге поместил историю Иосифа библейского, небольшое «Слово о гневе» и псалом 103-й. Жития Иосифа Волоколамского и Михаила Страхов исключил из «Азбуки».

Потом эти два жития Толстой включил в «Славянские книги для чтения», вышедшие отдельным изданием в 1876–1877 гг. «Летопись Нестора» Н. Н. Страхов сохранил полностью во всех трех последних книгах «Азбуки», как того хотел Толстой. В текст переводов «Летописи Нестора» и житий, помещенных в этих книгах, Страхов внес большое число изменений стилистического и синтаксического характера.

Параллельно с переработкой трех последних книг производился набор и печатание их. 15 сентября 1872 г. Толстой писал Страхову относительно статей о газах и тепле, помещенных в четвертой книге: «В печати эти (даже те, которые вы оставили) статьи показались мне ужасно гадки».[280] А около 20 сентября того же года Страхов, несмотря на то, что в его руках не было еще арифметики для четвертой книги, уже сообщал относительно объявления о выходе «Азбуки» и ее запродаже. Всё это ясно говорит за то, что все материалы «Азбуки», бывшие у Страхова, может быть за исключением части славянских материалов, были уже набраны и частью напеча-

таны. Не сомневался в скором выходе «Азбуки» и Толстой, отвечавший 23 сентября 1872 г. на письмо Страхова: «Запродавать книги я не хочу.... Объявления, я думаю, надо печатать как можно больше. Впрочем, вы узнаете это лучше моего, но я не жалею на это денег. Боюсь неприличия. В редакции, я думаю, надо послать. И я от себя пошлю двум министрам: Милютину и Толстому». В том же письме добавил: «До 28 сентября кончу дробей. Всё переписываю».[281]

30 сентября 1872 г. Страхову была отправлена арифметика для четвертой книги и вторая часть статьи «Для учителя об арифметике» (см. рук. № 30) письмом, в котором Толстой писал: «Вы не можете себе представить, как я счастлив теперь, спихнув с шеи эту работу, казавшуюся мне столь важною. Боюсь, что покажется вам длинно. Как мне ни жалко, даю вам *carte blanche* сократить в отделе примеров сложения и вычитания.... Если найдете нужным в языке *дробей* и *для учителя* поправить, изменить, выпустить что-либо, — делайте, но известите».[282]

Во вторую часть статьи «Для учителя»

Страхов внес значительное число мелких изменений и присоединил к ней первую часть статьи, посвященную грамматическим упражнениям. В арифметике четвертой книги он сделал около тридцати мелких вставок и около двенадцати мелких стилистических и синтаксических поправок. 15? октября 1871 г. Толстой сообщал Страхову в письме три добавления к арифметике четвертой книги: одно к приведению дробей к одному знаменателю, другое к делению и третье к умножению десятичных дробей. В связи с этими добавлениями Толстой сделал Страхову несколько указаний, прибавив при этом: «Мне ужасно страшно всё это писать и вас об этом просить. Что, если вы считаете всю мою арифметику вздором? Тогда каково вам заниматься этим? — Тем более, что вы судья в этом деле».[283] Все добавления, присланные Толстым, Страхов внес в арифметику уже в корректуре, предварительно переработав их слегка в стилистическом отношении.

В первых числах октября 1872 г. первые три книги «Азбуки» были отпечатаны, но они пока не имели оглавлений, титульных ли-

стов и обложек, которые были напечатаны после. Первые две части четвертой книги к этому времени, если не были напечатаны, то во всяком случае были набраны и сверстаны. Просмотрев эти книги в печатном виде, Толстой нашел, что «в первой книге на 10 и 11 листах есть две ужасные опечатки», [284] и просил поправить. Лист с одной опечаткой Страхов перепечатал и вклеил в первую книгу (стр. 157–158), а вторую опечатку, которую хотел исправить Толстой, он оговорил только в «Опечатках» в конце первой книги, руководясь, очевидно, вторичным указанием Толстого, который писал ему 16–17? октября 1872 г.: «2 вместо 8, пожалуй, не перепечатайте, а в опечатках означьте». [285]

По всем данным, около середины октября 1872 г. Страхов переработал, оформил по-новому и переписал оглавления, приложенные к материалам первых трех книг «Азбуки». Относительно источников некоторых произведений, которые не были указаны в оглавлениях, Страхов запросил Толстого, который писал ему в ответ:

«Забыл ответить на вопросы об оглавлении и затерял листок вашего письма, где было написано. Мне кажется, что я помню всё.

Волк в пыли — с индейского.

Цапля, лягушка и рак — тоже.

<Волга и Вазуза — Даля>

Шат и Дон — народное предание (мною записано).

Две лошади —	}	мое.
Собака и повар —		
Перепелка —		
Топор и пила —		

Извините, если забыл еще что-нибудь.
Нашел ваше письмо.

Мышь под амбаром — с индейского.

Судомы — из хрестоматии Перевлесского.

Лев и лисица — Эзоп.

Заяц и гончая собака	}	мое».
Равное наследство		
Теленок на льду		
Сова и заяц		

[286]

Несомненно, что этим запросом Страхова была вызвана заметка Толстого общего характера об источниках материалов «Азбуки», по-

мещенная в качестве примечания к оглавлению первой и второй книги.

16–17 октября 1872 г. Толстой извещал Страхова, что послал в «Московские ведомости» объявление об «Азбуке», и добавил при этом: «Я написал: выйдет 1-го ноября (ошибся ли я?). Если вы одобрите объявление, то напишите такое же или измените. Надо прибавить то, что при требовании стольких-то экземпляров делается столько-то % уступки (так, как обыкновенно делается, я не знаю, сколько)». Объявление послано было с А. А. Фетом, который, по словам Толстого, «всё перепутал», и оно не было напечатано. Толстой написал новый проект объявления и послал Страхову в письме от 20–21 октября 1872 г., прося его «придумать лучшее или сократить и печатать».[287]

Страхов немного переработал и дополнил проект Толстого и напечатал его в газете «Московские ведомости» (1872, № 275 от 31 октября).[288]

В конце октября или в первых числах ноября 1872 г. было закончено печатание четвертой книги «Азбуки». При составлении

оглавления этой книги Страхов просил Толстого указать источники некоторых произведений, вошедших в эту книгу. В письме от 20–21 октября 1872 г. Толстой отвечал ему: «Два товарища (с медведями басня?) — Эзопа, Лев, волк и лисица — Эзопа, Волк и мужик — народная, Отчего зло на свете — с индейского. Дуб и орешник, Наседка и цыплята, Корова и козел, Лисий хвост, Дергач и самка — мое. [289]

22–23 октября 1872 г. Толстой отвечал на новый вопрос Страхова относительно характера обложки и титульного листа для «Азбуки»: «Какая обертка и первый лист? Надо самую простую.

Азбука
гр. Л. Толстого
1 книга». [290]

Продолжая просматривать отпечатанные книги «Азбуки», автор натолкнулся на ошибку в третьей книге и по этому поводу спешно писал Страхову в том же письме: «Ужасная опечатка на 144-й стр. 3-й книги.

Напечатано:

Из 32-х разложи на 8 частей по 1 (1×8) и т. д. —

Надо:

Из 32-х разложи на 4 части по 1 (1×4) и т. д.

Эту невозможно оставить. Она в самом начале упражнений умножения. Необходимо сделать наклейку».

Однако, это была не опечатка, а точное воспроизведение текста списка, в котором была допущена эта ошибка и которую не заметил Страхов. 26–27 октября 1872 г. Толстой вторично писал Страхову по этому поводу и предлагал исправить ошибку не путем наклейки, что должно было вызвать большую переработку текста, а изменением чисел.[291]

До отправки этого второго письма Толстой получил от Страхова письмо, в котором последний, повидимому, предлагал какой-то другой выход из положения. Толстой не согласился с ним и добавил в том же письме: «Распечатываю на железной дороге, получив ваше письмо. Непременно как здесь написано, т. е. $32 : 4$ ».[292] Опасаясь, что второе пись-

мо не дойдет до Страхова, Толстой 30 октября 1872 г. отправил ему третье письмо, повторив в нем свои указания относительно способа исправления ошибки.

Пользуясь указаниями Толстого, Страхов исправил ошибку, но несколько иначе, чем предлагал Толстой, и в таком виде переработанная 144-я страница вместе с лицевой 143 страницей были набраны и отпечатаны вновь, и этот лист был вклеен в третью книгу «Азбуки», но не во все экземпляры издания (неизвестно, в каком количестве, но остались экземпляры с этой «ужасной опечаткой»).

VIII

В начале ноября 1872 г. «Азбука» вышла в свет в количестве 3600 экземпляров («Правительственный вестник» 1872, № 269 от 12 ноября). Относительно цены и способа продажи «Азбуки» Толстой имел длинную переписку с Страховым и П. А. Берсом еще до выхода книги.[293]

В результате этой переписки «Азбука» была пущена в продажу по 2 рубля, то есть по 50 копеек за книгу. Книгопродавцам решено было отпускать книги только за наличный рас-

чет, делая им уступку в 20 процентов. П. А. Берс устроил один склад «Азбуки» у себя на квартире, а другой в книжном магазине «для иногородних», который взял на себя пересылку книг в провинцию.

Толстой был твердо убежден, что «Азбука», несмотря на ее высокую цену, разойдется очень быстро, и он уверенно писал Страхову около 1 октября 1872 г.: «Первое издание разойдется сейчас же; а потом особенности книги рассердят педагогов, всю книгу растащат по хрестоматиям, и книга не пойдет.[294] В этом убеждении поддерживал Толстого и Берс, писавший ему 20 октября 1872 г.: «3600 экземпляров разойдутся, по всей вероятности, очень скоро, и новое издание придется начать в самом непродолжительном времени.... Но об этом Страхов при свидании хочет поговорить с тобою подробно». Свидание Страхова с Толстым произошло 6–8 ноября 1872 г. в Ясной Поляне. Во время этого свидания они, очевидно, и переговорили «подробно» о новом издании «Азбуки», и Страхов взял на себя исправление «Азбуки» для этого издания.

Толстой с нетерпением ждал от Берса сооб-

щения о том, как идет распродажа «Азбуки», но тот молчал. Недели через две после выхода книги он сам запросил об этом, и Берс писал в ответ 30 ноября 1872 г.: «В последнем твоём письме ты напугал меня своим нетерпением, но «Азбука» так недавно вышла в продажу, что я находил лишним уведомлять тебя о той мелкой распродаже, которую я вел до сих пор. Требования поступают только от одних петербургских книгопродавцев и притом весьма ограниченные, и несколько требований частных лиц из провинции. Можно прямо сказать, что «Азбука» еще не пошла; даже нет еще никаких критик и разборов — очевидно, что она еще совсем неизвестна. Книгопродавцы предвещают ей успех, но время к тому еще не наступило.... «Азбуки» продано у меня до 200 экземпляров и в магазине «для иногородних» до 300 экземпляров. Для двухнедельной распродажи это хорошо, но я жду лучшей». Но 8 декабря 1872 г. П. А. Берс писал уже в другом тоне: «К сожалению, приходится писать всё вещи весьма неутешительные. С 29 ноября по сегодняшний день распродано у меня 60 экземпляров. Мне кажется, что «Азбу-

ка» понемногу глохнет и — чего доброго — совсем заглохнет». 18 декабря 1872 г. Берс сообщил, что «Азбуки» с момента ее выхода распродано: 1 части — 292 и 2, 3, 4-й — 262 экземпляра. Чтобы повысить интерес к «Азбуке» и увеличить ее распродажу, Берс, с разрешения Толстого, разослал дополнительно экземпляры последней по редакциям журналов и газет и увеличил число публикаций о ней в газетах. И в том же письме к Толстому он выразил надежду, что «теперь «Азбука» пойдет успешнее».

Но надежды его не оправдались. Распродажа «Азбуки» уменьшалась с каждым днем. 22 февраля 1873 г. П. А. Берс писал сестре Т. А. Кузминской: «Азбука» приводит меня в отчаяние. До сих пор еще кое-как распродавалась, а в последнее время продажа совсем прекратилась, а у меня остались нетронутыми 2000 экземпляров, которые я теряю надежду продать». В том же неутешительном тоне писал Берс и Толстому 23 февраля 1873 г.: «Продажа «Азбуки» идет всё хуже и хуже. Сообщаю тебе это так часто, потому что обязан сообщать, а иначе и не писал бы».

Одной из главных причин неудачи, постигшей «Азбуку», было то, что она как учебник не была одобрена для школ Министерством просвещения. По выходе в свет «Азбуки» Толстой послал ее министру просвещения Д. А. Толстому вместе с письмом, в котором просил последнего одобрить книгу для школ, но в течение двух лет он не получил от министра не только одобрения «Азбуки», но даже и ответа на свое письмо.[295] В незаконченном ответе критикам «Азбуки», написанном в конце февраля или в первой половине марта 1873 г., Толстой с возмущением писал об этом: «И на письмо мое к министру народного просвещения я, противно самым элементарным правилам учтивости, не получил даже ответа».[296]

Несомненно и то, что неудаче «Азбуки» в значительной степени содействовало не раз проявленное подозрительное отношение царской администрации к новаторской педагогической деятельности Толстого.

П. А. Берс же считал виновником неудачи книги и самого Толстого, который «при распродаже «Азбуки» хотел быть исключением

и переломить книгопродавцев», в которых, «вся сила и власть распространения книг». «Нельзя предполагать, — писал он Толстому 8 декабря 1872 г., — чтобы книга делалась известною вследствие одних публикаций, надо главное, чтобы ее распространяли книгопродавцы, а для того надо, чтобы продажа книги была им выгодна, а иначе они ее не только не распространят, но будут еще и прятать и держать в магазине только на случай требования». Так они и поступали с «Азбукой», в распродаже которой не были заинтересованы, так как автор делал им небольшую уступку и отпускал книгу только за наличный расчет.

Резко отрицательные отзывы об «Азбуке» Толстого, появившиеся в журналах и газетах, несомненно также неблагоприятно отразились на ее продаже. Первым отозвался на появление «Азбуки» П. Н. Полевой. В статье «Азбука графа Л. Н. Толстого», помещенной в «С.-Петербургских ведомостях» (1872, № 330 от 1 декабря), он прежде всего остановился на внешности «Азбуки» и нашел, что «серая бумага, крупная, но слепая и бледная печать и, без всякого преувеличения, безобразные ви-

нъетки (всего 27), помещенные в виде пояснения при алфавите, всё это не согласовалось с весьма почтенною ценою «Азбуки» (2 руб.)). Вслед за тем Полевой обратил внимание на отсутствие в «Азбуке» предисловия, без которого невозможно решить: «для кого написал граф Л. Толстой свою «Азбуку»? кого понимает он под названием ученика?» Преимущества метода Толстого обучения грамоте перед звуковым методом остались для Полевого «совершенно темными», а блестящие результаты, которых якобы достигал Толстой с помощью своего метода в изучении складов, показались ему «чудом» и «тайною». Но все-таки это «чудо» не в такой степени удивило Полевого, как статья в первой книге «Азбуки»: «Общие замечания для учителя», где Толстой говорит, что «ученик, полагающий, что земля стоит на воде и рыбах, судит гораздо здравее, чем тот, который верит, что земля вертится, и не может этого понять и объяснить». Материалы исторического содержания, входящие в «Азбуку», Полевой нашел «скудными», «бледными» и притом «разбросанными в четырех книгах «Азбуки» без всякой видимой связи

или системы». Отдел с материалами из области естествознания богаче отдела исторического, но и он представляет собой «явление, до такой степени оригинальное и странное», что трудно себе представить, для какого класса учеников предназначен Толстым этот материал. Все статьи этого отдела изложены «с точки зрения, что природа устроена на пользу человека и представляет собою не более, как обширное хозяйство, в котором разные части и силы всегда готовы на службу нашим интересам, хотя почему-то и подразделяются на полезные и вредные». Многие статьи этого отдела не имеют «положительно никакого значения ни для одного ребенка». Из числа басен, сказок, описаний и рассказов, составляющих главный отдел «Азбуки», выделяются по своим литературным достоинствам только три рассказа: «Бог правду видит», «Кавказский пленник» и «Охота пуще неволи». Все остальные произведения этого отдела Полевой нашел недостойными имени автора «Войны и мира». Все они удивляют читателя и «странностью выбора сюжетов» и «каким-то странным орловско-калужским наре-

чием», каким они изложены. Во множестве произведений этого отдела «постоянную, выдающуюся роль играет слепой случай, тот фатализм, который всегда сказывался слабою стороною всех произведений графа Л. Толстого и здесь доведен до смешных крайностей». В отделе церковно-славянского чтения Толстой показал, что его «знания в церковно-славянской грамматике более чем ограничены». В заключение Полевой выразил сожаление, что «талантливый автор отдельных прекрасных произведений, которыми русская литература имеет полное право гордиться, затрачивает свои силы на составление *подобной* «Азбуки», вероятно, немало отнявшей у него времени и едва ли годной для наших школ».

Еще суровее отнесся к «Азбуке» Толстого «Вестник Европы», напечатавший анонимную статью в № 1 за 1873 г. Журнал также выразил сожаление, что Толстой не предпослал своей «Азбуке» «введение, которое разъяснило бы, почему нужно «Азбуку» разбить на четыре части, а не на 2, на 5 или более книжек? Во-вторых: как учителю прилагать на деле эту четырехактную мистерию для возвраще-

ния любознательной молодежи? В-третьих: для какого слоя общества автор преимущественно предназначал свой труд?» Без введения «мудрено разъяснить себе отчетливо цель, какую предполагал автор при составлении объемистой, дорогой и разнокалиберной «Азбуки». Преимущественно он «бьет шибко на мораль, которая до оскомины приелась в фабрикациях иезуитского пошиба плаксивой сентиментальности, где употребляется для того обычный запас басен, присказок, сказок, сентенций и нравоучительно-невинных или уморительно-смехотворных рассказов». Толстой «погнался за несколькими зайцами разом, и не мудрено, что промахнулся на всех». Отвергнув «фонетический, общепринятый, самый естественный метод», Толстой «останавливается на только что покинутых *бе, ве, ке, ре, фе, хе, ше* и т. п., уверяя, что предлагаемый способ легче для обучающихся и обучающихся». Научивши читать и изображать буквы, Толстой «подкрепляет приобретенные знания очень нехитрыми рисунками, между которыми вздетая иголка сильно напоминает кнут; хомут — что-то широкое с прорехою», а затем

«сажает школьника на прадедовскую зубри-стику слогов от *ба* до *вспры* с компанией». Кое-где в «Азбуке» намекается «на что-то похожее на грамматические рубрики», но они до крайности «скудны, неполны, фрагментарны и разбросаны». Постановка некоторых знаков препинания в ней «огульно-ошибочна». Исчерпавши «своеобразно и разнообразно всю грамотность, подслащенную сомнительною моралью, гр. Л. Н. Толстой переходит к изучению славянской азбуки без азбуки, которая, по его мнению, отрывочно, но основательно и притом наглядно заучится из трудно понимаемой Несторовой летописи, на этот раз напечатанной русским шрифтом». Толстой почти не дал в «Азбуке» материала, который давал бы простолюдину знания, необходимые ему в практической жизни, и знакомил бы его с отечественной историей и с природой, с которой он органически связан. Зато какое у него «преизобилие басен, сказок, рассказов, почерпнутых у Эзопа, индийцев, американцев, арабов, персиян, турков и tutti quanti. Сказочный, вычурный и вообще болтливый элемент, как ни привлекателен для

молодого ума, решительно раздражает лишь нервы, т. е. действует патологически, приучая к грезам, несообразности, неестественности, небывальщине, неправде, поддерживая дедовские предрассудки и закостенелое суеверие». Толстой потерпел неудачу с своей «Азбукой» потому, что он, как и все почти составители сборников, всего более хлопотал об «оригинальничании». Проще и целесообразнее было бы составить ему свою хрестоматию «из русских песен и былин, из летописей, из наших образцовых писателей — Гоголя, Тургенева, Аксакова, Решетникова, Успенского, Марко-Вовчка и многих других, более или менее удачно схватывавших заветную жизнь народа и всего общества». Если «авторское себялюбие уже чересчур щекотало» Толстого, то он мог бы «в пазах вклеить и свои думы и извороты, предоставляя их вполне терпению или суду общества».

Сочувственный отзыв об «Азбуке» дал только «Гражданин» (1873, № 1). Он только посоветовал Толстому в будущих изданиях «Азбуки» библейские отрывки поставить прежде отрывков из летописи и Четьих-Миней.

Эти три отзыва, прочитанные Толстым, «возмутили и оскорбили его».[297] Об отзыве «Вестника Европы» он писал Страхову 1? марта 1873 г.: «У брата [Сергея Николаевича] прочел в Вестнике Европы об «Азбуке» и, признаюсь, как ни совестно, почувствовал оскорбление и уныние».[298] В конце февраля или в первой половине марта 1873 г. Толстой написал в крайне резком тоне ответ критикам «Азбуки». Ответ остался незаконченным (печатается в настоящем томе, стр. 409–411). Вместо этого ответа, Толстой написал письмо издателям «Московских ведомостей», датированное 1 июня 1873 г., которое и было напечатано в названной газете (1873, № 140 от 7 июня).[299]

Толстой был высокого мнения о своей «Азбуке». И этого мнения не поколебали в нем ни критика, ни провал издания. «Азбука не идет и ее разбранили в «Петербургских ведомостях»; но меня почти не интересуется, я так уверен, что я *памятник воздвиг* этой Азбукой», — писал Толстой Страхову 17 декабря 1872 г.[300] Об этом писал Толстой и А. А. Толстой в январе — феврале 1873 г.: «Азбуку мою, пожалуй, не смотрите. Вы не учили малень-

ких детей, вы далеко стоите от народа и ничего не увидите в ней. Я же положил на нее труда и любви больше, чем на всё, что я делал, и знаю, что это одно дело моей жизни важное. Ее оценят лет через 10 те дети, которые по ней выучатся.[301]

И понятно, что при такой высокой оценке своей «Азбуки» Толстому трудно было помириться с ее провалом. Полагая, что одною из причин слабого расхождения «Азбуки» является ее высокая цена, на что настойчиво указывала и критика, Толстой в сентябре 1873 г. сделал переброшировку 1500 экземпляров «Азбуки», разбив каждый экземпляр не на четыре, а на двенадцать книг и пустив каждую книгу в продажу по дешевой цене. В этом виде «Азбука» вышла в 1874 г. (цензурные разрешения отдельных книг: 13, 27 и 28 сентября 1873 г.) по цене от 10 до 25 копеек за книжку.

Но и в этом издании «Азбука» шла слабо. Главным тормозом, задержавшим ее распродажу, было то, что книга не была одобрена для школ Министерством народного просвещения.

18 апреля 1874 г. Толстой вторично обра-

тился к министру просвещения Д. А. Толстому с пространным письмом, в котором прежде всего указал на опыт обучения грамоте по его методу и методу звуковому, произведенный Московским комитетом грамотности, а затем остановился на тех положительных выводах, к каким он пришел на основании этого опыта. Опыт этот показал Толстому, что «звуковой способ обучения грамоте не есть один из безразличных способов обучения читать и писать, но что он неразрывно связан с целой системой, целиком взятой не из Европы, но исключительно из Германии, и что система эта... совершенно чужда и даже противна духу русского языка и народа». В заключение письма Толстой предложил представить на рассмотрение министра просвещения «подробную программу и план преподавания в народных школах и план образования народных учителей в самых школах».[302]

Это письмо было передано Д. А. Толстым на рассмотрение в Ученый комитет при Министерстве народного просвещения. Рассмотрение «Азбуки» еще до этого письма поручено было трем членам комитета: К. К. Сент-

Илеру, А. Н. Майкову и А. М. Беляеву. 20 июля 1874 г. Н. Н. Страхов извещал Толстого, что он, по его поручению, передал А. М. Беляеву сочувственное письмо об арифметике, полученное Толстым от В. Я. Буняковского в конце 1872 г.

Отзывы об «Азбуке» были написаны и представлены в комитет только в сентябре 1874 г. Н. Н. Страхов, сам состоявший членом Ученого комитета, в письме от 22 сентября познакомил Л. Н. Толстого с сущностью этих отзывов, добавив при этом: «Ученый комитет еще не поставил решения об Вашей «Азбуке». Члены комитета дали отзыв об «Азбуке» в четырех книгах. Н. Н. Страхов из бумаг комитета увидел, что последнему была даже неизвестна «Азбука» в двенадцати книгах, и он представил в комитет экземпляр этой «Азбуки». «Следствием этого — добавил он в том же письме — будет, вероятно, то, что одобряют *отдельно* Ваши книги для чтения, и они вдруг разойдутся. Может быть, комитет предложит сбавить цену. Я объявил секретарю, что готов списаться с Вами об этом и что, конечно, Вы не откажетесь».[303]

Отзывы своих членов об «Азбуке» Ученый комитет заслушал в заседании, состоявшемся 29 октября 1874 г. К. К. Сент-Илер дал отзыв об азбуке в тесном смысле, о статьях для чтения научно-популярного характера и о всех статьях для учителя. Отзыв его сводился к следующему: азбука с картинками предметов как прием обучения имеет то «неудобство, что ученик, интересуясь картинками, слишком быстро и поверхностно знакомится с буквами, а угадывает звук не по изображению буквы, а по картинке. Склады на 15, 16 и 17 страницах «Азбуки» составлены так, как в самых старых и теперь уже забытых азбуках. Польза этих складов вовсе не объяснена автором. Изображение окончаний и других букв особым шрифтом вполне допустимо в книге для взрослых учеников, которые уже овладели механизмом чтения. В начале же обучения это изображение будет только развлекать внимание учеников. Правильнее было бы напечатать целые фразы и рассказы скорописью, чтобы научить детей читать и этот шрифт, как это обыкновенно встречается в немецких учебниках». Относительно над-

строчных букв в упражнениях IV отдела собственно азбуки К. К. Сент-Илер не решался высказаться определенно, но всё же думал, что лучше было бы обойтись без них, так как «ребенку, еще плохо читающему, трудно вглядываться в буквы зараз, и верхние буквы могут путать его в правописании». В статьях для учителя много «дельных» советов, но они изложены весьма кратко, почти без объяснений и мотивировки, что крайне вредит «ясности изложения» и дает повод к «перетолкованиям». Прием обучения грамоте, предлагаемый Толстым, не отличается резко от приемов Столпянского, Корфа и др. Автору следовало бы «гораздо подробнее разработать употребительные приемы обучения и привести побольше доказательств в пользу своего метода». «Общие замечания для учителя» заключают в себе «довольно много хорошего, но изложены отрывочно и довольно бессвязно». В статьях научно-популярного характера Толстой «старается все свои объяснения делать языком народным, употребляя выражения ненаучные и сравнения, не всегда удачные». Статьи эти, несмотря на мастерское изложе-

ние, все же не совсем «уместны» в книге для народных школ. На долю К. К. Сент-Илера, по его признанию, выпало разбирать самую слабую часть «Азбуки», и потому он считал долгом сказать, что «почти все остальные статьи для чтения в этой книге так хороши, что могут служить образцом для авторов учебников для народных школ».

В заключение К. К. Сент-Илер высказал «насчет азбуки и педагогической части» такое мнение: «Азбука» представляет «мало достоинств, меньше, чем во многих других азбуках, и статьи для учителя, вообще говоря, также не отличаются большими достоинствами». Кроме того, цена «Азбуки» непомерно дорога для народных школ. На этом основании «Азбуку» как учебник он не считал возможным одобрить для народных школ, но не находил причин для недопущения ее в школы. В общей же сложности, принимая во внимание «отличный выбор» материала для чтения и рассказа, К. К. Сент-Илер «считал бы справедливым *рекомендовать* эту книгу для библиотек народных школ, чтобы народные учителя могли пользоваться прекрасными ста-

тъями «Азбуки» для чтения в классе и для упражнения в рассказе».

На долю А. Н. Майкова, по его словам, выпал «труд самый благодарный» — дать отзыв о художественных материалах для русского чтения и материалах для славянского чтения, помещенных в «Азбуке». В рассказах всех четырех книг А. Н. Майков видел «соразмерность с возрастающим пониманием ученика» и добавлял, что из них «перлом может быть назван рассказ, под названием: «Кавказский пленник». Мастерство здесь полное».

А. М. Беляев, после подробнейшего разбора арифметики, помещенной в четырех книгах «Азбуки», пришел к такому выводу: в арифметике Толстого отсутствует такой важный отдел, как именованные числа. Некоторые отделы не заключают в себе многих объяснений, необходимых «для ясного и сознательного понимания излагаемых статей». Составитель обращает главное внимание «на приучение к механизму выкладок, оставляя без внимания развитие умственных способностей». Изложение во многих местах арифметики отрывочно. Правила и немногие объяснения, данные

в ней, выражены «неточно и как будто недосказаны». В некоторых отделах «введена новая терминология, никем не употребляемая и не могущая заменить общепринятую терминологию». На основании этого А. М. Беляев полагал, что арифметика Толстого «не может быть допущена к употреблению в начальных школах».

Заслушав мнения своих членов, Ученый комитет нашел справедливым «Азбуку» Толстого «одобрить в целом составе для библиотек народных училищ, а в частности, относительно отделов этой «Азбуки», постановить следующее: 1) первую часть «Азбуки» — склады, первоначальное чтение — допустить в начальные школы как учебник; 2) четыре книги для чтения по-русски (II, IV, VI и VIII), а также три [описка: следует читать: четыре] книги для чтения по-славянски (III, V, VII и IX) рекомендовать как отличный выбор материала для чтения в классе и упражнения в рассказе и 3) арифметические отделы «Азбуки» признать неудобными для руководства учащихся». Вместе с тем комитет выразил пожелание, чтобы цена, по возможности, была по-

нижена.[304]

8 ноября 1874 г. Страхов сообщил Толстому о постановлении Ученого комитета. Надежды Страхова, что книги для русского и славянского чтения, после их одобрения, тотчас разойдутся, не оправдались. Книги эти и после одобрения их расходились медленно. По крайней мере Толстой 5 мая 1875 г. в письме к Т. А. и А. М. Кузминским жаловался, что «Азбука принесла ему убытку 2000 рублей». 12 октября 1876 г. Страхов сообщал Толстому, что он отправил Н. М. Нагорнову в Москву 1200 книжек «Азбуки» в 12 частях. «Другое радостное для меня событие, — писал Страхов в начале февраля 1877 г., — это расход вашей большой «Азбуки». Я уже отказал одному книгопродавцу, и так как требования несомненно будут продолжаться, то следует печатать новое издание. Вы, впрочем, уже говорили об этом. Четыре года расходилась книга!» Но в этом же письме Страхов добавлял, что десятка два-три экземпляров большой «Азбуки» имеются еще в магазинах и остатки издания находятся у него на руках.[305]

По словам Страхова, первая и последние

три книги отдельно совсем не спрашивались, а продавались только вместе с другими книгами как части полного экземпляра. 16 марта 1877 г. Страхов извещал Толстого, что книжки «Азбуки» от второй до восьмой включительно «выбраны почти дочиста» и у него и в магазинах, и советовал ему на досуге подумать, как сделать новое издание. Но разрозненные части «Азбуки» продавались еще в 1883 г., как это видно из письма Страхова от 12 декабря этого года.

IX

В ноябре 1874 г., после окончательного рассмотрения «Азбуки» в Ученом комитете, Л. Н. Толстой принялся за переработку последней, воспользовавшись при этом и некоторыми указаниями К. К. Сент-Илера и замечаниями «трех журналистов», которые первоначально так «возмутили» и «оскорбили» его. Главным же образом Толстой использовал тут свой новый педагогический опыт, полученный после выхода в свет «Азбуки». «В том доме, — писала С. А. Толстая сестре Т. А. Кузминской 12 октября 1878 г., — у нас целая толпа учителей народных школ, человек 12 —

приехали на неделю. Левочка им показывает свою методу учить грамоте ребят, и что-то они там обсуждают. Навезли ребят из Телятинок и Грумонта, таких, которые еще не начинали, и теперь вопрос о том, как скоро они выучиваются по Левочкиной методе». О том же она сообщала и в письмах к Т. А. Кузминской от 8 и 24 ноября 1874 г.

Толстой делал попытку распространить свой метод обучения грамоте и за пределами яснополянского района, среди широкого круга педагогов. Он обратился в Московский комитет грамотности с предложением произвести опыт обучения грамоте детей по его методу. Предложение было принято. 15 января 1874 г. на многолюдном заседании комитета Толстой дал объяснение своего метода, а 17 января, в присутствии членов комитета и многих педагогов, демонстрировал этот метод в школе на фабрике С. В. Ганешина. Демонстрирование было признано «неубедительным». Комитет постановил произвести более длительный и сравнительный опыт обучения грамоте по звуковому методу и методу Толстого. Были образованы две группы

из неграмотных детей. В одной группе повел обучение по звуковому способу известный тогда педагог М. А. Протопопов, а в другой — по методу Толстого учитель Яснополянской школы шестидесятых годов П. В. Морозов. Обучение продолжалось семь недель. На заседании комитета, состоявшемся 13 апреля 1874 г., при обсуждении результатов опыта Толстой подробно изложил основания своего метода и его преимущества перед методом звуковым. Опыт был признан «недостаточным», и вопрос о преимуществе того или другого метода остался открытым. Недовольный этими результатами, Толстой перенес обсуждение вопроса на страницы прессы. Он поместил в «Отечественных записках» статью «О народном образовании», которая сделалась предметом горячих дебатов в разных собраниях и горячих споров на страницах газет и журналов [306]

Чтобы иметь возможность проводить на практике свой метод и свою систему народного образования, Толстой баллотировался в Крапивенском уездном земском собрании и единогласно был избран членом училищного

совета Крапивенского уезда, где он со всей энергией и страстностью отдался делу народного образования. «Я теперь, — писал он А. А. Толстой 15–30 декабря 1874 г., — весь из отвлеченной педагогики перескочил в практическое, с одной стороны, и в самое отвлеченное — с другой стороны, дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, эти тысячи ребятишек, с которыми я имею дело.... Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе. И дело у меня идет хорошо, очень хорошо. Я вижу, что делаю дело, и двигаюсь вперед гораздо быстрее, чем я ожидал».[307]

Этот широкий и разнообразный педагогический опыт помог Толстому подметить недочеты своей «Азбуки», которых больше всего оказалось в собственно азбуке, составлявшей первую часть первой книги «Азбуки». За переработку этой части в первую очередь он и взялся, надо думать, тотчас после 8 ноября 1874 г., когда из письма Страхова стало известно решение об «Азбуке» Ученого комите-

та. Азбука была переработана Л. Н. Толстым радикальным образом и выпущена в свет под заглавием: «Новая азбука».

Материалы, входящие в отделы для русского чтения, были выделены из собственно азбуки и напечатаны в виде четырех «Русских книг для чтения», а материалы для славянского чтения напечатаны в четырех «Славянских книгах для чтения».

Переработку «Азбуки» первоначально Толстой, повидимому, думал произвести, не изменяя общего плана книги. Свои исправления он начал делать в печатном экземпляре «Азбуки» изд. 1872 г. Исправил некоторые опечатки, изменил кое-где шрифты, заменил несколько рисунков в алфавите и сделал под всеми рисунками подписи; внес в текст многих рассказов стилистические изменения и некоторые рассказы и статьи вычеркнул совсем; кроме того, в некоторых местах произвел перестановку текстов, но всё это не меняло принятого ранее плана «Азбуки» (см. «Новая азбука», описание рук. № 1).

Однако, не удовлетворившись произведенной работой, Толстой не стал продолжать ее,

а начал составлять и писать азбуку заново.

Рукописи, относящиеся к «Новой азбуке», сохранились далеко не в полном составе, корректуры совсем не сохранились, поэтому проследить последовательность работы не представляется возможным. Сохранившиеся черновики представляют собой три редакции «Новой азбуки».

Первая редакция является переработкой второго и третьего отделов «Азбуки» 1872 г. Были заново написаны склады, составляющие второй отдел «Азбуки», и затем разбиты на 14 отделов. Все отделы, возглавленные постепенно усложняющимися складами, снабжены материалом для чтения — словами, фразами и небольшими рассказами, — заменившим собой третий отдел «Азбуки» — «Упражнение в соединении складов», где материал для чтения был дан в виде отдельных слов и пословиц. Многие из этих пословиц в первой редакции «Новой азбуки» были развернуты в коротенькие рассказы (см. рук. № 6).

Первоначальная переработка первого отдела «Азбуки» не сохранилась.

Имеется только начало ее в виде копии, составляющей продолжение копии «Предисловия» к «Новой азбуке» (см. рук. № 3). Текст его очень близок к печатному тексту. Рисунки, иллюстрирующие алфавит в «Азбуке» 1872 г., в этой копии уже отсутствуют.

Автограф первой редакции был переписан (см. рук. № 7) и затем переработан Толстым. Работу эту Толстой продолжил на отдельных листах, написав на них целый ряд упражнений на сомнительные буквы, состоящих из отдельных фраз, пословиц, поговорок и мелких рассказов, подобранных и составленных так, что в них имеются одни и те же слова в двух формах — с сомнительными гласными и согласными буквами и без них. Эти слова в тексте Толстой подчеркнул, а затем попарно вынес на поля листов. Это дополнение явилось коренной переработкой четвертого отдела первой части первой книги «Азбуки». В этих упражнениях принята была система надстрочных букв. К. К. Сент-Илер, рассматривавший «Азбуку», не одобрил этой системы. Автор принял это во внимание в дальнейшей переработке этого отдела.

Но и эта новая редакция не удовлетворила Толстого. Оставив ее, он снова переработал всю азбуку от начала до конца, дав в результате третью редакцию. Рукописные материалы этой редакции сохранились в крайне разрозненном и отрывочном виде.

Для третьей редакции автор использовал многие материалы первых двух редакций, предварительно переработав их, и внес в нее много нового материала для чтения. Сюжеты и материалы для произведений, вошедших в «Новую азбуку», и произведений, предназначенных для последней, но не вошедших в нее, были взяты из разных источников: у Эзопа, Лафонтена, И. А. Крылова, И. И. Димитриева, В. И. Даля, братьев Гриммов, Хр. Шмидта, А. Ф. Погосского, Е. Гутеля, И. Паульсона, К. Д. Ушинского, из журнала «Звездочка», из русского и восточного эпоса, из французских и английских источников и др. Больше всего Толстой использовал Эзопа, взяв у него около шестидесяти басен. Немногие из этих басен им были переведены с подлинника на русский язык, а остальные творчески переработаны. Несколько басен и легендарных эпи-

зодов, взятых из жизнеописания Эзопа, были переработаны в самостоятельные басни и рассказы. Другим источником, которым больше всего пользовался Толстой, были народные пословицы. В качестве материалов для чтения в первой части первой книги «Азбуки» изд. 1872 г. Толстой взял почти исключительно пословицы и небольшое число рассказов, написанных им на сюжеты пословиц. Теперь же, перерабатывая собственно азбуку, Толстой сильно сократил в ней число пословиц и около пятидесяти пословиц, помещенных в ней, развернул в небольшие рассказы.

В «Новую азбуку» совсем не вошли следующие рассказы, напечатанные в первой части «Азбуки» 1872 г.: «Была одна сильная собака...», «У одной барыни была собачонка...», «Один ученик просил книгу...», «Мужик сеял пашню...», «Один бедняк поехал в город...», «Волк унес ягненка...», «Один человек увидел во сне...», «На деревне умер мальчик...», «Летел жук и шумел...», «У богатого мужика расчесана борода лопатой...», «Мужик увидел, по реке плывет бревно...», «Мышь вскочила в узкий кувшин...», «К бедному мужику в дом

пришел жалкий нищий...».

Материалы для чтения расположились в третьей редакции в «правильной постепенности» в смысле перехода от простого и легкого к сложному и трудному, чего не было в первой редакции. И в этом отношении «Новая азбука» определенно слагается из трех частей: первая часть, как говорит в предисловии сам Толстой, составлена из слов, не выходящих из двух слогов и шести букв. Во второй части употребляются слова, не выходящие из трех слогов, принимая и бъ и ль за слог, и только в последней, третьей, части поставлены слова четырех- и пятисложные.

«Азбука» в издании 1872 г. не имела предисловия. Этот пробел отметила критика. Теперь же, при переработке азбуки, он принял во внимание указания критики и снабдил «Новую азбуку» предисловием. В первой редакции предисловие было озаглавлено: «Азбука для всех способов преподавания грамоты» (см. рук. № 3). И в этом виде предисловие заключало в себе собственно предисловие и методическую статью. Затем Толстой основательно переработал первую редакцию и вы-

делил из нее методическую часть в особую статью, озаглавив ее: «Как учить по слуховому способу». Таким образом, «Новая азбука» оказалась снабженной предисловием и статьей методического характера, помещенной, в виде послесловия, в конце книги.

Х

Около 20 января 1875 г. Толстой кончил «Новую азбуку» и сдал в набор. Наборная рукопись не сохранилась.

Печатание производилось в Москве в типографии А. Торлецкого и М. Терихова. Наблюдение за печатанием и все хозяйственные дела, связанные с ним, взял на себя Н. М. Нагорнов, муж племянницы Толстого. Но Толстой, постоянно переписываясь с Нагорновым, был в курсе всех мелочей работы и всё время давал ему советы и указания. Все корректуры пересылались Толстому для окончательного просмотра и исправления.

25 или 26 января 1875 г. корректура первых страниц «Новой азбуки» была уже в руках автора, после просмотра которой он писал Нагорнову: «3-ю страницу надо переменить так, как подробно показано на обороте.

Я просмотрел это, а это очень важно, как первое впечатление. Слова: *Арбузь* и т. д. обыкновенным мелким шрифтом. Это только для учителя. Азбуку скорописью, всё равно какою, только бы не очень вычурно. Слова: *слова начинающиеся и слова заключающие* и т. д. — самым мелким шрифтом, петитом (кажется, так называется). Слова *Баня* и т. д. — тем самым шрифтом, если он поместится». На обороте листа дан материал для третьей страницы «Новой азбуки» и указаны способ и порядок его набора.[308] Эти пожелания Толстого были выполнены.

В первых числах февраля 1875 г. первый лист «Новой азбуки» был уже отпечатан.

Во второй половине февраля 1875 г. Толстой просмотрел верстку второй половины второго листа, сделал в ней ряд поправок и писал об этом Нагорнову.[309]

В конце февраля 1875 г. был сверстан и послан в Ясную Поляну первый лист второй части «Новой азбуки». Пагинацию этой части сделали особую. В письме к Нагорнову от конца февраля 1875 г. Толстой сделал указание, чтобы провели общую пагинацию для всей

азбуки и, кроме того, сделал ряд поправок и указаний к набору и расположению материала.[310] Все эти указания были приняты во внимание.

Через несколько дней была получена и просмотрена Толстым верстка пятого листа, заключавшего в себе третью и последнюю часть «Новой азбуки». Весь шрифт этого листа показался Толстому слишком мелким. Не удовлетворило его и то, что вся эта часть была набрана не в рамке и не в два столбца, как две предыдущие части. Шрифт славянской азбуки он нашел «слишком вычурным». Но, опасаясь дальнейших издержек с набором и печатанием, Толстой примирился с этими недочетами. На 67-й странице он «замарал» несколько фраз и вместо них вставил ряд словиц, из которых две последние просил Нагорнова набрать курсивом. Последовательность всех 24 рассказов и сказок, вошедших в 3-ю часть «Новой азбуки», изменил, обозначив это изменение цифрами. Заглавия рассказов и сказок просил набрать «небольшим, но толстым шрифтом, не тратя много места». В материале этой части была вставлена новая

сказка «Три медведя», относительно набора которой Толстой в письме к Н. М. Нагорнову от 8 марта 1875 г. сделал такие указания: «В сказке «Три медведя», которую непременно вставить, написанное крупным, средним и мелким шрифтом так и набрать разными шрифтами. Самый крупный — как, в первом листе, только чернее, и самый мелкий — петитом». Сказка так и была набрана. В том же письме Толстой писал Нагорнову относительно ошибок, замеченных им в первом листе, который был уже отпечатан: «На 5 странице есть очень дурные 3 ошибки, именно дядь, тетъ и Машъ, вместо и, тогда как в этом отделе еще должно быть неизвестно. Будьте так добры, узнайте и напишите, что будет стоить *наклейка*. Если не дорого, то я заплачу за эту свою вину».[311]

Верстка пятого листа была исправлена по авторским указаниям. Толстой, повидимому, снова просмотрел все листы верстки и 16 марта 1875 г. с удовлетворением писал Нагорнову: «Дело, вижу с радостью, приближается к концу.... Все поправки, которые я сделал, предоставляю вам исполнить или не испол-

нить. С поправками этими будет лучше, но и так будет хорошо.... Вы мне не пишете, что будет стоить перепечатка 1-го листа? 2-й лист велите печатать поправив. Я боюсь, что пропустил ошибки. 3-й лист наверно печатать, исправив то, что я означил».[312]

В письме от 1–3? апреля 1875 г. Нагорнов просил указаний относительно заглавия азбуки и набора предисловия и методической статьи, на что Толстой отвечал ему: *«Предисловие и как учить по слуховому способу»* нельзя сократить и надо печатать на внутренней стороне первой половины обертки и на обеих сторонах 2-й половины, отделив одно от другого чертой и отставив.... Я думаю, что там, где говорится: ба — бе-а, ма — ме-а и т. д., лучше печатать так: ба=беа, ма=меа и т. д.»[313]

Предисловие и статья были напечатаны так, как указывал Толстой. Раскладывание же слогов было напечатано так: Ма? — ме-а. Ну? — не-у. Относительно заглавия азбуки Толстой писал в том же письме: «Заглавие выберите сами, какое вам лучше нравится. Или так:

Детская Азбука графа Л. Н. Толстого, составленная так, что по ней можно обучать

грамоте и по буквослагательным и по звуковым способам».

Или: Новая или Детская азбука графа Л. Н. Толстого, для обучения грамоте по всем существующим способам.

Или: Новая Азбука графа Л. Н. Толстого.
— и больше ничего.

Пожалуйста, посоветуйтесь с кем-нибудь или сами на свой вкус решите. Мне кажется, что второе хорошо, а последнее проще и лучше всего. — Подгоняйте, пожалуйста, проклятых чертей в типографии. Когда выйдет 1-я часть, пришлите мне 100 экз.».[314] Нагорнов остановился на последнем заглавии.

Толстой не сомневался в скором выходе «Новой азбуки». 10–13? апреля 1875 г. он писал Нагорнову: «Если вам не в труд, сообщите мне адреса всех редакторов главных газет и журналов, т. е. имена, отчества и фамилии, которым у меня приготовлены письма с приложением Азбуки.»[315] Но печатание книги шло медленно. Эта затяжка сильно волновала и сердила Толстого. 28–30 апреля он писал Нагорнову: «Ужасно жалко, любезный Николай Михайлович, что наши труды по Азбуке....

пропадают даром. По тому, как идет дело, видно, что Азбука не выйдет до половины мая. Я не успею до отъезда в Самару сделать все нужные распоряжения, и Азбука сядет. Не выйдет же она потому, что после святой дело не подвинулось ни на шаг.... На всякий случай отвечаю на ваши вопросы. Виньетки к этому изданию не нужно. Обертка должна быть цвета самого дешевого — хоть белая».

[316]

В ответ на это письмо Нагорнов писал Толстому 2 мая 1874 г.: «Письмо Ваше очень меня огорчило.... Относительно печатания Азбуки Вы немного ошибаетесь. Первый лист отпечатан после святой. Припомните, что, когда в Ясной Вы сами указали некоторые ошибки на 3 и 5 страницах 1-го листа, тогда он был отпечата- тиснут только в одном экземпляре. А я Вам привозил отпечатанными 2-ю половину 1-го листа и 1-ю половину 2-го. Третий лист перебирали 2 раза после святой. Теперь все три листа отпечатаны. Сегодня вечером один экземпляр будет препровожден к цензору, а во вторник (6 мая) по получении от него обратно представим 10 экземпляров в цензурный ко-

митет. Следовательно, к пятнице, т. е. к 9-му всё будет готово. Завтра вышлю *1 экземпляр Азбуки*».

5 мая 1875 г. Толстой отвечал Нагорнову: «Жду с нетерпением присылки, хотя и не понимаю, в каком положении следующие за 3-мя листы».[317] Очевидно, 2 мая 1875 г., когда Нагорнов писал свое письмо, последние листы были отпечатаны в ограниченном числе, чтобы составить только несколько экземпляров «Новой азбуки».

«Новая азбука» была разрешена цензурой 5 мая 1875 г. На последней (92) странице некоторых экземпляров книги было напечатано объявление: «Печатаются и в непродолжительном времени поступят в продажу по значительно удешевленной цене следующие после Азбуки *Книги для чтения*, рекомендованные для школ Ученым комитетом Министерства народного просвещения». Это объявление могло быть напечатано в первых числах мая, когда была разрешена цензурой «Новая азбука» и когда производилось еще печатание «Книг для чтения». На той же странице других экземпляров «Новой азбуки» имеется

объявление такого рода: «Вышли и продаются во всех книжных магазинах Москвы и Петербурга следующие после Азбуки рекомендованные Ученым комитетом Министерства народного просвещения 4 русские книги для постепенного чтения графа Л. Н. Толстого». Это объявление могло появиться только после 19 июля 1875 г., когда были разрешены цензурой «Русские книги для чтения». Отсюда очевидно, что печатание «Новой азбуки», вышедшей в свет в количестве 50 000 экземпляров, растянулось по меньшей мере на три месяца.

Издание «Новой азбуки» вышло в двух видах: в одной и трех отдельных книжках. Последнего издания нет ни в одном крупном книгохранилище Москвы и Ленинграда. Не оказалось его и в яснополянской библиотеке. Но что такое издание было — на это имеются определенные указания в письмах Толстого. Так, в письме к Нагорнову от середины сентября 1875 г. он писал: «Пришлите мне, пожалуйста, 100 экземпляров Азбуки в 3-х книжках.... В земства посланы Азбуки в 3-х книжках или в одной? Надо было в 3-х книжках». [318] Кроме того, в объявлении, напечатан-

ном на задней стороне обложки второго издания «Детства и отрочества», было сказано: «Азбука продается для домашнего употребления в одной, а для школ — в трех отдельных книгах. Цена 14 к.».

Тотчас по выходе «Новой азбуки» Н. М. Нагорнов, по просьбе Толстого, отправил один экземпляр книги М. Н. Каткову и другой в Ученый комитет Министерства народного просвещения на имя председателя его, А. И. Георгиевского, вместе с письмом Толстого такого содержания: «Прилагая при сем вновь составленную книгу, под заглавием *Новая азбука*, стоящую 14 к. и заключающую в себе три систематически разделенные по трудностям книги для чтения, русскую, славянскую азбуку, молитвы и руководство для учителя, граф Л. Н. Толстой покорно просит Ученый комитет Министерства народного просвещения рассмотреть эту книгу и одобрить или рекомендовать ее для употребления в школах, если он найдет ее того заслуживающею».[319] Одновременно с этим Толстой писал М. Н. Каткову, прося его поддержать его ходатайство перед А. И. Георгиевским.[320]

Ученый комитет поручил рассмотреть «Новую азбуку» А. Н. Майкову, который дал о ней такой отзыв: «Граф Толстой оказывает истинную услугу всем учащим и учащимся мастерски написанными... рассказами, понятными для детей всякого состояния... Кажется, не обинуясь можно сказать, что подобного материала для чтения не представляет ни одно из существующих руководств, а потому «Новую азбуку» Толстого со стороны Ученого комитета смело можно одобрить и рекомендовать для всех заведений, где обучение начинается с азбуки». Ученый комитет на заседании, состоявшемся 30 июня 1875 г., заслушав отчет А. Н. Майкова, согласился с его мнением («Журнал особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения», 30 июня 1875 г., № 224).

«Новая азбука» была одобрена и рекомендована для школ. Печать встретила ее в общем очень сочувственно. Толстой пустил о ней широкую публикацию. Всё это способствовало быстрой распродаже издания. В 1876 г. «Новая азбука» вышла уже вторым изданием, в 1877 — третьим, в 1879 — четвер-

тым, в 1880 — пятым и т. д. Всего при жизни Толстого она выдержала 28 изданий. Последнее издание вышло в 1910 г. в количестве 100 000 экземпляров. Пятое издание «Новой азбуки» Толстой, повидимому, предполагал выпустить, как и первое издание, в двух видах, но на этот раз в одной и в четырех отдельных книжках. По крайней мере в 1879 г., когда обсуждался вопрос об этом издании, Толстой писал Нагорнову: «Азбуке, по-моему, непременно надо прибавить цену. Я бы сделал так: Азбуку собственно продавал бы — 5 коп., а остальные три книжечки продавал бы под заглавием Первое чтение отдельно за 15 к.».[321] Выпустить «Новую азбуку» не в трех, а в четырех книжечках Толстой и Нагорнов предполагали еще в 1875 г. 1–3 апреля этого года Толстой, отвечая на письмо Нагорнова, писал ему: «Можно ли разделить 1-ю часть на две? До ъ и после ъ? Если бы так вышло, было бы еще лучше».[322] Тогда 1-я часть не была разбита на две части, и первое издание «Новой азбуки» вышло в трех отдельных книжках. Удалось ли выпустить в четырех отдельных книжках пятое издание

«Новой азбуки» — не установлено. Это издание известно только в одной книжке. Цена его была повышена до 20 коп., как того хотел Толстой. Ученый комитет Министерства народного просвещения 12 августа 1880 г. хотя и одобрил новое издание «Новой азбуки» для школ на основании отзыва А. Н. Майкова, но нашел, что издание отличается «крайне дурной бумагой», и постановил предложить Толстому понизить стоимость книги до прежней цены, то есть до 14 коп. Но управляющий Министерством народного просвещения в своей резолюции от 2 сентября 1880 г. признал «неудобным заявлять требование о понижении цены книги, так как требование это выходит из пределов прав комитета» («Журналы особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения», за 1880 г., №№ 409 и 410). Цена нового издания не была понижена.

Тексты изданий «Новой азбуки» после первого издания 1875 г. не исправлялись автором. Некоторые изменения вносились Н. М. Нагорновым, а с 1880 г. — С. А. Толстой. Часть изменений делалась по рекомендации

Ученого комитета Министерства народного просвещения. Так, 26 июля 1891 г. С. А. Толстая записала в дневнике: «Поправляла весь день корректуру Азбуки. Ученый комитет не одобрил ее ввиду разных слов, как: вши, блохи, чорт, клоп и потому, что ошибки есть, и еще предлагал выкинуть рассказы: о лисе и блохах, о глупом мужике и другие, на что Левочка не согласился».[323] Упоминаемые здесь рассказы в дальнейших изданиях «Новой азбуки» были оставлены; слова же: блохи, вши были всюду заменены другими, и в таком виде «Новая азбука» печаталась до последнего издания (1910) включительно.

XI

В конце 1874 или в январе 1875 г., когда была закончена переработка собственно азбуки, Толстой взялся за переработку «Русских книг для чтения», составлявших вторую часть первой книги и первые части последних трех книг «Азбуки», а после переброшировки последней в 1874 г. образовавших книги вторую, четвертую, шестую и восьмую. Толстой прежде всего снял в этих книгах все жирные шрифты, которыми были отмечены в них ос-

новные правила правописания, главнейшие грамматические формы, пунктуация и буква «Ъ» в корнях слов. Этой грамматической части Толстой решил посвятить особый учебник, к писанию которого он приступил еще в апреле 1874 г. После выделения собственно азбуки в особую книгу в первой русской книге осталось мало материала для чтения, и поэтому Толстой увеличил ее объем, включив в нее двенадцать новых произведений. Произведения эти следующие: 1) «Старый дед и внучек»; 2) «Котенок»; 3) «Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник»; 4) «Визирь Абдул»; 5) «Как вор сам себя выдал»; 6) «Ноша»; 7) «Косточка»; 8) «Два купца»; 9) «Сан-готардская собака»; 10) «Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит»; 11) «Как я в первый раз убил зайца»; 12) «Мальчик с пальчик».

Толстой намеревался включить в «Русские книги для чтения» ряд новых былин, и в ноябре 1874 г. он обратился к П. Д. Голохвастову с такой просьбой: «Составьте мне к новому изданию Азбуки сколько можете и хотите бы-

лин. Хотя бы краткого или главную часть Ильи, которая бы составляла отдельное».[324] Голохвастов, очевидно, не исполнил просьбы Толстого. За исключением вышеназванных двенадцати произведений, внесенных в первую книгу, состав всех четырех «Русских книг для чтения» остался без изменения. Шестьдесят два произведения в этих книгах Толстой слегка переработал в стилистическом и отчасти смысловом отношении. Наиболее существенной переработке подверг он две статьи: «Гальванизм» и «Вредный воздух».

Неизвестно, когда Толстой закончил переработку книг для чтения и сдал их в набор. Но во всяком случае это не могло быть позднее марта 1875 г., так как эти книги в июле этого года были уже отпечатаны и вышли в свет, на что могло уйти около трех-четырех месяцев. Печатание книг производилось в типографии Риса. Все хозяйственные хлопоты, связанные с печатанием, взял на себя Н. М. Нагорнов, наблюдавший в это время за печатанием «Новой азбуки». Держать корректуры Толстой первоначально поручил неизвестному сту-

денту, а затем эту работу взял на себя П. А. Бессонов, как это видно из письма Толстого к С. А. Толстой, в котором он писал: «Корректора вместо студента нашел чудесного — Бессонова».[325] П. А. Бессонов еще в 1872 г. предлагал Толстому свои услуги для правки корректур «Азбуки», но тогда он запоздал с своим предложением, так как «Азбука» уже печаталась под наблюдением Н. Н. Страхова. Теперь Толстой воспользовался услугами П. А. Бессонова, поручив ему не только правку корректуры, но и наблюдение за печатанием книг. Сам он, занятый в это время «Новой азбукой», в печатании книг, по видимому, не принимал никакого участия. По крайней мере нет об этом никаких сведений.

«Русские книги для чтения» были разрешены цензурой 19 июля 1875 г. и через несколько дней вышли в свет — каждая в количестве 15 000 экземпляров. Цена первой книги была назначена 6 коп., второй и третьей — по 8 коп. и четвертой — 10 коп. Толстой принял самые энергичные меры для широкой публикации книг. В конце августа

1875 г. он писал Нагорнову: «Сделали ли вы публикации? Сколько? На какую сумму? Считаете ли вы и знающие дело книгопродавцы нужным повторить? Если нужно, то сделайте пожалуйста — рублей до 200 можно на это истратить. Теперь, мне кажется, время самое нужное».[326] Через несколько дней он снова напомнил об этом Нагорнову.[327]

Объявления печатались в газетах и на обложках разных изданий сочинений Толстого. Благодаря этой широкой публикации и тому, что цена книг была низка, они пошли очень хорошо. В течение первых двух месяцев они разошлись в количестве около 2000 экземпляров. К концу января 1876 г. всё издание, повидимому, было на исходе, так как Толстой писал тогда Нагорнову: «Для Книг для чтения взять бумаги и печатать».[328]

В 1876 г. вышло новое, третье, издание «Русских книг для чтения». При жизни Толстого первая и вторая «Русские книги для чтения» выдержали по 28 изданий, третья — 25 изданий и четвертая — 24 издания. Последнее издание первой книги вышло в 1909 г. в количестве 100 000 экземпляров, второй — в 1907 г.

в количестве 10 000 экземпляров, третьей — в 1908 г. в количестве 40 000 экземпляров и четвертой — в 1908 г. в количестве 30 000 экземпляров. Первая и вторая «Русские книги для чтения» в 1909 г. были изданы в Симбирске в переводе на чувашский язык.

В выпуске и распродаже первого издания «Новой азбуки» и в распродаже второго издания «Русских книг для чтения» Толстой принимал самое активное участие. Но с выходом дальнейших изданий интерес его к этим книгам постепенно ослабевал. При выпуске пятого издания «Новой азбуки» в апреле или мае 1879 г. он высказал в письме к Н. М. Нагорнову свои соображения относительно плана и цены издания, но добавил при этом: «Это мой план, а если вы не согласны, то делайте, как знаете. Я за всё буду благодарен. Изменений делать никаких не буду. Количество экземпляров — решайте сами».[329] Только в 1885 г. Толстой держал корректуру четвертой «Русской книги для чтения», но это произошло совершенно случайно. С. А. Толстая уехала в Петербург. 21 ноября 1885 г. Толстой извещал ее: «Корректуры только одного листа 4-ой книги

присылали». Здесь шла речь о «Четвертой русской книге для чтения», как это видно из писем С. А. Толстой к Льву Николаевичу от 23 ноября того же года, в котором она, не получив еще письма Толстого, спрашивала его: «Пересылали ли вам корректуры 4-й книги для чтения?» Уезжая в Петербург, С. А. Толстая поручила держать корректуры дочери Т. Л. Толстой. Татьяна Львовна 22 ноября сообщила С. А. Толстой, что она днем 21 ноября была в концерте, и добавила при этом: «Вот я свои обязанности и прогуляла — корректуры папа сделал без меня, а сегодня вместе прочли». И 25 ноября 1885 г. Толстой извещал С. А. Толстую: «Нынче приносили корректуры 4-й книжки; я поправил и отослал. Кажется, скоро конец».[330]

Напечатав «Новую азбуку» и четыре «Русские книги для чтения», Толстой в конце 1875 г. приступил к переработке материалов на славянском языке, помещенных в четырех книгах «Азбуки» и после переброшировки последней в 1874 г. составивших четыре «Славянские книги для чтения» — III, V, VII и IX. Состав этих книг Толстой значительно изме-

нил.

Приблизительно в первых числах января 1876 г. он закончил переработку «Славянских книг для чтения» и отправил их Н. М. Нагорнову, которому писал через некоторое время: «Славянские книги дать просмотреть славянисту».[331] Около середины марта того же года он снова писал ему: «За славянские книги цена та же, как и за русские, соответственно числу печатных листов, поэтому нужно прежде их учесть, сколько будет. Рис знает, как считать.... Да пускай он сделает смету славянских книг на 5000 экз.».[332] «Славянские книги для чтения» печатались в типографии Риса. Но когда началось это печатание, как оно протекало и под чьим наблюдением, об этом нет никаких сведений. Первые три книги были разрешены цензурой 20 декабря 1876 г., а четвертая — 17 марта 1877 г. На обложке всех книг помечено: «Второе исправленное и дополненное издание». Новых изданий «Славянских книг для чтения» не было ни при жизни Толстого, ни после его смерти.

Остальные две части: «Арифметика» и «Руководство для учителя», входившие в «Азбу-

ку» и после переброшировки последней в 1874 г. составлявшие книги десятую, одиннадцатую и двенадцатую, остались непереработанными и при жизни Толстого не переиздавались. После его смерти «Руководство для учителя» было перепечатано И. И. Горбуновым-Посадовым и в журнале «Свободное воспитание» (1911–1912, № 12, стр. 3–38), а «Арифметика» вышла отдельным изданием под редакцией П. И. Бирюкова (изд. П. Д. Сытина, М. 1913).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ «АЗБУКА»

1. Набросок первой редакции «Азбуки» и статьи «Для учителя», озаглавленный: «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого 1868 года». Автограф, занимающий первые листы Записной книжки Толстого за 1868 г. См. т. 48, стр.167–179.

2. Черновой отрывок из «Азбуки» по первому плану. Автограф. 1 л. F°. Края оборваны, текст поврежден. *Начало:* «в тебя будет.... за бороду». *Конец:* «25 — — последний час». На обороте листа семь рисунков Толстого пером,

изображающих главнейшие моменты из жизни крестьянского мальчика, начиная с его рождения (см. вклейку между стр. 422 и 423).

Публикуется в вариантах под № 1, стр. 427–428.

3. Четыре наброска тем рассказов и статей. Автографы. 5 лл. 4° и 1 отрезок. *Начало*: «Собака обманывает Бульку». *Конец*: «слух, зрение — движение».

Публикуются в вариантах под № 2, стр. 428–432.

4. Черновые редакции и варианты рассказов, басен и статей, составивших первую и вторую части кн. I и первые части кн. II–IV «Азбуки», и рассказы и статьи, написанные для «Азбуки», но не включенные в нее. 130 лл. 4° и 12 отрезков, исписанных, за исключением 18 лл., с обеих сторон. *Начало*: «ый, ой — счастливый». *Конец*: «то там и умирают». 99 лл. автографы, 43 лл. копии рукой С. А. Толстой, В. В. Нагорновой и неизвестной. Рукопись включает в себе 198 редакций и вариантов рассказов и статей, из которых 11 не закончены. Из них 159 вошли в состав «Азбуки». Не вошедшие в «Азбуку» публикуются в

настоящем издании в отделе «Неопубликованное, незаконченное и неотделанное».

Извлекаются варианты №№ 1–10, 15–28, 30–42, 46–52, 54–55.

5. Черновые редакции и варианты рассказов, басен и статей, не включенных Толстым в «Азбуку». 43 лл. 4°. Автографы и списки рукой С. А. Толстой и неизвестной. Рукопись заключает в себе 36 законченных и 7 незаконченных произведений. *Начало*: «Мельник. Был один мельник». *Конец*: «и квадратам угла».

6. Черновые редакции и варианты былин, написанных для «Азбуки». 20 лл. 4°, 13 лл. F° и 2 лл. F° обрезанных. Рукопись содержит былины: «Святогор», «Сухман-богатырь», «Вольга-богатырь», «Микула Селянинович», «Кастрюк» и несколько начал (в 2–4 строки) других былин.

«Святогор» — три редакции былины: 1) Автограф. 1 л. 4°. *Начало*: «Захотелось Святогору». *Конец*: «Где угрыз, там и остался». 2) Автограф. 2 лл. 4°. *Начало*: «Снаряжался свет Святогор». *Конец*: «<тут и кончился.>». 3) Автограф. 1 л. 4°. *Начало*: «<Снаряжался Свято-

гор>». *Конец*: «А я есмь Микула, Микула Селянинович».

«Сухман-богатырь» — копия рукой С. А. Толстой с большими исправлениями Толстого. 4 лл. 4°. *Начало*: «Как у ласкова князь Владимира». *Конец*: «Будь Непре реке ты родна сестра». В копии былина разбита на строки в пять слогов. Исправляя, Толстой соединил две строки в одну.

«Вольга-богатырь» — три законченных редакции былины, четыре незаконченных и семь начал былины: 1) Автограф. 2 лл. 4°. Семь начал былины. *Начало*: «<Воссияло красно солнце>». *Конец*: «Обучался Вольга». 2) Первая незаконченная редакция. Автограф. 2 лл. 4°. *Начало*: «Что не часты ярки звезды». *Конец*: «Нет ответа и от меньшего». 3) Вторая незаконченная редакция. Автограф. 2 лл. 4°. *Начало*: «<Закатилось красно солнышко>». *Конец*: «Окромя тебя идти некому». 4) Третья незаконченная редакция. Автограф. 1 л. 4°. *Начало*: «Что не ясен светел месяц». *Конец*: «<Матереть растеть<стал>Вольга стал>». 5) Четвертая незаконченная редакция. Автограф. 3 лл. 4°. *Начало*: «Что не ясен светел ме-

сяц». *Конец*: «в Турецком царстве». 6) Первая законченная редакция. Автограф. 2 л. F°. *Начало*: «Что не ясен светел месяц». *Конец*: «<Серебро, золото и жемчуги>». 7) Вторая законченная редакция. Копия рукой С. А. Толстой с поправками и заглавием Толстого. 2 л. F°. *Начало*: «Вольга-богатырь. Что не ясен светел месяц». *Конец*: «красна золота по кадке». 8) Третья законченная редакция. Автограф. 1 л. F°. *Начало*: «Воссияло красно солнышко». *Конец*: «Красна золота по кадочке».

«Микула Селянинович» — пять законченных редакций (у одной конец не сохранился), шесть незаконченных и одна вставка в шестую редакцию: 1) Первая незаконченная редакция. Автограф. 1 л. 4°. *Начало*: «Выезжал Вольга Всеславич». *Конец*: «Пашет пахарь погоняет». 2) Вторая — шестая незаконченные редакции. Автограф. 1 л. F°. *Начало*: «Выезжал Вольга с дружиною». *Конец*: «Говорит мужик да таковы слова». 3) Первая законченная редакция. Автограф. 2 л. F°. *Начало*: «Выезжал Вольга с своей дружиною». *Конец*: «<А я пива наварю, пива пьяного>». 4) Вторая законченная редакция. Автограф. 1 л. F°. *Начало*: «Вы-

езжал Вольга в поле с дружиною». *Конец:* «Свет Микулушка да Селянинович». 5) Третья законченная редакция. Автограф. 2 л. F°. *Начало:* «Выезжал Вольга сударь с дружиною». *Конец:* «Гой Микулушка да Селянинович». 6) Четвертая законченная редакция. Автограф. 1 л. F°. *Начало:* «Выезжал Вольга с дружиною». *Конец:* «Свет Микулушка да Селянинович». 5) Пятая законченная редакция (конец утерян). Список неизвестной рукой с поправками Толстого. 1 л. F°. *Начало:* «Выезжал ли Вольга свет с дружиною». *Конец:* «Ты <куда>, Вольга, <едешь,> куда путь держишь?» 8) Вставка в шестую редакцию. Автограф. 1 л. 4°. *Начало:* «Взговорил ли мужик таковы слова». *Конец:* «На добром коне с поля поехали».

«Кастрюк» — запись былины, сделанная, очевидно, со слов какого-нибудь сказителя. 1 л. F°. Первые 5 строк написаны В. В. Нагорной; 26 строк — Толстым; 15 строк — неизвестной рукой. *Начало:* «По бору по ельничку». *Конец:* «На Данилке брюховец лопнул». Под текстом былины записан адрес (возможно, сказителя): «Деревня Манчина, Спас-Котлинской вол., Алексинского уезда».

Отрывки (в несколько строк) разных былин. Автограф. 1 л. F°. *Начало*: «Как у ласкова князь Владимира». *Конец*: «Изрубите Пожарского в кусочки пирожочки».

Извлекаются варианты №№ 11, 29, 44, 55.

7. Оглавление кн. I «Азбуки». Автограф. 2 лл. 4°. *Начало*: «I. Для учителя». *Конец*: «36. Счет».

Публикуется в вариантах под № 3.

8. То же. Список рукой И. Ананского с небольшими поправками Толстого. 2 лл. 4°. *Начало*: «I. Оглавление». *Конец*: «Общие замечания». По сравнению с предыдущим вариантом этот список полнее. Количество басен и рассказов в нем увеличено на 10 названий. Между тем, в славянском разделе количество молитв сокращено. Статья «Для учителя» Н. Н. Страховым перенесена в конец оглавления.

9. «Житие преподобного отца нашего Нестора, летописца русского». Рукопись неизвестной рукой с небольшими исправлениями Толстого. 4 лл. F°. Текст размещен в две колонки: слева славянский текст, справа русский перевод. *Начало*: «Всякая вещь если

только». *Конец*: «где была клятва». На обороте последнего листа текст из главы VI Евангелия Иоанна.

10. Отрывки из третьей (славянской) части, кн. I «Азбуки». 9 л. 4° и 1 отрезок. Рукопись включает в себе: 1) Тексты к буквам рцы — ижица, написанные колонкой слева по-славянски неизвестной рукой, справа рукой Толстого сделаны переводы некоторых слов (к буквам пси — ижица тексты написаны Толстым). 1 л. 4° и 1 отрезок. 2) «Несторова летопись». Копия рукой С. А. Толстой. 4 л. 4° с исправлением Толстого и 3 л. 4° (продолжение) автограф. *Начало*: «Повесть о том, кто первый». *Конец*: «будет мать городам русским». 3) «О славянском» — инструкция Н. Н. Страхову о печатании славянского текста «Азбуки». Автограф. 1 л. 4°, согнутый пополам.

Извлекается вариант № 12.

11. Черновые записи и рисунки к четвертой части (арифметике) кн. I «Азбуки». 5 л. 4° и 1 отрезок.

12. «Задачи» — к четвертой части кн. I «Азбуки». Рукопись неизвестной рукой. 4 л. F°.

Одна задача написана рукой Толстого. На обороте л. 5 Толстым сделано указание к продолжению составления задач и даны примеры.

13. «Для учителя». Первая редакция. Отрывок статьи для кн. I «Азбуки», написанный рукой С. А. Толстой с небольшими исправлениями автора. 2 л. 4°. *Начало:* «и т. д. Ученик в один урок». *Конец:* «Не ва-ру-й гру-ши».

14. То же, вторая редакция, под заглавием: «Азбука для семьи и школы с наставлениями для учителя». Копия рукой С. А. Толстой с большими исправлениями автора. *Начало:* «Для учителя: Умение читать». *Конец:* «<но лучше на счетах>».

Публикуется в вариантах под № 13.

15. Рукопись заметки «Три правила для учителя». Автограф. 1 л. 4°. Это — тезисный набросок статьи «Общие замечания для учителя». Первоначально набросок был озаглавлен: «Два правила для учителя». Слово «Два» Толстой зачеркнул и написал над ним: «Три». По тексту первого правила Толстой сделал помету: «Скромно, а не радость знания». На полях и по тексту второго правила — вторую помету: «Сокращенные приемы наук, сведений,

классификация. Астрономия, арифметика, запятая перед которой». После третьего правила — третью помету: «Былины просить с ударами». Против этой фразы, с левой стороны, он написал: «попрыгать», подчеркнув это слово два раза. На полях и внизу листа, между строк и по тексту наброска, Толстой набросал план статьи. Первыми двумя пунктами этого плана он сделал текст третьего правила. План этот и почти все пометы написаны другими чернилами. План такой:

1. Ученик должен учиться с удовольствием.
2. Основа удовольствия не в прибаутках и картинках, а в *совершении*.
3. Яз[ык], гр[амматика], синт[аксис], зоология, классиф[икация] назван[ий], физ[ика], химия, астрономия, истор[ия], математика [5 неразбор.].
4. Если не помнят, все-таки трудно отчего.
5. Длинно.
6. Коротко.
5. Не понимает оттого, что слишком понят-но.

6. Ученый и жизнь разделены.
7. Ученик думает по-своему — оставь.
8. Есть возраст — когда поймет.

Большинство положений этого плана Толстой развернул в указанной статье.

Заметка публикуется в вариантах под № 14.

16. Оглавление кн. II «Азбуки». Список первой редакции рукой И. Ананского с исправлениями и дополнениями Толстого. 2 лл. 4°.

17. Примечание к кн. I и II «Азбуки». Рукопись неизвестной рукой. 1 л. 4°. Над текстом Толстой надписал: «Эту заметку приложить к описанию I-й и II-й книги». Текст примечания:

«Все статьи, при которых не означено, откуда они взяты, принадлежат издателю. Все статьи, взятые из различных источников, переделаны так, что часто имеют весьма мало общего с оригиналом. Менее всех изменены басни Эзопа и перевод Геродота. Былины, взятые из различных разноречий, соединены в одну и изложены правильным русским стихом, — как его понимает издатель».

18. «Кавказский пленник» — рукопись, переписанная рукой С. А. Толстой (автограф не сохранился). 27 лл. 4°, заполненных текстом с обеих сторон, с большими исправлениями автора. *Начало*: «Служил на Кавказе офицером». *Конец*: «и дослужился до генеральского чина». Эта рукопись послужила оригиналом для журнального набора (см. «Историю писания и печатания «Азбуки» и примечания). К заглавию сделана Толстым сноска: «Из готовящейся к печати Азбуки и книг для чтения». (С этой сноской рассказ был впервые опубликован в журнале.) В конце рукописи собственноручная подпись Толстого.

Извлекается вариант под № 53.

19. «Бог правду видит, да не скоро скажет». Автограф. 4 лл. 4°. Первая редакция рассказа. Публикуется в вариантах под № 43.

20. Наборная рукопись кн. I «Азбуки» для типографии Замысловского (см. «Историю писания и печатания «Азбуки»):

а) Оглавление, написанное рукой Н. Н. Страхова. 3 лл. 4°. *Начало*: «Часть первая. I. Изображение букв». *Конец*: «Опечатки. 186». Поправок Толстого нет. В конце оглавления

Страхов поместил примечание, описанное в рукописи № 17.

б) Первая часть кн. I, составленная из корректуры-верстки из типографии Риса (см. «Историю писания и печатания «Азбуки») — 17 лл. и рукописи, написанной неизвестной рукой — 8 лл. 4°. Пагинация рукой Толстого цифрами 1–37 (лл. 2–14, занятые статьей «Для учителя», перенесены Страховым в конец кн. I). Рукопись заключена в обложку с надписью Толстого: «I <часть> книга». *Начало:* «Азбука графа Л. Н. Толстого». *Конец:* «в синей шапке пришел». Рукопись с большим количеством исправлений и ремарок Толстого и частью Н. Н. Страхова.

в) Вторая часть кн. I, составленная из гранок из типографии Риса — 2 полных гранки и 16 отрезков, — копий рукой С. А. Толстой, Н. Н. Страхова, И. Ананского и неизвестной — 12 лл. 4° и 3 лл. почт. формата — и автографа — 2 лл. 4°. Пагинация цифрами рукой Толстого 38–70 (цифрой 50 пронумерованы два листа; лист, следующий за 59-м, не пронумерован). *Начало:* «Весь отдел крупным шрифтом». *Конец:* «меня любит мать сыра земля».

Рукопись с большим количеством поправок, отметок и указаний для наборщиков, сделанных рукой Толстого и частью Н. Н. Страхова. Одно исправление в тексте (стр. 51) сделано неизвестной рукой.

г) Третья часть кн. I (славянская), составленная из копий неизвестной рукой — 9 лл. F°, печатного текста — 1 л. F° и автографов — 3 лл. 4°. Кроме того, в рукопись входят 7 лл. 4° — примечания Н. Н. Страхова к славянскому тексту «Несторовой летописи». Рукой Толстого переписаны и переведены отрывки «Четых-Миней» Макария: «О Филагрии мнисе» и «О Мурине дровосечьце». На отдельном листе Толстым сделаны указания к печатанию этой части. *Начало:* «3 часть. Несторова летопись». *Конец:* «десять заповедей». Пагинация рукой Толстого цифрами 71–83. В рукописи много отметок и исправлений Н. Н. Страхова. Поправок Толстого нет.

д) Четвертая часть кн. I (арифметика) — список рукой С. А. Толстой и Н. Н. Страхова. 14 лл. 4°. *Начало:* «IV часть. Счет. Названия». *Конец:* «столько дней». Пагинация рукой Толстого цифрами 84–92. Авторские исправления

немногочисленны.

е) Статьи «Для учителя» и «Общие замечания для учителя» — 9 лл. верстки из типографии Риса и 4 лл. 4° — копии рукой С. А. Толстой. *Начало:* «Для учителя. К первой части». *Конец:* «он совершенный учитель». Рукопись несколько раз правилась Толстым и Н. Н. Страховым. Пагинация рукой Толстого цифрами 2–14 (см. описание рук. б).

21. Наборная рукопись кн. II «Азбуки» для типографии Замысловского.

а) Оглавление. 3 лл. 4°. Список рукой Н. Н. Страхова. Пагинация цифрами 2–4. *Начало:* «Часть первая. I. Осел в львиной шкуре». *Конец:* «Опечатки. 159».

б) Первая часть кн. II, составленная из 28 лл. верстки, 5 гранок (из типографии Риса) и 14 лл. 4° копий рукой С. А. Толстой. Пагинация Толстого цифрами 6–53. Л. 47 Страхов исключил и соответственно этому изменил пагинацию: 6–52. *Начало:* «I отдел. Басни. I. Осел в львиной шкуре». *Конец:* «Будь Непре реке ты родна сестра». Рукопись содержит много исправлений и помет Толстого и Н. Н. Страхова. В процессе правки Толстой исключил ста-

тъи: «Деревья дышат» и «Отчего в темноте видно?»; часть статей научно-популярного характера сильно сократил.

в) Вторая часть кн. II (славянская), составленная из 5 л. 4° печатного текста (из «Несторовой летописи», М. 1869), 7 л. автографов — переводы летописи, 5 л. F° печатного славянского текста («Житие преподобного отца нашего Сергия»), 15 л. F° — рукопись перевода этого «Жития» неизвестной рукой, и 1 л. автографа с указанием дополнений к второй части. Пагинация Толстого цифрами 53–80 (славянский печатный текст не нумерован). *Начало*: «Вторая часть. Поиде Олег». *Конец*: «библейского общества».

г) Третья часть кн. II (арифметика) — копия рукой С. А. Толстой. 8 л. 4° с исправлениями и дополнениями автора. К рукописи приложен первый лист обложки с надписью Толстого: «3-я часть». *Начало*: «Счет. Сложение и вычитание». *Конец*: «<Почем мука?>». Рукопись подверглась большой переработке Н. Н. Страхова, который внес в нее дополнение на 3 л. 4°. Всего в рукописи получилось 12 л. 4°. Пагинация первичная (Толстого)

81–88, вторичная (Страхова) 81–91 (лист обложки не нумерован).

22. Рукопись оглавления кн. III. 2 лл. 4°. Написана рукой И. Ананского. Исправлялась Н. Н. Страховым. Поправок Толстого нет.

23. Наборная рукопись части кн. III «Азбуки» для типографии Замысловского:

а) Оглавление. 3 лл. 4°. Список рукой Н. Н. Страхова. Пагинация цифрами 2–4. *Начало*: «Часть первая. I. Лисица». *Конец*: «Опечатки. 186».

б) Первая часть кн. III, составленная из 73 лл. 4° и 2 лл. F° копий рукой С. А. Толстой и неизвестного, 4 лл. верстки из журнала «Беседа» (1872, № 3 с рассказом «Бог правду видит, да не скоро скажет») и 1 л. 4° автографа. При рукописи сохранилась черновая обложка с надписью Толстого: «Часть III» и с его пометами и рисунками. Пагинация рукой Толстого и Н. Н. Страхова цифрами 1–68 (цифрой 20 нумеровано восемь листов: 20–27; верстка не нумерована). *Начало*: «Часть первая. I. Лисица». *Конец*: «Да по девушке на молодца». В рукописи большое число исправлений, помет и дополнений Толстого. Имеются пометы и по-

правки стилистического характера, сделанные рукой Н. И. Страхова. При просмотре Страхов произвел также и перестановку некоторых материалов.

24. Наборная рукопись второй части кн. III (славянской), составленная из 10 лл. печатного текста (из «Несторовой летописи», М. 1869), 9 лл. 4° автографа, 3 лл. копии рукой С. А. Толстой (перевод «Несторовой летописи») и 3 лл. 4°, исписанных в две колонки: слева славянский текст статьи «Чудо Симеона Столпника с разбойником» рукой С. А. Толстой; справа автограф перевода. Пагинация Толстого: 1–10, 1–9 и 62–64. *Начало*: «В лето 6421. Поча княжити Игорьь». *Конец*: «и ушел в Антиохию». В рукописи переводов сделаны большие исправления Н. Н. Страховым и неизвестным лицом.

25. Наборная рукопись третьей части кн. III (арифметика), составленная из 24 лл. 4° копий рукой неизвестного и С. А. Толстой и 2 лл. 4° дополнений-автографов. Пагинация Толстого цифрами 1–27 (лист семнадцатый нумерован дважды: 17–18). *Начало*: «Умножение и деление. Если считать». *Конец*: «<10 миллионов пудов>». Рукопись заключена в обложку с

надписью рукой Толстого: «Умножение и деление. III часть». Имеются исправления Толстого и Н. Н. Страхова.

26. Копия первой части статьи, в первой редакции «Для учителя» к кн. III, сделанная рукой С. А. Толстой. 1 л. почтового формата. *Начало:* «Для учителя. 3-я книга». *Конец:* «повторения всего предшествующего». Поправок Толстого нет. Вслед за текстом статьи помещено письмо С. А. Толстой к Н. Н. Страхову с просьбой просмотреть этот отрывок и поправить его, где он найдет нужным.

Публикуется в вариантах под № 45.

27. «Для учителя» — наборная рукопись статьи к кн. III, для типографии Замысловского, составленная из списка Н. Н. Страхова, 2 лл. 4°, являющегося переработкой рук. № 26, и копии С. А. Толстой, 5 лл. 4°. Первая часть статьи (рукопись Страхова) без поправок Толстого; вторая часть правилась Толстым. Ко второй части приложена обложка с надписью Толстого: «Для учителя о счете. III книга». Пагинация общая рукой Страхова цифрами 1–7. *Начало:* «К первой части. Грамматические упражнения». *Конец:* «задача такого рода».

28. Черновой материал к арифметике кн. IV «Азбуки». Автографы. 33 лл. 4°, 4 лл. большого почтового формата и 3 отрезка.

29. «Для учителя» — черновики статьи к кн. IV «Азбуки». Автограф. 5 лл. 4°. *Начало*: «IV книга подразделена». *Конец*: «правильным русским языком».

Извлекается вариант № 57.

30. Наборная рукопись кн. IV «Азбуки» для типографии Замысловского:

а) Оглавление — рукопись Н. Н. Страхова. 2 лл. 4°. Поправок Толстого нет.

б) Первая часть кн. IV, составленная из копий рукой С. А. Толстой, неизвестного и Н. Н. Страхова. 60 лл. 4°, 14 лл. печатного текста (вырезки из журнала «Заря» 1872, № 2 с рассказом «Кавказский пленник») и 1 л. автограф. Пагинация, невыдержанная, рукой Толстого и Страхова цифрами 1–59 («Кавказский пленник» имеет особую пагинацию: 15–28). *Начало*: «I. Камыш и маслины». *Конец*: «Свет Микулушка да Селянинович». Вся рукопись правилась Толстым, за исключением «Кавказского пленника», который не имеет авторских исправлений. Кроме того, рукопись ис-

правлялась и Страховым, который внес большое количество поправок в отделе научно-популярных статей.

в) Вторая часть кн. IV (славянская), составленная из 7 л. 4° печатного текста (из «Несторовой летописи», М. 1869), 12 л. 4° — копия перевода летописи, сделанная рукой С. А. Толстой (первые 11 строк — автограф) с незначительными исправлениями Толстого, 1 л. F° — вырезка статьи «Слово о гневе» из «Четьих-Миней» Макария, 1 л. F° — рукопись перевода «Слова», написанная И. Ананским, и 1 л. 4° — автограф, представляющий собой перечень отрывков из книг священного писания, которые Толстой предполагал внести в эту книгу. Пагинация рукой Толстого цифрами 60–81. *Начало:* «В лето 6495. Созва Володимер». *Конец:* «на которой я кланялся». Рукопись перевода летописи была сильно переработана Н. Н. Страховым, «Слова» — неизвестным лицом.

г) Третья часть кн. IV (арифметика), составленная из копий рукой С. А. Толстой — 23 л. 4° с большими исправлениями Толстого и автографов — 3 л. 4°. Пагинация рукой Толсто-

го цифрами 1–26. *Начало*: «Дроби. Отдел первый». *Конец*: «Полна в 10 минут». Помимо Толстого, рукопись правилась Н. Н. Страховым, который внес дополнения в текст на 4 лл. 4°.

д) «Для учителя», составленная из списка Н. Н. Страхова в первой части статьи (переработка рукописи № 29) — 2 лл. 4°, без поправок Толстого, и копии рукой С. А. Толстой второй части статьи с большими исправлениями Толстого — 5 лл. 4°. Пагинация рукой Страхова цифрами 1–7. *Начало*: «К первой части. Грамматические упражнения». *Конец*: «Простым русским языком».

31. Разные рукописные и печатные материалы, связанные с «Азбукой». 49 лл. разной величины, в подавляющем большинстве без исправлений Толстого.

32. Автограф. 2 лл. 4°. Содержит «Ответ критикам, писавшим об «Азбуке»».

«НОВАЯ АЗБУКА»

1. Печатный экземпляр «Азбуки» издания 1872 г. Все четыре книги переплетены в один переплет с кожаным корешком. На форзаце надпись: С. Толстая. В первой книге не хвата-

ет страниц: 1–2, 7–10, 15–16. Экземпляр с поправками Толстого для нового издания. В первой части кн. I «Азбуки», то есть в собственно азбуке, часть текста вычеркнута Толстым, часть намечена к перестановке; местами сделаны пометы о перемене набора и шрифтов, исправлены опечатки. На первых страницах, включающих алфавит с рисунками, Толстым сделаны новые рисунки пером, долженствующие заменить напечатанные, и подписи к ним, чего в издании 1872 г. не было. На стр. 60 кн. I ко второй части Толстым сделана помета: «Порядок статей по длине». Перед отделом вторым той же части, на стр. 72, помета: «Знаков препинания не нужно. Предлоги» и далее зачеркнута статья «Море». На стр. 142 перед четвертой частью кн. I сделана помета: «Понятное для мужика изложение с сложением», и далее, в связи с этим, в статье «Для учителя» в разделе «К четвертой части» (стр. 178–179) зачеркнута большая часть текста и помечено: «Начинать с сложения». В кн. II на стр. 14 зачеркнута статья «Какая бывает роса на траве». Помимо этого, исправлены в стилистическом отношении некоторые рассказы, статьи

и былины (см. список исправлений, стр. 604–606).

2. набросок тем для «Новой азбуки». Автограф. 1 л. почтового формата. *Начало*: «Каменно-тес. Гласные и согласные отдельно». *Конец*: «Едят горох». Публикуется в вариантах под № 1.

3. Копия предисловия к «Новой азбуке», сделанная рукой яснополянского учителя Д. Ф. Троицкого-Воскресенского (автограф не сохранился). Вслед за предисловием следует начало азбуки. 6 л. 4°. Заглавие: «Азбука для всех способов преподавания грамоты». *Начало*: «Подразделение азбуки следующее». *Конец*: «будет уметь читать». Первая редакция статьи, значительно переработанная Толстым.

Публикуется в вариантах под № 2.

4. Копия неизвестной рукой предисловия к «Новой азбуке» с рукописи несохранившейся и являющейся в свою очередь копией рукописи № 3. 6 л. 4°. Заглавие то же, что и в рук. № 3. *Начало*: «Подразделение азбуки: 1) Изображение букв». *Конец*: «упражнением в писании». Рукопись с большими исправлениями

Толстого.

5. Копия части предыдущей рукописи рукой С. А. Толстой. 2 л. 4°. *Начало*: «Обучать по этой азбуке». *Конец*: «будет уметь читать». В рукописи много авторских исправлений. На обороте второго листа написан Толстым новый вариант этой части статьи. *Начало*: «Что касается до способа обучения». *Конец*: «прямо заставит читать».

Публикуется в вариантах под № 3.

6. Автограф. 4 л. F° и 1 л. 4°. *Начало*: «силы нету — пули дули». *Конец*: «не разевай рта л.н.в.». Черновое начало «Новой азбуки». Весь текст рукописи разбит на четырнадцать отделов. Каждый отдел начинается списком слов, постепенно усложняющихся, на которые дается ниже материал для чтения: слова, фразы, маленькие рассказы. Четырнадцатый отдел озаглавлен: «Длинные слова». На обороте последнего листа рукописи написаны небольшие рассказы на пословицы.

7. Копия предыдущей рукописи неизвестной рукой и Д. Ф. Троицкого-Воскресенского — 7 л. 4° и автограф дополнения — 4 л. 4°. *Начало*: «Ба, ка, ма, па». *Конец*: «И счастлив

тот, что». В конце копии Толстой пометил: «Repos de l'étude.[333] И скоропись», и под этой пометой дал перечень всех рассказов первой части кн. I «Азбуки» 1872 г. с не вполне точным указанием страниц, на которых помещены эти рассказы. Эти рассказы были извлечены из «Азбуки», переработаны и дополнены Толстым. Автографы этих рассказов не сохранились, но имеются копии некоторых из этих рассказов, написанные рукой С. А. Толстой. Рассказы эти, которые, очевидно, Толстой хотел поместить в конце рукописи в качестве ее продолжения, потом разнесены были по разным местам «Новой азбуки». После перечня рассказов Толстой привел из «Азбуки» четыре пословицы с сомнительными гласными буквами, остановился на этом и принялся за радикальную переработку рукописи. Часть отделов он вычеркнул целиком. Некоторые оставшиеся отделы сократил, другие дополнил и все основательно переработал. Переработанный список Толстой продолжил, написав упражнения на сомнительные буквы, состоящие из отдельных фраз, пословиц, поговорок и рассказов, подобранных и

составленных так, что в них имеются одни и те же слова в двух формах — с сомнительными гласными и согласными буквами и без них. Эти слова в тексте подчеркнуты и попарно вынесены на поля листов. В конце этих упражнений Толстой провел горизонтальную черту и под ней снова пометил: «Repos de l'étude», но опять зачеркнул эту помету, написал еще две неполные фразы и на этом кончил переработку списка.

8. Автограф. 1 л. F° и список рукой С. А. Толстой — 1 л. F°. *Начало*: «туча, муха, куча». *Конец*: «ввечеру, Россия». Черновики из второй редакции начала «Новой азбуки» представляют собой дальнейшую переработку материала в сторону расширения его. Нумерация отделов здесь заменена горизонтальными чертами, отделяющими один отдел от другого. Список С. А. Толстой содержит 6 рассказов, написанных ею для «Новой азбуки». Рассказы эти не правились Толстым и в азбуку включены не были.

9. Копия рук. № 8 рукой С. А. Толстой — 2 лл. 4° и автограф (дополнение к тексту) — 2 лл. 4°. *Начало*: «Туча. Муха. Куча». *Конец*: «спе-

ла песню». При переписке С. А. Толстая местами изменяла текст автографа и дополняла его.

10. Копия начала «Новой азбуки» с рукописи неизвестной (бывшей копией рук. № 9), рукой Д. Ф. Троицкого-Воскресенского. 2 лл. 4°. *Начало*: «Мука. Волы». *Конец*: «влила сливки». Толстой внес в текст рукописи некоторые стилистические исправления и дополнил его.

11. Черновики третьей редакции «Новой азбуки». 49 лл. 4° и 2 лл. F°, из которых 16 лл. 4° и 2 лл. F° — автографы; остальные — копии рукой С. А. Толстой, Д. Ф. Троицкого-Воскресенского и неизвестных лиц. *Начало*: «<Жили куры и гуси>». *Конец*: «с ребятами в школу». Черновой материал. Сохранился неполностью и располагается таким образом, что автографы чередуются с копиями с этих автографов и копиями с копий. Полной рукописи «Новой азбуки» составить нельзя. Между тем, в ней сохранились листы с пагинацией, проведенной частью Толстым, частью С. А. Толстой, от 13 до 58 с некоторыми перерывами. За л. 58, который оканчивается рассказом: «Был один богатый скупой человек», поме-

цен нумерованный лист с автографом рассказа «Филипок». Среди отсутствующих листов рукописи следует отметить л. 48, на котором был помещен автограф сказки «Три медведя», который предшествовал рассказу «Большая печка». Текст «Новой азбуки» в третьей редакции близок к окончательному, хотя материал расположен несколько иначе.

Извлекаются варианты №№ 4–12.

12. Разные черновые материалы к «Новой азбуке». 1 л. F° — автограф и 1 л. 4° — копия.

13. Черновые редакции рассказов, написанных для «Новой азбуки». 12 лл. F° (3 лл. из них не полные) и 5 лл. 4°. *Начало*: «<Человек> Мужик убил зайца». *Конец*: «а себе принес ху-дого котеночка». Рукопись содержит 124 рассказа (из которых 7 незаконченных). 42 из них напечатаны в «Новой азбуке».

Извлекаются варианты №№ 13–39.

14. Черновые редакции и варианты рассказов и сказок, дополнительно внесенных в «Первую русскую книгу для чтения». Автографы — 13 лл. 4° и копия рукой С. А. Толстой с исправлениями Толстого — 1 л. F°.

«Новая азбука» в настоящем издании воспроизводится фототипически с издания 1875 г.; первые три русские книги для чтения печатаются по изданию 1875 г.; «Четвертая русская книга для чтения» — по изд. 1886 г. В эти тексты вносятся следующие исправления:

«НОВАЯ АЗБУКА»

«БОЛЬШАЯ ПЕЧКА»

Стр. 78, строка 31.

Вместо: чтобы мне печку топить *следует читать:* чтобы им печку топить (*рук. № 13*).

Стр. 79, строка 3.

Вместо: надо только печку переделать *следует читать:* надо только дом и печку переделать (*рук. № 13*).

Стр. 79, строка 5.

Вместо: она больше твоей *следует читать:* они больше и лучше твоих (*рук. № 13*).

«ПЕРВАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

«ТОНКИЕ НИТКИ»

Стр. 108, строка 26.

Вместо: сказал, что нитки нехороши и что ему нужны *печатается:* сказал: «Нитки не хороши, мне нужны» («Новая азбука», *рук.*

№ 1).

«ПОЖАРНЫЕ СОБАКИ»

Стр. 110, строка 9.

Вместо: за рубашку *печатается:* за рубашенку («Азбука», рук. № 20).

«КАК МАЛЬЧИК РАССКАЗЫВАЛ ПРО ТО, КАК ЕГО НЕ ВЗЯЛИ В ГОРОД»

Стр. 111, строка 12.

Вместо: Я вскочил на лавку *печатается:* Я с печи *скочил на лавку* («Нов. азб.», рук. № 1).

«КАК ТЕТУШКА РАССКАЗЫВАЛА БАБУШКЕ О ТОМ, КАК ЕЙ РАЗБОЙНИК ЕМЕЛЬКА ПУГАЧЕВ ДАЛ ГРИВЕННИК»

Стр. 125, строка 20.

Вместо: моя дочь *печатается:* моя внучка (*исправлено по последующим изданиям*).

«МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК»

Стр. 131, строки 28–29.

Вместо: не больше пальца и оттого *печатается:* не больше пальца. Потом он подростом немножко, но все-таки был немного больше

пальца и оттого («Нов. азб.», рук. № 11).

Стр. 133, строка 4.

Вместо: до самой ночи. Мальчик с пальчик *печатается:* до самой ночи. Плакали, плакали и все заснули. Мальчик с пальчик («Нов. азб.», рук. № 11).

«ВТОРАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

«ШАТИДОН»

Стр. 154, строка 4.

Вместо: в Черное море *печатается:* в Азовское море (*исправлено по последующим изданиям*).

«ДЛЯ ЧЕГО ВЕТЕР?»

Стр. 169, строка 9.

Вместо: шест мачты *печатается:* шест («Нов. азб.», рук. № 1).

Стр. 169, строка 10.

Вместо: приделана веревка и поперек перекладины *печатается:* приделана поперек перекладина («Нов. азб.», рук. № 1).

Стр. 169, строка 11.

Вместо: привяжут *печатается:* прикрепят («Нов. азб.», рук. № 1).

«СУХМАН»

Стр. 199, строка 36.

Вместо: Владимир князь солнышко *печатается:* Владимир князь, красно солнышко («Нов. азб.», рук. № 1).

«ТРЕТЬЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

«ЗАЙЦЫ»

Стр. 207, строка 20.

Вместо: Зайцы по ночам кормятся корою *печатается:* Зайцы по ночам кормятся. Зайцы лесные кормятся корою («Азбука», рук. № 23).

«РУСАК»

Стр. 210, строка 2.

Вместо: Только на улице слышался плач ребенка в избе *печатается:* Только слышался плач ребенка в избе через стены («Нов. азб.», рук. № 1).

«ВОЛК И ЛУК»

Стр. 210, строка 23.

Вместо: Только и не стану *печатается:*

только я не стану («Нов. азб.», рук. № 1).

«КОНЕЦ БУЛЬКИ И МИЛЬТОНА»

Стр. 242, строка 6.

Вместо: кабан распорол его *печатается:* кабан спорол его («Нов. азб.», рук. № 1).

«ЧЕТВЕРТАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Стр. 305, строки 15–16.

Вместо: провожатые солдаты, а в середине едет народ *печатается:* провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ (*печатается по изданию 1875 г.; выпущено в издании 1885 г.*).

Стр. 317, строки 4–6.

Вместо: Пришел мулла, сели рядком *печатается:* Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком (*печатается по изданию 1875 г.; выпущено в издании 1885 г.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

«НОВАЯ АЗБУКА» [334]

[«Жили куры и гуси у дома...»] (стр. 12)

Сохранились три автографа рассказа, на-

писанные один за другим на одном листе, и копия с третьего автографа рукой И. Ананского, без поправок Толстого. Текст копии сходен с печатным.

[*«Жили мыши на поле подле пруда...»*] (стр. 26–27)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа имеет два разночтения с печатным текстом.

[*«У Маши была тетка...»*]. (стр. 27)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа имеет одно разночтение с печатным текстом.

[*«Была зима, но было тепло...»*] (стр. 27)

Сохранился список рассказа, написанный рукой С. А. Толстой, без поправок Толстого. Автором рассказа была С. А. Толстая. Толстой включил этот рассказ в «Новую азбуку» в сильно переработанном виде. Никаких рукописных следов этой переработки не сохранилось. Печатный текст, по сравнению с текстом С. А. Толстой, является новым вариантом

рассказа.

[«*Спала кошка на крыше...*»] (стр. 27)

Сохранился список рассказа, написанный рукой С. А. Толстой, без поправок Толстого. Автором рассказа была С. А. Толстая. Текст С. А. Толстой совпадает с печатным текстом.

[«*Вася сел на пень...*»] (стр. 34–35)

Сохранились автограф рассказа и копия с него рукой С. А. Толстой, без поправок Толстого. Текст копии совпадает с печатным текстом.

[«*У Вари был чиж...*»] (стр. 35)

Сохранились автограф рассказа и копия с него рукой С. А. Толстой, с поправками Толстого. Текст копии имеет одно разночтение с печатным текстом.

[«*Дядя дал Феде коня...*»] (стр. 35)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа имеет ряд разночтений с печатным текстом.

[«*Мать дала Кате квасу...*»] (стр. 35)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа совпадает с печатным текстом.

[«*Мышка грызла пол...*»] (стр. 35)

Сюжет заимствован у Эзопа (ср. «Голодная Лисица») или у Лафонтена (ср. «La Belette entrée dans un grenier»). Переведена на русский язык А. Зориным, под заглавием: «Ласочка в амбаре»). Рассказ сохранился в двух редакциях. Автограф первой редакции обрывается на слове: «Пришла». Толстой оставил эту редакцию и на другом листе написал рассказ заново в более пространной редакции. Текст нового автографа — с тремя мелкими поправками и с зачеркнутым концом: «и кошка съела ее»

[«*Мать и дочь легли спать...*»] (стр. 36)

Рассказ сохранился в двух вариантах. Автограф первого варианта входит в первую редакцию «Новой азбуки» (рук. № 7), автограф второго варианта вошел в третью редакцию (рук. № 11). Текст второго варианта был переписан С. А. Толстой и исправлялся Толстым.

Текст первой редакции рассказа публикуется в вариантах под № 4.

[«Жил дед у реки...»] (стр. 36)

Сохранился автограф рассказа, написанный на полях листа с рассказами, переписанными С. А. Толстой. Первоначально рассказ начинался: «Жил Петр у реки. Были у него лодка и сети. Его дети были еще малы. Раз поутру вышли два брата Миша и Гриша», затем Петр заменен был дедом и сыновья — внуками.

[«Мамы не было дома...»] (стр. 38)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа имеет несколько мелких разночтений с печатным текстом.

[«Есть червь...»] (стр. 38)

Рассказ сохранился в двух редакциях. Автограф первой редакции перечеркнут сверху вниз. Автограф второй редакции помещен на полях другого листа с рассказами, переписанными С. А. Толстой.

Текст первой редакции рассказа печатает-

ся в вариантах под № 5.

[«У меня есть шесть кур...»] (стр. 38)

Сохранился автограф рассказа с пометой Толстого: «сть рм», которая означает отдел «Новой азбуки», в который вошел этот рассказ.

[«Дети стали лезть на шест...»] (стр. 39)

Сохранился автограф рассказа, написанный на полях листа с рассказами, переписанными С. А. Толстой. Текст автографа имеет несколько разночтений с печатным текстом.

[«Стал Ваня на коня лезть...»] (стр. 39)

Сохранился автограф рассказа, написанный на полях листа с копиями рассказов для «Новой азбуки». Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, является новой редакцией рассказа.

[«Ела мать борщ...»] (стр. 39)

Сохранился список рассказа, написанный С. А. Толстой. Толстой зачеркнул его и между строк написал новую редакцию рассказа.

Текст второй редакции имеет одно разночтение с печатным текстом.

[«*Жил дядя Петр...*»] (стр. 39)

Сохранился список рассказа, написанный С. А. Толстой. Толстой зачеркнул этот список по строчкам и написал между строками новый вариант рассказа, а затем и этот вариант перечеркнул сверху вниз. В конце другого листа он написал третий вариант рассказа. Печатный текст не совпадает ни с одним вариантом и является четвертым вариантом рассказа.

Текст первой редакции рассказа публикуется в вариантах под № 6.

[«*Несла Жучка кость через мост...*»] (стр. 39)

В «Азбуке» помещен вольный перевод басни Эзопа, под заглавием «Собака и ее тень». Для «Новой азбуки» Толстой написал второй вариант перевода этой басни. Автограф этого варианта не сохранился. Имеется копия с него, написанная С. А. Толстой. Толстой почти полностью зачеркнул эту копию и между

строками его написал басню в третьей редакции.

Текст второй редакции перевода басни публикуется в вариантах под № 7.

[«*Ваня нес отцу хлеб...»*] (стр. 39)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа имеет три разночтения с печатным текстом.

[«*Пошли дети на гумно...»*] (стр. 39–40)

Сохранился автограф рассказа. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, является новой редакцией рассказа.

Текст первой редакции рассказа публикуется в вариантах под № 8.

[«*Сел дед пить чай...»*] (стр. 41)

Рассказ сохранился в четырех редакциях-автографах. Текст автографа четвертой редакции тождествен с печатным текстом.

Текст первой редакции рассказа публикуется в вариантах под № 9.

[«*Сел рой на куст...»*] (стр. 42)

Рассказ сохранился в трех редакциях-автографах. Автограф первой редакции имеет три копии с него: рукой неизвестного, С. А. Толстой и самого Толстого.

Текст автографа третьей редакции тоже-ствен с печатным текстом.

Текст первой редакции публикуется в вариантах под № 10.

[*«Слушай меня, мой пес...»*] (стр. 43)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа сходен с печатным текстом, за исключением начала, которое в автографе читается: «Ты мой добрый пес».

[*«На земле снег, на лесе иней...»*] (стр. 43)

Сохранился автограф рассказа. В тексте автографа одна фраза имеет иной порядок слов, чем в печатном тексте.

[*«У детей были свои грядки...»*] (стр. 43)

Сохранились две редакции этого рассказа (автографы). Первая редакция не закончена. Автограф второго варианта имеет помету Толстого, указывающую на отдел «Новой азбу-

ки»: «ай». Текст второго автографа отличается от печатного текста своим концом, который читается: Жучка, скорей на свиней лай, свиней с гряд сгоняй.

[«*Была драка между Жучкой и кошкой...*»] (стр. 43)

Сохранился автограф рассказа с пометой Толстого: «ой», означающей отдел «Новой азбуки».

[«*Нет у нас, Ваня, змея...*»] (стр. 43)

Сохранились три незаконченных варианта этого рассказа (автографы). Печатный текст является четвертым вариантом рассказа. Никаких рукописных следов этого печатного варианта не сохранилось.

[«*Слепой шел домой...*»] (стр. 44)

Сохранились два автографа этого рассказа и копия со второго автографа рукой С. А. Толстой с поправками Толстого. Текст переработанной копии сходен с печатным текстом.

Текст первого автографа публикуется в ва-

риантах под № 11.

[*«Пришла весна...»*] (стр. 47)

Рассказ сохранился в двух редакциях (автографы). Автограф первой редакции незакончен и перечеркнут сверху вниз. Текст автографа второй редакции имеет ряд мелких различий с печатным текстом.

Текст первой редакции публикуется в вариантах под № 12.

[*«Ушли два мужика вместе на работу...»*] (стр. 47)

Рассказ сохранился в двух редакциях-автографах. Автограф первой редакции перечеркнут трижды сверху вниз. Со второго автографа были списаны две копии: рукой Д. Ф. Троицкого-Воскресенского и С. А. Толстой. Текст второй копии имеет два различия с печатным текстом.

Текст первого автографа публикуется в вариантах под № 13.

[*«Ходили дети по лесу за грибами...»*] (стр. 48)

Имеются два варианта этого рассказа. Первый вариант написан рукой С. А. Толстой. Автором этого варианта рассказа была С. А. Толстая. Второй вариант — автограф. Текст автографа разнится от печатного текста только концом рассказа, который читается в нем: Дети забыли про грибы, бросили на сене.

[*«Попался зверь-хорек в ловушку...»*] (стр. 48)

Сохранился автограф басни. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, представляет собой вторую редакцию басни.

Текст автографа басни публикуется в вариантах под № 14.

[*«Пошли раз старуха и молодка...»*] (стр. 48)

Сохранился автограф рассказа с заглавием: «Старуха и молодая». Текст автографа имеет ряд разночтений с печатным текстом.

[*«Пошла коза в поле за кормом...»*] (стр. 48)

Переработка общеизвестной сказки о волке, козе и козлятах (ср. А. Н. Афанасьев, «Народные русские сказки», вып. IV, М. 1860, стр.

57–59; «Сказки, собранные братьями Гриммами», перевод с немецкого под редакцией П. Н. Полевого, изд. А. Ф. Маркса, СПб., стр. 15–17; басня Лафонтена «Le Loup, la Chèvre et le Chevreau» («Fables de. La Fontaine», Paris 1853, стр. 110–111), переведенная на русский язык В. Мазуркевичем под заглавием: «Волк, коза и козленок»). В конце 1871 или в первой половине 1872 г. эта сказка была переведена на русский язык с немецкого. Сохранился конец этого перевода, написанный рукой С. А. Толстой. Вероятно, этот перевод, по поручению Толстого, сделан был С. А. Толстой. Перевод довольно близок к подлиннику. Он предназначался для «Азбуки», но не вошел туда.

Для «Новой азбуки» Толстой эту сказку написал заново. В этом новом виде сказка ближе всего стоит к басне Лафонтена. Текст автографа имеет ряд существенных разночтений с печатным текстом.

[«*Лисица позвала журавля на обед...*»] (стр. 49)

Сжатый и вольный перевод басни Эзопа

«Лисица и Аист» (ср. «Лиса и журавль» в книге А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», вып. IV, М. 1860, стр. 31–32). Сохранился автограф перевода. Текст автографа имеет ряд существенных разночтений с печатным текстом.

[«У одной женщины мыши поели в погребе сало...»] (стр. 49)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа значительно отличается от печатного текста.

[«Ехали два мужика...»] (стр. 49)

Рассказ на пословицу: «За скорым дело стало». Сохранилась копия этого рассказа, сделанная неизвестной рукой, с поправками Толстого и Стрехова (рук. № 20). В первой редакции рассказ был напечатан в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 46).

[«Ходили овцы по полю...»] (стр. 49–50)

Переработка басни Лафонтена «Le Corbeau voulant imiter l'aigle», переведенной на русский язык Крыловым, под заглавием: «Воро-

ненок». В басне Лафонтена пастух не убивает вороненка, а подрезает ему крылья и отдает его детям. Толстому, без сомнения, известна была и басня Эзопа «Соя и Пастух», легшая в основу басни Лафонтена. Но некоторые подробности в переработке Толстого, отсутствующие в басне Эзопа, заставляют думать, что он скорее всего переработал басню Лафонтена, в которой эти подробности имеются. Сохранился автограф переработки басни. Текст автографа имеет большое число разночтений с печатным текстом.

[«*Был один глупый мужик...*»] (стр. 50)

Переработка в самостоятельный рассказ одного из «Народных анекдотов», помещенных в книге А. Н. Афанасьева («Народные русские сказки», вып. VI, М. 1861, стр. 24). Рассказ сохранился в двух редакциях-автографах. Цыгана, фигурирующего в анекдоте, Толстой заменил в одной редакции рассказа мужиком, а в другой — Филей. Печатный текст рассказа, по сравнению с этими двумя редакциями, является третьей редакцией рассказа. Никаких рукописных следов этой редакции не сохра-

нилось. Первые две редакции рассказа публикуются в вариантах под № 15.

[«*Петя ползал и стал на ножки...*»] (стр. 51)

Сохранился автограф рассказа. Печатный текст имеет несколько разночтений с текстом автографа.

[«*Ласточка строила гнездо...*»] (стр. 51)

Сохранился автограф рассказа. Печатный текст имеет несколько разночтений с текстом автографа.

[«*Остригли с барана шерсть...*»] (стр. 51)

Сохранился автограф рассказа. Печатный текст совпадает с текстом автографа.

[«*Стряпуха топила печку...*»] (стр. 51–52)

Сохранился автограф рассказа. Печатный текст имеет два мелкие разночтения с текстом автографа.

[«*Пришла мышь в гости к лягушке...*»] (стр. 52)

Сюжет заимствован у Эзопа (ср. «Мышь

и Лягушка») или у Лафонтена (ср. «La Grenouille et le Rat». Переведена на русский язык В. Мазуркевичем под заглавием: «Лягушка и крыса»). У Эзопа и Лафонтена лягушка и мышь (крыса) связываются между собой за лапки. Коршун хватает мышь (крысу), а вместе с ней и лягушку и съедает их. Сохранился автограф басни. Текст автографа имеет четыре разночтения с печатным текстом.

[*«Дрались два петуха у навозной кучи...»*]
(стр. 52)

Переработка басни Эзопа «Петухи»; сохранился автограф переделки. Текст автографа имеет ряд разночтений с печатным текстом.

[*«Стало мышам плохо жить от кота...»*]
(стр. 52–53)

Вольный перевод басни Эзопа: «Совет крыс» (ср. с басней Лафонтена: «Conseil tenu par les Rats», переведенной на русский язык Тредьяковским («Мышиный совет») и Измайловым («Совет мышей»). Сохранился автограф перевода. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, представляет собой новую

редакцию перевода.

Первая редакция перевода публикуется в вариантах под № 16.

[«*Шли по дороге старик и молодой...*»] (стр. 53)

Вольный перевод басни Эзопа «Путники». Сохранился автограф перевода. В конце перевода имеется добавление карандашом, сделанное рукой С. А. Толстой: «Так молодого схватили и посадили в тюрьму, а старик пошел домой». Этого текста нет в басне Эзопа. Текст автографа имеет ряд разночтений с печатным текстом.

[«*Красная шапочка...*»] (стр. 53–54)

Коренная переработка сказки братьев Гриммов под тем же заглавием. Конец сказки с разрезанием у волка брюха отброшен. Сохранился список сказки, написанный рукой С. А. Толстой, с поправками Толстого. Текст сохранившегося списка имеет ряд разночтений с печатными текстами.

[«*У Сережи были три собаки...*»] (стр. 55)

Сохранился автограф рассказа. Первоначально рассказ заканчивался так: «Одна собака легла, другая стала рычать, а третья ушла, и Сережа ее не поймал». Затем Толстой написал новый конец. Текст автографа тождествен с печатным текстом.

[«*Миша просил отца сделать ему скамейку...*»] (стр. 55)

Сохранились автограф рассказа и копия с него рукой С. А. Толстой с одной поправкой Толстого. Текст копии сходен с печатным текстом.

[«*У Васи было четыре копейки...*»] (стр. 55–56)

Сохранился автограф рассказа. Текст автографа имеет одно разночтение с печатным текстом.

[«*К Маше пришли в гости девочки...*»] (стр. 56)

Автором рассказа является С. А. Толстая. Сохранился список, написанный С. А. Толстой с поправками и дополнениями Толстого.

Текст сохранившегося списка имеет два различия с печатным текстом.

[*«Две крысы нашли яйцо...»*] (стр. 56)

Переработка в самостоятельный рассказ эпизода с двумя крысами из басни Лафонтена: «Les deux Rats, le Renard et l'Oeuf», переведенной на русский язык О. Чюминой под заглавием «Две крысы, яйцо и лиса». Рассказ сохранился в двух редакциях-автографах. Текст второй редакции тождествен с печатным текстом.

Текст первой редакции рассказа публикуется в вариантах под № 17.

[*«Девочка поймала стрекозу...»*] (стр. 56)

Переработка в самостоятельный рассказ басни о мальчике и кузнечике, рассказанной Эзопом Крезу Лидийскому. Басня приведена в главе XXIII жизнеописания Эзопа (М. 1792, стр. 58). Сохранились автограф рассказа и список, написанный С. А. Толстой. Текст списка несколько расходится с текстом автографа, но тождествен с печатным текстом.

[«Мышка вышла гулять...»] (стр. 56–57)

Источником для этой басни послужила или басня Лафонтена: «Le Cochet, le Chat et le Souriceau», переведенная на русский язык Дмитриевым под заглавием «Петух, кот и мышонок», или сказка В. А. Жуковского «Война мышей и лягушек». Сохранились автограф рассказа и список, написанный рукой С. А. Толстой. По сравнению с автографом этот список является новым вариантом рассказа. Толстой в ряде мест переработал этот список. Текст переработанного списка имеет ряд существенных различий с печатным текстом.

Текст автографа публикуется в вариантах под № 18.

[«Пошел раз лев на охоту...»] (стр. 57)

Переделка басни Эзопа «Лев и Осел» (ср. с басней Лафонтена «Le Lion et l'Âne chassants», переведенной на русский язык Сумароковым, под заглавием «Лев и осел», и Ф. Зариным, под заглавием «Лев и осел на охоте»). Сохранились автограф переделки под заглавием «Осел со львом на охоте» и список

рукой С. А. Толстой другого варианта переделки с поправками Толстого. Текст списка в его переработанном виде имеет четыре разночтения с печатным текстом.

Текст автографа публикуется в вариантах под № 19.

[«*Ребята ездили с горы...*»] (стр. 58)

Рассказ сохранился в трех редакциях-автографах. Автограф третьей редакции имеет разночтения с печатным текстом.

Тексты первых двух редакций публикуются в вариантах под № 20.

[«*Волк съел овцу...*»] (стр. 58)

Рассказ на пословицу: «Не за то бьют волка, что сер, а за то, что овцу съел».

Первый вариант этого рассказа вошел в «Азбуку» 1872 г. (см. т. 22, стр. 44). Текст нового автографа совпадает с печатным текстом.

[«*Старик сажал яблони...*»] (стр. 58)

Первая редакция этого рассказа помещена в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 62). Для «Новой азбуки» Толстой написал новую редак-

цию рассказа, автограф которой утерян. Сохранилась копия С. А. Толстой с утерянного нового автографа, перечеркнутая Толстым, и второй автограф. Текст второго автографа совпадает с печатным текстом.

Текст копии печатается в вариантах под № 21.

[*«Был у дурака нож очень хорош...»*] (стр. 58–59)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Булат железо и кисель не режет». Рассказ сохранился в трех вариантах: два автографа и список с несохранившегося автографа с поправками Толстого. Текст второго автографа имеет ряд мелких различий с печатным текстом.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 22.

[*«Мужик стал спускать воз под гору...»*] (стр. 59)

Рассказ на пословицу: «Воз под горою, а вожжи в руках».

Первый вариант помещен в «Азбуке»

1872 г. (т. 22, стр. 46). Для «Новой азбуки» Толстой написал второй вариант рассказа. Сохранился список второго варианта, написанный С. А. Толстой и перечеркнутый Толстым. Вместо него Толстой написал третий вариант. Текст автографа совпадает с печатным текстом.

[«*Два мужика пошли вместе на охоту...*»] (стр. 59)

Первый вариант помещен в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 49–50). Для «Новой азбуки» Толстой написал новый вариант. Текст автографа имеет одно разночтение с печатным текстом.

[«*Овцы ходили под лесом...*»] (стр. 59)

Первый вариант был напечатан в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 66). Для «Новой азбуки» Толстой написал второй вариант. Сохранился автограф второго варианта. Текст автографа сходен с печатным текстом, за исключением конца рассказа, который в автографе читается так:

«Бегайте — что веселей, то лучше. Ягнята

дали веру волку и отошли еще. Волк поймал их и съел».

[«Один царь строил себе дворец...»] (стр. 59–60)

Сохранился автограф сказки. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, является новым вариантом.

Текст автографа печатается в вариантах под № 23.

[«Петя играл плетью...»] (стр. 61)

Сохранился автограф. Текст автографа совпадает с печатным текстом.

[«Мать с дочерью достали бадью воды...»] (стр. 61–62)

Рассказ сохранился в двух вариантах-автографах. Текст второго варианта имеет несколько разночтений с печатным текстом.

Текст первого автографа публикуется в вариантах под № 24.

[«Ребята сделали себе веселье...»] (стр. 62)

Сохранился автограф и копия рукой

С. А. Толстой без авторских поправок. Текст копии совпадает с печатным текстом.

[*«Мужик пошел косить луга...»*] (стр. 62)

Переработка басни Эзопа «Путник и Счастье» (ср. с басней Лафонтена: «La Fortune et le Jeune Enfant», переведенной на русский язык Ап. Коринфским под заглавием «Фортуна и дитя»). Сохранился автограф. Текст автографа имеет четыре мелкие разночтения с печатным текстом.

[*«Хозяин хотел вывести в своем огороде репы...»*] (стр. 62)

Первый вариант этого рассказа помещен в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 67–68). Для «Новой азбуки» Толстой несколько переработал этот печатный вариант стилистически. Автограф переработки не сохранился, но имеются две последовательные копии рукой С. А. Толстой и неизвестного. Текст второй копии имеет несколько разночтений с печатным текстом.

[*«Кобыла ходила день и ночь...»*] (стр. 62–63)

Сюжет этой басни заимствован у Эзопа (Ср. басни: «Телка и Бык» и «Коза и Осел»). Басня сохранилась в двух редакциях-автографах. Текст второго автографа совпадает с печатным текстом.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 25.

[«Спорил один мужик с другим...»] (стр. 63)

Переработка в самостоятельный рассказ эпизода из жизнеописания Эзопа (М. 1792, стр. 43–46). В этом эпизоде рассказывается, как философ Ксанф в пьяном виде поспорил с своим учеником о том, что он выпьет море. Мысль о запрудке рек и ручьев подал Ксанфу Эзоп, который был его невольником. Толстой заменил философа мужиком, который сам придумывает выход из положения. Сохранился автограф рассказа. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, является новым вариантом рассказа.

Текст автографа печатается в вариантах под № 26.

[«Худой волк ходил подле деревни...»] (стр.

Переработка басни Лафонтена: «Le Loup et le Chien», переведенной на русский язык Измайловым под заглавием: «Воля и неволя». Сохранился автограф переработки. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, представляет новый вариант переработки.

Текст автографа печатается в вариантах под № 27.

[«Ехал с базара мужик...»] (стр. 65)

Рассказ на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Невелик сверчок, да слышно кричит». Сохранились автограф рассказа и копия рукой Толстого. В процессе переписки Толстой внес в текст несколько изменений. Текст списка-автографа имеет три разночтения с печатным текстом.

[«Хотела галка пить...»] (стр. 65)

Вольный перевод басни Эзопа «Ворона и Кувшин». Имеются два варианта этого перевода. Сохранились автограф первого варианта и копия с него неизвестной рукой с поправками Толстого и автограф второго вари-

анта и копия с него рукой С. А. Толстой без поправок Толстого. С. А. Толстая, при переписке в шести местах слегка переделала текст Толстого. Текст списка второго варианта имеет шесть разночтений с печатным текстом.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 28.

[«У одной женщины был болен старший сын...»] (стр. 65)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в «Азбуке»: «Какой палец ни укуси, всё больно». Рассказ сохранился в двух вариантах-автографах. Текст второго автографа имеет одно разночтение с печатным текстом.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 29.

[«Митька набрал столько грибов...»] (стр. 65)

Первая редакция этого рассказа помещена в «Азбуке» (см. т. 22, стр. 43). Для «Новой азбуки» Толстой переработал эту редакцию в более пространный рассказ. Первоначальный автограф этой переработки не сохранился.

Имеется копия с него рукой С. А. Толстой, правленная Толстым и затем перечеркнутая. Вместо зачеркнутого Толстой написал рассказ заново. Текст автографа имеет одно разночтение с печатным текстом.

[«*Пропали деньги у мужика...*»] (стр. 66)

Рассказ на поговорку: «На воре шапка горит».

Первый вариант этого рассказа помещен в «Азбуке» (см. т. 22, стр. 41). Для «Новой азбуки» Толстой написал новый вариант рассказа. Текст автографа тождествен с печатным текстом.

[«*Пришел раз еж к ужу...*»] (стр. 66)

Переделка басни Эзопа «Еж и Змея» (ср. «Эзоповы басни», перевод со второго французского издания М. Т., изд. Шарапова, ч. II, М. 1858, стр. 78–79). Переделка сохранилась в двух вариантах-автографах. Текст второго издания имеет два разночтения с печатным текстом.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 30.

[«*Плыли рыбаки в лодке...*»] (стр. 66)

Рассказ на пословицу: «Богу молись, а к берегу гребись». Сюжет заимствован из басни Эзопа «Потерпевший кораблекрушение». Сохранился список этого рассказа, сделанный неизвестной рукой, текст которого был напечатан в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 47–48).

[«*В одном доме жил на верху богач...*»] (стр. 66–67)

Рассказ на пословицу: «Богач ждет пако-сти, а убог радости», является переделкой басни Лафонтена «Le Savetier et le Financier» («Сапожник и богач»), переводившейся на русский язык Хвостовым, Сумароковым и Крыловым. Сохранился список рассказа, написанный неизвестной рукой, с пометами Толстого и Страхова (рук. № 20). В первой редакции был напечатан в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 48, «Внизу жил бедный сапожник»).

[«*Заели лисицу блохи...*»] (стр. 67)

Сохранился автограф сказки. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, яв-

ляется новым вариантом рассказа.

Текст автографа печатается в вариантах под № 31.

[*«В субботу ввечеру у Кати и Вари была ванна...»*] (стр. 68)

Сохранился список рассказа, написанный рукой С. А. Толстой, с поправками Толстого. Текст списка имеет два мелкие разночтения с печатным текстом.

[*«Мужику с возом надо было ехать через реку...»*] (стр. 68)

Сохранился автограф рассказа. Печатный текст по сравнению с текстом автографа является новой расширенной редакцией.

Текст автографа печатается в вариантах под № 32.

[*«Червь делал шелк...»*] (стр. 68–69)

Сохранился автограф басни. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, является новым вариантом басни.

Текст автографа печатается в вариантах под № 33.

[*«Два рыбака тянули невод...»*] (стр. 69)

Рассказ написан на поговорку: «За спором дело стало».

Сохранились автограф рассказа и две последовательные копии: 1) рукой С. А. Толстой, с заглавием, вписанным неизвестной рукой: «Рыбаки (басня)», 2) неизвестной рукой без поправок Толстого. В первой копии Толстой зачеркнул заглавие и написал: «За спором дело стало». Во второй копии это заглавие приведено в конце рассказа в качестве заключительной поговорки. По этому второму списку рассказ был напечатан в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 68–69). Для «Новой азбуки» текст рассказа переработан.

[*«Белка прыгала с ветки на ветку...»*] (стр. 69)

Сохранился автограф басни. Текст автографа имеет целый ряд разночтений с печатным текстом.

[*«Пришла важная мышь из города...»*] (стр. 69–70)

Вольный перевод басни Эзопа «Городская и сельская крысы» (ср. в басне Лафонтена «Le Rat de ville et le Rat des champs», переведенной на русский язык Г-том, под заглавием: «Городская и полевая крысы»). Сохранился автограф перевода. Печатный текст по сравнению с текстом автографа является новым вариантом перевода.

[«*Лягушка и мышь завели ссору...*»] (стр. 70)

Сжатая передача содержания басни Эзопа «Лягушка, Крыса и Коршун» (ср. «Эзоповы басни», перевод со второго французского издания М. Т., изд. Шарапова, ч. I, М. 1858, стр. 5). Сохранился автограф перевода басни. Печатный текст по сравнению с текстом автографа является новым вариантом басни.

[«*Жила мышь в поле...*»] (стр. 70)

Сохранился автограф басни. Текст автографа имеет ряд разночтений с печатным текстом.

[«*У дяди Митяя была каряя лошадь...*»]
(стр. 71–72)

Переработка в самостоятельный рассказ эпизода с ворам и медведем, взятого из рассказа А. Ф. Погосского «Медвежья наука» (ср. «Повести и рассказы Погосского», ч. III, кн. I, СПб. 1866, стр. 71–78). Сохранился автограф рассказа. Печатный текст, по сравнению с текстом автографа, является новой и более пространной редакцией рассказа.

Текст автографа печатается в вариантах под № 34.

[«*Стал лев стар...*»] (стр. 72)

Возможно, что это переработка басни Лафонтена «Le Lion devenu vieux», переводившейся на русский язык Тредьяковским («Лев престарелый»), Сумароковым и Измайловым («Дряхлый лев») и Крыловым («Лев состарившийся»), или басни Эзопа: «Лев, удрученный старостью» («Эзоповы басни», ч. I, М. 1858, стр. 17–18). Басня сохранилась в двух вариантах-автографах. Печатный текст представляет собой третий вариант басни.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 35.

[«Сидела птичка на ветке...»] (стр. 72)

Переделка басни Эзопа «Жаворонок». Сохранилось два варианта-автографа.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 36.

[«Стало у мужика много мышей...»] (стр. 72)

Басня сохранилась в двух вариантах-автографах.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 37.

[«Приехал купец на постоялый двор...»] (стр. 73)

Рассказ на пословицу, помещенную в «Азбуке» вслед за ним. Сохранилась рукопись рассказа, написанная неизвестной рукой, с пометами Толстого (рук. № 20).

[«Два человека на улице нашли вместе книгу...»] (стр. 73).

Рассказ на пословицу «Два плешивых за гребень дерутся». Рассказ в первой редакции был помещен в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр.

[«*Волк убежал от собак...*»] (стр. 73)

Переработка басни Эзопа «Бык и Козел». Быка, козла и льва, фигурирующих в подлиннике, Толстой заменил волком, лисицей и собаками. Сохранились два автографа этой басни. Второй автограф является копией Толстого с первого автографа с некоторыми дополнениями. Текст копии Толстого совпадает с печатным текстом.

[«*Мать отдавала дочь замуж...*»] (стр. 73–74)

Рассказ на пословицу: «Добрых людей слушаться — решетом воду носить». Сохранилась рукопись рассказа, написанная неизвестной рукой. Толстой, просматривая рукопись, сократил текст и внес несколько стилистических поправок (рук. № 20). Рассказ был напечатан в другой редакции в «Азбуке» 1872 г. (см. т. 22, стр. 56–57).

[«*Орел ухватил у лисицы лисененка...*»] (стр. 74)

Переработка басни Эзопа «Орел и Лисица». Сохранился автограф басни. Текст автографа имеет несколько разночтений с печатным текстом.

[«У одной обезьяны были два детеныша...»]
(стр. 74)

Сюжет басни заимствован у Эзопа (ср. басню: «Обезьяны»). Сохранился автограф басни под заглавием: «Обезьяна и два детеныша». Толстой сам переписал черновик басни на полях другого листа и слегка переработал его текст. Второй автограф был вновь переписан неизвестной рукой. Толстой внес в новый список одно слово и озаглавил его «Обезьяна и ее два детеныша». Текст этого списка, за исключением заглавия, отсутствующего в печатном тексте, имеет с последним три разночтения стилистического характера.

[«Выбрали раз звери себе обезьяну в начальники...»] (стр. 74)

Переделка басни Эзопа «Лисица и Обезьяна». (Ср. с басней Лафонтена: «Le Renard, le Singe et les Animaux», переведенной на рус-

ский язык В. Мазуркевичем под заглавием: «Лисица, обезьяна и звери».) Сохранились два автографа переделки басни.

Текст второго автографа имеет несколько разночтений с печатным текстом.

[«*Пришли неприятельские солдаты в чужую землю...*»] (стр. 74–75)

Переделка басни Лафонтена «Le Vieillard et l'Âne», переведенной на русский язык Сумароковым и Мазуркевичем, под заглавием «Старик и осел». Переделка сохранилась в двух вариантах-автографах. Текст второго автографа тождествен с печатным текстом.

Текст первого автографа печатается в вариантах под № 38.

[«*Разговорила кошка с лисицею...*»] (стр. 75)

Переработка басни Эзопа «Лисица и Кошка» (ср. «Эзоповы басни», ч. I, М. 1858, стр. 60–61; ср. также с басней Лафонтена «Le Renard et le Chat», переведенной на русский язык Сумароковым под заглавием «Лисица и кошка» и Г-том под заглавием «Лисица и

кот», и со сказкой Гриммов «Лиса и кошка»). Переработка сохранилась в двух вариантах-автографах. Текст второго автографа имеет два разночтения с печатным текстом.

[«*Была свинья...*»] (стр. 75)

В «Азбуке» и «Новой азбуке» помещены два варианта рассказа на пословицу: «Баловливая овца волку корысть» (см. стр. 59). Это новый рассказ на ту же пословицу. Сохранился автограф его и две последовательные копии рукой С. А. Толстой и неизвестного с авторскими поправками. Текст второй копии имеет лишь одно разночтение с печатным текстом.

[«*Орел свил на дереве гнездо...*»] (стр. 75–76)

Сжатая передача содержания басни Лафонтена «L'Aigle, la Laie et la Chatte», переведенной на русский язык Сумароковым под заглавием «Орлиха, веприха и кошка» и А. Заринным под заглавием «Орел, дикая свинья и кошка». Сохранилось два автографа. Текст второго автографа имеет несколько разночтений с печатным текстом.

[*«Мужик нашел дорогой камень...»*] (стр. 76)

Переработка рассказа «Мужик и царедворец», взятого из «Книги для чтения» И. Паульсона (М. 1870, стр. 47). Ср. с анекдотом, помещенным в книге А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (вып. III, М. 1860, стр. 145–146). Сохранился автограф, текст которого имеет два мелкие разночтения с печатным текстом.

[*«Пропал у богатого купца кошелек с деньгами...»*] (стр. 76)

Переработка и приспособление к русскому быту восточного рассказа «Арабское судопроизводство», взятого из «Книги для чтения» И. Паульсона (М. 1870, стр. 48). Сохранился автограф переделки. Текст автографа имеет ряд мелких разночтений с печатным текстом.

[*«Был один богатый, скупой человек...»*] (стр. 76–77)

Сохранились два автографа рассказа. Текст второго автографа имеет три небольших раз-

ночтения с печатным текстом.

[«Тетерев сидел на дереве...»] (стр. 77)

Переработка в самостоятельную сказку басни Эзопа «Петух и Лисица» (ср. с басней Лафонтена «Le Coq et le Renard», переведенной на русский язык О. Чюминой под заглавием: «Петух и лиса», и с народной сказкой «Лиса и тетерев» — А. Н. Афанасьев, «Народные русские сказки», изд. 2-е, вып. IV, М. 1860, стр. 30–31). Сохранились два варианта-автографа.

«Ноша» (стр. 77–78)

Сокращенная передача содержания и местами переработка индийской сказки, взятой во французском переводе: «Le sage et le fou» («Мудрый и глупый»). Из сборника «Les avadânas, contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 83–87). Сохранился автограф, текст которого имеет четыре мелкие разночтения с печатным текстом.

«Большая печка» (стр. 78–79)

Сохранился автограф басни, имеющий ряд

разночтений с печатным текстом.

Некоторые из этих разночтений появились в результате явного извращения текста Толстого при наборе и печатании. Исправляем эти места по автографу (см. список исправлений, стр. 604–605).

«Находка» (стр. 79)

Сохранилась рукопись рассказа, написанная рукой С. А. Толстой, с поправками Толстого. Переработанный текст имеет четыре разночтения с печатным текстом.

«Девочка и разбойники» (стр. 79–80)

Переработка в самостоятельный рассказ сказки, переведенной на русский язык с английского Е. В. под заглавием «Андернахский медведь» и напечатанной в журнале «Звездочка» (1860, LXII, стр. 121–131). Сохранилась рукопись этой сказки, написанная рукой С. А. Толстой, с поправками Толстого. Текст переработанной рукописи имеет несколько разночтений с печатным текстом.

«Ореховая ветка» (стр. 80–81)

Переработка общеизвестной сказки о князе-медведе. Какой вариант этой сказки лег в основу переработки, не установлено (ср. «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова и «Певун и прыгун-жаворонок» братьев Гриммов). Сохранилась рукопись сказки, написанная рукой С. А. Толстой. Автором переработки была С. А. Толстая. В рукописи нет конца сказки. Толстой переделал рукопись заново и дал в результате новую редакцию сказки. Текст сохранившейся переработанной рукописи имеет ряд разночтений с печатным текстом.

«Птичка» (стр. 82–83)

Возможно, что это переработка в самостоятельный рассказ двух рассказов: «Наказанная беспечность» («Звездочка» 1862, № 7, стр. 84–87) и «Канарейка» Ф. Гофмана («Сочинения Ф. Гофмана», перевод с немецкого 8-го издания, СПб. [1865], стр. 159–161). Сохранился автограф рассказа, имеющий значительное число мелких разночтений с печатным текстом.

«Три медведя» (стр. 83–85)

Переделка первой половины и перевод до-

вольно близкий к подлиннику с французского второй половины сказки «Une fille pommeé boucles d'orées, ou Les trois ours» («Девочка золотые кудри, или Три медведя»). Никаких рукописных следов переделки и перевода этой сказки не сохранилось.

«Как дядя Семен рассказывал про то, что с ним в лесу было» (стр. 85–86)

Сохранился автограф с первоначальным заглавием «Как дедушка рассказывал про то, что с ним случилось в лесу». Текст автографа имеет ряд мелких разночтений с печатным текстом.

«Корова» (стр. 86–87)

Возможно, что это переработка рассказа Хр. Шмидта, под заглавием «Корова» («200 рассказов для детей младшего возраста», перев. с нем. А. Н. Нееловой, СПб, б. г., стр. 81–82). Сохранился автограф рассказа, имеющий большое число мелких разночтений с печатным текстом.

Филипок (стр. 88–89)

Сохранился автограф рассказа, без заглавия. Текст автографа имеет большое количество разночтений с печатным текстом.

«**ПЕРВАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ**»

«*Муравей и голубка*»

Вольный перевод басни Эзопа «Муравей и Голубь». Как и во всех переводах Толстого басен Эзопа, конец басни с моралью в этом переводе опущен. Перевод сохранился в трех черновых вариантах-автографах (рук. № 4) и корректурных гранках (рук. № 20).[335] Все варианты озаглавлены: «Муравей и голубь». Первый вариант наиболее близок к подлиннику. Текст его перечеркнут сверху вниз. Вторым вариант перевода более свободен. В нем есть фразы, которых нет в подлиннике. Перед заглавием — помета Толстого: «П. о. — ж.», которую следует читать так: «Поэтическое описание — животные». Текст варианта перечеркнут сверху вниз. В тексте третьего варианта фигурирует уже голубка, как в гранках и печатном тексте. Первая половина гранок, кончая словами: «и спасся», очень близка к тексту третьего варианта. Вторая же полови-

на имеет с ним ряд существенных различий, так что в целом текст гранок можно считать четвертым вариантом перевода. Текст первого автографа публикуется в вариантах под № 4.

«Слепой и глухой»

Сохранился список рассказа, написанный С. А. Толстой, с исправлениями и пометами Толстого, вошедший в состав наборной рукописи для типографии (рук. № 20).

«Черепаша и орел»

Почти дословный перевод басни Эзопа «Черепаша и Орел». Сохранились автограф перевода басни (рук. № 4) и корректурные гранки с этим переводом с поправками Толстого (рук. № 20).

«Подкидыш»

Сохранился автограф рассказа. Первоначально Толстой предполагал окончить рассказ иначе. После слов: «Она оставила его», он продолжил: «Ребеночек был мальчик. Его называли Ваней. Когда Ваня вырос, мать сдела-

лась старая, и Иван кор[мил ее]». Но, не окончив фразы, зачеркнул все это и написал новое окончание. Помимо автографа, имеются гранки с пометами Толстого и Н. Н. Стрехова (рук. № 20).

«Голова и хвост змеи»

Перевод и местами переделка с французского индийской басни «La tête et la queue du serpent» («Голова и хвост змеи». Ср. «Les avadânas, contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 152–154). Сохранились автограф басни (рук. № 4) и гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Камень»

Сокращенный перевод первого из четырех рассказов И. Гебеля, напечатанных под общим оглавлением «Denkwürdigkeiten aus dem Morgenlande» («Достопримечательности Востока». Ср. «Johann Peter Hebel's Werke», V. II, Karlsruhe 1853, стр. 7–8). Это издание сочинений Гебеля имеется в яснополянской библиотеке. Текст рассказа в книге очерчен с полей карандашом, и нижний угол листа, на кото-

ром он помещен, загнут. Сохранились автограф перевода без заглавия (рук. № 4) и гранки с пометами Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 20).

«Эскимосы»

Переработка отрывка из книги С. А. Максимова «Год на севере», помещенного в «Детском мире» К. Д. Ушинского, изд. 14-е, ч. 2-я, СПб. 1872, стр. 220–223. Сохранился список этого описания, написанный рукой И. Ананского, с поправками Толстого (рук. № 20). С этого списка описание и набиралось в типографии.

«Хорек»

Вольный и сокращенный перевод басни Эзопа «Хорек». Сохранились автограф перевода (рук. № 4) и гранки с поправками Толстого (рук. № 20).

«Как тетушка рассказывала о том, как она выучилась шить»

Сохранилась рукопись рассказа, написанная С. А. Толстой. Автором рассказа была С. А. Толстая. Толстой переработал рукопись

от начала до конца, дав в результате новый вариант рассказа (рук. № 4). Помимо этого сохранились корректурные гранки, текст которых имеет ряд существенных различий с текстом переработанной рукописи.

Толстой не включил этого рассказа в собрание своих сочинений, изданных в 1873 г., очевидно, потому, что не считал его своим произведением.

«Тонкие нитки»

Текст набирался по гранкам (рук. № 20). В собрании сочинений Толстого изд. 1873 г. сказка помещена в разделе: «Басни, переделанные с индийского, и подражания». Сохранился автограф сказки (рук. № 4), отличающийся от гранок и печатного текста.

«От скорости сила»

Сохранились автограф и копия с него рукой С. А. Толстой с поправками и одной вставкой Толстого (рук. №№ 4 и 20). С этого переработанного списка рассказ и набирался.

Первая редакция рассказа печатается в разделе вариантов под № 10.

«Лев и мышь»

Вольный и местами сокращенный перевод басни Эзопа «Лев и Мышь». Сохранились автограф (рук. № 4) и гранки (рук. № 20).

«Пожарные собаки»

Материалом для этого рассказа послужил рассказ о собаке Боб, извлеченный из английского журнала «The Children's Friends» и напечатанный в журнале «Звездочка» под заглавием «Собака, каких мало» (1862, № 1, стр. 73–77). Сохранился автограф рассказа без заглавия и копия с него рукой С. А. Толстой с исправлениями автора. С этого переработанного списка рассказ набирался в типографии Риса (рук. № 4). Помимо этого сохранились гранки с первой третью рассказа. Толстой перечеркнул начало копии, соответствующее тексту сохранившихся гранок, и присоединил гранки к остальной части копии. Н. Н. Стравов еще раз перечеркнул начало списка двумя чертами крест-накрест и обвел его карандашом. Незачеркнутую часть списка он переписал карандашом на отдельном листе и при-

соединил этот лист к гранкам. При переписке он внес в текст Толстого исправления: «за рубашку» вместо «за рубашонку», как было у Толстого. С гранок и списка Н. Н. Страхова рассказ вторично набирался в типографии Замысловского (рук. № 20).

«Обезьяна»

Вольный и сжатый перевод с французского индийской басни «Le singe et le menuisier» («Обезьяна и столяр») из сборника «Contes et fables indiennes de Vidpai», представляющего собой турецкую обработку индусского сборника басен Бидпая (см. «Les mille et un jours. Contes persans», Paris 1839, стр. 414–415). В указанной книге, имеющейся в яснополянской библиотеке, нижний угол первого листа с этой басней загнут. Сохранились корректурные гранки с этим переводом с пометами Толстого (рук. № 20).

«Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город»

В основу положен рассказ, напечатанный под заглавием «Как меня не взяли в Тулу» в

приложении к журналу «Ясная Поляна» («Ясная Поляна» 1862, кн. II, стр. 76–78), в отделе «Детские сочинения», без подписи. Толстой переделал этот рассказ композиционно, стилистически и отчасти в смысловом отношении. В рассказе ученика сначала описывается сон мальчика, а затем поездка отца в город. В переделке Толстого сон занял середину рассказа. Сохранился автограф этой переделки (рук. № 20). С этого автографа рассказ набирался в типографии Замысловского.

«Лгун»

Вольный перевод басни Эзопа «Мальчик Лгун». Сохранился автограф перевода (рук. № 4) и гранки (рук. № 20).

«Как в городе Париже починили дом»

Материалом для этого рассказа послужила статья П. Перевлесского «Действие теплоты на тела», в которой рассказывается, как инженер Моляр починил здание Conservatoire des arts et métiers в Париже (см. «Практическая русская грамматика», ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 254–258). Сохранились автограф этого рас-

сказа и копия с него, сделанная неизвестной рукой, с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 20). С этого переработанного списка рассказ и набирался.

«Осел и лошадь»

Вольный перевод басни Эзопа «Лошадь и Осел». Сохранились автограф перевода (рук. № 4) и гранки с поправками Толстого и Страхова (рук. № 20). Первоначально перевод был близок к подлиннику; в результате неоднократной переработки получился новый вариант, значительно расходящийся с текстом подлинника. Текст первого автографа публикуется в вариантах под № 5.

«Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза»

В основу рассказа положен напечатанный в приложении к журналу «Ясная Поляна» («Ясная Поляна. Книжка для взрослых» 1862, март, стр. 79–80) рассказ ученика Яснополянской школы под заглавием «Сочинение Василия Румянцева». Сохранился список этого рассказа, написанный рукой С. А. Толстой (рук.

№ 4).

Возможно, что С. А. Толстая переработала этот рассказ по поручению Толстого. Толстой внес в этот список две незначительные стилистические поправки и в двух местах слегка сократил его, а затем перечеркнул текст сверху вниз и на другом листе сам переработал рассказ, внося в него ряд стилистических изменений и несколько расширив его содержание. Конец рассказа, начиная со слов: «Когда я очнулся», остался почти неизменным как в списке, так и в новой переработке Толстого. С этого автографа рассказ и набирался в типографии (рук. № 20).

«Галка и голуби»

Вольный перевод басни Эзопа «Соя и Голуби». Сохранились только гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Мужик и огурцы»

Сохранился список рассказа, написанный С. А. Толстой, с небольшими исправлениями Толстого (рук. № 20).

«Баба и курица»

Вольный перевод басни Эзопа «Вдова и Курица». Сохранились только гранки с поправками Толстого (рук. № 20).

«Старый дед и внучек»

Вольный и сжатый перевод популярной сказки братьев Гриммов, под тем же заглавием. Возможно, что Толстой взял сказку не в подлиннике, а в переводе из какой-нибудь хрестоматии. Никаких рукописных следов этой сказки не сохранилось.

«Дележ наследства»

Переделка индийской басни, взятой в переводе на французский язык: «Le kchattriva et ses deux héritiers» («Знатный отец и его два наследника». Ср. «Les avadânas, contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 81–82).

Сохранились автограф перевода (рук. № 4) и гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Куда девается вода из моря?»

Возможно, что материалом для этого описания послужила статья «Путешествие воды»

из «Детского мира» К. Д. Ушинского. Сохранились автограф (в верхнем левом углу его имеется помета: «О. Н. Т.», которая означает: «описание научное точное») и копия с него, написанная неизвестной рукой, с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 20).

«Лев, медведь и лисица»

Изложение в сжатом виде содержания басни Эзопа «Лев и Медведь». Лошака, из-за которого в басне дрались лев и медведь и которого не могла унести лиса, Толстой заменил мясом. Сохранился список этой басни, написанный С. А. Толстой с большими исправлениями Толстого (рук. № 4) и гранки с авторской правкой (рук. № 20).

«Как мальчик рассказывал о том, как он дедушке нашел пчелиных маток»

Сохранились две черновых редакции рассказа. Первая озаглавлена: «Как я дедушке нашел пчелиных маток» и вторая: «Рассказ. Как я услышал пчелиных маток». Оба заглавия поставлены после написания рассказа. Список, с которого набирался рассказ в типографии Ри-

са, не сохранился. Имеются корректурные гранки с этим рассказом (рук. № 4), текст их, по сравнению с черновыми вариантами, представляет собой третью редакцию рассказа. С этих гранок рассказ вторично набирался в типографии Замысловского.

Первая и вторая редакции печатаются в отделе вариантов под № 7.

«Собака, петух и лисица»

Вольный перевод басни Эзопа «Собака и Петух». Сохранились автограф перевода (рук. № 4) и гранки с поправками Толстого (рук. № 20).

«Море»

Материалом для рассказа послужила помещенная в «Детском мире» К. Д. Ушинского статья под таким же заглавием. Сохранился автограф (рук. № 4). Текст автографа перечеркнут сверху вниз, а затем восстановлен. С левой стороны от заглавия помечено: «п. о. т.», что означает: «поэтическое описание точное». С автографа была сделана копия неизвестной рукой с ошибками. Эта копия с ис-

правлениями Толстого и пометами Н. Н. Стрехова вошла в состав наборной рукописи для типографии Замысловского (№ 20). Возникал вопрос об исключении «Моря» из материалов «Азбуки». 6–7 августа 1872 г. Толстой писал Н. Н. Стрехову: «Море выпустите».[336] Но всё же оно вошло в «Азбуку». Просматривая печатный экземпляр «Азбуки» и исправляя его для нового издания, Толстой также вычеркнул этот рассказ. Между тем он вошел и в состав «Новой азбуки» (см. описание рук. № 1, стр. 602).

«Лошадь и конюх»

Близкий к подлиннику перевод басни Эзопа «Лошадь и Конюх». Сохранились только гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Пожар»

В 1860–1870 гг. в ряде школьных хрестоматий помещался рассказ «Неустрашимый мальчик», источником которого послужил действительный случай. В городе Шавлях, Ковенской губ., 9-летний мальчик Казимир Гловский вытащил из пожара девочку и двоих

мальчиков. Случай этот, под тем же заглавием, кратко описан в «Сельском чтении» В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого (4-я книга, изд. 2-е, СПб. 1852) и в книге И. Паульсона: «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке», М. 1870, стр. 73. Толстой использовал этот сюжет и написал совершенно самостоятельный рассказ. Сохранились автограф рассказа (рук. № 4) и гранки с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 20). Конец рассказа в автографе отличается от печатного текста и читается так:

Тогда Ваня закричал Маше: тащи его за голову. Маша тащила его за голову, а Ваня толкал сзади, и они вытащили его из окна. Когда большие пришли домой, они увидели, что дом их сгорел. Но они рады были, что дети были живы.

«Лягушка и лев»

Вольный перевод басни Эзопа «Лев и Лягушка». Сохранился в двух автографах (рук. № 4) и корректурных гранках (рук. № 20). Первый автограф, являющийся первым вариантом перевода, Толстой переработал, дав в ре-

зультате новый, второй, вариант перевода, и перечеркнул переработанный текст сверху вниз. На том же листе, вслед за первым автографом, помещен второй, представляющий собою третий вариант перевода. Этот вариант Толстой исправил и озаглавил: «Лев и лягушка». В результате получился четвертый вариант перевода. Корректирующие гранки с правкой Толстого заключают в себе пятый вариант перевода.

Первые два варианта печатаются под № 6.

«Слон»

Переработка двух эпизодов из рассказа «Слон», взятого из книги «Рассказы для детей о жизни животных из Бренделя и Брема» (перевод с немецкого, изд. 2-е, СПб. 1873, стр. 283–308). Сохранился список рассказа, без начала, написанный рукой В. В. Нагорновой. Сохранившаяся часть начинается словами: «на хоботе поднять самую мелкую деньгу на земле». За этими словами следуют два отдельные эпизода рассказа. Приведенные слова и первый эпизод — без поправок Толстого и перечеркнуты чернилами. Второй эпизод Толстой

переработал стилистически и выделил в самостоятельный рассказ, который был вторично переписан на отдельном листе неизвестной рукой. Толстой внес в этот список свои исправления (рук. № 20). С этого списка рассказ и набирался.

«Обезьяна и горох»

Переделка индийской басни, взятой в переводе на французский язык: «Le singe et sa roignée de pois» («Обезьяна и горсть гороха»). Ср. «Les avadânas, contes et apologues indiens», t. II, Paris 1859, стр. 6–7). Сохранились автограф басни (рук. № 4) и гранки (рук. № 20).

«Как мальчик рассказывал о том, как он перестал бояться слепых нищих»

Сохранились автограф рассказа (рук. № 4) и гранки с пометами Толстого (рук. № 20). Список, с которого производился набор рассказа в типографии Риса, не сохранился. Текст в гранках по сравнению с текстом автографа представляет вторую редакцию рассказа. Первая редакция печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 8.

«Дойная корова»

Переработка индийской басни, взятой в переводе на французский язык: «Le brahmane et sa vache laitière» («Брамин и его дойная корова»). Ср. «Les avadânas, contes et apologues indiens», t. II, Paris 1859, стр. 79–80). Сохранились автограф басни без заглавия (рук. № 4) и гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Китайская царица Силинчи»

Сохранился автограф рассказов: «Китайская царица Силинчи» и «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей», составлявших первоначально один рассказ. Первая половина автографа, выделенная потом в особый рассказ, была переработана Толстым и затем переписана (с ошибками), как самостоятельный рассказ, неизвестной рукой. Толстой исправил список и озаглавил его. На полях списка он пометил: «Чижев. Кн. о шелк.» и на полях списка следующей легенды (см. стр. 631): «Тоже», то есть книга Ф. Чижева: «Письма о шелководстве», из которой Толстой взял легенду о золотоволосой царев-

не (см. кн. II) и материал для статьи: «Шелковичный червь» (см. кн. IV); но в ней нет легенд о царевне Силинчи и о том, как бухарцы научились разводить шелковичных червей. Первая легенда могла быть взята из книги П. Перевлесского «Предметные уроки по Песталоцци» (СПб. 1862, стр. 226–227). Из какого источника взята вторая легенда, не установлено.

Текст автографа публикуется в отделе вариантов «Азбуки» под № 9.

«Стрекоза и муравьи»

Близкий к подлиннику перевод басни Эзопа «Кузнечик и Муравьи». В басне Эзопа действие происходит зимой. Толстой перенес действие с зимы на осень. Сохранились только гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Мышь-девочка»

Перевод и местами переделка с французского индийской басни «La souris changée en fille» («Мышь, превращенная в девушку») из сборника «Contes et fables indiennes de Vidpai», представляющего собой турецкую версию ин-

дусского сборника басен Бидпая (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 494–495). В французском переводе девушка с радостью соглашается выйти замуж за крысу. Сохранилась рукопись этого перевода, написанная В. В. Нагорновой, с большими исправлениями Толстого и с заглавием, проставленным его рукой: «Индийская сказка» (рук. № 4), и гранки с авторской правкой (рук. № 20).

«Курица и золотые яйца»

Сжатое изложение басни Эзопа «Курица, несущая золотые яйца». Сохранились гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Липунюшка»

Народная сказка, взятая из сборника И. А. Худякова «Великорусские сказки» (вып. II, М. 1861, стр. 104–105), сокращенная и стилистически переработанная Толстым. Сохранились гранки с поправками Толстого (рук. № 20).

«Волк и старуха»

Вольный перевод басни Эзопа «Волк и Ста-

руха». Сохранился автограф перевода, сплошь покрытый исправлениями стилистического и синтаксического характера, из которых большинство сделано более свежими чернилами. Текст перевода до переработки был ближе к подлиннику. С левой стороны заглавия поставлена в овальных скобках цифра 22, а с правой — сделана помета: «о. ф. — звери 20», означающая: «описание фантастического — звери». Цифры 20 и 22 указывали порядок размещения материала в «Азбуке», не раз менявшийся Толстым. Кроме того, имеются гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Ученый сын»

Переработка украинского анекдотического рассказа «Прыйхав з кїевской бурсы сын зажиточного мужика Петра Дренчика», взятого из книги А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», изд. 2-е, вып. III, М. 1860, стр. 103–104. Имеются только гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Как научились бухарцы разводить шелковичных червей»

См. прим. к рассказу: «Китайская царевна Силянчи». — Вторая половина автографа была переписана (с ошибками) неизвестной рукой и поправлена Толстым (рук. № 20).

С этого переработанного списка рассказ и набирался.

«Мужик и лошадь»

Сохранились гранки с пометами Толстого (рук. № 20).

«Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник»

7 августа 1872 г. Толстой писал Н. Н. Страхову: «Вы меня поощрили Ермаком, и я постараюсь прислать к 3-й или 4-й части заброшенную было историческую статейку».[337] «Статьейкой» этой был рассказ под заглавием «Пугачев». Повидимому, вскоре начав писать вторую редакцию под заглавием «Что мне дедушкина мать рассказывала про Пугачева», Толстой не окончил ее, и этот рассказ не вошел тогда в «Азбуку». В конце 1874 г. или в начале 1875 г., подготавливая новое издание «Рус-

ских книг для чтения», Толстой написал для них третью редакцию рассказа о Пугачеве, которая и была опубликована в «Первой русской книге для чтения». Две черновых редакции публикуются в вариантах «Новой азбуки» под № 39.

«Визирь Абдул»

Сохранился автограф сказки с первоначальным заглавием «Министр Моле». Начинаясь сказка так: «Был у французского короля главный министр Моле. Поехал он раз к королю в карете через город». С этим героем Толстой довел сказку до половины, а затем, не переделывая пока написанного, заменил главного министра Моле правдивым визирем Абдулом и с этим новым героем довел сказку до конца. Потом уже другими чернилами переделал первую половину сказки, заменив в ней Моле Абдулом и французского короля персидским царем.

«Два купца»

Вольный перевод с французского индийской басни: «Les deux marchands» («Два куп-

ца»), из сборника: «Contes et fables indiennes de Bidpai» (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 466–467).

«Сан-готардская собака»

Переработка рассказа «Обитель на горе Сен-Бернарда» из журнала «Звездочка» (1863, № 8, стр. 134–137). В журнальной редакции рассказа мать не замерзла, а упала в пропасть. Никаких рукописных материалов по этому рассказу не сохранилось.

«Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит»

Автором рассказа была С. А. Толстая. Рассказ был написан в 1871–1872 гг., но не был включен в «Азбуку». Для «Новой азбуки» Толстой переработал рукопись С. А. Толстой, исключил начало и конец рассказа и озаглавил его. В рукописи рассказ начинался так: «Один раз зимой я ехала в санях на тройке в город. Дорога была длинная, скучно было ехать, и я стала спрашивать своего кучера, какой у него дом, какой отец, мать, есть ли братья и сестры. Кучеру всё не хотелось говорить со

мною, а как только я спросила, где брат, он вдруг скоро и часто заговорил: «Брат-то? Брат мой в Москве в солдатах». Заканчивался рассказ таким образом: «Вот, коли доживу у вас до зимы, соберу денежек, поеду к нему в Москву, свезу ему гостинцев деревенских и денег». Героев рассказа, Василия и Игната, носивших, очевидно, действительные имена яснополянских крестьян, Толстой переименовал в Николая и Петра.

«Как я в первый раз убил зайца»

В 1870 г. А. А. Фет, повидимому после какой-то беседы с Толстым, задумал написать рассказ о зайце в форме, доступной для понимания детей. Толстой был очень заинтересован попыткой Фета и по этому поводу писал ему 17 ноября 1870 г.: «Интересен мне очень заяц. Посмотрим, в состоянии ли будет всё понять, хоть не мой Сережа, а 11-летний мальчик».[338] Рассказ был написан и в начале семидесятых годов напечатан под заглавием: «Первый заяц. Посвящено маленькому приятелю графу С. Л Толстому» («Семейные вечера» 1871, № 8, стр. 1–9). Толстой в своем рас-

сказке сохранил содержание рассказа Фета, но сильно сжал его и переработал стилистически.

«Мальчик с пальчик»

Изложение содержания общеизвестной сказки, входящей в состав сборников Ш. Перро, Ф. Гофмана, Гриммов и др. По содержанию сказка Толстого более всего напоминает сказку Гофмана и Перро. Однако в сказке Гофмана мальчик с пальчик, сняв с людоеда сапоги, не взял у него из кармана золота. В сказке Перро мальчик с пальчик в сапогах людоеда отправился к его жене и обманул ее, сказав, что людоед попал в беду и нужно золото для его выкупа. Возможно, что эпизод с золотом Толстой заимствовал из другой сказки Гофмана, под заглавием «Счастливая беда» («Волшебные сказки для детей, собранные Ю. Гофманом по сочинениям Ф. Гофмана, Гриммов и др.», СПб. 1871, стр. 24–27).

«Дурень»

Эта сказка взята из сборника Кирши Данилова, но в измененном виде. Толстой в окон-

чательной обработке сократил текст подлинника на 43 стиха, 142 стиха переработал в стилистическом и отчасти смысловом отношении, 9 стихов добавил своих и лишь 91 стих оставил без изменения (см. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные», М. 1818, стр. 390–412). Сохранился список переработанной сказки, написанный рукой С. А. Толстой с поправками Толстого. Двенадцать мелких стилистических и ряд грамматических поправок сделаны рукой Н. Н. Страхова. Им же зачеркнут один стих. В первых восьми стихах Толстой поставил ударения, а затем пометил: «и т. д. ударения» (рук. № 20). С этого переработанного списка сказка и набиралась. Печатный текст, по сравнению с текстом списка, сокращен на три стиха.

«Святогор-богатырь»

Сохранились четыре варианта былины (см. описание рук. №№ 6 и 20). Первый вариант представляет переработку бывальщины о Святогоре из собрания П. Н. Рыбникова («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I, М.

1861, стр. 32–33). Толстой несколько сократил подлинник, переработал его стилистически и придал ему стихотворную форму. Все стихи переделки имеют по восьми слогов. Второй вариант представляет переработку той же бывальщины о Святогоре, но с добавлением речи сумочки, которой нет в подлиннике. Каждый стих в этом варианте имеет 10 слогов. Третий вариант является сводкой и существенной переработкой той же бывальщины о Святогоре и первой половины бывальщины о Святогоре и Микуле Селяниновиче из собрания П. Н. Рыбникова (стр. 39–40). Размер варианта новый — в каждом стихе по тринадцати слогов. Четвертый вариант в корректурных гранках. Вариант этот довольно близок к третьему варианту и написан он тем же размером. В основу его легли те же две бывальщины о Святогоре и встрече Святогора с Микулой. В тексте гранок Толстой проставил ударения в первых четырех стихах, добавив затем: «и т. д. удар.»

Первые три варианта былины печатаются в отделе вариантов «Азбуки» под № 11.

«ВТОРАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ

ЧТЕНИЯ»

«Девочка и грибы»

Сохранились автограф этого рассказа и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21). В автографе рядом с заглавием Толстой пометил: «О. ч.», что означает: «описание — человек».

«Осел в львиной шкуре»

Вольный перевод басни Эзопа («Осел и львиная кожа»). Сохранилась только верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 21).

«Какая бывает роса на траве».

Сохранились автограф статьи и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). Автограф написан в два приема. Первоначально он был более краток и заканчивался так: «Когда я был маленький, я срывал эти травки потихоньку, чтобы не разлить росу, и выпивал эту воду. И эта роса очень вкусна». Затем, исправляя, Толстой трижды перечеркнул сверху вниз приведенное окончание и продолжил статью. В конце перера-

ботанной и расширенной статьи он повторил зачеркнутое окончание, но в несколько переработанном виде.

«Курица и ласточка»

Вольный перевод басни Эзопа «Курица и Ласточка». Сохранились автограф и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21). В первой половине 1875 г. Толстой написал новый вариант перевода этой басни и включил его в четвертую редакцию своего синтаксиса в качестве материала для грамматического разбора (см. стр. 538).

«Индеец и англичанин»

Возможно, что этот рассказ является переработкой эпизода из рассказа «Сострадательные индейцы» («Семейные вечера» 1865, май, стр. 217), в котором рассказывается, как индеец заплатил добром за зло американцу. Сохранился список рассказа, написанный С. А. Толстой (рук. № 4). Список озаглавлен: «Об индейце». Толстой переделал заглавие на «Индеец и англичанин» и переработал список от начала до конца. При этом он закончил

рассказ так:

Офицер ушел к своим и больше уже никогда не воевал с индейцами.

Но затем зачеркнул это окончание.

Кроме того, имеется верстка (рук. № 21).
Текст верстки пространнее текста списка.

«Олень и ланчук»

Вольный перевод басни Эзопа «Молодой Олень». Сохранились автограф и верстка (рук. №№ 4 и 21).

«Жилетка»

Сохранилась только верстка с поправками Толстого (рук. № 21).

«Лисица и виноград»

Вольный перевод басни Эзопа «Лисица и Виноград». Сохранились автограф перевода и верстка из типографии Риса без поправок Толстого.

В конце 1874 или в первой половине 1875 г. Толстой написал новый вариант перевода этой басни, поместив его в третью редакцию своей этимологии в качестве материала для

грамматического разбора (см. стр. 423).

«Удача»

Переработка индийской басни во французском переводе: «Le marchand et son bâton» («Купец и его палка») из сборника «Les avadânas, contes et apologues, indiens», t. I, Paris 1859, стр. 127–130). Сохранились автограф с заглавием: «Счастье» и верстка с небольшими исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 21). Текст верстки существенно отличается от текста автографа и представляет собой вторую редакцию перевода. Первая редакция басни печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 26.

«Работницы и петух»

Вольный перевод басни Эзопа «Вдова и Служанки». Сохранились автограф перевода и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). В конце 1874 или в первой половине 1875 г. Толстой на полях второго списка этимологии написал третий вариант перевода этой басни. Вариант этот не закончен (см. «Грамматика для сельских школ»,

рук. № 5).

Первая редакция басни печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 15.

«Самокрутка»

Сохранилась только верстка с рядом корректурных поправок Толстого.

«Рыбак и рыбка»

Вольный перевод басни Эзопа «Рыбак и Спар». Сохранились автограф (по сравнению с печатным текстом, он более близок к подлиннику) и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21). Текст верстки по сравнению с текстом автографа представляет собой вторую редакцию перевода.

Первая редакция перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 16.

«Осязание и зрение»

Сохранилась рукопись статьи, написанная рукой С. А. Толстой, с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 21).

«Лисица и козел»

Переработка в самостоятельную басню басни Эзопа «Лисица и Козел». Сохранились два автографа и верстка этой басни с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). Первый автограф первоначально был написан почти без поправок и не имел заглавия, а затем Толстой стал исправлять его. На полях он написал заглавие. В результате переделки получилась вторая редакция басни. Очевидно, не удовлетворившись ею Толстой на другом листе написал заново третью редакцию басни. Текст верстки, по сравнению с текстом первых трех вариантов, представляет четвертый вариант басни. С этой верстки басня набиралась вторично. Печатный текст тождествен с текстом верстки.

Первые три редакции печатаются в отделе вариантов «Азбуки» под № 17.

«Как мужик убрал камень»

Переработка в рассказ одного из примеров, приведенных в статье В. И. Даля «Русская сметливость» (ср. «Два сорока бывальщинок для крестьян. Соч. Владимира Даля», II, СПб. 1862, стр. 59–60). Сохранились автограф рас-

сказа без заглавия и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21). Перед текстом автографа имеется помета Толстого: «с. ф. т.», которая означала: «сказки — фантастическое — точное».

«Собака и ее тень»

Вольный перевод басни Эзопа «Собака, несущая мясо». Сохранились автограф перевода и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21). В конце 1874 или в начале 1875 г. Толстой написал два новых варианта перевода этой басни (см. рук. № 11).

«Шат и Дон»

Народное предание, записанное Толстым. Об этом говорит сам Толстой в письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. Сохранился автограф без заглавия и верстка с небольшой авторской правкой (рук. №№ 4 и 21).

«Журавли и аист»

Вольный и сокращенный перевод басни Эзопа «Земледелец и Аист». Сохранились ав-

тограф перевода и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21).

Текст автографа перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 18.

«Судома»

Старинное русское предание, записанное и напечатанное И. Куприяновым в «Москвитяине» (1851, № 17), а затем перепечатанное П. Перевлесским в его книге «Практическая русская грамматика» под заглавием «Предание о горе Судоме» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 52–53). Толстой взял это предание из книги Перевлесского, несколько сократив его и переработав стилистически от начала до конца. Сохранились автограф и верстка с небольшими исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 21).

«Садовник и сыновья»

Близкий к подлиннику перевод басни Эзопа «Крестьянин и дети его». Сохранились автограф и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21).

«Сова и заяц»

В письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. (см. стр. 575) Толстой включил эту басню в число произведений, принадлежащих ему. Сохранилась лишь корректура верстки.

«Волк и журавль»

Вольный перевод басни Эзопа «Волк и Журавль». Сохранилась только верстка с поправками Толстого (рук. № 21).

«Орел»

Источник этого рассказа неизвестен. Сохранились две рукописи, написанные рукой В. В. Нагорновой: одна неполная, из которой сохранился лист с последними шестью строками, без авторской правки; другая полная, с большими исправлениями Толстого. Кроме того, имеется верстка. Текст верстки значительно разнится от текста рукописи (рук. №№ 4 и 21).

«Утка и месяц»

Вольный и сжатый перевод с французского индийской басни «Le Canard et la Lune»

(«Утка и Луна») из сборника «Contes et fables indiennes de Bidpai» (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 445). Сохранился список перевода, написанный рукой В. В. Нагорновой, с поправками Толстого и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Стрхова (рук. №№ 4 и 21).

«Медведь на повозке»

Источником для этого рассказа мог послужить «Генерал Топтыгин» Н. А. Некрасова; не исключена также возможность, что в основу рассказа положен действительный случай, происшедший в 1870 г. и описанный в «Биржевых ведомостях» в заметке «Забавный случай с медведем» (1870, № 85 от 24 февраля). Сохранилась только верстка с поправками Толстого и Н. Н. Стрхова (рук. № 21).

«Волк в пыли»

Источник басни не установлен. В собрании сочинений, изданном в 1873 г., Толстой включил эту басню в отдел: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранились автограф и верстка без поправок Толстого

(рук. №№ 3 и 21).

Текст автографа басни печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 19.

«Лозина»

Сохранилась только верстка с немногими поправками Толстого и Н. Н. Стрехова (рук. № 21).

«Мышь под амбаром»

Переработка индийской басни, взятой в французском переводе: «La Sauris prodigue» («Расточительная мышь») из сборника «Contes et fables indiennes de Vidpai» (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 411–413). В указанной книге, имеющейся в яснополянской библиотеке, нижние углы листов с этой басней загнуты. Сохранилась верстка с этой басней с поправками Толстого и Н. Н. Стрехова (рук. № 21).

«Как волки учат своих детей»

Сохранились автограф рассказа и верстка с небольшими исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 21). Автограф несколько раз перераба-

ывался. Конец (в печатном тексте 5–7 абзацы) первоначально читался:

Мы все остановились. Я спросил у мальчика, как это случилось? Он сказал мне, что из оврага выскочил большой волк, схватил ягненка, зарезал его и тотчас же отдал его нести молодому волку. Волки, как и люди, своих детей учат. Старый волк для науки отдал ягненка нести своему детищу. А как увидал, что его догоняют, сейчас сам подхватил и понес.

Я очень рад был, что видел всё это. А мальчик пастух плакал. Он боялся, что его накажут за то, что волк унес у него ягненка.

«Зайцы и лягушка»

Вольный перевод басни Эзопа «Зайцы и Лягушки». Сохранились автограф и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21).

Текст автографа перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 20.

«Как тетушка рассказывала о том, как у нее был ручной воробей — Живчик»

Сохранилась верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21).

Во «Второй русской книге для чтения» «Азбуки» 1872 г. этот рассказ напечатан под заглавием «Воробьи» (стр. 225–227).

«Три калача и одна баранка»

Переработка индийской басни, взятой во французском переводе: «L'homme et la moitié de gâteau» («Человек и половина пирожного»). Во французском переводе человек съел шесть с половиной пирожных, но почувствовал себя сытым только после того, как съел последнюю половину пирожного (см. «Les avadânas, contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 227–228). Семь пирожных Толстой заменил тремя калачами и одной баранкой. Сохранились автограф и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21).

«1000 золотых»

Источник рассказа неизвестен. Сохранились автограф рассказа и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21). Тексты автографа и верстки имеют много разночтений. В автографе рассказ первоначально начинался так:

У одного человека было много детей. А сам он был болен и не мог работать. Он молился, чтобы бог помог ему. Один раз он пошел в церковь. И когда кончилась обедня, он стал слушать то, что говорил священник.

«Петр I-й и мужик»

Популярная былина о Петре, которую Толстой взял из сборника П. Н. Рыбникова или из школьной книги П. Перевлесского («Практическая русская грамматика» П. Перевлесского, часть III, изд. 9-е, СПб. 1870, стр. 1–2), а не у Бессонова, как ошибочно указано в оглавлении «Азбуки». Толстой выбросил из былины несколько фраз и слегка переработал ее стилистически. Сохранилась только верстка (рук. № 21).

«Бешеная собака»

Переработка одного эпизода из рассказа английской писательницы Греем Гринвуд «Гектор, борзая собака», перевод которого был напечатан в журнале «Звездочка» (1863, № 9, стр. 231). Сохранилась рукопись рассказа, написанная рукой В. В. Нагорновой. Толстой су-

цественно переработал рукопись от начала до конца. Первоначально собака называлась «Милой». При переработке рукописи Толстой назвал ее «Дружок» (рук. № 4). Кроме того, сохранилась верстка с этим рассказом с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 21).

«Две лошади»

В письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. Толстой включил эту басню в число произведений, принадлежащих ему. Но сюжет басни, несомненно, был заимствован у Эзопа (ср. басни «Телка и Бык» и «Козы и Осел»). Сохранилась только верстка с правкой Н. Н. Страхова (рук. № 21).

«Лев и собачка»

Близкий к подлиннику перевод рассказа «Le lion et l'éragneul» («Лев и собачка») из книги «La morale en action ou choix de faits mémorables», Paris 1845, стр. 73–74. Книга эта имеется в яснополянской библиотеке. Сохранился автограф перевода без заглавия и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21).

«Ровное наследство»

В письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. Толстой включил этот рассказ в число произведений, принадлежащих ему (см. Историю писания и печатания, стр. 575). Сохранились автограф рассказа, без заглавия, и верстка с небольшой авторской правкой (рук. №№ 4 и 21). Печатный текст имеет одно разночтение с текстом верстки. В верстке после слов странника следует фраза: «Мать так и сделала». В печатном тексте эта фраза опущена.

«Три вора»

Перевод и местами переделка французского перевода рассказа «Les trois filous», извлеченного из книги «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 659–660). Книга эта имеется в яснополянской библиотеке. Нижний угол листа с этим рассказом в ней загнут. В оглавлении «Азбуки» Толстой ошибочно приписал этот рассказ И. Гебелю. У последнего имеется рассказ под тем же заглавием, но он имеет мало общего с рассказом, помещен-

ным в «Азбуке». Сохранились автограф рассказа, без заглавия, и верстка с небольшими авторскими исправлениями (рук. №№ 4 и 21).

«Отец и сыновья»

Вольный перевод басни Эзопа «Земледелец и дети его». Сохранились автограф перевода с заглавием «Мужик и сыновья» и верстка без поправок Толстого (рук. №№ 4 и 21).

Текст автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 21.

«Отчего бывает ветер»

Материалом для этой статьи послужили три статьи, помещенные в книге П. Перевлеского: «Что такое ветер?», «Причины ветра» и «Общее направление ветра» («Практическая русская грамматика», ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 258–260). Сохранились только гранки с большими исправлениями Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 21).

«Для чего ветер?»

Для второй половины этой статьи Толстой использовал статью Тихеева, помещенную в

книге П. Перевлесского («Практическая русская грамматика», ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 161–262). Сохранились только корректурные гранки с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 21).

«Самые лучшие груши»

Переделка индийской басни, взятой во французском переводе: «Le maître de maison et l'acheteur de mangues» («Хозяин дома и покупатель манговых плодов». Ср. «Les avadânas, contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 146–147). Сохранился автограф басни под заглавием «Слуга и апельсины» и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21).

«Волга и Вазуза»

Народное сказание, записанное в Тверской губ. Оно вошло в собрание сказок А. Н. Афанасьева («Народные сказки», вып. IV, изд. 2-е, М. 1860, стр. 121) и отсюда перепечатывалось в ряде школьных хрестоматий. Толстой переработал это сказание в стилистическом и слегка в смысловом отношении и сделал к нему до-

бавление, начиная с абзаца: «Река Волга начинается...» Сохранились автограф переработки и верстка с небольшими исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 21).

«Теленок на льду»

В письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. Толстой включил эту басню в число произведений, принадлежащих ему (см. Историю писания и печатания, стр. 575.). Сохранились два автографа и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). Текст второго автографа почти совладевает с текстом верстки.

Текст первого автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 22.

«Золотоволосая царевна»

Переработка японской легенды, приведенной Ф. Чижовым в его «Письмах о шелководстве» (СПб. 1853, стр. 142–144). Сохранились автограф переработки и верстка с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 21). Начало автографа состоит из двух вариантов. Первый вариант не закончен и зачеркнут. Текст верстки,

по сравнению с текстом автографа, представляет новую редакцию переработки легенды. Прозаическое начало автографа в этой редакции опущено, и он прямо начинается с изложения легенды. Перед несколько измененным окончанием автографа, как бы для выяснения смысла легенды, сделана здесь большая вставка, которой нет в легенде, приведенной в книге Чиждова.

Первая редакция легенды печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 27.

«Сокол и петух»

Вольный и сильно сжатый перевод и местами переделка индийской басни во французском переводе: «Le faucon et le coq» («Сокол и петух») из сборника «Contes et fables indiennes de Bidpai» (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 446–447). В книге этой, имеющейся в яснополянской библиотеке, нижний и верхний углы листа с этой басней загнуты. Сохранился автограф и верстка с поправкой Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). Текст верстки имеет существенные различия с текстом автографа.

«Тепло. I»

Первоначально Толстой написал статью под заглавием: «Действие на тела тепла и холода». Автограф статьи имеет две большие вставки: одну на полях и другую на отдельном листке писчей бумаги. Потом Толстой разбил эту статью на три отдельные статьи, озаглавив их: «Действие на тела тепла и холода», «Действие сырости на тела» и «Сопоставление частиц». К третьей статье сделал было добавление на другом листе, но потом зачеркнул его. Вторая статья, под заглавием: «Сырость. II», вошла в кн. III «Азбуки». В той же книге помещена и третья статья, под заглавием: «Разная связь частиц». Первая статья составила из начала общей статьи и указанной выше вставки на листе писчей бумаги (рук. № 4). Помимо автографов, сохранилась верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 21). Статья в верстке оканчивается фразой: «Отчего тонкий стакан не лопается?» Этой фразы нет в автографе. В сентябре 1872 г., когда статья была уже отпечатана, Толстой писал Н. Н. Страхову по поводу этой

фразы: «Ошибка в статье «Тепло» — прибавлено (не мною): «Отчего тонкий стакан не лопается». Вопрос остается без ответа» (т. 61, стр. 322). При просмотре печатного экземпляра «Азбуки» для нового издания Толстой вычеркнул эту фразу (см. рук. № 1 «Новой азбуки»). Страхов в свою очередь сделал в верстке одну поправку и после слов: «уперлись бы друг в друга и поднялись», выкинул из нее кусок текста, который читается:

Отчего, когда хотят бриться, то макают бритву в горячую воду?

Оттого, что от жара всё железо бритвы растягивается; растягивается и лезвие и делается тоньше, оттого и острее.

В печатный текст статьи вместо выкинутого из верстки куска текста Н. Н. Страхов вставил первые два абзаца из статьи «Растяжимость тел от тепла» (см. стр. 379).

«Тепло. II» и «Тепло. III»

Первоначально Толстой написал статью под заглавием «Теплород» и на другом листе добавление к ней. В конце добавления, на полях, намечены темы такого рода:

Разница: лед, пар и вода. Передача тепла. Как топят паром. — Как тепло в теплом и как в жидком и паре. Кольцо и рука. Башмак и сапог обматывают тряпкой. Лоз[ина].

Добавление и эти темы Толстой потом перечеркнул. Рукопись статьи и добавление к ней, в значительно переработанном виде, послужили материалом для двух статей: «Тепло. II» и «Тепло. III». Автографы их не сохранились. Имеется отрывок списка с последним абзацем статьи «Тепло. II» и список статьи «Тепло. III». Кроме того, сохранилась верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21).

«Шакалы и слон»

Перевод индийской басни, вошедшей в сборник басен и сказок Вишну-Сармы (ср. «Басни и сказки индийские, сочиненные Вишну-Сармою», СПб. 1803, стр. 165–169). Сохранились автограф перевода и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). Текст верстки по сравнению с текстом автографа представляет собой вторую редакцию перевода.

Первая редакция перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 23.

«Магнит»

Сохранилась рукопись статьи, написанная рукой С. А. Толстой (рук. № 21). Толстой, исправляя для «Азбуки», разбил текст на три статьи, озаглавив каждую статью. Особенно большим исправлениям подверглась вторая статья. В 1874 г. для отдельного издания «Русских книг для чтения» все три статьи вновь были объединены под одним заглавием «Магнит (Описание)».

«Цапля, рыбы и рак»

Вольный перевод и местами переделка индийской басни во французском переводе: «Le héron, l'écrevisse et les poissons» («Цапля, рак и рыбы») из сборника «Contes et fables indiennes de Bidpai» (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 432–433). Сохранились автограф начала перевода и автограф полного перевода и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). Текст верстки по сравнению с текстом полно-

го автографа представляет собой вторую редакцию перевода басни.

Текст второго автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 24.

«Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом»

Сохранилась верстка к «Азбуке» 1872 г. с поправками Толстого и Н. Н. Стрехова (рук. № 21), где рассказ имел заглавие «Старая лошадь».

«Еж и заяц»

Вольный перевод сказки братьев Гримм под тем же заглавием. Первоначально перевод был сделан С. А. Толстой. Сохранился список, написанный ее рукой. Перевод довольно близок к подлиннику. Толстой перечеркнул, по отдельным частям, более половины перевода и между строками и на полях написал новый вариант перевода, более сжатый и далекий от подлинника, но потом перечеркнул трижды сверху вниз уже переработанные последние шесть строк перевода и оставил сказку незаконченной (рук. № 4). Очевидно, не

удовлетворившись этой переделкой, Толстой записал третий вариант перевода. Автограф этого варианта не сохранился, но имеется верстка с немногими поправками Толстого и Н. Н. Страхова.

Текст списка С. А. Толстой с исправлениями Толстого печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 25.

«Два брата»

Переработка восточной сказки во французском переводе: «Les deux voyageurs» («Два путешественника») из сборника «Contes et fables indiennes de Vidpai», представляющего собой турецкую обработку индусского сборника басен Бидпая («Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 416–418).

В оглавлении «Азбуки» Толстой указывает арабский источник сказки, основываясь, очевидно, на указании в подстрочном примечании к сказке, что последняя имеется в сборнике «Калила и Димна». Но он не обратил внимания на то, что тут имелась в виду «Калила и Димна» в персидской версии. В арабском сборнике «Калила и Димна» этой сказки

нет. Правильнее было бы указать персидский источник этой сказки.

Сохранились автограф и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Стрехова (рук. №№ 4 и 21). Текст автографа и верстка имеют много разночтений.

«Водяной и жемчужина»

Переделка индийской басни во французском переводе: «L'homme et la perle» («Человек и жемчужина» из сборника «Les avadânas contes et apologues indiens», t. II, Paris 1859, стр. 30–31). Сохранились автограф и верстка с поправками Толстого и Н. Н. Стрехова (рук. №№ 4 и 21).

«Уж»

Сохранилась только верстка с поправками Толстого и Н. Н. Стрехова (рук. № 21).

«Воробей и ласточки»

Переработка рассказа французского писателя Таррагона о ласточках, вставленного в статью «Ласточка», которая была помещена в «Библиотеке для воспитания», а оттуда пере-

печатывалась в разных школьных хрестоматиях. Толстой взял этот рассказ из книги П. Перевлесского «Практическая грамматика русского языка» (ч. I, СПб. 1864). Сохранилось начало этого рассказа в семь строк, написанное рукой В. В. Нагорновой. Текст перечеркнут сверху вниз (рук. № 4). Кроме того, сохранилась верстка с небольшими исправлениями Толстого (рук. № 21).

«Камбиз и Псаменит»

Вольный перевод главы XIV и начала главы XV третьей книги второй части «Истории» Геродота. Сохранились список перевода, написанный рукой С. А. Толстой и переработанный Толстым, и верстка с небольшими исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 21).

«Акула»

Источник рассказа неизвестен. Сохранились рукопись рассказа, написанная рукой В. В. Нагорновой и переработанная Толстым от начала до конца (окончание рассказа не сохранилось), и верстка с исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 21).

«Отчего потеют окна и бывает роса?»

Сохранилась рукопись статьи, написанная рукой С. А. Толстой, с небольшими исправлениями Толстого и Н. Н. Страхова (рук. № 21).

«Архиерей и разбойник»

Материалом для рассказа послужила книга вторая романа Виктора Гюго: «Les Misérables» («Отверженные»). Сохранились автограф и верстка с небольшими исправлениями Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 21). Текст верстки имеет много разночтений с текстом автографа. Особенно существенно тексты расходятся между собой в конце рассказа, который в автографе читается:

Я тебе оба подарил. И полицейским сказал: Он не украл, я подарил ему. Разбойник поглядел на архиерея, хотел сказать что-то, да ничего не выговорил, только заплакал. Полицейские пустили его. И с тех пор разбойник бросил дурные дела и стал добрым. Когда ему приходили дурные мысли, он вспоминал о подсвечнике и забывал дурное.

«Ермак»

Рассказ под этим заглавием напечатан в приложении к «Ясной Поляне» за 1862 г. (кн. 9-я). Рассказ без подписи. Состоит он из пяти глав. Сохранилась рукопись этого рассказа, написанная неизвестной рукой с поправками Толстого. В первой половине 1872 г. Толстой набросал краткий план рассказа об Ермаке. План такой: Ермак — начать с Строго[новых], уговаривает и посылает. Кольцо в Москве. К этому плану Толстой сделал добавление красным карандашом: Грабят [2 неразобр]. Л[етопись] С[трогонова] (рук. № 5). План остался неиспользованным. Толстой взялся за переделку печатного рассказа. Сохранился черновой автограф переделки Толстого первой главы рассказа (рук. № 4). План и содержание этой главы Толстой оставил без изменения, но переработал ее существенно в стилистическом отношении.

Отказавшись от переработки печатного рассказа, Толстой на полях автографа набросал новый план рассказа на ту же тему. План такой:

Старички. Пожалование земель Строгоно-

вым. Пришел к ним Аленин с семьей. Удалой Василий. Слухи. Пришел Ермак Тимофеевич. Свиданье с матерью. Побивают черемис. Строгоновы спроваживают в Сибирь. С левой стороны плана добавлено: Песни. Ермак мастер.

Из плана ясно, что в основу рассказа Толстой думал положить тот же материал, что и в печатном рассказе. Но фактически рассказ написан по иному плану и на новом материале. Сохранился список рассказа в этой новой редакции, написанный С. А. Толстой, с рядом сокращений, вставок и переделок текста, произведенных рукой Толстого. Этот список вошел в состав наборной рукописи для типографии.

Черновой автограф переделки рассказа журнала «Ясная Поляна» печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 28.

«Сухман»

Былина взята из собрания П. Н. Рыбникова («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I, М. 1861, стр. 26–32). Толстой сократил подлинник на двадцать пять стихов, добавил

несколько стихов своих и переработал текст его в стилистическом отношении от начала до конца. Размер стихов в переработке строго выдержан: каждый стих имеет десять слогов. В подлиннике эти стихи имеют разное количество слогов — от восьми до двенадцати. Сохранилась рукопись переработки былины, написанная рукой С. А. Толстой. Толстой сократил текст списка приблизительно на семьдесят стихов, около пятнадцати стихов добавил новых и около ста стихов переработал заново в стилистическом и смысловом отношении. Все стихи списка, имеющие размер в пять слогов, Толстой заскобил попарно с правой стороны, образовав, таким образом, из двух стихов один стих, размером в десять слогов. В результате этой переработки получилась новая, вторая, редакция былины (рук. № 6). Кроме того, имеются три корректурные гранки с исправлениями Толстого (рук. № 21). Из сопоставления текста гранок с текстом сохранившейся переработанной рукописи видно, что автор сократил второй вариант стихов на десять, внес в него пять новых стихов и около восьмидесяти стихов, местами слег-

ка, а местами существенно переделал в стилистическом отношении. С этих гранок были на вторично набиралась.

Первая редакция переработки былины печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 29.

«ТРЕТЬЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

«Царь и сокол»

Переработка первой половины и перевод остальной части с французского восточной сказки «Le sultan et le faucon» («Султан и сокол») из сборника «Contes et fables indiennes de Vidraï», представляющего собой турецкую версию индусского сборника басен Бидпая (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 505). В оглавлении «Азбуки» Толстой пометил эту сказку индийской. Сохранились автограф и копия (со многими ошибками) рукой С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 23). Копия имеет много поправок Толстого и несколько Н. Н. Страхова.

«Лисица»

Вольный перевод басни Эзопа «Лисицы».

Сохранились автограф перевода и список рукой С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет собой новую редакцию перевода. Очевидно, между ними был еще список, правленный Толстым.

Текст первой редакции басни печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 30.

«Строгое наказание»

Вольный перевод и местами переделка с французского восточной сказки под заглавием: «Anecdote Turque» («Турецкий анекдот») из сборника: «La morale en action ou choix de faite mémorables», Paris 1845, стр. 48–49. Названная книга имеется в яснополянской библиотеке. В оглавлении «Азбуки» ошибочно указан арабский источник сказки. Действие происходит в Персии. Сохранились автограф перевода, без заглавия, и список неизвестной рукой, с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 23). Текст списка и текст автографа имеют существенные разночтения.

Текст автографа печатается в отделе вариантов под № 40.

«Дикий и ручной осел»

Вольный перевод басни Эзопа «Дикий Осел». Сохранились автограф перевода и список неизвестной рукой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 23). Текст списка несколько расходится с текстом автографа. Очевидно, был предшествующий список с авторской переработкой.

«Заяц и гончая собака»

В письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. Толстой отметил этот рассказ в числе произведений, принадлежащих ему. Сохранились автограф рассказа, без заглавия, и копия с него неизвестной рукой с небольшими исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 23). В тексте автографа первоначально вместо зайца в рассказе фигурировала лисица и в разговоре принимал участие охотник. Толстой, просматривая автограф, изменил и структуру рассказа и действующих лиц. Переписчик, копируя рассказ, внес ряд мелких изменений в текст Толстого, вошедших потом и в печатный текст.

«Олень»

Вольный перевод басни Эзопа «Олень и Лев». Сохранились автограф перевода и список, написанный С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 23). Текст его, по сравнению с текстом автографа, представляет новый вариант перевода. Сохранившийся список подвергся значительной авторской переработке в стилистическом и синтаксическом отношении.

Текст автографа перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 31.

«Зайцы»

Сохранилась рукопись рассказа, написанная рукой С. А. Толстой, с заглавием «Зайцы и волки», с большими авторскими исправлениями. Конец рассказа целиком был зачеркнут:

Зимою волкам нечем было бы кормиться, если б не было зайцев. Они находят и ловят их по лесам. У волков такое же сильное чутье, как и у собаки. Они не бегут по следу, когда отыскивают зайцев, а всегда бегут вдвоем по сторонам от заячьей тропы шагов на 20-ть. И от этого часто нападают на самого зайца и ло-

вят его.

В печатном тексте «Азбуки» 1872 г. рассказ имеет заглавие, проставленное в рукописи С. А. Толстой. Однако после исключения последнего абзаца в рассказе нет упоминания о волках, и прежнее заглавие было оставлено по недосмотру.

«Собака и волк»

Вольный перевод басни Эзопа «Собака и Волк». Сохранились автограф и список перевода рукой С. А. Толстой. Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новый вариант перевода. Текст сохранившегося списка был автором слегка сокращен и несколько переработан.

Текст автографа перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 32.

«Царские братья»

Вольный и сжатый перевод рассказа И. Гебеля, под заглавием «Der kluge Sultan» («Умный султан». Ср. «Johann Peter Hebel's Werke», 22-er Band, Karlsruhe 1853, Seite 143–144). Сохранились автограф перевода и

копия неизвестной рукой, переработанная Толстым, с его пометой возле заглавия: «Гель» (рук. №№ 4 и 23).

«Слепой и молоко»

Вольный перевод и местами переделка с французского индийской сказки «L'aveugle et la couleur du lait» («Слепой и молоко») из сборника «Les avadânas contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 225–226). Сохранились автограф перевода и копия неизвестной рукой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 23).

«Русак»

Сохранились автограф рассказа и копия с него (с ошибками) неизвестной рукой с большими авторскими исправлениями (рук. №№ 4 и 23). Исправляя, Толстой зачеркнул конец рассказа (последний абзац):

Заяц прошел мимо их, пришел в свой овраг, выкопал глубокую в снегу нору и лег в нее.

И вместо него вписал:

Заяц перескочил через дорогу, один мужик

крикнул на него: Ау! и пошел к своему оврагу, но вдруг он услышал крик из деревни. Заяц повернулся и побежал назад по своему следу. Потом он посидел, послушал и прыгнул в сторону. Вдруг закричали вороны. Опять заяц повернулся и побежал назад, и опять спрыгнул в сторону, отошел и стал в пушистом снегу копать нору. Но вдруг закричали с дороги. Заяц поскакал дальше, опять вернулся. Становилось светло. Заяц прыгнул, выкопал нору и лег в нее, уложив на спине уши.

Текст этот Толстой вновь зачеркнул, заменив его новым (печатный текст).

«Волк и лук»

Перевод с французского индийской басни «Le chasseur et le loup» («Охотник и волк») из сборника «Contes et fables indiennes de Bidpai», представляющего собой турецкую версию индусского сборника басен Бидпая (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 481–482). Сохранились список перевода рукой В. В. Нагорновой с поправками Толстого и копия с этого списка неизвестной рукой (рук. №№ 4 и 23). Толстой дважды переработал ко-

пию.

«Как мужик гусей делил»

Пересказ, с опущением некоторых подробностей, народной сказки, помещенной в числе сказок под общим заголовком: «Народные анекдоты» в книге А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», вып. VI, М. 1861, стр. 7–8. Сохранился автограф сказки (рук. № 23).

«Комар и лев»

Вольный перевод басни Эзопа «Комар и Лев». Сохранились автограф перевода и список неизвестной рукой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка имеет ряд значительных разночтений с текстом автографа. Очевидно, был предшествующий список с авторской переработкой.

В сохранившийся список внесено несколько авторских поправок стилистического и синтаксического характера.

«Яблони»

Сохранились автограф рассказа и копия (с ошибками) неизвестной рукой, дважды переработанная Толстым (рук. №№ 4 и 23). Перво-

начально Толстым был написан рассказ «На что нужны мыши» (см. стр. 363) и примечания (стр. 673). Но этот рассказ не удовлетворил автора, и он зачеркнул его, а на отдельном листе написал рассказ, в основу которого положил эпизод с яблонями из первой половины зачеркнутого рассказа. Новый рассказ Толстой вначале озаглавил «Яблони и мыши», затем «Как пропали яблони» и, наконец, «Яблони».

«Лошадь и хозяева»

Вольный перевод басни Эзопа «Осел и Садовник». Сохранились автограф перевода и список рукой С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новый вариант перевода. Очевидно, был предшествующий список с авторской переработкой. Сохранившийся список Толстой слегка переработал стилистически.

Текст автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 33.

«Клопы»

Сохранилась рукопись рассказа, написанная рукой В. В. Нагорновой, основательно переработанная Толстым, и копия неизвестной рукой (рук. №№ 4 и 23). Рассказ был озаглавлен «История клопа» и в нем, в качестве действующего лица, фигурировал барин. Исправляя, Толстой переименовал заглавие и повел рассказ от первого лица. В результате получился новый вариант рассказа. При переписке этой переработанной рукописи переписчик внес большое количество мелких изменений. Все они вошли и в печатный текст.

«Старик и смерть»

Вольный и сжатый перевод басни Эзопа «Старик и Смерть». Сохранились автограф перевода и копия с него неизвестной рукой (рук. №№ 4 и 23). Сделаны в копии небольшие авторские сокращения и вставки и в четырех местах некоторая переработка текста.

«Как гуси Рим спасли»

Извлечение и переработка рассказа из жизнеописания Фурия Камилла, помещенного во второй части «Сравнительных жизне-

описаний славных мужей» Плутарха (СПб. 1815). Возможно также, что Толстой извлек это предание не из Плутарха, а взял его из книги П. Перевлесского, где оно помещено под заглавием «Предание о том, как гуси Рим спасли» (см. «Практическая грамматика русского языка», т. I, СПб. 1864, стр. 561). На это предположение наводит помета Толстого на полях списка переработки, сделанная простым карандашом: «Перевл[есский]». Сохранились автограф рассказа и копия (с пропусками и ошибками) неизвестной рукой с большими авторскими исправлениями (рук. №№ 4 и 23).

«Отчего в морозы трещат деревья?»

Сохранились два автографа статьи и копия со второго автографа неизвестной рукой с исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 23). Переписчик внес в текст ряд изменений, большинство которых вошло и в печатный текст.

«Сырость. I»

Сохранились автограф статьи с заглавием «Сырость» и копия с него неизвестной рукой,

без поправок, но с пометами Толстого и Н. Н. Страхова. С этой копии и производился набор статьи.

«Сырость. II»

Первоначально эта статья составляла часть статьи: «Действие на тела тепла и холода» (см. «Тепло. I», стр. 641). Выделив эту часть в самостоятельную статью, Толстой сначала озаглавил ее «Сырость», затем «Впитываемость» и, наконец, «Действие сырости на тела». Автограф статьи был переписан неизвестной рукой, с целым рядом изменений в тексте Толстого, вошедших потом и в печатный текст «Азбуки» 1872 (рук. №№ 4 и 23). В копии заглавие: «Сырость. II». Толстой сделал только одно исправление.

«Разная связь частиц»

Первоначально эта статья составляла часть статьи «Действие на тела тепла и холода». Толстой выделил эту часть в особую статью и озаглавил ее «Сопоставление частиц». Автограф статьи был переписан неизвестной рукой, с небольшими изменениями в тексте

Толстого, вошедшими потом в печатный текст «Азбуки» 1872 г. (рук. №№ 4 и 23). В копии сделана только небольшая авторская вставка карандашом, которая потом была стерта. Новое заглавие, очевидно, было вписано в корректуре при печатании «Азбуки».

«Лев и лисица»

Близкий к подлиннику перевод басни Эзопа «Лев и Лисица». Сохранились автограф перевода и список неизвестной рукой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка имеет несколько существенных разночтений с текстом автографа. Очевидно, был предшествующий список с авторской переработкой.

Сохранившийся список Толстой несколько сократил и местами поправил его стилистически и синтаксически.

«Праведный судья»

Перевод восточной сказки. Источник перевода неизвестен. Сохранилась рукопись перевода, первая половина которой написана рукой В. В. Нагорновой, а вторая рукой С. А. Толстой (рук. № 4). Текст перевода сплошь пере-

работан Толстым. С этой переработанной рукописи была сделана копия неизвестной рукой (рук. № 23), причем переписчик сделал свыше тридцати изменений в тексте Толстого. Копия вновь подверглась авторской правке. Бывшее в копии заглавие «Справедливый судья» переделано на «Праведный судья», и на полях помета Толстого: «С аме[риканского]». С этой исправленной копии и производился набор сказки.

«Олень и виноградник»

Сжатый и вольный перевод басни Эзопа «Олень и Виноградник». Сохранились автограф перевода и список рукой С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новый вариант перевода. Был несомненно предшествующий список, правленный Толстым. Сохранившийся список Толстой слегка переработал стилистически.

Текст автографа перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 34.

«Царский сын и его товарищи»

Переработка восточной сказки во французском переводе: «Le fils d'un roi et ses compagnons» («Сын короля и его товарищи»). Сказка эта имеется в арабском сборнике «Callila et Dimna» и в сборнике «Contes et fables indiennes de Bidpai». Сказка заимствована из последнего сборника, входящего в состав книги: «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 546–549). Турецкий автор придал сказке черты турецкой жизни. На этом основании Толстой на полях листа с автографом сказки и в оглавлении «Азбуки» назвал сказку турецкой. Книга «Les mille et un jours» имеется в яснополянской библиотеке. Нижние углы листов с этой сказкой в ней загнуты. Сохранился автограф и список рукой С. А. Толстой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 23). Тексты автографа и списка имеют существенные различия.

Текст автографа сказки печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 39.

«Галчонок»

Вольный и сжатый перевод с французского восточной сказки «Le derviche et la petite

corneille» («Дервиш и вороненок») из сборника: «Contes et fables indiennes de Bidpai» (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 410–411). В указанной книге, имеющейся в яснополянской библиотеке, нижние углы листов с этой сказкой загнуты. Толстой указывает арабский источник сказки, основываясь, очевидно, на том, что в послесловии к сказке фигурирует арабский баснописец Локман. Сохранились автограф и копия рукой С. А. Толстой, с большими авторскими исправлениями (рук. №№ 4 и 23).

«Как я выучился ездить верхом»

Материалом для рассказа несомненно послужили детские воспоминания самого Толстого. Сохранились автограф и копия рукой С. А. Толстой с исправлениями Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 23). С. А. Толстая, переписывая рассказ, внесла около двадцати стилистических поправок в текст Толстого. Все они вошли в печатный текст.

«Топор и пила»

В письме к Н. Н. Страхову от середины ок-

тября 1872 г. Толстой писал, что этот рассказ принадлежит ему (см. стр. 575). В собрании же своих сочинений, изданном в 1873 г., Толстой включил этот рассказ в отдел: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранились автограф рассказа и список рукой С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет второй вариант рассказа. Очевидно, был еще список, правленный Толстым. Сохранившийся список подвергся вновь авторской переработке в большей его части.

Текст автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 35.

«Солдаткино житье»

Рассказ ученика Яснополянской школы Толстого В. С. Морозова, исправленный стилистически Толстым, был напечатан в кн. 9 журнала «Ясная Поляна» за 1862 г. Для издания в «Азбуке» был переписан С. А. Толстой и вновь исправлен Толстым. См. статью Толстого «Кому у кого учиться писать — крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят», т. 8, стр. 301–324.

«Кот и мыши»

Вольный перевод басни Эзопа «Кот и Мыши». Сохранились автограф перевода и список неизвестной рукой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новый вариант перевода. Очевидно, был еще список, правленный Толстым. Сохранившийся список он также переработал стилистически и сократил.

Текст автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 36.

«Лед, вода и пар»

Сохранился только список статьи, написанный С. А. Толстой, с небольшими авторскими исправлениями (рук. № 23).

«Перепелка и перепелята»

В письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. Толстой включил эту басню в число произведений, принадлежащих ему. Сохранились два автографа и список неизвестной рукой с авторскими поправками (рук. №№ 4 и 23). Текст списка является по-

следней редакцией басни.

Тексты автографов басни печатаются в отделе вариантов «Азбуки» под № 37.

«Булька»

Материалом для этого и семи следующих рассказов послужили кавказские воспоминания Толстого. Из них шесть рассказов связаны с охотой, которой он увлекался на Кавказе. Булька и Мильтон, фигурирующие в рассказах, — его собственные собаки. Булька не раз упоминается в Дневнике 1852 г. (см. т. 46). «В детских рассказах, — говорит С. А. Берс, — Лев Николаевич в точности передал историю своих собак, Бульки и Мильтона, под собственными их именами» («Воспоминания о Л. Н. Толстом», Смоленск 1894, стр. 42). Сохранился автограф рассказа с последовательно измененными заглавиями: «Коперник», «Булька и Мильтон», «Булька», а также рукопись, написанная С. А. Толстой, с авторскими исправлениями (рук. №№ 4 и 23). Текст рукописи и текст автографа имеют разночтения. Очевидно, была между ними еще рукопись с новой авторской правкой.

«Булька и кабан»

В данном рассказе описывается действительный случай с Булькой, о котором Толстой кратко записал в Дневнике под 15 ноября 1852 г.: «Ходил на охоту, убил кабана, Булька изранен» (т. 46, стр. 149). Сохранился автограф рассказа и рукопись, написанная С. А. Толстой, с авторской правкой (рук. №№ 4 и 23). Текст рукописи и текст автографа имеют существенные различия.

Текст автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 41.

«Фазаны»

Сохранились автограф рассказа и рукопись, написанная С. А. Толстой, с поправками Толстого и Н. Н. Страхова (рук. №№ 4 и 23). Эта последняя рукопись представляет собой более пространную редакцию по сравнению с автографом; она списана была с несохранившейся первой копии автографа, подвергшейся авторскому исправлению.

Первая редакция (автограф) печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 42.

«Мильтон и Булька»

Сохранились автограф и копия рукой С. А. Толстой с авторскими поправками (рук. №№ 4 и 23).

«Черепаша»

Сохранились рукопись рассказа, написанная С. А. Толстой, и копия с нее — ее же рукой (рук. №№ 4 и 23). Начав исправлять первую рукопись, Толстой перечеркнул текст и на свободных местах листа набросал новую редакцию.

«Булька и волк»

Сохранились автограф рассказа и копия рукой С. А. Толстой с авторскими поправками (рук. №№ 4 и 23).

«Что случилось с Булкой в Пятигорске»

Содержанием рассказа послужил действительный случай, происшедший с Булкой в Пятигорске (см. запись в Дневнике под 28 мая 1852 г., т. 46, стр. 119). Сохранились автограф рассказа и копия рукой С. А. Толстой, с автор-

скими поправками (рук. №№ 4 и 23). При исправлении копии Толстой исключил из текста большой отрывок после слов: «Мильтона я подарил охотнику, а Бульку взял с собой»:

Мне страшно было подумать, что будет, если он взбесится. Всякая собака страшна, когда она взбесится; но такая собака, как Булька, должна быть ужасна, но Булька был совсем здоров и весел.

На водах в Пятигорске чеченцов не было, и он ни на кого не сердился, и все знали его смешную, черную рожу с большими, умными глазами и белыми зубами. Сначала все его боялись, но потом дети играли с ним, садились на него верхом, валяли его на спину и таскали его за лапы. В городе я опять принарядил его и надел на него опять широкий, блестящий, медный ошейник с замочком. Ошейник этот был ему очень к лицу.

«Конец Бульки и Мильтона»

Сохранились автограф рассказа и копия рукой С. А. Толстой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 23).

«Птицы в сети»

Вольный и сжатый перевод с французского индийской басни: «Les oiseaux et l'oiseleur») («Птицы и птицелов») из сборника «Les avadânas contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 155–157. Сохранились автограф перевода и список рукой С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 23). Текст списка имеет ряд существенных разночтений с текстом автографа. Очевидно, был предшествующий список, с авторской переработкой. Сохранившийся список был значительно сокращен и местами исправлен стилистически и синтаксически. С этого переработанного списка и набирался перевод басни.

«Чутье»

Сохранился список статьи, написанный С. А. Толстой, с большими исправлениями Толстого и с одной поправкой Н. Н. Страхова (рук. № 23). После исправления списка Толстой разбил его на две статьи, озаглавив первую статью «Запах» и вторую «Чутье». Второе заглавие написано между строк списка. Последние шестнадцать строк первой ста-

тьи, помещенные на одном листе с началом второй статьи, Толстой перечеркнул сверху вниз чернильной чертой. Вторая статья набиралась с этого списка.

Первая статья печатается в отделе «Неопубликованное, незаконченное и неотделанное», стр. 361.

«Собака и повар»

В письме к Н. Н. Страхову от середины октября 1872 г. Толстой включил эту басню в число произведений, принадлежащих ему. В собрании же сочинений Толстого, изданном в 1873 г., эта басня помещена в отделе: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранились автограф басни и список неизвестной рукой с исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 23). Между текстами автографа и списка есть существенные разночтения. С текста списка и производился набор басни.

Текст автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 38.

«Основание Рима»

Извлечение и переработка в самостоятель-

ный рассказ отдельных мест из жизнеописания Ромула, помещенного в первой части «Сравнительных жизнеописаний славных мужей» Плутарха (СПб. 1815). Сохранились автограф рассказа и копия (с ошибками) рукой С. А. Толстой, переработанная Толстым от начала до конца (рук. №№ 4 и 23). С этой копии и производился набор рассказа.

«Бог правду видит, да не скоро скажет»

В первой половине января 1872 г. в Ясную Поляну приезжал секретарь «Беседы» Н. В. Лысцов с письмом от редактора журнала С. А. Юрьева, в котором Юрьев просил дать статью для напечатания в его журнале.[339] Во исполнение этой просьбы Толстой послал в журнал свой рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет», который и был напечатан в № 3 «Беседы» за 1872 г.

Точно установить время писания рассказа не представляется возможным. Однако можно почти с уверенностью сказать, что до начала января 1872 г. Толстой не начинал писать его, что видно из того, что в конце декабря 1871 г. была сдана в набор «Азбука», в пер-

вой книге которой был помещен короткий рассказ на ту же поговорку, но совсем с другим содержанием, однако текст его впоследствии был зачеркнут и не включен в «Азбуку».[340]

В связи с просьбой С. А. Юрьева Толстой в середине января 1872 г. писал Н. Н. Страхову: «Редактор Беседы — Юрьев просит меня дать ему для напечатания одну повесть. Я отвечал, что не могу дать прежде чем в Зарю: я так обещал. Будьте так добры, напишите мне, нужно ли вам в Зарю повесть или рассказ из Азбуки, и, если нужно, то я пришлю вам, и вы, если вам годится, — возьмете»[341].

Толстой не называет в своем письме рассказа, между тем, судя по ответному письму Страхова от 21 марта 1872 г., несомненно речь идет о рассказе «Охота пуще неволи» (см. примечания к этому рассказу, стр. 662–663). В письме к Н. Н. Страхову от 3 марта Толстой, сообщая о своей работе над «Азбукой», замечает: «Я по своей привычке всё мараю и переделываю по 20 раз. От этого я и не выслал в Зарю».[342] Следовательно, до начала марта Толстой был занят «Азбукой». В марте Тол-

стой писал «Кавказского пленника», который он окончил 25 марта. Таким образом, можно предположительно установить, что рассказ «Бог правду видит» был написан в апреле, не позже 20-х чисел (цензурное разрешение № 3 «Беседы» — 30 апреля 1872 г.).

Сохранились лишь один черновой автограф рассказа (см. описание рук. № 19) и вырезка из журнала «Беседа» с двумя поправками Толстого, вошедшая в состав наборной рукописи «Азбуки» (рук. № 23). Первоначально Толстой включил этот рассказ в кн. IV, перед рассказом «Кавказский пленник», а затем перенес его в кн. III, в которой оказалось мало материала для русского чтения. Об этом он писал Н. Н. Страхову 15...20? августа 1872 г. [343] Материалы для русского чтения кн. III были уже набраны и сверстаны; поэтому Н. Н. Страхов и сделал на вырезке, перед заглавием, помету: «Сейчас набирать и поместить в III книгу перед «Яблони». С этой вырезки производился набор рассказа в типографии Замысловского. Печатный текст имеет два мелкие разночтения с текстом исправленной вырезки.

Во всех изданиях «Русских книг для чтения», которые выходили в семидесятых и восьмидесятых годах и в которых принимал участие Толстой, рассказ «Бог правду видит» перепечатывался без всяких изменений. В 1885 г. этот рассказ вышел отдельной брошюрой в издании «Посредник». Издание снабжено было двумя иллюстрациями, помещенными на первой и четвертой страницах обложки. Текст рассказа в этом издании имеет одно крупное и целый ряд мелких разночтений с текстом «Азбуки». Изменения эти были внесены в текст рассказа В. Г. Чертковым с согласия Толстого. См. об этом письмо Толстого к Черткову от 5–6 февраля 1885 г., в котором Толстой отвечает на письмо Черткова от 31 января.[344] См. печатные варианты, стр. 332–334.

У Сытина, издававшего книжки «Посредника», явилась мысль выпускать рассказы Толстого в том числе и рассказ «Бог правду видит», в издании с более крупной печатью и с большим числом рисунков, и он спрашивал В. Г. Черткова, может ли он это сделать. В. Г. Чертков 26 августа 1885 г. запросил об

этом Толстого. Неизвестно, что ответил на это Толстой. В 1886 г. рассказ «Бог правду видит» появился в издании с более крупной печатью, но с теми же двумя рисунками. Ввиду огромного спроса на рассказы Толстого в издании «Посредника» Сытин решил было снять гальванопластические клише с набора этих рассказов. В. Г. Чертков, занявшись по этому случаю окончательной корректурой рассказов Толстого, в письме от 12 октября 1885 г. просил Толстого прислать новое расширенное заглавие рассказа, «наподобие: Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа», — о чем они «говорили в Ясной».[345] Толстой в письме к Черткову от 15–16 октября 1885 г. сообщил такое заглавие: «Бог правду видит... или история о том, как за чужой грех помер на каторге невинный и простил своего злодея».[346] Но рассказ под этим подробным заглавием не появлялся в печати.

Рассказ «Бог правду видит» в переработанном виде перепечатывался во всех последующих изданиях «Посредника». Но в «Русских книгах для чтения» и в собрании сочинений

Толстого, издававшихся С. А. Толстой, рассказ этот продолжал печататься в редакции 1872 г. В этой редакции он печатается и в настоящем издании.

Впервые в редакции «Посредника» он вошел в собрание сочинений Толстого в издании Сытина, вышедшем в 1913 г. под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова.

Первая редакция рассказа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 43.

«Кристаллы»

Статья сохранилась в трех редакциях. 1) Автограф с заглавием «Кристаллы. Соль» и копия с него неизвестной рукой с авторскими поправками. 2) Автограф с заглавием «О кристаллах» и копия с него неизвестной рукой с авторскими поправками. 3) Список рукой С. А. Толстой с заглавием «Кристаллы», представляющий собой переработку первых двух статей. Автограф переработки не сохранился. Толстой внес в список несколько исправлений. После этого список правился Н. Н. Страховым, который внес в текст ряд существенных изменений и местами сократил автор-

ский текст. С этого списка и производился набор статьи.

«Волк и коза»

Вольный перевод басни Эзопа «Волк и Коза». Сохранился список неизвестной рукой с исправлениями Толстого (рук. № 23).

«Поликрат Самосский»

Вольный перевод и переделка в самостоятельный рассказ отдельных эпизодов из глав XXXIX–XLIII и CXX–CXXV третьей книги второй части «Истории» Геродота. Сохранился автограф рассказа и копия рукой С. А. Толстой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 23). На полях, напротив заглавия, помета Толстого: «Геродот». С исправленной копии производился набор рассказа.

«Вольга-богатырь»

Эта былина представляет собой сводку и переработку трех былин: «О Вольге Буслаевиче», «О Вольге Всеславьиче» и «Волх Всеславьевич», помещенных в собрании былин П. Н. Рыбникова («Песни, собранные

П. Н. Рыбниковым», ч. I, М. 1861, стр. 1–17). Последняя былина перепечатана Рыбниковым из «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова. Сохранилось семь начал, четыре незаконченных и четыре законченных варианта этой былины. Некоторые из этих материалов отрывочны и не связаны друг с другом. Поэтому проследить творческий процесс работы Толстого над этой былиной и расположить сохранившиеся материалы в порядке их написания можно только предположительно (см. описание рукописи под № 6).

Все семь начал былины — автографы. Содержат от четырех и до двадцати одного стиха. Во всех варьируется по существу одно и то же содержание. Видимо, автор искал, но не находил удовлетворяющей его формы для начала былины и в конце концов остановился на форме отрицательного сравнения, в которую и облек последние четыре начала, постепенно уточняя эту форму. Последнее начало приняло такую форму:

*Что не ярки часты звезды
Рассажались по небу,
Что не ясен светел месяц*

*Засветил во высоком,
Что не жарко красно солнце
Воссияло над землю,
Народился в русском царстве
Богатырь Вольга могучий...*

Это начало, имеющее 21 стих, в несколько переработанном виде вошло во второй незаконченный вариант былины (см. ниже).

Незаконченные варианты

1. В первом незаконченном варианте (автограф) Толстой дал сводку и переработку двух былин: «О Вольге Буслаевиче» и «Волх Всеславьевич». Центральное место заняла первая былина. Размер сводки, по сравнению с подлинниками, строго выдержан — девять слогов в стихе. Вариант остался без дальнейшей переработки.

2. Второй вариант (автограф) представляет сводку и переработку трех былин: «О Вольге Буслаевиче», «О Вольге Всеславьевиче» и «Волх Всеславьевич». Главное место в этой сводке заняли первая и третья былины. Размер — восемь-девять слогов в стихе.

Печатается в отделе вариантов «Азбуки»

под № 44 (I).

3. В третьем варианте (автограф) размер стиха не выдержан: сначала стих имел восемь слогов, затем удвоенное число, то есть шестнадцать, и, наконец, девять — десять слогов. Этот вариант являлся попыткой переработать предыдущий вариант, и Толстой, видимо, затруднялся, какое стихотворное оформление дать материалу, по существу сходному в обоих вариантах.

4. В этом варианте (автограф) не хватает лишь последних стихов, где речь идет о дележе добычи. Текст варианта почти сплошь покрыт вставками и стилистическими переработками. Особенно большой переработке подверглось место с учением Вольги. Часть текста написана карандашом. Целый ряд стихов заменен новыми. Вариант является сводкой и переработкой былин: «О Вольге Буслаевиче», «О Вольге Всеславъиче» и «Волх Всеславъевич». Немногие черты для характеристики Вольги взяты из начальных стихов былины «О Вольге Святославъиче» («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I, М. 1861, стр. 17). Центральное место в этой сводке заняли вторая и

третья былины. Размер — шестнадцать слогов в стихе.

Законченные варианты

1. Первый законченный вариант былины (автограф) является переработкой предыдущего четвертого незаконченного варианта. Толстой несколько расширил содержание прежнего варианта, внося в него ряд новых мелких подробностей, значительно переработал его в стилистическом отношении и укоротил каждый стих его вдвое.

2. Второй вариант (копия) по содержанию и даже текстуально близок к предыдущему варианту. Но написан он удвоенными стихами, то есть стихами, состоящими из шестнадцати слогов.

Печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 44 (II).

3. Третий вариант (автограф) является переработкой первого законченного варианта. В нем удлинён размер стиха на один слог.

4. Четвёртый законченный вариант (копия) по содержанию близок к предыдущему. Местами тексты их тождественны, и написаны

они одним размером. Оба варианта представляют собой сводку и переработку главным образом былин: «О Вольге Всеславъиче» и «Волх Всеславъевич» («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I, М. 1861, стр. 7–17). Очень немногие черты для характеристики Вольги заимствованы из былины: «О Вольге Буслаевиче» и «О Вольге Святославъиче» (там же, стр. 1–6 и 17). С этого переработанного списка и производился набор былины.

«ЧЕТВЕРТАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

«Царь и рубашка»

Источник этой сказки неизвестен. В оглавлении указано, что она арабская. Сохранились автограф сказки без заглавия и копия с него неизвестной рукой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 30). Переписчик внес семь изменений в авторский текст. В трех местах Толстой восстановил свой прежний текст, а остальные вошли в печатную редакцию.

«Камыш и маслина»

Близкий к подлиннику перевод басни Эзопа «Трость и Олива». Сохранились авто-

граф перевода и список неизвестной рукой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 30). В переработанном виде список, по сравнению с текстом автографа, представляет собой новую редакцию перевода.

Первая редакция печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 46.

В конце 1874 или в первой половине 1875 г. Толстой использовал печатную редакцию басни в качестве материала для разбора в своей грамматике.

«Волк и мужик»

1. Пересказ и местами переделка народной сказки «Волк, кобыла, собака, лиса и мужик» (ср. А. Н. Афанасьев, «Народные русские сказки», изд. 2-е, К. Солдатенкова и Н. Щепкина, вып. III, М. 1860, стр. 81–82). Толстой опустил некоторые эпические подробности и значительно расширил диалог, чем придал сказке более драматический характер. В этом отношении сказка в его переработке приближается более к индийской сказке на тот же сюжет: «О некотором человеке и змее», которая, без сомнения, была известна Толстому (ср. «Поли-

тические и нравоучительные басни Пильная, философа индийского, с французского переведены Борисом Волковым», СПб. 1762, стр. 199–204). Сохранился список рукой С. А. Толстой с поправками Толстого (рук. № 30). Н. Н. Страховым вписаны в него три слова, очевидно, пропущенные С. А. Толстой: фраза «дом стерегла, кусаться»; после дополнения читается: «дом стерегла, лаяла и бросалась кусаться».

«Два товарища»

Вольный перевод басни Эзопа «Пешеходы и Медведь». Сохранились автограф перевода с заглавием «Два приятеля», и список неизвестной рукой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 30). Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новую редакцию перевода. С этого списка производился набор перевода басни.

Первая редакция басни печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 47.

«Прыжок»

Источник рассказа не установлен. Судя по

пометам в оглавлении книги и на рукописи, рассказ переведен с английского и принадлежит американскому писателю. Сохранились список перевода рукой В. В. Нагорновой, сильно переработанный и сокращенный Толстым, и копия с него рукой С. А. Толстой с авторскими поправками (рук. №№ 4 и 30). С. А. Толстая при переписке внесла в авторский текст ряд изменений, большая часть которых вошла и в печатный текст.

«Дуб и орешник»

В оглавлении «Азбуки» не указан источник этой басни; в собрании же сочинений, изданном в 1873 г., Толстой включил ее в отдел: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранился автограф басни и копия с него неизвестной рукой с небольшими исправлениями Толстого» (рук. №№ 4 и 30). Переписчик внес несколько мелких изменений в текст Толстого, большинство которых вошло и в печатный текст.

«Вредный воздух»

Содержанием статьи послужило действи-

тельное происшествие, о котором Толстой писал С. А. Толстой 10 августа 1864 г. (т. 83, стр. 43). Сохранились автограф рассказа без заглавия и список рукой С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 30). Между автографом и списком была, очевидно, еще рукопись, которая утеряна. По первоначальному тексту (в автографе) в колодезь спустился первым и погиб староста. За ним должна была спуститься скотница. Так начал рассказ Толстой, но оборвал и зачеркнул все это место:

Александр пошел к колодцу, привязал к веревке палку, сел на нее верхом и велел бабе за колесо спускать себя в колодезь. Колодезь был неглубокий — до воды в нем было 6 аршин, да воды стояло на аршин. Скотница была сильная баба, она потихоньку спускала старосту за колесо и всё спрашивала: довольно? или еще? Александр кричал оттуда: еще. Потом вдруг скотница почувствовала, что веревка ослабла; она окликнула старосту, но он не отвечал. Она взглянула в колодезь и увидела, что Александр лежит внизу колодца и не шевелится. Скотница стала кричать. Конюх прибежал на ее крик. Она стала просить ко-

нюха, чтоб он лез доставать старосту. Но конюх испугался и не хотел лезть, тогда скотница сказала: если не хочешь сам лезть, так

Вместо зачеркнутого Толстой написал другое начало и продолжил рассказ в плане, близком к печатному тексту, закончив рассказ сведениями о газах. В списке рассказ подвергся большой авторской правке. Конец рассказа Толстой зачеркнул, а содержание его использовал для статьи «Газы» (см. стр. 664). Вместо зачеркнутого написал новое окончание статьи:

Отчего делается дурной воздух из хорошего, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышат, то забирают в себя хороший воздух и остается один дурной.

Когда люди дышат, то они делают то самое, что делают мыши, когда выедают мякоть из зерна и оставляют мякину.

Хоть и много останется мышееда-мякины, а всё из нее хлеба не сделаешь, так точно и хоть останется воздух там, где дюди выдышат его, да воздух уже этот не годится. И всё равно как в зерне каждом есть в мякине мука и сердцевина, так и в воздухе есть разные ча-

сти — и хорошие, и дурные.

В таком виде рассказ был послан для набора. Н. Н. Страхов, просматривая список, внес несколько поправок в текст статьи и, кроме того, вычеркнул конец рассказа, начиная со слов: «и остается один дурной». Н. Н. Страхов закончил статью словами: «а выдыхают дурной».

Первый конец списка в переработанном виде, как первая редакция статьи «Газы», печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 55.

«Дурной воздух»

Перерабатывая для отдельного издания «Четвертую русскую книгу для чтения в 1875 г., Толстой воспользовался выпущенным Страховым в 1872 г. текстом рассказа «Вредный воздух» (см. выше), исправил его и включил отдельным рассказом под заглавием «Дурной воздух».

«Волк и ягненок»

Вольный перевод басни Эзопа «Волк и Барашек». Сохранился список перевода, напи-

санный неизвестной рукой, с поправками Толстого (рук. № 30). С этого списка производился набор басни для «Азбуки» 1872 г. В конце 1874 или в первой половине 1875 г. Толстой использовал эту басню в качестве материала для разбора в своей грамматике.

«Удельный вес»

Сохранились автограф статьи без заглавия и копия неизвестной рукой (рук. №№ 4 и 30). Переписчик внес шестнадцать изменений в авторский текст. Толстой исправил по-своему многие изменения переписчика, но часть из них вошла в печатный текст.

«Лев, волк и лисица»

Вольный перевод басни Эзопа «Лев, Волк и Лисица». Сохранились автограф перевода и две последовательные копии рукой неизвестного и С. А. Толстой (рук. №№ 4 и 30). Первая копия подверглась большой авторской переработке. На второй — поправок нет; имеются лишь пометы Толстого и Н. Н. Страхова для наборщиков. Со второй копии и производился набор басни.

В конце 1874 г. или в первой половине 1875 г. Толстой использовал печатный перевод этой басни, в несколько переработанном виде, в качестве материала для разбора в своей грамматике.

«Царское новое платье»

Переделка сказки Х. Андерсена под тем же заглавием (см. «Полное собрание сказок Андерсена», вып. II, СПб. 1864, стр. 111–118). Сохранился автограф сказки с двумя поправками Н. Н. Стрехова и пометами Толстого и Стрехова для наборщиков.

«Лисий хвост»

В оглавлении «Азбуки» не указан источник этой басни. В собрании же сочинений, изданном в 1873 г., Толстой включил ее в отдел: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранился автограф басни и копия с него неизвестной рукой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 30). Переписчик изменил в восьми местах текст Толстого. С этими изменениями басня и была напечатана.

«Шелковичный червь»

В качестве материала для этой статьи Толстой использовал главы V–VIII книги Ф. Чиждова «Письма о шелководстве» (СПб. 1853). Некоторые места статьи почти дословно совпадают с текстом «Писем». Тезисное изложение этих глав Толстой дал в двух вариантах, составивших начало рассказа «Золотоволосая царевна». Таким образом эти варианты явились как бы предварительным наброском настоящей статьи. Сохранился автограф статьи и копия с него рукой С. А. Толстой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 30). С. А. Толстая при переписке в одиннадцать местах изменила текст Толстого. Некоторые из этих изменений вошли и в печатный текст.

«Царь и слоны»

Сжатый перевод с французского индийской сказки «Les aveugles et l'éléphant du roi» («Слепые и слон короля») из сборника «Les avadânas contes et apalogues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 47–50. Сохранились автограф сказки и копия (с ошибками) рукой С. А. Толстой с авторскими поправками (рук. №№ 4 и 30). С этой

копии и производился набор рассказа.

«Охота пуще неволи»

С сентября по декабрь включительно 1871 г. Толстой был занят составлением собственно азбуки и первой книги для чтения. В это время он вряд ли мог взяться за рассказ «Охота пуще неволи», предназначенный для следующих книг «Азбуки». Однако уже 16 или 17 января 1872 г. Толстой писал Н. Н. Страхову: «Будьте так добры, напишите мне, нужно ли вам в «Зарю» повесть или рассказ из «Азбуки», и если нужно, то я пришлю вам, и вы, если годится, — возьмете».[347] В этом письме несомненно речь идет об «Охоте пуще неволи», а не «Бог правду видит, да не скоро скажет», как напечатано в прим. 2 к тексту письма № 358 в т. 61. Это явствует из письма Страхова от 11 марта 1872 г., который в ответ на просьбу Толстого в письме от 3 марта освободить его от данного им обещания прислать в редакцию «Беседы» рассказ из «Азбуки» писал Толстому: «Нет, Лев Николаевич, покоритесь судьбе и пришлите ваш рассказ об охоте».[348] В марте рассказ не был за-

кончен, так как вместо него в «Зарю» Толстой послал «Кавказского пленника». Не мог он быть закончен и в апреле, потому что до конца апреля Толстой был занят писанием рассказа «Бог правду видит». Таким образом, рассказ этот мог быть закончен Толстым в период с начала мая до середины августа 1872 г., когда была отправлена Страхову рукопись кн. IV «Азбуки», куда входил рассказ «Охота пуще неволи».

В основу рассказа лег эпизод из жизни самого Толстого. Эпизод этот, с его слов и слов других участников охоты, подробно описал в своих воспоминаниях А. А. Фет. Охота происходила в двадцатых числах декабря 1858 г. в окрестностях Вышнего Волочка. В ней, кроме Толстого, принимали участие брат его Н. Н. Толстой, С. С. Громека, П. А. Фет и вожак Осташков. А. А. Фет рассказывает, что медведица «внезапно очутилась.... против Толстого, на которого стремительно помчалась. Спокойно прицелился Лев Николаевич, спустил курок, но, вероятно, промахнулся, так как в клубе дыма увидел перед собою набегающую массу, по которой выстрелил почти в упор и

попал пулею в зев, где она завязла между зубами». Толстой «получил в грудь сильный толчок, от которого навзничь повалился на снег. Медведица с разбега проскочила через него.... Но в ту же минуту он увидел над головой что-то темное. Это была медведица, которая, мгновенно вернувшись назад, старалась прокусить череп ранившему ее охотнику. Лежащий навзничь, как связанный, в глубоком снегу Толстой мог оказывать только пассивное сопротивление, стараясь по возможности втягивать голову в плечи и подставлять лохматую шапку под зев животного. Быть может, вследствие таких инстинктивных приемов, зверь, промахнувшись зубами два раза, успел дать только одну значительную хватку, прорвав верхними зубами щеку под левым глазом и сорвав нижними всю левую половину кожи со лба. В эту минуту случившийся поблизости Осташков, с небольшой, как всегда, хворостинкой в руке, подбежал к медведице и, расставив руки, закричал свое обычное: «куда ты? куда ты?» Услыхав это восклицание, медведица бросилась прочь со всех ног....» («Мои воспоминания», ч. 1, М. 1890,

стр. 226). Эта борьба с медведицей довольно точно воспроизведена в рассказе Толстого.

Первая запись с замыслом рассказа сделана на небольшом клочке, вслед за планом «Кавказского пленника»: «Медведь. Старик. Рассказ, как дрался медведь» (см. стр. 432). Как видно из этой записи, Толстой намеревался поведи рассказ от лица старика, но осуществил свой замысел в иной форме — в форме рассказа от лица самого автора. Сохранился черновой автограф рассказа, озаглавленный «Медвежья охота» (рук. № 4). Текст автографа подвергался неоднократной переработке. Начало рассказа переправлялось четырежды.

Первое начало:

Перед рождеством мы в другой раз собрались на медвежью охоту. Нас было трое: Петр Нефедыч, старший брат мой и я. Медведь был обложен тот самый

Второе начало:

Первая охота наша была неудачна. Медведь прорвался через облаву. Брат мой стрелял в него и ранил; но медведь ушел. По следу медведя

Третье начало:

Когда я был молодой, я любил ездить на охоту за медведями. Мы ездили вдвоем с братом, а иногда втроем и вчетвером с приятелями. Мы жили в Москве, и у меня был знакомый мужик из ямской слободы Шатилова, его звали Архип. Архип жил в деревне в Новгородской губернии и ездил по округе, спрашивал у мужиков медвежьих следов. Когда какой-нибудь мужик знал, где лежит медведь, то Архип покупал у этого мужика медведя.

Четвертое начало:

Когда я был молодой, я любил ездить на охоту за медведями. Медведи летом ходят по лесам и полям....

Очевидно, что первые два начала рассказа были продолжением какого-то другого рассказа на ту же тему. Однако был ли написан этот первый рассказ, неизвестно. Возможно, что Толстой уже в процессе работы, перестроив план, сосредоточил главное внимание на второй охоте, чем и были вызваны переработки начала рассказа. Но отделять рассказ в этой редакции Толстой не стал, а написал его заново. Автограф этой редакции не сохранил-

ся, имеется список ее, написанный рукой С. А. Толстой. Текст списка Толстой сильно сократил и существенно переработал от начала до конца.

С этого переработанного списка и производился набор рассказа в «Азбуке». Печатный текст имеет семь разночтений с текстом списка. Одно из этих разночтений, наиболее существенное, внесено в печатный текст по желанию Толстого, который писал Н. Н. Страхову 22... 25? августа 1872 г.: «Да в рассказе «Охота пуще неволи» есть слова «Ах ты сукин кот» — их надо изменить: «Ах ты баломутный».[349]

Первая редакция печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 52; там же печатается исключенный отрывок из второй редакции под тем же номером.

«Наседка и цыплята»

В оглавлении «Азбуки» не указан источник этой басни. В собрании же сочинений, изданном в 1873 г., Толстой включил ее в отдел: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранились автограф басни и копия

неизвестной рукой с авторскими поправками (рук. №№ 4 и 30). С этой переработанной копии и производился набор басни.

В конце 1874 или в первой половине 1875 г. Толстой использовал эту басню в качестве материала для разбора в своей грамматике.

«Газы. I»

Сохранился автограф статьи, озаглавленный: «Газы». Толстой включил автограф в состав наборной рукописи кн. IV «Азбуки». Однако Н. Н. Страхов изъясил автограф из рукописи и сам написал третью редакцию статьи, озаглавив ее «Газы. I». В качестве материала для этой редакции он использовал изъятый автограф и конец статьи «Вредный воздух». О переработке этой статьи и статей о тепле Н. Н. Страхов сообщил Толстому, который писал ему в ответ 15 сентября 1872 г.: «Насчет газов и тепла согласен и предоставляю делать, как вы хотите. В печати эти (даже те, которые вы оставили) статьи показались мне ужасно гадки».[350] С рукописи Страхова и производился набор статьи для «Азбуки».

«Газы. II»

Сохранился список статьи, написанный рукой С. А. Толстой. Толстой озаглавил список «Газы» и переделал в нем одну фразу. Н. Н. Страхов добавил к заглавию римскую цифру II и в ряде мест существенно переработал список.

«Лев, осел и лисица»

Близкий к подлиннику перевод басни Эзопа «Лев, Осел и Лисица». Сохранился только список перевода, написанный неизвестной рукой (рук. № 30). Поправок Толстого в нем нет; имеются лишь пометы для наборщиков рукой Толстого и Н. Н. Страхова.

«Старый тополь»

Рассказы «Старый тополь», «Черемуха» и «Как ходят деревья» написаны в один прием, автографы их не озаглавлены и отделены друг от друга небольшими горизонтальными чертами. Они представляли как бы отдельные главы одного рассказа. Потом Толстой переработал их и превратил в отдельные рассказы, дав каждому рассказу особый заголо-

вок (см. рук. № 4). Автограф данного рассказа был переписан неизвестной рукой (рук. № 30). Переписчик допустил в одиннадцати местах изменения авторского текста. Почти все они вошли и в печатный текст. Толстой внес в список ряд мелких вставок и местами слегка переработал его стилистически.

«Черемуха»

Автограф рассказа — с большой переработкой и сокращениями. Вычеркнуто и заменено новым начало рассказа:

Черемуха хорошее дерево. Оно нужно мужику гнуть из него вязки. И ягоды его вкусны. А цвет и запах черемухи такие, что, если бы она не росла везде, верно б ее разводили в оранжереях и продавали за большие деньги. Но в саду черемуху приходится вырубать. Первое дело — она разрастается сильно и глушит, а второе — на ней и от нее паутина разводится и другие деревья портит. Я вырубал и черемуху.

В конце автографа зачеркнуто:

Тогда я не так жалел об этом дереве, но потом, после того, как я узнал, как ходит чере-

муха, я вспомнить без жалости не мог и теперь не могу об этом дереве.

Этот конец служил переходом к рассказу «Как ходят деревья». Автограф данного рассказа был переписан неизвестной рукой (рук. № 30). Переписчик внес шестнадцать изменений в авторский текст. Почти все они вошли и в печатный текст. Толстой, исправляя рукопись, внес небольшое число поправок в первую половину и основательно переработал остальную часть рукописи.

«Как ходят деревья»

Этот рассказ связан с рассказом «Черемуха», являясь как бы его продолжением. Автограф рассказа без заглавия. С него была снята копия неизвестной рукой (рук. № 30). Переписчик внес в авторский текст около двадцати изменений, большинство которых вошло и в печатный текст. Исправляя копию, Толстой исключил конец рассказа.

Исключенный автором текст печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 54.

«Дергач и его самка»

В оглавлении «Азбуки» не указан источник этой басни. В собрании же сочинений, изданном в 1873 г., Толстой включил ее в отдел: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранились автограф басни без заглавия и копия неизвестной рукой с поправками Толстого (рук. №№ 4 и 30). Переписчик внес ряд изменений в авторский текст, большинство которых вошло и в печатный текст.

В конце 1874 или в первой половине 1875 г. Толстой использовал эту басню в качестве материала для разбора в своей грамматике.

«Как делают воздушные шары»

Материалом для статьи послужила статья Вал. Висковатова «Воздушные шары», помещенная в журнале «Детское чтение» (1870, т. III, стр. 307–319). Сохранился список статьи, написанный рукой С. А. Толстой. Список статьи сплошь покрыт переработками текста, произведенными рукой Толстого, а после него рукой Н. Н. Страхова.

«Рассказ аэронавта»

Небольшая переработка рассказа Кокевеля

и Глейтера о путешествии на воздушном шаре в 1851 г., приведенного в статье Вал. Висковатова «Воздушные шары» («Детское чтение» 1870, т. III, стр. 307–319). Сохранился список рассказа, написанный рукой С. А. Толстой без авторских поправок.

«Корова и козел»

В оглавлении «Азбуки» источник басни не указан. В собрании же сочинений, изданном в 1873 г., Толстой включил ее в отдел: «Басни, переделанные с индейского, и подражания». Сохранились автограф басни без заглавия и список С. А. Толстой с большими исправлениями Толстого (рук. №№ 4 и 30). Тексту автографа предпосланы темы: «Козел доиться пришел», «Овсянка и перепел», «Дубок и куст», «Мышатник и кошка», «Мужик, повязанный платком», «Змея и дергач» и «На покосе». На первую тему написана данная басня. На вторую, третью и четвертую темы написаны басни под заглавиями: «Дергач и его самка», «Дуб и орешник» и «Кошка и мышатник ястреб». Остальные три темы остались неразработанными. Вслед за басней «Дергач и его самка»,

на том же листе, Толстой начал было рассказ, очевидно, на тему «На покосе», но написал два слова: «Мужик на покосе» и зачеркнул их.

Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новую редакцию перевода басни. С этого списка и производился набор басни. Текст первой редакции басни печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 48. В конце 1874 г. или в первой половине 1875 г. Толстой несколько переработал эту басню и включил ее, в качестве материала для разбора, в свою грамматику.

«Ворон и воронята»

Источник этой легенды не установлен. Судя по пометам в оглавлении книги и на рукописи, происхождение ее литовское. Сохранились автограф без заглавия и копия неизвестной рукой с поправками Толстого и Н. Н. Страхова. Переписчик внес четырнадцать изменений в авторский текст. Семь из них Толстой исправил по-своему, остальные вошли в печатный текст.

«Солнце — тепло»

Сохранился список статьи, написанный рукой С. А. Толстой. В первой половине списка Толстой сделал несколько поправок; вторую же половину списка почти полностью перечеркнул и на полях и в конце листа написал новую редакцию этой части. Этот новый текст был переписан Н. Н. Страховым, который при переписке восстановил три строки зачеркнутого текста и несколько переработал незачеркнутый текст Толстого в конце первой половины списка. С этого списка и производился набор статьи.

«Отчего зло на свете»

Вольный перевод с французского индийской сказки: «Le religieux, la colombe, le corbeau, le serpent venimeux et le cerf» («Монах, голубь, ворон, ядовитая змея и олень») из сборника «Les avadânas contes et apologues indiens», t. I, Paris 1859, стр. 37–40). Сохранилось два автографа и список рукой С. А. Толстой без авторских поправок, но с пометами для наборщиков (рук. №№ 4 и 30). Первый автограф без заглавия, второй первоначально был озаглавлен: «Отчего бывает самое боль-

шое зло на свете», затем: «Отчего бывает больше зла на свете» и, наконец, «Отчего зло бывает на свете». Текст списка, по сравнению с текстами автографов, представляет собою новую расширенную редакцию перевода и был, очевидно, переписан с несохранившегося автографа. С этого списка и производился набор сказки.

Текст первого автографа печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 51.

«Гальванизм»

Сохранился список статьи, написанный до слов: «Вольта и подумал», рукой С. А. Толстой, а далее неизвестной рукой. Толстой сделал в списке ряд мелких исправлений и вычеркнул последний абзац:

Гальвани нечаянно, по лягушкам, нашел силу электричества в соединении металлов, но ошибся и не умел понять, — отчего была эта сила. Вольта поправил его ошибку и настолько понял, в чем дело, что силу эту уже выучились употреблять на пользу.

С этого списка и производился набор статьи.

«Мужик и водяной»

Вольный перевод басни Эзопа «Дровосек и Меркурий». Сохранился автограф перевода, который был первоначально озаглавлен «Плотник и морской царь», а затем «Плотник и водяной», и список неизвестной рукой с поправками Толстого. Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новую редакцию перевода. С этого списка и производился набор басни.

Текст первой редакции перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 49.

«Ворон и лисица»

Вольный перевод басни Эзопа «Ворон и Лисица». Сохранились автограф перевода без заглавия и список рукой С. А. Толстой без авторских поправок, но с пометами для наборщиков (рук. №№ 4 и 30). Текст списка, по сравнению с текстом автографа, представляет новую редакцию перевода. С этого списка производился набор басни.

Текст первой редакции перевода печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 50.

«Кавказский пленник»

В основу начала рассказа, до захвата в плен Жилина, лег известный эпизод из кавказской военной жизни самого Л. Н. Толстого. Это — нападение 13 июня 1853 г. чеченцев на пятерых русских офицеров, в том числе Толстого, отделившихся от «оказии». Эпизод этот описан в воспоминаниях В. П. Полторацкого («Исторический вестник» 1893, № 6, стр. 672) и в «Воспоминаниях о гр. Л. Н. Толстом» С. А. Берса (Смоленск 1894, стр. 9). В остальной части могли быть использованы в качестве материала воспоминания полковника кирасирского полка барона Ф. Ф. Торнау, посланного в 1834–1836 гг. в Абхазию для тайного обследования горских аулов и попавшего в плен к горцам, а также и рассказ «Кавказский пленник», напечатанный за подписью «Н. М.» в «Библиотеке для чтения» (1838, т. XXXI, стр. 17–52).[351]

Дата написания «Кавказского пленника» определяется довольно точно. 11 марта 1872 г. Страхов, отвечая Толстому на его просьбу освободить его от данного им обещания напи-

сать рассказ для журнала «Заря», пишет, что издатель «Зари», Кашпирев возражает против этого. Страхов добавляет: «Покоритесь судьбе и пришлите ваш рассказ об охоте». [352] Очевидно, лишь после получения этого письма Толстой принялся писать рассказ для «Зари». А 22 марта 1872 года Толстой уже общал Стравову: «Для «Зари» я написал совсем новую статью в «Азбуку» — Кавказский пленник, и пришлю не позже, как через неделю». [353] Через три дня, 25 марта, он добавил в конце того же письма: «Письмо это пролежало три дня, я кончил статейку и посылаю ее завтра». Следовательно, рассказ был написан между 11 и 25 марта 1872 г.

Рассказ «Кавказский пленник» был напечатан в № 2 «Зари» за 1872 г.

В рукописных материалах имеется план конца «Кавказского пленника», набросанный Толстым в ряду других тем (см. стр. 432). Трудно сказать определенно, когда этот план был написан. Скорее всего он был набросан уже в процессе писания рассказа. План остался неиспользованным. Толстой иначе закончил рассказ. Автограф «Кавказского пленника» не

сохранился. Имеется список его, написанный С. А. Толстой с большими авторскими исправлениями. В конце списка собственноручная подпись: «Граф Л. Н. Толстой». С этого списка производился набор в журнале «Заря» (рук. № 18). Кроме того, сохранилась вырезка из «Зари» с текстом этого рассказа. С этой вырезки производился вторичный набор «Кавказского пленника». Печатный текст имеет двенадцать разночтений с текстом вырезки.

Выдержки из первой редакции рассказа по списку С. А. Толстой печатаются в отделе вариантов «Азбуки» под № 53.

Во всех изданиях «Русских книг для чтения», которые выходили в семидесятых годах и в которых принимал участие Толстой, «Кавказский пленник» перепечатывался с немногими несущественными изменениями текста. В 1885 г. «Кавказский пленник» вышел отдельной брошюрой в издании «Посредника». Издание снабжено было двумя иллюстрациями, помещенными на первой и последней страницах обложки. Текст рассказа в этом издании был несколько сокращен и местах в шестидесяти слегка изменен стилистически.

31 января 1885 г., перед печатанием рассказа, В. Г. Чертков писал Толстому, убеждая его изменить два места.[354] 5–6 февраля 1885 г. Толстой ответил Черткову: «На исключение тех мест, о которых вы писали, я очень радостно согласен и благодарен. Только сделайте сами».[355]

В 1885 г. Сытин предполагал в ряду других рассказов Толстого выпустить и «Кавказского пленника» в издании с более крупной печатью и с большим числом рисунков. 17 октября 1885 г. Толстой прислал В. Г. Черткову по его просьбе для этого издания более подробное заглавие «Кавказского пленника»: «Кавказский пленник, или история о том, как был в плену и бежал из плена русский офицер». Но под этим заглавием рассказ не появлялся в печати (см. прим. к рассказу: «Бог правду видит», стр. 654–656).

«Кавказский пленник» в этом переработанном виде перепечатывался без изменений во всех последующих изданиях «Посредника». Но в «Русских книгах для чтения» и в собраниях сочинений Толстого, издававшихся С. А. Толстой, рассказ этот продолжал печат-

таться в редакции 1872 г.

«Микула Селянинович»

Сохранилось шесть незаконченных и шесть законченных вариантов этой былины (см. «Описание рукописей», № 6).

Все эти варианты являются сокращением и переработкой в стилистическом и отчасти в смысловом и композиционном отношении былины «О Вольге Святославиче», помещенной в собрании былин П. Н. Рыбникова под цифрой 3 («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I, М. 1861, стр. 17–22). Очень немногое Толстой заимствовал из двух других былин о Вольге, помеченных у П. Н. Рыбникова под цифрами 4 и 5 (стр. 22–26). Им были опущены в третьей былине первые двадцать два стиха, где говорится о рождении и воспитании Вольги и о получении им трех городов. Все варианты начинаются с поездки Вольги, как начинается пятая былина. Рассказ Микулы о поездке в город и столкновении на пути с мужиками-разбойниками также опущен.

Незаконченные варианты:

Первый вариант обрывается на встрече Вольги с Микулой. В начале варианта указана цель поездки Вольги («за получкой»), как в третьей былине у Рыбникова. Вольга поименован Всеславичем, как в пятой былине. Размер: восемь слогов в стихе.

Второй вариант заканчивается ответом Микулы на приветствие Вольги. Цель поездки Вольги в этом варианте, как и в остальных четырех незаконченных вариантах, не указана. Размер: одиннадцать слогов в стихе.

Третий вариант обрывается на ответе Микулы на приветствие Вольги. Размер: одиннадцать слогов в стихе.

Четвертый вариант обрывается на приглашении Вольгой Микулы поехать с ним «во товарищах». Размер: девять слогов в стихе.

Пятый вариант обрывается на обращении Вольги к Микуле с приветствием. Написан строфами. В строфе по четыре стиха; но в двух строфах число стихов не выдержано: размер первой строфы — девять слогов, а второй — одиннадцать — двенадцать слогов. Печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 56.

Шестой вариант состоит из девяти стихов

и обрывается на поездке Вольги к пахарю.
Размер: одиннадцать слогов в стихе.

Законченные варианты:

Первый вариант представляет собой сокращение и существенную переработку в композиционном отношении былины о Вольге, помещенной в собрании П. Н. Рыбникова под № 3. В последней Вольга приглашает Микулу поехать с ним «во товарищах»; вслед за этим идет история с сошкой, затем поездка и, наконец, разговор Вольги с Микулой о лошади последнего и вопрос Вольги об имени и отчестве Микулы. В варианте же, как в былине под № 5, Вольга приглашает Микулу поехать с ним к Киеву. За этим приглашением следует описание поездки и разговор о лошади Микулы, после которого Вольга вторично предлагает Микуле: «А приедем, мужик, со мной в Киев град, оставайся со мной ты в товарищах». После этого идет история с сошкой и вопрос Вольги об имени и отчестве Микулы. Размер: одиннадцать слогов в стихе.

Второй вариант по содержанию и построению одинаков с первым законченным вари-

антом. Размер стихов тот же, что и в первом варианте. Печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 56.

Третий вариант является сокращением и стилистической и местами смысловой переработкой былины о Вольге, помещенной в собрании П. Н. Рыбникова под № 3. Композиционное построение его одинаково с подлинником. Размер: одиннадцать слогов в стихе.

Четвертый вариант по содержанию и построению одинаков с третьим вариантом. Размер: девять — одиннадцать слогов в стихе. Печатается в отделе вариантов «Азбуки» под № 56.

Пятый вариант по построению одинаков с первым и вторым законченными вариантами.

Шестой вариант композиционно построен так же, как третий и четвертый законченные варианты. С этого варианта была списана копия неизвестной рукой, которую Толстой слегка переработал (рук. № 30) и с которой и производился набор былины.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ
ДЛЯ «АЗБУКИ» И НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ**

В НЕЕ[356]

«Волк и семеро маленьких козляточек»
(стр. 342)

Сжатый перевод сказки братьев Гримм под указанным заглавием. Сохранилась рукопись конца этого перевода, написанная рукой С. А. Толстой с большими исправлениями Толстого.

[«Хозяин вернулся с супом...»] (стр. 342)

Конец неизвестного рассказа. Лист с началом его утерян.

«Рассказ» (стр. 342)

Этот рассказ послужил источником для двух новых рассказов: «От скорости сила» и «Девочки и грибы».

«Как я выучился ездить верхом» (стр. 343)

Рассказ этот в автографе следует за рассказом под тем же заглавием, но с подзаголовком «Рассказ барина» и, судя по чернилам и почерку, написан одновременно с ним. Явно, что Толстой думал противопоставить в нем смелого и самостоятельного крестьянского

мальчика робкому и беспомощному мальчику-барчонку, фигурирующему в первом рассказе. Рассказ остался незаконченным.

[«Один святой человек шел из города...»]
(стр. 344)

Вольный перевод с французского рассказа тринадцатого из III главы «Гюлистана» Саади о Моисее и голом человеке. Рассказ взят из книги «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, (стр. 585–586). Эта книга имеется в яснополянской библиотеке. Верхний угол листа с рассказом в ней загнут.

«Солдат» (стр. 345)

Переработка рассказа «Добросовестный дикарь» из хрестоматии К. Д. Ушинского («Детский мир и хрестоматия», изд. 14-е, I, СПб. 1873, стр. 15). Дикого индейца и его соседа, фигурирующих в этом рассказе, Толстой заменил двумя солдатами. Сохранился список этой переделки, написанный С. А. Толстой в конце 1871 или в начале 1872 г., с небольшими авторскими исправлениями (рук. № 5). Перед заглавием Толстой сделал помету: «ф. с.

п.», которая значит: «фантастическое — сказка — человек».

В конце 1874 или в начале 1875 г. тот же рассказ из хрестоматии К. Д. Ушинского Толстой переработал вторично и дал новую редакцию рассказа (см. стр. 406).

[«*В одной деревне две крестьянские девочки пошли за грибами...*»] (стр. 345)

Переработка рассказа из действительной жизни, напечатанного в «Сельском чтении» В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого под заглавием «Храбрая Фекла» (кн. 4-я, изд. 2-е, СПб. 1852, стр. 113–114). В несколько переработанном виде этот рассказ, под заглавием: «Присутствие духа крестьянской девочки», помещен был и в книге И. Паульсона («Книга для чтения и практических упражнений в русском языке», М. 1870, стр. 67).

«*Храбрый солдат*» (стр. 346)

В основу рассказа положен известный эпизод из кавказской военной жизни самого Толстого. Случай этот рассказан в воспоминаниях В. А. Полторацкого («Исторический вест-

ник» 1893, № 6, стр. 672) и в «Воспоминаниях о гр. Л. Н. Толстом» С. А. Берса (Смоленск 1894, стр. 9).

«Проезжие в светлый праздник» (стр. 346)

Переработка в самостоятельный рассказ «бывальщинки» В. И. Даля, под заглавием «Светлый праздник» (см. «Два сорока бывальщинок для крестьян», ч. I, СПб. 1862, стр. 27–34).

«Коршуны» (стр. 350)

Описание этой игры очень близко к описанию той же игры, которая дается в книге Ю. Игнатовича, в статьях: «Коршун» и «Про крестьянских ребят» («Сборник игр для детей», вып. I, СПб. 1871, стр. 23 и 61–63), и в книжке В. И. Даля «Первая первинка полуграмотной внучке», М. 1871, стр. 128–132. Сохранился автограф.

«Балакирев» (стр. 352)

Переработка анекдота о Балакиреве из хрестоматии П. Басистова «Для чтения и рассказа. Хрестоматия... Курс первый», изд. 9-е, М.

1870, стр. 275–276).

«Смерть Олега» (стр. 352–353)

Вольный перевод сказания о смерти Олега, записанного в летописи Нестора. Буквальный перевод этого сказания помещен во второй книге «Азбуки».

«Как боролся русский богатырь» (стр. 353–354)

Вольный перевод и местами переделка сказания о борьбе русского с печенегом, записанного в летописи Нестора под 6500 годом. Буквальный перевод этого сказания помещен в четвертой книге «Азбуки», под заглавием «Борьба русского с печенегом».

«7 греческих мудрецов» (стр. 354–355)

Стилистическая и композиционная переработка рассказа Вл. Классовского, под заглавием: «Семь мудрецов Греции», из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. 2, изд. 5-е, СПб. 1867, стр. 280–281).

«*Буран*» (стр. 356)

В одном из набросков тем статей и рассказов для «Азбуки» Толстой пометил тему: «Буран. Рассказ М. И.» (см. стр. 428). Возможно, что это был устный рассказ какого-нибудь лица, который слышал Толстой. Сохранился автограф рассказа.

«*Как медведя поймали*» (стр. 357–358)

Переработка в самостоятельный рассказ первого рассказа из «бывальщинки» В. И. Даля, озаглавленной «Медведи» (см. «Два сорока бывальщинок для крестьян», ч. I, СПб. 1862, стр. 127–129).

«*Ньюфаундлендские собаки*» (стр. 361)

Источником этого рассказа послужила статья А. Пчельникова «Собака», помещенная в журнале «Семейные вечера» (1870, № 1, стр. 43–45).

«*Страус*» (стр. 361)

Имеется список этого описания, написанный рукой С. А. Толстой. Текст его без поправок Толстого. Перед заглавием рукой Толстого

поставлена цифра 14, показывающая, что по одному из первоначальных планов он предполагал включить это описание в «Азбуку», в научно-популярный отдел, о чем помечено в верхнем левом углу списка буквами «н. о. ж.», которые означают: «научное — описание — животные».

«О муравьях» (стр. 361)

Переработка в самостоятельный рассказ рассказа: «Догадливые муравьи», который в семидесятых годах помещался в школьных хрестоматиях.

«На что нужны мыши» (стр. 363)

Сохранился автограф рассказа. Под заглавием помета Толстого: «ф. с. ж.», которая означает: «фантастическое — сказки — животные». Автограф был написан в один прием, а затем последние две трети его подвергались существенной переработке; но и в этом виде рассказ, очевидно, не удовлетворил автора. Он перечеркнул его и на отдельном листе первую треть зачеркнутого рассказа, которая почти не подвергалась переработке, развер-

нул в самостоятельный рассказ — «Яблони», который вошел в третью книгу «Азбуки».

«*Деревья дышат*» (стр. 363–364)

Этот рассказ был включен Толстым во вторую книгу «Азбуки» и набран в типографии Риса, а затем уже в верстке был исключен из нее Н. Н. Страховым. Никаких рукописных следов этого рассказа не сохранилось.

«*Момутовое дерево*» (стр. 364)

Материалом для этого описания послужила статья «Удивительные деревья», помещенная в журнале «Звездочка» (1863, № 9, стр. 134–137).

«*Чай*» (стр. 364)

Материалом для этой статьи послужила статья А. Скау «Чайный куст» из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 532–537).

«*Пробка*» (стр. 364)

Материалом для этой статьи послужила статья Гартинга «Пробка» из книги П. Перев-

лесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 615–618).

«Отчего в темноте видно?» (стр. 365)

Материалом для этой статьи послужила статья Вебера «Органы внешних чувств и отправления их» из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 422–425). Сохранился список статьи, написанный С. А. Толстой с поправками Толстого. Этот список был включен в состав наборной рукописи второй книги «Азбуки» и статья помечена в оглавлении этой книги. Изъял эту статью из материалов «Азбуки» Н. Н. Страхов.

[«Когда кругом тихо...»] (стр. 365)

Материалом для этой статейки послужила та же статья Вебера «Органы внешних чувств и отправления их». Статьи написана в конце листа в виде добавления к переписанной статье «Отчего в темноте видно?» и отделена от последней двумя горизонтальными чертами. Вместе с названной статьей Толстой включил ее в состав наборной рукописи вто-

рой книги «Азбуки». Н. Н. Страхов изъясил ее из материалов «Азбуки».

«Астрономы» (стр. 366–367)

18 января 1872 г. С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской, что Толстой читает физику и астрономию. Записные книжки Толстого за 24 января и 12 февраля 1872 г. полны заметками по физике и астрономии.[357] Под 19 апреля 1872 г. С. А. Толстая занесла в свой дневник: «Всю ночь Левочка до рассвета смотрел на звезды». В конце одного листа с рассказами для «Азбуки» Толстой набросал: «Мерять углы. Переверт. кадрат. Ход звезд. Солнце отстает, часы. Экватор — повсюду под гору. Расстояние луны, солнца, звезд». И на другом листе — в ряду тем по разным предметам: «Астрономия — что видно на небе по ночам и что днем и что из колодца. И как это объяснить, не принимая вращения земли. Ряд статей». Несомненно, что эти темы по астрономии Толстой набросал попутно с чтением книг и своими наблюдениями звездного неба, то есть в период с января 1872 г. по апрель включительно. Автографы статей занимают 10 л.,

из которых 7 лл. заняты текстом с обеих сторон и три с одной стороны. Обрат последнего листа занят геометрическими чертежами. Анализ текста автографов доказывает, что Толстой, написав четыре с половиной страницы, написанную часть работы разбил приблизительно на две равные части, озаглавив первую часть «Астрономы», а вторую: — «Звезды». После этого Толстой приступил к писанию статей о солнце, но, не закончив их, набросал начерно план продолжения этих статей и снова вернулся к двум первым статьям. Текст статьи «Звезды» почти полностью зачеркнул, оставив лишь конец ее. Вслед за статьей о солнце написал новую редакцию статьи о звездах, состоящую из восьми глав, в которых он переработал и значительно расширил содержание первой редакции. На восьмой главе новой редакции обрывается работа Толстого. Таким образом, план Толстого дать цикл популярных статей по астрономии остался невыполненным.

«Растяжимость тел от тепла» (стр. 393)
Имеется список этой статьи, написанный

рукой С. А. Толстой. Толстой включил этот список в состав наборной рукописи второй книги «Азбуки», пометив на полях листа против заглавия статьи: «В IV отделе II части». Н. Н. Страхов переделал в заглавии статьи слово «Растяжимость» в «Расширяемость», а затем зачеркнул заглавие. Первую треть статьи он отчеркнул с пометой на полях: «Набрать отдельно, я укажу потом место». Последние две трети статьи он зачеркнул. Первая треть статьи была включена им в середину статьи: «Тепло. I», помещенной во второй книге «Азбуки».

«Как вещества соединяются» (стр. 386)

Автограф статьи входил в состав наборной рукописи четвертой книги «Азбуки». Н. Н. Страхов, с согласия Толстого, исключил эту статью из «Азбуки».

«Алмаз» (стр. 383)

Переработка описания Бабине «Алмаз» из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 448).

«Как делают колеса» (стр. 383)

Статья незакончена. В автографе вслед за этой статьей Толстой наметил темы для целой серии статей, в которых он, очевидно, намеревался в популярной форме познакомить учащихся с изготовлением и производством разных предметов сельскохозяйственного и промышленного характера. Темы эти следующие:

Как делают обода-ступицы и насаживают.

Как делают кожи.

Как рушат гречу и пшеницу.

Как делают кадки.

. горшки.

Какая лучшая пшеница.

Как делают полотно.

Как. сукно.

Как делают квас.

. водку.

. спички.

. свечки.

. керосин.

. бумагу.

. шелк.

..... ЗОЛОТО.

..... ПОДКОВУ.

..... ГВОЗДИ.

Из всех этих тем Толстой попытался разработать лишь одну: «Как делают водку».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ «НОВОЙ АЗБУКИ» И НЕ ВКЛЮ- ЧЕННЫЕ В НЕЕ[358]

[«*Девочки пошли по малину...*»] (стр. 389)

Сохранилось два варианта-автографа и копия со второго автографа неизвестной рукой с поправками Толстого. Печатаются оба варианта. Второй — печатается по исправленной копии.

[«*Сварила баба кисель очень густ...*»] (стр. 389).

Сохранилось два варианта-автографа, написанные один за другим на одном листе. Тексты их разнятся между собою только стилистически. Оба они перечеркнуты сверху вниз. Печатается второй вариант.

[«*Маше купили игрушку — лодку...*»] (стр. 390)

Сохранился автограф и копия рукой Д. Ф. Троицкого-Воскресенского с поправками Толстого. Печатается по исправленной копии.

[*«Была ссора промеж пчел и жуков...»*] (стр. 390).

Сохранился автограф и копия рукой Д. Ф. Троицкого-Воскресенского. Толстой начал было перерабатывать копию, но, не закончив переработки, зачеркнул ее по строкам, а за ним перечеркнул и автограф сверху вниз. Между строк зачеркнутого списка он написал новый рассказ «Жили два жука у забора».

Печатается по автографу.

[*«Жили два жука у забора...»*] (стр. 390).

См. предыдущее примечание.

[*«Жил-был мужик...»*] (стр. 390)

Переработка в самостоятельный рассказ басни Эзопа «Собака и Хозяин». Сохранился автограф.

[*«Пришел медведь на осик...»*] (стр. 391)

Переработка басни Эзопа. «Медведь и Пчелы». Сохранились три черновые варианта-автографа этой переделки и копии со второго и третьего вариантов неизвестной рукой и рукой С. А. Толстой. В настоящем томе все три варианта печатаются по автографам.

[«*Нашла собака кость...*»] (стр. 391)

Переделка басни Эзопа «Собака, несущая мясо». Басня сохранилась в трех редакциях-автографах. Все они печатаются в настоящем томе. Помимо этого имеются еще три варианта перевода этой басни Эзопа: один из них напечатан в «Азбуке», другой в «Новой азбуке» и третий в вариантах «Новой азбуки».

[«*Заспорили Марья с Феклой...*»] (стр. 391)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Наши пряли, а ваши спали».

[«*Были два мужика Петр и Иван...*»] (стр. 392)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Наши пряли, а

ваши спали». Сохранился автограф рассказа. Толстой закончил было рассказ приведенной поговоркой, но потом зачеркнул ее.

[*«Пришел нищий в деревню...»*] (стр. 392)

Рассказ написан на поговорку, помещенную в первой книге «Азбуки»: «На нет и суда нет». Сохранился автограф. Текст его перечеркнут Толстым.

[*«Был глупый мужик...»*] (стр. 392)

Рассказ написан на поговорку, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Изба крепка запором, а двор забором».

[*«Взялся человек рыть канаву...»*] (стр. 392)

Рассказ написан на поговорку, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Не величка капля, а камень долбит». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом.

[*«Мужик рано вставал...»*] (стр. 392)

Рассказ написан на поговорку, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Заря деньгу дает». Сохранился автограф с перечеркнутым

ТЕКСТОМ.

[*«Жили старик со старухой...»*] (стр. 392)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Азбуку учат, на всю избу кричат». Сохранился автограф. Слова пословицы обозначены только начальными буквами.

[*«Был глупый купец...»*] (стр. 392)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Аршин на сукно, ведро на вино». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом. Слова пословицы, которой заканчивается рассказ, обозначены только начальными буквами.

[*«Если привязать алого сукна кусочек...»*] (стр. 392)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Ал цвет мил на весь свет». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом. Слова пословицы обозначены только начальными буквами.

[«Жил мальчик в ученьи...»] (стр. 393)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Семейная кашка гуще кипит». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом.

[«Девочка с матерью пришла в ряды...»]
(стр. 393)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «И пчела летит на красный цвет». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом. Слова пословицы обозначены только начальными буквами.

[«Ездил барин за границу...»] (стр. 393)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Ворон за море летал, а умней не стал». Сохранился автограф рассказа. Слова пословицы, за исключением первого, обозначены только начальными буквами.

[«Приехал мужик в деревню...»] (стр. 393)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Не разевай

рта, муха не влетит». Сохранился автограф. Слова поговорки, за исключением первого, обозначены только начальными буквами.

[«*Федя влез на ель...*»] (стр. 393)

Рассказ сохранился в двух редакциях-автографах, написанных на полях листа с другими рассказами. Толстой начал писать первую редакцию, но не закончил ее и вслед за ней написал вторую редакцию. Перечеркнув текст последней сверху вниз, он вернулся к первой редакции и закончил ее между строк и текстом двух других рассказов. Печатаются обе редакции.

[«*Давно ли ты, дядя, нем?..*»] (стр. 393)

Имеются два варианта этого диалога. Автограф первого не сохранился. Список его, написанный рукой С. А. Толстой, с небольшими исправлениями Толстого, дважды перечеркнут сверху вниз. Второй вариант — автограф, написанный в конце листа с копиями рассказов Толстого. Первая половина его вставлена после, на полях листа, и зачеркнута по строкам. Печатаются оба варианта.

[«*Были у волка дети...*»] (стр. 393)

Источник рассказа не установлен. Аналогичный рассказ, под заглавием «Львица и два львенка», имеется в арабском сборнике «Калила и Димна». Сохранился автограф с перечеркнутым сверху вниз текстом. Рассказ остался незаконченным.

[«*Жил старый дед...*»] (стр. 393)

Имеются два незаконченные варианта-автографа этого рассказа, написанные один за другим на одном листе. Оба они перечеркнуты Толстым. Печатается второй вариант.

[«*Ехали два воза...*»] (стр. 394)

Переделка басни И. А. Крылова «Две бочки». В качестве материала для грамматических упражнений она входит в первую редакцию «Новой азбуки». Сохранился автограф.

[«*Мальчик играл...*»] (стр. 394)

Автограф рассказа помещен в конце листа с оторванным углом и обрывается на слове: «спасибо». С автографа была списана копия

рукой С. А. Толстой. Копия имеет окончание рассказа. Поправок Толстого в ней нет. Конец рассказа печатается по копии.

[*«Вася хотел сесть на лавку...»*] (стр. 394)

Сохранилось четыре варианта-автографа этого рассказа. Третий вариант не закончен. Все они перечеркнуты Толстым. Печатаются первый и четвертый варианты рассказа.

[*«Петр нес куль круп...»*] (стр. 394)

Сохранился список, написанный рукой С. А. Толстой и переработанный Толстым. Автором рассказа была С. А. Толстая. Печатается в переработанном Толстым виде.

[*«Мужик убил зайца...»*] (стр. 394)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Удалось червяку на веку лист съесть». Сохранился автограф рассказа с перечеркнутым текстом.

[*«Девочка любила играть на улице...»*] (стр. 394)

Рассказ написан на пословицу, помещен-

ную в первой книге «Азбуки»: «Глупой птице свой дом не мил». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом.

[«У купца было много хлеба...»] (стр. 394)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Не годы стареют — горе». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом.

[«Мальчик лежал на земле...»] (стр. 394)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Как глядишь, так и видишь». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом. Слова пословицы, за исключением первого, обозначены только начальными буквами.

[«Горел дом...»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу. Материалом для него послужила притча Круммахера, помещенная, под заглавием «Семя», в хрестоматии П. Басистова («Хрестоматия для упражнения при преподавании русского языка», курс второй, изд. 2-е, М. 1870, стр. 13. Ср. «Два

путешественника» в «Детском мире и хрестоматии» К. Ушинского, ч. 1, изд. 14-е, СПб. 1873, стр. 15–16). Сохранился автограф.

[«*Воры хотели красть лес...*»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Не будет снега, не будет и следа». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом. Рассказ не закончен.

[«*Купец занял денег...*»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Если изверишься в алтыне, не поверят и в рубле». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом.

[«*Была девочка Параша...*»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу: «На сердитых воду возят», которая имеется в первой книге «Азбуки». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом.

[«*Мальчик взял крюк железный...*»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу, помещен-

ную в первой книге «Азбуки»: «Железом хлеба добывают».

[«Мужик хотел закинуть котят...»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «У княгини князя, у кошки котя — всё то же дитя».

[«Взял мальчик косу...»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Знай сверчок свой шесток». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом.

[«Девочка без матери зашла в погребницу...»] (стр. 395)

Рассказ написан на пословицу, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Знает кошка, чье мясо съела». Сохранился автограф с перечеркнутым текстом. Все слова пословицы, за исключением первого, обозначены только начальными буквами.

[«В стаде издох ягненок...»] (стр. 395)

Сюжет этой басни заимствован у Эзопа (басни «Пастух и Собака» и «Пастух и Щенок»). Сохранился автограф.

[«*Одного человека до крови искусала собака...*»] (стр. 396)

Переделка басни Эзопа «Укушенный собакою». В басне Эзопа пострадавший идет не к бабке, а к лекарю. Нелепый совет дает ему крестьянин. Пострадавший отвечает советчику, что если он послушает его, то на него набросятся все собаки. Сохранился автограф переделки.

[«*Собрались птицы себе царя выбирать...*»] (стр. 396)

Близкий к подлиннику перевод басни Эзопа «Павлин и Соя», но с добавлением конца, которого нет у Эзопа. У последнего басня кончается вопросом Сои. Сохранился автограф перевода.

«*Жил попугай в богатом доме...*» (стр. 396)
Сохранился автограф басни.

[«Вздумали раз люди...»] (стр. 397)

Сохранились две редакции рассказа. Автограф первой редакции перечеркнут Толстым. Редакция не закончена. Печатается по второму автографу.

[«Собака лежала под сараем на сене...»]
(стр. 397)

Рассказ написан на поговорку, помещенную в первой книге «Азбуки»: «Собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает» и вместе с тем является переделкой басни Эзопа «Бык и Собака». Рассказ сохранился в двух редакциях. Вторая редакция — в двух вариантах. Автографы обоих вариантов помещены на полях добавочного листа к курсу этимологии для сельской школы в качестве материала для ознакомления учеников с изменяемыми и неизменяемыми словами. Оба варианта озаглавлены: «Бык, собака и сено». Текст второго варианта перечеркнут Толстым. Первый вариант вместе с курсом этимологии был переписан Д. Ф. Троицким-Воскресенским. Толстой внес в список несколько поправок. Печатаются первая редакция и первый вариант

второй редакции в переработанном виде.

[«В давнишние времена была сильная война между зверями и птицами...»] (стр. 397)

Переделка рассказа И. Паульсона, помещенного в его хрестоматии, под заглавием «Летучая мышь» («Книга для чтения и практических упражнений в русском языке», М. 1870, стр. 159–160). Ср. басню Эзопа «Летучая мышь и Хорек» и басню Лафонтена «La Chauve-souris et les deux Belettes» («Летучая мышь и две ласочки»). Сохранился автограф.

[«Собралось много народа на свадьбу...»] (стр. 398)

Переработка эпизода из жизнеописания Эзопа: философ Ксанф послал своего невольника Эзопа в баню узнать, много ли там моющихся. При входе в баню лежал камень. Люди, входившие в баню, спотыкались об этот камень. Только один человек догадался убрать его. Увидев это, Эзоп вернулся и сказал, что в бане только один человек (ср. «Эзоповы басни», М. 1792, стр. 41–42). Сохранился автограф.

[«Упала собака в колодезь...»] (стр. 398)

Вольный перевод басни Эзопа «Садовник и Собака». Сохранился автограф перевода.

[«Бежал заяц от собак...»] (стр. 398)

Рассказ написан на пословицу: «От добра добра не ищут» и вместе с тем является переделкой басни Эзопа «Лань и Лев». Сохранился автограф.

[«Один старец пошел волка усовещивать...»] (стр. 398)

Перевод с французского восточной басни «Le derviche et le loup» («Дервиш и волк») из сборника «Contes et fables indiennes de Bidpai» (см. «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, стр. 514). Книга эта имеется в яснополянской библиотеке. Нижний угол листа с этой басней в указанной книге загнут. Сохранился автограф.

[«Хотела гусыня выучить гусенят...»] (стр. 398)

Переделка басни Лафонтена «L'Écrivisse et

son fils» («Рак и его сын»). Рака и его сына, фигурирующих в басне Лафонтена, Толстой заменил гусыней и гусенятами (ср. басню Сумарокова «Два рака»).

[«Подошел ночью вор ко двору...»] (стр. 398)
Вольный перевод басни Эзопа «Вор и Собака».

[«Увидала лисица, что волк зубы точит...»]
(стр. 399)

Вольный перевод басни Эзопа «Дикий Кабан и Лисица». Сохранились два варианта-автографа перевода. Печатаются оба.

[«Подралась раз кошка с собакой...»] (стр. 399)

Переделка рассказа «Собака и кошка» из книги И. Паульсона «Первая учебная книжка» (изд. 5-е, СПб. 1874, стр. 173). Сохранился автограф. Первоначально Толстой начал было рассказ так:

Подрались раз гуси с курами Хозяйка сидела на пороге.

[«Плыло по реке бревно...»] (стр. 399)

Рассказ написан на поговорку: «На воде всякое дерево здорово» и вместе с тем является переработкой басни о мужиках и дереве, которая приведена в жизнеописании Эзопа (М. 1792, стр. 71–72). Сохранился автограф.

[«Пошли два рабочих...»] (стр. 399)

Переработка в самостоятельный рассказ анекдотического эпизода из биографии Эзопа (М. 1792, стр. 11–13). Рассказ сохранился в двух редакциях. Автограф первой редакции перечеркнут Толстым. Печатаются обе редакции.

«Был один татарин пьяница...» (стр. 400)

Вольный перевод и местами переделка басни Эзопа «Жена» (ср. с басней Лафонтена «L'ivrogne et sa femme», переведенной на русский язык О. Чюминой под заглавием «Пьяница и его жена»). Сохранились два автографа перевода. Печатается по второму автографу.

[«Хотелось волку подобраться к жеребенку...»] (стр. 400)

Переработка в самостоятельный рассказ басен Эзопа «Осел и Волк» и «Лев и Лошадь» и сказки братьев Grimm «Des Wolfes glücklicher Tag» в пересказе А. Н. Афанасьева («Народные русские сказки», изд. 2-е, К. Солдатенкова и Н. Щепкина, вып. IV, М. 1860, стр. 161–162). Сохранился автограф переработки басни.

[«Попался перепел в сеть к охотнику...»] (стр. 400)

Вольный перевод басни Эзопа «Человек и Куропатка». Сохранился автограф.

[«Повстречались свинья и лисица...»] (стр. 400)

Вольный перевод и местами переделка басни Эзопа «Обезьяна и Лисица». Обезьяну Толстой заменил свиньей. Сохранился автограф.

[«Гнался сокол за голубем...»] (стр. 400)

Небольшая переработка одной из басен Эзопа, переведенной на русский язык М. Т. под заглавием «Голубь и копчик». В переводе М. Т. птицелов убивает копчика (ср. «Эзоповы

басни. Перевод с 2-го французского издания М. Т.», изд. Шарапова, ч. I, М. 1858, стр. 42, с басней Лафонтена «L'Oiseleur, l'Autour et l'Alouette», переведенной на русский язык О. Чюминой под заглавием «Птицелов, ястреб и жаворонок»). Сохранился автограф.

[«*Мальчик украл у соседа яйца...*»] (стр. 400)

Вольный перевод и местами переделка басни Эзопа «Мальчик и мать».

[«*Зашли два человека в лавку...*»] (стр. 401)

Переделка басни Эзопа «Юноша и Повар». У Эзопа юноша ворует у повара кусок мяса.

[«*У пастуха пропала овца...*»] (стр. 401)

Вольный перевод и местами переделка басни Эзопа «Пастух» (ср. с басней Лафонтена «Le Râtre et le Lion», переведенной на русский язык В. Мазуркевичем под заглавием «Пастух и лев»). В басне Эзопа фигурируют Юпитер и лев. Пастух обещает принести в жертву козла, а затем вола. Толстой заменил было Юпитера просто богом, а затем Николаем, но потом зачеркнул то и другое.

[«Гонялся, гонялся ястреб за голубями...»]
(стр. 402)

Переделка басни Эзопа «Голуби и Коршун». В басне Эзопа голуби, чтобы спастись от коршуна, сами избирают себе царем сокола, который и истребляет их.

[«Два быка бились подле озера...»] (стр. 402)

Передача в сжатом виде содержания басни Лафонтена «Les deux Taureaux et une Grenouille» (ср. перевод Сумарокова «Пужливая лягушка» и Ф. Зарина: «Два быка и лягушка»).

[«Бык подошел к озеру...»] (стр. 402)

Переделка басни Эзопа «Лягушка и Бык».

[«Петух копал навоз...»] (стр. 402)

Переделка басни Лафонтена «Le Coq et la Perle», переведенной на русский язык И. А. Крыловым под заглавием «Петух и жемчужное зерно».

[«Одна волчица попросилась к свинье ноче-

вать...»] (стр. 402)

Переделка басни Эзопа «Сука». Толстой сжал содержание подлинника и двух собак сначала заменил волчицей и собакой, а затем волчицей и свиньей (ср. «Эзоповы басни. Перевод с 2-го французского издания М. Т.», изд. Шарапова, ч. II, 1858, стр. 90, а также с басней Лафонтена «La Lice et sa Compagne», переведенной на русский язык Г-том под заглавием: «Две собаки»).

[«Лягушки стали ссориться...»] (стр. 402)

Вольный перевод басни Эзопа «Лягушки» (ср. с басней Лафонтена «Les grenouilles qui demandent un roi», переведенной на русский язык И. А. Крыловым под заглавием «Лягушки, просящие царя»).

[«Стоял дуб выше всех деревьев...»] (стр. 403)

Возможно, что это переработка басни Эзопа «Трость и Олива». Перевод этой басни Толстой поместил в четвертой книге «Азбуки».

[«Высохли от жару пруды и болота...»]
(стр. 403)

Вольный перевод басни Эзопа «Лягушки».

[«Один скупой человек собрал кубышку денег...»] (стр. 403)

Вольный перевод басни Эзопа «Скупой». В подлиннике некто советует скупому положить вместо золота камень и почитать его за золото.

[«Поспорил журавль с павлином...»] (стр. 403)

Вольный перевод басни Эзопа «Павлин и Журавль».

[«Поспорил горшок с чугуном...»] (стр. 403)

Переделка басни Эзопа «Горшки» (ср. с басней Лафонтена «Le Pot de terre et le Pot de fer», переведенной на русский язык Крыловым под заглавием «Котел и горшок» и Сумароковым под заглавием «Горшки»).

[«Стала собака кур ловить...»] (стр. 403)

Радикальная переделка басни Эзопа «Соба-

ка». В подлиннике собака кусалась исподтишка. Хозяин привесил ей колокольчик, чтобы ее остерегались. Собаку изобличила в хвастовстве старуха.

[«Заспорили солнце с ветром...»] (стр. 403)

Вольный перевод басни Эзопа «Солнце и Борей» (ср. с басней Лафонтена «Phébus et Borée», переведенной на русский язык О. Чюминой под заглавием «Феб и Борей»).

[«Вывела перепелка в овсе перепелят...»] (стр. 404)

Вольный перевод басни Эзопа «Жаворонок и его птенцы» (ср. с басней Лафонтена «L'Alouette et ses Petits avec le Maître d'un champ», переведенной на русский язык В. Мазуркевичем под заглавием «Жаворонок с птенцами и землевладелец» и Сумароковым под заглавием «Птаха и дочь ее»).

[«Олень забидел рогами лошадь...»] (стр. 404)

Вольный перевод басни Эзопа «Олень и Лошадь».

[*«Пришел человек в лес...»*] (стр. 404)

Переработка басни Лафонтена «La Forêt et le Vîchejon», переведенной на русский язык Сумароковым под заглавием «Топорище» и Ф. Зариным под заглавием «Лес и дровосек».

[*«Состарилась охотничья собака...»*] (стр. 404)

Переработка басни Эзопа «Охотник и Собака». В подлиннике охотник избил собаку, спугнувшую оленя.

[*«Заспорила муха с муравьем...»*] (стр. 405)

Источником для этой басни послужила басня Эзопа «Муха и Муравей» (ср. с басней Лафонтена «La Mouche et la Fourmi», переведенной на русский язык Тредьяковским под заглавием «Муха и муравей» и Крыловым под заглавием «Муха и пчела»). Басня не закончена.

[*«Попала лисица в колодезь...»*] (стр. 405)

Переделка басни Эзопа «Лисица и Козел» (ср. с басней Лафонтена «Le Renard et le Boeuf»,

переведенной на русский язык Измайловым под заглавием «Козел и лисица» и Сумароковым под заглавием «Лисица и козел»).

Другая переделка этой же басни, под заглавием: «Лисица и козел», помещена во второй книге «Азбуки».

[«*Везли две лошади два воза...*»] (стр. 405)

Вольный перевод и местами переделка басни Лафонтена «Les deux Mulets» (ср. перевод О. Чюминой под заглавием «Два мула»).

[«*Сидел рябчик на дереве...*»] (стр. 406)

Переработка басни Лафонтена «Le Lièvre et le Perdrix», переведенной на русский язык А. Зариным под заглавием «Заяц и куропатка».

[«*Один царь хотел испытать своего слугу...*»] (стр. 406)

См. примечание к рассказу «Солдат», стр. 671. Данный рассказ является второй редакцией переработки рассказа «Добросовестный дикарь» из хрестоматии К. Ушинского «Детский мир и хрестоматия», изд. 14-е, ч. I, СПб.

1873, стр. 15. Соседа, фигурирующего в этом рассказе, Толстой сначала заменил англичанином, а затем царем, и индейца — слугой.

«Как прошло лето...» (стр. 407)

Вольный перевод и местами переделка басни Эзопа «Пчелы и Трутни». В басне Эзопа пчелы не побивают трутней. На ту же тему имеется басня Лафонтена «Les Frelons et les Mouches». Переведена на русский язык О. Чюминой под заглавием «Шершни и пчелы».

[«Поспорили заяц с черепахой...»] (стр. 407)

Вольный перевод басни Эзопа «Черепаха и Заяц» (ср. с басней Лафонтена «Le Lièvre et le Tortue», переведенной на русский язык Г-том под заглавием «Заяц и черепаха»).

[«Увидал воробей...»] (стр. 408)

Вольный и местами сокращенный перевод басни Эзопа «Ласточка и Птица» (ср. с басней Лафонтена «L’Hirondelle et les petits Oiseaux», переведенной на русский язык Дмитриевым под заглавием «Ласточки и птички»).

[«*Пришла баба жать...*»] (стр. 408)

Переделка басни Эзопа «Змея и Крестьянин».

[«*Лев, медведь и волк вышли на добычу...*»]
(стр. 408)

Басня сохранилась в двух редакциях. Первая — в двух вариантах. Первый — на полях листа в курсе этимологии в качестве материала для грамматических упражнений. В этом варианте речь льва близка к речи последнего в басне Крылова «Лев на ловле» и в басне Эзопа «Лев и дикий Осел». Потом Толстой существенно переработал эту речь и дал в результате второй вариант басни. Этот вариант был переписан Д. Ф. Троицким-Воскресенским. Толстой, исправляя копию, перечеркнул весь лист и на полях его написал новую, вторую, редакцию, которая по содержанию приближается к басне Эзопа «Лев, Осел и Лисица». Медведь в басне Толстого и осел в басне Эзопа убиваются львом. Лисица в обеих баснях остается в живых.

[«*Вор украл лошадь в полку...*»] (стр. 408)

Переработка рассказа Хр. Шмидта «Кавалерийская лошадь» (ср. Хр. Шмидт, «200 рассказов для детей младшего возраста», перев. с нем. А. Н. Нееловой, СПб. стр. 79–80).

ГРАММАТИКА ДЛЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

В «Азбуке» издания 1872 г. основные правила правописания и пунктуации отмечались при помощи жирных шрифтов. Критика указывала на неудобство такого способа изучения грамматики, тем более, что охватить все грамматические формы и правила Толстому не удалось. Приступая к переработке «Азбуки», Толстой решил снять жирные шрифты, обозначающие разные виды грамматических упражнений, и написать особо учебник грамматики.

К работе по составлению грамматики Толстой приступил 20 апреля 1874 г. Этой датой помечен первый план (см. рук. № 1). Вслед за написанием первого плана Толстой набросал в продолжение ему второй план и план-конспект (см. вар. №№ 1 и 2). Эти планы легли в основу первой редакции «Грамматики» (см. вар. № 3).

Точно указать время написания «Грамматики» в первой редакции не представляется возможным. Вероятнее всего она была написана в конце 1874 г. В письме к Н. Н. Страхову от 10 мая 1874 г. Толстой сообщал: «Последнее время занимался.... Грамматикой и составил, как мне кажется, для народных школ такое, какое нужно, руководство этимологии и синтаксиса. Т. е. составил в голове и кратких записках для себя; но уже испытываю это в своей школе, и кажется, что хорошо».[359] Из этого письма видно, что Толстой еще не приступил к систематическому изложению «Грамматики», а сделал лишь наброски, планы ее. О писании «Грамматики» Толстой сообщил уже определенно в письме к А. А. Толстой от 29–31 октября 1874 г. «Кроме работы.... пишу — вы удивитесь — грамматику».[360] Об этом же он упоминал и в письмах к Н. Н. Страхову от 3–4 ноября и 23 декабря 1874 г.[361]

Таким образом, первая редакция была начата, вероятно, в октябре 1874 г. и закончена до 1 января 1875 г., так как на переписанном экземпляре рукописи первой редакции по-

ставлена переписчиком дата: «1874 года». После переписки «Грамматики» Толстой приостановил работу и снова вернулся к ней только в апреле 1875 г., когда он решил переработать список первой редакции заново. Но, прежде чем приступить к этой работе, Толстой предварительно сделал семь набросков плана новой редакции «Грамматики», иллюстрировав их большим количеством схем с переменами слов, и проделал целый ряд опытов с изменением глаголов по видам, наклонениям и залогам (см. рук. № 4). Одна схема перемен слова набросана простым карандашом в конце письма Е. И. Мегден к С. А. Толстой от 7 апреля 1875 г. Восемь схем сделаны на бланке «Русского вестника» с письмом редакции этого журнала к Толстому от 10 апреля 1875 г. Для некоторых опытов с изменением глагольных форм Толстой использовал четвертую чистую страницу письма Е. А. Берс к С. А. Толстой от 17 апреля (1875 г.). Этими датами и определяется время, когда Толстой возобновил свою работу над «Грамматикой». Предварительные наброски плана, схем и опытов с изменением глаголов Толстой завер-

шил составлением более пространный план, в котором объединены положения, намеченные в семи разрозненных набросках плана. Этот сводный план (см. вар. № 4) Толстой и положил в основу при переработке списка первой редакции. Все главы первой редакции Толстой переделал радикальным образом. Во второй редакции Толстой придал своей «Грамматике» более практический характер, введя в нее, в качестве материала для грамматического разбора, большое количество басен, взятых главным образом из «Азбуки».

Переработанная первая часть первого списка «Грамматики» — этимология — была вторично переписана. Перед начальными словами главы «Синтаксис», на полях, Толстой пометил: «не писать», а потом зачеркнул эту помету. Но все же вторая часть переработанного первого списка — синтаксис — осталась непереписанной.

Второй список «Этимологии» Толстой подверг переработке от начала до конца, в результате чего получилась третья редакция «Этимологии» (см. рук. № 6). В этой новой редакции Толстой придал своей «Этимологии»

еще более практический характер. Во второй редакции почти все главы начинались с теоретических положений, за которыми, в качестве иллюстрационного материала, следовали басни и отрывки статей. В новой же редакции в большинстве глав на первом месте поставлен конкретный материал — басни, а на втором — теоретические положения, являющиеся выводами из грамматического анализа конкретного материала. В этом заключается существенное отличие третьей редакции от второй.

Закончив переработку «Этимологии», Толстой взялся за новую радикальную переделку «Синтаксиса» на отдельных листах. Переделки его на этот раз коснулись почти исключительно первой и особенно второй главы «Синтаксиса» («Двойное соединение слов»), но и в этой части работа осталась далеко не завершённой. Сохранившиеся материалы по переработке этих глав «Синтаксиса» довольно значительны, но в большей своей части очень отрывочны. Расположить эти материалы в порядке их написания и проследить по ним процесс работы Толстого можно только пред-

положительно.

Первоначально Толстой набросал план первой главы «Синтаксиса» (см. вар. № 5), а затем план-конспект (вар. № 6). По этому плану-конспекту Толстой сделал набросок первого варианта второй редакции первой и второй главы «Синтаксиса» (вар. № 7). Этот вариант не удовлетворил Толстого. Вслед за тем он набросал один за другим шесть новых вариантов второй редакции, в которых варьировал один и тот же материал: определение согласования и управления и главного слова в речи и выяснение сущности предложения. Толстой, видимо, не находил способа для выяснения этих понятий, который был бы доступен для учеников сельской школы, и обрывал работу над этими вариантами в самом начале (см. вар. №№ 8–11).[362]

Оставив эти варианты, Толстой начал было писать новый план-конспект «Синтаксиса» (см. вар. № 12), но не закончил его. Вслед за тем он набросал третью редакцию «Синтаксиса», в основу которой легли положения нового незаконченного плана-конспекта и некоторые положения плана и плана-конспекта,

публикуемых в вариантах под №№ 5 и 6. В качестве начала этой редакции Толстой взял шестой вариант второй редакции, предварительно переработав его. В тексте ее Толстой дал между прочим разбор басни «Курица и змеиные яйца» с точки зрения согласования и управления слов, но потом зачеркнул этот разбор. Далее после определения предложения, он наметил для разбора басню «Галка и голуби» (см. вар. № 13). Конец этой редакции, где рассмотрены были семь видов соединения слов, Толстой целиком зачеркнул. Этот зачеркнутый конец и разбор басни «Курица и змеиные яйца» Толстой переработал и широко развернул в четвертой редакции «Синтаксиса» (см. вар. № 14). Таким образом, эти два места третьей редакции явились как бы предварительным наброском четвертой редакции. Разные виды соединения слов, составлявшие вторую половину редакции, и здесь были зачеркнуты. Толстой снова переработал этот конец и сделал его началом пятой редакции «Синтаксиса». В четвертой редакции знакомство с видами соединения слов дано было в довольно отвлеченной форме. В новой, пя-

той, редакции Толстой сделал попытку изложить эту часть более просто и конкретно, основывая свои выводы относительно разных видов соединения слов на предварительном разборе значительного числа простых фраз. Вторая часть пятой редакции, где дается разбор многословных фраз и определение главного слова в речи, представляет собою переработку двух мест, из которых одно взято из седьмого варианта второй редакции, а другое — из плана-конспекта (см. вар. № 12). Таким образом, пятая редакция в известной степени явилась сводной редакцией (см. вар. № 15). Но и эту редакцию, начинающуюся с определения согласования и управления слов, Толстой, очевидно, признал трудной для учеников сельской школы и оставил ее незавершенной. После этого он написал новую, шестую, редакцию, сделав в ней последнюю попытку перестроить свой курс синтаксиса заново и облечь его в форму, доступную для понимания учеников. На этот раз он взял свою басню «Рыбак и рыбка» и на разборе этого конкретного материала сначала выяснил, что слова в нашей речи соединены между со-

бой, а затем показал, какими способами соединяются эти слова. По сравнению с тремя предыдущими редакциями форма изложения этой редакции и способы объяснения, примененные в ней, более просты и доступны для учеников. Но все же и эта редакция осталась незаконченной. Вероятно, эта последняя попытка окончательно убедила Толстого в невозможности написать учебник грамматики применительно к пониманию учеников сельской школы, вследствие чего он и оставил свою большую работу не доведенной до конца.

В основу публикуемого текста «Грамматики для сельской школы» положены рук. № 6 (этимология в третьей редакции) и № 8 (синтаксис в шестой редакции).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. F°. План статьи под заглавием: «Грамматика для сельской школы». *Начало:* «20 апреля 1874». *Конец:* «и причастия, деепричастия».

Публикуется в вариантах под № 1.

2. Автограф. 1 л. F°. План статьи под заглавием: «Правописание». *Начало:* «Упражнения

грам[матические]». *Конец*: «Падежи. Роды. При».

Публикуется в вариантах под № 2.

3. Автограф. 12 л. 4°. Первая редакция статьи. Заглавие: «Грамматика». *Начало*: «Этимология. Разделение на слова». *Конец*: «сильный и опасный враг».

Публикуется в вариантах под № 3.

4. Автографы. 12 л. 4°, 2 л. F° и 20 отрезков разных размеров. Черновые наброски, планы, конспекты, записи.

Извлекаются варианты №№ 4 и 5.

5. 4 л. F° — автографы и 10 л. 4° — копии неизвестной рукой. *Начало*: «Как слова переменяются. Этимология». *Конец*: «сильный и опасный враг». Вторая редакция статьи, составленная из глав: 1. Как слова переменяются. Этимология. — 2. Имена и глаголы. — 3. Имена. — 4. Разделение имен на имена существительные и прилагательные. — 5. Разделение имен на имена и местоимения. — 6. Глаголы. — 7. Слова непеременимые. — 8. Синтаксис. — 9. Соединение предложений. — 10. Правила о знаках.

6. Рукопись, 15 л. 4°, написанная неиз-

вестной рукой, с большими исправлениями и дополнениями Толстого. Заключает в себе первую часть статьи — этимологию в третьей редакции. *Начало*: «Как слова переменяются». *Конец*: «другие для связи» [2 неразобр.]

7. Наброски, планы, конспекты второй редакции синтаксиса. Автографы. 2 лл. F°, 3 лл. 4° и 5 отрезков разной величины.

Извлекается вариант №№ 6–12.

8. Черновые наброски третьей — шестой редакции синтаксиса. 11 лл. 4°.

Извлекаются варианты №№ 13–15.

9. Разные мелкие черновые наброски. 3 лл. 4°

Рассказы и статьи, написанные для «Азбуки» и «Новой азбуки» и не включенные в них, а также и варианты, отмеченные двумя звездочками (**), опубликованы В. С. Спиридоновым в следующих изданиях: журнал «Резец», Л. 1935, № 22, ноябрь («Новые произведения Л. Н. Толстого», стр. 4–8); «Литературный современник», Л. 1935, № 11, ноябрь («Неопубликованные произведения Л. Н. Толстого», стр. 150–170); «Пионерская правда» 1935, № 135 от

20 ноября; «Еж» 1935, № 12, стр. 17; «Литературное наследство», М. 1939, № 35–36 («Рассказы и статьи для детей. Неизданные тексты», стр. 487–516); «Л. Н. Толстой. Русская книга для чтения», Детгиз, М. — Л. 1946, стр. 269–299.

«Грамматика для сельской школы» — в книге: «Ленинградский педагогический институт им. М. Н. Покровского. Ученые записки. Факультет языка и литературы», т. 4, вып. 2, Л. 1940, стр. 283–310.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	V
Редакционные пояснения	XXXIX
ПРОИЗВЕДЕНИЯ	
Новая азбука (1874–1875)	1
Первая русская книга для чтения (1875)	101
Вторая русская книга для чтения (1875)	143
Третья русская книга для чтения (1875)	201

Четвертая русская книга для чтения (1875 и 1885)	263
ОПЕЧАТКИ	
«Новая азбука», М. 1875	330
ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ	
«Бог правду видит, да не скоро правду скажет»	332
«Кавказский пленник»	334
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕЗАКОНЧЕННОЕ И НЕОТДЕЛАННОЕ	
Произведения, написанные для «Азбуки» и не включенные в нее (1871–1872)	341
Произведения, написанные для «Новой азбуки» и не включенные в нее	389
[Ответ критикам, писавшим об «Азбуке»] (1873)	409

Грамматика для сельской школы (1874–1875)	412
---	-----

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

«Азбука»	427
«Новая азбука»	502
Грамматика для сельской школы	517

КОММЕНТАРИИ

В. С. Спиридонов и В. С. Мишин	
«Азбука» и «Новая азбука»	
История писания и печатания	547
Описание рукописей	594

| В. С. Спиридонов |

Примечания:

«Новая азбука»	607
«Первая русская книга для чтения»	623
«Вторая русская книга для чтения»	633
«Третья русская книга для чтения»	645

«Четвертая русская книга для чтения»	658
«Произведения, написанные для «Азбуки» и не включенные в нее»	671
«Произведения, написанные для «Новой азбуки» и не включенные в нее»	676
Грамматика для сельской школы	
История писания	687
Описание рукописей	690

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л. Н. Толстой, 1873. Художник И. Н. Крамской. Между стр. IV и V.

Отрывок из третьей редакции «Новой азбуки». Между стр. 12 и 13.

«Грамматика для сельской школы». Одна из схем перемен слов. Между стр. 412–413.

Рисунки Толстого на обороте листа первого плана «Азбуки». Между стр. 426–427.

Черновая рукопись басни «Лягушка и Лев», рассказа без заглавия («Летним днем...») и начала сказки «Царь и Сокол». Между стр. 434–435.

Начало варианта былины «Вольга Богатырь». Между стр. 476–477.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.

Редактор Н. С. Родионов

Технический редактор Л. М. Сутина
Корректор В. Н. Знаменская
Сдано в набор 29/VIII 1956 г. Подписано
к печати 8/X 1957 г. Бумага 68×100^{1/16}.
45,5 печ. л. 45,5 усл. печ. л. 43,61 уч. —
изд. л. + 6 вкл. = 44.03 л. Тираж 5000.
Зак. 1566.

Гослитиздат

Москва, Б-66. Ново-Басманная. 19.

Ленинградский Совет народного хозяй-
ства.

Управление полиграфической промыш-
ленности. Типография № 1 «Печатный
Двор» имени А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинская 26.

Сноски

Т. 62, стр. 130.

[^^^]

Т. 60, стр. 436.

[^^^]

Т. 61, стр. 269.

[^^^]

Т. 61, стр. 338.

[^^^]

Т. 8, стр. 60.

[^^^]

Там же, стр. 61.

[^^^]

Там же, стр. 365.

[^^^]

«Воспитание», 1863, т. XIII, кн. I, стр. 1–16.

[^^^]

Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, Гослитиздат, М. 1951, стр. 515.

[^^^]

«О методах обучения грамоте» — журнал «Ясная Поляна», февраль 1862 г. (см. т. 8, стр. 135).

[^^^]

Т. 8, стр. 52.

[^^^]

Там же, стр. 65.

[^^^]

Т. 8, стр. 68.

[^^^]

Там же, стр. 68–69.

[^^^]

Т. 8, стр. 71–72.

[^^^]

Там же, стр. 72.

[^^^]

Там же, стр. 72.

[^^^]

Там же, стр. 96.

[^^^]

Т. 8, стр. 106.

[^^^]

Там же, стр. 108.

[^^^]

Т. 48, стр. 167–178.

[^^^]

Т. 8, стр. 395.

[^^^]

Там же, стр. 247.

[^^^]

Т. 17, стр. 71.

[^^^]

Т. 48, стр. 168.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Там же, стр. 172.

[^^^]

Т. 48, стр. 175.

[^^^]

Там же, стр. 178.

[^^^]

Т. 17, стр. 98.

[^^^]

Там же, стр. 104.

[^^^]

Там же, стр. 107.

[^^^]

См. т. 17, стр. 108–111.

[^^^]

«Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого,
29 октября 1905 г., журнал «Октябрь», 1937,
№ 1, стр. 248.

[^^^]

«Воспоминания о Л. Н. Толстом ученика Ясно-
полянкой школы В. С. Морозова», М. 1917,
стр. 55, 77.

[^^^]

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

[^^^]

Так в подлиннике.

[^^^]

Т. 8, стр. 394.

[^^^]

Т. 48, стр. 93–95, 130–162.

[^^^]

Т. 8, стр. 377.

[^^^]

Там же, стр. 378.

[^^^]

Т. 17, стр. 123.

[^^^]

Там же, стр. 131–132.

[^^^]

Т. 8, стр. 48.

[^^^]

Т. 62, стр. 32.

[^^^]

Подробно об этом см. статью «История писания и печатания».

[^^^]

Т. 62, стр. 12.

[^^^]

Т. 61, стр. 349.

[^^^]

Т. 62, стр. 32–33.

[^^^]

Т. 17, стр. 71.

[^^^]

Там же, стр. 331.

[^^^]

Так, в 1917 и в 1918 годах московское издательство «Задруга» выпустило два издания «Азбуки» Л. Н. Толстого. Второе издание «Азбуки» Л. Н. Толстого было набрано и опубликовано по новому правописанию под наблюдением и с предисловием проф. П. Н. Сакулина. «Книга для чтения» Л. Н. Толстого также была переиздана в 1921 году.

[^^^]

А. И. Елизарова, «Л. Н. Толстой. Книга для чтения» — «Печать и Революция», 1922, кн. VII, стр. 328.

[^^^]

Цит. по изданию: Л. Н. Толстой, «Русская книга для чтения», Детгиз, 1946, стр. 311.

[^^^]

С. Маршак, «Литература — школе», «Новый мир», 1952, июнь, стр. 201.

[^^^]

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

[^^^]

Подробные указания о приемах слухового способа изложены в конце Азбуки.

[^^^]

Лондон — главный город у англичан.

[^^^]

Париж — главный город у французов.

[^^^]

Место, где ставят пчел.

[^^^]

Соломенные жгуты, чтоб вязать снопы.

[^^^]

Молодой олень.

[^^^]

На тутовом дереве растут ягоды — похожи на малину, а лист похож на березовый; этим листом кормят шелковичных червей.

[^^^]

64

Металлы: золото, серебро, медь, железо, олово, ртуть и другие.

[^^^]

Звери, похожие на маленьких волков.

[^^^]

Корда — веревка, для того, чтобы по кругу гонять лошадей.

[^^^]

Секач — двухгодовалый кабан с острым, не загнутым клыком.

[^^^]

У обезьян 4 руки.

[^^^]

Морские птицы.

[^^^]

Репица — та часть хвоста, где на нем есть мясо.

[^^^]

Аул — татарская деревня.

[^^^]

Указаны лишь наиболее грубые опечатки.

[^^^]

Зачеркнуто: рабочие люди наклали телегу полную песком и не могли ее сдвинуть.

[^^^]

Зач.: они ходили в лес, набрали грибов и заснули.

[^^^]

Первоначальное заглавие было: Игра в прятки с домом. Последние два слова Толстой зачеркнул и над ними надписал: волка, очевидно, по рассеянности не зачеркнув: прятки

[^^^]

Слово разрезать написано дважды.

[^^^]

Зачеркнуто: Волхвы были такие люди, которые отгадывали, что с людьми будет. Олег призвал волхвов и сказал: Скажите, что со мной будет, скоро ли я умру и от чего мне смерть приключится.

[^^^]

Зачеркнуто: и кормить, и поить его, но никогда на нем ездить. Так и сделали. Прошло 10 лет.

[^^^]

Зач.: Слуги Олеговы отвечали: Конь твой жил долго, мы кормили и поили, и никто на нем не ездил. Он стал стар и умер. Олег и сказал: Волхвы мне неправду сказали. И я напрасно им поверил. Если бы я им не поверил, я бы ездил на этом коне. А другого такого у меня не было. И Олегу очень жалко стало коня. Он и спросил: Куда же вы его положили? Слуги сказали: Мы его бросили. Волки его съели. Одни кости остались.

[^^^]

В подлиннике: близко лес

[^^^]

Когда я лег спать, мне приснилось, что все мыши на свете собраны в один сарай, и что у меня в руках огонь, и кто-то говорит мне: Вот, если хочешь, зажги сарай, и ты погубишь всех мышей за то, что они испортили твои яблони. И я будто обрадовался и захотел сжечь сарай; но тут вдруг выскочили лисицы и стали просить меня, чтобы я не жег мышей.

[^^^]

*Слова: все живые и все по почкам облипли
инеем вставлены в корректуре-верстке.*

[^^^]

На полях против последних двух фраз написано: Волки по следу.

[^^^]

В подлиннике: октября

[^^^]

Солнце и месяц, когда заходят и выходят, кажутся больше, чем когда стоят высоко на небе. За тридцать аршин по земле посмотри на человека, и он покажется гораздо больше, чем если посмотреть на того человека, когда он влезет на дерево в 30 аршин. На колокольне крест кажется мал, а сколько вышины колокольни? посмотри крест на земле, он покажется велик.

[^^^]

Меряют углами вот как: Возьми ровный деревянный круг (латок). Назначь середину. Отколи ровно половину. Эту половину раздели пополам, каждую четвертушку еще пополам и еще пополам, так что на половинке вышло 180 делений. Деления эти назначь ножичком на конце полукруга. Утверди полукруг так, чтоб его можно было поворачивать и чтоб он стоял твердо. Полукруг намажь на палец густой глиной. Если хочешь смерять расстояние между двумя звездами, наведи полукруг так, чтобы тебе видно было и ту и другую звезду. Посмотри на одну через полукруг из середины и проведи палочкой от глаза к звезде до края круга, потом посмотри на другую из той же середины и проведи палочкой другую черту по глине от глаза до края полукруга. Две черты сойдутся углом. Посмотри по нарезам, сколько делений между двумя чертами. Если дальше звезда от звезды, то угол будет больше, если меньше, то угол меньше. Так меряют расстояние между звездами и проверяют. И всегда расстояние одно и то же.

[^^^]

На полях, против этого места, написано:
кот[орый] час

[^^^]

На полях между пятой и шестой главами написано: Как обор. полог. Наклонение оси. Солнце на экваторе. Движение солнца — и луна.

[^^^]

На полях против этой фразы написано: Север и юг. Солнце остановить, движение. Луна. Кометы, планеты. Расстояние звезд. Переворот. Солнце заслоняет звезды.

[^^^]

На полях написано: Планеты, луна солнце (последн.) заслоняют. *Расстояния.* Если б посадили на верт. <столб и стали бы вертеть> и вертится земля на оси, а солнце ходит. Путь планет. Не ходит ли земля. То ли же будет?

[^^^]

Дальше поперек страницы помечено: Планеты, солнце, месяц особо ходят и ближе. Как далеко? Смерить до месяца, до солнца, до больших звезд.

[^^^]

В подлиннике: ни ближе

[^^^]

Слово: где написано дважды.

[^^^]

Далее на полях помечено: Не нужно ходить далеко, $\frac{1}{10}$ довольно. Для этого круг разделить. Солнце, луна.

[^^^]

На полях против этой фразы помечено: циркуль.

[^^^]

Зачеркнуто: медом.

[^^^]

В подлиннике: козел

[^^^]

Зачеркнуто: <пропасть> овраг.

[^^^]

В подлиннике: В СВОЮ КРОВЬ

[^^^]

В подлиннике: правду

[^^^]

В подлиннике слово: он написано дважды.

[^^^]

В подлиннике: КНИГ

[^^^]

Зачеркнуто: труде, кот. мне стоило составле-
ние ее,

[^^^]

Ударение Толстого.

[^^^]

Слово: журналистов написано поверх зачеркнутого: критиков

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Это слово подчеркнуто дважды.

[^^^]

Далее следует текст, зачеркнутый Толстым. На полях против зачеркнутого текста написано: Еще имена числительные. Особая перемена по тому, как считать одно, одного, пятый.

[^^^]

В подлиннике: сидят

[^^^]

В подлиннике: 4)

[^^^]

В подлиннике: 36

[^^^]

[день.]

[^^^]

123

[вороненок.]

[^^^]

[расточительная мышь.]

[^^^]

[Принц и его конюх.]

[^^^]

[Кот и крыса.]

[^^^]

[Попугай.]

[^^^]

[Avadânas — неловкий льстец.]

[^^^]

[Крестьянка и ее дочь.]

[^^^]

[Сын короля.]

[^^^]

В подлиннике эта фраза написана дважды.

[^^^]

Зачеркнуто: <ИЗДОХ> КОНЧИЛСЯ.

[^^^]

В подлиннике: она

[^^^]

Зачеркнуто: верно, не был слеп. Он увидел

[^^^]

Ударение Толстого.

[^^^]

Так в подлиннике.

[^^^]

В подлиннике: Синеун

[^^^]

В подлиннике: городам

[^^^]

Слово: ложка приписано рукой С. А. Толстой.

[^^^]

Слово: кстати приписано рукой С. А. Толстой.

[^^^]

Слова: юбка, овцы, огни, осина приписаны рукой С. А. Толстой.

[^^^]

*Слова: берёза, верёвка приписаны рукой
С. А. Толстой.*

[^^^]

В подлиннике: гласных

[^^^]

В подлиннике: у

[^^^]

В подлиннике: пища

[^^^]

В подлиннике: ходил

[^^^]

В подлиннике: мне

[^^^]

В подлиннике: слышал

[^^^]

В подлиннике: он

[^^^]

В подлиннике: следов

[^^^]

Зачеркнуто: В Рязань послали узнать, сколько у убитого купца было денег и в каких были деньги (бумажках) и в каком бумажнике. Узнали, что у убитого купца было 20 000 денег и они были в билетах и в красном бумажнике;

[^^^]

На полях против этой фразы написано: с грешком

[^^^]

Зачеркнуто: Денег этих не нашли на Аксенове, но думали, что он их спрятал.

[^^^]

Зач.: а тому же, что он украл деньги, одни верили и говорили, что он украл их и спрятал или передал, а другие не верили и говорили, что деньги нашли на нем только его собственные, а что коли он ножа не спрятал, он и денег не спрятал.

[^^^]

*На полях против этой фразы написано: боль-
ней кнута. Солдат веселы[й] с ним воз-
вращ[ается]. Злодей оправляется.*

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Зачеркнуто: Деду[шка]

[^^^]

Слово: Не поймали написано поверх слов: не могли добыть ни, которые случайно остались незачеркнутыми.

[^^^]

Ударение Толстого.

[^^^]

Ударение Толстого.

[^^^]

В подлиннике: уважается

[^^^]

В подлиннике: высказывали

[^^^]

Ударение Толстого.

[^^^]

Эта тема обведена чертой.

[^^^]

Тема написана на полях другими чернилами
и обведена чертой.

[^^^]

Тема написана на полях другими чернилами
и обведена чертой.

[^^^]

Тема написана на полях другими чернилами
и обведена чертой.

[^^^]

Тема написана на полях другими чернилами
и обведена чертой.

[^^^]

Тема написана на полях другими чернилами
и обведена чертой.

[^^^]

Тема написана на полях другими чернилами
и обведена чертой.

[^^^]

Тема написана на полях другими чернилами
и обведена чертой.

[^^^]

В подлиннике: в-у —

[^^^]

В подлиннике: сделайте.

[^^^]

В подлиннике: доброму

[^^^]

*На полях против этого абзаца поставлены
ломанные скобки и сделано добавление: 2. пер-
вый признак перемены по числу*

[^^^]

В подлиннике: бабы.

[^^^]

Между первым и вторым пунктами наискось помечено: Водовозова. Паульсон. Родное слово.

[^^^]

В подлиннике: ... думая попасть на псарню, попал в овчарню.

[^^^]

В подлиннике: ... думая попасть на псарню, попал в овчарню.

[^^^]

В подлиннике: думал

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Слово: с написано дважды.

[^^^]

*Слово: ружьем зачеркнуто и над ним написано
рукой переписчика: дубьем.*

[^^^]

На полях помета: Мест. после существ. и прил.

[^^^]

*На полях помета: [1 неразобр.] по падежам
особен. роды.*

[^^^]

На полях против этого абзаца помета: по родам особен. усеч. и степ.

[^^^]

Против этой фразы на полях поставлен вопрос.

[^^^]

В подлиннике: **СТОИТ**

[^^^]

В подлиннике: называются:

[^^^]

В подлиннике: Дороже здоровья богатство.

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Можно прочесть: часов[ой]

[^^^]

В подлиннике родится написано дважды.

[^^^]

См. наст. том, стр. 410.

[^^^]

Т. 48, стр. 82.

[^^^]

Т. 8, стр. 373.

[^^^]

Т. 48, стр. 62.

[^^^]

Там же, стр. 63.

[^^^]

Там же, стр. 66.

[^^^]

Т. 61, стр. 82.

[^^^]

Там же, стр. 116.

[^^^]

Конспект этот в настоящем томе не печатается, он опубликован в т. 48, стр. 167–179.

[^^^]

Т. 61, стр. 269.

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 30.

[^^^]

Т. 61, стр. 245.

[^^^]

Т. 61, стр. 247.

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 33.

[^^^]

Т. 61, стр. 256.

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 34.

[^^^]

Т. 61, стр. 321–322.

[^^^]

Т. 61, стр. 283.

[^^^]

В. А. Вейкшан, «Л. Н. Толстой о воспитании и обучении», изд. Академии педагогических наук, М. 1953, стр. 125.

[^^^]

Т. 61, стр. 274.

[^^^]

Т. 61, стр. 283.

[^^^]

С. Л. Толстой, «Очерки былого», Гослитиздат,
М. 1949, стр. 89 и 91.

[^^^]

Там же, стр. 79–80.

[^^^]

«Ясная Поляна. Статьи и документы». Огиз — Госполитиздат, М. 1942, стр. 101–102. См. еще стр. 290 наст. тома.

[^^^]

Т. 61, стр. 277–278.

[^^^]

В. В. Нагорнова.

[^^^]

Все цитируемые письма, при которых не указан источник, не опубликованы и хранятся в ГМТ.

[^^^]

К. А. Иславин.

[^^^]

См. вариант № 1 — «Записи к «Азбуке», стр. 427–428.

[^^^]

Няня С. А. Толстой.

[^^^]

Т. 8. стр. 302.

[^^^]

См. вариант № 2 — «Наброски тем, статей и рассказов для «Азбуки», I, стр. 428–430.

[^^^]

[совершенно]

[^^^]

Т. 61, стр. 307.

[^^^]

См. вариант № 3 — «Оглавление кн. I», стр. 432–433.

[^^^]

Т. 61, стр. 283.

[^^^]

Т. 61, стр. 289.

[^^^]

Там же, стр. 269.

[^^^]

Т. 48, стр. 92.

[^^^]

Т. 61, стр. 289.

[^^^]

Там же, стр. 297.

[^^^]

См. т. 48, стр. 92–93, 130–162.

[^^^]

См. т. 61, стр. 276.

[^^^]

См. вариант № 2 — «Наброски тем статей и рассказов для «Азбуки», II–IV, стр. 430–432.

[^^^]

См. стр. 366–376.

[^^^]

См. стр. 376–380.

[^^^]

Т. 61, стр. 271.

[^^^]

Там же, стр. 277.

[^^^]

Там же, стр. 271.

[^^^]

Там же, стр. 274.

[^^^]

Т. 61, стр. 269.

[^^^]

А. Н. Бибиков.

[^^^]

Т. 61, стр. 276.

[^^^]

Там же, стр. 274.

[^^^]

Т. 61, стр. 282.

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 102.

[^^^]

Там же, стр. 104.

[^^^]

Т. 61, стр. 287–288.

[^^^]

Там же, стр. 289.

[^^^]

Там же, стр. 289–290.

[^^^]

Там же, стр. 291–292.

[^^^]

[рядом.]

[^^^]

См. т. 61, стр. 292.

[^^^]

Там же, стр. 294–295.

[^^^]

Т 61, стр. 295–298.

[^^^]

Она неизвестна.

[^^^]

См. т. 61, стр. 299–300.

[^^^]

Т. 61, стр. 301.

[^^^]

Там же, стр. 303.

[^^^]

Т. 61, стр. 306.

[^^^]

Т. 61, стр. 304 и 305.

[^^^]

Там же, стр. 304.

[^^^]

Т. 83, стр. 208.

[^^^]

Т. 61, стр. 303–304.

[^^^]

Имеется в виду рассказ «Пугачев». См. прим. к рассказу «Как тетушка рассказывала о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник», стр. 631.

[^^^]

Т. 61, стр. 304–305.

[^^^]

См. там же, стр. 305.

[^^^]

Там же, стр. 306–308.

[^^^]

См. там же, стр. 310.

[^^^]

В т. 61 письмо это ошибочно датировано 29 сентября 1872 г., в то время как оно по содержанию является следующим за письмом от 28 августа и предшествует письму от 15 сентября. См. стр. 321–322.

[^^^]

Т. 61, стр. 310.

[^^^]

См. там же, стр. 321.

[^^^]

Там же, стр. 322.

[^^^]

Т. 61, стр. 313.

[^^^]

Там же, стр. 320–321.

[^^^]

Там же, стр. 323.

[^^^]

Т. 61, стр. 326–388.

[^^^]

См. ПИСЬМО № 408, т. 61, стр. 325.

[^^^]

См. там же, стр. 328.

[^^^]

Письмо публикуется впервые. В т. 61 оно пропущено. См. т. 90.

[^^^]

См. письма №№ 410 и 412, т. 61, стр. 328 и 330.

[^^^]

Текст напечатанного объявления см. в т. 61, стр. 331 (прим. 2 к письму № 412).

[^^^]

Там же, стр. 330.

[^^^]

Там же, стр. 331.

[^^^]

См. т. 61, стр. 336.

[^^^]

Там же, стр. 336.

[^^^]

См. там же, №№ 404, 407, 408, 409, 412. Письма Толстого к П. А. Берсу неизвестны. Письма П. А. Берса не опубликованы; хранятся в ГМТ.

[^^^]

Там же, стр. 324.

[^^^]

Текст письма, посланный Д. А. Толстому, неизвестен. Сохранился черновик письма, см. т. 61, стр. 338–339. Помимо этого черновика, сохранился и другой, написанный с просьбой рассмотреть в «Азбуке» отдел арифметики и дать о нем печатный отзыв. Письмо это было адресовано, очевидно, В. Я. Буняковскому, ответившему Толстому «на 20 страницах» (см. п. к Н. Н. Страхову от 17 декабря 1872 г., т. 61, стр. 349). В т. 61 этот черновик ошибочно помечен вторым вариантом письма к Д. А. Толстому (см. т. 61, стр. 339–340).

[^^^]

См. наст. том, стр. 409–411.

[^^^]

Помимо указанных отзывов известны еще: отрицательный — в церковной газете «Современность» (1873, №№ 23 и 24); и более или менее положительные в журналах — «Народная школа» (1873, 6, стр. 59–64) и «Детский сад» (1873, 1, стр. 49–52).

[^^^]

Т. 62, стр. 12.

[^^^]

См. там же, стр. 32–33.

[^^^]

Т. 61, стр. 349.

[^^^]

Т. 62, стр. 9.

[^^^]

Т. 62, стр. 81.

[^^^]

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым»,
СПб. 1914, стр. 50–52.

[^^^]

Архив Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения за 1874 год, № 200.

[^^^]

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым»,
СПб. 1914, стр. 102–103.

[^^^]

См. т. 17, стр. 331–335.

[^^^]

Т. 62, стр. 130.

[^^^]

В т. 62 (стр. 153) письмо это датировано концом февраля 1875 г. Это неверно. Оно несомненно относится к первым числам февраля 1875 г., так как речь идет о корректуре 1-го листа первой части «Новой азбуки», а в письме, помеченном в т. 62 серединой февраля 1875 г. (№ 137), Толстой говорит о получении уже первого листа второй части (см. № 137, стр. 140).

[^^^]

См. т. 62, № 132, стр. 137. Письмо это датировано также неверно. Следует: 1875 г. февраля после 20-го.

[^^^]

Т. 62, стр. 152–153.

[^^^]

Там же, стр. 157.

[^^^]

Там же, стр. 158–159.

[^^^]

Там же, стр. 171.

[^^^]

Т. 62, стр. 171–172.

[^^^]

Там же, стр. 174.

[^^^]

Там же, стр. 177.

[^^^]

Там же, стр. 183.

[^^^]

Т. 62, стр. 204.

[^^^]

Там же, стр. 186.

[^^^]

Там же, стр. 185.

[^^^]

Т. 62, стр. 484.

[^^^]

Там же, стр. 172.

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой 1891–1897», М. 1929,
стр. 63.

[^^^]

Т. 62, стр. 120.

[^^^]

Т. 83, стр. 220.

[^^^]

Т. 62, стр. 200.

[^^^]

См. там же, стр. 201.

[^^^]

Там же, стр. 241.

[^^^]

Там же, стр. 484–485.

[^^^]

Т. 83, стр. 531.

[^^^]

Т. 62, стр. 241.

[^^^]

Там же, стр. 257.

[^^^]

[Отдых от работы.]

[^^^]

Сохранившиеся рукописные материалы произведений, входящих в «Новую азбуку», расположены в рук. №№ 8, 11 и 13. Названия произведений, о работе над которыми не имеется никаких данных, в примечания не вводятся.

[^^^]

Указываются номера рукописей «Азбуки».

[^^^]

Т. 61, стр. 304.

[^^^]

Т. 61, стр. 304.

[^^^]

Т. 61, стр. 240.

[^^^]

См. Н. Лысцов, «Из литературных воспоминаний» («Русские ведомости» 1903, № 20 от 20 января).

[^^^]

См. стр. 341.

[^^^]

Т. 61, стр. 270.

[^^^]

Там же, стр. 274.

[^^^]

Там же, стр. 307.

[^^^]

Т. 85. стр. 139–141.

[^^^]

См. т. 85, стр. 268.

[^^^]

Там же, стр. 267.

[^^^]

Т. 61, стр. 270.

[^^^]

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым».
СПб. 1914, № 3.

[^^^]

Т. 61, стр. 309.

[^^^]

Там же, стр. 313.

[^^^]

См. Т[орнау], «Воспоминания кавказского офицера» («Русский вестник» 1864, № 11–12).
См. также: В. М. Попов, «Историко-литературный источник «Кавказского пленника» («Летописи Государственного литературного музея», М. 1948. кн. 12, стр. 190–192).

[^^^]

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым»,
СПб. 1914, № 3.

[^^^]

Т. 61, стр. 278.

[^^^]

См. т. 85, стр. 140–141.

[^^^]

Там же, стр. 139. См. также «Печатные варианты», стр. 334–338.

[^^^]

Рукописные материалы этих произведений
входят в состав рук. №№ 4 и 5.

[^^^]

См. т. 48, стр. 92–95.

[^^^]

Рукописные материалы всех дальнейших произведений расположены в рук. №№ 11 и 13.

[^^^]

Т. 62, стр. 89.

[^^^]

Там же, стр. 118.

[^^^]

См. там же, стр. 121 и 128.

[^^^]

Здесь публикуются варианты: второй, третий, четвертый и седьмой.

[^^^]